



VEDA
vydavateľstvo
Slovenskej
akadémie
vied

SLOVENSKÁ AKADÉMIA VIED
Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra

VEDECKÝ REDAKTOR
Prof. PhDr. Pavol Žigo, CSc.

RECENZENTI
Mgr. Mária Košková, CSc.
Doc. Mgr. Jaromír Krško, PhD.

EDITORKA
Mgr. Katarína Balleková, PhD.

J A Z Y K O V E D N É

Š T Ú D I E & XXVIII

Súradnice súčasnej slovanskej
dialektológie



VEDA
vydavateľstvo
Slovenskej
akadémie
vied
Bratislava
2010

© Katarína Balleková, Júlia Behýlová, Anita Celinić, Christina Dejkova, Silvia Duchková, † Ladislav Dvonč, Ľubica Dvornická, Tatiana Grigorjanová, Katarína Habovštiaková, Pavlo Hrycenko, Martina Ireinová, Ján Kačala, Renáta Kamenárová, Elena Kiaeva, Hana Konečná, Rudolf Krajčovič, Ľubor Králik, Július Lomenčík, Mijo Lončarić, Milan Majtán, Anna Maričová, Mira Menac-Mihalić, Soňa Milenkovska, Gabriela Múcsková, Angelina Pančevska, Martin Pukanec, Anna Rácová, Anna Ramšáková, Ivor Ripka, Janusz Siatkowski, Jana Skladaná, Miloslav Smatana, Margarita Tetovska-Troeva, Zuzanna Topolińska, Juraj Vaňko, Žanna Ž. Varbot, Tatiana I. Vendina, Štefan Vragaš, Pavol Žigo, Mária Žiláková 2010

Zborník Jazykovedné štúdie XXVIII je zostavený z príspevkov, ktoré odzneli na medzinárodnom vedeckom seminári venovanom životnému jubileu prom. fil. Adriany Ferenčíkovej, CSc., ktorý sa konal 7. januára 2010 v Bratislave. Okrem účastníkov seminára do zborníka prispeli aj ďalší autori, ktorí si takto uctili svoju priateľku, kolegyňu i školiteľku.

Seminár organizačne pripravili Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied, Univerzitná knižnica v Bratislave a Slovenská jazykovedná spoločnosť pri Slovenskej akadémii vied.

Jazykovedné štúdie XXVIII sú súčasťou riešenia grantových úloh 2/0028/08 *Slovník slovenských nárečí* a 2/0076/08 *Slovenský jazykový atlas*, ktoré čiastočne financuje Vedecká grantová agentúra Ministerstva školstva SR a Slovenskej akadémie vied VEGA.

ISBN 978-80-224-1171-4



Jubilujúcej prom. fil. Adriane Ferenčíkovej, CSc.,
so želaním naplnenia svojich výskumných i osobných mēt
pripisujú priatelia a kolegovia

OBSAH

Slovo na úvod (Pavol Žigo)	11
-----------------------------------	----

I. LINGVISTICKÁ GEOGRAFIA A SLOVANSKÝ JAZYKOVÝ ATLAS

Ivor Ripka <i>Multilingválne atlasy a slovenská dialektológia</i> Multilingual Atlases and Slovak Dialectology	15
Zuzanna Topolińska <i>OLA nosi piętno swego czasu</i> The Slavic Linguistic Atlas bears the mark of its time	23
Татьяна Ивановна Вендина <i>Словацко-русские лексические соответствия в пространственно-временном аспекте</i> Slovak-Russian lexical correspondences in the spatial and temporal aspect	28
Pavol Žigo <i>Interpretácia morfológických štruktúr v Slovanskom jazykovom atlase</i> Interpretation of Morphological Structures in <i>Slavic Linguistic Atlas</i>	55
Renáta Kamenárová <i>Paradigmatika maskulín v Slovanskom jazykovom atlase</i> Paradigms of Masculine Substantives in the <i>Slavic Linguistic Atlas</i>	72
Жанна Жановна Варбот <i>Русские этимологии на словацко-чешском фоне</i> Russian etymologies on Slovak-Czech background	79
Janusz Siatkowski *Obličje, *obličajъ ,twarz' w dialektach i w historii języków słowiańskich *Obličje, *obličajъ ,face' in dialects and history of Slavic languages	83
Martina Ireinová <i>Jméno František v českých nářečích a v pomístních jménech na Moravě a ve Slezsku</i> The Name František in Czech Dialects and Minor Place Names in Moravia and Silesia	89
Hana Konečná Borovice v českých nářečích a v pomístních jménech na Moravě a ve Slezsku Pine-tree in Czech dialects and minor place names in Moravia and Silesia	96

II. LEXIKOGRAFIA A SLOVNÍK SLOVENSKÝCH NÁREČÍ

Ľubor Králik <i>Nárečová lexicografia a etymológia II (na materiáli 2. zväzku Slovníka slovenských nárečí)</i> Dialectal Lexicography and Etymology II (based on the 2 nd volume of the <i>Dictionary of Slovak Dialects</i>)	105
Katarína Balleková <i>Spracovanie pradiarskych a tkáčskych termínov v Slovníku slovenských nárečí</i> Treatment of Spinning and Weaving Terminology in the <i>Dictionary of Slovak Dialects</i>	122

Štefan Vragaš <i>Koncepcná príprava a lexikografické spracovanie dvojzväzkového Teologického a náboženského slovníka</i> Konzeptionverarbeitung und ihre lexikographische Bearbeitung des zweibändigen Wörterbuchs <i>Teologický a náboženský slovník</i>	129
III. DEJINY JAZYKA	
Mijo Lončarić <i>Etnonimski pridjev slovenski u Hrvata</i> Das etnonymische Adjektiv <i>slovenski</i> bei den Kroaten	137
Rudolf Krajčovič <i>Z historickej lexiky západoslovenských nárečí</i> From Historical Lexicon of West Slovak Dialects	149
Martin Pukanec <i>Tri teórie o pôvode slovenčiny: migračno-integračná, kmeňová a koinéová</i> Three Theories on the Development of Slovak: Migration and Integration Theory, Tribe Theory and Koiné Theory	155
IV. DIALEKTOLÓGIA AKO STUDNICA REČI	
Miloslav Smatana <i>Niekoľko paralel medzi turčianskym a rajeckým nárečím</i> Several parallels between dialects of Turiec and Rajec regions	167
Mária Žiláková <i>Prvky turčianskeho nárečia v slovenských dialektoch v Maďarsku</i> Dialectal elements of Túróc county in the Slovakian dialects in Hungary	177
Jana Skladaná <i>Receptár turčiansky zo 17. storočia</i> Turiec Region Book of Recipes from 17 th Century	183
Július Lomenčík <i>Roľnícka usadlosť v Málineci (Zo studnice novohradského nárečia)</i> A Homestead in Málinec (From a Fount of Novohrad Dialect)	187
Silvia Duchková <i>Chvála koreňom</i> Commendation to the Roots	192
Ľubica Dvornická <i>Niekoľko lexém označujúcich dážď so slnkom v slovenských nárečiach</i> Several Lexemes that term <i>Rain with Sunshine</i> in Slovak Dialects	195
Anna Maričová <i>Z láski (Do taniera)</i> Presenting Money to the Bride and Groom at the Wedding (Collecting Money onto a Plate)	206
Gabriela Múcsková <i>Meno ruže v „jazykovom (nárečovom) obraze sveta“</i> Name of Rose in the „Language (dialect) Picture of the World“	209

V. JAZYKY V KONTAKTOCH A VZŤAHY V JAZYKU

Juraj Vaňko

Mnogaja i blagaja leta

229

„Mnogaja i blagaja leta“ („Auf viele und gute Jahre“)

Павло Гриценко

Локалізми у структурі діалектної мови I

236

Local elements (localisms) in the structure of a dialect I

Ján Kačala

Imperativne vety z hľadiska členitosti jadra vety

246

Imperative sentences from the point of view of a sentence core structure

Milan Majtán

Chybne používané skrátené predložkové tvary osobných zámen 3. osoby

258

Mistakes in Usage of Shortened Prepositional Forms of Personal Pronouns of the 3rd Person

Соња Миленковска

*Местото на акузативната и дативната именска синтагма во немаркиран редослед
во простата словенска реченица*

261

The Position of Accusative and Dative Noun Phrase in Unmarked Order in the Slavic Simple Sentence

Ангелина Панчевска

Експресивната функција на заменките во разговорниот македонски јазик

266

Expressive Function of Pronouns in Spoken Macedonian Language

Елена Кяева

Названия за действия (nomina actionis) в българските диалекти

272

Names for actions (nomina actionis) in Bulgarian spoken language

Христина Дейкова

За адаптирането на някои глаголни заемки в говора на Ново село, Видинско

302

On the Adaptation of Some Verb Borrowings in the Dialect of Novo Selo, Region of Vidin

Маргарита Тетовска-Троева

*Дихотомия при формите за 1 лице единствено число сегашно време на глаголите
от II спрежение в българските диалекти (Диахронен и синхронен аспект)*

311

The Dichotomy of First Person Singular Present Tense Forms of the Second Conjugation Verbs
in the Bulgarian Dialects (Diachronic and Synchronic Aspects)

Anna Ramšáková

*Integračné a diferenciačné javy zvukovej a tvaroslovnej roviny v nárečiach na horných
Kysuciach*

341

Integration and Differential Phenomena of the Sound and Inflectional Level in Dialects
of Upper Kysuce

Anna Rácová

Vplyv slovenčiny na gramatiku slovenskej karpatskej rómčiny

351

The impact of the Slovak language on the grammar of Slovak Carpathian Romani

VI. O JAZYKU V LITERATÚRE

Katarína Habovštiaková <i>Dialektizmy v literatúre z oravského regiónu</i> Dialectal Items in Literature from the Region of Orava	367
Tatiana Grigorjanová <i>Rusko-slovenské prekladatel'ské paralely</i> Russian-Slovak translation parallels	371
SÚPIS PRÁC ADRIANY FERENČÍKOVEJ ZA ROKY 1965 – 2009 (zostavili L. Dvonč, J. Behýlová, K. Balleková)	377

Slovo na úvod

Dámy a páni, kolegyne a kolegovia, milí hostia!

V tejto vzácnnej chvíli si v priateľskom kruhu a dobrom zdraví pripomíname životné jubileum našej kolegyne, priateľky, školiteľky aj učiteľky Adriany Ferenčíkovej. Vedecký profil našej oslávenkyne určili dva fenomény. Prvým je Turiec, ležiaci z jazykového hľadiska podľa L. Štúra „v strjedku najzavreňejšom“. Kraj, ktorý ju motivoval študovať slovakistiku, dialektológiu aj slavistiku. Druhým fenoménom, ktorý sa premietol do jubilantkinho vedeckého profilu, je jej meno a priezvisko: *Adriana* znamená „pochádzajúca od mora“, „z mesta Hadrie“, *Ferenčík* – ako sme počuli aj v jednom z referátov na dnešnom vedeckom podujatí – znamená „malý Francúz“, „Francúzik“. *Podobnosť čisto náhodná...*, zvykne sa vratievať. Svoje romantické etymologizovanie by som rád doplnil umeleckým textom, ktorého autorom je taliansky básnik Ugo Renna:

*Keby sme boli v mojej zemi,
Našiel by som ti plesnivec
V puklinách bielych skál.
Hádzal by kamienky do stredného zvona
Nášho kostola, aby ti
Zazvonil.
Dal by som tabaku
A tri štvrtky vína všetkým chlapcom,
Čo vyrástli v Castelle s mocným hlasom.
Tým, ktorí svojím spevom budia kohúty
Za augustových nocí pod mesiacom...*

Prepáčte mi, ak nedopoviem tieto verše do konca, lebo báseň má názov *Tvoje roky*. Nedopoviem však najmä preto, aby bola príležitosť zísť sa takto, Rianka, pri Tvojich rokoch aj – metaforicky povedané – nabudúce... Lebo verše sú prekladom, ktorý v súvislosti s Tvojou „textotvornou činnosťou“ vznikol ako prvý, hoci v po-vestnej Dvončovej bibliografii je až na konci, za všetkými jazykovednými titulmi a málokto si ho všimne. Tvoj preklad citovanej Rennovej básne vyšiel ešte pred Tvojou dobre známou štúdiou *K výkladu platnosti rytmického zákona v slovesných tvaroch kúpia, súdia v stredoslovenských nárečiach*, ktorá má prívlastok prvého bibliografického titulu a vyšla v Jazykovednom časopise. Tvoja vedecká a publikáčná aktivita so zameraním na dialektológiu, slovakistiku a slavistiku nasledovala až po podstročníkoch Rennových *Tvojich rokov*, zveršovaných Mariánom Kováčikom. Z množstva štúdií s veľkou poznávacou hodnotou sa mi žiada uviesť aspoň najpevnejšie pilieri Tvojej vedeckej produkcie: spoluautorstvo na prvom zväzku *Atlasu slovenského jazyka* (1968), monografické vydanie dizertácie *Časové podraďovacie súvetie v slovenských nárečiach*, množstvo štúdií, v ktorých si postihla diferenciačné a integračné tendencie slovenských nárečí s ostatnými slovanskými jazykmi. Tieto publikačné aktivity typologického charakteru vyvolali pozitívny ohlas v zahraničí. Samostatnú

kapitolu Tvojich vedeckých aktivít tvorí výskum nárečovej lexiky v podobe rozsiahleho projektu *Slovník slovenských nárečí* ako jeho autorka, spoluredaktorka druhého zväzku a redaktorka vznikajúceho tretieho zväzku. Osobitným fenoménom Tvojho vedeckého aj osobného života je *Slovanský jazykový atlas*, si spoluautorkou mnohých jeho zväzkov a sama pripravuješ osobitný zväzok jeho lexikálno-slovotvornej série.

Pôsobila si ako lektorka slovenského jazyka na Orientálnom inštitúte v Neapole (1976 – 1979, 1984 – 1987), viedla prekladateľský seminár na Filozofickej fakulte UK v Bratislave a semináre z kultúry jazyka na Pedagogickej fakulte UK v Bratislave, si vedúcou riešiteľkou grantov VEGA, školiteľkou doktorandov, členkou Komisie MŠ SR pre výber lektorov do zahraničia, členkou Ústrednej jazykovej rady Ministerstva kultúry SR, členkou redakčných rád vedeckých časopisov, členkou vedeckej rady Jazykovedného ústavu L. Štúra SAV, členkou výboru na organizovanie súťaže *Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko* pri Ministerstve kultúry SR a ďalších komisií. V rokoch 1990 – 1991 si bola zástupkyňou riaditeľa Jazykovedného ústavu L. Štúra SAV, si dlhodobou členkou výboru Jazykovednej spoločnosti pri SAV, v súčasnosti predsedníčkou jej výboru. Známa je aj Tvoja prekladateľská činnosť, za ktorú si v r. 1991 získala najvýznamnejšie ocenenie – Cenu Jána Hollého za preklad románu U. Eca *Meno ruže*.

Na záver sa mi žiada aj osobné vyznanie: si prvou pracovníčkou Jazykovedného ústavu L. Štúra SAV, s ktorou som ako študent prvého ročníka Filozofickej fakulty UK prišiel do kontaktu v povestnej miestnosti č. 19. Tu si ma naučila fonetickú transkripciu, od Teba viem, ako treba vyplňovať nárečové dotazníky, Ty si ma naučila excerptovať z nárečových textov a tento kurz vyústil pred mnohými rokmi do stretnutia na zasadnutie Slovanského jazykového atlasu na bratislavskom letisku... A odvtedy sa tie cesty počítajú na desiatky, vždy v inej krajine, vždy o tom istom, o nárečiach slovanských jazykov, ale zakaždým v novej podobe...

Pri tomto Tvojom životnom jubileu prijmi úprimné želanie dobrého zdravia, síl, tvorivého ducha, spokojnosti, porozumenia a elánu. Aj keď včera ešte napadol sneh, jar čo nevidieť zaklope na dvere a toto ročné obdobie otvára ďalší kruh či letokruh, prináša nové. Prajem Ti, Rianka, veľa síl a okrem všetkých predsavzatí Ti želám, aby sa Ti podarilo poorať na jar všetky strnišká tak, aby ostali už len v podobe očakávaných máp Tebou pripravovaného zväzku lexikálno-slovotvornej série *Slovanského jazykového atlasu*. Pri mojom okrúhlom jubileu si mi na koniec zdravice napísala: *Mnogaja lěta, dorže druže!* Ja dnes s príslovečnou skromnosťou dodávam – Vice versa!

7. januára 2010 v Bratislave

Pavol Žigo
riaditeľ Jazykovedného ústavu L. Štúra SAV

I.

LINGVISTICKÁ GEOGRAFIA
A SLOVANSKÝ JAZYKOVÝ ATLAS

Multilingválne atlasy a slovenská dialektológia

Ivor Ripka

Fakulta humanitných a prírodných vied Prešovskej univerzity, Prešov

Multilingual Atlases and Slovak Dialectology

In the paper there is emphasized and documented a thesis that the linguistic (language) geography is a core of the contemporary dialectology. The Slovak dialectology has been represented not only by four-volume (national) *Atlas of Slovak Language* but it has seriously and unsubstitutably participated – both organizationally and creatively – in preparation of multilingual (supranational) atlases. The author presents a conception of *Slavic Linguistic Atlas*, *All-Carpathian Dialectological Atlas* and mainly *European Linguistic Atlas* which is not very known in the Slovak linguistics.

1. Jazykový atlas (t. j. súbor máp, na ktorých sa osobitnými grafickými znakmi alebo inými prostriedkami zaznačuje geografické rozloženie jednotlivých diferencovaných javov z rozličných jazykových rovín) môže zobrazovať istú oblasť (región) národného jazyka, celé územie jedného národného jazyka, alebo aj podľa istých kritérií vymedzený makroareál, pokrytý viacerými príbuznými i nepríbuznými jazykmi. Príprava jazykových atlásov je stále aktuálnou úlohou: priestorová projekcia zistených jazykových faktov na mapách ponúka mnohostranné možnosti na ich ďalšie porovnávacie štúdium a hodnotenie, pomáha jazykovedcom vytvoriť istú „stratigrafiu jazyka“. Teoreticko-metodologické východiská projektov sú prirodzene rozdielne; autori atlásov preferujú pri príprave koncepcie a v konkrétnej realizácii rozličné tvorivé prístupy, rešpektujúce domáce tradície a svojiskostí či v konkrétnom projekte stanovené ciele a úlohy príslušných (oblastných, národných i nadnárodných, multilingválnych) atlásov.

1.1. Slovenská dialektológia sa výrazne prezentovala realizáciou štvorvádzko-vlávského národného *Atlasu slovenského jazyka*, ktorý vychádzal v rokoch 1968 – 1984 (Ripka, 1986). Toto reprezentačné jazykovedné dielo tvorí nezastupiteľnú materiálovú základňu pre ďalšie mnohoaspektové výskumy v slovakistických i slavistických reláciách. Rád konštatujem, že jubilujúca Adriana Ferenčíková sa hned po nástupe do vtedajšieho Ústavu slovenského jazyka SAV suverénne začlenila do kolektívú autorov 1. zväzku ASJ a stala sa jeho „najväčšou“ autorkou: vypracovala 5 sérií máp (spolu 74 máp a príslušných komentárov). Zaiste jej vedomosti a skúsenosti získané aj pri tvorbe ASJ pomohli etablovať sa v autorskom i redakčnom kolektíve nadnárodného *Slovenského jazykového atlasu* (ďalej aj SJA); príprave tohto diela – a to najmä redigovaniu zväzku, ktorý vydá slovenská národná komisia SJA – sa naplno venuje aj v súčasnosti.

1.2. Okrem *Slovenského jazykového atlasu* však slovenská dialektológia dôstojne a nezanedbateľne participovala aj pri príprave a realizácii ďalších nadnárodných atlásov, a to *Európskeho jazykového atlasu* (EJA) a *Celokarpatského dialektologického atlasu* (CKDA). Pri tejto príležitosti by sme chceli stručne komentovať či glosovať účasť i tvorivý prínos slovenskej dialektológie do komparatívnych multilingválnych

jazykovozemepisných výskumov a možno i trochu kronikársky pripomenúť s nimi späťe dávnejšie deje i fakty. Ich pamätníci sa nám už trocha mňajú.

2. Najdlhšiu história má nepochybne *Slovanský jazykový atlas*. Je známe, že už na I. zjazde slavistov v Prahe r. 1929 predložili francúzski slavisti Antoine Meillet a Lucien Tesnière návrh na prípravu slovanského atlasu, ktorý nazvali *Projet d'un atlas linguistique slave*. (Marginálne možno pripomenúť, že Francúzom patrí priorita aj v národných atlasoch: J. Gilliéron a E. Edmond vydávali *Atlas linguistique de la France* už v r. 1902 – 1910). Fakticky sa celoslovanský jazykový atlas začal pripravovať až po IV. medzinárodnom zjazde slavistov, konanom r. 1985 v Moskve. Priebeh prác v nasledujúcich rokoch inštruktívne predstavovali v svojich príspevkoch slovenskí členovia medzinárodného redakčného kolégia (najnovšie najmä P. Žigo, 2005); publikujú sa aj parciálne analýzy materiálu zhromaždeného v doteraz vydaných zväzkoch SJA (jubilujúca A. Ferenčíková napr. r. 2003). Chceme však najmä zdôrazniť skutočnosť, že slovenská dialektológia participovala na príprave SJA od začiatku v plnom rozsahu, a to tvorivo i organizačne. Pripravila štyri dôležité a významné zasadania Medzinárodnej komisie pre SJA (Smolenice 15. – 20. mája 1967; Smolenice 5. – 10. novembra 1979; Bratislava 3. – 10. júna 1990; Bratislava 11. – 15. októbra 2004).

2.1. Podľa nášho názoru bolo najvýznamnejšie prvé zasadanie, ktoré sa konalo r. 1967 v Smoleniciach. Jeho cieľom bolo: 1. zhodnotiť a konfrontovať doterajšie výsledky výskumu a zbierania nárečového materiálu; 2. pripraviť podmienky na kartografovanie materiálu SJA; 3. zamerať sa na typologickú analýzu skúmaných bodov. K týmto základným tématam odznelo aj niekoľko referátov. Zo slovenských dialektológov hovoril A. Habovštiak o metódach výskumu pre SJA na Slovensku, E. Pauliny charakterizoval nárečie západoslovenskej obce Suchá nad Parnou, v ktorej účastníci vykonali skúšobný nárečový výskum, a J. Štolc sa zaoberal problémami kartografického znázorňovania v SJA. Na tomto stretnutí sa zúčastnili mnohí významní jazykovedci, a to R. I. Avanesov, V. Konnova, S. Požarickaja, J. Sochackaja (ZSSR), W. Doroszewski, W. Pomianowska, J. Basara, B. Falińska, H. Horodyska, M. Szymczak (Poľsko), R. Aleksić, D. Brozović, B. Vidoeški, J. Vuković, T. Logar (Juhoslávia), St. Stojkov, I. Kočev, V. Rajnov (Bulharsko), F. Michalk (NDR), P. Király (Maďarsko), J. Hamm (Rakúsko), B. Meriggi (Talianisko), J. L. Perkowski (USA), B. Havránek, J. Bělič, A. Lamprecht, A. Vašek, S. Utěšený, J. Mudra (Čechy a Morava), J. Ružička, J. Štolc, E. Jóna, V. Blanár, F. Buffa, I. Kotulič, J. Oravec, G. Horák, A. Habovštiak, A. Ferenčíková, I. Ripka, Š. Lipták, M. Majtán (JÚĽŠ SAV), E. Pauliny, J. Stanislav, P. Ondrus, Š. Ondruš, K. Palkovič, J. Štibraný (FF UK Bratislava), a ako zástupcovia vysokých škôl Š. Tóbič, Š. Krištof, A. Ryzková, J. Muránsky a J. Matejčík (Habovštiak, 1967).

2.2. *Slovanský jazykový atlas* má niekoľko špecifík, ktoré tu nebudeme rozvádzat. Jednoznačne však treba konštatovať, že doteraz vydané zväzky tohto multilingválneho atlasu prezentujú na vysokej odbornej úrovni inšpiratívne interpretovaný nárečový materiál. Historicko-porovnávacia metóda potvrdzuje teóriu o spoločnom praslovenskom základe jednotlivých slovanských jazykov; uplatňovanie synchrónno-typologickej metódy, ktorá predpokladá aj u receptora diela širšie slavistické poznanie, umožňuje zasa predstaviť typologické rozdiely geneticky príbuzných jazykov.

3. Myšlienka či idea pripraviť a vydať *Európsky jazykový atlas* (ďalej EJA, Atlas linguarum Europae) sa zrodila r. 1965 na (geolingvistickom, dialektologickom) kongrese v Marburgu. R. 1970 projekt atlasu prijalo a schválilo UNESCO; gesciu prevzala Kráľovská akadémia vied v Holandsku. Už v tom istom roku na helsinskem zasadaní odporučil Medzinárodný komitét slavistov účasť na projekte EJA aj slovenským jazykovedcom a menoval troch svojich členov do medzinárodnej redakcie. Jej prvým predsedom bol Holanďan Antonius Weijnen. R. I. Avanesov bol podpredsedom hlavnej redakcie; I. zväzok EJA, ktorý vyšiel r. 1983, pripísala medzinárodná redakcia jeho pamiatke.

3.1. Československo sa zúčastnilo prác na príprave EJA od začiatku. Členom hlavnej redakcie bol J. Bělič. V r. 1972 sa konalo v Prahe 4. zasadanie medzinárodnej redakcie EJA. Vlastná pracovná činnosť v Československu sa začala až po moskovskom zasadaní redakčnej rady EJA r. 1979. Predsedom Československej národnej komisie pre EJA bol J. Petr, členmi A. Erhart, A. Habovštíak, J. Horecký, Š. Ondruš, I. Ripka, R. Šrámek a S. Utěšený (zastúpenie českých a slovenských členov bolo v pomere 4 : 4). V pražskom dialektologickom oddelení Ústavu pro jazyk český ČSAV práce fakticky viedol a vykonával P. Jančák, s ktorým spolupracovalo aj nárečové oddelenie JÚLŠ SAV, konkrétnie J. Gavorová-Šikrová a I. Ripka. Oddelenie malo k dispozícii (francúzsky) úvod k atlasu, dva dotazníky (onomaziologický a lexikálno-gramatický) a zložitý transkripcný systém.

3.2. Základnou požiadavkou pri zostavovaní prvého dotazníka EJA bola ľahká dostupnosť požadovaných materiálov (odpovedí na otázky). Východiskom pre tematické členenie tohto dotazníka bol práve *Voprošník OLA* (Moskva 1965). Po francúzsky formulované otázky (dopĺňané často náčrtmi skúmaných reálií) vyhovovali požiadavkám terénnego výskumu, no zároveň ich bolo možné uplatniť aj pri iných metódach výskumu, t. j. napr. aj pri excerptii z materiálov pripravených pre iné projekty (Gavorová, 1982). Konkrétnie sa teda vyexcerpúvali dotazníky SJA vyplnené v teréne. (Sieť bodov pre EJA sa vedome a cielene vyberala z hústejšej siete bodov SJA; p. nižšie 4.) Nebola to však jednoduchá úloha; materiál SJA bolo treba overovať i kontrolovať, lebo občas sa vyskytli aj kuriózne prípady: v ruštine formulované otázky a ilustračné príklady z dotazníka SJA tak ovplyvnili explorátora, že podľa zapísaných odpovedí rástli na Slovensku *drevá* (podľa ruského *derevo*), nie *stromy*. Aj tieto úlohy však slovenská dialektológia úspešne splnila.

4. Na príprave *Európskeho jazykového atlasu* zo začiatku spolupracovalo 31 európskych štátov, výskumná sieť obsahovala približne 2 000 lokalít. Podľa nášho názoru boli – a naďalej sú – jednotlivé štáty (ich príslušné kódy zodpovedali vtedajšej situácii či usporiadaniu sveta, ČSSR malo preto spoločný kód 26 – Čechy potom 26.0, Slovensko 26.1) zastúpené dosť neparitne. Tak napr. Česká republika s rozlohou 76 864 km štvorcových a s vyše desiatimi miliónmi obyvateľov má v EJA – podobne ako Slovensko – 12 bodov, Lotyšsko s rozlohou 63 700 km a vtedy asi 2,5 miliónmi obyvateľov 36 bodov, Litva zaradená s rozlohou 65 200 km a približne 3,7 miliónmi obyvateľov má 42 bodov.

4.1. Slovensko reprezentuje v EJA týchto 12 lokalít: 101 Vrtižer, 102 Krivá,

103 Liptovský Ján, 104 Dlhá Lúka, 105 Šaštín-Stráže (jediná výnimka oproti SJA, ktorý má na Záhorí obec Čáry), 106 Bučany, 107 Trnovec nad Váhom, 108 Ne-

danovce, 109 Zvolenská Slatina, 110 Sirk, 111 Sedlice, 112 Bánovce nad Ondavou. Ukrajinské nárečia na Slovensku sú zastúpené (inak, samostatne číslovaným) bodom 201 Čabarovce, maďarské bodom (lokalitou) 202 Mužla. Je zaujímavé, že Maďarsko (kód krajiny 11.0) má nemaďarské lokality zaradené medzi ostatnými maďarskými, nevyčleňujú sa ako inonárodné pod novým indexom (015 Várgesztesz zastupuje nemecké, 018 Galgaguta slovenské a 035 Dušnok srbochorvátske nárečia).

4.2. Slovenská národná komisia teda pripravovala (prílušne transkribovala) nárečový materiál z vymenovaných dvanásťich lokalít. Ako zástupca slovenskej jazykovedy vymenovaný vedením Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra v redakčnej rade EJA (moje meno sa medzi jej členmi uvádzajú dodnes, hoci som sa z tzv. objektívnych príčin nezúčastnil ani na jednom jej pracovnom zasadaní) som do r. 1989 konzultoval o realizácii atlasu jedine v Prahe s prof. Petrom a dr. Jančákom. Robil som aj kuriéra a „spojku“ medzi Bratislavou a Prahou a osobne som prenášal pripravený slovenský materiál. Mimoriadne precízne sme mali pripraviť najmä odpovede (doklady) na otázku „chandelle de glace“ (QI: 21), teda „ľadový cencúl“ visiaci zo strechy“ (česky „rampouch“): mapu a komentár (sú zaradené v II. zväzku EJA) autorsky pripravil Jan Petr.

4.3. Po r. 1989 sa situácia po istom „vakate“ zmenila: organizačné centrum EJA sa postupne presunulo z Prahy do Brna (brnianski dialektológovia aj v súčasnosti aktívne participujú na príprave ďalších zväzkov EJA). Slovenská dialektológia podľa nášho vedomia už potom z holandského centra v Nijmegene nedostávala nijaké materiály. Aj predtým „chodilo“ všetko iba do Prahy, ktorá materiály preposielala ďalej do Bratislavu. Iba r. 1998 prišli na moju adresu dve knihy vydané r. 1997 v Ríme, a to komentáre k V. zväzku EJA a publikácia *Perspectives nouvelles en géolinguistique*. Prof. Janusz Siatkowski v príspevku *Die westslawischen Sprachen und ihre Dialekte* píše aj o charakteristických znakoch slovenských nárečí; okrem ASJ uvádzajú v zozname pramennej literatúry aj Vážneho prácu z Československej vlastivedy z r. 1934.

4.4. Hlavným cieľom EJA je podať komplexný obraz jazykovej diferenciácie (odlišnosti nespisovných tradičných útvarov, miestnych dialektov) Európy a takoto konfrontáciou umožniť nový pohľad na spoločné i rozdielne znaky všetkých európskych jazykov, teda jazykov geneticky príbuzných i nepríbuzných, prezentovať dôsledky etnických a z nich vychodiacich jazykových kontaktov. Multilingválna komparatistika, ktorá sa opiera o údaje z tradičných teritoriálnych dialektov, umožní vo svojich dôsledkoch hlbšie vysvetliť nielen jazykové fakty, ale ich analýzou vydať svedectvo o prehistórii, histórii i súčasnosti európskej materiálnej a duchovnej kultúry (porov. Jančák – Petr, 1986). V koncepcii EJA sa plne rešpektuje a zdôrazňuje poznatok, že dialekty petrifikuju staré vývinové štádiá, takže aj súčasné nárečia často môžu preukaznejsie zachovávať pôvodnejšie znaky než najstaršie písomné pamiatky.

4.5. Lexikálny materiál EJA poskytuje aj možnosti na nové motivačné interpretácie. Na rozdiel od zvyčajnej onomaziologickej interpretácie sa na takýchto mapách sledujú a porovnávajú jednotlivé etymóny na základe ich motivácie. Tak možno usúvzažňovať aj rovnaké motivačné postupy v rozličných, a to aj v nepríbuzných jazykoch v areálovom kontinuu (t. j. sledovať sémantické areály) alebo vysvetľovať paralelné motivačné procesy. Jeden z bývalých predsedov medzinárodnej redak-

cie EJA a spiritus agens projektu Mario Alinei pokladá európske motivačné mapy, ktoré sú vlastne mapami komparatívnej sémaziológie, za významnú inováciu a pokrok v teórii jazykového zemepisu. Diachrónna geosémantika je v EJA zastúpená už v I. zväzku jeho štyrmi motivačnými mapami dúhy („arc-en-ciel“, QI: 17) a mapami lúčnej kobylky („sauterelle“, QI: 125), ktoré načrtol R. I. Avanesov a dokončili jeho spolupracovníci.

5. Kultúrnohistorické, etnografické i jazykovedné výskumy jednoznačne potvrdzujú existenciu istého špecifického spoločenstva žijúceho na území medzi severnými výbežkami Karpát a Dunajom. Aktuálnosť a vedecká dôležitosť systematického a komplexného výskumu histórie, kultúrnych tradícii a jazykov karpatskej oblasti je nesporná; určuje ju úloha, ktorú Karpaty zohrali v procese formovania sa slovanských i neslovanských etnických skupín. Príčiny, priebeh i dôsledky karpatských jazykových kontaktov skúma *lingvistická karpatológia*, ktorá sa v súčasnosti prezentuje ako samostatná jazykovedná disciplína. Pri koncínnejších definíciách sa chápe ako priestorovo charakterizovaný fragment súboru lingvistických disciplín (indoeurópskej a ugrofínskej areálnej lingvistiky, teórie jazykových kontaktov, typológie a ī.), ktoré synchronne a diachrónne skúmajú geneticky heterogénnu oblasť Karpát a príahlých regiónov. Chápanie globálnych a konkrétnych úloh lingvistickej karpatológie v každej etape jej rozvoja a dynamický prístup k ich formulovaniu závisí od súhrnu existujúcich (a istým spôsobom interpretovaných) faktov. V súčasnej etape rozvoja tejto disciplíny sú dôležité dialektologické výskumy, a to najmä práce jazykovozemepisného charakteru. Najvýraznejším projektom z tejto výskumnej oblasti je *Celokarpatský dialektologický atlas* (ďalej CKDA), na ktorého príprave tvorivo a účinne participovala aj slovenská dialektológia, resp. jej reprezentanti z viacerých pracovísk.

5.1. Z aspektu slovenskej dialektológie je dôležitosť štúdia dialektov karpatského areálu zrejmá a nesporná. V karpatskej jazykovede sa tieto dialekty skúmajú ako lingvistické objekty stojace v istom protiklade k iným dialektom, ktoré reprezentujú jednotlivé národné jazyky; demonštrujú totiž existenciu interdialektových (interjazykových) zhôd z rozličných jazykových rovín. Prameň týchto zhôd je niekedy v praslovančine (a vtedy sa vzťahujú iba ku geneticky homogénnemu lingvistickému kontinuu), no častejšie v neskorších zblíženiach, ktoré sú dôsledkom kontaktov a interferencií jazykov areálu (v tejto súvislosti možno pripomenúť spoločnú vrstvu priamych a sprostredkovanych prevzatí z východorománskych jazykov a maďarčiny), pričom v tomto prípade spoločné elementy charakterizujú geneticky heterogénne kontinuum.

6. Výskumy organizované v súvislosti s prípravou CKDA (dotazník obsahoval 785 otázok rozdelených do 15 tematických skupín) umožnili získať dostatočne reprezentatívny korpus prevažne lexikálno-sémantických javov určujúcich svojbytosť daného lingvistického kontinua. Na Slovensku sa dotazník CKDA vypĺňal v 24 lokalitách (v 20 slovenských a v štyroch ukrajinských); ich výber však nebol optimálny. Obce ako Gajary, Blatné, Nitrianska Blatnica či Žemberovce nereprezentujú výsostné karpatské pastierske oblasti; na viaceré otázky dotazníka sa preto nezískali relevantné odpovede. CKDA spracúva lexikálno-sémantický materiál získaný v lokalitách, v ktorých sa hovorí poľskými, moravskými, slovenskými, ukrajinskými,

maďarskými, moldavskými, rumunskými, srbskými, macedónskymi i albánskymi nárečiami. Bulharský materiál sa na základe rozhodnutia bulharskej národnej komisie nespracúval; rumunské údaje sa vyexcerpúvali najmä z atlasov S. Popa a E. Petrovicia.

6.1. Pri heuristickom výskume i spracúvaní materiálu pre ciele CKDA sa uplatňoval onomaziologický i sémaziologický aspekt; lexémické i sémantické prvky sa skúmali paralelne. Tak napr. v tematickom okruhu zahŕňajúcom živočišstvo sa v dotazníku formulovali otázky skúmajúce názvy vykastrovaného koňa (otázka 545) a následne hned sémantickú amplitúdu lexémy *valach (otázka 546). Na základe priestorovej projekcie istého súboru špecifických karpatských osobitostí podáva CKDA jednak charakteristiku vlastnej karpatskej zóny (a jej vzťahu k balkánskej zóne), jednak predstavuje vnútornú diferenciáciu vymedzeného makroareálu. Cieľom atlasu je teda predstaviť zhodné elementy rozličného pôvodu na dialektovej úrovni, dokázať istú kontinuitu ich prezentácie v dialektoch karpatského areálu. V praxi synchrónne zameraného CKDA sa všetky tieto špecifické elementy, charakteristické pre dialekty skúmaného areálu (nezávisle od ich pôvodu alebo priameho prameňa iradiácie), označujú termínom *karpatizmus*. V slovenskej jazykovednej literatúre sa takto označujú napr. lexémy *birká, cap, cárok, črpák, čula, geleta, grapa, kľag, kolastra, koliba, komárnik, kornuta, košiar, magura, merinda, putera, redikáť, ryn-dza, salaš, strunga, šuta, urda, valach, vakeša, žinčica* a ďalšie.

6.2. Štúdium jazykovej situácie v pastierskych oblastiach Slovenska zamerané na zisťovanie výsledkov kontaktov a interferencií karpatských jazykov dokazuje výrazovú diferenciáciu, a to jednak kvantitatívnu (množstvo prevzatých výrazov), jednak kvalitatívnu (systémovú, sociálnu a územnú stratifikáciu týchto výrazov). Väčšina bádaní motivovaných prípravou CKDA takisto dokumentuje dvojkoľajnosť pôsobenia karpatskej salašníckej kolonizácie na jazyk domáceho slovenského obyvateľstva, a to jednak materinským jazykom kolonistov (pravdepodobne väčšinovoým, spravidla susedným jazykom Valachov prichádzajúcich v príslušnej skupine alebo vo väčšom kolektíve), jednak osobitnou valašskou horskou lexikou, ktorá odráža špecifikum života karpatského ľudu (najčastejšie lexikou východorománskeho pôvodu).

6.3. Materiál CKDA možno využiť aj pri štúdiu špecifických črt karpatskej zóny vo sfére nominačných princípov. (V tomto sa CKDA v istom zmysle zhoduje s multilingválnym EJA.) Do tejto kategórie patria aj výskumy zhôd „vnútornej formy“ (t. j. motivačných príznakov). Na rovine diferenciácií slovanského nárečového kontinua vytvárajú takéto motivačné príznaky v nominačných procesoch výrazné areály. Prítomnosť slovansko-neslovanských paralel vo sfére motivačných príznakov možno interpretovať buď ako spoločné „dedičstvo“ pôvodného (prastarého indoeurópskeho) stavu, aktualizované v situácii či v období silnejúcich jazykových kontaktov, buď ako prevzatie zo slovanského jazyka do neslovanského a vice versa (teda isté kalkovanie), alebo je to konkrétna realizácia procesu pri formovaní jazykového spoločenstva konvergentného typu prostredníctvom výskytu (objavenia sa) jednotlivých fragmentov v lexikálno-sémantickej sfére. Atlasový materiál napr. ukazuje, že rovnakú motiváciu (→ kravička Boha) má väčšina názvov liency (zool. *Coccinella*): v poľských, slovenských, ukrajinských, rumunských i ruských

nárečiach sú doložené *pámbožkove kravičky* v rozmanitých hláskových podobách. Podobne je motivovaná aj česká (moravská) *pámbožkova ovečka*. Široká – i keď nie celkom kompaktná – oblasť výskytu tohto typu motivačného príznaku, a teda aj priestorová vzdialenosť slovanských a rumunských podôb umožňujú ambivalentnú motiváciu, vychádzajúcu jednak z ich „vnútornej“ súvislosti či spätosti (za centrum iradiácie možno pokladať slovanské dialekty), jednak z predpokladu o nesúvisiacom a paralelnom vzniku daného príznaku v slovanskom a románskom lingvistickom priestore.

6.4. V priebehu 16 rokov vyšlo sedem zväzkov CKDA (1. zväzok Kišiňov 1989, 2. zväzok Moskva 1988; 2. vyd. 1994, 3. zväzok Varšava 1991, 4. zväzok Ľvov 1993, 5. zväzok Bratislava 1997, 6. zväzok Budapešť 2001, 7. zväzok Belehrad – Nový Sad 2003; mapy a príslušné komentáre sa publikujú spoločne v jednom zväzku) a úvodný zväzok (Skopje 1987), ktorý predstavuje teoreticko-metodologické východiská nadnárodného makroatlasu, používanú transkripciu, techniku spracúvania máp a komentárov, prináša charakteristiky skúmaných lokalít, súpisu informátorov a explorátorov. Publikuje sa v ňom aj čiastočne inovovaná verzia dotazníka. Na jednotlivých mapách a v príslušných indexoch predstavený materiál, ktorý sa redigoval na spoločných zasadaniach komisií (slovenská dialektológia ich pripravila päť: v Modre-Piesku 15. – 17. mája 1974 a 13. – 17. októbra 1980, na Zemplínskej šírave 20. – 27. októbra 1983, v Malých Vozokanoch 8. – 13. októbra 1990 a v Prešove 29. mája – 1. júna 1995), tvorí doteraz neznámu bázu ďalších mnohoaspektových výskumov oblasti lingvistickej karpatológie. Je nepochybné, že synchrónny opis lingvistických areálov, ich katalogizácia a klasifikácia podľa stanovených parametrov (konfigurácia, dynamika, centrálnosť – periférnosť) umožňuje primeranejšie riešiť problematiku časovej (dobovej) stratifikácie zodpovedajúcich javov, určiť chronológiu prevzatí, inovácií a pod. (Ripka, 2009). Využívanie údajov spracovaných a prezentovaných v atlase určite zjednoduší a sprístupní vydanie indexov materiálu zaregistrovaného na mapách i v komentároch, ktoré pripravuje poľská národná komisia CKDA.

7. Tri veľké multilingválne atlasy, na ktorých príprave výrazným a nezastupiteľným tvorivým i organizačným podielom participovala aj slovenská dialektológia, teda *Slovanský jazykový atlas*, *Európsky jazykový atlas* i *Celokarpatský dialektologický atlas*, sú v súčasnosti v rozdielnom štádiu rozpracovanosti. Všetky doteraz vydané zväzky však jednoznačne dokumentujú prínos lingvistickej geografie nielen pre (diachrónnu i synchrónnu) lingvistiku a jej jednotlivé odvetvia, ale aj pre celý rad príbuzných spoločenskovedných disciplín.

Bibliografia

FERENČÍKOVÁ, Adriana: Poľnohospodárska lexika v Slovanskom jazykovom atlase. In: XIII. medzinárodný zjazd slavistov v Ľubľane. Príspevky slovenských slavistov. Ved. red. a ed. J. Doruľa. Bratislava: Slavistický kabinet SAV 2003, s. 109 – 112.

GAVOROVÁ, Jarmila: Európsky jazykový atlas. In: Jazykovedný časopis, 1982, 33, s. 98 – 100.

HABOVŠTIAK, Anton: Zasadnutie Medzinárodnej komisie pre Slovanský jazykový atlas. In: Jazykovedný časopis, 1967, 18, s. 171 – 173.

JANČÁK, Pavel – PETR, Jan: Evropský jazykový atlas ako nástroj multilingvální komparatistiky. In: Slovo a slovesnosť, 1986, 47, s. 216 – 231.

RIPKA, Ivor: Koncepcia a realizácia Atlasu slovenského jazyka. In: Jazykovedný časopis, 1986, 37, s. 73 – 82.

RIPKA, Ivor: Celokarpatský dialektologický atlas – hlavné dielo lingvistickej karpatológie. In: Slovo o slove. Zborník Katedry komunikačnej a literárnej výchovy PdF PU. Roč. 15. Ed. Ľ. Liptáková et al. Prešov: Pedagogická fakulta PU 2009, s. 13 – 19.

ŽIGO, Pavol: Účasť slovenskej dialektológie na Slovanskom jazykovom atlase – perspektívy počítačovej podpory projektu. In: Slovenská reč, 2005, 70, č. 1 – 2, s. 3 – 15.

OLA nosi piętno swego czasu

Zuzanna Topolińska

Истражувачки центар за ареална лингвистика, МАНУ, Скопје

The Slavic Linguistic Atlas bears the mark of its time

The author argues that some of the theoretical and also graphic solutions applied in the Slavic Linguistic Atlas (OLA) reflect the „state of art“ of the mid-twentieth century, i. e. of the time when the atlas was conceived.

Wiele razy ostatnio zdarzyło mi się „w mowie i w piśmie“ podkreślać, że slawistyka to młoda nauka. W sercu pojęcia słowiańszczyzny znajduje się niewątpliwie język – najważniejsza, najłatwiej poddająca się weryfikacji komponenta tego pojęcia mówiąca o wspólnocie. Obok języka jest jeszcze (stary?) folklor, (stara?) kultura materialna i duchowa, ale to już temat do dyskusji, przedmiot wielu kontrowersji.

Naukowy opis i analiza języków słowiańskich liczy niewiele ponad 200 lat. Notabene, kiedy podjęto te badania, żaden kraj słowiański poza Rosją nie mógł się pochwalić niezależnością polityczną, ani pełną autonomią kulturalną. Pierwsze poważne publikacje naukowe poświęcone językom słowiańskim to dzieło Słowian-obywateli monarchii austrowęgierskiej, a także Niemców i Rosjan. Nie pozostało to bez wpływu na sposób widzenia i oceny analizowanych i opisywanych faktów. Tę sytuację miała zmienić dopiero pierwsza wojna światowa. I zmieniła ją – w pewnym zakresie.

Owe pierwsze, wyżej wspomniane próby syntezy weszły jako *bonum communis* do podręczników i do programów nauczania tak na poziomie szkoły średniej jak i uniwersytetu. W badaniach naukowych dominowała perspektywa diachroniczna. Dopiero w okresie międzywojennym nauczanie uniwersyteckie objęło tzw. gramatykę opisową literackich języków słowiańskich. Dopiero w latach 30-tych pojawiają się na gruncie słowiańskim pierwsze analizy prowadzone z pozycji strukturalizmu. Krystalizuje się pojęcie ‚teorii języka‘ i potrzeba wyboru teorii.

Pierwszy i do dziś dominujący przynajmniej w literaturze podręcznikowej podział lingwistyczny terytorium językowego słowiańskiego – trójdzielny podział na południe, wschód i zachód – opiera się niemal wyłącznie na danych fonetyki/fonologii historycznej. Dzisiaj szersza znajomość i głębsza interpretacja odpowiednich danych coraz częściej skłania nas do uznania wyższości podziału czwórdzielnego, ale baza, na której budujemy tę nową konstrukcję, zmieniła się tylko nieznacznie – globalnie bierzemy pod uwagę „bałkanizację“ słowiańskiego południowego wschodu, co w praktyce oznacza propozycję rozbicia słowiańskiego południa na część wschodnią i zachodnią. Podstawą podziału pozostaje nadal rozwój systemu dźwiękowego, uzupełniony o wnioski płynące z restrukturyzacji systemu gramatycznego na południowym wschodzie.

Inicjatywa opracowania atlasu językowego słowiańskiego pojawiła się przed drugą wojną światową, niezależnie w Polsce i w Rosji. Decyzja o podjęciu prac nad

przygotowaniem takiego atlasu padła na pierwszym powojennym kongresie slawistów w Moskwie, w 1958 roku. W geografii lingwistycznej przodowały wówczas jednoznacznie języki romańskie. Na gruncie słowiańskim mieliśmy jeden regionalny atlas polski (Małeckiego atlas Podkarpacia), jeden mały atlasłużycki, w toku były prace nad *Małym atlasem gwar polskich* i nad atlasami dialektałnymi języków wschodniosłowiańskich, oraz języka bułgarskiego, w Polsce trwały też prace nad atlasem kielecczyzny oraz nad *Atlasem kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich*. O ile w lingwistyce przez duże „L“ orientacja już się powoli zmieniała, w dialektologii słowiańskiej perspektywa diachroniczna wyraźnie dominowała nad synchroniczną, typologiczne badania systemów dialektałnych niemal nie istniały, o typologii diachronicznej nie było mowy. W latach sześćdziesiątych wysłuchałam na Uniwersytecie Warszawskim bogatego syntetyzującego wykładu jednego z naszych najlepszych specjalistów o stanie i potrzebach dialektologii polskiej. Kiedy na zakończenie zapytałam w dyskusji, gdzie tu jest miejsce na opis synchroniczny i typologię systemów dialektałnych, spotkałam się z zaskoczonym milczeniem referenta i bardzo ograniczonym poparciem obecnych.

Twórcy koncepcji Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego (OLA), a także autorzy kwestionariusza OLA na ogół ograniczali się do stawiania atlasowi zadań rekonstrukcji diachronicznej i niechętnie przyjmowali sugestie, że atlas powinien również przynieść materiał dla typologii synchronicznej dialektów słowiańskich. Podstawą przy redagowaniu kwestionariusza były istniejące już kwestionariusze atlasów narodowych i regionalnych, a także – często bardzo bogata, ale jednak wyrywkowa – wiedza autorów tego kwestionariusza.

Problemem było także przygotowanie teoretyczne przyszłych eksploratorów. Pamiętajmy, że OLA liczy nad 850 punktów terenowych! Pojawiające się głosy na temat bardziej ambitnej eksploracji, ustalania na licu miejsca zarysu systemu fonologicznego gwary, itp. (jak zwykliśmy to robić np. pod kierunkiem Z. Stiebera w badaniach prowadzonych dla atlasu kaszubskiego) były natychmiast wyciszane – cała dyskusja teoretyczna była permanentnym „równaniem w dół“!

Od samego początku prac rozgorzała trwająca po dziś dzień dyskusja na temat dwu zasadniczo różnych koncepcji atlasu. Jedna z nich, dominująca w ówczesnym Związku Radzieckim, widziała w atlasie językowym szczególną formę zapisu materiału terenowego. Rola autorów atlasu sprowadza się, zgodnie z tą koncepcją, do czystego transferu uzyskanej w terenie informacji na mapy. Później inni specjalisci poddają ten materiał interpretacji i efekty swoich analiz publikują w postaci różnego typu monografii. Zgodnie z drugą koncepcją to eksplorator i autor mapy jest zarazem autorem interpretacji przedstawionego na tej mapie materiału, czyli – innymi słowy – mapa nie jest prostym zapisem, lecz graficznym odzwierciedleniem lingwistycznej interpretacji przedstawionego na niej materiału, czy to w perspektywie historycznej czy synchronizeno-typologicznej. Członkowie naszego międzynarodowego kolektywu nie chcieli być sprowadzeni do roli eksploratorów terenowych i kreślarzy – przyprowadziła nas do tego kolektywu chęć zmierzenia się z problematyką lingwistyczną gwar słowiańskich, szczególnie tych słabo jeszcze zbadanych. Podobne buntu wybuchały w redakcji opracowywanego paralelnie atlasu dialektów karpackich (OKDA). Wówczas padła świetna, moim zdaniem, propozycja Dalibora

ra Brozowicia, żeby cały terenowy materiał OLA przede wszystkim opublikować, a wówczas będzie on dostępny wszystkim komisjom narodowym atlasu, a także wszystkim lingwistom, którzy zechcą się zajmować jego interpretacją. Niestety, propozycja ta nie została przyjęta, czego wielu z nas do dziś dnia żałuje.

W momencie, kiedy eksploracja została w zasadzie zakończona i można było przystąpić do kartografowania zebranego materiału, pojawiły się – wyrosły na gruncie wyżej wspomnianej dyskusji – pierwsze poważne problemy teoretyczne. Praca w OLA została podzielona na dwie sekcje: fonetyczno-gramatyczna i leksykalno-słownictwą. Obie sekcje musiały rozwiązać problem głębi interpretacji i graficznego przekazania tej interpretacji. Więcej szczęścia, jak się okazało, miała sekcja leksykalno-słownictwą.

W sekcji fonetyczno-gramatycznej pierwszym obiektem kartografowania miały być systemy dźwiękowe badanych dialektów, w pierwszej kolejności – samogłoski. Padła decyzja opracowania map realizacji fonetycznej poszczególnych samogłosek w konkretnych formach wyrazowych – droga do syntezy zムudna i daleka, która – trzeba to przyznać – pozwoliła nam poznać rozmiary wpływu struktury gramatycznej i leksykalnej na strukturę dźwiękową gwary – osołomiła nas ilość zmorfologizowanych i zleksykalizowanych elementów struktury fonologicznej leksemu. Ten sam problem „z drugiej strony“ atakowała zresztą i sekcja leksykalno-słownictwą OLA.

Natychmiast narzuciła się potrzeba odniesienia zarejestrowanych wartości dźwiękowych do odpowiednich wartości funkcjonalno-językowych, czyli: do fonemów. Innymi słowy: narzuciła się potrzeba ustalenia systemów fonologicznych dla poszczególnych punktów OLA. Zebrany wg kwestionariusza materiał terenowy zapewniał więcej niż dostateczną bazę dla tego przedsięwzięcia. Jednak władze OLA zablokowały pracę nad opisami uniemożliwiając w ten sposób przeprowadzenie na tym etapie pracy jakiekolwiek syntezy informacji, jakiej dostarczały mapy fonetyczne. Co prawda przyjęta konwencja pozwalała na umieszczenie w każdym tomie szeregu tzw. map syntetycznych (najczęściej ilustrujących prozodyczną charakterystykę kartografowanych samogłosek), jednak dla potrzeb właściwej syntezy fonologicznej trzeba było sięgać poza kartoteki OLA. Jedynie Polska, Łużyce i Jugosławia doprowadziły do końca pracy nad opisami fonologicznymi swoich punktów OLA i trudno przecenić, jak znaczącą rolę odegrały i odgrywają te opisy w codziennej pracy nad *Atlasem*.

Mutatis mutandis podobne problemy pojawiły się w pracach sekcji fonetyczno-gramatycznej w momencie przystąpienia do opracowywania problematyki fleksyjnej. Pierwszy tom „morfologiczny“ OLA, w tej chwili w przygotowaniu, poświęcony jest zaimkom. Był to wybór o tyle szczęśliwy, że – dzięki szczególnej pozycji i funkcji mikrosystemów zaimkowych w całokształcie paradygmatyki fleksyjnej gwar i związanej z tym stosunkowo dobrej znajomości fleksji pronominalnej już w punkcie wyjścia – kwestionariusz OLA zapewnia stosunkowo pełny obraz paradygmatów przypadku, rodzaju i liczby – przynajmniej co się tyczy zaimków osobowych i demonstratiów. Pozwala to pokazać różne typy synkretyzmów tak w obrębie poszczególnych paradygmatów kategorialnych jak i między tymi paradygmatami. Tak więc, możliwe jest dokonanie na bazie materiałów OLA „małej syntezy“ problematyki zaimkowej. O szerszej syntezie, związanej z semantyczną i/lub pragmatyczną motywującą poszczególnych kategorii gramatycznych niestety nie może być mowy.

Znacznie poważniejsze problemy piętrzą się przy opracowywaniu fleksji rzecznika, gdzie dysponujemy jedynie izolowanymi fragmentami poszczególnych paradygmatów, czy wręcz izolowanymi formami fleksyjnymi, które wcześniej przyciągnęły uwagę slawistów i zasłużyły sobie miejsce w kwestionariuszu.

Jak wspomniałam, komisja leksykalno-słowotwórcza OLA miała więcej szczęścia i materiał opracowywany przez tę komisję doczekał się solidniejszej analizy. Na samym progu swojej aktywności komisja stanęła przed problemem, jak zbudować legendę mapy na podstawie ośmiuset kilkudziesięciu odpowiedzi uzyskanych w terenie na pytania typu: „Jak się u was nazywa x?” i nie zgubić przy tym żadnych relevantnych dystynkcji leksykalnych i/lub słowotwórczych. Problem rozwiązano poddając cały ten materiał solidnej analizie morfotaktycznej wspomaganej metodą rekonstrukcji diachronicznej i transkrybując go przy pomocy specjalnie zadaptowanej transkrypcji, tzw. „pisowni uogólniającej”. Pozwoliło to usunąć dyferencjację fonetyczną i regularną dyferencjację fonologiczną, co umożliwia koncentrację na właściwej problematyce leksykalno-słowotwórczej. W tej sytuacji każda mapa ma w praktyce dwu autorów: jednego, który zanalizował materiał i ustalił tym samym linie derywacji słowotwórczej, i drugiego, który przetworzył tę merytoryczną hierarchię w obraz graficzny przedstawiony na mapie. Pierwszą część pracy wykonuje specjalna powołana w tym celu komisja transkrypcyjna, drugą – członkowie narodowych grup roboczych wg ustalonego klucza.

Ostatnio – przykładem 8 tom wydany przez komisję polską, poświęcony nazwom zawodowym i życiu społecznemu (Warszawa 2003), a także 6 tom wydany przez komisję rosyjską, poświęcony gospodarstwu domowemu i przygotowywaniu pokarmów (Moskwa 2007) – komisja obok leksykalnych, leksykalno-słowotwórczych i czysto słowotwórczych – wprowadziła również (na wzór ALE) mapy motywacyjne, a także ciekawe mapy syntetyczne pokazujące zasięgi zapożyczeń odpowiednio z języków romańskich, germanickich, z greki, z tureckiego, i in.

Niestety, nie ma – jak dotąd – zróżnicowania środków graficznych, które byłyby zdolne pokazać wielopoziomowy charakter problematyki – wykorzystuje się jedynie, często trudno czytelne, znaki figurowe. Nie ma także klasycznej syntezy arealnej, tj. obrazu podziału terytorium słowiańskiego z punktu widzenia problematyki leksykalno-słowotwórczej, innymi słowy – serii map syntetycznych, które wskazałyby najbardziej typowe przebiegi izoglos, także – o ile to okazałoby się możliwe – jako funkcję semantyki odpowiednich zespołów nazw.

*

Całe to rozmyślanie prowadzi nas z powrotem do punktu wyjścia tego tekstu. W toku półwiecza, które dzieli nas od rozpoczęcia prac nad OLA zmieniło się nie tylko językoznawstwo słowiańskie – zasób zgromadzonych informacji, a także ambicje teoretyczne. Poszerzyła się przede wszystkim nasza wiedza o języku. To półwiecze to okres żywiołowego rozwoju teorii języka, co siłą faktu rzutuje na sytuację slawistyki: rosną ambicje typologiczne tak w granicach słowiańskiej rodziny językowej jak i w dziedzinie relacji słowiańsko-niesłowiańskich. Zmieniają się kryteria bliskości nie tylko typologicznej, ale i genetycznej. Podstawowa funkcja języka – transfer

informacji – narzuca określona hierarchię jego struktury formalnej: pragmatyka i semantyka kontrolują składnię, a raczej morfo-składnię, a także – w tekście mówionym, czyli w prymarnej formie istnienia tekstu – supersegmentalny system przymiotyczny...

Paralelnie postępuje drugi proces – proces stopniowej eliminacji dialektów nie tylko w jawnej komunikacji, ale nawet na poziomie komunikacji rodzinnej. Na gruncie języków o stosunkowo młodej standardyzacji – a takich nie brak wśród języków słowiańskich – kolokwialny wariant standardu wchłania warianty regionalne, również czysto dialektańskie i często przypisuje odpowiednim jednostkom językowym nowe funkcje.

W tej sytuacji chciałoby się – dopóki trwają prace nad tak doniosłym i niewątpliwie „jednorazowym” przedsięwzięciem jak OLA – dokonać jeszcze jednego wglądu w to, co ciągle jeszcze funkcjonuje „w terenie” – może w rzadkiej siatce, a napewno na podstawie nowego, możliwe niewielkiego kwestionariusza. Może warto już zacząć myśleć o aneksie do OLA? OLA jest naszym najsprawniejszym narzędziem zdolnym pokazać stary i nowy podział słowiański oparty nie tylko na kryteriach fonologicznych, ale i na kryteriach morfosyntaktycznych i leksykalnych – może warto to narzędzie w miarę naszych możliwości udoskonalić?

Словацко-русские лексические соответствия в пространственно-временном аспекте

Татьяна Ивановна Вендина

Институт славяноведения РАН, Москва

Slovak-Russian lexical correspondences in the spatial and temporal aspect

The article deals with the problem of chronological interpretation of the slovak-russian lexical isoglosses, presented on the OLA maps.

Обращение к теме изучения лексики методами лингвогеографии в сборнике, посвященном юбилею проф. А. Ференчиковой, является скромной данью глубокого уважения к этому неутомимому диалектологу-труженику, вся жизнь которого подчинена реализации идей Общеславянского лингвистического атласа.

Публикация Общеславянского лингвистического атласа (OLA) открыла перед исследователями новые перспективы в изучении и осмыслении богатейшего диалектного материала, бывшего ранее во многом неизвестным, а потому долгое время остававшимся в тени при описании диалектного ландшафта Славии и тех языковых процессов, которые протекали в славянских диалектах в прошлом и имеют место сегодня. Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavia придало картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территории, тем вероятнее получение новых сведений о дифференциации славянских диалектов.

Атлас предоставил исследователям лексический материал, который дает основания для нового взгляда на традиционно устанавливаемые связи не только в современной, но и праславянской Славии, так как любая лингвистическая карта, построенная по принципу „от значения к слову“ и охватывающая обширную территорию, отражает не только территориальное распределение лексем, но и временное. Поэтому карты лексических томов Атласа, на которых развернута экспозиция основных лексико-словообразовательных явлений, требуют сегодня глубокого анализа и всестороннего изучения межславянских лексических соответствий.

В этой связи несомненный интерес представляет изучение словацко-русских лексических параллелей, так как они являются довольно сложными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим хронотопическим характеристикам.

Этот вопрос оказывается особенно интересным в связи с тем, что карты Общеславянского лингвистического атласа свидетельствуют о том, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских лексических соответ-

ствий проектируются в разновременные плоскости. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских языков. Несмотря на то, что в основу Вопросника Атласа был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на его картах наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Более того, материалы ОЛА содержат многочисленные факты, отражающие не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период существования языков славянских народностей. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затмнена более поздними временными напластованиями.

Для осмыслиения этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс „без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкоznания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка“ (Макаев, 1965, с. 15).

Поэтому словацко-русские (и шире межславянские) ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости – статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий¹, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка (см. напр. Жирмунский, 1954, с. 23).

Опубликованные тома Атласа убедительно говорят о том, что проблема лексических связей двух языков не может ограничиваться материалом только этих языков. Для понимания истинного характера их ареальных связей важное значение имеет общеславянская перспектива, так как она дает возможность выяснить, какие из лексических параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

В связи с этим мы попытались взглянуть на словацко-русские лексические параллели в общеславянском контексте. Ареалы выявленных корреспонденций помогут установить определенные закономерности в их образовании, ибо в соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в исторической перспективе, так как фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым

¹ Ср. в связи с этим точку зрения Э. Бенвениста: „Ясно, что исследование, оперирующее соотвествиями лишь как количественными величинами..., заранее обречено на неудачу. Ни число со-поставлений, ни число языков, признанных родственными, не может являться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей родственных языков как переменную величину, способную принимать различное значение“ (Бенвенист, 1963, с. 44 – 45).

различиям во времени: „существование языка в пространстве и существование языка во времени – одно и то же явление существования языка во времени-пространстве“ (Степанов, 1975, с. 304). Поэтому изучение словацко-русских языковых сходствий в общеславянском контексте делает реальной их временную стратификацию.

Следует отметить, что возможность их исследования в полном объеме появилась лишь после публикации шестого тома ОЛА „Домашнее хозяйство и приготовление пищи“, единственного пока тома лексико-словообразовательной серии, в котором представлен материал **всех** славянских диалектов, включая болгарские, которые долгое время по экстралингвистическим причинам отсутствовали в Атласе².

Том содержит карты и диалектные материалы, собранные в полевых условиях на всей территории Славии (в 853 населенных пунктах, расположенных во всех славянских странах, а также в славянских диалектах на территории Германии, Австрии, Венгрии, Румынии). В основе их лежат ответы на вопросы из VIII раздела Вопросника ОЛА „Домашнее хозяйство и приготовление пищи“ (Вопросник 1965, с. 115 – 121), которые имеют индекс L (лексика), SL (словообразование), Sm (семантика), а также тематически близкие вопросы с фонетическим индексом F. Уже само название тома говорит о том, что он состоит из двух самостоятельных частей – „Домашнее хозяйство“ и „Пища и ее приготовление“, каждая из которых содержит блок карт и материалов к ним, объединенных по тематическому или лексико-семантическому принципу. Эти блоки не равнозначны по количеству входящих в их состав карт, однако семантическая связь их не вызывает сомнения.

Внутри раздела „Домашнее хозяйство“ условно можно выделить две группы карт:

1) названия посуды и некоторых предметов домашнего быта (вопросы L 1036 ‘стакан’, F (Sm) 1037 *čaša, F (Sm) 1191 *bl’udo, Sl 1184 ‘ложка’, Sl 1185 *dem* ‘ложечка’, Sl 1101 *dem* ‘ножик, ножичек’, L 1034 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’, L 1060 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’, L 1029 ‘коромысло’; сюда же были отнесены карты на вопросы L 1027 ‘колодец’, а также L 1030 ‘пустой, незаполненный’ и F (Sm) 1031 *porzďańь);

2) материал, из которого сделана посуда (вопросы F (Sm) 1038 *stv̄klo, Sl 1172 ‘сделанный из глины’).

Раздел „Пища и ее приготовление“ тематически более разнообразен. В нем выделяются следующие группы карт:

1) еда (общее понятие) и все, что с ней связано (вопросы L 1186 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’, L 1039 ‘желание, потребность пить’, FP (Sm) 1040 *žēdja, L 1150 ‘кислый, квашеный’ (о капусте), L 1195 ‘проглотит’ (еду), L 1204 ‘вкусный’ (о еде); с точки зрения семантики эта группа довольно разнородна, так как, кроме опорного слова *еда*, она включает названия ее признаков – *кислый* и *вкусный*, а также семантически далекие *жажды* и *проглотит*;

² О причинах отсутствия болгарского материала на картах Атласа см. Иванов, 1993, с. 315.

2) мука, тесто, процесс печения (вопросы L 1058 ‘мука, из которой пекут хлеб’, L 1064 ‘поставит, замесит тесто’, L 1065 ‘подходит, растет’ (о тесте), Sl 1080 3sg praes asp perf ‘печет’, F (Sm) *реčepъje);

3) хлеб и все, что с ним связано (вопросы L 1087 ‘режет’ (хлеб), L 1089 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’, L 1090 ‘крошки’ (хлеба);

4) названия видов мяса (вопросы Sl 1111 ‘мясо свиньи’, LSl 1112 ‘мясо коровы или вола’, Sl 1113 ‘мясо теленка’, Sl 1114 ‘мясо барана’, Sl 1115 ‘мясо гуся’); тематически к этой группе карт примыкает вопрос L 1116 ‘содержащий много жира’ (о мясе);

5) сало и продукты его переработки (вопросы L 1117 ‘подкожный слой жира в свинине’, F (Sm) 1118 *sadlo, L 1120 ‘топленое свиное сало’, L 1121 ‘пережаренные кусочки сала’);

6) молоко и молочные продукты (вопросы L 1129 ‘молоко коровы сразу после отела’, L 1128 ‘пенка’ (на молоке), F (Sm) 1130 *sěra, L 1133 ‘сырое кислое молоко’, L 1135 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока’; L 1136 ‘густой жирный верхний слой кислого молока’, F (Sm) 1138 *sygъ); с этой группой слов тематически, хотя и отдаленно, связан вопрос Sl 1131 ‘женщина, которая доит коров’;

7) яйцо и его части (вопросы F 1139 (j)aјe, Sl 1145 ‘яичко’, L 1146 ‘скорлупа’ (яйца), Sl 1147 ‘белая часть яйца’, Sl 1148 ‘желтая часть яйца’);

8) приготовление пищи (вопросы L 1164 ‘варит, готовит’ (обед), Sl 1165 3sg praes asp perf ‘варит’, L 1166 ‘кипит’ (вода), L 1169 ‘горячий’ (о воде), L 1170 ‘кипящая или вскипевшая вода’, L 1174 ‘кожура, снятая со старой картошки’);

9) временные отрезки, связанные с приемом пищи (вопросы L 1197 ‘завтрак, утренняя еда’, L 1198 ‘обед, еда в дневное время’, L 1199 ‘ест обед’, L 1200 ‘еда между обедом и ужином, полдник’, L 1201 ‘ужин, вечерняя еда’, L 1203 ‘ест ужин’, F (Sm) 1202 *večegјa).

Карты, входящие в этот том, имеют своей целью показать в пространственной проекции вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы славянских диалектов, связанного с ведением домашнего хозяйства и приготовлением пищи.

Ареальные характеристики лексики, представленной в этом томе, являются часто довольно сложными, демонстрирующими наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография словацко-русских изоглосс, их реальная пространственная „наполненность“ оказывается не одинаковой, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и соответственно разной хронологии.

Самыми немногочисленными являются словацко-русские лексические параллели, входящие в состав общеславянских лексических изоглосс. Их представляют всего четыре лексемы: *sěr-a* карта 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’; *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’; *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’; *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 ‘ест ужин’.

При этом ни одна из этих лексем равномерно не покрывает всей территории Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное – на других (при-

чем две из них – *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’; *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 ‘ест ужин’ имеют локальные ограничения именно в русских диалектах).

Так, в частности, лексема *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’³ (рус. *o'b'et*, *o'b'et*, *o'b'ied*, *a'b'et*, *a'b'et*; укр. *o'b'id*, *o'b'ed*, *o'b'id*, *ho'b'id*, *ubit*; блр. *a'b'et*, *a'b'et*, *a'b'ed*, *o'b'ed*; плс. *ob'at*, *objat*, *ocabjot*, *ocab'ot*, *obžat*; луж. *ob'et*, *wob'et*; чеш. *vobjet*, *vobjet*, *vobit*, *objet*, *wubjet*; слц. *objet*, *obet*, *obit*, *objeđ*; слн. *o'b'et*; *'obet*, *'obit*; хrv. *o'bed*, *o'bed*, *o'bid*, *'obed*, *'ubied*; серб. *o'bet*, *o'b'ied*, *'obed*; мак. *obet*; блг. *'obet*, *u'b'at*) равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех юнославянских диалектах (см. карту-схему 1).

Лексема *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ (рус. *'s'era*, *'s'era*; укр. *'sara*, *'s'ara*; блр. *'s'era*; плс. *sara*, *šara*, *šara*; луж. *sera*, *syra*; чеш. *šara*; слц. *šara*, *šara*; слн. *'sere*; хrv. *'sera*, *sièra*; серб. *'sera*, *'sera*, *sièra*; мак. *'sera*, *'s'ara*; блг. *'sera*, *'s'ara*) имеет островные или даже точечные ареалы во все славянских диалектах, за исключением польских, где ее характеризует повсеместное распространение (см. карту-схему 4). В словацких диалектах она локализуется в некоторых восточнославянских говорах (пп. 226, 227, 228).

В русских диалектах лексема *sěr-a* (*'s'era*) встречается спорадически в севернорусских говорах (вологодских, ярославских), среднерусских (новгородских и тверских), а также в западной группе южнорусских (смоленских) говоров.

Ареал этой лексемы тянется узкой полосой с северо-запада на юг, и нигде, кроме польских диалектов, не имеет тотального распространения. Такой прерывистый характер ареала свидетельствует, как представляется, о тех древних трансдиалектных связях, которые продолжают отношения исходной системы. При этом не исключено, что в прошлом ареал этой лексемы был значительно шире.

Совсем иной ареал имеют лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tъ*. Лексема *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ (рус. *v'a'č'er'a*, *v'a'č'er'a*, *v'i'č'er'a*, *v'a'č'er'a*, *v'a's'er'a*; укр. *ve'čera*, *və'čer'a*, *vy'čera*, *ve'čer'a*, *vy'čyr'a*; блр. *v'a'čera*, *v'a'čer'a*, *v'e'čera*; плс. *v'ečera*, *'vječeřa*, *'vječeža*, *v'ečeža*; луж. *w'ečer'ja*, *w'ečer'ja*, *jacer'ja*; чеш. *večeře*, *wečeře*, *večeřa*, *večeře*; слц. *večera*, *vešera*; слн. *va'čerja*, *vičě:rja*, *və'či:rja*, *vəlčierja*, *večerjg*; хrv. *večera*, *ve'cera*, *vičièra*, *vačara*; серб. *véčera*, *véčara*, *večera*, *večera*; мак. *večera*, *víčera*, *'w'eč'er'a*; блг. *ve'čera*, *večera*, *víčer'a*) имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских и латеральный ареал в русских диалектах (см. карту-схему 2), где ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами (причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими), тогда как на остальной территории Славии, за исключением польских диалектов, лексема *večer-j-a* имеет повсеместное распространение.

Лексема *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 ‘ест ужин’ (рус. *v'eč'er'a*, *v'eč'e'r'ajet'*, *v'a'č'er'a'jat'*, *v'i'č'er'ait'*; укр. *ve'čer'aje*, *ve'čer'a*, *v9'čer'aje*, *v9'čer'a*, *v9'č'er'a'jat'*, *vy'čeraje*; блр. *ve'čeraje*, *vyl'čeraje*, *v'a'čer'ijic'*, *v'a'čerajā*; плс. *v'ecera*, *v'ecežo*, *ýečeřa*, *v'eceža*; луж.

³ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами. Словоформа, зафиксированная в диалекте, приводится в скобках в фонетической транскрипции ОЛА.

ve'čer'at', *jacer'ja*, *w'ečer'ja*; чеш. *večeří*, *večeří*; *wečeří*; *večeřa*: *večeřq*; слц. *večera*; *večeřa*; *večeřia*; слн. *val'čerja*, *váčierja*, *wełčierje*, *vəčlerje*; хрв. *ve'čera*, *vi'čera*; *večiè:ra*, *vačà:ra*, *večera*, *vy'čera*; серб. *véčera*: *véčara*; *ve'čera*; мак. *večerat*, *večera*, *'w'eč'era*, *vi'č'era*; брг. *večera*, *ve'čerə*, *vi'čer'ə*) широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где она территориально ограничена (см. карту-схему 3).

В русских диалектах ареал этой лексемы локализуется в основном в говорах южнорусского наречия, реже в западных среднерусских (псковских) говорах, где ее активно теснит глагол //už-in-a-j-e-tь.

Таким образом, лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tь* характерны в основном для западной группы говоров южнорусского наречия. При этом следует отметить, что они плотно покрывают территорию украинских и белорусских диалектов, а также западно- и южнославянских языков, т. е. совершенно очевидно, что их ограниченная локализация в русских говорах – явление не случайное, а вполне закономерное, если принять во внимание тенденцию к сужению ареалов праславянских лексем.

Следует, однако, отметить, что обе лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития. Об этом говорят прежде всего памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении (ср.: *когда твориши оғ'єдъ или вечерю*. Панд. Ант. XI в.; *Сладъкаѧ вечеря и сласть, ҳл'єбъ ти соль, новаѧ іадъ*. Гр. Наз. XI в.; *Видиши оғ'єды и вечеря и пит'єния и прелесть и говорь*. Златостр.; *оғ'готован چто вечерај*. Остр. Ев.; Панд Ант. XI в.; *вечеряжомъ много же кес'єдовавъше*. Мин. Чет. февр. 288 – Срезн. I, с. 251 – 252). Значительно позднее, не ранее XVI – XVII вв., появляются в современном значении лексемы *ужин* и *ужинать* (см. Черных II, с. 285).

Данная ситуация находится в полном соответствии с положениями лингвистической географии: „Когда какое-либо новое языковое явление распространялось до того, что оно охватывает уже почти всю, но не целиком всю территорию данного языка, то понятно, что старое, теперь, так сказать, затопленное другим явлением, сохраняется только кое-где в отдаленных углах. Поэтому можно предположить, что одинаковые языковые явления, находящиеся теперь в разных углах данной территории, представляют собой отдельные остатки некоторого старого явления, некогда охватывавшего целую территорию, но теперь отступившего перед наплывом нового“ (Теньер, 1966, с. 114).

Об этом же свидетельствует и еще существующее в тех же южнорусских и западных среднерусских говорах явление конкуренции лексем с корнями *večer-* и *už-* (ср.: п. 675 *'užyinajat*, *v'æč'a'r'ejat*; п. 747 *'vužyn*, *v'ač'era*; п. 771 *v'ačera*, *'vužyn*; *'vužynačic*, *v'ačerajic*; п. 784 *v'ač'er'a*, *'užyn*; *v'ač'er'ajic*, *'užyinajic*; п. 788 *'vužyn*, *v'ač'er'ə*; *'vužynačit*, *v'ič'er'it*; п. 791 *'užynat*, *v'ič'er'it*; п. 797 *'užynat*, *v'ač'er'it*; п. 798 *'užyn*, *v'ač'er'a*; п. 799 *'vušyn*, *v'ač'er'a*; п. 811 *v'ač'er'a*, *'užyn*; п. 814 *'vužyn*, *v'ač'er'a*; п. 822 *'vužyn*, *v'ač'er'a*; *v'ač'er'ajat*, *'vužynait*; п. 837 *'vužynait*, *v'ič'er'et*; п. 844 *v'ič'erə*, *'vužyn*; *v'ič'er'ajit*, *'vužynajit*; п. 845 *'užyn*, *v'ič'er'a*; *'užyinajit*, *v'ič'eřejit*).

Близость украинских и белорусских диалектов, в которых лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tь* имеют тотальное распространение, а также наличие межъязы-

ковых контактов поддерживает „вitalность“ этих лексем в южнорусских говорах и сказывается положительно на их существовании.

В общей картине словацко-русских лексических соответствий эти общеславянские лексемы обладают высоким классификационным весом, так как они являются свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей.

К этой группе лексем примыкает небольшая группа словацко-русских лексических корреспонденций, которые входят в состав **восточно-южно-(и частично западно-)славянских изоглосс**.

Эти изоглоссы сформировались также, по-видимому, в достаточно древний период, еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от северославянских. Наличие же островных ареалов в отдельных западнославянских диалектах (в том числе в словацких) еще больше повышает их статус, так как эти ареалы говорят о том, что в прошлом корреспондирующие лексемы были распространены значительно шире.

Среди этих лексических корреспонденций следует особо выделить те, которые и в **словацких, и русских диалектах имеют обширные ареалы** (ср., например, распространение производных с корнем **glbt-* к. 57 ‘проглотит’ (еду) (слц. *prehľtnie*, *prehľtne*, *prehutňe*; рус. *prog'lot'it*, *prag'lot'it*, *prag'lot'a*, *pray'lot'it*). Помимо словацких (а точнее западнословацких говоров) и русских диалектов, дериваты с этим корнем широко распространены в белорусских, словенских, хорватских, сербских, македонских и болгарских диалектах, а также имеют локально ограниченные ареалы в некоторых украинских и польских говорах.

Лексических соответствий подобного типа сравнительно немного⁴, так как чаще представлены такие, которые в восточнославянских (и в частности в **русских**) диалектах имеют обширные ареалы, а в **словацких ограниченные** (ср., например, распространение лексем *kyp-i-tъ* к. 47 ‘кипит’ (вода) (слц. *kyp-put'*; рус. *k'ip'it*, *k'ip'i*, *kyp'yt*, *k'ap'it*, *k'ip'ic*, *k'ip'it'*); *žed-j-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ (слц. *ža:za*; рус. *'žažda*, *'žaždə*); *rěž-e-tъ* (*rěž-i-tъ*) к. 17 ‘режет’ (хлеб) (слц. *reže*, *'riže*; рус. *'r'ežyt*, *'r'ežot*, *'r'ežet*, *'r'ežat*, *'r'ežat'*, *'r'eža*, *'r'ežyt'*, *'r'ežyt'*), которые в русских диалектах распространены повсеместно, а в словацких зафиксированы лишь в единичных пунктах восточнословацких говоров (как правило, в пп. 228, 232, 233), граничащих с украинскими диалектами. При этом они известны всем южнославянским языкам. Такой ареал этих лексических соответствий позволяет квалифицировать их как контактно-генетические, так как существование подобных корреспонденций во многом предопределено культурно-языковым взаимодействием с украинскими диалектами. В то же время наличие их в южнославянских диалектах не исключает возможности оценки их и как реликтов праславянской древности.

⁴ Ограниченный объем статьи позволил привести лишь некоторые примеры. Более подробные данные содержатся в монографии Т. И. Вендиной Русские диалекты в общеславянском контексте. Москва 2009.

Нельзя, однако, не отметить, что иногда встречаются и противоположные ареальные сценарии, когда в **словацких диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы**, тогда как в восточнославянских диалектах (и в частности в **русских**) **ограниченные** (ср., например, распространение лексемы *soln-in-a* к. 27 ‘под кожный слой жира в свинине’ (слц. *slaňina*, *suaňina*; рус. *sela'n'ina*), которая плотно покрывает территорию словацких и польских диалектов, однако в русских диалектах она зафиксирована лишь в ста-рожильских говорах на территории Латвии, в украинских диалектах эта лексема известна в основном в говорах юго-западного наречия, особенно в закарпатских и гуцульских; в белорусских диалектах она имеет островные ареалы в северо-восточных говорах, среднебелорусских и юго-западных; кроме того, лексема *soln-in-a* широко распространена во всех южнославянских диалектах, за исключением словенских, где она локально ограничена.

По-видимому, древний характер имеют и словацко-руssкие лексические корреспонденции, которые входят в состав изоглосс, связывающих **восточно- и западнославянские языки с некоторыми южнославянскими**. Их представляют лексемы, которые, как правило, **плотно покрывают территорию восточно- и западнославянских языков** (или некоторых западнославянских, в том числе словацкого языка) а также юго-западную часть южнославянских. Ярким примером таких соответствий может служить лексема *mök-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ (слц. *ti:ka*, *tuka*; рус. *tu'ka*, см. карту-схему 5), которая имеет сплошной ареал в восточно- и западнославянских языках, а также в словенском, и ограниченный ареал в хорватских и сербских диалектах; лексема *var-i-tb* к. 45 ‘варит, готовит’ (обед) (слц. *vari*, *vari:*; рус. *'var'i't*, *va'r'i't*, *va'r'i't*), которая широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах (в том числе повсеместно в словацких), а также в отдельных южнославянских (в хорватских, сербских и македонских); лексемы *běl'-yk-ъ* к. 42 ‘белая часть яйца’ (слц. *bi:lek*, *bielok*, *bje:lek*, *be:lok*, *bilok*; рус. *b'e'łok*, *b'e'lók*, *b'e'łok*, *b'i'łok*, *b'a'łok*) и *žyl'-yk-ъ* к. 43 ‘желтая часть яйца’ (слц. *žl:tek*, *žl:tok*, *žu:tek*, *žo:tok*, *żołtok*, *żoltek*, *žvoltek*; рус. *żoł'tok*, *żel'tok*, *ż'eł'tok*, *żel'tok*, *żal'tok*, *żyl'tok*): в восточнославянских, словацких, чешских и лужицких диалектах эти лексемы распространены практически повсеместно; кроме того, они имеют обширные ареалы в болгарских и локально ограниченные в польских, сербских, македонских и словенских диалектах; или лексема *sъ-met-an-a* к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ (слц. *smetana*, *smatana*, *smotana*; рус. *s'm'e'tana*, *s'm'e'tana*, *sm'o'tana*, *sm'i'tana*, *s'm'a'tanə*), которая широко распространена в восточно- и западнославянских языках (в том числе в западно- и среднесловацких говорах) и имеет островные ареалы в словенских, сербских и болгарских диалектах.

К этой группе словацко-руssких лексических соответствий примыкают лексемы, которые также сформировались в рамках **восточно-западно-(южно-)славянских** соответствий, но **имеют ареальные ограничения** в своем распространении. При этом здесь прослеживается несколько ареальных сценариев:

1. **Обширный ареал корреспондирующих лексем в словацких и русских диалектах, но ограниченный в украинских и белорусских** (ср., например, распространение лексемы *koryt-o* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из

одного куска дерева' (слц. *korito, koreto*; рус. *ко́ртило, ко́ртыло, ка́тыла, ка́тыло*): в украинских диалектах лексема представлена главным образом в говорах юго-западного наречия; в белорусских диалектах она встречается в основном в северо-восточных и среднебелорусских говорах; в словацких диалектах эта лексема распространена повсеместно; кроме того, она отмечена в некоторых словенских диалектах (в частности, в прекмурских и доленских говорах) и хорватских (в отдельных кайкавских, штокавских и чакавских говорах).

2. Обширный ареал корреспондирующих лексем в словацких диалектах, но ограниченный в восточнославянских диалектах (ср., например, распространение лексемы //ěd-j-en-ъj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (слц. *jedeňia*; рус. *jid'a'n':o*): в русских диалектах эта лексема зафиксирована в отдельных пунктах среднерусских тверских говоров; в белорусских – в юго-западных говорах; в украинских диалектах она имеет островной ареал в юго-западных говорах; в словацких и польских, диалектах лексема распространена практически повсеместно; такое же широкое распространение этой лексемы наблюдается в македонских и болгарских диалектах.

3. Локально ограниченные лексические корреспонденции и в русских, и в словацких диалектах (ср., например, распространение лексемы *sъ-met-an-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (слц. *smetana, smatana, smotana*; рус. *s'm'i'tana, s'm'e'tana, s'm'a'tana, sm'a'tanə*): в русских диалектах лексема локализуется преимущественно в южнорусских говорах, особенно в их западной группе, хотя и встречается в отдельных пунктах севернорусских говоров; при этом она широко представлена в белорусских и западноукраинских диалектах; в словацких диалектах лексема локализуется в основном в западнословацких говорах; кроме того, она имеет локально ограниченные ареалы во всех юнославянских (за исключением македонских) диалектах.

Континуальность ареалов этих лексем, которые связывают все три славянские языковые группы, локализация их в основном в архаичных западнословацких говорах является живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, и представленные часто в виде изолированных „островков“, эти соответствия могут быть „осколками“ некогда более обширных ареалов.

Этим древним словацко-русским лексическим параллелям, которые можно охарактеризовать как генетические, противостоят лексические соответствия, сформировавшиеся значительно позднее, когда юнославянские языки были уже оторваны от северославянских. Это словацко-русские лексические изоглоссы, которые являются частью **восточно-западнославянских связей**.

Среди этих соответствий отчетливо выделяются несколько групп лексем.

Первую образуют лексемы, которые плотно покрывают территорию **восточно- и западнославянских языков** или восточно- и некоторых западнославянских (включая словацкий), отсекая юнославянские (ср., например, распространение лексемы *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (слц. *nožik, noži:k, nožik*; рус. *'nožik, 'nož'ik*), которая имеет обширный ареал и в восточно-, и в западнославянских языках; лексемы *baran-in-a* к. 24 'мясо барана' (слц. *barańina*,

baranina; рус. *ba'ran'ina*, *ba'ran'inə*), широко распространенной в восточнославянских, польских и словацких диалектах).

Во вторую группу входят лексемы, которые имеют **широкое распространение в русских и некоторых западнославянских** (и прежде всего в **словацких**) диалектах, при этом они отсутствуют в южнославянских, ср., например, распространение лексемы *škvar-ък*-у к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ (слц. *škvarki*, *škvarke*; рус. *šk'var'k'i*), которая широко распространена в русских, украинских, чешских и словацких диалектах, но имеют ограниченный ареал в белорусских, польских и лужицких диалектах; или лексемы //aj-ič-ък-о к. 40 *dem* (j)aje (слц. *vajíčko*, *vajíčko*; рус. *ja'jič'ko*, *ja'jič'ko*, *jejic'ko*, *jajič'ka*, *ja'iš'kə*, *ja'ič'kə*), которая имеет плотный ареал в русских, словацких, чешских диалектах и ограниченный в белорусских и украинских; или лексемы //aj-ъс-о к. 39 *Nsg* (j)aje (слц. *vajse*, *vajso*; рус. *aj'co*, *aj'c'o*, *jij'co*, *jej'c'o*, *jaj'co*), которая широко распространена в русских и словацких диалектах и имеет ограниченные ареалы в чешских, польских, украинских и белорусских диалектах.

Третью (самую обширную) группу образуют **лексемы, которые в восточно- и западнославянских языках имеют особенности в своем распространении**, при этом они отсутствуют в южнославянских языках. Среди этих соответствий чаще всего прослеживаются следующие ареальные сценарии:

1. **Обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах, тогда как в западнославянских диалектах (и в частности, в словацких) они имеют ограниченный, а иногда даже точечный ареал,** ср., например, распространение лексем.:

ložъk-a к. 52 ‘ложка’ (слц. *loška*, *laška*; рус. *loška*, *loška*, *loškə*, *ložka*): в словацких диалектах лексема зафиксирована лишь в восточнословацких говорах; кроме того, она имеет островные ареалы в польских (великопольских и шленских) говорах и точечный – в чешских (п. 197);

glin-j-an-ъ к. 50 ‘сделанный из глины’ (слц. *hlíňanej*, *hlinani*; *hlíňani*; рус. *gl'in'enpyj*, *gl'in'anoy*, *yl'in'enpyj*, *yl'in'anoy*): в словацких диалектах лексема локализуется в восточнословацких говорах; однако она широко распространена в польских и лужицких диалектах.

2. **Обширный ареал в словацких диалектах и ограниченный в восточнославянских** (ср., например, распространение лексемы *na-var-i-tь* к. 46 3sg *praes asp perf* ‘варит’ (слц. *navari*, *navari*; рус. *na'var'it*, *nə'var'it*), которая имеет обширный ареал в словацких диалектах и ограниченный в остальных западнославянских языках, а также в восточнославянских: в русских диалектах эта лексема отмечена лишь в отдельных пунктах севернорусских (архангельских) и среднерусских (подмосковных) говоров; в белорусских диалектах – в некоторых юго-западных и среднебелорусских говорах; в украинских диалектах лексема зафиксирована в закарпатских говорах.

3. **Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в словацких, и в русских диалектах**, ср., например, распространение таких лексем, как:

(*smač*)-ъп-ъ к. 65 ‘вкусный’ (о еде) (слц. *smačni*; рус. *s'mačny*, *s'mačnyj*, *s'mač-pyj*): лексема широко распространена в польских, украинских и белорусских диалектах, но имеет ограниченный ареал в русских (так как локализуется

в основном в южнорусских смоленских и брянских говорах) и словацких (а точнее, в восточнословацких) диалектах;

skor-up-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) (слц. *škogira*, *škarupa*; рус. *skoru'pa*): лексема имеет островные ареалы в восточнославянских, чешских и словацких (восточнословацких) диалектах и довольно обширный в польских;

sъn-ěd-an-ъj-e к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ (слц. *sňi:dańi:*; рус. *s'n'edan':e*, *s'n'eđen'je*, *s'n'edan':a*, *s'n'edən'jə*): в русских диалектах лексема локально ограничена, так как встречается в основном в южнорусских говорах (смоленских и брянских) и в отдельных пунктах среднерусских говоров (псковских); в словацких диалектах лексема зафиксирована лишь в п. 208; при этом она широко известна в польских, чешских, лужицких, белорусских и украинских диалектах;

skor-ъk-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) (слц. *skorka*, *skurka*; рус. *škurka*): в словацких диалектах лексема распространена в основном в восточнословацких говорах, кроме того, она имеет островные ареалы в польских (мазовецких и малопольских) говорах и точечный ареал чешских диалектах (п. 207); в русских диалектах лексема зафиксирована в некоторых пунктах южнорусских говоров; в белорусских диалектах она встречается в юго-западных и западнополесских говорах, в украинский диалектах эта лексема имеет плотный ареал в полесских и юго-западных говорах.

Статус этих соответствий разный.

Обширный ареал и целостность общей ареальной картины на значительной части территории лексических корреспонденций **первой и второй группы** говорит о том, что эти словацко-русские лексические параллели сформировались, по-видимому, в позднепраславянский период. Отсутствие изоглосс в юнославянских языках является свидетельством того, что этот обширный ареал образовался уже после отделения славянского юга от славянского севера, но еще существовало восточно-западнославянское единство, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. Поэтому характер этих соответствий можно определить как генетический.

Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в общей картине межславянских лексических связей, представленных в шестом томе ОЛА, отсутствует такая типологически значимая ареальная ситуация, когда лексема равномерно покрывала бы всю восточнославянскую территорию и находила бы такое же яркое продолжение в юнославянских диалектах, тогда как в западнославянских диалектах подобная ситуация наблюдается (ср., например, распространение лексемы *pož-ik-ъ* к. 20 *det* ‘ножик, ножичек’). Примечательно, что эти корреспондирующие восточно-западнославянские лексемы представлены производными основами, прозрачная словообразовательная структура которых указывает на их сравнительно позднее образование, а наличие в сравниваемых языках общих инноваций, в соответствии с постулатом лингвистической географии, является свидетельством предшествующего им диалектного континуума, т. е. совместного пути развития, продолжавшегося еще в относительно позднюю эпоху (подробнее см. Мартынов, 1983, с. 11; Клинов, 1990, с. 127).

Третий тип соответствий, имеющих ареальные ограничения в словацких и/или русских диалектах, сформировался уже значительно позднее и является,

скорее всего, результатом междиалектных контактов, в которых участвовали польские, украинские и белорусские диалекты. Не случайно многие из этих соответствий локализуются в восточнословацких говорах, территориально граничащих с юго-западными украинскими говорами. Их статус можно определить как ареально-генетический.

Интересно, что среди этих словацко-восточнославянских соответствий не обнаружено таких, которые в западнославянских языках имели бы распространение только в словацких диалектах и при этом они были бы известны в русских, украинских и белорусских диалектах (единственный случай отмечен на к. 41 ‘скорлупа’ (яйца): он связан с локализацией лексемы *skor-o-lup-a* (слц. *škarluľa*; рус. *skorlu'pa*, *skarlu'pa*, *skarlu'pa*), которая зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 230), при этом она имеет широкое распространение в восточнославянских, особенно в русских, диалектах). В то же время среди польско-восточнославянских соответствий подобные случаи отмечены, причем их довольно много (ср., например, распространение таких лексем, как *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’; //aj-ъc-ъk-о к. 40 *dem* (j)aje; *pust-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ (например, о горшке) и др.).

В тех редких случаях, когда подобные соответствия все-таки встречаются, они находят, как правило, продолжение в южнославянских диалектах (ср., например, локализацию словацко-восточнославянской изоглоссы лексемы *gós-ēt-in-a* к. 25 ‘мясо гуся’ (слц. *husacina*, *husaćina*, *huścina*, *hušecina*; рус. *gu's'at'ina*, *gu's'at'inə*, *gu's'er'ina*, *yu's'at'ina*), которая имеет плотный ареал в восточнославянских языках, а из западнославянских – только в словацких диалектах, при этом она известна в хорватских диалектах; или лексемы *rež-e-tъ*, *rež-i-tъ* к. 17 ‘режет’ (хлеб) (слц. *reže*, *riže*; рус. *'r'ežyt'*, *'r'ežot'*, *'r'ežet'*, *'r'ežat'*, *'r'eža*, *'r'ežyt'*, *'r'ežyt'*), которая в западнославянских языках встречается только в некоторых словацких (и в частности, в восточнословацких) говорах, однако она широко распространена во всех восточно- и южнославянских диалектах; или лексемы *kraj-ъc-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (слц. *krajec*, *krajec*; рус. *k'tajic*), которая отмечена в основном в среднесловацких говорах; в русских диалектах она зафиксирована в отдельных южнорусских смоленских и курских говорах; в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в некоторых северо-восточных, юго-западных и среднебелорусских говорах; в украинских диалектах она отмечена в единичном пункте полесских говоров (п. 384); при этом лексема *kraj-ъc-ъ* имеет довольно плотный ареал в словенских диалектах и точечный в хорватских.

В общей картине словацко-русских ареальных связей подобные соответствия имеют высокий статус, так как, скорее всего, это „осколки“ некогда более обширных ареалов, в связи с чем они являются еще одним свидетельством диалектальности славянского языкового континуума в праславянскую эпоху.

Наличие всех этих словацко-русских лексических параллелей во многом определяется тем, что они существуют в рамках восточнославянских языков, и в их возникновении важная роль принадлежала белорусским и особенно украинским диалектам. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство

лексем, имеющих ареальные ограничения, в словацких диалектах локализуются чаще всего в восточнословацких говорах (особенно в п. 233 и прилегающих к нему пунктах, с географической точки зрения расположенных ближе всего к украинским говорам), а в русских диалектах – в южнорусских говорах (особенно в их западной группе, граничащей с белорусскими и украинскими диалектами). Этот факт наталкивает на мысль, что в формировании русско-словацких лексических параллелей важная роль принадлежала украинским и белорусским диалектам, которые выполняли роль своеобразного „моста“. Не случайно именно в этих диалектах находятся обширные ареалы корреспондирующих лексем, которые в русских диалектах бывают часто локально ограниченны.

Благодаря украинским и белорусским диалектам в русско-словацких ареальных связях наблюдается цепочечное развитие диалектных зон. Образуя звенья такой цепочки, украинские и белорусские диалекты являются собой последовательные этапы исторического развития как картографируемого явления, так и самой лингвотерритории.

Вместе с тем следует отметить, что „вклад“ украинских и белорусских диалектов в формирование этих лексических параллелей оказывается разным.

Прежде всего следует отметить, что **словацко-(украинско-)русские** соответствия являются более представительными, чем словацко-(белорусско-)русские, так как корреспондирующие лексемы нередко характеризуются обширными ареалами в словацких диалектах, а иногда и повсеместным распространением. Отличительной особенностью этих соответствий является и то, что все они находят продолжение в юнославянском языковом континууме. Яркой иллюстрацией таких словацко-(украинско-)русских соответствий могут служить, например, лексемы:

(*fruštik*-ъ, (*fryštik*)-ъ к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ (слц. *frištuk*, *fryštyk*; рус. *фрыштык*; укр. *fryštyk*, *fryštyk*, *fryščyk*): в словацких диалектах эта лексема плотно покрывает всю их территорию; в русских диалектах она имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в украинских она распространена в некоторых закарпатских говорах; кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в польских и некоторых юнославянских (словенских, хорватских и сербских) диалектах;

производные с корнем **kys-* к. 14 ‘подходит, растет’ (о тесте) (слц. *kisne*, *kisné*; рус. *вык'i sat*, *'k'isn'et*; укр. *kysne*, *kysnę*, *put'kysat*): в словацких диалектах дериваты с корнем **kys-* плотно покрывают всю их территорию, в русских диалектах они имеют точечные ареалы в севернорусских вологодских (п. 638), южнорусских тульских (п. 804) и среднерусских новгородских говорах (п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия; кроме того, производные с корнем **kys-* имеют обширный ареал в чешских диалектах и островные в польских и некоторых юнославянских (хорватских, сербских, македонских и болгарских) диалектах;

pol-i-dъn-e, *pol-ъ-dъn-e* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ (слц. *polodňe*, *poledňe*; рус. *по́лдн'i*; укр. *по́лудн'a*): в словацких диалектах лексема отмечена в некоторых пунктах западнословацких говоров; в русских диалектах она зафиксирована в двух пунктах южнорусских рязанских говоров (пп. 768, 783); в украинских

диалектах – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524); кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в польских и некоторых юнославянских (в частности, в болгарских) диалектах.

В ареальном распределении словацко-(украинско-)русских соответствий прослеживается следующая закономерность: в русских диалектах они локализуются чаще всего в южно- и среднерусских (новгородских) говорах; в украинских – в говорах юго-западного наречия, в словацких диалектах выявленные лексические корреспонденции нередко распространены практически повсеместно (а не только в восточнословацких диалектах, как это наблюдалось в русско-(украинско-белорусско-)словацких параллелях).

Континуальность изоглосс этих корреспондирующих лексем (локализация в трех славянских языковых группах) позволяет рассматривать их в качестве „осколков“ некогда более обширных ареалов и характеризовать как генетические. Исключением является лишь лексема (*fruštik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’, сам факт заимствования которой из немецкого языка (нем. *Frühstück*) является свидетельством позднего образования этой лексической параллели.

Иная ареальная картина складывается в **словацко-(белорусско-)русских** соответствиях: в большинстве своем они являются территориально ограниченными, но при этом имеют, как правило, обширные ареалы в польских диалектах, ср., например, следующие словацко-(белорусско-)русские изоглоссы:

krom'-yk-a к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (слц. *kromka*; рус. *k'romka*, *k'romka*; блр. *k'romka*): в словацких диалектах эта лексема локализуется преимущественно в восточнословацких говорах; кроме того, она имеет довольно обширный ареал в польских диалектах (в частности, в великопольских, а также в отдельных кашубских и шленских говорах); в русских диалектах лексема встречается в основном в западной группе русских говоров (тверских, новгородских, ладого-тихвинских); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте на границе с псковскими говорами (п. 335);

bēl'-yk-o к. 42 ‘белая часть яйца’ (слц. *bi:čko*, *bielko*; рус. *b'el'ko*; блр. *b'ał'ko*, *b'ał'ko*): в словацких диалектах лексему характеризует дисперсный ареал в западно-, восточно- и среднесловацких говорах; кроме того, она имеет островной ареал в чешских (моравских) диалектах и обширный в польских, где она распространена практически повсеместно; в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте севернорусских архангельских говоров (п. 549); в белорусских диалектах она имеет островной ареал в юго-западной группе говоров;

gos-in-a к. 25 ‘мясо гуся’ (слц. *husina*; рус. *gu's'ina*, *yu's'ina*; блр. *yu's'ina*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте западнословацких говоров (п. 208), однако она имеет обширный ареал в польских диалектах, где ее характеризует практически повсеместное распространение, и островной ареал в чешских (ляшских и моравских) говорах; в русских диалектах лексема встречается в отдельных севернорусских (вологодских) и южнорусских (смоленских) говорах; в белорусских она имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 331).

В ареальном распределении этих лексических соответствий прослеживается определенная закономерность, а именно: в русских диалектах они локализуются в отдельных северо- и среднерусских говорах; в белорусских они имеют островные ареалы в северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах; в словацких диалектах они представлены и в восточно-, и в западнословацких говорах. Причем в формировании этих соответствий важную роль сыграли польские диалекты, которые часто являлись центром иррадиации корреспондирующих лексем (ср., например, локализацию лексем *bēl'-kъ*-к. 42 ‘белая часть яйца’ или *gōs-in-a* к. 25 ‘мясо гуся’). Следует также отметить, что ни одна из корреспондирующих лексем не выходит за пределы северной Славии.

Такая ареальная картина словацко-(белорусско-)русских лексических соответствий, представленных, как правило, лексемами с производной основой, невольно наталкивает на мысль о позднем образовании этих ареальных связей, статус которых можно определить как ареально-генетический.

Последнюю группу соответствий образуют **собственно словацко-русские** лексические параллели, которые представляет собой также неоднородное явление, так как среди них выделяются две группы изоглосс – сепаратные и эксплюзивные.

Эти изоглоссы вызывают, несомненно, наибольший интерес. Являясь следствием дивергентного развития славянских языков, они представляют собой своеобразную „языковую эрозию“ (Журавлев, 1992, с. 113), т. е. остатки некогда более обширных ареалов корреспондирующих лексем. Поэтому „в сложном, пестром переплетении изоглосс наиболее показательны, наиболее значимы сепаратные изолексы, т. е. исключительные связи, отличительно характеризующие отдельные диалекты на фоне общеславянских словарных совпадений“ (Куркина, 1992, с. 28).

Рассмотреть эту уникальную ситуацию в деталях возможно впервые благодаря Общеславянскому лингвистическому атласу, карты которого позволяют преодолеть известную атомарность многих славистических исследований, когда та или иная изоглосса (в силу объективных причин, и, прежде всего, вследствие отсутствия материала) вырывалась из широкого ряда межславянских соответствий и возводилась в ранг определяющей.

Следует, однако, сказать, что в целом таких соответствий (судя по материалам шестого тома Атласа) сохранилось сравнительно немного, однако ценность их определяется тем, что они отсутствуют в украинских и белорусских диалектах, что дает возможность реально оценить характер словацко-русских лексических параллелей.

Словацко-русские **сепаратные** изоглоссы представляют следующие лексемы:

porzd-ъnъ, *porzd-ъn'*-к. З ‘пустой, ненаполненный’ (слц. *pra:zni*, *pra:zni*; *pražni*; рус. *po'roznij*, *po'roz'n'ij*, *po'roznij*, *po'roznaj*, *pa'roznaj*, *pa'roznaj*): в словацких диалектах эти лексемы распространены практически повсеместно; в русских диалектах они имеют плотный ареал в северорусских и в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских и тверских); кроме того, эта изоглосса охватывает все западно- и южнославянские диалекты;

(*traxter*)-ь: к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ (слц. *trakte:r*, *troxtē:r*, *traxta:r*; рус. *t'r'ext'el'*, *t'r'axt'el'*): в словацких диалектах эта лексема локализуется в основном в западнословацких говорах; в русских диалектах она имеет точечный ареал в среднерусских псковских говорах (п. 605), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); кроме того, эта изоглосса проходит в чешских, лужицких, польских, словенских, хорватских и сербских диалектах;

ob-škvar-ъk-y, *ob-skvar-ъk-y* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ (слц. *oškvarki*; рус. *ašk'vark'i*, *ošk'vark'i*, *ošk'varky*): в словацких диалектах эти лексемы распространены в основном в западнословацких говорах; в русских диалектах они встречаются в отдельных пунктах севернорусских (ярославских) и среднерусских говоров (новгородских); кроме того, эти лексемы распространены в чешских и польских диалектах. Их ареал вписывается в более обширный ареал лексемы *škvar-ъk-y*, распространенной в русских, белорусских, украинских, польских, лужицких, чешских и словацких диалектах;

kož-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) (слц. *koža*; рус. *koža*): лексема широко распространена в западнословацких говорах и реже – в среднесловацких; в русских диалектах она зафиксирована в отдельных севернорусских (архангельских) говорах; кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в лужицких, чешских, хорватских, сербских и македонских диалектах;

koryt-ъc-e к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ (слц. *korece*; рус. *ko'tytco*, *ko'tys':ə*): в словацких лексема имеет точечный ареал в среднесловацких говорах (п. 224); в русских диалектах она встречается в отдельных севернорусских говорах; кроме того, она отмечена в сербских диалектах;

kraj-ъ к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (слц. *kraj*; рус. *kraj*): в словацких диалектах лексема образует точечный ареал в среднесловацких говорах (п. 216); в русских диалектах она имеет островные ареалы в севернорусских (архангельских) и среднерусских (тверских) говорах; кроме того, эта лексема зафиксирована в хорватских и сербских диалектах;

производные с корнем **dvig-*/**dviž-* к. 14 ‘подходит, растет’ (о teste) (слц. *dvi:ha: sa*; рус. *rozd'v'in'oc:a*): в словацких дериваты с этим корнем отмечены в западнословацких говорах на территории Венгрии (п. 154); в русских диалектах они имеют островной ареал в севернорусских (архангельских) говорах; кроме того, эти лексемы встречаются в хорватских и словенских диалектах.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди сепаратных связей словацких и русских диалектов отсутствуют такие, которые имеют тотальный характер, когда презентирующие их лексемы равномерно покрывали бы территорию тех или иных говоров.

Исключение составляют лексемы *porzd-ъn-ъ*, *porzd-ъn-* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’, которые обладают обширными ареалами в западно- и южнославянских языках и имеют довольно плотный ареал в русских и словацких диалектах. Все остальные соответствия представлены лексемами, не имеющими широкого распространения.

Несмотря на немногочисленность словацко-русских сепаратных соответствий, в их распространении прослеживается определенная повторяемость, а именно: в словацких диалектах они концентрируются в основном в западнословацких говорах; в русских диалектах они локализуются чаще всего в архангельских и в западной группе среднерусских говоров.

При этом хронологическая маркированность этих соответствий, будет, по-видимому, разной. На это указывает, прежде всего, фактор пространства. Так, в частности, наличие обширных дистантных ареалов лексем лексем *porzd-ъп-*, *porzd-ъп'-ь* к. З ‘пустой, ненаполненный’ (рус.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.-чеш.-слц.-луж.-плс.) является свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху, ибо существование изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что „языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась“ (Принципы 1976, с. 184)⁵.

К архаизмам, по-видимому, можно отнести и лексему *kraj-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: несмотря на то, что эта лексема образует островные ареалы в русских, словацких, хорватских и сербских диалектах, она может рассматриваться как архаизм, так как все эти ареалы являются дистантными и локализуются в трех славянских языковых группах, кроме того, лексема представляет собой непроизводную основу, на базе которой образовались многочисленные дериваты, расширявшие радиус ее распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-их-а*, *kraj-иѣк-ъ*; рус.-блр. *kraj-иѣк-а*; рус.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ъс-ь*; рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ъс-ь*; блр.-укр. *ob-kraj-ъс-ик-ъ*; хрв.-укр. *зъ-kraj-ъс-ь*; серб.-плс. *зъ-kraj-ък-а*; слн.-слц. *kraj-ик-ъ*; чеш.-слц. *kraj-iѣк-ъ*; серб.-мак. *kraj-ък-а*; мак.-блг. *kraj-итѣк-ик-ъ*, *kraj-ъс-ъ* и т. д. Значение этой лексемы, образованной от глагола **krojiti* (ЭССЯ 12, с. 88), является первичным, т. е. то, что отрезано, „место отреза или разрыва“ (Фасмер II, с. 364; Черных I, с. 438; Преображенский I, с. 376), что в соответствии с теорией лингвогеографии является признаком архаизма.

К независимым типологически сходным образованиям следует отнести, по-видимому, лексему *koѣ-а* к. 31 ‘пенка на молоке’, несмотря на наличие у нее островных ареалов в одних диалектах (в частности, в русских пп. 532, 535; в чешских пп. 188, 199, 204; хорватских пп. 40, 148а; сербских пп. 151, 168; македонских п. 105) и довольно плотных – в других (в частности, в словацких пп. 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 221, 223, 224; и лужицких пп. 235, 237). Однако переносный характер значения этой лексемы, исходная посессивная семантика которой была ‘козья’ (шкура) <**kozja*> (ЭССЯ 12, с. 36), свидетельствует, скорее всего, о более позднем формировании этого соответствия в рамках собственной истории этих языков.

Поздний характер имеют и соответствия, представленные лексемой (*traxter*-ъ) к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’, о чем свидетельствует сам факт ее заимствования из др.-в.-нем. *trahter*, *trihtere*.

⁵ Ср. В связи с этим следующий тезис: „Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории“ (Бородина, 1980, с. 34).

По-видимому, поздними независимыми типологически сходными образования являются лексемы *ob-škvar'-yk-y*, *ob-skvar'-yk-y* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’, на что указывает, прежде всего, производный характер основы этих лексем, а также качественная характеристика их микроареала, так как подобные ареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся, не получило еще широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм, (ср., например, ареал такой широко распространенной в словацких и русских диалектах лексемы, как *škvar'-yk-y*).

Среди **словацко-русских эксклюзивов**, т. е. таких лексических соответствий, которые характерны лишь для русских и словацких диалектов, можно выделить лишь лексему //*ěd-iv*-о к. 54 ‘еда’ (слц. *jeđivo*; рус. *jił'd'iva*): в словацких диалектах эта лексема имеет дисперсный ареал в западнословацких (пп. 210, 213), среднесловацких (пп. 223, 224) и в восточнословацких говорах (п. 225); в русских диалектах она встречается в некоторых северорусских (архангельских) говорах.

Нетрудно заметить, что это эксклюзивное лексическое соответствие так же, как и сепаратные, не имеет ярко выраженного ареала, хотя нельзя не отметить повторяемость локализации его ареала в западнословацких диалектах, а в русских – в северорусских говорах. Примечательно также, что оно представлено именем с производной основой, что само по себе является значимым фактом, так как лексемы, структура которых в словообразовательном отношении „является прозрачной, оказываются более поздними“ (Климов, 1990, с. 122). Поэтому не исключено, что это соответствие может быть результатом параллельного и независимого развития. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что существование этого эксклюзива, его так сказать, витальность, была во многом поддержана другими однокоренными лексемами, имеющими в тех же диалектах более широкое распространение. Так, в частности, лексема //*ěd-iv*-о к. 54 ‘еда’ в русских диалектах имеет серьезную „поддержку“ со стороны лексемы //*ěd-a*, а в словацких – лексем *ěd-l-o* и //*ěd-j-en-čj-e*.

Итак, как видно из приведенного материала, топография словацко-русских изоглосс, их реальная языковая наполненность и пространственная локализация оказываются довольно сложными и не исчерпываются количественным показателем. Адекватная интерпретация их в пространственном и временном аспекте возможна лишь при наличии общеславянского контекста и при условии учета их разнонаправленности.

Как свидетельствует проведенный анализ, в большинстве своем словацко-русские ареальные связи сложились в рамках восточнославянского языкового континуума. По сравнению с этими изоглоссами роль сепаратных и эксклюзивных словацко-русских лексических соответствий в общеславянском контексте оказывается менее значительной.

В общей картине территориального распределения ареальных связей словацких и русских диалектов отчетливо просматривается несколько планов.

На первом плане находятся связи, которые оказались во многом предопределены статусом самого **русского языка как члена восточнославянского языкового континуума**. В формировании этих лексических изоглосс чрезвычайно важную роль сыграли белорусские и особенно украинские диалекты, которые во многом поддерживали эти связи, выполняя функцию своеобразного „моста“ между русскими и словацкими диалектами. Благодаря их поддержке сложилось большинство лексических соответствий русских и словацких диалектов. Не случайно среди них не отмечено случаев, когда лексема была бы широко представлена только в русских диалектах и при этом находила бы такое же широкое распространение в языках западно- и/или южнославянской группы.

Связи второго плана – это собственно русские ареальные связи. Они играют не менее важную роль в общей картине словацко-русских языковых отношений, хотя в количественном выражении они представлены довольно ограниченным кругом лексем.

Качественные различия словацко-русских изоглосс являются свидетельством их разного исторического прошлого. Поэтому хронологически они интерпретируются по-разному.

О том, что эти изоглоссы имеют разную хронологическую отнесенность, ярче всего говорит тот факт, что словацко-русские соответствия, сформировавшиеся в рамках восточнославянских языков, и соответствия, являющиеся принадлежностью собственно русских диалектов (т. е. сепаратные и эксклюзивные), обладают разной ареальной характеристикой (ср., например, направление словацко-(украинско-белорусско-)русских лексических изоглосс, для которых ведущим является южнорусский вектор, и распространение сепаратных и эксклюзивных словацко-русских соответствий, которые локализуются чаще всего в севернорусских говорах, см. карту-схему 6).

Инвентарь словацко-русских лексических соответствий включает в себя, с одной стороны, общеславянские лексемы, а с другой – ареально ограниченные диалектизмы, восходящие и к праславянской эпохе, и к эпохе самостоятельного развития славянских языков. Среди этих схождений наблюдаются такие, которые детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности), такие, которые определяются факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции словацких, украинских и польских диалектов, расположенных на смежных территориях), и, такие, которые во многом предопределены факторами типологическими и являются свидетельством независимого параллельного развития.

Представляется, однако, что даже в этом случае выявленные схождения могут быть отражением тех общих языковых процессов, которые были пережиты славянскими языками в прошлом, так как „параллельное развитие родственных языков не может быть случайным, оно возникает на основе тенденций, заложенных в системе прайзыка“ (Степанов, 1975, с. 27). И в этом смысле все изменения, которые произошли в славянских языках в процессе их исторического развития, с лингвистической точки зрения предопределены их пред-

шествующим состоянием. Таким образом, лексические карты Атласа являются прекрасной иллюстрацией одного из постулатов компаративистики – чем ближе языковые системы, тем меньше случайных совпадений в их развитии, поскольку развитие систем в значительной степени детерминировано общими генетическими истоками.

Итак, в общей картине словацко-русских лексических соответствий отчетливо просматриваются, по крайней мере, два хронологических среза – древний, относящийся к периоду формирования славянского языкового единства, и более поздний, связанный с процессами междиалектной интеграции, культурно-языкового взаимодействия словацких, польских, украинских, белорусских и русских диалектов.

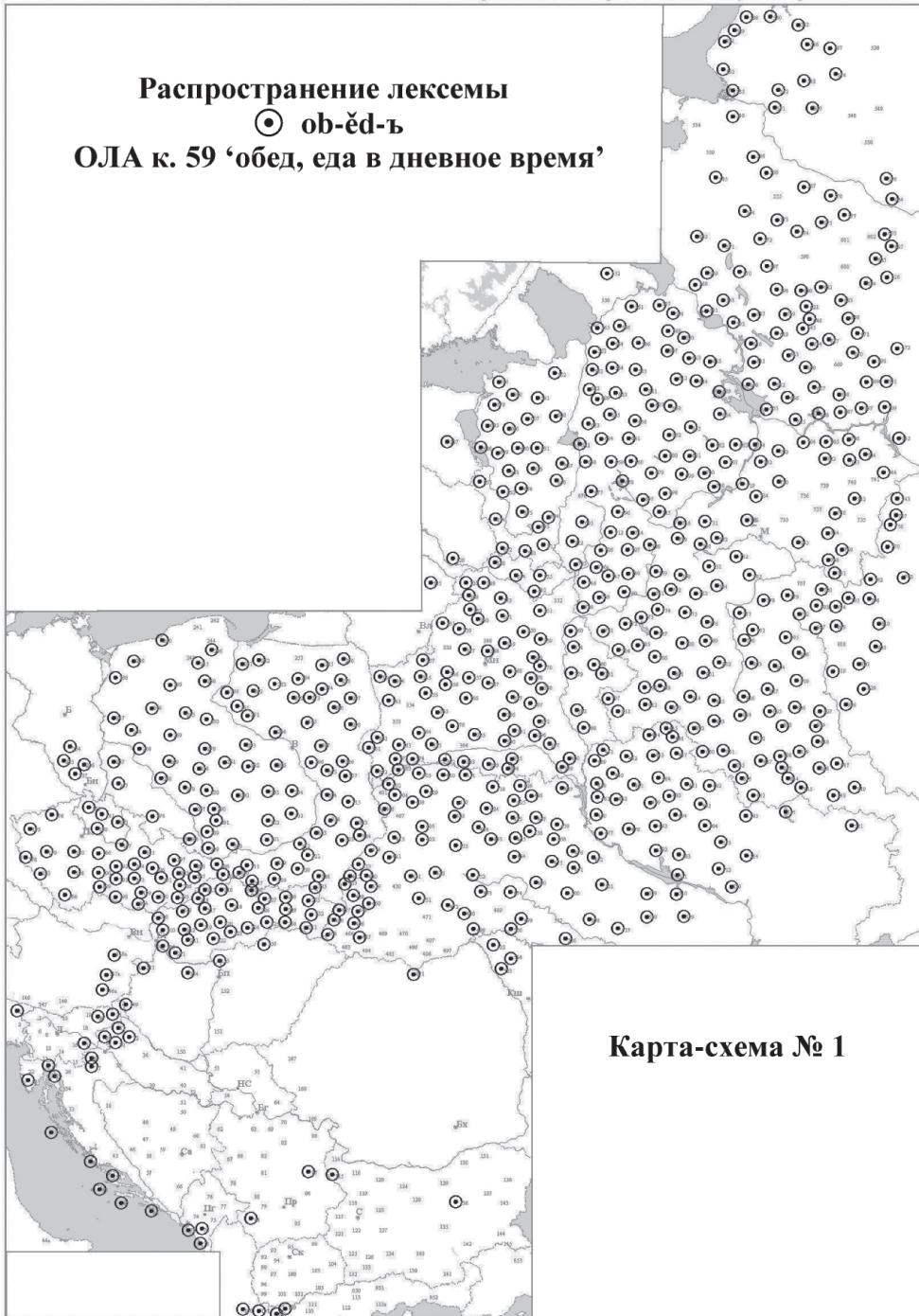
Такая неоднозначная картина ареальных связей словацких и русских диалектов согласуется с идеей Э. Бенвениста о том, что степень родства между членами больших семей родственных языков в разные хронологические периоды способна принимать различные значения (Бенвенист, 1963, с. 45), поскольку в истории межславянских диалектных отношений актуальными являются две противоположные тенденции: междиалектной интеграции и консервации как следствия сопротивления инодиалектным влияниям.

Bibliografia

- Бенвенист, 1963 – БЕНВЕНИСТ, Э.: Классификация языков. In: Новое в лингвистике. III. Москва 1963.
- Бородина, 1980 – БОРОДИНА, М. А.: Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов. In: Взаимодействие лингвистических ареалов. Ленинград 1980.
- Вопросник 1965 – Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. Москва 1965.
- Жирмунский, 1954 – ЖИРМУНСКИЙ, В. М.: О некоторых проблемах лингвистической географии. In: Вопросы языкоznания, 1954, № 4.
- Журавлев, 1994 – ЖУРАВЛЕВ, А. Ф.: Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. Москва 1994.
- Иванов, 1993 – ИВАНОВ, В. В.: История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа. In: Славянское языкоznание. XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации. Москва 1993.
- Климов, 1990 – КЛИМОВ, Г. А.: Основы лингвистической компаративистики. Москва 1990.
- Куркина, 1992 – КУРКИНА, Л. В.: Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana 1992.
- Макаев, 1965 – МАКАЕВ, Э. А.: Проблемы и методы сравнительноисторического языкоznания. In: Вопросы языкоznания, 1965, № 4.
- Мартынов, 1983 – МАРТЫНОВ, В. В.: Язык в пространстве и времени. Москва 1983.
- ОЛА 2007 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. Москва 2007.
- Преображенский – ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А.: Этимологический словарь русского языка. Т. I – II. Москва 1910 – 1914.

- Принципы 1976 – Принципы описания языков мира. Москва 1976.
- Срезн. – СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И.: Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I – III. Москва 2003.
- Степанов, 1975 – СТЕПАНОВ, Ю. С.: Методы и принципы современной лингвистики. Москва 1975.
- Теньер, 1966 – ТЕНЬЕР, Л.: О диалектологическом атласе русского языка. In: Вопросы языкоznания, 1966, № 5.
- Фасмер – ФАСМЕР, М.: Этимологический словарь русского языка. Т. I – IV. Москва 1964 – 1973.
- Черных – ЧЕРНЫХ, П. Я.: Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I – II. Москва 1994.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Т. I – . Москва 1974 – .

Распространение лексемы
◎ **ob-ěd-ъ**
ОЛА к. 59 ‘обед, еда в дневное время’





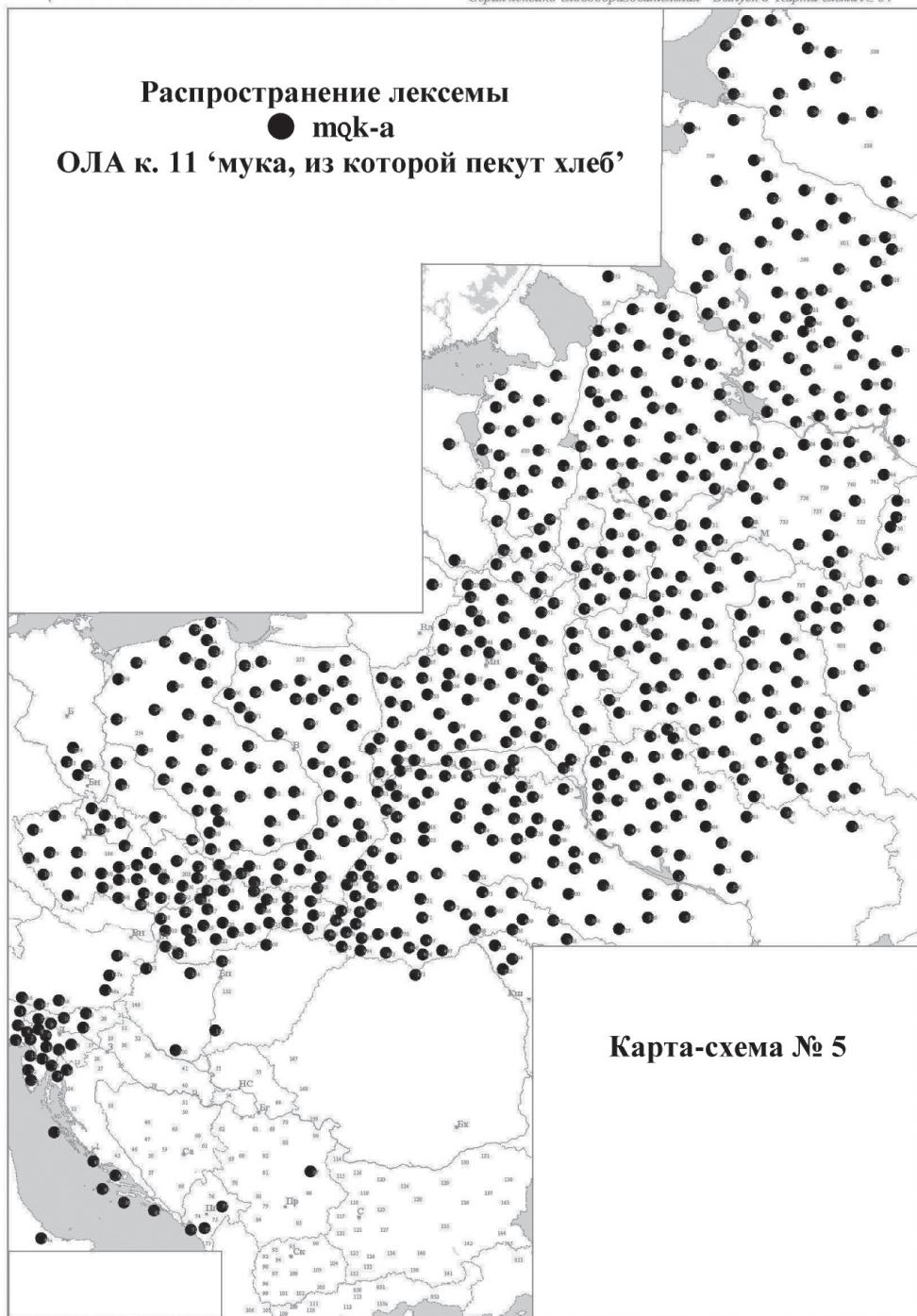
Распространение лексемы

● večer-j-a-j-e-ť

ОЛА к.64 ‘ест ужин’







Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с словацкими

- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения



Карта-схема № 6

Interpretácia morfológických štruktúr v Slovanskom jazykovom atlase¹

Pavol Žigo

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava

Interpretation of Morphological Structures in Slavic Linguistic Atlas

The article deals with a project of analysis of natural development processes of the noun declination in dialects of the Slavic languages in a special volume of the international project – *Slavic Linguistic Atlas*. The author offers a basic experience from cartographic processing of morpho-phonological and/or morphological items in particular Slavic macro-areas and points out the necessity of the synthetic analysis of the natural development of the noun declination in dialects of the Slavic languages as a starting point of the explanation focused on the nature in morphology.

Konštatovanie, že neexistuje klasifikácia slovanských jazykov, ktorá by bola založená na ich súčasnom stave, vyvoláva z hľadiska jazykovej typológie potrebu zamyšľať sa nad podstatou problému. Rozdelenie na západoslovanské, východoslovanské a južnoslovanské jazyky má oporu v geografickom členení a interpretácia jazykových faktov sa prispôsobuje tomuto členeniu. Klasifikácia slovanských jazykov opierajúca sa väčšinou o reflexy za pôvodné praslovanské hláske akoby nechcela rešpektovať znaky, ktoré sú výsledkom ďalšieho prirodzeného vývinu slovanských jazykov so súhrnom všetkých ich diferenciačných aj integračných znakov. Akákoľvek snaha o synchronickú či súčasnú typológiu slovanských jazykov na jednej strane nemusí verbalizovať vývinové zmeny, na druhej strane sa nevie zrieknuť znakov, ktoré sú výsledkom prirodzeného vývinu. Hľadanie vzájomného pôsobenia množstva týchto znakov, resp. určenie javov, na základe ktorých možno predvídať prítomnosť či absenciu inej skupiny znakov, je základným atribútom jazykovej typológie (porov. Ďurovič 2004, s. 125). Práce V. Oblaka, R. Jakobsona, E. Stankiewicza, D. S. Wortha, A. V. Isačenka, Ľ. Ďuroviča, ale aj Z. Stiebera, H. Běličovej, v ktorých sa autori snažili postihnúť morfológické zákonitosti slovanských jazykov, sa sústredovali na problematiku tvarotvorného základu, resp. jeho fonematickej štruktúry vo vzťahu k tvarotvorným morfémam. Tento prístup im neumožnil prefať kruh morfonologickej podmienených javov z dvoch obmedzujúcich príčin: 1. opierali sa o množstvo údajov v spisovných jazykoch, o ktorých je známe, že sú kompromisom, t. j. predpokladaným funkčne optimálnym obmedzením množstva variantných a dubletných podôb, 2. nemali k dispozícii komplexný materiál, systematicky pokrývajúci súvislé areály prirodzeného vývinu jazyka. Rozbehnutý projekt *Slovanský jazykový atlas* (Общеславянский лингвистический атлас, ďalej OLA), z ktorého 13 zväzkov hláskoslovnej a lexikálno-slovotvornej série vydali jednotlivé národné centrá, poskytuje možnosť hľadania typologických znakov slovanských jazykov. Okrem spracovania

¹ Štúdia vznikla v rámci riešenia projektu VEGA 1/0140/09 *Analógie a anomálie v substantívnej deklinácii slovanských jazykov*.

areálovej distribúcie reflexov za praslovanské vokály, komentovania a ich vývinu v hláskoslovnej sérii OLA a spracovania lexiky a sémantiky jednotlivých tematických okruhov v rámci lexikálno-sémantickej série na zasadnutí Medzinárodnej komisie OLA v Strunjane (Slovinsko) v r. 2000 sa macedónska národná komisia (Z. Topolińska, M. Marković, D. Gegovski) rozhodla spracovať v rámci projektu OLA aj morfológické javy. Inventár tvaroslovných javov bol organickou súčasťou terénnych nárečových výskumov podľa Dotazníka OLA (pozri *Voprosnik*), ktoré sa uskutočnili v šesťdesiatych a sedemdesiatych rokoch minulého storočia. Národné indexy týchto javov sú archivované na dialektologických pracoviskách jednotlivých národných komisií. Z tohto archivovaného materiálu – aj s ohľadom na typologické vlastnosti macedónskych nárečí, najmä funkčnosť – macedónska národná komisia spracúva problematiku zámen. Na zasadnutí Medzinárodnej komisie OLA v Struge (Macedónsko) v r. 2006 slovenská národná komisia vystúpila so zámerom spracovať v rámci osobitného zväzku OLA problematiku substantívnej deklinácie (Žigo, 2007, 2008; Mračníková, 2007). Koncepciu spracúvania tejto problematiky, metódy jej kartografickej interpretácie a komentovania sme v podobe čiastkových výstupov prezentovali na zasadnutiach Medzinárodnej komisie OLA v Sarajeve (2008) a Minsku (2009). Povaha morfológických javov v nárečiach jednotlivých slovanských jazykov a výsledky ich spracovania na rozsiahлом areáli od Jadranského mora po Ural poukazujú na vývinové javy, ktoré nadvážajú na genetickú charakteristiku slovanských makroareálov, ale z pohľadu morfológického vývinu svedčia o odlišných vývinových tendenciach. Spracovanie substantívnej deklinácie v nárečiach všetkých slovanských jazykov v samostatnom zväzku OLA umožní využiť čiastkové poznatky o vývine morfológických štruktúr jednotlivých slovanských jazykov v syntetizujúcej podobe a po kračovať v opise, ale najmä vo vysvetľovaní príčin areálovej distribúcie jednotlivých javov. Spoločne s východiskom takého prístupu sú monografické práce takého typu, akým je *Vývin slovenskej deklinácie* od E. Paulinyho (1990). Rozsiahly nárečový materiál projektu OLA umožňuje využiť čiastkové poznatky v paradigmatických štruktúrach ako komunikačnej dominante, rozvinúť ich využitím predchádzajúcej skúsenosti a definovať ich miesto pri postihovaní fenomenológie jazyka. V tejto oblasti ide v prvom rade o výsledky prehodnocovania kritérií, ktoré boli impulzom zmien v štruktúrach. Zo všeobecnojazykovedného hľadiska ide o odhaľovanie prirodzených tendencií vo vývine, súčasnej stavbe a fungovaní jazyka, o hľadanie súčinnosti a konfliktnosti analogických vyrovnávaní aj anomálií v spontánnych procesoch v jazyku.

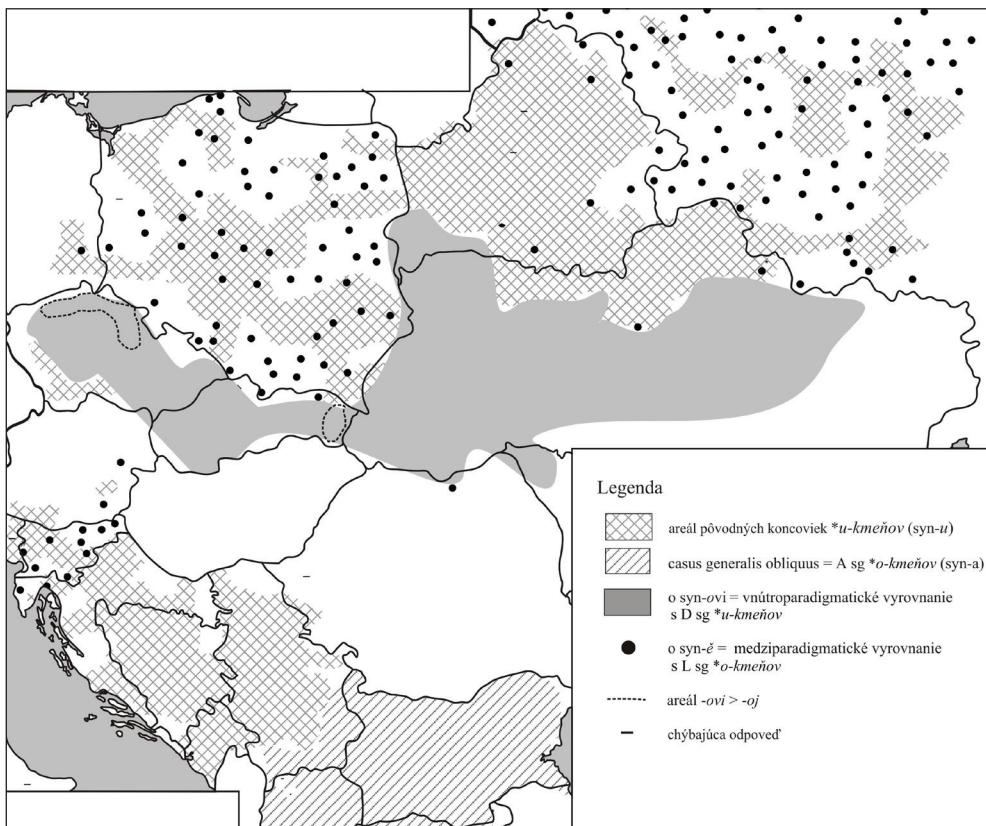
Pri spracúvaní problematiky substantívnej deklinácie v nárečiach slovanských jazykov si uvedomujeme typologické znaky základných makroareálov slovanských jazykov, napr. rodovú unifikáciu tvarov v srbcine, chorvátchine, bosniačtine, obmedzený inventár tvarov v bulharčine a macedónčine (*casus generalis*), rešpektovanie formálneho princípu na úkor významového (prvé, druhé, tretie skloňovanie východoslovenských jazykov oproti vzorom podľa rodového princípu). Čiastkové poznatky zo spracovania niekoľkých javov v oblasti substantívnej deklinácie predstavujeme v tejto práci ako východisko, ktoré má slúžiť na rozvíjanie a upresňovanie zistených tendencií v celom rozsahu substantívnej deklinácie. Na ilustračných mapách uvádzame z priestorových dôvodov len relevantné areály, ktoré sú svedectvom vývinových zmien; homogénnosť javov na ostatnom území, ležiacom mimo

obrázku, komentujeme slovným opisom. Na mapách OLA sa v jednotlivých zväzoch všetky javy a celý areál spracúva podrobne, detailne sa komentuje a na konci každého zväzku syntetizuje zovšeobecňujúcimi mapami.

Predmetom nášho príspevku je interpretácia areálovej distribúcie tvaroslovných javov a ich retrospektívny komentár. O týchto javoch na pozadí minulej skúsenosti predpokladáme, že odrážajú zmeny od východiskového stavu – rozpadu praslovančiny – po súčasnosť a nie sú totožné s makroareálmi, ktorými sa diferencujú javy v hláskoslovnej rovine, resp. že sa z vývinového hľadiska na pozadí hláskoslovných zmien, ovplyvňujúcich morfonologickú štruktúru, a v dôsledku prehodnocovania klasifikačných kritérií sformovali odlišné arály ich distribúcie, ktoré zasahujú vnútornú jazykovú typológiu slovanských jazykov. Ako dôkaz využijeme spracovanie niekol'kých (navonok známych) javov, odrážajúcich vývin vzťahov v datíve a lokálni singuláru životných maskulín. Podľa Dotazníka OLA ide o javy M 1787 – lokál singuláru slova *syn*, M 1811 – lokál singuláru slova *brat*, M 1732 – datív singuláru slova *muž* a M 2240 – datív singuláru slova *host*. Poradie javov pri interpretácii je podmienené východiskovým stavom a porovnaním čiastkových výsledkov pred ich syntetizáciou. Pri kartografickom spracovaní sledovaných javov sme uplatnili dve metódy. Základnou kartografickou metódou v projekte OLA je metóda symbolov: každý jav sa pri každej výskumnej lokalite označuje osobitným znakom. Spracovanie morfológických javov však poukazuje na možnosť interpretovať ich aj metódou šrát, pretože táto metóda výraznejšie vyjadruje na mape morfológicky homogénny areál, resp. upozorňuje na hĺbkovú podstatu problému – určenie morfológického archetypu, t. j. stability systému na jednej strane, na druhej strane zvýrazňuje kontrast medzi stabilitou a dynamikou systému, analogickými zmenami homogénnej povahy. Doplnenie metódy šrát symbolmi, ktoré prekrývajú homogénny areál, umožňuje interpretovať anomálie ako kontrapunkt homogénnych analogických zmien. S ohľadom na možnú diskusiu o jednotnej koncepcii kartografovania morfológických javov uvádzame ilustračný materiál v obidvoch podobách.

Stabilitu východiskového stavu a uniformnú transparentnosť tvarov možno interpretovať tvarmi lokálu singuláru slova *syn* v sledovanom areáli. Pôvodnou koncovkou *u*-kmeňovej deklinácie, t. j. aj tohto tvaru, bola v praslovančine koncovka *-u*. Spracovaním súčasných nárečí slovanských jazykov sa vyčlenil homogénny areál južnoslovanských a východoslovanských jazykov a južnej oblasti českých a moravských nárečí, ktorý dokazuje areál morfológicky stabilného archetypu (pozri obr. 1, kosoštvorcové šrafy²). Hustota bodovej siete v OLA nie je porovnatelná s hustotou výskumných lokalít národných atlasov, preto javy bude potrebné konfrontovať aj s výsledkami v týchto prácach (dokazuje to stav v slovenských nárečiach: v časti južnostredoslovenských nárečí, v hontianskych nárečiach, sa vyskytuje pôvodný tvar *synu*, pozri Atlas slovenského jazyka, 2. zv., s. 25, mapa č. 17; E. Pauliny, 1990, s. 35). Známym vnútroparadigmatickým vyrovnaním tvarov lokálu singuláru pôvodných *u*-kmeňov s datívom (tej istej paradigmý) sa tvarom s koncovkou *-ovi*

² Pravidlom pri interpretácii javov bude šrafovanie územia s výskytom archetypu, prázdnymi symbolmi vyjadrovanie vnútroparadigmatického vyrovnania, plnými symbolmi medziparadigmatického vyrovnania. Uvedomujeme si, že tieto zásady nemožno s ohľadom na povahu spracúvaného materiálu dodržiavať absoluútne.



Obr. 1 (M 1787) – *o synovi*

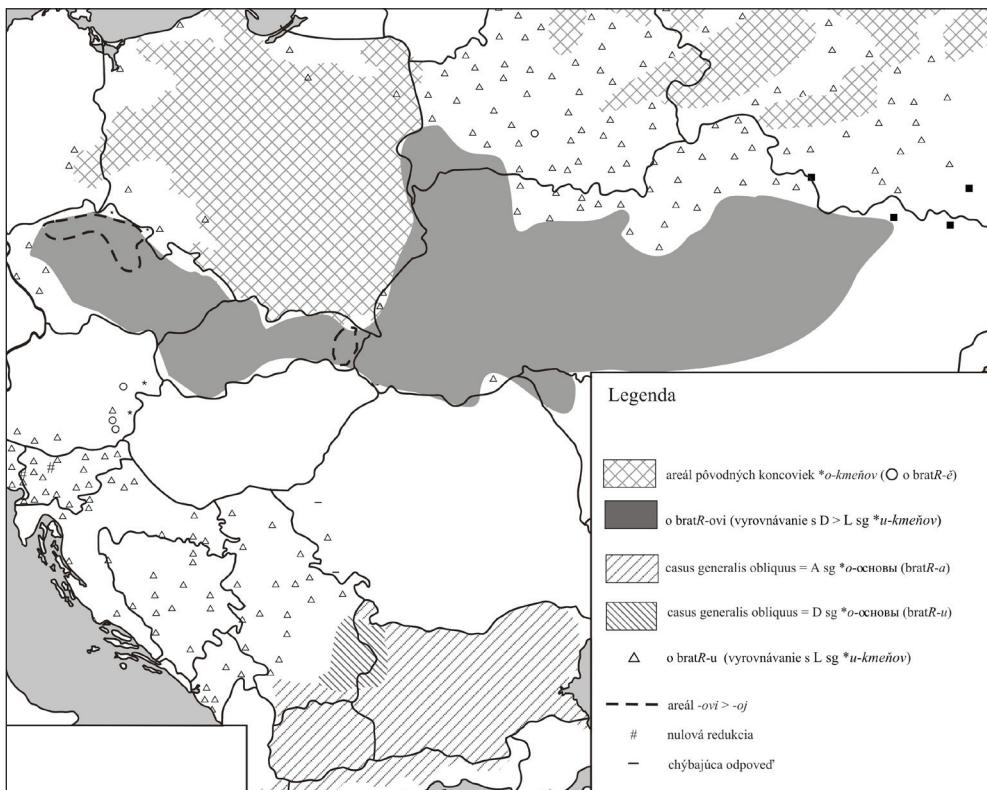
integruje celá oblasť slovenských nárečí so severozápadomoravskou oblasťou, s územím centrálnych a severných českých nárečí a najmä s rozsiahlym homogénnym areálom ukrajinských nárečí (okrem ich severného okraja; pozri obr. 1, kosoštvorcové šrafy). Vývin tvarov s koncovkou *-ovi* > *-oj* (t. j. *synoj*), ohraničený izoglosou na obrázku, vysvetľuje E. Pauliny bilabializáciou *-ovi* > *-owi* > *-oj* (Pauliny, c. d., s. 35). Druhú vývinovú tendenciu formovania tvarov lokálu singuláru substantívna *syn* dokazuje medziparadigmatické vyrovnávanie tvarov s pôvodným *o-kmeňovými* substantívami, t. j. tvarom s východiskovou koncovkou *-ě*. Táto hláska sa ďalej vyvíjala podľa zákonitostí jednotlivých nárečí a spracovaná je v prvom zväzku hláskoslovno-gramatickej série OLA (1988). S odkazom na tento zväzok OLA v našich výkladoch predpokladáme spoločné praslovanské východisko gramatického tvaru v podobe *syně* a neuvádzame jeho hláskoslovné varianty. Prienik tohto tvaru do pôvodnej *u-kmeňovej* paradigmy je typický pre časť poľských nárečí s malým pre-sahom do zakarpatskej oblasti Ukrajiny, pre oblasť juhoruských nárečí a časť slovin-ských nárečí panónskej skupiny (goričanské, prležské, halošské a prekmurské nárečia, pozri F. Ramovš, 1935, s. 203 – 204; na našom obr. 1 znázornené kruhovými symbolmi). Vyrovnávanie pôvodných *u-kmeňových* tvarov lokálu singuláru *o synu*

s pôvodnými o-kmeňovými tvarmi s koncovkou -ě, t. j. tvar *o syně*, je svedectvom zániku kmeňového členenia maskulín do deklinačných typov, typický aj pre celú rozsiahlu oblasť ruských nárečí až po Ural, dokazuje unifikáciu paradigm, v rámci ktorej sa dominantne vnímalо významové kritérium – maskulína – v súčinnosti s prehodnoteným formálnym kritériom – ústupkom od klasického kmeňového členenia a dominantou rovnakého tvarotvorného základu v nominatíve singuláru – tvrdým konsonantom (*syn-O – brat-O*).

Osobitný okruh problémov tvorí oblasť bulharských a macedónskych nárečí, v ktorých ide v tomto prípade o známy *casus generalis*, tvar, ktorý má v tej istej paradieme funkciu viacerých gramatických významov a upresňuje sa inými prostriedkami – funkčne odlišne začaženým aj významovo rozšíreným tvarom zámen. V prípade sledovaného javu M 1787 – lokálu singuláru slova *syn* – ide o tvary totožné s pôvodným tvarom akuzatívu singuláru, t. j. *syn-a*. Tento tvar, resp. všetky ostatné prípady, v ktorých sa jednou formou – okrem nominatívu – vyjadruje na území južnoslovenských jazykov viac gramatických významov, odporúčame spolu so Z. Topoliánskou v projekte OLA terminologicky diferencovať a pomenúvať ich *casus generalis obliquus*. Oproti tomuto tvaru základný tvar (nominatív singuláru), vystupujúci vo viacerých gramatických funkciách aj významoch tej istej paradiemy pomenúvať *casus generalis universalis*. Stabilizáciu foriem lokálu singuláru životných maskulín možno doplniť areálou distribúciou javu M 1811 – tvarov lokálu singuláru od slova *brat(r)*. Jeho pôvodná forma *o bratTrě³* je typická pre oblasť poľských nárečí a celé územie ruských nárečí s výnimkou juhzápadnej hranice s ukrajinskými nárečiami (pozri obr. 2, košoštvorcové šrafy). Ojedinelý je výskyt tohto tvaru v chorvátskych nárečiach na území východného Rakúska (Burgenland; sporadický výskyt znázorňujú kruhové symboly).

Ostatné nárečia jednotlivých slovanských jazykov sa vyznačujú tendenciou vyrovnanávania s tvarmi pôvodných *u*-kmeňových maskulín: tvary *o brat-u* v nárečiach západnej časti južnoslovanských jazykov – slovinčiny, chorvátsky, srbciny a bosniačtiny a vo východoslovanskej oblasti v bieloruských nárečiach a severovýchodnej časti ukrajinských nárečí (sporadický výskyt v moravských, českých a poľských nárečach vyjadrujú trojuholníkové symboly, nulová redukcia na území slovinských nárečí znamená tvar s nulovou koncovkou). Pre macedónske a bulharské nárečia platí tendencia obmedzených tvarov v celej paradieme. Výsledkom vývinu pri vyjadrovaní lokálu singuláru pôvodného maskulína *brat(r)* sú dve podoby *casus generalis obliquus*: bulharské, macedónske nárečia a časť prizrensko-timockých nárečí v juhovýchodosrbskej oblasti sa vyznačujú charakteristickým tvarom *casus generalis obliquus* totožným s pôvodnou formou akuzatívu singuláru (*brat-a*). Forma *casus generalis obliquus* totožná s pôvodnou formou datívu singuláru, t. j. *brat-u*, integruje časť západobulharských nárečí s torlackými nárečiami (patria do skupiny východosrbských nárečí; pozri obr. 2). Územia slovenských, moravských, českých a ukrajinských nárečí sa prejavujú výrazným medziparadigmatickým vyrovnaním mužských životných maskulín podľa *u*-kmeňov (tmavý súvislý podklad). Príčinu treba vidieť v tendencii posilňovať uniformne transparentný formálny znak – koncovku *-ovi* – na odlišenie životných maskulín oproti rozsiahlej a stabilnej triede neživot-

³ Kurzívovaná podoba hlások TR zovšeobecňuje ich ďalší hláskoslovný vývin, resp. zánik.

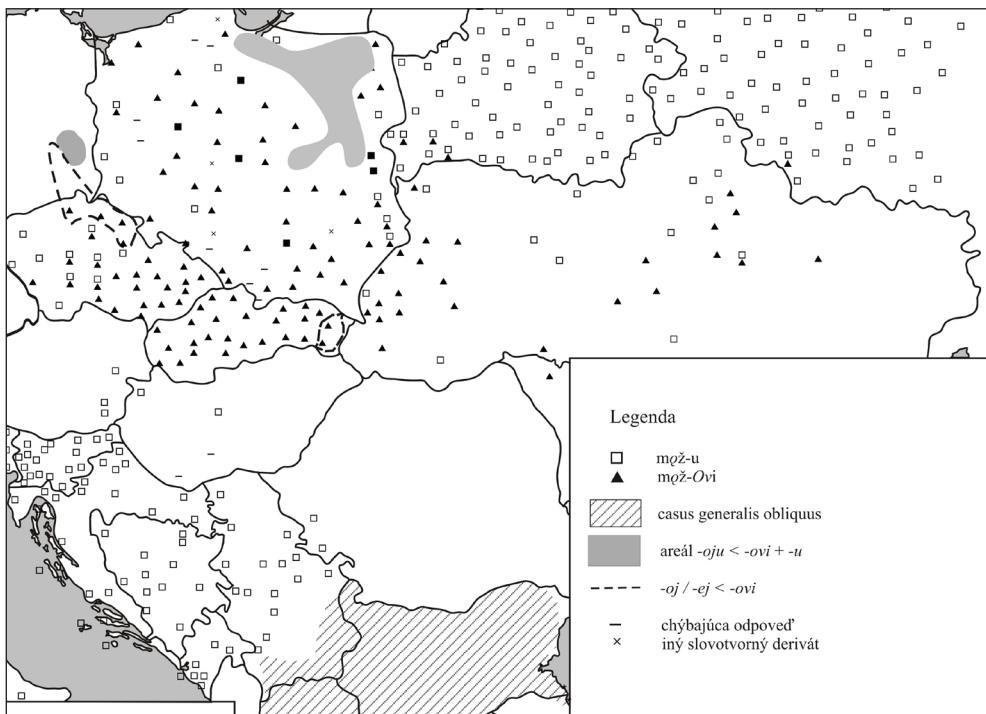


Obr. 2 (M 1811) – *o bratovi*

ných maskulín. Jav je typický len pre západoslovanské jazyky a ukrainčinu. V tomto areáli je súčasťou problematiky lokálu plurálu životných maskulín aj stabilizácia vnútroparadigmatickejho vzťahu *lokál* – *datív*. Dôkazom sú tvary lokálu pri slovách *syn* (pôvodné *u*-kmeňové substantívum) a *brat* (pôvodné *o*-kmeňové substantívum), ktoré možno rozšíriť o ďalšie dva príklady, patriace pôvodne do rôznych deklinačných typov: životné maskulínum *muž* – pôvodný *jo*-kmeň, t. j. „mäkký“ vzor, a životné maskulínum *host*, pôvodný *i*-kmeň.

Pri vyjadrovaní datívu singuláru slova *muž* (jav M 1732 Dotazníka OLA) sa tvarom *muž-u* ako morfológicky vývinovo stabilný prejavuje areál východoslovanských nárečí s výnimkou ukrajinských nárečí a celý južnoslovanský areál s výnimkou areálov *casus generalis obliquus* v macedónskych a bulharských nárečiach. Typologickým znakom nárečí západoslovanských jazykov a ukrajinských nárečí (okrem sporadických prípadov zachovania tvaru *muž-u*, pozri obr. 3) je vyrovnávanie tvaru datívu singuláru slova *muž* s pôvodným *u*-kmeňovým tvarom, ktorý sa koncovkou *-ovi* v paradigmach životných maskulín stal uniformne transparentným.

Tú istú tendenciu potvrdzuje aj jav M 2240 – vyjadrenie datívu singuláru slova *gost*, ktoré bolo *i*-kmeňovým substantívom a v datíve aj lokáli singuláru malo koncovku *-i* (ako dnešný vzor *kost*). Tlakom významového kritéria sa pôvodné substantívum

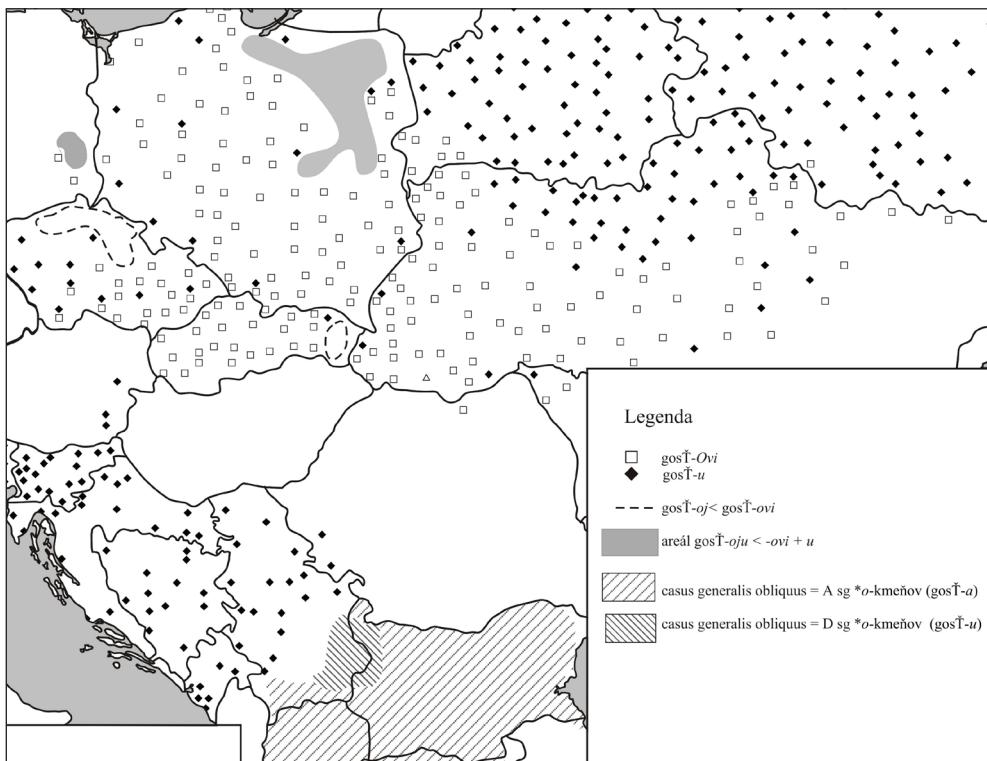


Obr. 3 (M 1732) – k mužovi

gost začlenilo do triedy mužských životných podstatných mien so všetkými formálnymi atribútmi. Vo východoslovanskom a južnoslovanskom areáli – s výnimkou územia s tvarmi *casus generalis* – došlo k medziparadigmatickému formálnemu vyrovnaniu s datívom ostatných maskulín (pôvodných *o*-kmeňov), t. j. k ustáleniu tvarov *gost-u*. Západoslovanský areál a územie ukrajinských nárečí (okrem časti severoukrajinských nárečí) sa aj v tomto prípade typologicky vyznačuje tendenciou k uniformnosti tvaru koncovkou *-ovi* (porov. aj oblasť s ďalším vývinom *-ovi* > *-oju*, obr. 4).

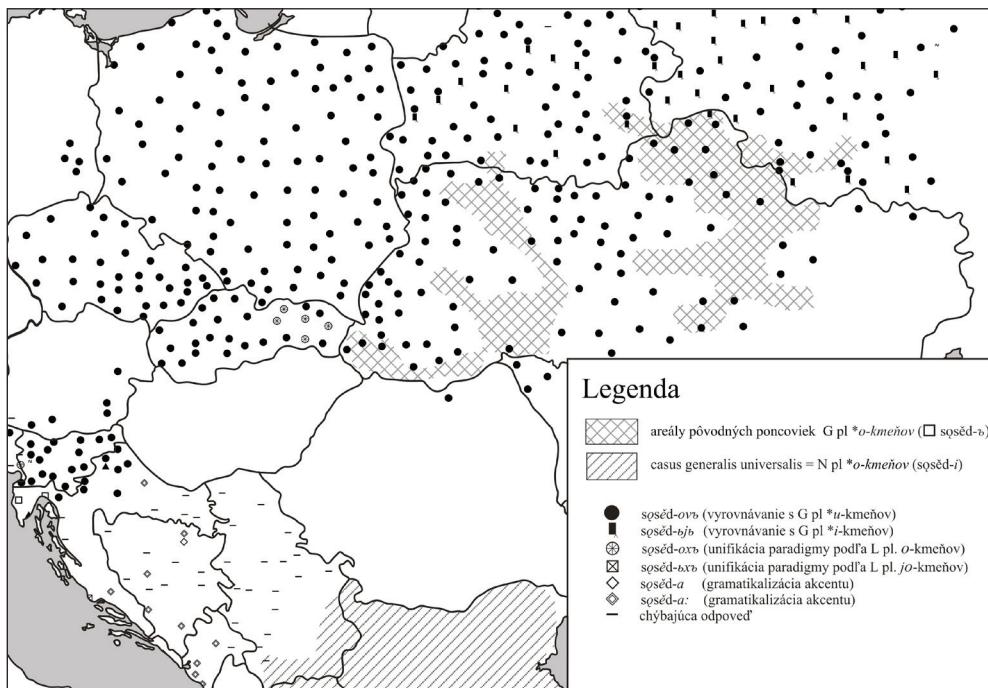
Typickým príkladom prehodnocovania formálnych kritérií v prospech významových sú tvary genitívu plurálu maskulín. V konkurencii pôvodných možných koncoviek genitívu plurálu, t. j. *-y* (*plod-y*, *muž-y*), *-ovъ* (*syn-ovъ*), *-yjъ* (*gost-yjъ*) došlo k celkom prirodzenej areálovej diferenciácii vo vývine. Pôvodné podoby genitívu plurálu možno interpretovať napr. javom M 2005 Dotazníka OLA G pl *sosēd-y*. Východiskový tvar genitívu plurálu s nulovou koncovkou, t. j. podobou *sosēd-y* a konkurenciou základného tvaru, t. j. nominatívu singuláru, sa ako stabilný archetyp zachoval len v nehomogénnej oblasti ukrajinských nárečí (porov. obr. 5, kosoštvorcové šrafy). V procese medziparadigmatického vyrovnania sa produktívnou stala uniformne transparentná koncovka pôvodných *u*-kmeňov, t. j. tvary s koncovkou *-ov*, vyskytujúce sa v celom západoslovanskom areáli, v bieloruských nárečiach, na území kajkavských nárečí⁴ (pozri obr. 5, kruhové symboly). Osobitnou vývinovou

⁴ Časť chorvátskych nárečí.



Obr. 4 (M 2240) – k hostovi

tendenciou sa v areáli južnoslovanských jazykov spolu s kajkavskými nárečiami prejavil aj vývin slovinských nárečí. V nich, napriek hláskoslovnému vývinu, najmä v oblasti akcentu, dominuje v porovnaní s ostatnými nárečiami južnoslovanských jazykov divergentná tendencia tým, že došlo k medziparadigmatickému vyrovnávaniu s pôvodnou *u*-kmeňovou deklináciou a týmto procesom sa slovinčina – spolu s kajkavskými nárečiami – integruje s „nejužnoslovanským“ dekлинаčným typom, prevažujúcim najmä v západoslovanskom makroareáli. Tento typ sa vyznačuje aj prienikom do juhozápadnej časti východoslovanského jazykového areálu (obr. 5). V nárečiach na bieloruskom a ruskom jazykovom území došlo k medziparadigmatickému vyrovnávaniu s pôvodnou mäkkou paradigmou – *i*-kmeňmi, t. j. vývinom z koncovky *-ъjъ* do tvaru *sQsъdEj* (veľkými písmenami zovšeobecňujeme rozdiely v hláskoslovnom vývine konkrétnych lokalít). Tento morfológický vývin je výsledkom vplyvu analógie v oblasti hláskoslovia a potvrzuje ho vývin vo východoslovanských jazykoch, ktoré neuplatňujú rodové začlenenie do deklinačných vzorov, ale si zachovávajú formálne kritérium s rozlížením mäkkých a tvrdých „vzorov“: nom. sg. *coceđ/gocть*, nom. pl. *coceđ-u/gocm-u*, gen. pl. *coceđej/gocmej* (pozri nižšie výklad genitívu plurálu slova *host'* a obr. 7). Pre oblasť južnoslovanských jazykov sú v tomto prípade typické dve protichodné morfológické tendencie. D. Brozovič pre túto oblasť s ohľadom na viaceré integračné znaky jednotlivých nárečí zavedol pojem *среднеюжнославянские диалекты* (stredojižnoslovanské nárečia,

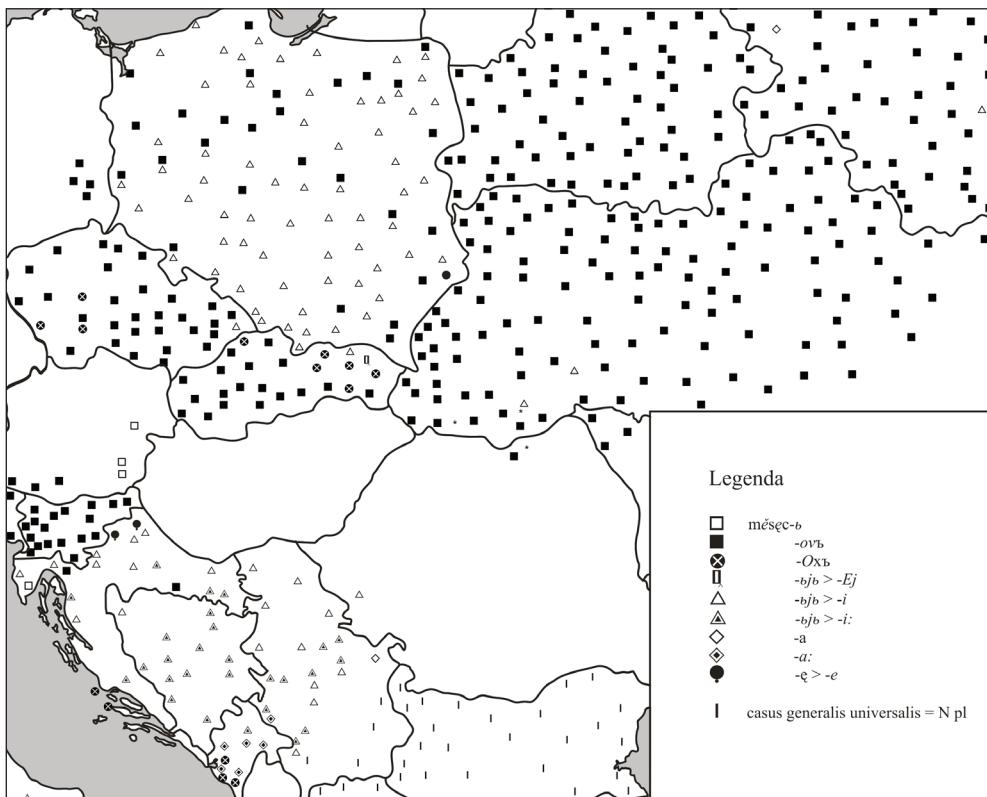


Obr. 5 (M 2205) – od susedov

pozri OLA, 2003, s. 8). Ich presnejšia vnútorná diferenciácia si však v projekte OLA vynútila návrat k výstížnejšej klasickej pomenovacej sústave. Pri posudzovaní našich morfológických javov sa územie macedónskych a bulharských nárečí pri vyjadrovaní genitívu plurálu slova *sused* vyznačuje tvarmi *casus generalis universalis* = nominatív plurálu. V nárečiach východnej Hercegoviny a v zetských bosniackých nárečiach novoštokavského typu je v tomto prípade typická gramatikalizácia akcentu s výslednou gramatickou koncovkou *-a*, *-á* (obr. 5, kosoštvorcové symboly).

Analogický proces dokazuje spracovanie genitívu plurálu slova *mesiac* (jav M 2379 Dotazníka OLA). Medziparadigmatickým vyrovnávaním – pod vplyvom uniformne transparentnej koncovky genitívu plurálu *u-kmeňov*, t. j. **-ov* – sa sformoval kompaktný areál, zahrnujúci územie slovinských, českých, slovenských, bieloruských, ukrajinských nárečí a juhoruských nárečí. Prirodzene a analogicky korešponduje distribúcia sledovaného javu pri slove *mesiac* s predchádzajúcim príkladom slova *sused* v južnoslovanskom areáli (porov. *casus generalis universalis*, gramatikalizácia akcentu; výnimku tvorí len výskyt pôvodného archetypu s nulovou koncovkou v ukrajinských nárečiach, resp. jej sporadický výskyt v niektorých lokalitách kajkavských nárečí, kde pravdepodobne ide o sekundárnu analógiu – štvorcové symboly na obr. 6).

Intenzita prehodnocovania formálneho kritéria na významové, resp. miera ich konfliktu v jednotlivých nárečových areáloch slovanských jazykov, sa prejavila na rozpade pôvodného *i*-kmeňového skloňovania. Dôkazom napäťia v ustaľovaní prí-



Obr. 6 (M 2379) – od mesiacov

slušnosti k jednotlivým deklinačným typom je areálsová distribúcia tvarov genitívu plurálu slova *host*. Pri interpretácii tohto javu využívame materiál, publikovaný v zväzku 4a hláskoslovno-gramatickej série OLA, kde sa na tvaroch genitívu plurálu slova *host* sledovali hláskoslovné zmeny redukovaných vokálov, v tomto prípade v pôvodnej skupine *-bjb* (OLA 4a, 2006, mapa č. 54). V komentári k hláskoslovňom zmenám tejto skupiny autor mapy Ž. Bošňakovič skonštatoval, že na genitíve plurálu slova *host* sa v južnoslovanských jazykoch (okrem macedónčiny a bulharčiny, kde je *casus generalis*) vývin skupiny *-bjb* nedá interpretovať pre medziparadigmatické vyrovnanie tvaru s inými deklinačnými typmi. Dokazuje to aj porovnanie hláskoslovného vývinu genitívu plurálu v slovách *host* (prešlo k maskulínam) a *kost*, ktoré si zachovalo pôvodné *i*-kmeňové koncovky (OLA 4a, 2006, mapa č. 55). Z morfológického hľadiska sú v slovanskom areáli pre genitív plurálu slova *host* signifikantné tieto základné znaky: 1. zachovala sa východisková koncovka genitívu plurálu pôvodných *i*-kmeňov, v dnešnej podobe ju po príslušných hláskoslovňových zmenách interpretujeme na obr. 7 (trojuholníkový symbol zovšeobecňuje východiskovú *i*-kmeňovú koncovku *-bjb*, ktorá má po špecifických hláskoslovňových zmenách v jednotlivých nárečiach, resp. makroareáloch, rôznu súčasnú podobu; v legende sa nachádza aj znak, ktorým sa interpretuje podoba *-ej*, rozšírená v severovýchodoruských dialektoch), 2. formálne sa prehodnotila príslušnosť slova *host* priatím

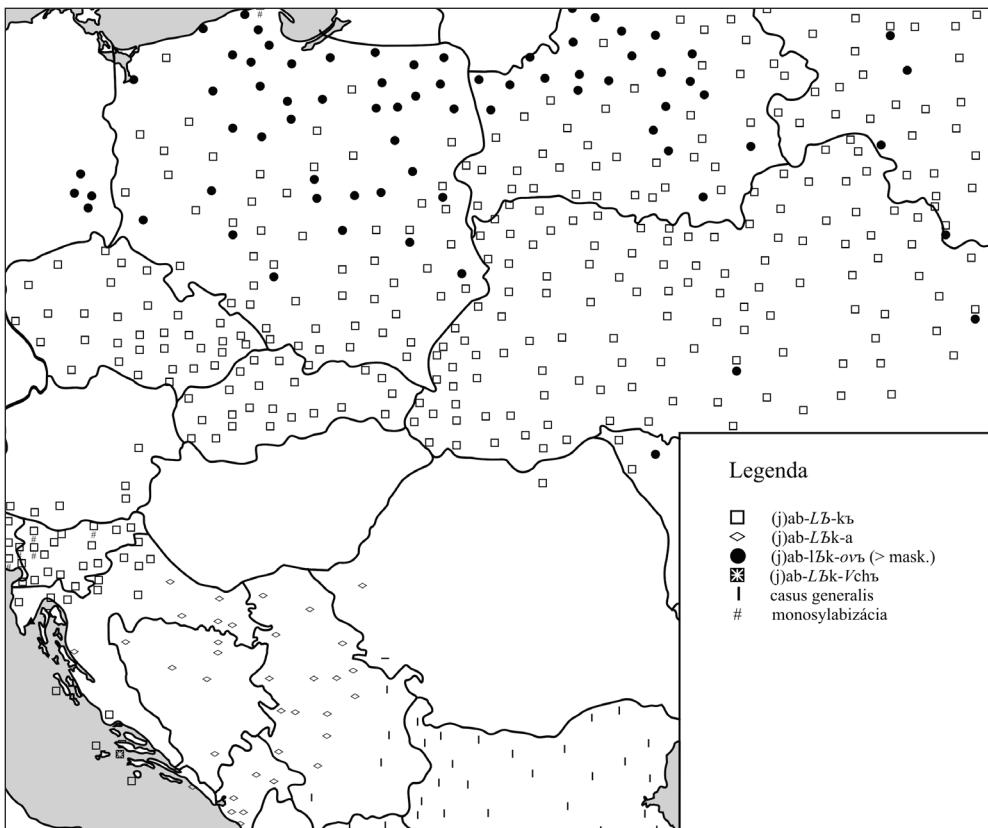
uniformne transparentnej koncovky maskulín – pôvodnej *u*-kmeňovej koncovky *-ov*, 3. stabilizoval sa areál *casus generalis universalis* (juhovýchodná skupina slovanských jazykov – bulharčina, macedónčina s východosrbskými nárečiami), 4. unifikácia genitívu plurálu s koncovkou *-a* v časti srbských a chorvátskych nárečí (pozri obr. 7). Areálová distribúcia koncoviek v súčasnosti na jednej strane súvisí s východiskovým stavom, na druhej strane „vertikálna nestabilita“ pôvodného formálneho znaku a prevzatie uniformne transparentnej koncovky *-ov* signalizuje jej intenzitu v kategórii maskulín. Oblast' slovenských nárečí je týmto javom vnútorne diferencovaná (porov. obr. 7), ich stredoslovenský areál inklinuje tvarom *hostí* k morfologickejmu archetypu, do ktorého sa integruje väčšia časť poľských nárečí, celé územie východných Slovanov (okrem juhovýchodnej časti ukrajinských nárečí). Medziparadigmatické vyrovnávanie s unifromne transparentnou koncovkou maskulín je typické pre západoslovenské nárečia, ktoré sa týmto javom morfologicicky integrujú s moravskými nárečiami, oblasťou českých nárečí a slovinskými nárečiami (jednotlivé prechody pozri na obr. 7). V južnoslovanskom areáli sú tvary najviac diverzifikované; okrem spomenutých pádových koncoviek došlo v závislosti od prízvukových pomerov v novostokavských nárečiach Hercegoviny so stálym prízvukom na koreni k medziparadigmatickej unifikácii tvarov typu *gò:sta*, *gò:sta:*, *góst(o:v)a*; ktoré interpretujeme štvorcovými symbolmi (obr. 7; skracovanie tvarov o pôvodný *u*-kmeňový segment *-o:v-* v poprítvuchej slabike opisuje v rámci tejto unifikácie P. Ivić, 1994, s. 160 – 161, 219).



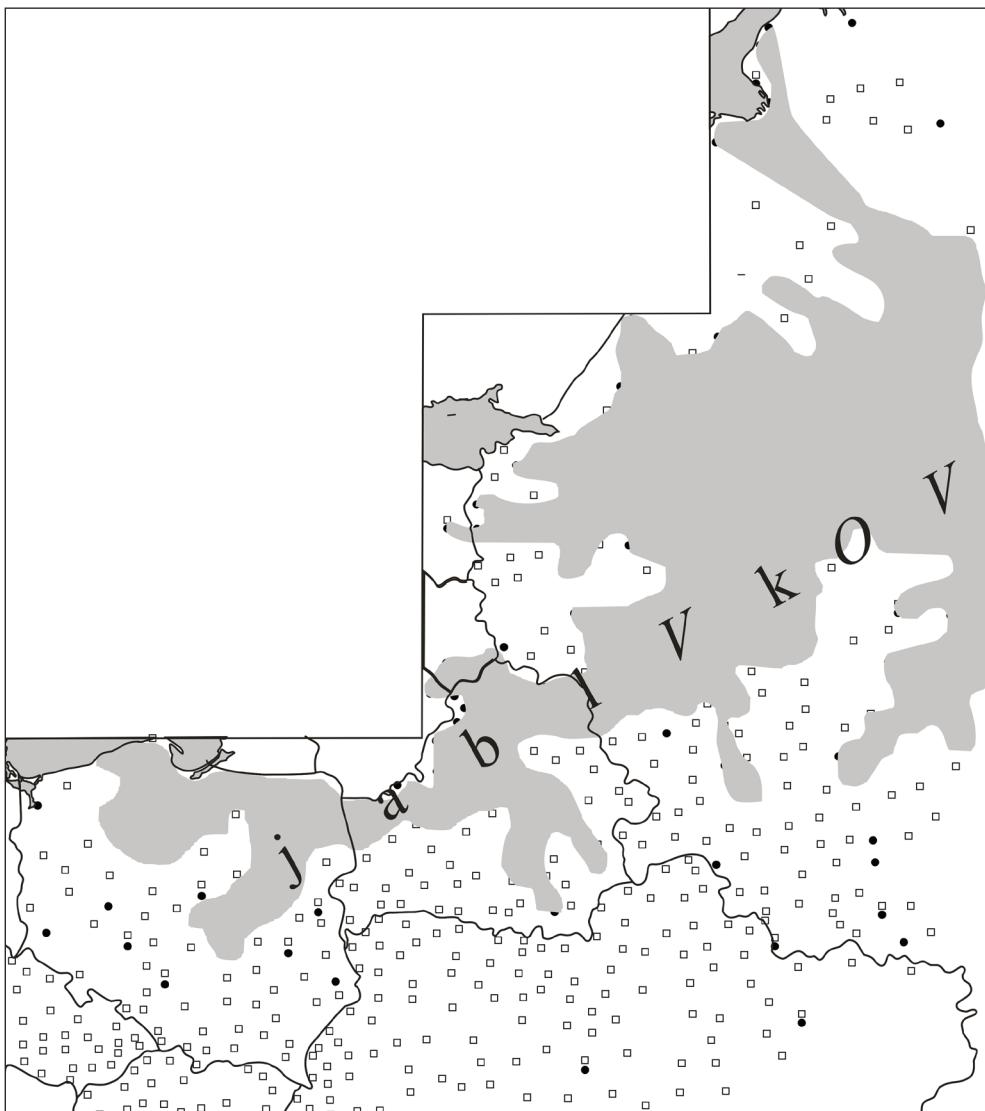
Obr. 7 (M 2242) – od hostí

Posledným ilustračným príkladom, ktorý uvádzame v našom príspevku, je distribúcia odlišných tvarov genitívu plurálu slova *jablko* v jednotlivých slovanských jazykoch (obr. 8). Porovnaním týchto podôb s nominatívom singuláru tohto slova vo vydanom zväzku 4b (Skopje 2003, s. 82 a s. 137, otázka 476 N sg (j)abľko // -ka) sa potvrdilo, že toto substantívum v kompaktnom areáli severovýchodnej časti poľských nárečí, severnej časti bieloruských nárečí a čiastočne v severozápadných ruských nárečiach je mužského rodu (pozri aj Etimologičeskij slovar, zv. 1, s. 44 – 45). Formami *casus generalis universalis neutri* sa samostatne vyčleňuje makroareál bulharských a macedónskych nárečí. Integračným morfologickým javom chorvátskych, srbských, čiernohorských a bosniackych nárečí je nielen ženský rod tohto pôvodného *i*-kmeňového substantíva (Etimologičeskij slovar, 1. zv., s. 44), ale v dôsledku ďalších hláskoslovných zmien aj gramatikalizácia prvkov zvukovej roviny, znázornená ležatým kosoštvorcovým znakom (genitív plurálu sa lísi od nominatívu singuláru buď kvantitou, alebo klesavou intonáciou: nom. sg. *jabuka* // gen. pl. *jabukà*, porov. OLA, 4b, 2003, s. 82 a s. 137).

Kartograficky interpretovaný jav je svedectvom odlišného vyjadrovania grammatických významov: na jednej strane ide o zachovanie pôvodného „genetického“ kódú



– vnímania substantív v kategórii: 1. mužského rodu v severnej časti poľských nárečí, severnej centrálnej časti bieloruských nárečí s prechodom do kompaktného areálu ruských nárečí (kruhové symboly na obr. 8, resp. tmavšia kontúra podkladu na obr. 9), 2. ženského rodu v oblasti južnoslovanských jazykov, 3. stredného rodu v oblasti západoslovanských jazykov – okrem spomenutej severnej časti poľských nárečí a slovinčiny, ktorá sa takýmto zaradením substantív vydeľuje zo skupiny južnoslovanských jazykov.



Obr. 9 (M 478) – tmavší podklad = substantívum *jablko* v mužskom rode

Spomenutý proces v tvaroslovnej rovine možno dať do súvislosti s javmi, ktoré v hláskoslovnej rovine v súvislosti s praslovanskou genézou slovenského jazyka výstížne opísal R. Krajčovič (1968). Osobitne aktuálny sa na tomto mieste stáva pojem *genetický paralelizmus*, ktorým R. Krajčovič v ďalšom príspevku (Krajčovič, 1983, s. 25) charakterizuje súhrn genetických paralelizmov vyskytujúcich sa v rôznom jazykovom aj zemepisnom prostredí a chápe tento súhrn ako paralelný, spoločný produkt vývinu, resp. jeden z vývinových procesov alebo tendencií, ktoré sa prejavili vo vývine najmenej dvoch jazykov. Obsah pojmu *genetický paralelizmus* je v porovnaní s chápaním pojmu *paralelizmus* širší preto, lebo paralelný jav sa v skúmaných jazykoch javí ako vývinový fenomén (porov. Krajčovič, tamže). Pojmom *genetická interpretácia paralelizmov* sa chápe skúmanie paralelných javov, ktoré vedú k hlbšiemu poznaniu zákonitostí vo vývine jazykov. Prívlastok *genetická* upozorňuje na skutočnosť, že nejde len o hľadanie príčin a motivácie paralelizmov, ale aj o ich fungovanie, prípadne aj zánik. Dôležitým znakom genetickej interpretácie paralelizmov je jej typová ohraničenosť. Vyplýva z vymedzených javov, ktoré sa v niektorých individuálnych vlastnostiach zhodujú buď ako produkty vývinu, procesy, tendencie, alebo ako štruktúrne celky, resp. aspoň ich časti. O komplexnosti genetickej interpretácie paralelizmov možno hovoriť vtedy, ak sa opiera o tri charakteristiky: 1. geneticko-historickú (jej podstatou je hľadanie príčin, motivácií vzniku, zmien, prípadného zániku paralelizmov), 2. historicko-paradigmatickú (obsahuje údaje o mieste a vzťahoch paralelizmov v jazykovom systéme alebo jeho podsystémoch) a 3. historicko-syntagmatickú charakteristiku (zameriava sa na fungovanie paralelizmov). V súvislosti s genetickými paralelizmami treba rešpektovať tri základné možnosti vzniku paralelizmov: 1. paralelizmy vznikli a jestvovali v dvoch alebo vo viacerých jazykoch v tom istom čase (chronologická symetria), 2. paralelizmy vznikli a jestvovali v rozličných časových úsekokoch (chronologická asymetria), 3. jestvovali popri sebe len určitý čas (chronologická polysymetria; Krajčovič, 1983, s. 24). Ďalším časovým kritériom charakteristiky paralelizmov je obdobie ich vzniku. S ohľadom na predmet nášho príspevku sú najvhodnejším kritériom základné obdobia vývinu slovanských jazykov: praslovanské obdobie (prehistorické paralelizmy, protoparalelizmy), historické obdobie (súvisí so zmenami po 10. stor., historické paralelizmy), súčasné paralelizmy (od konca 18. stor., resp. od kodifikácie jednotlivých slovanských jazykov).

Problematika deklinácie substantív v nárečiach jednotlivých slovanských jazykov je dôkazom odlišných výsledkov neskoršieho morfologického vývinu v porovnaní s genetickými paralelizmami v hláskoslovnej rovine. Ukazuje sa, že tvaroslovie špecifickým spôsobom a dlhší čas podliehalo v jednotlivých nárečiach slovanských jazykov tlaku svojho okolia. Prejavilo sa to odlišnými diferenciačnými aj integračnými tendenciami v pôvodných makroareáloch (západoslovanskom, južnoslovanskom aj východoslovanskom) aj preto, že vnútroparadigmatické aj medziparadigmatické vzťahy boli podmieňované v porovnaní s pevnejšou fonologickou štruktúrou kvalitatívne aj kvantitatívne odlišnými štruktúrnymi väzbami. Integračným znakom substantívnej deklinácie v slovenských aj slovinských nárečiach bola okrem prehodnocovania pôvodnej kmeňovej (formálnej) deklináčnej sústavy stabilizácia tvarových súborov aj tvarových okruhov na rovnakých rodovo podmienených kritériách. Ne-

bolo by na tom nič nezvyčajné, keby táto tendencia korešpondovala s „genetickou predispozíciou“ južnoslovanského makroareálu vo fonologickej rovine. Čiastkové poznatky o jeho vnútornej diferenciácii v rámci dekлинаčných typov a integrácií slovinských nárečí s vývinom typickým pre „nejužnoslovanský“ (väčšinou západoslovanský) areál svedčia o tom, že v porovnaní s klasickými genetickými paralelizmami hláskoslovnej roviny (ako ich uvádza R. Krajčovič, 1983, s. 25) ide o javy, ktorých stabilizácia trvala z vývinového hľadiska oveľa dlhšie ako v oblasti hláskoslovia. R. Matasovič (2008, s. 304) predpokladá, že formovanie nového deklináčného systému medziparadigmatickým vyrovnaním tvrdých a mäkkých kmeňov súvisí s najstaršími depalatalizáciami už na začiatku 9. stor. (okolo r. 800), po nich (okolo r. 850) nasledovalo prehodnocovanie pôvodných dlhých ū-kmeňov a vývin spejúci k ustaľovaniu areálovo diverzifikovaných podôb typu *mrkev/mrkva* a postupnosť vývinu viedla až k medziparadigmatickému vyrovnaniu plurálu feminín s maskulínami v srbcíne a chorvátčine, v ktorých sa datuje polovicou 14. stor. (okolo r. 1350), resp. k ustaľovaniu genitívu plurálu na -a (pozri obr. 7 a 8). Porovnanie morfologického vývinu s formovaním fonologických štruktúr v neskorej praslovančine (Lamprecht, 1987, s. 162 – 163) svedčí o celkom prirodzenom vývine v tom zmysle, že stabilizácia morfologických štruktúr „rešpektovala“ vývin v hláskosloví a logicky za ním „zaostávala“, navyše bola podmienená aj množstvom mimojazykových fénoménov (pozri nižšie). Kým fonologický vývin neskorej praslovančiny trval približne 300 až 400 rokov, morfologické štruktúry v oblasti substantívnej deklinácie sa podľa dostupných prameňov formovali približne od polovice 8. stor. a v západnej časti južnoslovanských jazykov (chorvátčina, srbcina, resp. slovinčina) trvali do prvej polovice 17. stor., t. j. takmer 9 storočí. Tento vývin substantívnej deklinácie bol však geneticky polysymetrický, pretože spoločné prvky v jednotlivých makroareáloch existovali popri sebe len istý čas a neskôr sa pôvodný homogénnny areál vnútorne diferencoval tak, že časť prvkov nadobudla v porovnaní s genetickou štruktúrou fonologickej roviny, resp. s iným makroareálom chronologicky odlišnú symetriu. V súvislosti s polysymetriou javov a ich odlišnou areálovou distribúciou nemožno obísť problematiku typologickej charakteristiky areálov. Upozornila na ňu vo svojej práci zameranej na lexiku a sémantiku makroareálov a mikroareálov (na materiáli ruských nárečí a ich väzieb s celoslovanským areálom) v súlade s etnologickými prácami T. Vendina (2009, s. 10). Podstata charakteristiky areálov spočíva na postihovaní ich konfigurácie (súvislý – *prerušovaný*), rozsahu (*veľký* – *stredný* – *malý*), množstva a povahy jazykov tvoriacich areál (*príbuzné* – *nepríbuzné*, *monolingválny* – *polylingválny*), dynamickosti areálov (*stabilný* – *labilný*) či areálového vzťahu k makrotypu (*priľahlý* – *laterálny* – *vzdialený*). Z hľadiska niekoľkých morfologických javov v oblasti substantívnej deklinácie, ktoré sme spracovali v tomto príspievku, sa v prvom rade vyčlenil stabilný veľký a súvislý areál lokálneho singulára tvarov *o syn-ovi*, *o brat-ovi*, resp. datívu singuláru tvarov *k muž-ovi*, *k host-ovi*, ako aj genitívu plurálu typu *sused-ov*, *mesiac-ov*. Je dôkazom uniformne transparentnej koncovky pôvodnej *u*-kmeňovej deklinácie *-ovi*, ktorá narušila východiskový stav deklináčných sústav *o synu*, *o braTRě*, *o braTRu*, resp. *v datíve k mužu*, *k goštu* a stabilizovala vnútroparadigmatické vzťahy datívu a lokálneho singulára, vzťah prevládajúci okrem maskulín aj v pôvodnej deklinácii feminín. Tvary genitívu plurálu *hosťov*, *mesiacov*, *sUsed* (= G pl)

tvoria prerušovaný areál. Na jednej strane je reliktom napäťia medzi pôvodným formálnym kritériom (*i*-kmeňová deklinácia) a tlakom významového princípu (maskulína typu *chlap*), na druhej strane je disperzný areál výskytu pôvodných tvarov **gostъjь*/**gost-ovъ* s dôsledkami ďalšieho vývinu v časti srbských, chorvátskych a bosniackych nárečí prejavom novšej unifikácie substantívnej paradigmy nielen v rámci maskulín, ale aj na medziparadigmatickej úrovni (porov. obr. 7). Distribúcia tvarov *casus generalis* (*universalis* aj *obliquus*) je dôkazom laterálneho areálového typu, svedčiaceho o výraznom vonkajšom vplyve typologicky odlišných a geneticky nepríbuzných jazykov.

Javy s ohľadom na ich rozsah vnímame ako sondu, ktorá poukazuje na možnosti spoľahlivo definovať typologické znaky prirodzených jazykových útvarov, postihnúť ich areálovú distribúciu, hľadať medzijazykové väzby a vplyvy interkultúrnych kontaktov. Variantnosť tvarov, resp. konfigurácia areálov ich výskytu (najmä v prienikových zónach) je dôkazom prirodzenej podstaty „anomálií“, ktoré sa v teórii spisovných jazykov, jazykovej kultúry či jazykovej praxe vnímajú ako analogické „inovácie“ synchronickej povahy. S odkazom na myšlienku z úvodu nášho príspevku o absencii synchronickej typológie (slovenských) jazykov poznamenávame, že každá anomália, vyvolávajúca analogické „akoby nesystémové“ zmeny vzťahujúce sa na súčasný (spisovný) jazyk, má svoju podstatu v neuvedomovaní si prirodzenosti jazyka a nerešpektovaní kompromisnej povahy jeho predpokladanej funkčne optimálnej kodifikovanej podoby. Podrobnejší pohľad na prirodzený vývin takých komunikačných dominánt jazyka, k akým patrí substantívna deklinácia, resp. hľadanie diferenciačných aj integračných znakov na širšom areáli, stáva sa spoľahlivým predpokladom ďalšieho odhaľovania fenomenológie jazyka. Jedným z ohniviek takejto reťaze by sa na pozadí čiastkových poznatkov z jednotlivých slovenských jazykov mohlo stať aj spracovanie substantívnej deklinácie v osobitnom zväzku *Slovenského jazykovho atlasu*.

Bibliografia

- Atlas slovenského jazyka. 2. Flexia. Časť druhá: Úvod – komentáre. Red. J. Štolc. Bratislava: Veda 1978. 192 s.
- Atlas slovenského jazyka. 2. Flexia. Časť prvá: Mapy. Red. J. Štolc. Bratislava: Veda 1981. 316 s. + mapy v prílohe.
- BĚLÍČOVÁ, Helena: Nástín porovnávací morfológie spisovných jazyku slovanských. Praha: Karolinum – nakladatelství Univerzity Karlovy 1988. 222 s.
- ĎUROVIČ, Ľubomír: Tipologija flektívnej osnovy v slavianskych jazykach. In: Scando-Slavica, 1973, 19, s. 225 – 243. Znovu vydané: O slovenčine a Slovensku. Vybrané štúdie. I. Bratislava: Veda 2004, s. 125 – 139.
- Etimologičeskij slovar' slavianskikh jazykov. Praslavianskij leksičeskij fond. Red. O. N. Trubačov. Vyp. 1. A – *besědlivъ*. Moskva: Izdateľstvo Nauka 1974. 216 s.
- ISAČENKO, Alexander Vasilievič: Versuch einer Typologie der slawischen Sprachen. In: Linguistica Slovaca. 1 – 2. 1939 – 1940, s. 64 – 76.
- IVIĆ, Pavle: Srbskohrvatski dijalekti. Njihova struktura i razvoj. Celoskupna dela III. Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića 1994. 320 s.
- JAKOBSON, Roman: Russian Conjugation. In: Word, 1960, č. 4, s. 183 – 203.

- KRAJČOVIČ, Rudolf: Genetická interpretácia paralelizmov v slovanských jazykoch. In: Československá slavistika. Praha: Nakladatelství ČSAV 1983, s. 23 – 30.
- LAMPRECHT, Arnošt: Praslovanština. Brno: Univerzita J. E. Purkyně 1987. 202 s.
- MATASOVIĆ, Ranko: Poredbeno povijesna gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb: Matica Hrvatska 2008. 364 s.
- MRAČNÍKOVÁ, Renáta: Prejavy gramatickej kategórie životnosti v západoslovanských jazykoch. In: Studia Academica Slovaca 36. Bratislava: Stimul 2007, s. 59 – 73.
- OBLAK, Vatroslav: Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen. Leipzig: Druck von Breitkopf & Kärtel 1890. 248 s.
- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija. Vstupiteľnyj vypusk. Obščije principy. Spravočnyje materialy. 1. vyd. Moskva: Nauka 1978. 182 s. (2. vyd. 1994).
- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Fonetičeskaja transkripcija. Moskva: Nauka 1964. 17 s.
- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija. Vstupiteľnyj vypusk. Moskva: Nauka 1971. 108 s.
- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja. 1. zv. Refleksy *ě. Red. B. Vidoeški – P. Ivić. Belehrad: Jugoslovenska Akademija Nauk 1988. 164 s.
- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja. 2a. zv. Refleksy *ę. Red. V. V. Ivanov. Moskva: Nauka 1990. 178 s.
- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja. 2b. zv. Refleksi *q. Red. J. Basara. Vroclav: Polska Akademia Nauk 1990. 124 s.
- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja. 3. zv. Refleksi ь, ы, ы. Red. J. Basara. Varšava: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1994. 164 s.
- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja. 4b. zv. Refleksi ь, ы. Red. B. Vidoeški – P. Ivić – Z. Topolińska. Skopje: MANU 2003. 152 s.
- Obščeslavianski lingvističeski atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja. 4a. zv. Refleksi ь, ы. Red. D. Brozović. Zagreb: HAZU 2006. 164 s.
- PAULINY, Eugen: Vývin slovenskej deklinácie. Bratislava: Veda 1990. 270 s.
- RAMOVŠ, Fran: Historična gramatika slovenskega jezika. Tom VII. Dialekti. Ljubljana: Učitelska tiskarna 1935. 208 s.
- STANKIEWICZ, Edward: Slavic Morphophonemics in its Typological and Diachronic Aspect. In: Current Trends in Linguistic. 3. zv. 1966, s. 495 – 520.
- STIEBER, Zdzisław: Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Część II. Zeszyt I. Fleksja imienna. Varšava: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1971. 106 s.
- TRUBECKOJ, Nikolaj Semionovič: Das morphonologische System der russischen Sprache. In: Travaux Cercle Linguistique de Prag. Praha 1934.
- VENDINA, Tatiana Ivanovna: Russkije dialekty v obščeslavianskom kontekste (leksika). Moskva: Institut slavianovedenija RAN 2009. 532 s.
- Voprosník Obščeslavianskogo lingvističeskogo atlasa. Moskva: Nauka 1965. 272 s.
- WORTH, Dean: The Notion of „Stem“ in Russian Flexion and Derivation. In: To Honor Roman Jakobson. 3. zv. Bez udania miesta vydania, 1967, s. 2269 – 2288.
- ŽIGO, Pavol: Prirodzenosť v morfológii a Slovanský jazykový atlas. In: Slavica Slovaca, 2007, 42, č. 1, s. 49 – 57.
- ŽIGO, Pavol: Slovanský jazykový atlas – obraz prirodzeného vývinu jazyka. In: XIV. medzinárodný zjazd slavistov v Ochride. Príspevky slovenských slavistov. Bratislava: Slovenský komitét slavistov 2008, s. 17 – 26.

Paradigmatika maskulín v *Slovanskom jazykovom atlase*^{*}

Renáta Kamenárová

Filozofická fakulta Univerzity Komenského, Bratislava

Paradigms of Masculine Substantives in the *Slavic Linguistic Atlas*

In a paradigm of masculine in the Slavic languages there are two specific grammatical categories: a category of animateness that can be found in all languages with an inflectional declination and a category of masculine person that exists only in the region of West Slavic languages. In a way of realisation of the both categories the Slovak language has a specific position. The category of animateness in singular is expressed like in Czech, and Ukrainian languages, the category of masculine person in plural like Polish and upper Sorbian languages. A detailed description of this language situation is offered by a dialect material of a prepared morphological volume of the Slavic Linguistic Atlas which the most distinctly and thoroughly presents the situation in the Slavic dialects.

Pri skloňovaní maskulín v slovanských jazykoch sa stretávame s dvoma špecifickými gramatickými kategóriami, ktoré determinujú ich paradigmu. Ide o širšie zastúpenú kategóriu životnosti, ktorú nájdeme vo všetkých jazykoch s flektívou deklináciou, a užie zastúpenú kategóriu mužskej osoby, ktorú nájdeme iba v západoslovanskom makroareáli. Obidve tieto gramatické kategórie sú oveľa mladšie v porovnaní s ostatnými mennými gramatickými kategóriami zdedenými z indeurópciny. Proces ich vzniku a gramatikalizácie súvisí s rozpadom pôvodného praslovanského spôsobu ohýbania substantív. Koncovky pôvodných ohýbacích sústav sa ocitli v konkurencii a toto napätie bolo vyriešené viacerými spôsobmi, napr. zánikom jednej z nich, rozlíšením ich použitia na základe komplementárnej distribúcie pri novovzniknutých kategóriach alebo ich variantným používaním. Variantnosť je charakteristická najmä pre kodifikovaný jazyk, ktorého podoba je výsledkom kompromisných snáh na základe nárečového východiska. Ak je nárečové zastúpenie dvoch koncoviek v rovnakom kontexte približne rovnocenné, pri kodifikácii je zložité uprednostniť jednu z nich a často sú prijaté obidve ako varianty s fakultatívnou distribúciou (pozri ďalej situáciu v D sg. spisovej češtine a ukrajinčine) spojenou so štýlistickými obmedzeniami. O celej problematike sa dá oveľa lepšie uvažovať, ak poznáme nárečové pozadie. Toto nám umožnil nárečový materiál pripravovaného morfológického zväzku Slovanského jazykového atlasu (*Общеславянский лингвистический атлас*, ďalej OLA), ktorý najprehľadnejšie a najpodrobnejšie dokladá situáciu v slovanských nárečiach.

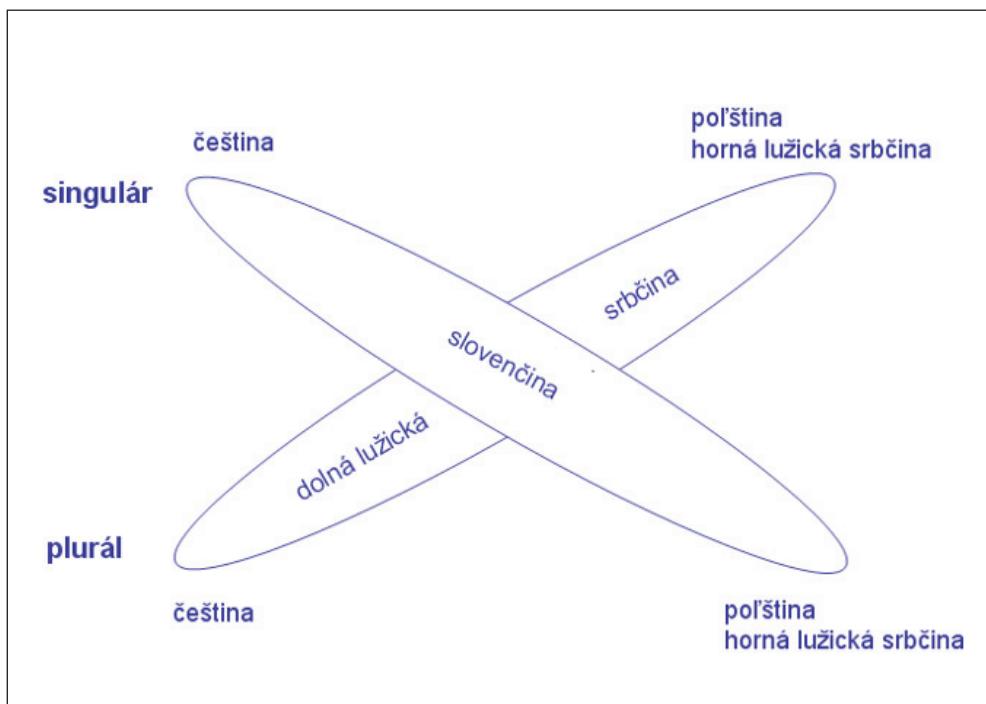
Špecifickosť slovenčiny je vo vyjadrení kategórie životnosti a mužskej osoby pri maskulínach. V jednotnom číslе vyjadruje životnosť ako väčšina slovanských jazykov pádovou homonymiou genitív – akuzatív. Okrem tejto je však záväzná aj pádová homonymia datív – lokál, rovnako ako v češtine a v ukrajinčine. V množnom čísle sa v západoslovanskom makroareáli postupne špecifikovala gramatická kategória

* Štúdia vznikla v rámci riešenia projektu VEGA 2/0076/08 *Slovanský jazykový atlas*.

mužskej osoby. V súčasnosti sa realizuje vyjadrenie mužskoosobovosti v slovenčine, v polštine a v hornej lužickej srbčine osobitnými koncovkami pre osobné substantíva v nominatíve množného čísla a pádovou homonymiou medzi genitívom a akuzátivom plurálu (v hornej lužickej srbčine aj duálu).

V spôsobe realizácie obidvoch spomínaných kategórií má slovenčina špecifické postavenie v západoslovanskom makroareáli (pozri schému č. 1). Stojí na prieniku dvoch skupín. Kategóriu životnosti v singulári vyjadruje ako čeština, kategóriu mužskej osoby v pluráli ako polština a horná lužická srbčina. Protipóлом slovenčiny je dolná lužická srbčina, ktorá životnosť vyjadruje v súlade s hornou lužickou srbčinou a polštinou, ale nepozná kategóriu mužskej osoby v pluráli (aj vyjadrenie životnosti je obmedzené).

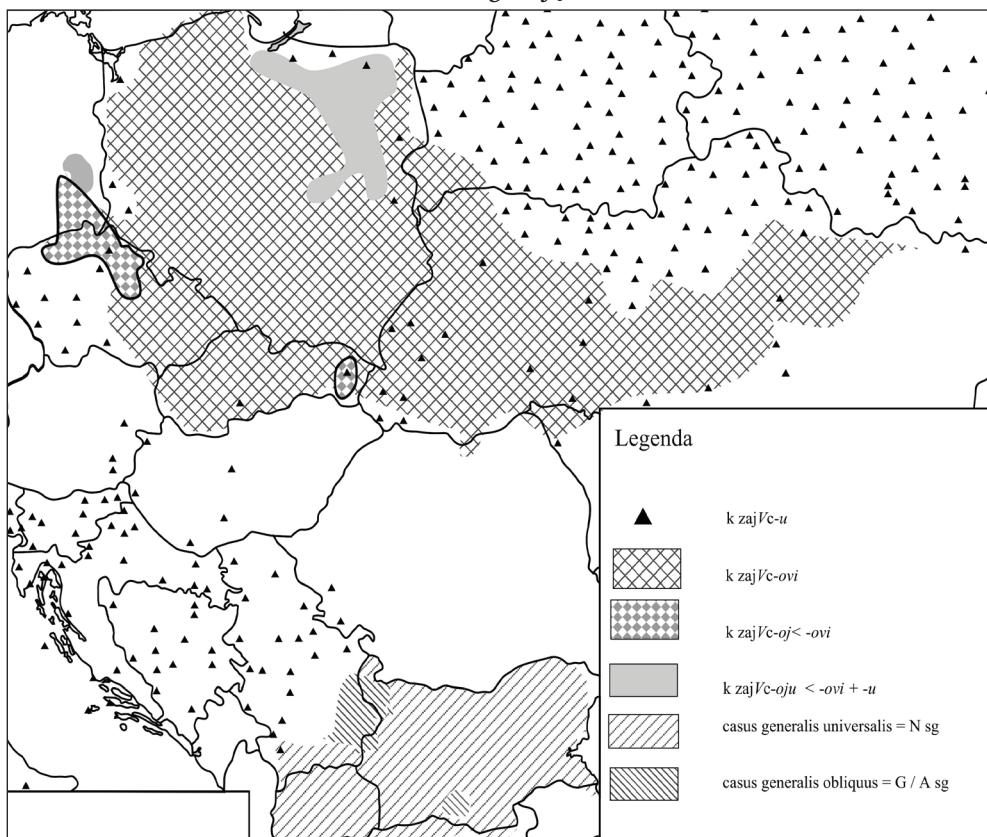
Schéma č. 1



A) Gramatická kategória životnosti v slovenčine v porovnaní s ostatnými slovanskými jazykmi

Ako sme uviedli, v slovenčine, v češtine a v ukrajincine je záväzná pri vyjadrení gramatickej životnosti maskulín aj pádová homonymia datív – lokál sg. Signálom životnosti pri tejto pádovej homonymii je pôvodne datívna koncovka *u*-kmeňov -ovi, ktorá sa postupne v rôznej miere presadila v nárečiach slovanských jazykov a v ich spisovných varietách. Na základe morfológických materiálov Slovanského jazykového atlasu sa dá prehľadne ilustrovať slovanské nárečové používanie koncovky -ovi. Ako príklad sme vybrali praslovanské *jo*-kmeňové maskulínum *zajęcь*.

Datív sg. zajęcu



Ako je zobrazené na mape Datív sg. zajęcu, väčšina slovanských nárečí pri tomto príklade kontinuuje pôvodnú spoločnú praslovanskú *o-* a *jo-*kmeňovú koncovku *-u*, s prípadnými hláskoslovňmi zmenami, napr. *-u > -i*, (napr. *zě:cu* Bosna a Hercegovina, Chorvátsky, Srbsko; *'zajcu* Bielorusko, Rusko; *zā:jcu/za:jci* Slovinsko). Výnimkou sú bulharčina a macedónčina, ktoré majú analytický typ deklinácie.

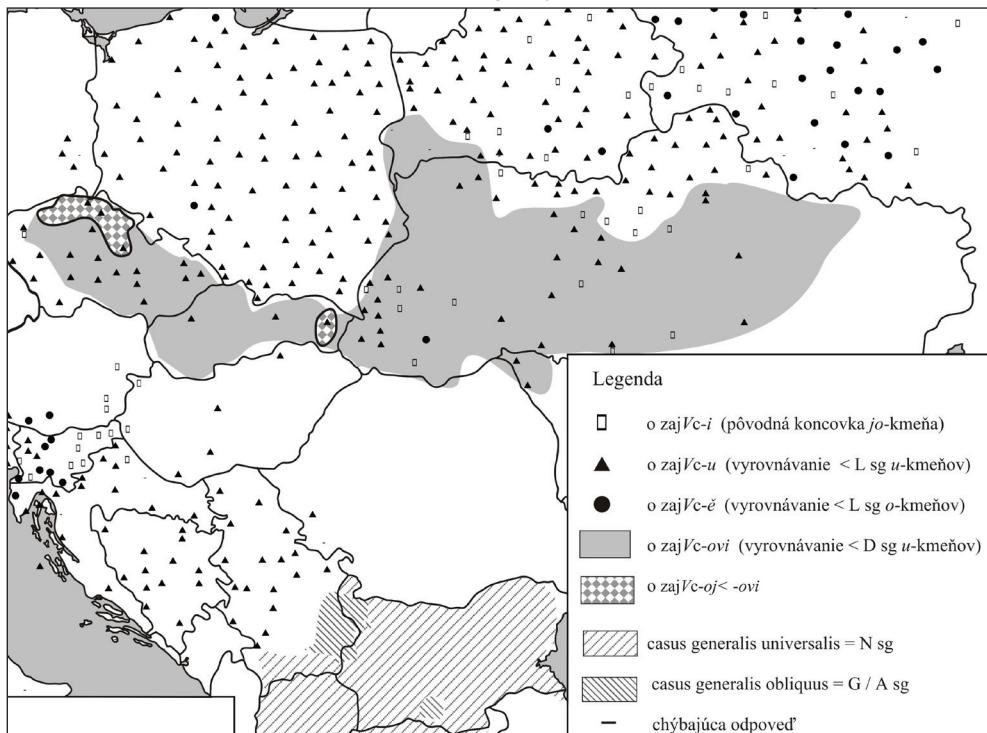
Použitie koncovky *-ovi* presahuje západoslovanský makroareál a rozširuje ho o ukrajinčinu. Toto územie je na mape vyznačené šrafováním. Pôvodne datívna koncovka *u*-kmeňov *-ovi* (*synovi*) prenikla v tejto oblasti do datívu ostatných životných maskulín pôvodných *o-* a *jo-*kmeňov (*sosedu > susedovi*, *mōžu > mužovi*), *i*-kmeňov (*gosti > hostovi*), *a*-kmeňov (*sludze > sluhovi*) a *ja*-kmeňov (*södci > sudcoví*) pravdepodobne preto, že zo všetkých pôvodných relačných morf sa vyznačovala najnižším stupňom gramatickej homonymie. Jej distribúcia je tu však rozdielna a na tomto základe rozdeľujeme ďalej toto územie na severnú časť (nárečia Poľska a Lužice) a južnú časť (nárečia Česka, Slovenska a Ukrajiny). Výskyt pôvodnej koncovky *-u* v okrajových častiach na západe a severe Poľska je v tejto oblasti sekundárnym javom, súvisiacim s presídlením obyvateľstva z inej nárečovej oblasti, v ktorej ide o pôvodný morfológický jav. Inak je na celom území doložená iba koncovka *-ovi*,

čo ovplyvnilo aj stav v spisovných varietách jazykov tejto oblasti. Pre datív singuláru maskulín tvrdej i mäkkej paradigmy sú jednoznačne potvrdené jej kontinuenty: v poľštine *-owi* (v nárečiach ako *zajoncov'i*, *zajcov'i*, *zajoncev'i*), v hornej lužickej srbčine *-ej* (< *-evi* < *-ovi*, *zaiacei*). V spisovnej dolnej lužickej srbčine je to koncovka *-oji*, ktorá vznikla kontamináciou obidvoch datívnych koncoviek (*-oji* < *-owu* < *-ovi* + *-u*). Podobný stav, ako je v dolnolužických nárečiach (*uxacoju*), nájdeme aj v oblasti mazovských nárečí (*zajoncoju*, *zajoncovju*, *zajoncožu*, *zajuncoju*). V gramatickej morfeme *-ovi* v tejto oblasti dochádza k neutralizácii kategórie životnosti a stáva sa univerzálnou koncovkou pre všetky maskulína v datíve jednotného čísla. Ide o jeden zo znakov prevažujúcich aglutinačných vývinových tendencií v týchto jazykoch. Ďalšou zaujímavosťou je, že na mape sú zachytené oblasti so zjednodušenými, redukovanými tvarmi koncovky *-ovi* > *-oji* > *-oj* (> *-ej*). Tieto oblasti nájdeme na východe Slovenska (Zemplín, Abov – *zajacoj*), v severočeských nárečiach (*zajicoj/zajcoj*), v nárečiach hornej Lužice (*zaiacei*) a v oblasti prechodných lužickosrbských nárečí (*zaiacoi*).

V južnej oblasti nájdeme koncovku *-ovi* iba pri životných maskulínach, čo je práve vyššie spomínaným špecifickom češtine, slovenčiny a ukrajinciny. Slovenské nárečia jednoznačne preferujú *-ovi*, čo ovplyvnilo aj podobu kodifikácie. V spisovnej slovenčine je jasná komplementárna distribúcia relačných alomorf *-ovi* a *-u* podľa gramatickej kategórie životnosti, životné maskulína v datíve sg. majú koncovku *-ovi*, neživotné *-u* (relačná alomorfa *-u* sa zachováva v ustálených slovných spojeniach a v cirkevnej reči dodnes pri slovách napr. *človek*, *čert*, *pán*, *duch*, *otec*, *diabol*, *vlk*, *Kristus*). Inak je tomu v češtine a v ukrajincine. Ako sa dá vyčítať z nárečovej mapy, situácia v týchto oblastiach je nejednotná. Koncovka *-ovi* sa vyskytuje v moravských nárečiach (*zajicovi*) a na severe Čiech (*zajicoj/zajcoj*), kým koncovka *-u* v centrálnej a južnej oblasti českých nárečí (-i < '-u, *zaji:ci*). Na území Ukrajiny prevláda koncovka *-ovi* (*zajac:ovy*, *zajacyvy*, *zajacewy*), ale na severe nájdeme súvislejšiu oblasť s koncovkou *-u* (*zaic'u*). Takýto nárečový stav ovplyvnil aj podobu kodifikácie. V spisovnej češtine a ukrajincine sú obidve pôvodné koncovky variantné pri životných maskulínach, čím sa zastiera špecifické vyjadrenie kategórie životnosti v tomto páde.

V lokálni singuláru slova *zajac* je situácia oveľa rozmanitejšia. Najčastejšou koncovkou v slovanských nárečiach je *-u*, pôvodnú koncovku mäkkých *jo-kmeňov* -i nájdeme rozptýlenú vo východoslovenskej nárečovej oblasti a kompaktne na východe slovinských nárečí, koncovku *o-kmeňov* -ě nájdeme zachovanú v ruských nárečiach a na západe slovinských nárečí. V južnej oblasti západoslovenských nárečí – s rozšírením o ukrajincinu – nájdeme opäť koncovku *-ovi* pri životných maskulínach, ktorá sa sem dostala po vnútroparadigmatickom vyrovnaní s datívom sg. a stala sa špecifickým znakom životnosti v češtine, v slovenčine a v ukrajincine. Na celom území českých i moravských nárečí nájdeme aj tvary s koncovkou *-i* (*zajci*, *zajici*, *zajíci*). V Českom jazykovom atlase (zv. 4, s. 140) sa pôvod koncovky *-i* vysvetluje buď zachovaním pôvodnej *jo-kmeňovej* koncovky, alebo aj ako potenciálny výsledok zmeny *'u* > *i* (táto zmena je menej pravdepodobná). Severná časť nárečí západoslovenských jazykov je homogénna a je pre ňu typická koncovka *-u*, charakteristická pre tvrdú paradigmu maskulín, pretože po strate mäkkosti č, š, ž sa aj pôvodný tvar *zajęć* zaradil do tohto deklinačného typu.

Lokál sg. zajęci



B) Gramatická kategória mužskej osoby v slovenčine v porovnaní s ostatnými slovanskými jazykmi

Gramatická kategória mužskej osoby existuje v súčasnosti ako osobitný gramatický jav iba v západoslovanskom makroareáli. Zo slovanských jazykov túto gramatickú kategóriu v pluráli vyjadrujú osobitnými koncovkami pre osobné substantíva v nominatíve množného čísla a pádovou homonymiou medzi genitívom a akuzatívom plurálu slovenčina, polština a horná lužická srbčina (táto aj v duáli).

Vznik nového spôsobu ohýbania substantív si vyžiadal aj rozdelenie maskulín na životné (animáta *Anim*) a neživotné (nonanimáta *nAnim*). V jazykoch, v ktorých existuje kategória mužskej osoby, je rozdelenie životných maskulín adekvátne rozšírené o osobné (racionália animáta *RAnim*) a zvieracie (nonracionália animáta *nRAnim*) maskulína. Pri deklinácii maskulín v pluráli vytvárajú opozíciu osobné maskulína (*RAnim*) a neosobné maskulína (nonracionália *nR*), kam patria zvieracie i neživotné maskulína. S ohľadom na gramatickú kategóriu zhody je vhodné uvažovať o širšej skupine nonracionáliaj, aj s účasťou feminín a neutier (veľkí muži × veľké hady, stromy, ženy, mestá).

V slovenčine, v polštine a v hornej lužickej srbčine je lexikálnovýznamová kategória mužskej osoby sémantickým delimitačným činiteľom distribúcie pôvodných i ne-pôvodných praslovanských alomorf v nominatíve plurálu. V tomto páde sa kontinuujú po hláskoslovných zmenách v jednotlivých jazykoch západoslovanského makroareálu (okrem dolnej lužickej srbčiny) pri osobných maskulínach tri pôvodné koncovky:

syn-ove (*u-kmene*), *rab-i/mož-i* (*o-/jo-kmene*), *pot-ъje* (*i-kmene*). V tvrdej paradigmе neosobných maskulín (nonracionália) sa kontinuuje pôvodná akuzatívna koncovka *-y*, v mäkkej paradigmе *-ę*. Na rozdiel od týchto jazykov sa v češtine prejavuje kategória životnosti v pluráli spoločnou koncovkou *-i* pre osobné i zvieracie maskulína. Ďalším znakom prítomnosti kategórie mužskej osoby je pádový synkretizmus genitívu a akuzatívu plurálu osobných maskulín. Vo všetkých západoslovanských jazykoch sa v genitíve plurálu maskulín presadila koncovka *-ov* pôvodných *u-kmeňov* (s vývinom *-ó(v)* > *-ů* v češtine), a tak sa odstránila tvarová homonymia tohto pádu s nominatívom a akuzatívom singuláru pri *o-/jo-kmeňoch* (*chlap-ъ, mož-ъ*).

E. Pauliny (1990, s. 49) uvádza, že v slovenčine prenikla forma akuzatívu plurálu do nominatívu plurálu neživotných maskulín už pred 13. stor., ale forma genitívu plurálu maskulín začala prenikať do akuzatívu plurálu osobných maskulín až v 15. stor. V polštine sa až do 17. stor. udržiavajú pôvodné akuzatívne koncovky, potom v súvislosti s formovaním sa kategórie mužskej osoby preberajú osobné maskulína koncovku genitívu plurálu (Długosz-Kurczabowa – Dubisz, 2001, s. 208). V hornej lužickej srbčine je situácia v množnom čísle identická, ale homonymia genitív – akuzatív je pri osobných maskulínach aj v duáli (napr. G: *susodow, wjelkow, dubow* – A: *susodow/wjelkaj, dubaj*).

V češtine sa situácia vyvíjala odlišne. Systémové vzťahy zo singuláru sa začali prenášať na prelome 16. – 17. stor. aj do plurálu a jedinou zmenou bolo prijatie akuzatívnej koncovky do nominatívu plurálu neživotných maskulín (*dqb i* → *duby*), čím sa tu stala dominantnou kategória životnosti. V dolnolužickosrbských kodifikáciách sa pravidlá určujúce koncovky akuzatívu plurálu maskulín viackrát menili. Chojnan vo svojej gramatike z r. 1650 preferoval genitívnu koncovku *-ow* pri všetkých animátačach, Muka neskôr túto homonymiu obmedzil iba na osobné maskulína. V súčasnom úze sa používajú pri všetkých maskulínach homonymné tvary akuzatívu a nominatívu plurálu (napr. *Som wójaki wiżeł*), pri osobných maskulínach sa môže vyskytnúť zhodný akuzatív s genitívom, ak stojí po číslovke tri až desať (napr. *Ten bur jo meł styrjoch knechtow*; Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Serbščina, 1998, s. 225).

V slovenskej odbornej jazykovednej literatúre sa s pojmom gramatická kategória mužskej osoby stretávame iba zriedkavo. Cieľom tohto príspevku bolo poukázať na túto kategóriu ako na spoločné špecifikum troch jazykov západoslovanskej oblasti – slovenčiny, polštiny a hornej lužickej srbčiny, ktoré ich výrazne odlišuje nie len od dolnej lužickej srbčiny a češtine, ale od celého zvyšného slovanského sveta. Existencia kategórie mužskej osoby nie je jednotná ani na území slovenských nárečí. Územím Slovenska vedie izomorfa, ktorá oddeluje nárečia západného Slovenska – v ktorých, rovnako ako v susednej češtine, neexistuje kategória mužskoosobovosti – od nárečí stredného a východného Slovenska. V týchto nárečiach sa iba mužská osoba gramaticky stváraťuje osobitnými koncovkami v nominatíve plurálu a zhodným zakončením genitívu a akuzatívu plurálu. Z tejto dialektálnej nejednotnosti pramenia aj niektoré problémy používateľov súčasnej spisovnej slovenčiny, ako je napríklad správne zaradenie zvieracích maskulín k deklinačným vzorom či utvorenie ich plurálových tvarov, najmä v akuzatíve. Problematiku mužskoosobovosti v nárečiach všetkých slovanských jazykov sme zatiaľ nemohli spracovať, pretože doteď nie je k dispozícii kompletný materiál z dotazníkov Slovanského jazykového atlasu.

Microsoft PowerPoint - [Skloňovanie živierach maskulin v Slovenskom jazykovom atlase 1.ppt]

Súbor Úpravy Zobrazit Vložiť Formát Nástroje Prezentácia MathType Čítač Pomocník Zadajte otázku

Priej na server služby Office Live | Otvoriť | Uložiť | Tabuľka | 1 b. | Nová stránka

Prehľad Snímky

Plurál o-kmene, maskulína

nominativ	praslovenčina	čeština	dolná lužická srbskina	poľština	horná lužická srbskina	slovenčina
sqséđ-i	soused-i	sused-y	sásiedz-i	susodž-a	sused-ia	
vvlc-i	vlc-i	wjelk-i	wilk-i	wjelk-i	vlk-y*	
dqb-i	dub-y	dub-y	děb-y	dub-y	dub-y	

akuzatív

sqséđ-y	soused-y	sused-y	sásied-ow	susod-ow	sused-ow	
vvlk-y	vlk-y	wjelk-i	wilk-i	wjelk-i	vlk-y*	
dqb-y	dub-y	dub-y	děb-y	dub-y	dub-y	

Kliknite sem a zadajte poznámky.

Snímka 6 z 7 Predvolený návrh slovenčina

Start Ficova diaľnica ce... D:\Dокументy\U... Zverejnenie maskulín Microsoft PowerPoint Pouze Hľadať v počítači 22:12

Bibliografia

- Atlas slovenského jazyka. II. Flexia. Časť prvá – mapy. Red. J. Štolc. Bratislava: Veda 1981. 316 s.
- Český jazykový atlas. IV. Red. P. Jančák. Praha: Academia 2002. 626 s.
- DVONČ, Ladislav: Dynamika slovenskej morfológie. Bratislava: Veda 1984.
- DŁUGOSZ-KURCZABOWA, Krystyna – DUBISZ, Stanisław: Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego 2001. 458 s.
- LAMPRECHT, Arnošt – ŠLOSAR, Dušan – BAUER, Jaroslav: Historická mluvnice češtiny. Praha: Státní pedagogické nakladatelství 1986. 424 s.
- MRAČNÍKOVÁ, Renáta: Kategórie životnosti a mužskej osoby v západoslovanských jazykoch. In: Studia Academia Slovaca 35. Ed. M. Vojtech – J. Mlacek. Bratislava: Stimul 2006, s. 435 – 450.
- Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Serbščina. Red. H. Faska. Opole: Uniwersytet Opolski 1998. 338 s.
- PAULINY, Eugen: Vývin slovenskej deklinácie. Bratislava: Veda 1990. 270 s.
- STRUTYŃSKI, Janusz: Elementy gramatyki historycznej języka polskiego. Wyd. 8. Kraków: Wydawnictwo Tomasz Strutyński 2000. 212 s.
- ŠEWIC, Hinc: Gramatika hornjoserbskeje rěče. Fonematika a morfologija. Budyšin: Ludoewe nakladnistwo Domowina 1968.
- ŽIGO, Pavol: Otázky princípov stavby, vývinu a fungovania jazyka. In: Philosophica 38. Filozofia v škole, filozofia v živote. Bratislava: Univerzita Komenského 2002, s. 83 – 92.

Русские этимологии на словацко-чешском фоне*

Жанна Жановна Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Russian etymologies on Slovak-Czech background

Etymologies of two Russian words here proposed are based on the resemblance of semantic changes between Russ. words and supposed related Slc. and Cz. words. Thus Russ. dial. *рóзный*, ‘sickly’ is explained as a derivate of Com.-Sl. **oržyn-* (< **orž-*) likewise Slc. dial. *odružnúť*, ‘to brake off’. The derivation supposed for Russ. *парень* < *парной*, ‘strong’ < *nap*, ‘vapour’ means to be supported by Slc. dial., Cz. *para*, ‘power, strength’.

Родство этимологических гнезд, восходящих к праславянским источникам, часто проявляется в истории отдельных славянских языков параллельным семантическим развитием производных образований, которое не может быть приписано собственно праславянскому состоянию, особенно при наличии структурных различий соответствующих производных. Однако внимание к семантике поздних/вторичных производных различных языков позволяет, в случае обнаружения подобного параллелизма или близости, найти или подтвердить предполагаемое объяснение для лексемы одного из языков (представляется, что это наиболее доказательный тип семантических параллелей). Ниже предлагаются два таких толкования.

Рус. диал. *рóзный*, ‘болезненный’

В русских архангельских говорах зафиксировано прилагательное *рóзный* в значении ‘болезненный, больной’ в контекстах: От гипса все *рóзно* было, кожа вся съехала. Добродим до того, что ноги *рóзны*, красны, все икры разлопаются (СРНГ, вып. 35, с. 164). Более широко (в архангельских, вологодских, олонецких, новгородских, псковских, ярославских и сибирских говорах) известно значение этого прилагательного ‘разорванный, дырявый, изоштенный (об одежде, обуви)’, а в новгородских говорах – еще ‘изломанный’ (там же). Семантика разрыва, порчи, ломки сохраняется по диалектам в производных от прилагательного *рóзный* глаголах: *рóзнить* арханг., ‘рвать, ломать, небрежно обходить с чем-либо’ (Что *рóзнишь* одежду-ту?), *рóзниться* арханг., волог., ‘рваться, портиться (об одежде, обуви)’ (СРНГ, вып. 35, с. 163). Очевидна вторичность этой семантики прилагательного по отношению к первичному значению ‘отдельный, отличный’, определяемому производящим корнем — праслав. **orž-* и известному во всех славянских языках. Развитие производной семантики представляется следующей последовательностью переходов: ‘отдельный, отличный’ → ‘отделенный (часть от целого)’ → ‘отломанный, оторванный’ → ‘изломанный, разорванный, дырявый’ → ‘изношенный’. Значение ‘болезненный,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН „Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей“ (проект „Этимологические и этнокультурные исследования лексики русского языка на славянском и индоевропейском фоне“).

больной‘ можно было бы истолковать как дальнейшее развитие семантики изношенности, но более вероятно его формирование по мотивационной модели „ощущение ломки“, хорошо известной в названиях болезненных состояний:ср. рус. *ногу ломит, спину разламывает, голова раскалывается*. Подтверждением регулярности и существенности значения разлома как этапа в развитии вторичной семантики прилагательного **orgъпъј* и его производных в славянских языках является словацкий диалектный (Banská Bystrica) глагол *odružnúť* ‚отломить (ветку)‘ (Kálal, s. 410), при *rôzny* ‚различный‘ (*odružnúť* — производное от **odrozniti* с участием аналогического преобразования). При учете исходной семантики праслав. **orž-*, развитие вторичных значений прилагательного **orgъпъј* и его производных примечательно как случай изменения семантики в направлении от абстрактного к конкретному (при все еще преобладающем мнении о закономерности только обратного направления).

Рус. *парень*

Относительно происхождения этого слова существует несколько версий, неоднократно обсуждавшихся в этимологической литературе: принадлежность к этимологическому гнезду праслав. **prěti/*pariti*, производность от **paroъkъ*, заимствование из иранских языков). В последнем по времени исследовании на эту тему А. Ф. Журавлева содержится весьма обстоятельный анализ слабых сторон этих толкований, с которым можно согласиться, и предложена авторская гипотеза о производности от **pora* ‚время, период, срок; сила, мощь‘ (Журавлев, 2003, с. 137 – 151). Следует признать, что в отношении мотивации это толкование очень убедительно, однако оно уязвимо в отношении объяснения структуры слова: предполагаемое удлинение корневого гласного в суффиксальном имени не согласуется с поздней (XVI век) фиксацией и, вероятно, поздним образованием слова.

Попробуем возвратиться к хронологически первой версии – о происхождении *парень* из этимологического гнезда праслав. **prěti/*pariti*, впервые предложенной С. П. Микуцким (Микуцкий, 1852). Исходя из понимания теплоты как основы жизни, автор реконструировал исходную семантику слова как ‚рожденный, сын‘ при первичности формы страдательного причастия от **pariti*. Уязвимой стороной здесь является отсутствие употреблений глагола по отношению к рождению детей. П. Я. Черных допускал родство с *парть*, *пареный, парной* при реконструкции первичного значения существительного **запарившийся* молодой человек, ухажор‘ в ироническом употреблении (Черных, 1993, II, с. 6). Этому толкованию противоречит функционирование слова как социального термина далеко за пределами сферы добрачного ухаживания. Однако именно на эту сферу ориентировался и В. Э. Орел, разивший данную версию в реконструкцию **parę*, производного от *par, пара* ‚душа, дух, жизнь, животная теплота‘, по модели любовных прозвищ *душка, душенька* (Орел, 1997, с. 67 – 68). Как справедливо отметил А. Ф. Журавлев (Журавлев, 2003, с. 140 – 141), нет серьезных оснований ни для реконструкции *-ęt*-основы, ни для сужения условий возникновения слова до сферы добрачного ухаживания.

И тем не менее, кажется, есть повод возвратиться к версии родства *парень* с гнездом **prēti*/**pariti*, но с уточнением мотивационной модели. Структура существительного *парень*, род. п. *парня* указывает на образование его в результате субстантивации прилагательного с суф. *-ен-/н-* < *-ъп-* – *парный/парной*. Из прилагательных с этой структурой следует обратить внимание на диал. олон. *пáрный*, перм., свердл., оренб. *парнóй*, сильный, могучий как определения человека: *парный детина, парной богатырь* (СРНГ, вып. 25, с. 233). Прилагательное, очевидно, образовано от *пар*, дух, жизненное начало, которое действительно изначально „физиологично“, по определению А. Ф. Журавлева (Журвлев, 2003, с. 141), но именно потому и может быть мотиватором для обозначения достигшего зрелости, полного жизненной силы юноши, каковое представление и связано со словом *парень*:ср. рус. диал. влад. *выйти в парни*, повзросльеть (о юноше) (СРНГ, вып. 25, с. 223). Развитие значения слова *пар* и его парадигматического варианта *пара* в направлении от „дыхание, дух“ к „сила“ предполагается русскими адвербиализованными сочетаниями типа диал. смол. *со всей пáры*, изо всех сил (СРНГ, вып. 25, с. 213), ряз., урал. *с пару сходитьсь/сойти*, онеметь, потерять чувствительность (о руках, ногах) (СРНГ, вып. 25, с. 212). Ср. близкое развитие семантики рус. дух: *собраться с духом, хватит духу, осмелиться, осилить*, диал. костр., моск., влад. *духу/духов не хватает/не хватит/нет*, о недостатке средств, возможностей [СРНГ вып. 8, с. 276], пенз. *духовей*, храбрый, боевой, смелый (СРНГ, вып. 8, с. 280). Закономерность развития семантики силы в продолжениях слов. **parъ*/**para* подтверждается словацкими и чешскими диалектами: слвц. *para*, сила, энергия в контекстах: *Má dobrú paru. Utekať, co mi para stačíča* (Palkovič. Záhoráč., s. 85), *Kebis mieu taku paru, biz ho premoheū* (Sloven. nár. II, s. 730), чеш. *para*, сила в контекстах: *Ten má paru! Ale už také starý Křípala nem'él téj pary* со *прv* (Bartoš. Slov. morav., s. 281; Kazmíř. Slov. valaš., s. 241); ср. еще слвц. разгов. *nemá pary*, не в силах, не в состоянии (SSJ III, s. 26) и диал. экспр. *parišsa*, задаваться: *Nepar še, ňepar, bo ce od žemi ňevidno* (Sloven. nár. II, s. 736). В словацких шаришских (восточнословацких!) говорах зафиксировано как экспрессивное слово *pareňak*, молодой человек (Buffa. Slov. šariš., s. 200), которое, очевидно, является украинизмом, но для предлагаемой семантической мотивации рус. *парень* – „сильный, силач“ – примечателен приведенный в этом источнике контекст, характеризующий молодого человека именно по силе, крепости: *Taki pri šíle pareňák* (Buffa. Slov. šariš., s. 200, *pareňak*). Впрочем, в Sloven. nár. II (s. 734) то же слово *parenjak* (с указанием тех же шаришских говоров) толкуется как „толстый, обычно и ленивый человек“ в контекстах: *Teho pareňaka ňeberce ze sebu, bo i tag budze ťem šedzidz a ňidž ňeromože!* Takeho *pareňaka* voľilam bi obľíkadz jak karmic.

Bibliografia

Журавлев, 2003 — ЖУРАВЛЕВ, А. Ф.: Восточнославянские этимологии (1. рус. *парень*. 2. укр. *гарний*, белорус. *гарны*). In: Studia etymologica Brunensia. 2. Praha 2003, s. 137 – 151.

Микуцкий, 1852 – МИКУЦКИЙ, С. П.: Библиографические записки. In: Известия Имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности. Том I. Санкт-Петербург 1852.

Орел, 1997 – ОРЕЛ В. Э.: Праславянские и восточнославянские этимологии. In: Этимология 1994 – 1996. Москва 1997, с. 64 – 69.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1 – 23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24 – 43). Вып. 1 – 43-. (Ленинград =) Санкт-Петербург 1966 – 2010.

Черных, 1993 – ЧЕРНЫХ, П. Я.: Историко-этимологический словарь современного русского языка. Том I – II. Москва 1993.

Bartoš. Slov. morav. – BARTOŠ, F.: Dialektický slovník moravský. Praha 1906.

Buffa. Slov. šariš. – BUFFA, F.: Slovník šarišských nárečí. Prešov 2004.

Kálal – KÁLAL, M.: Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica 1924.

Kazmiř. Slov. valaš – KAZMIŘ, S.: Slovník valašského nárečí. Vsetín 2001.

Palkovič. Záhoráč. – PALKOVIČ, K.: Záhorácky slovník. Bratislava 1997.

Sloven. nár. – Slovník slovenských nárečí. I – II-. Ved. red. Ivor Ripka. Bratislava 1994 – 2006-.

SSJ – Slovník slovenského jazyka. Ved. red. Š. Peciar. I – VI. Bratislava 1959 – 1968.

*Obličje, *obličaj, 'twarz' w dialektach i w historii języków słowiańskich

Janusz Siatkowski

Instytut Slawistyki Zachodniej i Południowej,
Uniwersytet Warszawski, Warszawa

*Obličje, *obličaj, 'face' in dialects and history of Slavic languages

In the article I discuss the names **obličje*, **obličaj* in the meaning of 'face' basing on materials of The General Slavic Linguistic Atlas (OLA) in comparison with earlier dialectal and historical studies of these words.

The form **obličaj* is typical mainly for the Czech language. In Slovak and Polish it is undoubtedly a borrowing from Czech, limited to literary language. In Southern-Slavic languages it previously occurred in the meaning of 'face' only in dictionaries and apart from that in the meaning of 'figure, person'. Probably independent innovations and not proto-Slavic heritage need to be assumed.

Today inconsiderable range of the form **obličje* in Slavic dialects is justified historically: *oblicze* in Polish became a solemn word, limited to upper style of literary language, in Czech the old *obliče* evidenced merely by a few examples from religious works and a dictionary disappeared long ago. However the Belorussian *аблічча* known mainly in literary language and Ukrainian *аблітчча* which occurs in literary language and dialects spread probably under the influence of Polish.

Moim celem jest porównanie materiałów *Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego* (OLA) z dotychczasowymi opracowaniami gwarowymi i historycznymi wyrazów **obličje*, **obličaj* w językach słowiańskich.

Zestawienie poświadczzeń słowa **obličje* w *Etymologicznym słowniku prasłowiańskim* pokazuje, że mamy tu do czynienia z dawną formacją prasłowiańską o zasięgu niemal ogólnosłowiańskim (ESSJ XXVIII, s. 89). Prasłowiański charakter wyrazu podkreślają też inne słowniki etymologiczne, por. np. ESBM I, s. 52 (ścisłe odpowiedniki wyrazu białoruskiego i ukraińskiego w południowej Słowiańszczyźnie świadczą o prasłowiańskim charakterze wyrazu); Boryś SE, s. 372; Schuster-Śewc III, s. 1630. Jest to zapewne derywat od wyrażenia przyimkowego **ob lice* ('twarz', 'policzek') (Boryś lc) z przedrostkiem *ob* o znaczeniu 'po obu stronach' **obě lice* (Machek ES-2, s. 331; ESJS s. 420 – 421) lub o znaczeniu 'wokół' – **obličje*, 'przestrzeń wokół lica (twarz)' (Stčsl, s. 54 – 57). ESSJ lc widzi tu derywat z sufiksem *-bje* od pierwotnego **oblikъ*.

Materiały porównawcze pokazują, że obecnie niewielki zasięg wyrazu **obličje*, 'twarz' w gwarach słowiańskich ma uzasadnienie historyczne: w pewnych językach stał się on wyrazem uroczystym, ograniczonym do wyższego stylu języka literackiego lub nawet uległ zanikowi, gdzie indziej jego użycie się rozszerzyło, zresztą nieraz chyba dzięki wpływom międzyjęzykowym.

Nazwę **obličje*, 'twarz' zanotowano w OLA stosunkowo rzadko: w dwóch punktach na Dolnych Łużycach (*ɔbl’icɔ* – 234, 236), w jednym punkcie w Polsce (*oblice* – 285) i częściej – w 28 punktach rozproszonych na terenie całej Ukrainy.

Występowanie nazwy **obličje*, *twarz* na Łużycach dokładniej pokazuje *Atlas łużycki*: oprócz powszechniej na Łużycach Dolnych formy (*h)ɔbl'icɔ*), na Łużycach Górnego w rozproszeniu i obocznie z inną nazwą występują formy *ȝobl'ičɔ*, *ȝoblečɔ*. W słownikach łużyckich znane są powszechnie od połowy XVII wieku formy *wobličo*, *woblico*, *hoblico* (SSA VI, 1, s. 38). Jako literackie przyjęto dłuż. *woblico* i głuž. *wobličo* obok *mjezwočo*.

Zapisane sporadycznie w Polsce *oblice* (285) trudno uznać za nazwę gwarową, odniesiono ją bowiem tylko do „oblicza postaci świętych na obrazach”. Podobny charakter ma również, pochodzące ze źródła spoza OLA kasz. *obliče*, *oblicze*, *twarz* (np. Pana Jezusa), określane jako uroczyste (Sychta III, s. 271; Lorentz PW III, s. 643). W języku polskim *oblicze* było bogato poświadczane od XIV wieku w znaczeniu „twarz”, poza tym w znaczeniach „wygląd”, „forma, kształt” (SStp V, s. 344 – 346; SP XVI, t. XIX, s. 213 – 219). Z czasem znaczenie „twarz”, metonimicznie „wyraz twarzy”, „osoba” (np. w zwrocie *przed obliczem*, *w obecności*) stało się książkowe i uroczyste (por. np. SJPD V, s. 477 – 478). Nie dziwi więc brak tej nazwy w znaczeniu „twarz” w zapisach gwarowych z terenu Polski.

Dotyczy to też Czech i Słowacji. W języku czeskim dawne *obliče*, poświadczane wprawdzie tylko kilkoma przykładami zabytków religijnych i słownika, jest nie-wątpliwie nawet starsze niż upowszechniony później *obličej*, *oblíčej*, co podkreśla też *Słownik staroczeski* (Stčsl, s. 54 – 57). Źródła słowackie, dawne i współczesne, nazwy **obličje* w ogóle nie notują.

Jak wspomniałem, wyraz **obličje* najczęściej notowano na Ukrainie. Występuje on tu w postaciach: *ob'lyč:e*, *ob'lyč'e*, *ob'lyč:e* i podobnie – w 8 punktach (w p. 405 i 471 zakończenie -e powstało zapewne z wcześniejszego *a* pomiękkiej) oraz *ob'lyč:a*, *ob'lyč:a*, *ob'lyč:a* i podobnie – w 20 punktach. Zapisy te są rozproszone po całej Ukraine, tworząc nieco większe zagęszczenie wokół Kijowa i od Kijowa na wschód. ESUM III, s. 250, przytacza ponadto ze słownika Żelechowskiego dialektańskie postaci *oblituk* i *oblitich* w znaczeniu „twarz”. Analogiczna postać *oblič*, *twarz* m. i f. występuje niezależnie w zabytkach serbsko-chorwackich z XVII – XIX wieku (RHSJ VIII, s. 393).

W języku ukraińskim *обличье* poświadczane jest od XIV wieku w zwrocie „пришедши/пришедъ пред(ъ) наше облич(ъ)е” w dokumentach z pogranicza polskiego i z Polski (Lwów, Przemyśl), np. w gramocie króla polskiego Kazimiera Wielkiego (1361), w gramocie wojewody przemyskiego (1391), w gramocie starosty ruskiego z Wyszni (1393), w przysiedzce złożonej królowi polskiemu Jagielle (1400), por. SSUM II, s. 69. W kartotece SUM XVI – XVII jest już sporo poświadczień tego wyrazu w kilku postaciach: *облича* z początku XVII wieku, *обличе* z Żytomierza 1584, Smotrycza z II połowy XV wieku, z Kijowa 1619, 1625 i z Wysoczan na terenie Polski 1635 oraz *обличье* z Różanki 1598, z Kijowa i spod Kijowa 1614, 1627. Warto zwrócić uwagę na notowanie w XVI – XVII wieku tego wyrazu w zwrotach typu *обличье Божое, отъ облича земли*, „z powierzchni ziemi” itp. (Tymč II, s. 10 – 11). Werchratski notował *облічча* z pogranicza węgierskiego (ESSJ XXVIII, s. 9).

Formę *обліччя* podaje Hrinč III, s. 15. Staje się ona literacką nazwą „twarz” w języku ukraińskim, por. *обліччя*, *twarz* i liczne zwroty związane z tą nazwą (SUM V, s. 525).

Wyraz **obličje* w znaczeniu ‚twarz‘ oraz ‚wyraz twarzy‘, (ogólny) wygląd zewnętrzny⁴ ma dosyć bogate poświadczenie również w języku białoruskim i rosyjskim. W języku białoruskim występuje on od XV wieku w postaciach *обличье*, *обличе*, *обличие*, *обличье* w znaczeniu ‚twarz‘, metonimicznie ‚wyraz twarzy‘, ‚osoba‘, np. w zwrocie *neped/pred obličje/obliče*, ‚przed oblicze‘, też ‚przód, fasada‘, ‚powierzchnia‘, ‚wygląd‘ (HSBM XXI, s. 176 – 177). Brus. *облічче*, ‚wygląd‘, ‚rys twarzy‘ oraz ‚twarz‘ z żywego języka białoruskiego połowy XIX bez lokalizacji regionalnej notował też Nosovič 1870, s. 348.

Słownik współczesnego języka białoruskiego notuje *аблічча* w znaczeniu ‚twarz‘, ‚rys twarzy‘ i ‚ogólny wygląd zewnętrzny‘ (TSBM I, s. 57). Natomiast w materiałach OLA z terenu Białorusi nie ma ani jednego zapisu tego wyrazu w znaczeniu ‚twarz‘, podobnie w *Atlasie białoruskim* (LAB III, 41, s. 37). W źródłach spoza OLA odnotowano jednak z gwar białoruskich **obličje*, ‚twarz‘: ze wschodniej Mohylewszczyzny *аблічча* n. ‚twarz‘ (Białkiewič, 1970, s. 26) oraz z dwóch miejscowości na Polesiu w rejonie Stolina (na zachód od Turowa): *Обліч'e, ек у моей дочки* (Machały) *на обліч'e погледзець, то добра жонка* (B. Małeszawa), por. Turaŭski složnik III, s. 227, i ESSJ XXVIII, s. 9. Trudno ocenić te sporadyczne zapisy gwarowe na Białorusi. Możliwe jest nawiązanie do dawnych poświadczek tego wyrazu w języku białoruskim (por. wyżej), jednak ze względu na archaiczną językową Polesia (por. Cychun, 1974) możemy mieć do czynienia z zachowaniem dawnego reliktu. Do języka pisanego na Białorusi dostał się ten wyraz głównie pod wpływem polskim. Jak podałem wyżej, zwrot *przed naszym obliczem* we wschodniej Słowiańszczyźnie szerzył się z Polski. Dzięki temu i **obličje* w znaczeniu ‚twarz‘ uległo tu pewnemu rozszerzeniu, zostawiając trwałszy ślad przede wszystkim w języku ukraińskim. Do języka ukraińskiego przeszedł z języka polskiego też kilka współrzędnych formacji o zbliżonej semantycie, jak poświadczane w XIV – XV wieku *облычны*, ‚osobisty‘, *облычнѣ*, *обличнє*, *объличнє*, ‚osobiście‘ i *обличностъ* – *пред обличностю* (*чию*) ‚w czymś obecności‘ (SUM II, s. 69) ze stpol. *obliczny*, ‚obecny, osobisty‘, *oblicznie*, ‚osobiście, we własnej osobie‘ i *obliczność* – *пред czyjąś oblicznością*, ‚w czymś obecności‘ (SStp V, s. 346 – 348). Podobnie w języku białoruskim XV – XVII wieku: *обличны*, ‚tutejszy‘ (u Beryndy), *обличне*, ‚osobiście‘, *обличностъ*, ‚twarz‘ i w zwrotach *neped/pred oblicnostju*, *при обличности*, ‚w czymś obecności‘ (HSBM XXI, s. 174 – 176).

W języku staroruskim wyraz *обличие* ma bogate poświadczenie w znaczeniach ‚postać‘, ‚obraz‘, ‚wygląd zewnętrzny‘, ‚podobizna‘, prawnicze ‚dowód winy‘ itp., natomiast znaczenie zbliżone do ‚twarz, oblicze‘ w zwrocie „пришель/пришедши предъ (nie nepedъ!) наше (korоля) обличе/обличье“ odnosi się do wspomnianych już dla języka ukraińskiego źródeł związanych z pograniczem polsko-ukraińskim (SrezMat II, s. 522; SRJ XI – XVII, t. XII, s. 78 – 79), później jednak SSRLJ VIII, s. 217 – 218, notuje *обличье* nie tylko w powszechnym znaczeniu ‚powierzchowność‘, ‚wygląd zewnętrzny‘, lecz także – i to określając je jako potoczne – w znaczeniu ‚twarz‘. W OLA nazwy **obličje* w znaczeniu ‚twarz‘ z gwar rosyjskich nie zanotowano ani razu.

Na południu Słowiańszczyzny nazwy **obličje* w znaczeniu ‚twarz‘ w OLA nie zanotowano nigdzie. Jedynie w materiałach spoza OLA odnotowano dawne *oblīčje*

⁴*Obličje*, **obličaj*, ‚twarz‘ w dialektach i w historii języków słowiańskich

w znaczeniu ‚twarz’ w Dračevicy na wyspie Brač (tu też w tym znaczeniu *oblištro*) oraz z pracy Jurišicia na wyspie Vrgade (ČDL I, s. 683).

W dawnych materiałach źródłowych była ona jednak na południu dobrze poświadczona: w tekstu starosłowiańskich (SJS II, s. 477), a później na terenie słoweńskim i serbsko-chorwackim. W języku słoweńskim *oblíčje* w znaczeniu ‚twarz’ było znane w XVI – XVIII wieku (Megiser, Pohlin, Janez Krstnik, por. Plet I, s. 734, i Bezljaj II, s. 140). Jeszcze Pleteršnik podawał je bez żadnego kwalifikatora, natomiast już SSKJ III 201 znaczenie to uznał za książkowe. Na terenie serbsko-chorwackim *oblíčje/oblíčje* ‚twarz’ było powszechnie notowane w dawnych słownikach i innych źródłach, dziś natomiast – jak się zdaje – jest ono w tym znaczeniu dosyć rzadkie, a dominują znaczenia ‚postać, forma, kształt’, ‚wygląd zewnętrzny’, ‚powierzchowność’ (RHSJ VIII, s. 395 – 396, słowniki dwujęzyczne).

Na terenie Bułgarii i Macedonii w świetle nowszych opracowań słownikowych znajomość wyrazu **obličje* (przytacza je z Macedonii ESSJ XXVII, s. 8 – 9) wydaje się wątpliwa.

Jak widać z powyższego przeglądu, **obličje* w znaczeniu ‚twarz’ było szeroko znane w językach słowiańskich, częściowo zapewne dzięki wpływom międzysłowiańskim, a na pewnych terenach z czasem stało się wyrazem nacechowanym stylistycznie (książkowym i podniosłym) lub zupełnie zanikło.

Wyraz **obličaj* ‚twarz’ Etymologiczny słownik prasłowiański też uznaje za prasłowiański, uważając go za sufiksalny wariant bardziej rozpowszechnionej postaci **obličje* (ESSJ XXVIII, s. 6).

W OLA nazwa **obličaj* (*obličej, vobličeji, wobličeji*) tworzy zwarty areał obejmujący Czechy właściwe i południowe Morawy. W języku czeskim jest ona bogato poświadczona już od XIV wieku w dwóch postaciach różniących się iloczasem: *obličej* i *oblíčej*, ‚twarz’, też ‚wyraz twarzy’, ‚wygląd zewnętrzny’, ‚postać, forma’ (Stčsl, s. 54 – 57; Jg II, s. 776; Kott II, s. 224), z czasem ustaliła się w języku literackim forma *obličej* (PS III, s. 709 – 710; SSJČ II, s. 249).

Jest ona również bogato reprezentowana – co ESSJ zupełnie pomija – w tych znaczeniach w dawnych zabytkach słowackich z XVI – XVIII wieku w postaciach *obličaj* i *obličej* (HSSJ III, s. 39 – 40). *Obličaj* w znaczeniu ‚twarz’ notuje też słownik współczesnego języka słowackiego (SSJ II, s. 428) i to bez żadnego kwalifikatora. Natomiast w słowackim słowniku gwarowym znajdujemy tylko jedno poświadczanie tego wyrazu (*oblišaj*) spod Revúcy (SSN II, s. 481). Jest to więc niewątpliwia pożyczka z języka czeskiego, ograniczona do języka książkowego.

Również w języku staropolskim odosobnione postaci *obliczaj* i *obliczej* z Psaltera floriańskiego i Mamotrektu lubińskiego (SSP V, s. 344; cytowany przez ESSJ VI, s. 6; Słownik warszawski – SW III, s. 374, powtarza tylko przykład z Psalterza) oraz z Modlitewnika Konstancji (1527) niewątpliwie zostały przejęte z języka czeskiego (Basaj – Siatkowski 2006, s. 187).

Forma **obličaj* znana jest ponadto z południowej Słowiańszczyzny. Miklosich LP (s. 468) podał csł. οβλιχαν o znaczeniu oderwanym ‚postać, forma’ (χαρακτήρ, figura). W języku słoweńskim jest poświadczony *obličaj* w znaczeniu ‚twarz’ z Miklosicha i z dwóch źródeł XIX-wiecznych oraz w znaczeniu ‚forma’ (Plet I, s. 734), ale słownik współczesnego języka SSKJ już tego wyrazu w ogóle nie notuje. Rów-

nież na gruncie serbsko-chorwackim w XVII – XIX wieku był znany *obličaj*, któremu słowniki Jambrešicia, Voltidžii, Stulicia i Šulka przypisują znaczenie ‚twarz‘, natomiast w innych źródłach znajdujemy znaczenie ‚postać‘ (RHSJ VIII, s. 393). Dziś na terenie serbsko-chorwackim wyraz ten wyszedł z użycia. Trudno powiedzieć, jaki jest stosunek nazw południowosłowiańskich do nazwy czeskiej: wspólnie dziedzictwo lub może raczej niezależne innowacje. W świetle przedstawionych materiałów jej prasłowiańskość jest bardzo wątpliwa.

Materiały OLA pozwalają na weryfikację pewnych wcześniejszych ustaleń dotyczących rozpowszechnienia nazw **obličje* i **obličaj* ‚twarz‘ w językach słowiańskich.

Bibliografia

- BASAJ, M. – SIATKOWSKI, J.: Bohemizmy w języku polskim. Słownik. Warszawa 2006.
- BEZLAJ, F.: Etimološki slovar slovenskega jezika. I – IV. Ljubljana 1977 – 2005.
- Bialkevič – БЯЛЬКЕВІЧ, І. К.: Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск 1970.
- Borys SE – BORYŚ, W.: Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków 2005.
- Cychun 1974 – ЦЫХУН, Г. А.: Беларуска-паўднёваславянская лексічная сувязі. Некаторыя праблемы і вынкі. In: Беларуская лінгвістыка, 1974, 5, с. 41 – 51.
- ČDL – Čakavisch-deutsches Lexikon. Teil I. Von M. Hraste, P. Šimunović unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. Köln – Wien 1979.
- ESBM – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск 1978 i n.
- ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Red. E. Havlová – A. Erhart. Praha 1989 i n.
- ESSJ – Этимологический словарь славянских языков. Правславянский лексический фонд. Ред. О. Н. Трубачев. Москва 1974 i n.
- ESUM – Етимологічний словник української мови. Ред. О. С. Мельничук. Київ 1982 i n.
- Hrinč – ГРІНЧЕНКО, Б.: Словарь української мови. I – IV. Київ 1907 – 1909.
- HSBM – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Рэд. А. Жураўскі. Мінск 1982 i n.
- HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka. I – VII. Red. M. Majtán. Bratislava: Veda 1991 – 2008.
- Jg – JUNGMANN, J.: Slovník česko-německý. I – V. Praha 1835 – 1839.
- Kott – KOTT, F. Š.: Česko-německý slovník, zvláště gramaticko-frazeologický. I – VII. Praha 1878 – 1893.
- LAB – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах. Рэд. М. В. Бірыла – Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск 1993 – 1998.
- Lorentz PW – LORENTZ, F.: Pomoranisches Wörterbuch. I – V. Fortgeführt von F. Hinze. Berlin 1958 – 1983.
- Machek ES-2 – MACHEK, V.: Etymologický slovník jazyka českého. Praha 1968.
- Miklosich LP – MIKLOSICH, F.: Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae 1862 – 1865.
- Nosovič – НОСОВИЧ, И. И.: Словарь белорусского наречия. Санкт-Петербург 1870.
- Plet – PLETERŠNIK, M.: Slovensko-nemški slovar. I – II. Ljubljana 1894 – 1895.
- PS – Příruční slovník jazyka českého. I – VIII. Praha 1933 – 1957.
- RHSJ – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I – XXIII. Zagreb 1880 – 1976.

- SCHUSTER-ŠEWICZ, H.: Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. I – V. Bautzen 1978 – 1996.
- SJPD – Słownik języka polskiego. I – XI. Red. W. Doroszewski. Warszawa 1958 – 1969.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. I – IV. Red. J. Kurz – Z. Hauptová. Praha 1966 – 1997.
- SP – Słownik prasłowiański. Opr. Zespół Zakładu Słowianoznawstwa PAN. Red. F. Śląski. Wrocław 1974 i n.
- SrezMat – СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И.: Материалы для Словаря древнерусского языка. Санкт-Петербург 1893 – 1912.
- SRJ XI – XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. Ред. С. Г. Бархударов (Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова). Москва 1975 i n.
- SSA – Sorbischer Sprachatlas. I – X. Bearb. von H. Faßke, H. Jentsch und S. Michalk. XI – XV. Bearb. von H. Faßke. Bautzen 1965 – 1996.
- SSJ – Slovník slovenského jazyka. I – VI. Red. Š. Peciar. Bratislava: Vyd. SAV 1959 – 1968.
- SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. I – IV. Red. B. Havránek. Praha 1960 – 1971.
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. I – V. Ljubljana 1970 – 1991.
- SSN – Slovník slovenských nárečí. Red. I. Ripka. Bratislava: Veda 1994 i n.
- SSRLJ – Словарь современного русского литературного языка. I – XVII. Ред. Ф. П. Филин. Москва – Ленинград 1950 – 1965.
- SSP – Słownik staropolski. I – XI. Red. S. Urbańczyk. Warszawa – Kraków 1953 – 2004.
- SSUM – Словник староукраїнської мови XIV – XV ст. I – II. Ред. Л. Л. Гумецька. Київ 1977 – 1978.
- Stčsl – Staročeský slovník. Red. B. Havránek – F. Ryšánek – I. Němec. Praha 1977 i n.
- SUM – Словник української мови. I – XI. Ред. І. К. Білодід. Київ 1970 – 1980.
- SUM XVI – XVII – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Ред. Д. Гринчишин. Львів 1994 i n.
- SW – Słownik języka polskiego. I – VIII. Ułożony pod red. J. Karłowicza – A. Kryńskiego – W. Niedźwiedzkiego. Warszawa 1908 – 1927 (tzw. Słownik warszawski).
- Sychta – SYCHTA, B.: Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. I – VIII. Wrocław 1967 – 1976.
- TSBM – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. I – V. Пад рэд. К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). Мінск 1977 – 1984.
- Turaŭski složník – Тураўскі слоўнік у пяці тамах. Складацьнікі А. А. Крывцкі – Г. А. Цыхун – І. Я. Яшкін. Мінск 1982 – 1987.
- Тумч – ТИМЧЕНКО, Є.: Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV – XVIII ст. I – II. Підготували до видання В. В. Німчук – Г. І. Лиса. Київ – Нью-Йорк 2002 – 2003.

Jméno *František* v českých nářečích a v pomístních jménech na Moravě a ve Slezsku¹

Martina Ireinová

Ústav pro jazyk český AV ČR, Brno

The Name František in Czech Dialects and Minor Place Names in Moravia and Silesia

The item deals with Czech surnames derived from the firstname *František* (e. g. *Franek*, *Francl*, *Ferko*). Hypocoristic forms of the names *František* and *Františka* are presented on the Czech dialectal material (e. g. *Fanda*, *Francek*, *Fanka*); rarely, these names turned into appellatives (e. g. *františka* „common St. John's wort“ – *Hypericum perforatum*). The name *František* and its variants are contained in minor place names from Moravia and Silesia (e. g. *Františkov*).

Téma příspěvku bylo inspirováno příjmením jubilantky prom. fil. Adriany Ferenčíkové, CSc. Příjmení *Ferenčík* je odvozeno od jména *Ferenc* a to má svůj původ v maďarském znění osobního jména *František*. Patří do velké skupiny příjmení vzniklých z rodních a křestních, tj. osobních jmen. Ta se stávala příjmeními buď neobměněná, nebo obměněná. V našem případě se jméno *František* stávalo příjmením zejména v podobě obměněné.²

Vedle osob jménem *Ferenčík* můžeme mezi českými nositeli najít např. též osoby s příjmením *Ferenčiak*, *Ferenčák*, *Ferenči*, *Ferenczi*, *Ferenec* nebo *Fereneč* a též *Ferenc* (méně častá podoba je psaná německým pravopisem se -z-, tedy *Ferenz*). Původ v domácké podobě maďarského osobního jména *Ferenc* mají též příjmení *Ferko* a *Ferkovič*.

Vedle maďarského znění osobního jména *František* se v příjmeních českých nositelů uplatňují i německé podoby tohoto jména a samozřejmě obměny české. K nejčastějším německým podobám patří *Franz*, mnohem hojněji v počeštěné grafické podobě *Franc* (psáno s koncovým konsonantem -c) a jejich odvozeniny *Franzl* i *Francl*, *Franclík*, *Francák* nebo *Frančák* či *Frančík*, *Francálek*, *Francan* i *Francán*, *Francek*, *Francírek*, *Francke*, *Franců*, *Fronc* atd.

Z českých hypokoristických obměn jména *František* vycházejí např. tyto podoby příjmení: *Frána* či *Fráňa*, méně často i *Fráně*, dále *Franěc*, *Franek*, *Fránek* nebo *Franěk*, *Fronk*, *Froněk* či *Froňka*; dalšími příjmeními jsou *Franta*, *Frantík*, *Františ*, *Františák* aj.

Na internetových stránkách můžeme najít spojení křestního jména *František* s příjmeními jako např. *Frančák*, *Frančík* nebo *Fráně*; takový pan *František Frančák* je vlastně „*František na druhou*“.

¹ Příspěvek vznikl v rámci grantového projektu GA ČR č. 405/08/0703 *Slovniček pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku II (teoretické a interpretacní aspekty)*.

² Osobu s příjmením *František* jsem při vyhledávání na google.cz nenašla ani jednu, na internetových stránkách Ministerstva vnitra ČR (<http://www.mvcr.cz/clanek/statistika-prijemni-a-krestnich-jmen.aspx>, cit. dne 15. 2. 2010) jsou však osoby s tímto příjmením (a s příjmením *Františka*, m.) evidovány.

Osobní jméno *František* je italského původu, pochází od (sv.) Františka z Assisi, narozeného v r. 1181 nebo 1182 italskému obchodníkovi se suknem a jeho francouzské manželce. Vlastním jménem se jmenoval Giovanni Bernardone, ale protože se prý brzy naučil francouzsky, začali mu říkat Francesco³ neboli ‚Francouzek‘.

Ve svém mládí žil spolu se svými vrstevníky lehkomyslným životem, ale později se rozhodl vydat se cestou následování Krista a apoštola a žít podle evangelia; v r. 1209 založil Řád menších bratří⁴. Dědictvím po svatém Františku je vánoční zvyk stavění betlému. On byl totiž patrně první, který v roce 1223 v Grecciu oslavil Kristovo narození zinscenováním scény s živými zvířaty, jesličkami. Sv. František zemřel večer 3. října 1226 v Porciunkuli a o dva roky později byl prohlášen za svatého. Jeho svátek se slaví 4. října.

František z Assisi patří mezi nejvýznamnější, nejznámější a nejoblíbenější svaté. Na dlouhá staletí se stal vzorem důsledného následování Krista v chudobě a lásce k bližnímu. Není proto divu, že se oblíbeným stalo i samotné jméno *František*, a to nejen v Česku a na Slovensku. I v dalších zemích se setkáme s obměnami tohoto jména. Např. v německy mluvících zemích je vedle podoby *Franz* rozšířena i obměna *Franziskus*, v angličtině, norštině a dánštině zní toto jméno *Francis*, ve francouzštině *François*, v holandštině *Franciscus*, ve švédštině *Frans*, v polštině *Franciszek*, v italštině se užívá kromě podoby *Francesco* též obměny *Franco*, ve španělštině a portugalštině *Francisco*, v maďarštině *Ferenc* (viz Knappová, 2001, s. 93).

V Česku je jméno *František* stále oblíbeno; k nejrozšířenějším jménům však patří ve starší generaci (k 1. 5. 2009 tak bylo pojmenováno 147 163 mužů a chlapců, viz tab. 1; v roce 2008 bylo jméno *František* dáno 651 novorozencům, viz tab. 2).

tab. 1: Mužská jména – 10 nejčetnějších v ČR (ke dni 1. 5. 2009)⁵

Pořadí	Jméno	Počet nositelů	Pořadí	Jméno	Počet nositelů
1.	Jiří	315 369	6.	Jaroslav	198 664
2.	Jan	295 627	7.	Martin	181 764
3.	Petr	272 837	8.	Tomáš	168 136
4.	Josef	249 922	9.	Miroslav	164 626
5.	Pavel	207 100	10.	FRANTIŠEK	147 163

³ Základem je germánské *frank(o)*, tj. ‚svobodný muž, chlap‘ (viz Knappová, 2001, s. 93).

⁴ Poč. 16. stol. vznikly při snahách o reformu řádu tři větve: minorité, františkáni, kapucíni.

⁵ Viz <http://www.mvcr.cz/clanek/muzska-jmena-ceska-20-nejchetnejsich-k-1-5-2009.aspx>, cit. 20. 12. 2009.

⁶ Byly vybírány pouze osoby živé s platným pobytom v ČR, které se narodily v roce 2008; viz <http://www.mvcr.cz/clanek/cetnost-jmen-a-prijmeni.aspx?q=Y2hudW09NA%3d%3d>, cit. 20. 12. 2009.

tab. 2: Četnost chlapeckých jmen za rok 2008⁶

Pořadí	Jméno	Počet nositelů	Pořadí	Jméno	Počet nositelů
1.	Jakub	3530	14.	Michal	1434
2.	Jan	3406	15.	Petr	1427
3.	Tomáš	2728	16.	Dominik	1414
4.	David	2267	17.	Štěpán	1341
5.	Lukáš	2220	18.	Marek	1254
6.	Adam	2195	19.	Jiří	1195
7.	Matěj	2075	20.	Šimon	986
8.	Ondřej	2067	21.	Václav	890
9.	Vojtěch	1926	22.	Patrik	846
10.	Filip	1911	23.	Pavel	822
11.	Daniel	1788	24.	Josef	771
12.	Martin	1785	25.	FRANTIŠEK	651
13.	Matyáš	1453	26.	Antonín	640

Existuje též velké množství ženských obměn jména *František*: např. v Česku a na Slovensku se užívá jméno *Františka*, v němčině zní toto jméno *Franziska*, *Franciska*, *Franzine*, *Francine*, v angličtině *Frances*, ve francouzštině *Françoise*, *Francisque*, v italštině *Francesca*, v dánštině, španělštině a portugalštině *Francisca*, v holandštině, švédštině a maďarštině *Franciska* a v polštině je rozšířena podoba *Franciszka* (viz Knappová, 2001, s. 225). V Česku je jméno *Františka* velmi oblíbené převážně v starší generaci, nepatří však mezi dvacet nejčetnějších českých ženských jmen⁷; pouze 26 dívek narozených v Česku v roce 2008 bylo pojmenováno *Františka* (jménu tak naleží až 171. místo⁸).

České nářeční obměny jmen *František* a *Františka*

V Archivu lidového jazyka (dále ALJ)⁹ uloženém v dialektologickém oddělení Ústavu pro jazyk český v Brně je shromážděno velké množství dokladů dokumentujících lexikální bohatství českých nářečí. Materiál obsahuje též hypokoristické podoby jmen *František* a *Františka*. Mužské a ženské domácké podoby těchto jmen lze rozdělit do několika skupin, a to podle počátečních skupin hlásek. Nejvíce jsou zastoupena jména s počátečními skupinami *Fan-*, *Fran-*, *Frant-*, *Franc-* (tj. z německé podoby jména *František* = *Franz* [franc]); méně časté jsou obměny začínající na *Fand-*, *Frand-* a *Franč-* (viz tab. 3).

⁷ Viz <http://www.mvcr.cz/clanek/zenska-jmena-20-nejchetnejshich-ke-dni-1-5-2009.aspx>, cit. 20. 12. 2009.

⁸ Viz <http://www.mvcr.cz/clanek/cetnost-jmen-a-prijmeni.aspx?q=Y2hudW09NA%3d%3d>, cit. 20. 12. 2009.

⁹ ALJ je materiálovou bází pro připravovaný Slovník českých nářečí.

tab. 3: Nářeční hypokoristické podoby jmen *František* a *Františka*

Počáteční skupina	Maskulina	Feminina
Fan-		<i>Fana, Fána, Fani</i> ¹⁰
	<i>Fanin</i> (vm.) ¹¹	<i>Fanina</i>
	<i>Faninek</i> (vm.)	<i>Faninka</i>
	<i>Fanek</i> (vm.)	<i>Fanka, Fánka</i> (střm.), <i>Fanča</i> (jzč.)
	<i>Fanouš</i> ¹² (čes.), <i>Fanóš</i> (střm.), <i>Fanóch</i> (střm.)	<i>Fanouš</i> (čes.), <i>Fanôše</i> (střm.), <i>Fanuša</i> (střm.)
	<i>Fanoušek, Fanošek</i> (střm., vm.)	<i>Fanoušek</i> (svč., jzč.), <i>Fanuška</i> (vm.)
	<i>Fanula</i> (vm.)	<i>Fanula, Fanuľa</i> (slez.)
Fand-	<i>Fanda</i>	<i>Fanda</i>
Fran- (Fraň-)	<i>Fraňa</i> (střm., vm.), <i>Fráňa</i>	<i>Fraňa</i> (vm.)
	<i>Fraňík</i> (svč.)	
		<i>Fraňina</i> (svč.)
	<i>Franoš</i> (vm.)	<i>Fraňuša</i> (střm.)
Franc-	<i>Franc</i> (svč., střč.)	
	<i>Francek</i>	<i>Francka</i>
	<i>Franci</i> (jzč.) ¹³ , <i>Francí</i> (jzč., střč.)	
		<i>Francina</i> (střč.)
	<i>Francínek</i> (jzč., svč.)	
	<i>Francal</i> (jzč.)	<i>Francalka</i> (jzč.)
		<i>Franclička</i> (jzč.)
Franč-	<i>Franč</i> (vm.)	<i>Franča</i> (jzč.)
	<i>Franček</i>	
	<i>Frančík</i> (svč.)	
Frand-	<i>Franda</i> (svč.)	
Frant- (Frant-)	<i>Franta</i>	
		<i>Frantí</i> (střm.)
	<i>Franták</i> (svč.)	
	<i>Frantáč</i> (svč.), <i>Frantáček</i> (svč.)	
	<i>Frantík, Frantík</i>	
	<i>Frantína</i> (vm.)	<i>Frantína</i> (svč., střm.), <i>Frant'ena</i> (střm.)
	<i>Frantíš</i> (slez., vm.)	<i>Frantíša</i> (slez., vm.)

¹⁰ Nářeční doklady jsou zapsány podle zásad dialektologického přepisu.¹¹ V závorkách je uvedeno, v které nářeční oblasti bylo hypokoristikum zaznamenáno (čes. = česká, střč. = středočeská, jzč. = jihozápadoceská, svč. = severovýchodoceská, střm. = středomoravská, vm. = východomoravská, slez. = slezská). Pokud lokalizace uvedena není, bylo jméno zachyceno na větším území, příp. celoúzemně.¹² Podtržením jsou zvýrazněna hypokoristika mající tutéž podobu pro označení osoby jak mužského, tak ženského pohlaví.¹³ Hypokoristikum se užívalo především ve městech, na vesnicích zřídka. Pouze z dětské říkanky je doložena podoba *Francicí* (vm.): „*Francicí, daj cicí minářové d'efčici*.“

Zastavme se na okamžik u jména *Franc*. Především ve starších románech se často setkáváme s typickou negativní postavou z doby roboty s *panem Francem ze zámku*, který podlézá vrchnosti, je arrogантní vůči poddaným a hledí především na svůj vlastní prospěch. Takovou osobou byl většinou Němec nebo poněmčelý Čech. Básník a novinář K. H. Borovský o nich mj. napsal: „*Mnozí venkovští páni Francové za zvláštní čest si kladou, že ani česky čísti nedovedou!*“ (viz Mates, 2003, s. 77). Na rozdíl od jména *Franc* je jméno *František* pojímáno pozitivně a bývá využíváno pro pojmenování postav s kladnými charakterovými rysy – příkladem může být např. dětmi oblíbený pohádkový skřítek František (a jeho kamarádka Fanyňka) z televizního pořadu Kouzelná školka nebo František Dobrota ze stejnojmenné písničky skupiny Buty.

Jména *František*¹⁴ a *Františka* a jejich domácké podoby v jazyce (spisovném, v nářečí či slangu nebo argotu) se deonymizovala a fungují též jako apelativa. Označení *františka* se v svč. nářečích užívá pro pojmenování třezalky tečkované (lat. *Hypericum perforatum*), ze střč. nářeční oblasti bylo doloženo ve významu „ženské pohlavní ústrojí“. Výrazem *frantík* (příp. *frantík*) se v nářečích na většině území Čech označuje mužské pohlavní ústrojí. Apelativum *frantík* je známé též z vojenského slangu, a to dnes již jako zastarálý výraz pro označení (mosazné jablíčko) na rukouské vojenské čepici s iniciálami císaře Františka Josefa I. (FJI); v témže významu bylo zachyceno v svč. nářečích.

Deonymizovalo se taktéž hypokoristikum *Franta* (jméno literární figury známé ze staročeské literární památky „*Frantova práva*“ z počátku 16. století, obsahující ironické rady a ponaučení pro pijáky) a stala se z něj v podstatě nadávka. Pojmenování *franta* je podle *Slovníku spisovného jazyka českého* (dále SSJČ) zastarálý výraz pro bláznivého, rozmařilého, povalečského lehkomyslníka (v polštině, ukrajínštině a ruštině se rozšířilo slovo českého původu *frant* označující hýřila, hejska, švíháka či parádníka, viz Machek, 1971, s. 146). Známé je dvojverš: *Šel jest franta mezi franty, prodal kabát, koupil karty* (viz Mates, 2003, s. 78). V SSJČ jsou zaznamenána spojení *to jsem franta*, tj. blázen; *z nouze/v nouzi franta dobrý*¹⁵, tzn. nemáme-li lepší výběr, vracíme se k tomu, koho nebo co zpravidla opomijíme. V. Machek (1971, s. 146) uvádí též sloveso *profrantovat*, *prohýřit*.

V ALJ najdeme další doklady užití jména *Franta* ve spojeních s apelativním významem: v jzč. nářečích je *franta rámus* člověk, který stále křičí, a *franta hafnavdolky* chtivý člověk; neslušný člověk se v svč. nářečí označuje *franta plechovej*, kdežto *zubatej franta* je v této nářeční oblasti pojmenování pro strašidlo, dědka s kobylími zuby. V brněnském hantecu spojení *franta morganúj* označuje jev zvaný fata morgána. Pro četníka za Rakousko-Uherska bylo ve vm. a slez. nářečích užíváno označení *franta s přaslicú*¹⁶, a to podle bodáku, který byl součástí výzbroje četnictva.

Další obměna jména *František* se vyskytuje v argotickém frazeologismu *udělat někomu z ksichtu ference*, tzn. silně někoho zbít, udeřit někoho do obličeje a obvykle ho i krvavě poranit.

¹⁴ K apelativu *františek* „kuželík z vonné pryskyřice, který po zapálení vydává vonný dým“ srov. Rejzek, 2009.

¹⁵ Spojení *z nouze franta dobrý* je v ALJ doloženo též ze svč. nářečí.

¹⁶ SSJČ: *přeslice*, „zašpičatělá tyč, na jejíž konce se navléká zásoba lnu při ručním předení; řidč. celý kolovrátek i s touto tyčí“.

Jméno František a jeho obměny v pomístních jménech

Jméno *František* a jeho obměny se vyskytují nejen ve jménech místních, jako např. *František* a jeho obměny se vyskytují nejen ve jménech místních, jako např. *Františkovy Lázně* (okres Cheb), *Františkov nad Ploučnicí* (okres Děčín), *Francova Lhota* (okres Vsetín), ale hojně se dokládají také ve jménech pomístních. Dialektologické oddělení v Brně zpracovává do slovníkové podoby anoikonyma z Moravy a Slezska. Mezi nimi jsou i pomístní jména (dále PJ) obsahující jméno *František* a jeho různé obměny, jež byly původně (než vstoupily do PJ) jmény jednak osobními, jednak rodovými (tj. příjmeními): např. *Fana*, *Fána*, *Franc*, *Francek*, *Franeček*, *Fran(e)k*, *Franěk*, *Fraňo*, *Fraňok*, *Franta*, *Frantál*, *Frantáček*, *Frantín*, *Františ*, *Františák*, *Franzel*, *Froněk*. Sledovaná PJ pojmenovávají nejrůznější objekty: pole, hon, pastvinu, louku, kopec, les, lesík, stavení, usedlost, samotu, místní část, hostinec, kapli, kříž, boží muka, obrázek, cestu, most, rybník, bývalý důl, bývalou huť aj.

Soubor sledovaných PJ je bohatý, proto zde prezentuji pouze několik příkladů. Např. PJ *Františkov* pro místní části v Chropyni KM¹⁷, Újezdu ZN a Velkém Meziříčí ZR vznikla z osobního jména *František* sufixem *-ov*; mají honorifikační motiv, objekty byly pojmenovány na počest významných osob – biskupa Františka Dietrichštejna (Chropyně), císaře Františka I. (Újezd), císaře Františka Josefa I. PJ *Fana* pro pole v Morášicích ZN vzniklo přenesením osobního jména *Fana*; podle lidového výkladu stával v místě pamětní kámen připomínající úmrtí osoby, jíž se říkalo *Fana*. Přívlastkové PJ *Franečkův včelín* z Pacetluk KM obsahuje posesivní adjektivum odvozené od osobního jména *Franeček* (s příponou *-ův*, v níž odpadlo koncové *-v*) a pojmenovává část obce vybudovanou na místě, kde do r. 1897 stávala poustevna; tu si prý postavil poustevník zvaný *Franeček* a včelařil zde. Vznik předložkového PJ *Nad Frantínem* pro louku a pole v obci Hrobice ZL, obsahujícího osobní jméno *Frantín*, byl motivován polohou objektů, které leží nad pasekou, jejíž dřívější majitel se údajně jmenoval *Frantín*.

Z dalších PJ obsahujících jména odvozená od osobního jména *František* uvedeme např. *Frankovice* (pole v Doubravě KA), *Fraňovec* (louka a kopec ve Starém Hrozenkově UH), *Frantěny* (louka v Hrubé Vrbce HO), *Františka* (bývalá huť v Olomučanech-Josefově BK, šachta v Karviné-Dolech KA), *U Františe* (dům v Hrabyni OP), *Za Frantálový* (pole v Kostelci JI), *Francký kopec* (les v Ublu ZL), *Francova horka* (lesík v Malém Hradisku PV), *Franzeluv mostek* (můstek v Mostech u Jablunkova FM), *Na Froňkové louce* (louka v obci Jasenice TR), *Zahumenice za Fraňkoyáma* (pole v Jinošově TR).

Nejpočetněji jsou zastoupena PJ obsahující jméno *František* (v naší databázi jich máme doloženo 78). Z nich jsou nejčastěji zachyceným typem předložková jména *U Františka* a *U svatého Františka*, označující objekty, které se nacházejí v blízkosti obrázku nebo sochy tohoto světce či kapličky jemu zasvěcené.

V úvodu jsme si připomněli, že výchozím bodem, z kterého vzešlo jméno *František*, byla postava svatého, známá již po osm staletí. Jméno se v obměnách ujalo

¹⁷ Zkratka okresu Kroměříž, ve kterém se obec Chropyně nachází; v textu jsou dále uvedeny zkratky dalších okresů: ZN = Znojmo, ZR = Žďár nad Sázavou, ZL = Zlín, KA = Karviná, UH = Uherské Hradiště, HO = Hodonín, BK = Blansko, OP = Opava, JI = Jihlava, PV = Prostějov, FM = Frýdek-Místek, TR = Třebíč.

takřka celosvětově a stále se těší oblibě. Inspirovalo mnohé umělce a např. Zdeněk Svěrák a Jaroslav Uhlíř složili písničku pod názvem *Narozeninová*, v níž se sice gratuluje jistému Frantovi, ale toto jméno bývá zaměňováno jménem oslavence, a tak lze pogratulovat i naší oslavenkyni: „Franta ... má narozeniny, my máme přání jediný: štěstí, zdra-a-ví, štěstí, zdra-a-ví, hlavně to zdraví“.

Bibliografia

KNAPPOVÁ, Miloslava: Jak se bude Vaše dítě jmenovat? Praha: Academia 2001 (dotisk). 360 s.

MACHEK, Václav: Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Academia 1971. 868 s.

MATES, Vladimír: Jména tajemství zbavená. II. Praha: Nakladatelství Epoch 2003. 382 s.

MOLDANOVÁ, Dobrava: Naše příjmení. Praha: Agentura Pankrác 2004. 232 s.

RAMEŠ, Václav: Po kom se jmenujeme? Praha: Libri 2000. 500 s.

REJZEK, Jiří: František a purpura. In: Naše řeč, 2009, 92, s. 54 – 56.

Slovník spisovného jazyka českého. I (A – M). Praha: Nakladatelství Československé akademie věd 1960. 1316 s.

Borovice v českých nářečích a v pomístních jménech na Moravě a ve Slezsku¹

Hana Konečná

Ústav pro jazyk český AV ČR, Brno

Pine-tree in Czech dialects and minor place names in Moravia and Silesia

In Czech dialects, the pine-tree has various names of various geographical distribution. Previous research for the Czech Linguistic Atlas showed that the area of Silesian dialects and the southwestern tail of Moravia are distinguished by the name *sosna*, while the rest of Moravia has expressions with the root *bor-*. The borders of the areas of minor place names containing the lexemes with the roots *sosn-* and *bor-* do not fully coincide with the borders of the areas of *sosna* and *bor-* in dialects. Further part of the article deals with various possibilities of explaining some interesting minor place names from the region of Uherské Hradiště that can be related to the pine-tree vegetation.

Za téma příspěvku jsem si vybrala *borovici* za prvé proto, že zhruba před deseti lety se tomuto stromu věnovala i jubilantka prom. fil. Adriana Ferenčíková, CSc. (viz Ferenčíková, 2000), za druhé proto, že podobně jako tento strom s mohutným hluboko jdoucím hlavním kořenem i jubilantka zapustila hluboké kořeny do slovenské i slovanské lingvistiky a podobně jako tento strom korunu rozprostírá Adriana Ferenčíková svůj zájem mnoha směry.

Pro pojmenování *borovice* „jehličnatý strom s červenou rozpraskanou kůrou a dlouhými jehlicemi po dvou ve svazečcích (lat. *Pinus sylvestris*)“ existují v českých nářečích různá pojmenování s různým zeměpisným rozšířením. Výzkumem pro Český jazykový atlas (dále ČJA) byly zachyceny kromě diferencí lexikálních, srov. *bor*, *sosna*, *chvoj*, diference slovotvorné (např. *bor* – *borek* – *borovice* – *borka* – *borovka*) a hláskoslovné (např. *bór*, *buor*). Areálové hranice zaznamenaných lexémů jsou poměrně ostré a většinou se kryjí s hranicemi nářečních oblastí (viz mapa ČJA 2, s. 181). Centrální část zkoumaného území zaujmají pojmenování od základu *bor-*, na okrajích se vyskytuje výraz *sosna* (v oblasti jihočeských nářečí a odděleně ve Slezsku) a názvy od základu *chvoj*- (v západočeské nářeční oblasti).

Zajímalo nás, jak s tímto zeměpisným rozšířením koresponduje výskyt pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku od základů *bor-* a *sosn-*.

Frekvenčně méně jsou zastoupena pomístní jména (dále PJ), v nichž jsou obsaženy lexémy se základem *sosn-*. V PJ byly zachyceny tyto slovotvorně příbuzné formy (nejsou zde zahrnutы varianty vzniklé derivací prefixální): *soseň*, *sosina*, *sosínka*, *sosna*, *sosná*, *sosňa*, *sosňanka*, *sosňanský*, *sosna*, *sosněnka*, *sosní*, *sosníček*, *sosník*, *sosnina*, *sosnovec*, *sosnoví*, *sosnovice*, *sosnový* (k zeměpisnému rozšíření viz mapka 1). Frekvenčně nejpočetněji jsou v PJ zastoupeny lexémy *sosní* (86 PJ) a *sosna* (15 PJ). PJ se základem *sosn-* jsou rozšířena v oblasti slezských nářečí ve shodě s nářečním

¹ Příspěvek vznikl v rámci grantového projektu GA ČR č. 405/08/0703 *Slovník pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku II (teoretické a interpretační aspekty)*.

rozšířením výrazu *sosna*, v jihozápadní části Moravy je areál PJ s tímto základem poněkud větší.

Se základem *bor-* byly zachyceny v pomístních jménech tyto slovotvorně příbuzné formy lexikálních jednotek (nejsou zde zahrnuty odvozeniny vzniklé derivací prefixální): *bor*, *borácký*, *borčata*, *borčí*, *boreček*, *borečný*, *borek*, *borka*, *borkoviště*, *borovčí*, *borovec*, *boroví*, *borovice*, *borovíček*, *borovička*, *borovíčko*, *borovina*, *borovinka*, *borovisko*, *borovníčky*, *borovníky*, *borovnísko*, *borovný*, *borovský*, *borový*, *borůvka*, *boří*, *boříček*, *boříčko*, *bořík*, *bořina*, *bořinka*. Frekvenčně nejpočetněji jsou v PJ zastoupeny lexémy: *boří* (368 PJ), *boroví* (133 PJ), *borek* (114 PJ), *bor* (81 PJ), *borovice* (54 PJ), *borový* (54 PJ); k jejich zeměpisnému rozšíření viz mapky 2 – 3. Z těchto mapek je vidět, že PJ se základem *bor-* se objevují i v oblasti slezských nárečí, pro která je typický lexém *sosna*.

Nejčastěji byla PJ motivována borovým porostem, popř. osamělými borovicemi. Motivace mokřinou, rašeliništěm se objevila jen u PJ s lexémem *borkoviště* ‚místo, kde se vyskytuje rašelina, naleziště rašelin‘ (viz Příruční slovník jazyka českého) a u některých PJ s lexémy *borek* 1. ‚borový lesík‘, 2. ‚rašelinová cihla‘ (viz Slovník spisovného jazyka českého, dále SSJČ) a *borka* 1. nářečně ‚borová šiška‘, 2. ‚rašelinová cihla‘ (viz SSJČ).²

Zajímavá PJ, jež snad mohou souviset s borovým porostem, byla zachycena na Uherskohradišťsku.

Potok jménem *Burava* pramení u Karlovic, teče katastrem obce Komárov, dále katastrem obce Topolná, u obce Kněžpole se vlévá do Březnice a ta u obce Jarošov ústí do Moravy. V roce 1570 byl zachycen název tohoto potoka *Borovný potok*, prý tekly borovým lesem zvaným *Břovce* (viz Hubáček, 1984, s. 11). Dvouslovňá PJ, jejichž přívlastkovou část tvoří adjektiva odvozená od názvu stromu, nejsou výjimečná, např. v Kunovicích VS teče *Bučkový potok* (přívlastkové adjektivum *bučkový* vzniklo odvozením od deminutiva *buček* ‚malý buk‘ sufixem *-ový*), ve Svatém Štěpánu (dnes součást Brumova-Bylnice ZL) bylo zaznamenáno PJ *Bukový potok* (přívlastkové adjektivum *bukový* vzniklo odvozením od apelativa *buk* sufixem *-ový*); obě PJ byla motivována tím, že potoky protékaly bukovým porostem.

Původ PJ *Burava* je zastřený. Dobře vyčlenitelný je sufix *-ava* typický pro tvoření hydronym. Tento sufix je též součástí jména řeky *Morava*, do jejíhož povodí patří i potok *Burava* (viz výše). Hydronymum *Burava* mohlo být tedy utvořeno analogicky podle *Morava*.

Při výkladu základu *bur-* se nabízí několik možností. Tento základ může souviset s nářečním apelativem *bůr*, jež navazuje na podobu *buor* ‚borovice‘ doloženou v nedalekých kopaničářských nárečích (viz ČJA 2, s. 182); k tomu srov. jméno slovenské řeky *Búr*, jejíž název vznikl podle pojmenování borového porostu, tj. *bôr* (viz Majtán – Žigo, 1999, s. 16). Krátkost *u* může být způsobena skutečností, že trvání artikulace samohlásky *ú* je v běžné řeči zpravidla relativně kratší, a proto se u ní snáze stírá hranice, kdy je vnímána ještě jako dlouhá a kdy už jako krátká (viz Bělič, 1972, s. 84).

² K etymologickému výkladu apelativa *bor* a jeho motivačnímu užití srov.: Machek, 1971, s. 60; Šmilauer, 1970, s. 42.

Zcela vyloučit však nemůžeme ani souvislost s nářečním slovesem *búrit* ‚bouřit, silně hučet‘, popř. se slovesem *buráčet*, nebo s adjektivem *burný* ‚bouřlivý‘ (viz Jungmann, 1989, s. 204). Podobnou motivaci, tj. bouřící hlučnou vodu, má např. PJ *Buřok* pro údolí v Třanovicích FM (údolím protéká potůček, který na jednom místě tvoří maličký vodopád, padající voda *buří*, tj. způsobuje hluk). Této teorii však odporuje svědectví místních obyvatel, kteří motivaci bouřící, hlučnou vodou pokládají za málo pravděpodobnou.

Základ *-bur-* (zapsán též v podobách *-bür-*, *-bür-*) máme doložen i v dalších PJ, kde může souviset se základem obsaženým v PJ *Burava*. Při transonymizaci pak mohlo dojít k proměně formy.

V Topolné UH byla zapsána tato PJ: název trati *Búrov*, jména pro hony *Búrov nad silnicí*, *Búrov pod silnicí*, názvy polí *Panský Búrov I*, *Panský Búrov II*, *Panský Búrov III*, variantní názvy polí a sadů *Búrovce/V Búrovcoch* a jméno pro pole *Předbúrovčí* (názvy polních tratí *Búrov*, *Búrovce*, *Předbúrovčí* viz též Knot, 2005, s. 10). V Napajedlích ZL byla zachycena PJ polí *Búrov*, *Dolní Búrov* a *Horní Búrov*.

PJ *Búrov* (zapsáno *Burowy*) pro polní trať je doloženo na katastrálních mapách z císařských povinných otisků stabilního katastru z let 1828 Topolná a 1829 Napajedla; trať se rozkládala na katastrech obou sousedících obcí.

Jednoslovňá PJ *Búrov*, *Búrov* patrně vznikla odvozením od základu *bür-* sufixem *-ov*, popř. plurálovým sufixem *-ovy* analogicky podle vlastních jmen místních na *-ov/-ovy* (PJ *Búrov* mohlo též vzniknout pluralizací jména *Búrov*, jednalo se totiž o více polí). PJ odvozená sufixy *-ov/-ovy* bývají utvořena od slovesních nebo substantivních základů nebo též často od označení nositele posesivního vztahu (viz Pleskalová, 1992, s. 99 a 111). K tomu srov. např. PJ *Búrov* pro les a kopec ve vašské Bystřici VS (patrně od nářečního slovesa *búřit*, podle lidového výkladu ze směru od kopce přicházely bouřky), PJ *Býkov* pro pole v Soběšovicích FM (od apelativa *býk*; jméno pro pole motivačně souvisí s chovem obecného býka), PJ *Bakalov* pro les ve Velkém Újezdě OL (od osobního jména *Bakala*, jméno majitele lesa), PJ *Čížovy* pro pole Týnec BV (od osobního jména *Číž*, zřejmě jméno majitele). Vzhledem k tomu, že u PJ *Búrov*, *Búrov* není spojitost s osobním jménem nikde doložena, přikláníme se k motivaci borovým porostem nebo k návaznosti na jméno potoka *Burava*.

Víceslovňá PJ obsahují PJ *Búrov* nebo *Búrov*. Přívlastky v PJ odrážejí jednak polohu (*dolní*, *horní*, *pod silnicí*, *nad silnicí*), jednak postavení vlastníka (*panský*); PJ polí *Panský Búrov I*, *II*, *III* představují uměle vytvořené názvy sousedících polí, která označují podle soupisu pomístních jmen z obce Topolná „tři kusy (každý jinak položen) původně jednoho pole, jež patřilo ke statku a tállo se až k potoku *Burava*“. PJ *Búrovce* (obsažené i ve variantním předložkovém PJ *V Búrovcoch* s nářeční koncovkou lokálu plurálu) mohlo vzniknout od PJ *Búrov* specifickým plurálovým sufixem *-ce*, popř. od základu *bür-* odvozením plurálovým sufixem *-ovce*. PJ *Předbúrovčí* vzniklo z předložko-vého spojení *před Búrovci*, tzn. jedná se o strukturní model prefixálně-konverzní s formou středního rodu vzoru *stavení* (viz Pleskalová, 1992, s. 41); PJ bylo motivováno polohou pole, které se podle soupisu rozkládalo před sady a poli zvanými *Búrovce*.

Jak je vidět i na těchto několika PJ, cesta k jejich vyložení je opravdu velice nesnadná a práce se tak stává přímo prací detektivní. Proto se také nespokojujeme s jedním výkladem, ale uvažujeme o více možnostech.

Na závěr můžeme konstatovat, že hranice areálů PJ s lexémy se základy *sosn-* a *bor-* se zcela nekryjí s hranicemi areálů *sosna* a *bor-* v nářečích na Moravě a ve Slezsku.³ U PJ je výskyt základu *sosn-* doložen ve větší míře i z jihozápadní Moravy a naopak ve Slezsku, pro které je v nářečích typický lexém *sosna*, zachycují PJ větší výskyt pojmenování se základem *bor-*. Stěží lze vysvětlit, proč je tomu tak. Protože v češtině jsou výrazy *borovice* i *sosna* spisovné, asi nelze uvažovat o vlivu spisovného jazyka, nějaký pohyb ve vzájemném působení obou lexémů však zřejmě existuje. Protože PJ obvykle zachovávájí starší stav nářečí, lze se snad domnívat, že na západní Moravě lexém *sosna* v nářečích ustupuje ve prospěch *borovice*. PJ se základem *bor-* ve Slezsku by snad mohla souviseť s nářečním apelativem *borek* „borový lesík“ (viz Kellner, 1979, s. 133). Nelze ani vyloučit návaznost na polský výraz *bór* [bur] „velký, hustý, starý les“ (viz Słownik języka polskiego), popř. nářečně „mokré, bahnité místo“ (viz Zaręba, 1970).

Bibliografie

- BĚLÍČ, Jaromír: Nástin české dialektologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství 1972. 464 s.
- Český jazykový atlas. 2. Red. J. Balhar – P. Jančák. Praha: Academia 1997. 508 s.
- FERENČÍKOVÁ, Adriana: Pohlad na slovo *bor* a jeho deriváty z územného aspektu. In: Človek a jeho jazyk. 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Na počesť profesora Jána Horeckého. Red. K. Buzássyová. Bratislava: Veda 2000, s. 410 – 416.
- HUBÁČEK, Josef: Pomístní názvy na okrese Uherské Hradiště jako regionální prvek ve vyučování. Uherské Hradiště 1984. 63 s.
- JUNGMANN, Josef: Slovník česko-německý I. 2., nezměněné vydání. Praha: Academia 1989.
- KELLNER, Adolf: Východolašská nářečí II. Brno: Dialektologická komise při Matici moravské 1949. 337 s.
- KNOT, Antonín: Topolná, minulost a současnost slovácké obce. Uherské Hradiště: Ottobre 12, 2005. 216 s.
- MACHEK, Václav: Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Academia 1971.
- MAJTÁN, Milan: Slová bor, borovica, sosna v slovenských terénnych názvoch. In: Onomastyka. Historia jazyka. Dialektologia. Księga pamiątkowa ku czci prof. dr. Henryka Borka (1929 – 1986). (Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu.) Red. A. Furdal et al. Warszawa – Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1991, s. 233 – 235.
- MAJTÁN, Milan – ŽIGO, Pavol: Hydronymia povodia Ipľa. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV – Filozofická fakulta UK 1999. 116 s.
- PLESKALOVÁ, Jana: Tvoření pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku. Jinočany: H & H 1992. 152 s.
- Příruční slovník jazyka českého. Praha: Státní nakladatelství – SPN. 1935 – 1957.
- Słownik języka polskiego PWN. A – K. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 1998.
- Slovník spisovného jazyka českého. Praha: Nakladatelství ČSAV 1960 – 1971.

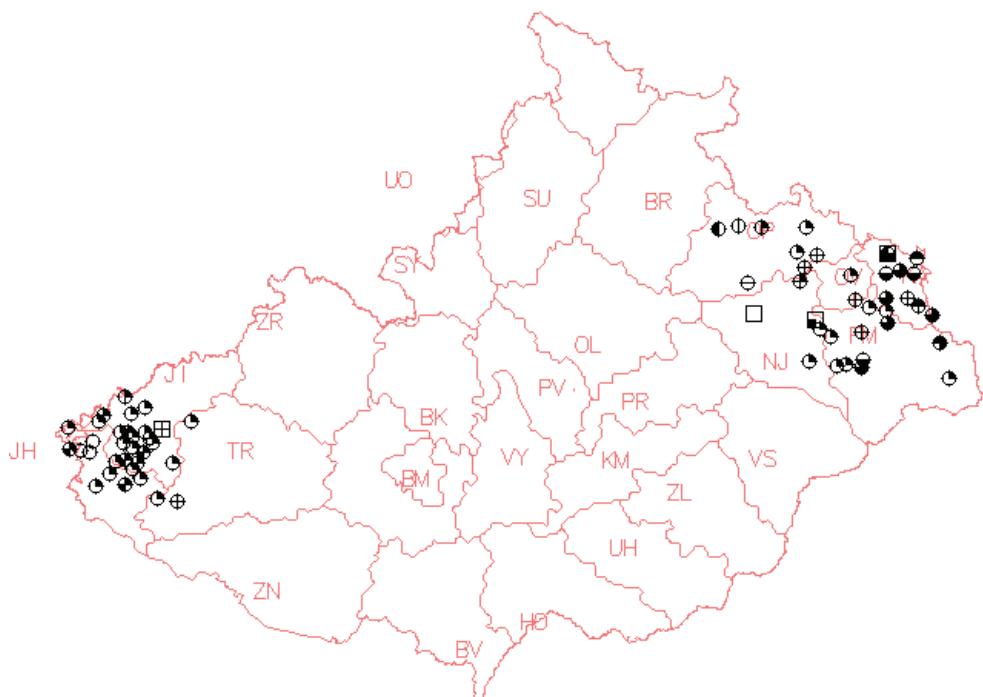
³ K rozšíření pomístních jmen se základy *bor-* a *sosn-* na území slovenského národního jazyka viz Majtán, 1991.

ŠMILAUER, Vladimír: Příručka slovanské toponomastiky. Handbuch der slawischen Toponomastik. Praha: Academia 1970. 216 s.

ŠRAMEK, Rudolf: Apelativní a propriální areál (na příkladě českých apelativ *bor-*, *sosn-* a anoikonym *Bor-, Sosn-*). In: Onomastyka. Historia języka. Dialektologia. Księga pamiątkowa ku czci prof. dr. Henryka Borka (1929 – 1986). (Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu.) Red. A. Furdal et al. Warszawa – Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1991, s. 291 – 299.

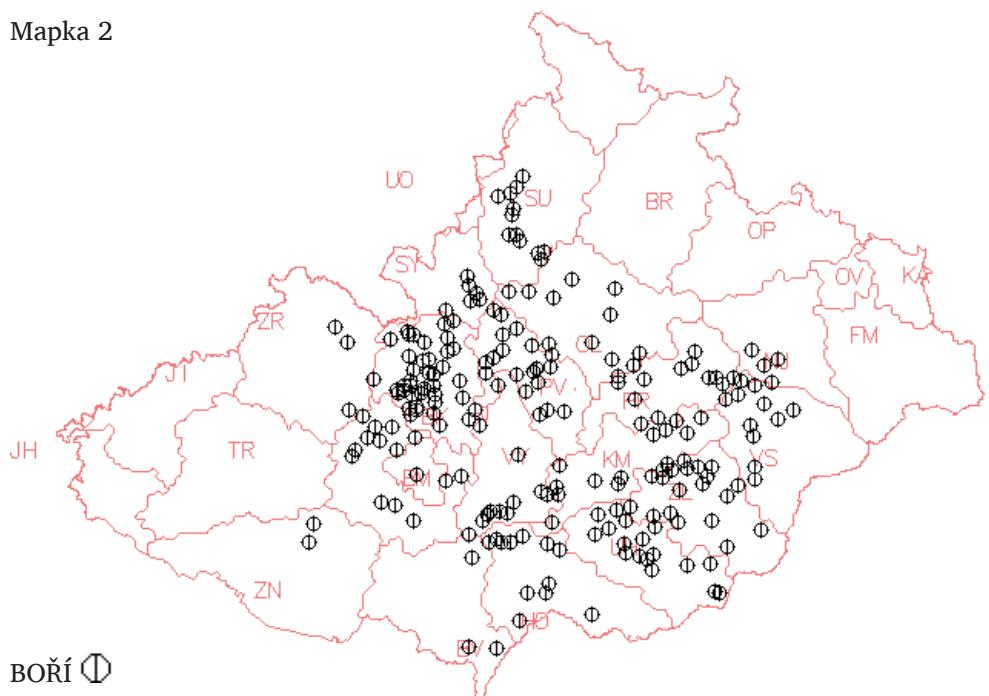
ZAREBA, Alfred: Atlas językowy Śląska. Tom II. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1970, mapa 195.

Mapka 1

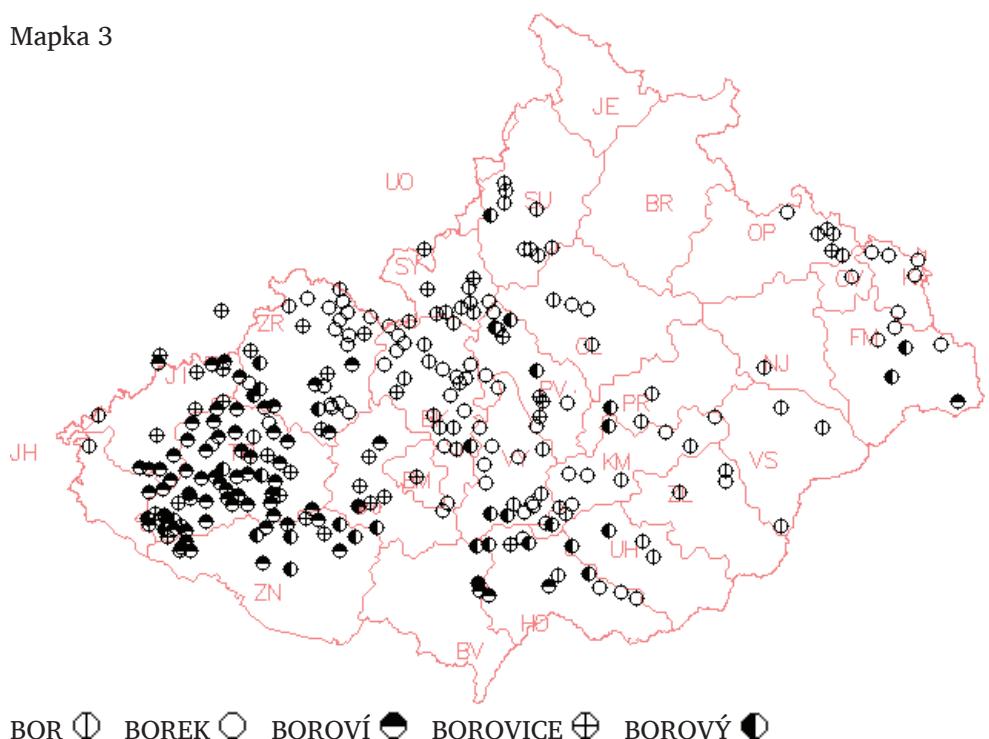


SOSEŇ Ⓢ SOSINA ○ SOSÍNKA ● SOSNA + SOSNÁ ● SOSŇA □
SOSŇANKA ● SOSŇANSKÝ ● SOSNĚNKA ○ SOSNÍ ● SOSNÍČEK ●
SOSNÍK ■ SOSNINA ● SOSNOVEC ■ SOSNOVÍ □ SOSNOVICE ■
SOSNOVÝ □

Mapka 2



Mapka 3



II.

LEXIKOGRAFIA
A SLOVNÍK SLOVENSKÝCH NÁREČÍ

Nárečová lexikografia a etymológia II (na materiáli 2. zväzku *Slovníka slovenských nárečí*)^{*}

Ľubor Králik

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava

Dialectal Lexicography and Etymology II
(based on the 2nd volume of the *Dictionary of Slovak Dialects*)

According to the principles of the Dictionary of the Slovak Dialects, its entries should be given in the so-called „standardized“ form which respects the orthography of the Slovak literary language as well as etymology, historical phonetics, etc. In this paper (based on the 2nd volume of the dictionary), the author discusses various aspects of the relation between etymology and dialectal lexicography. In the dictionary, some dialectal forms are considered as irregular variants of a headword; from the etymological point of view, they may be explained as reflexes of different etyma, and therefore they should have been presented in separate entries. Analogously, some polysemantic entries seem to consist of etymological homonyms. In some cases, the above-mentioned standardization of dialectal forms was not carried out, despite the present state of knowledge in Slavonic etymology; finally, etymological analysis of some dialectal words makes it possible to propose alternate standardized forms for the respective headwords.

Predložená štúdia tematicky nadväzuje na našu staršiu publikáciu s rovnakým názvom, inšpirovanú etymologickou analýzou lexikálneho materiálu obsiahnutého v 1. zväzku *Slovníka slovenských nárečí* (ďalej SSN).¹ Vychádzali sme z faktu, že aj keď SSN neuvádza explicitné etymologické informácie o pôvode spracúvaných výrazov, v zmysle jeho koncepcie „[h]eslové slovo uvádzané v záhlaví heslovej state SSN má hláskovo a pravopisne normalizovanú (štandardizovanú) podobu... Nárečové lexikálne jednotky, ktoré nemajú príslušný spisovný formálny ekvivalent a nesú znaky nespisovnosti, sa uvedú v takej podobe, akú by mali (pri rešpektovaní príslušných hláskových zmien a etymológií) v spisovnom jazyku“.² V uvedenom príspevku sme sa pokúsili identifikovať základné problémové okruhy, pri ktorých sa pohľad dialektológa a etymológa na slovenský nárečový materiál (resp. na jeho prezentáciu v nárečovom slovníku, predpokladajúcemu aj zohľadnenie zmienených faktov diachrónneho charakteru) môže odlišovať; typológiu takýchto prípadov, načrtnutú v citovanej publikácii, teraz ilustrujeme na lexikálnom materiáli 2. zväzku SSN.

* Štúdia vznikla v rámci vedeckého projektu *Etymologický výskum slovenskej lexiky – 2. etapa* (grant VEGA č. 2/0129/09). Lexikálny materiál, ktorý analyzujeme v štúdiu, sme zozbierali a predbežne interpretovali počas štipendijného pobytu na Porínskej univerzite v Bonne (Nemecko), umožneného nadáciou Alexander von Humboldt-Stiftung. – Použité skratky jazykov: bulh. – bulharský, csl. – cirkevnoslovanský, čes. – český, fr. – francúzssky, chorv. – chorvátsky, ide. – indoeurópsky, lat. – latinský, maď. – maďarský, nem. – nemecký, pol. – poľský, psl. – praslovanský, slk. (slc.) – slovenský, sln. – slovinský, srb. – srbský, stčes. – staročeský, strlat. – stredoveký latinský, stsl. – staroslovensky, tal. – taliansky,

¹ Porov. Králik, 2007.

² SSN I (1994), s. 29.

1. Prvý problémový okruh súvisí so spracovaním lexém, ktoré sa v SSN hodnotia ako formálne varianty heslových výrazov, napr. **bavlna** (varianty: *bablna*, *bablňa*, *bavelna*, *bavolna*, *bavulna*), **feršlóg** (*feršl'og*, *fršlog*) a pod. Podľa koncepcie SSN „varianty, ktoré sú výsledkom pravidelných, zákonitých a systémových zmien (za také sa v SSN pokladajú zmeny pôvodných jerov a nosoviek, asimilačné a asibilačné zmeny a pod.), sa v zásade na tomto mieste (t. j. v zátvorke za heslovým slovom) neregistrujú. V rade variantov (vytlačených kurzívou) sa však vždy uvádzajú nepravidelné (rozličným stupňom lexikalizované) varianty...³ V niektorých prípadoch sa však zdá, že „nepravidelnosť“ príslušných foriem nie je výsledkom akéhosi neregulárneho fonetického vývinu, ku ktorému došlo v slovenských nárečiach (t. j. až v období existencie slovenčiny ako samostatného slovanského jazyka): nárečové formy, ktoré sa v SSN prezentujú ako varianty uvedeného druhu, možno občas interpretovať ako výrazy s vlastnou etymologickou charakteristikou (napr. pravidelné reflexy starých, už praslovanských lexém a pod.), vzhľadom na ktorú by ich bolo adekvátne prezentovať v samostatných heslách, resp. spoluheslách.

Ako varianty heslového výrazu **lyžka** „lyžica a i.“, ktorého východiskom je psl. **lyžka*,⁴ sa uvádzajú i znenia *laška*, *loška*.⁵ Tieto formy nachádzame v SSN aj ako tzv. odkazové heslá,⁶ na základe čoho možno – v súlade s koncepciou SSN – dospieť k záveru, že tu ide o akési nepravidelné hláskové obmeny príslušného heslového výrazu. Z etymologického hľadiska nie je takýto predpoklad akceptovateľný. Formy *laška*, *loška* vznikli zrejme v dôsledku znelostnej asimilácie z pôvodného **lažka*, **ložka*, ktorého východiskom je psl. **lbžka*,⁷ odvodené od rovnakého koreňa ako **lyžka*; rozdiel v koreňovom vokalizme (**lbž-*/**lyž-*) odráža starú kvantitatívnu alternáciu **ū*/*ū*. Z etymologických príčin (ide o reflexy starého, už praslovanského výrazu) by bolo žiaduce spracovať formy *laška*, *loška* v samostatnom hesle (resp. spoluhesle): vzhľadom na zákonitosť vokalizácie zadného jeru v spisovnej slovenčine⁸ by sme odporúčali uviesť príslušný heslový výraz v podobe **ložka** (s variantom *laška*), čím by sa naznačila určitá „sekundárnosť“ formy so začiatocným *la*. Analogicky by bolo potrebné spracovať deriváty od zmienených výrazov: **lyžník** i **ložník** (*lažník*) „schránka al. závesná doštička s navŕtanými otvormi, do ktorých sa zastrkovali lyžice“;⁹ z materiálu citovaného v hesle **lyžkár** „kto vyrába al. predáva lyžice“ (dva doklady na znenie *loškár*)¹⁰ vyplýva, že by tu bola vhodná štandardizácia v podobe **ložkár**.¹¹

³ SSN I, s. 30.

⁴ ESSJa XVII (1990), s. 62 – 63.

⁵ SSN II (2006), s. 104.

⁶ SSN II, s. 34 (*laška*), s. 87 (*loška*).

⁷ ESSJa XVII, s. 7 – 8, s. v. **lbžka I*.

⁸ T. j. **þ* > *o*, zriedkavejšie aj **þ* > *a*.

⁹ Porov. SSN II, s. 104, s. v. *lyžník*.

¹⁰ Tamže.

¹¹ Okrem psl. **lyž-ka*: **lbž-ka* možno rekonštruovať aj paralelnú dvojicu lexém, odlišujúcu sa sufiksom – psl. **lyž-ica* (porov. ESSJa XVII, s. 62; takýto výraz sa rekonštruuje výlučne na základe slk. *lyžica*, pre ktoré sa v ESSJa neuvádzajú inoslovanské paralely) i **lbž-ica* (porov. ESSJa XVI [1990], s. 257 – 260, s. v. **lbžica I*; z reflexov porov. csl. *lbžica*, bulh. *lăžica*, čes. *lžice* a i.); zároveň tu vzniká otázka, či sa reflexy psl. **lbžica* zachovali aj v slovenčine. V tejto súvislosti poukážeme na slk. dial. *ležica*, *ložica*, *lužica* (aj *ležic*, *ložic*, *užica*), ktoré sa v SSN spracúvajú ako varianty heslových výrazov **lyžica** i **lyžic** (porov.

Spracovanie na úrovni samostatných heslových výrazov, resp. spoluhesiel by bolo etymologicky adekvátnym riešením aj v prípade formálnych variantov uvedených v hesle **mechúr** (*machier; mechier, mechir, mecher, mechor*).¹² Slk. *mechúr* je reflexom psl. **měchurъ* (resp. **měchur'ь*),¹³ odvodeného od psl. **měchъ* (slk. *mech*) pomocou sufiksu *-urъ, resp. *-ur'ь;¹⁴ variantné podoby tohto heslového výrazu však majú inú etymologickú, resp. slovotvornú charakteristiku, a preto by sa mohli stať samostatnými heslovými výrazmi. – Časť uvedených foriem by bolo podľa nášho názoru vhodné zaradiť pod heslový výraz **mechýr** (s nepravidelnými variantmi *mechier, machier; mecher*): ide tu o reflex psl. **měchyrrъ*,¹⁵ odvodeného od psl. **měchъ* pomocou sufiksu *-yrъ.¹⁶ Forma *mechir*,¹⁷ v SSN chápana ako variant heslového výrazu *mechúr*, je podľa všetkého pravidelným reflexom psl. **měchyrrъ*,¹⁸ a preto ju netreba osobitne signalizovať; za nepravidelné varianty treba považovať formy s koncovým -ier, -er (*mechier, machier, mecher*), kde zrejme nastala sporadická zmena typu *i* > *e* v pozícii pred konsonantom *r*,¹⁹ ako aj formu so začiatocným *ma-* (*machier*).²⁰ – Forma *mechor*, utvorená pomocou sufiksu *-orъ,²¹ by mala byť prezentovaná v samostatnom (spolu)hesle **mechor**.

Za variant heslového výrazu **metla** sa v SSN považuje forma *motla*.²² Rozdiel v koreňovom vokalizme (*e* – *o*) súvisí s tým, že tu ide o reflexy dvoch rôznych vý-

SSN II, s. 103), z čoho môže vyplynúť, že sa tu predpokladá nepravidelný fonetický vývin pôvodného *ly*. Iný výklad príslušných slovenských foriem naznačujú autori citovaného 16. zväzku ESSJa, ktorí v zmeinenom hesle (**lžica I*) uvádzajú nielen slk. hist. *lžica* (doklad zo Žilinskej knihy; porov. i HSSJ II [1992], s. 243, s. v. *lyžica*), ale aj dial. *ložica, lužica*, citované zo slovníka M. Kálala. V nadváznosti na to možno dospieť k záveru, že v prípade analyzovaných foriem treba predpokladať dvojaký vývin psl. **b*: v slk. hist. *lžica* pôvodný jer zanikol, avšak v slk. dial. *ležica, ložica* sa mohol vokalizovať, čo pravdepodobne súviselo s potrebou zabrániť vzniku menej štandardnej iniciálovej skupiny *lž-* (k podobnej podvojnosti vo vývoji jerového vokálu porov. aj psl. **stbло* > 1. slk. **stblo* > **zdblo* > *zblo* [v spojení *ani zbla*], so zánikom **b*; 2. slk. *steblo*, s vokalizáciou **b* > *e*). V prípade slk. dial. *lužica* sa, prirodzene, nedá uvažovať o vokalizácii jeru: vznik tejto formy možno azda vysvetliť obmenou pôvodného *lžica*, majúcou za cieľ odstrániť *lž-* vzniknuté po zániku jeru; k podobnej modifikácii porov. aj slk. *luhať, lužem* (zodpovedajúce čes. *lhát, lžu*) < psl. **lbgati*, **lbžq* (porov. ESSJa XVI, s. 233 – 237). V zmysle uvedenej interpretácie analyzovaných slovenských dialektizmov by bola možná ich štandardizácia v podobe spoluhesiel **lžica** (*ležica, ložica, lužica, užica*) a **lžic** (*ležic, ložic*).

¹² SSN II, s. 148.

¹³ ESSJa XVIII (1993), s. 153 – 155.

¹⁴ Porov. Vaillant, 1974, s. 656 – 657; SP II (1976), s. 26 – 27.

¹⁵ ESSJa XVIII, s. 159 – 160.

¹⁶ Vaillant, 1974, s. 654 – 655; SP II, s. 27 – 28.

¹⁷ V hesle ilustrovaná dokladmi z východoslovenských nárečí: Richvald, okr. Bardejov; Brezina, okr. Trebišov; Šarišské Dravce, okr. Sabinov.

¹⁸ Vzhľadom na splynutie reflexov psl. **y* s reflexmi psl. **i* v príslušných východoslovenských nárečiach.

¹⁹ K vývinu *i, y* > *e*, resp. *t, ý* > *e* > *ie* v pozícii pred *r* porov. prípady typu *mier, pastier* z psl. **mirъ, pastyrъ*, podobne dial. *sier, syr'* a i. (blížšie Stanislav, 1967, s. 495).

²⁰ Forma *machier* sa už v SSN hodnotila ako nepravidelný formálny variant (aj keď etymologicky neadekvátnego heslového výrazu); v takom prípade však nebolo potrebné uvádzať aj samostatné heslo *machier* „1. močový mechúr ošípanej; 2. vrecko z močového mechúra ošípanej“ (SSN II, s. 110: výraz známy z južnotrenčianskych nárečí).

²¹ Vaillant, 1974, s. 647 – 651; SP II, s. 24 – 25.

²² SSN II, s. 157 (*motla* – Košťany nad Turcom, okr. Martin).

razov: ako súčasť praslovanského lexikálneho fondu možno rekonštruovať nielen výraz **metъla*,²³ ale aj paralelnú formáciu **motъla*.²⁴ Z toho vyplýva, že v prípade formy *motla* nejde o nepravidelnú obmenu výrazu *metla*, ale o výraz s vlastnou etymologickou problematikou, ktorý sa v slovenčine zachoval ešte z praslovanského obdobia, a preto by si skôr zaslúžil spracovanie v podobe spoluhesla: záhlavie príslušnej heslovej state by mohlo mať podobu **metla i motla**.

V súvislosti s heslovým výrazom **miesto** (*mesto, mesco, meřisco*) treba poukázať na variantné znenie *mesco*, podľa exemplifikácií známe z východoslovenských nárečí.²⁵ Z takéhoto lexikografického spracovania formy *mesco* vyplýva, že by malo ísť o obmenu východiskového *miesto/mesto*, avšak rozdiel *t/c* nemusí byť jasný: treba tu azda predpokladať expresívny hláskový vývin typu *mesto* > **město* > *mesco*? Podľa nášho názoru tu ide o výrazy s odlišnou slovotvornou štruktúrou: zatiaľ čo slk. *miesto* je reflexom psl. **město*,²⁶ forma *mesco* je zrejme reflexom psl. **městъce*,²⁷ čo je zdrobenina od psl. **město*.²⁸ Etymologicky adekvátnou štandardizáciou slk. dial. *mesco* by preto bolo **miestce**, ktoré by malo figurovať v SSN ako samostatný heslový výraz; ako jeho formálny variant by bolo potrebné uviesť podobu *meřisco*, ktorá akiese vznikla nepravidelnou sekundárnej nazalizáciou.

Samostatné (spolu)heslo **mara** by bolo vhodné použiť aj vo vzťahu k forme *mara*, uvedenej v hesle **mora i mura** (*múra, mara*) „1. podľa povery démonická bytosť trápiaca ľudí v spánku; 2. nočný motýl“²⁹ – ide tu o reflex psl. **mara*, majúceho vlastnú etymologickú problematiku.³⁰

Ako variant slovesa **napučať**, „1. zväčšíť objem pôsobením vlhka, napuchnúť; 2. opuchnúť“ sa uvádzajú formy *napačať*, ktorú nachádzame v doklade na 2. význam uvedeného slovesa: *Na druhí deň ráno mala to koleno celé napačané* (Lapáš, okr. Nitra).³¹ Napriek nepochybnej blízkosti významov „napuchnúť“ a „opuchnúť“ môže byť takéto lexikografické riešenie problematické vzhľadom na predpoklad variantnosti (hoci aj nepravidelnej) vokálov *u* a *a* v uvedených slovesách. Forma *napačať* si podľa nášho názoru vyžaduje štandardizáciu **napäčať** – ide tu akiese o prefixálny derivát od slk. dial. **päčať** „1. byť napnutý (do prasknutia); 2. byť navretý (o vemene)“.³²

Z etymologických príčin by bolo žiaduce spracovať v samostatnom hesle aj formy *núďiť, núdzit*, v SSN uvedené ako varianty heslového výrazu **nútiť**. Takéto lexikografické riešenie môže implikovať, že v slovenských nárečiach došlo k zmene typu *nútit' > núdit'* (v štandardizovanej forme), resp. že v slove *nútit'* nastal nepravi-

²³ ESSJa XVIII, s. 123 – 127, s. v. **metъla/*metъlo*.

²⁴ ESSJa XX (1994), s. 75: **motъla*.

²⁵ SSN II, s. 160 – 161.

²⁶ ESSJa XVIII, s. 203 – 206, s. v. **město*.

²⁷ ESSJa XVIII, s. 207 – 208.

²⁸ Porov. zdrobeniny typu *brdo: brdce, krídlo: krídelce* a pod.

²⁹ SSN II, s. 188.

³⁰ Porov. ESSJa XIX (1992), s. 211 – 214, s. v. **mora*; ESSJa XVII, s. 204 – 207, s. v. **mara I*.

³¹ SSN II, s. 337.

³² SSN II, s. 757. – Štandardizácia v podobe s *pä-* adekvátnie zohľadňuje stav v záhorských nárečiach (porov. nasledujúce doklady: *Fšecko oblečení na ňem aš tak piačalo* – Kátov, okr. Skalica; *Kráva sa otelí, ket í cecki piačá* – Senica), z ktorého vyplýva, že tu ide o reflex psl. **ę*. K rekonštrukcii inoslovanských slovies s koreňom **pęč-* porov. aj Kurkina, 1985, s. 20 – 21.

delný hláskový vývin *t* > *d* a pod.; v skutočnosti tu ide o formálny rozdiel iného typu. Zatiaľ čo slk. *nútit* je reflexom psl. **nutiti*,³³ pre slk. dial. *núdit* (i pre jeho inoslovanské koreláty) možno rekonštruovať etymologické východisko v podobe psl. **nuditi*.³⁴ Uvedené praslovanské formy sú utvorené od variantov rovnakého koreňa (**nut-*/**nud-*), ide tu však o starú variantnosť s indoeurópsko-praslovanským pozadím, ktorej interpretácia nepatrí do kompetencie vlastnej slovakistiky. Naopak, zo slovakistického hľadiska sa tu možno obmedziť na konštatovanie, že v slovenčine sa zachovali reflexy psl. **nutiti* aj psl. **nuditi*, ktoré by však v SSN bolo vhodné spracovať v hesle so záhlavím **nútiť** i **núditi**.³⁵

V záhlaví hesla **opýtať sa** nachádzame aj formálne varianty *optat sa* a *upítať sa*.³⁶ – Forma *optat sa*, ilustrovaná dokladom zo záhorských nárečí,³⁷ sa odlišuje od heslového výrazu absenciou vokálu v koreňovej morfeme (t. j. -*pt-* namiesto -*pyt-*). Z etymologického hľadiska tu ide o starú, už praslovanskú alternáciu (**pъt-*/**pyt-*), ktorú by bolo potrebné zohľadniť aj pri štandardizácii heslového výrazu: etymologicky korektným riešením by tu bolo uvedenie spoluhesla v podobe **optať sa**. – Po kiaľ ide o formu *upítať sa*,³⁸ jej hodnotenie ako variantu východiskového *opýtať sa* vedie k úvahám o fonetickej redukcii typu *o* > *u*, ktorú považujeme za málo pravdepodobnú. Podľa nášho názoru je začiatočné *u*- v slk. dial. *upítať sa* etymologicky totožné s predponou *u-* (psl. **u-*); v prospech takéhoto predpokladu možno uviesť srb., chorv. *u-pítati* „*opýtať sa*“, spýtať sa“, utvorené na základe nedokonavého srb., chorv. *pítati* „*pýtať sa*“ pomocou predpony *u-* vo „funkci prostě perfektivizující“³⁹ (porov. slk. *robit*: *u-robit* a pod.). V takom prípade by však bolo potrebné štandardizovať formu *upítať sa* v podobe **upýtať sa** – takéto heslo možno zaradiť do niektorého z budúcich zväzkov SSN.

Za variant heslového výrazu **plavák** „1. kto vie plávať; 2. plávacia blana vodných vtákov“ sa pokladá aj forma *pľivak*, uvedená v rámci exemplifikácie 1. významu: *Jedno šesce bulo, že ja bul dobrí pľivak, bo inakše še ve tej Pijavi zaľejem* (Vítaz, okr. Prešov).⁴⁰ Tento výraz si vyžaduje štandardizáciu v podobe **plyvák**: ide tu nepochybne o derivát od dial. *plyť* i *plývať* „pohybovať sa po vode, plávať na vode“,⁴¹ zatiaľ čo heslový výraz **plavák** je utvorený na základe **plávať**. Ide o slovesá odvodené od starých ablautových variantov toho istého koreňa (*plyť*, *plývať* < psl. **ply-ti*, **ply-v-a-ti* < **plū-*; *plávať* < psl. **plavati* < **plōu-*), rekonštruovaného v podobe ide.

³³ ESSJa XXVI (1999), s. 49, s. v. **nutiti* (sę).

³⁴ ESSJa XXVI, s. 34 – 37, s. v. **nuditi* (sę).

³⁵ Ako samostatné heslo (t. j. nie ako spoluheslo) sa **núditi** uvádzá v HSSJ II, s. 612. – Starou odvozeninou od slovesa *núditi* (psl. **nuditi*) je aj substantívum *núdza* (psl. **nud-ja*), pôvodne nomen actionis s významom typu „*núdenie*, *nútenie*“, k rekonštrukcii porov. ESSJa XXVI, s. 37 – 39, s. v. **nudja*.

³⁶ SSN II, s. 634.

³⁷ Sotina, okr. Senica.

³⁸ Infinitívne zakončenie -*ti* naznačuje, že príslušná forma je známa z juhovýchodnej časti strednej slovenčiny (porov. aj Krajčovič, 1988, s. 147); v hesle však nachádzame i doklad *Už medzi dverma sa upítať* (Svätoplukovo, okr. Nitra), z ktorého vyplýva, že územný rozsah znenia so začiatočným *u-* môže byť väčší.

³⁹ Kopečný, 1973, s. 261.

⁴⁰ SSN II, s. 823.

⁴¹ SSN II, s. 844.

pleu-* „tieť, prúdiť, plynúť, plávať, plaviť, zlievať a i.“,⁴² nejde teda o akúsi zmenu typu *plav-* > *plyv-*, ktorá by nastala až v dôsledku nepravidelného hláskového vývinu v slovenských nárečiach a pod. – Z analogických príčin by bolo žiaduce spracovať v podobe samostatného heslového výrazu, resp. spoluhesla **plovať aj formu *plovat* (**plovati* < **plou-*), ktorá sa v SSN prezentuje ako variant heslového výrazu **plávať**.⁴³

Potreba diferencovanejšieho prístupu k formálnym variantom sa vzťahuje aj na výrazy, ktoré slovenčina prevzala z iných jazykov. Tak napr. zatiaľ čo SSN uvádza heslový výraz **lunt** „1. zdrap, handra; 2. nečisté al. obnosené, zodraté šatstvo; 3. (oddelený) kus, pásik niečoho (poľa, mäsa ap.); 4. bič; 5. kto sa vedome zanedbáva; trhan, darebák“ s formálnym variantom *lump*,⁴⁴ z etymologického hľadiska tu ide o dva pôvodom rôzne výrazy; túto skutočnosť by bolo vhodné zohľadniť uvedením dvoch heslových výrazov: **lunt** (prevzatie z nem. *Lunte* vo význame „handra, zdrap, franforec“⁴⁵) a **lump** (z nem. *Lumpen* „id.“).

V hesle **muštovať** i **muštlovať** „1. mliaždiť al. mliet hrozno (pred prešovaním); 2. pučiť tlkom (hrozno, zemiaky ap.)“ sa uvádza aj formálny variant **muštrovať**.⁴⁶ Na základe takéhoto spracovania možno dospieť k záveru, že ide o druhotnú obmenu (so zámenou likvid *l ~ r*) výrazu **muštlovať**, aj tu sa však stretávame s výrazmi, ktoré majú rôzne etymologické východiská. Zatiaľ čo slk. dial. **muštlovať** je zrejme prevzaté z nem. *mosteln*,⁴⁷ v prípade dial. **muštrovať** ide o prevzatie z významovo blízkeho nem. *mostern*,⁴⁸ v nemčine ide o paralelné deriváty od nem. *Most* „muš“.⁴⁹ V tejto súvislosti je zároveň vhodné uviesť, že iného pôvodu je sloveso **muštrovať** „1. majstrovať, naprávať, upravovať niečo; 2. premýšľať, uvažovať; 3. prezerať si, skúmať; 4. prísne vychovávať; cvičiť, cibriť; 5. robiť figúry v tanci, cifrovať; 6. ozdobovať, parádiť“⁵⁰ ide o prevzatie z nem. *mustern*, čo je odvodenina od nem. *Muster* „predloha, ukážka; vzor; vzorka“, ktorého východiskom je tal. *mostra* „ukážka, vzorka“. Adekvátnym lexikografickým riešením, zohľadňujúcim rôzne etymologické charakteristiky príslušných výrazov (tzv. etymologická homonymia), by tu bolo uvedenie samostatných heslových výrazov: **muštrovať¹** a **muštrovať²**.

Ako variant heslového výrazu **nota** „grafický znak tónu“ sa 2. zväzku SSN uvádza aj znenie *kota*; realizuje sa tak lexikografické riešenie načrtnuté už v 1. zväzku

⁴² Porov. Pokorný I (1959), s. 835 – 837; LIV, s. 487 – 488. – K reflexom rôznych variantov uvedeného koreňa v slovanských jazykoch porov. aj ESJS XI (2002), s. 662 – 663, s. v. *pluti*.

⁴³ SSN II, s. 823; doklady na *plovať*: Jablonové, Záhorská Ves, okr. Malacky; Kátov, okr. Skalica; Záhorská Bystrica, okr. Bratislava.

⁴⁴ SSN II, s. 96.

⁴⁵ Porov. Deutsches Wörterbuch (online verzia; prístup: 30. decembra 2009): *lunte* „1) lumpen, fezen...“.

⁴⁶ SSN II, s. 224.

⁴⁷ K nem. *mosteln* „zu most quetschen“ porov. Deutsches Wörterbuch (online verzia; prístup: 30. decembra 2009), s. v. *mosteln*.

⁴⁸ Porov. Deutsches Wörterbuch (online verzia; prístup: 30. decembra 2009), s. v. *mostern* (vo význame „weinbeeren zu most zerstossen“).

⁴⁹ Slk. dial. **muštovať** je derivátom od substantíva *muš* „nevykvasená ovocná (najmä hroznová) šťava“ (SSN II, s. 224); z etymologického hľadiska tu možno uvažovať aj o kalkovaní, resp. o priamom prevzatí nem. *mosten* „most bereiten, weinbeeren zu most zerstossen“ (Deutsches Wörterbuch [online verzia; prístup: 30. decembra 2009], s. v. *mosten*).

⁵⁰ SSN II, s. 225.

slovníka, kde sa pri výraze *kota* odkazuje na heslo **nota**.⁵¹ Predpoklad variantnosti foriem *nota* ~ *kota*, vyplývajúci z naznačeného spracovania výrazu *kota*, môže vzbudzovať určité pochybnosti už vzhľadom na svoj formálny aspekt⁵² a nie je akceptovateľný ani z etymologického hľadiska. *Nota* a *kota* sú napriek svojej významovej totožnosti a nepochybnej formálnej blízkosti slová rôzneho pôvodu: *nota* je prevzatie z lat. *nota* „značka“, zatiaľ čo etymologickým východiskom slk. dial. *kota* je lat. *quota (pars)* „kol'ká časť“, strlat. *quota* „podiel“ pripadajúci na jednotlivca“ (s ďalším sémantickým vývinom v smere „podiel“ > „jeho označenie, označenie a pod.; príslušná značka“). Formy so začiatocným *k-*, uvedené v hesle **nota**, by preto bolo ťiaduce spracovať v samostatnom hesle. Pokiaľ ide o štandardizáciu príslušného heslového výrazu, považujeme za vhodné pripomenúť, že strlat. *quota* sa stalo etymologickým východiskom aj pre slk. *kvóta* „pomerná časť, podiel“ i pre fr. *cote* vo význame typu „značka“,⁵³ ktoré sa v slovenčine adaptovalo ako *kóta*: keďže slovenčina prevzala obidva výrazy v podobe s dlhým ó, azda aj v SSN by sme mohli očakávať samostatné heslo **kóta**.⁵⁴

2. Vzťah (primárneho) heslového výrazu a jeho (sekundárneho) variantu, analizovaný v bode 1., patrí do sféry, ktorú možno označiť ako problém etymologickej totožnosti slova. Ďalšou dimenziou tejto problematiky môže byť lexikografické spracovanie polysémantických slov: v niektorých prípadoch sa ukazuje, že heslá, ktoré sa v SSN uvádzajú ako viacvýznamové, by pri zohľadení etymologických informácií bolo vhodné rozčleniť (tzv. etymologická homonymia). V tejto súvislosti poukážeme aspoň na dva prípady.

V hesle **nakunírovať sa** „1. naliečiť sa, nakurírovať sa; 2. natrápiť sa, nazozieraať sa“⁵⁵ sa zrejme spracúvajú dva výrazy rôzneho pôvodu: **nakunírovať sa**¹ „naliečiť sa“ vzniklo akiste obmenou (za predpokladu disimilatívnej zmeny *r-r* > *n-r*) pôvodného *nakurírovať sa*, odvodeného od *kurírovať (sa)* „liečiť (sa)“, čo je prevzatie z nem. (*sich*) *kurieren*;⁵⁶ **nakunírovať sa**² „natrápiť sa, nazozieraať sa“ je nepochybne prefixálnou odvodeninou od dial. *kunírovať* „trápiť niekoho neprimeranými požia-

⁵¹ Porov. SSN I, s. 844, s. v. *kota*; SSN II, s. 449, s. v. *nota*.

⁵² Zámenu konsonantov *n* ~ *k* je v podmienkach slovenského hľáskového systému ľahko predstaviteľná.

⁵³ Nejde tu o priamy vývinový kontinuant lat. *quota*, ale o prevzatie zo stredovekej latinčiny; porov. TLFI (prístup: 30. decembra 2009), s. v. *cote*.

⁵⁴ V prospech takejto štandardizácie svedčí aj forma *kótā* pomn. „noty“, ktorú uvádzá J. Orlovský (1982, s. 144; doklad zo Sirká). – Slk. dial. *kota* nachádza paralelu v maď. *kotta* „číslica; nota; melódia; notový list, notová kniha“, ktoré má rovnaký pôvod (porov. MNyTESz II [1970], s. 594; EWU II [1993], s. 808); v prípade uvedeného slovenského dialektilizmu nemožno jednoznačne vylúčiť ani eventuálnu sprostredkujúcu úlohu maďarského jazyka. Z maďarčiny je zrejme prevzaté slk. dial. *kótás* „hudobník, ktorý hrá podľa nôti“ (Orlovský, loco cit.: Sirk; v SSN sa tento výraz neuvádzajú), nachádzajúce možné východisko v staršom maď. *kótás muzsikás* „id.“ (porov. Rocchi I [1999], s. 158); maď. *kótás* – adjektívum s pôvodným významom typu „súvisiaci s notami a pod.“ – je odvodené od maď. *kotta*, dial. *i kóta* (porov. ÚMT III [1992], s. 516, s. v. *kotta*).

⁵⁵ SSN II, s. 295.

⁵⁶ Pri dôslednom zohľadení etymologických kritérií by bolo takisto možné uviesť príslušný heslový výraz v štandardizovanej podobe **nakurírovať sa** s formálnym variantom *nakuníruvat sa*, ktorý by mohol byť uvedený aj v samostatnom odkazovom hesle.

davkami, sekírovať, preháňať, otravovať“, *kunírovať* sa „1. doprosovať sa; 2. sužovať sa“,⁵⁷ ktorého etymologickým východiskom je nem. *kujonieren* „šikanovať niekoho, nedôstojne s niekým zaobchádzat“.⁵⁸

Na dve samostatné heslá by bolo vhodné rozdeliť aj heslo **pária** „1. náhradný exemplár, duplikát; 2. žreb, lós“⁵⁹: **pária**¹ „náhradný exemplár, duplikát“ je podľa nášho názoru prevzaté z uhorského lat. *paria*,⁶⁰ **pária**² „žreb, lós“ súvisí vzhladom na svoj význam skôr s fr. *parier* „staviť sa; staviť na niečo“, *pari* „stávka“.

S problematikou etymologickej totožnosti slova súvisia aj prípady, keď „jednotlivé významy polysémantických výrazov boli zaradené pod neadekvátny heslový výraz“.⁶¹ Tak napr. v hesle **matka**² nachádzame aj význam „4. v spoj[ení] lúčna rastlina, bot. mäta lúčna (*Mentha arvensis*)“, ilustrovaný dokladom *kobilá matka* (Bošáca, okr. Trenčín).⁶² Nárečová forma *matka* môže byť zdrobneninou od dial. *mata*, zodpovedajúceho spisovnému *mäta* (psl. **mēta*);⁶³ podľa nášho názoru uvedený dialektizmus patrí do hesla **mätká** „voňavá lúčna rastlina“.⁶⁴

3. Ďalší problémový okruh súvisí s formou, v akej sa uvádzajú heslové výrazy: napriek už zmieneným zásadám ich normalizácie, resp. štandardizácie (zohľadňovanie hláskových zmien a etymológií) sa možno aj v 2. zväzku SSN stretnúť s prípadmi, keď „bol nárečový lexikálny materiál ponechaný v pôvodnej forme, aj keď existujúca odborná literatúra poskytuje východiská pre jeho adekvátnu etymologizáciu a následnú štandardizáciu“.⁶⁵

Heslový výraz **mázdra** „ochranný obal, vajcová blana“ sa ilustruje nasledujúcim dokladom: *Slépka znésuva vajce v mázdri* (Brodské, okr. Skalica).⁶⁶ Nárečová forma *mázdra* je akiste reflexom psl. **mēzdra*;⁶⁷ vývin **ɛ* > á naznačuje, že nosový vokál sa tu nachádzal v dlhej pozícii. V takom prípade by sme však predpokladali štandardizáciu **miazdra** – porov. formu *miazgra* „mázdra“ u M. Kálala,⁶⁸ ako aj dial. *miazdro* „odpad pri spracúvaní koží; rub zvieracej kože“, majúce rovnaké etymologické východisko.

SSN uvádza heslo **nádešník** i **nádušník** „liečivá rastlina, bot. zádušník (*Glechoma*)“, pričom forma **nádešník** sa ilustruje dokladmi z trenčianskych a podjavorinských nárečí.⁷⁰

⁵⁷ SSN I, s. 908.

⁵⁸ Blížšie Machek, 1957, s. 246, s. v. *kujon*. K východiskovej forme porov. i tam uvedené moravské *kujonýrovati* „trápiť“.

⁵⁹ SSN II, s. 735.

⁶⁰ Porov. Bartal, 1901/1983, s. 471: „*paria*, par litterarum; másolat“.

⁶¹ Králik, 2007, s. 46.

⁶² Porov. SSN II, s. 135. – K rekonštrukcii psl. **mēta* porov. ESSJa XIX, s. 15 – 16.

⁶³ Porov. nasledujúce doklady z oblasti trenčianskych nárečí (SSN II, s. 141, s. v. *mäta*): *mata* „bot. mäta (*Mentha*)“ (Záblatie, okr. Trenčín), *mata peprná* „bot. mäta pieporná (*Mentha piperita*)“ (Moravské Lieskové, okr. Nové Mesto nad Váhom).

⁶⁴ SSN II, s. 141. – K nominácii porov. dial. *kobilá meta* „bot. mäta sivá (*Mentha pulegium*)“ (SSN II, tamže, s. v. *mäta*: Dlhá Lúka, okr. Bardejov).

⁶⁵ Králik, 2007, s. 47.

⁶⁶ SSN II, s. 137.

⁶⁷ Porov. ESSJa XIX, s. 22 – 24, s. v. **mēzdra*/**mēzdro*.

⁶⁸ Kálal, 1923, s. 332. – K zmene *zdr* > *zgr* porov. dial. *nozgra* (SSN II, s. 452, s. v. *nozdra*).

⁶⁹ SSN II, s. 159.

⁷⁰ SSN II, s. 252: *nádešník* (Bošáca, okr. Trenčín), *nádešník* (Lubina, okr. Nové Mesto nad Váhom).

Dial. *nádešník* je nepochybne reflexom psl. **nadъšњикъ*,⁷¹ z čoho vyplýva, že sa-mohláska e tu vznikla vokalizáciou zadného jeru; pri štandardizácii zohľadňujúcej fonetické zákonitosti spisovnej slovenčiny (v tomto prípade jerovú vokalizáciu **ъ* > *o*) by sme očakávali príslušné spoluheslo v podobe **nádošník**.

Substantívum *nadobizeň* „nadobudnutý majetok, vlastníctvo“ sa v SSN štandardizuje v podobe **nadobizeň**.⁷² Etymologicky adekvátna je tu podľa nášho názoru štandardizácia **nadobyzeň**, keďže uvedené substantívum je akiste derivované od dial. *nadobyť* „získať, zhromaždiť, dosiahnuť (obyč. o majetku)“.⁷³ Zo slovotvorného hľadiska tu zrejme ide o pôvodné **na-do-by-znъ*, utvorené pomocou sufíxu *-znъ, tvoriaceho nomina actionis;⁷⁴ pre príslušný výraz možno predpokladať ďalšiu významovú konkretizáciu v smere „nadobudnutie“ > „čo je nadobudnuté; nadobudnutý majetok, vlastníctvo“. – Nie je vylúčené, že ako východisko pre rekonštrukciu *nadobizeň* (s ne-etymologickým -i-) mohlo poslúžiť substantívum *nedobizeň* „1. neviazané správanie (najmä o deťoch), neplecha, nezbeda, vystrájanie; krik, hurhaj, lomoz; zvada; 2. škoda, pohroma, dopustenie“,⁷⁵ ktoré má však inú morfematickú štruktúru: *ne-dob-izeň*.⁷⁶

Slk. dial. *napastť* „zloba, pohoršenie“⁷⁷ je reflexom psl. **napastъ* (**na-pad-tъ*), od-vodeného od slovesa **napasti*, **napadъ*.⁷⁸ Príslušný výraz je známy už zo staroslovenskych jazykových pamiatok: stsl. *napastъ* je doložené vo význame „1. nešťastie, nebezpečenstvo, pohroma; 2. pokušenie,“⁷⁹ od neho derivované vzťahové adjektívum *napastъnъ* znamená „1. nachádzajúci sa v nebezpečenstve; 2. pokúšaný“.⁸⁰ Sémantický prvok pokúšania (i keď v aktívnej perspektíve, t. j. „pokúšajúci“) je evidentne prítomný aj vo význame formálne blízkeho slk. dial. **napasný** „dotieravý, dobiedzavý, otravujúci (o človeku)“.⁸¹ Podľa nášho názoru majú obidve adjektíva rovnaké etymologické východisko,⁸² z čoho však vyplýva, že príslušné slovenské adjektívum by bolo vhodnejšie štandardizovať v podobe **napastný**; východoslovenská forma *napasni*, uvedená v príslušnom hesle, akiste vznikla zjednodušením spoluľáskovej skupiny *stn* > *sn*.⁸³

⁷¹ Porov. ESSJa XXII (1995), s. 19.

⁷² SSN II, s. 256: miest. strsl.

⁷³ SSN II, tamže.

⁷⁴ Podľa údajov retrográdneho slovníka (Mistrík, 1976, s. 358) pozná súčasná spisovná slovenčina len tri substantíva tvorené týmto sufíxom: *bázeň*, *priazeň*, *trýzeň*. Tieto výrazy sa v slovenčine zachovali ešte z praslovenského obdobia (reflexy psl. **boja-znъ*, **prija-znъ*, **try-znъ*, odvodených od psl. **boja-ti se*, **prija-ti*, **try-ti*), nejde teda o formácie utvorené počas vývinu slovenčiny ako samostatného slovanského jazyka – z toho zároveň vyplýva, že príslušný sufix (psl. *-znъ, slk. -zeň) nie je v slovenčine produktívny, čo môže nepriamo svedčiť v prospech predpokladu o relatívnej archaickosti analyzovaného slovenského dialektilizmu. – O sufíxe *-znъ v širších slavistických súvislostiach porov. SP I (1974), s. 118 – 119; Vaillant, 1974, s. 629 – 631.

⁷⁵ SSN II, s. 398.

⁷⁶ ESSJa XXIV (1997), s. 118, s. v. **nedobiznъ*. Je zaujímavé, že príslušná praslovanská lexéma sa v ESSJa rekonštruuje len na základe uvedeného slovenského výrazu.

⁷⁷ SSN II, s. 319: miest. vsl zastar.

⁷⁸ Porov. ESSJa XXII, s. 208 – 209.

⁷⁹ SSJ II (1973/2006), s. 300 – 301.

⁸⁰ SJS II, s. 301.

⁸¹ SSN II, s. 319.

⁸² Porov. ESSJa XXII, s. 209: **napastъnъ(jъ)*.

⁸³ Porov. Stanislav, 1967, s. 612 – 613. – Pozornosť by bolo potrebné venovať aj kvantitatívnej charakteristike zmienených slov. Slk. dial. *napast'*, *napas(t)ný* sú podľa údajov SSN známe z východoslo-

Z analogických príčin by bolo vhodné štandardizovať heslový výraz **oblesný** „fa-lošný, neúprimný“⁸⁴ v podobe **oblestný**: uvedené adjektívum je reflexom psl. **ob-lbstnrb*,⁸⁵ odvodeného od psl. **ob-lbstiti* „oklamať ap.“,⁸⁶ čo je v konečnom dôsledku odvodenina od psl. **lbstb* (slk. *lest*).

Ako špecifický problém sa ukazuje štandardizácia odvodenín od slovies typu psl. **mer-ti* „mriet“, **mbr-q* „mriem“, v ktorých paradigmne dochádza k striedaniu dvoch ablautových variantov príslušného koreňa.⁸⁷ Tak napr. šarišské substantívum *poparce* „pomoc, podpora“ sa v SSN štandardizuje v podobe **popartie**,⁸⁸ ktorá nepochybne nachádza paralelu v poľštine (*poparcie*). Uvedený poľský výraz je z hľadiska pôvodu názvom dejá (od poľ. *poprzeć* „podporiť“ < **po-per-ti*, s plným stupňom koreňa), ktorý je utvorený od minulého trpného príčastia *poparty* „podporený“, predpokladajúceho východiskové **po-pbr-tb* (s koreňom v redukovanom stupni). Očakávaným reflexom takéjto formácie v spisovnej slovenčine by bolo *poprtý* (so slabičným *r*), z čoho však ďalej vyplýva, že od neho odvodený názov dejá („podpora“) by bolo adekvátnie štandardizovať v podobe **poprtie**.⁸⁹ – Podobne je to v prípade formy **obžerný**, rekonštruovanej na základe expresíva *obžartni* „nestriedmy v jedení a pití“ (Studenec, okr. Levoča):⁹⁰ adekvátnou štandardizáciou by tu bolo **obžrtný** (**ob-žbr-t-yn-b-jb*), s redukovaným stupňom koreňa, ktorý je zachovaný napr. v tvare infinitívu **žbr-a-ti* (slk. *žrat*).⁹¹ Substantívny derivát *obžartník* „kto nadmerne holduje jedlu a pitiu“,⁹² uvedený v hesle **obžerník** (s plným stupňom koreňa a bez *t*-ového participiálneho sufíxu⁹³), vyžaduje podľa nášho názoru štandardizáciu **obžrtník**. – V podobnom kontexte sa možno zmieniť aj o východoslovenskom *obdarti*, ktoré SSN uvádzá v hesle **obdratý i obodraný**, akiste ako nepravidelný variant formy *obdratý*.⁹⁴ Adjektívum *obdratý*, existujúce v spisovnej slovenčine, možno zo slovotvorného hľadiska interpretovať ako **ob-dbr-a-tb-jb*, t. j. ako formáciu s tematickou morfémou (*-a-), ktorá však v prípade dial. *obdarti* (**ob-dbr-tb-jb*)⁹⁵ chýba: tento výraz je žiaduce štandardizovať v podobe **obdrty**.⁹⁶

venských nárečí, v ktorých došlo k zániku kvantity; zdá sa však, že uvedené výrazy môžu pripúšťať aj štandardizáciu **nápast**, **nápastný**, t. j. s dlhým á v prvej slabike. K takému záveru môže viesť derivácia typu *napadnúť* „nápad a pod.; porov. aj stčes. *nápast* (Machek, 1957, s. 318). V podobe so začiatocným *ná-* nachádzame príslušné výrazy v HSSJ: *nápast* „znepokojovanie, úklady“, *nápastný* „kladúci úklady, pokúšajúci“, *nápastovať* „pokúšať, znepokojovali; robiť úklady“ (HSSJ II, s. 432 – 433; vsl.).

⁸⁴ SSN II, s. 481: miest. vsl.

⁸⁵ ESSJa XXVIII (2001), s. 37.

⁸⁶ Tamže, s. 36.

⁸⁷ Porov. napr. Vaillant, 1966, s. 187 – 191.

⁸⁸ SSN II, s. 981.

⁸⁹ K formám so slabičným sonantom porov. aj srb. *pod-u-preti* „podoprieti; podporiť“: *pod-u-prt* „podopretý; podporený“, podobne *raz-dreti* „rozodriet“: *raz-drt* „rozodretý“, *pro-str(e)ti* „prestrieť“: *pro-strt* „prestrety“ atď. (porov. Sedláček, 1989, s. 185).

⁹⁰ SSN II, s. 507.

⁹¹ Nie je jasné, prečo sa v štandardizovanej forme uvádzá morféma *-n*, chýbajúca v slovotvornej štruktúre príslušného dialekta.

⁹² SSN II, s. 507: Studenec, okr. Levoča.

⁹³ Očakávaným spišským korelátom (v zmysle zachovania slovotvornej štruktúry) spisovného *obžerník* by malo byť *obžerňák*.

⁹⁴ SSN II, s. 465; doklady na *obdarti*: Kanaš, okr. Prešov; Richvald, okr. Bardejov.

⁹⁵ K inoslovenským reflexom bezpredponového psl. **dbr-tb(-jb)* porov. SP V (1984), s. 55, s. v. *dŕtъ*.

⁹⁶ V tejto súvislosti sa možno zmieniť aj o šarišskom pejoratíve *obdarčuch* „kto chodí v obodratých, roztrhaných šatách, otrhanec“ (SSN II, s. 465), ktoré sa v SSN zaraďuje pod heslový výraz **obdarčuch**.

V SSN nachádzame heslové výrazy **oligať sa** „opíť sa“⁹⁷, **poligať** „zhlnúť, pohlat“⁹⁸, ako aj **poligať i polikať** „1. hľať, prehľať; 2. popíjať“⁹⁹. Etymologicky adekvátna štandardizácia týchto výrazov je **olygať sa**, **polygať**, **polykať** – ide tu o odvodeniny od dial. **lygať** „1. hľať, prehľať; 2. hľať, pít bez miery“¹⁰⁰ resp. od nedoloženého ***lykať** (porov. *vz-lykat*), ktoré sa vzhľadom na svoje etymologické východisko¹⁰¹ správne štandardizuje s grafémou *y* v korení.

Na základe slk. dial. *omilek* „rastlina podobná pýru, bot. mätonoh trváci (*Lolium perenne*)“ (doklad z Dlhéj Lúky, okr. Bardejov) sa v SSN rekonštruujú dva samostatné heslové výrazy – **omilok** aj **omylok**.¹⁰² Z etymologického hľadiska je korektná len druhá z uvedených foriem, implikujúca súvislosť príslušného nárečového fytonyma s výrazmi *omyl* či *mýliť sa*: pomenovanie sa vysvetľuje jedovatými vlastnosťami zín mätonohu, pozorovateľnými najmä pri ich nežiaducom (vznikajúcim nedopatreňím, a teda „mylnom“) spoločnom mletí s obilnými zrnami.¹⁰³

Spišské expresívum **omrsknúť** „prestať zaujímať, omrzieť, zunovať sa“¹⁰⁴ možno podľa nášho názoru štandardizovať v podobe **omrzknúť**: ide tu akiste o derivát od adjektíva *mrzký* vo význame „4. nepríjemný, nemilý, zlá“¹⁰⁵. Východiskovou sémantikou slovesa *omrzknúť* bolo zrejme „stať sa mrzkým, nemilým a pod.“, na základe čoho mohol vzniknúť aj význam „stať sa málo príjemným, málo zaujímavým; prestať zaujímať“; k slovotvorbe porov. *starý*: *o-star-núť* „stať sa starým atď.“. – Ak vychádzame z paralelného slovotvorného modelu *starý*: *o-star-iet*, môžeme južnooravské expresívum **omrštieť** „stať sa mrzkým, nepekným“¹⁰⁶ interpretovať ako výsledok deriváčného procesu *mrzký* > **o-mrzk-iet* > **o-mrzč-iet* > **o-mrsč-iet* > **o-mršč-iet*

Pokiaľ ide o etymologickú interpretáciu tohto dialektizmu, podľa nášho názoru tu prichádzajú do úvahy dve možnosti: – 1. Môže ísť o prevzatie z poľ. *obdarciuch* (od poľ. *obdarty* „otrhaný“), pričom bolo poľské ē (graficky cí) substituované slovenským č; korelátom príslušného výrazu v spisovnej slovenčine by v takom prípade bolo **obdrfúch**. – 2. Ak pre výraz *obdarčuch* hľadáme etymologické východisko v kontexte slovenského jazyka, potom tu možno uvažovať o štandardizovanej forme **obdrtčúch**, derivovanej od predpokladaného substantívna **obdrtec*, čo je odvodenina od *obdryť*; k slovotvorbe porov. *otrhanec* a pod.

⁹⁷ SSN II, s. 603: Gregorovce, okr. Sabinov.

⁹⁸ SSN II, s. 950.

⁹⁹ Tamže.

¹⁰⁰ SSN II, s. 102.

¹⁰¹ Porov. ESSJa XVII, s. 25 – 27, s. v. **lykati/*lygati II*. – Slk. dial. *lygať* možno interpretovať ako obmenu pôvodného **lykať*, pričom druhotná sonorizácia *k* > *g* mohla súvisieť s expresivitou slova (porov. významovo blízke slk. *logať* < psl. **lokati*; ESSJ XVI, s. 6 – 7); nedá sa však vylúčiť ani možnosť, že slk. dial. *lygať* (namiesto očakávaného **lyhat*) je priamym reflexom psl. **lygati*: vzhľadom na expresívny charakter výrazu sa tu nemusela uskutočníť hľásková zmena *g* > *h*. – Slk. dial. *polykať* „hľať, prehľať“ ďalej súvisí s dial. *polknúť* (**po-lbk-nq-ti*) „1. prehlnúť, zhlnúť, prezrief; 2. narýchlo zjesť; 3. vypíť, upíť, pregľnúť“ (SSN II, s. 952).

¹⁰² Porov. SSN II, s. 609, 612.

¹⁰³ Porov. napr. ESUM IV (2003), s. 186, s. v. [*omylka*]; porov. aj ESSJa XXVIII, s. 101 – 102, kde sa príslušné poľské a ukrajinské fytonymá uvádzajú v hesle **obmylk/a/*obmylk/b*, avšak bez informácie o ich sémantickej motivácii.

¹⁰⁴ SSN II, s. 611: Studenec, okr. Levoča.

¹⁰⁵ SSN II, s. 211; porov. aj tam uvedený doklad *Mersko mi, že mi tak sprosto povedzel* (Spišský Štvrtok, okr. Levoča).

¹⁰⁶ SSN II, s. 611: Pucov, Dolná Lehota, okr. Dolný Kubín.

> *omrštieť*; rešpektujúc grafickú stránku slov typu *obrážtek* (**obráz-ček*) či *motúžtek* (**motúz-ček*), v ktorých sa vyskytuje pôvodná spoluľásková skupina *z + č*,¹⁰⁷ dopievame k záveru, že príslušné sloveso by bolo žiaduce štandardizovať v podobe *omržtieť*.

Sloveso **ošurieť** „zvráskavieť, zošíveriť sa (o ovocí)“,¹⁰⁸ štandardizované do tejto formy na základe lexikálneho materiálu gemerských nárečí, je pravdepodobne etymologicky totožné s dial. *očuriet* „1. ostarnúť, ošpatnieť, zvráskavieť (o človeku); 2. zvädnúť, ovisnúť (o rastlinách)“:¹⁰⁹ gemerské formy, akiste odrážajúce charakteristickú spoluľáskovú zmenu č > š, možno zaradiť do hesla **očurieť**, t. j. nie je potrebné uvádzať ich v samostatnom heslovom výraze.¹¹⁰

Heslový výraz **partok** (s variantom *pertok*) „obrus z domáceho ľanového plátyna“¹¹¹ sa štandardizuje do tejto formy na základe materiálu gemerských a východoslovenských nárečí. V príslušnom hesle nachádzame aj expresívnu zdrobeninu **partočík** s nasledujúcou exemplifikáciou: *Jä som nigdaj nešla do polä bes prtoška* (Rybňák, okr. Revúca). Štandardizácia **partočík** môže implikovať, že forma **prtošik** so začiatocným *pr-* (t. j. so slabičným *r*) je sekundárna a vznikla akousi obmenou formy s pôvodným *par-* (z expresívnych príčin?); práve táto „sekundárna“ forma je však kľúčom k adekvátnej etymologickej interpretácii výrazu. Gemerské **prtošik** (**prtočik*) je akiste zdrobeninou od východiskového *prtok*,¹¹² ktoré možno interpretovať ako derivát od nedoloženého **prt*, čo je nepochybne reflex psl. **pъrtъ* s pôvodným významom typu „(odrezaný) kus plátyna“.¹¹³ Z etymologického hľadiska by tu bola žiaduca štandardizácia **prtok** (nárečové formy *partok*, *pertok* môžu zodpovedať „popisovnej“ forme so slabičným *r*) a **prtočík**; z analogických príčin by sme v SSN očakávali aj heslový výraz **prtočina** „plachta na trávu“.¹¹⁴

Stredoslovenské expresívum **pištok** „1. papuľa mláďať; 2. bozk“¹¹⁵ by bolo zrejme korektné štandardizovať v podobe **pyštek**, čo je zdrobenina od *pysk*. Význam „bozk“ tu mohol vzniknúť rovnakým sémantickým posunom, aký nastal v prípade čes. *hubička* či lat. *ōsculum* – ide o deminutíva od výrazov označujúcich ústa (čes.

¹⁰⁷ Bližšie napr. Palkovič, 1979, s. 80 – 81.

¹⁰⁸ SSN II, s. 667.

¹⁰⁹ SSN II, s. 514.

¹¹⁰ Slk. dial. *očurieť* patrí podľa nášho názoru do slovotvorného hniezda psl. **čuriti*/**čurati*, rekonštruovaného v ESSJa (IV [1977], s. 133 – 134) na základe materiálu južnoslovenských jazykov, kde majú príslušné reflexy tohto slovesa (etymologicky súvisiaceho s psl. **kuriti*, slk. *kúriť*) významy typu „dymiť, údiť a pod.“ K vzájomnému vzťahu významov typu „vädnúť, vráskavieť“ a „kúriť, dymiť, údiť a pod.“ porov. psl. **vědn̩ti* (slk. *vädnút*), ktoré etymologicky súvisí s *(*v*)*qditi* (slk. *údit*); význam „vädnúť a pod.“ mohol vzniknúť na základe pôvodného „schnúť, vädnúť v dôsledku pôsobenia tepla“.

¹¹¹ SSN II, s. 740.

¹¹² Porov. exemplifikáciu *Zakruc tia koláše do prtka, neh na ne muchi nesádajú!* (Sáša, okr. Revúca) v príslušnom hesle. – Heslový výraz **prtok** „obrus“ nachádzame aj u M. Kálala (1923, s. 533) i v HSSJ (IV [1995], s. 552: Jelšava 1698); na citovanom mieste v HSSJ by bolo akiste možné uviesť aj materiál spracovaný v samostatnom hesle **partek**, „id.“ (HSSJ III [1994], s. 477: vsl; doklady: Prešov 1666, 1700).

¹¹³ Porov. Machek, 1957, s. 396, s. v. *prták* („... sem i slc. *prtok* ubrus...“); novšie aj ESJS XII (2004), s. 733, s. v. *prtb.*

¹¹⁴ Porov. SSN II, s. 740, s. v. *partočina*; slovo známe zo šarišských a zemplínskych nárečí.

¹¹⁵ SSN II, s. 806.

huba, lat. *ōs*), t. j. zo sémantického hľadiska „malé ústa, ústočká“, neskôr – vzhľadom na podobu, akú nadobúdajú ústa pri bozkávaní – ,bozk“.¹¹⁶

Substantívum **pomenák** „hrniec na pomyje, v ktorom sa pripravuje jedlo, krmi vo pre osípané“ (Dačov Lom, okr. Krupina)¹¹⁷ pripúšťa podľa nášho názoru štandardizáciu **pomyjnák**: zo slovotvorného hľadiska tu ide zrejme o slovo vzniknuté univerbizačiou spojenia typu **pomyjný hrniec* (porov. citovanú sémantizáciu „hrniec na pomyje“). Pokiaľ ide o fonetickú stránku navrhnutej štandardizácie, predpokladáme tu hláskovú zmenu *y* > *e*, známu z novohradských nárečí; otvorenou zostáva otázka (ne)pravidelnosti formy *pomenák* namiesto očakávaného **pomejnák*.

4. Na záver príspevku uvedieme niekoľko výrazov, pre ktoré možno podľa nášho názoru predložiť alternatívne štandardizácie.¹¹⁸

Nárečové formy *mlaček*, *mlačok* „menšie kladivo“, známe v nárečiach Oravy, Turca a Novohradu, sa štandardizujú v podobe **mlaček** (*mlačok*).¹¹⁹ Keďže ide o evidenčné zdrobeniny od slk. *mlat* „kladivo, obyč. fažké a veľké“,¹²⁰ uprednostnili by sme štandardizáciu **mlaček**, na základe ktorej by bola lepšie viditeľná sémantická motivácia výrazu.¹²¹

Heslový výraz **nasčo** (s variantom *naččo*) „1. na lačný žalúdok, nalačno; 2. skoro, zavčasu“ sa rekonštruuje na základe východoslovenských foriem *našče*, *naščo*, *naččo*.¹²² Nepochybne tu ide o reflex psl. **na tlašče*,¹²³ čo je spojenie predložky **na*

¹¹⁶ Porov. Ernout – Meillet, 2001, s. 470. K významovému posunu typu „ústa“ > „bozk“ došlo zrejme v kontextoch typu lat. *ōscula figere* „pritlačiť ústočká“ („appliquer des petites bouches“), z toho „vtláčať bozky“ (tamže).

¹¹⁷ SSN II, s. 962.

¹¹⁸ Pred prezentáciou alternatívnych interpretácií, využívajúcich štandardné postupy etymologickej rekonštrukcie, chceme poukázať – *mutatis mutandis* – aj na „veľmi dôležitý problém pre súčasnú ruskú nárečovú lexikografiu..., ktorým je presnosť a autentickosť lexikálneho materiálu. Treba povedať, že tento problém je aktuálny predovšetkým... v prípade diel syntetického charakteru..., kde je potrebné vo veľkej miere využívať materiály získané z druhej ruky vrátane starých záznamov (niekedy zle čitateľných), čím sa vytvárajú predpoklady na to, aby sa do slovnika dostali rôzne chyby. Ich odhalovanie sa stáva jednou z úloh etymológie aj dialektológie“ (Anikin, I [2007], s. 15 – 16); citovaný autor sa v tomto kontexte ďalej zmieňuje o „interpretácií slov pomocou konjektúr, t. j. predpokladov, že v grafickej forme výrazu sú nepresnosti, a z toho vyplývajúcich opráv“ (s. 16). Pokiaľ ide o materiál 2. zväzku SSN, v uvedených súvislostiach možno poukázať na heslový výraz **leťašanka** „plechová al. hlinená nádoba“ (SSN II, s. 45: Sedlice, okr. Prešov), ktorý podľa nášho názoru vznikol najskôr chybňmým čítaním dokladu *blašanka*, akiese patriaceho k heslu **blašianka** i **blašená** „1. plechová nádoba; hrniec, hrnček; 2. (plechový) kučhynský riad všeobecne“ (SSN I, s. 126). Analogicky si možno položiť otázku, či sa za expresívnym adjektívom **nemacúrn** „ktorý sa nevie náležite správať, nevychovaný, nespôsobný“ (SSN II, s. 406: *Jano je modz nemacúrn, ket prišov na svadbu, hnet prví začav jescit* – Šípkové, okr. Piešťany) neskryva skôr dial. *nemanírn*, odvodené od dial. *maníre* „maniere“ (k slovotvorbe porov. *spôsob-y: ne-spôsob-ný*) a predpokladajúce štandardizáciu **nemanierny** – porov. i dial. *manierny* „vzhľadný, švárny“, odvodené od *maniera* „paráda“ (SSN II, s. 121).

¹¹⁹ SSN II, s. 169.

¹²⁰ SSJ II (1960), s. 158, s. v. *mlat*¹.

¹²¹ Vzťah výrazov *mlat*: **mlaček** nachádzza po formálnej stránke oporu v spisovnom *brat*: **braček** (etymologicky **bratček*); nazdávame sa však, že významová súvislosť formy *mlaček* (bez *-t*) s východiskovým výrazom (*mlat*) môže byť menej priezračná ako v prípade derivátu *braček*.

¹²² SSN II, s. 350.

¹²³ ESSJa XXI (1994), s. 199; porov. aj tam uvedené heslá **na tlašče sťrdbce*, **na tlaščo qtrobo*.

a neutra od adjektíva **tťšč*.¹²⁴ Po zániku jeru v uvedenom slovnom spojení možno v slovenčine očakávať vývin *na *tťšče* > **natsče*: táto forma sa zrejme stala (za predpokladu ďalších zmien spoluľáskovej skupiny *tťč*) východiskom pre vznik východoslovenského *našče*, *naščo*, *naččo*; keďže pôvodné šč sa v spisovnej slovenčine reflektuje ako šč, odporúčali by sme tu štandardizáciu v podobe **natšte**.

Heslový výraz **nocna** „spálňa“, charakterizovaný ako substantívum ženského rodu, sa ilustruje nasledujúcim dokladom: *Pujdzeme do nocnej, ked budze cma* (Veľký Šariš, okr. Prešov).¹²⁵ Ak by išlo o substantívum, očakávali by sme v uvedenom kontexte tvar *do nocny*; podoba *do nocnej* (s adjektívou gramatickou koncovkou) svedčí o tom, že sa tu stretávame so substantivizovaným adjektívom. Príslušný heslový výraz by preto bolo potrebné uviesť v podobe **nocná** – akiste tu ide o skrátenie pôvodného spojenia typu *nocná izba* a pod., od adjektíva *nočný* (dial. i *nocný*) „3. používaný v noci“.¹²⁶

V SSN sa uvádzajú dve homonymné slovesá: **obcovat**¹ „1. byť v spoločenskom styku, stýkať sa; 2. zaobchádzať s niekým; 3. mať pohlavný styl“ a **obcovat**² „ohovárať“.¹²⁷ Druhý člen uvedenej dvojice sa charakterizuje ako expresívny výraz známy z kysuckých nárečí (porov. exemplifikáciu v SSN: *Ďetom řenavari, ale' opcova d'ekeho ma čas* – Zborov nad Bystricou, okr. Kysucké Nové Mesto). Štandardizácia kysuckého *opcovať* v podobe **obcovat**² vychádza zrejme z predpokladu, že toto sloveso je geneticky totožné s **obcovat**¹ – význam „ohovárať“ môže byť v takom prípade výsledkom autonómneho sémantického vývinu v smere „*obcovat*, stýkať sa s niekým“ > „*komunikovať* s niekým“ > „*hovoriť* s niekým (o niekom)“ > „*ohovoriť*, ohovárať (niekoho)“ a pod., t. j. išlo by tu zrejme o prípad homonymie, ktorá vznikla rozpadom pôvodnej polysémickej štruktúry. – K inej etymologickej interpretácii kysuckého slovesa možno dospieť na základe dial. *opsúvať* „ohovárať“, doloženého v gemerskej oblasti.¹²⁸ Gemerské *opsúvať* je zrejme imperfektívnu formou k predpokladanému **opsovati* „ohovoriť“, pre ktoré možno uviesť inoslovanské paralely v podobe csl. *opsovati* „hanobiť, znevažovať a pod.“, srbsk. chorv. *opsòvati* „zanadávať, zakliat“, sln. *opsováti* „vynadať niekomu, vyhrešiť niekoho“, rus. dial. *opsováti* „pokaziť, skaziť; vynadať niekomu“.¹²⁹ Sloveso **opsovati* je akiste perfektívnu odvodeninou od *psovati* (výraz známy zo staršej slovenčiny vo význame „ničiť, kaziť niečo“¹³⁰), ktorému zodpovedá srbsk., chorv. *psovati* „nadávať, kliat“, *psovati se* „nadávať si navzájom“, bulh. *psívam* „uráživo nadávam niekomu“, čes. *psouti* „nadávať niekomu ako psovi; kaziť, rušíť“ a ľ. Východiskom týchto výrazov je zrejme už psl. **p̄sowati*, odvodené od substantíva **p̄sъ* „pes“.¹³¹ Pokiaľ ide o gemerské *opsúvať* „ohovárať“, resp.

¹²⁴ Zachované napr. v rus. *tóščij* „chudý, vychudnutý; prázdný“; k významu porov. i rus. *na tóščij želúdok* „na lačný žalúdok“.

¹²⁵ SSN II, s. 443.

¹²⁶ SSN II, s. 444; tam aj doklad *nocna chiža* „spálňa“ (Kendice, okr. Prešov).

¹²⁷ SSN II, s. 462.

¹²⁸ Porov. Orlovský, 1982, s. 217: *Švaže ho má kelo opsúvať* (Revúca). – V SSN takéto heslo nenachádzame.

¹²⁹ Porov. ESSJa XXIX (2002), s. 58, s. v. **obp̄sowati*.

¹³⁰ Porov. HSSJ IV (1995), s. 559, s. v. *psovati*, *psuť*. – Druhotná forma *psuť* (utvorená na základe prezentných foriem pôvodného *psovati*: *psujem*, *psuješ atď.*) pretrvala v spisovnom jazyku až do súčasnosti, porov. SSJ III (1963), s. 689 (*psuť* hovor. expr.); KSSJ, s. 602 (hovor. expr.).

¹³¹ Ako sémantická paralela sa v odbornej literatúre uvádzajú nem. *hunzen* „nadávať niekomu do psov, zaobchádzať s niekým ako so psom; trápiť; ničiť, kaziť“, odvodené od nem. *Hund* „pes“.

o východiskové **opsovat* „ohovoriť“, zdá sa, že na základe inoslovanských paralel tu možno predpokladať významový vývin v smere „preklínať (niekoho), nadávať (niekomu, na niekoho)“ > „ohovárať (niekoho)“. Vráťme sa však ku kysuckému *opcovať*: SSN uvádza pre toto sloveso význam „ohovárať“, t. j. charakterizuje ho ako nedokonavé; doklad citovaný v príslušnom hesle však nemusí byť v tomto ohľade dostatočne jednoznačný, keďže *opcovať* d'ekho ma čas pripúšťa podľa nášho názoru aj interpretáciu v zmysle „ohovoriť (perf.) kdeko, na to má čas“. Na základe uvedených skutočností považujeme za možné predložiť pre kysucké expresívum *opcovať* alternatívnu štandardizáciu v podobe **opsovať** – prekážkou tu nie je ani drobná formálna odlišnosť kysuckého výrazu, k zmene *ps* > *pc* porov. dial. *kapca* „kapsa“.¹³²

Heslový výraz **okrojka** „odkrojená časť zemiaka“ sa v SSN rekonštruuje na základe formy *okrafka*, ilustrovanej dokladmi zo spišských nárečí.¹³³ Substantívum *okrojka* je – podobne ako dial. **okrojok** „1. krájaním al. rezaním oddelená časť repy (s listami), zemiaka (s klíčkom), tekvice ap.; 2. zvyšok mäsa pri krájaní, odrezok“¹³⁴ – nepochybne odvodené od slovesa typu *o-krojiti*,¹³⁵ ak by dial. *okrafka* malo byť variantom výrazu *okrojka*, bolo by tu potrebné predpokladať nepravidelný (a podľa nášho názoru málo pravdepodobný) hľáskový vývin *ojk* > *afk*. Reálnejšia je zrejme možnosť, že dial. *okrafka* je odvodené od dial. *okrávať*¹ „1. krájaním odstraňovať šupku, okrajovať; 2. rozkrajovať na časti“, známeho z východoslovenských, resp. spišských nárečí.¹³⁶ Adekvátnou štandardizáciou príslušného výrazu je v takom prípade **okrávka**.¹³⁷

* * *

Cieľom našich marginálií k 2. zväzku *Slovníka slovenských nárečí* nie je znižovať prínos tohto fundamentálneho diela slovenskej dialektológie. V predloženej štúdii sme podnikli akési prvotné etymologické sondy do nesmierne bohatého lexikálneho materiálu ďalšieho zväzku SSN; veríme, že zároveň sme opäťovne poukázali na význam, aký môžu mať poznatky etymologického charakteru aj pre nárečovú lexikografiu.

Bibliografia

ANIKIN, Alexandr Jevgenievič: Russkij etimologičeskij slovar. Moskva: Rukopisnyje pamiatniki Drevnej Rusi 2007 n.

BARTAL, Antonius: Glossarium mediæ et infimæ Latinitatis Regni Hungariae. Lipsiæ: in ædibus B. G. Teubneri – Budapestini: sumptibus Societatis Franklinianæ 1901 (reprint Budapest: Az Állami Könyvterjesztő Vállalat 1983). XXVIII + 724 s.

¹³² SSN I, s. 748, s. v. *kapsa*.

¹³³ SSN II, s. 596; doklady: Spišský Štvrtok, Hradisko, okr. Levoča.

¹³⁴ SSN II, tamže.

¹³⁵ SSN ani slovníky súčasného spisovného jazyka toto sloveso neuvádzajú; porov. však HSSJ III, s. 281: *okrojený* „dookola vykrojený“ (doklad z Receptára turčianskeho, 17. stor.); Bernolák III, s. 1903: *okrogení* „circumcisus...“, *Okrogeň* „circumcisio...“.

¹³⁶ SSN II, s. 595.

¹³⁷ K etymologickej problematike výrazu porov. Sławski III (1969), s. 69 – 70, s. v. *-krawać*; ESSJa XII (1985), s. 110, s. v. **kravъcь*/**krajavъcь*.

BERNOLÁK, Antonius: Slowár Slowenskí Česko-Laťinsko-Ňemecko-Uherskí. Budae, typis et sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae 1825. 5 zv.

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm (voľne prístupná online verzia: <http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/dwb/wbgui>).

ERNOVÁ, Alfred – MEILLET, Antoine: Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la 4^e édition augmentée d'additions et de corrections par Jacques André. Paris: Klincksieck 2001. XX + 834 s.

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha: Academia 1989 n.

ESSJa – Etimologičeskij slovar slavianskikh jazykov. Praslavianskij lexičeskij fond. Moskva: Nauka 1974 n.

ESUM – Etymoložičnyj slovnyk ukrajinskoij movy. Kyjiv: Naukova dumka 1982 n.

EWU – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest: Akadémiai Kiadó 1992 – 1997. 3 zv.

HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka. Bratislava: Veda 1991 – 2007. 7 zv.

KÁLAL, Miroslav: Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. (Slovensko-český differenciál.) Banská Bystrica: tlačou Slovenskej Grafie 1923. 1112 s.

KOPEČNÝ, František: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek I: Předložky, koncové partikule. Praha: Academia 1973. 348 s.

KRAJČOVIČ, Rudolf: Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1988. 344 s.

KRÁLIK, Ľubor: Nárečová lexikografia a etymológia (na materiáli 1. zväzku Slovníka slovenských nárečí). In: Tradícia v slove, slovo v tradícii (Inšpiratívny Jozef R. Nižnanský). Bratislava: Veda 2007, s. 45 – 49.

KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka. 4., doplnené a upravené vyd. Bratislava: Veda 2003. 988 s.

KURKINA, Ľubov Viktorovna: Južnoslavianskije etimologii (**kujati*/**kaviti* i **kъvati*/**kyvati*; **mug*-/**mъž*; **plesmo*, **ob-pletъ*; **pokati*, **pоčiti*/**pęciti*; **kujb*/**kuja*; **tulъ*, **tylb*, **tvelъ*). In: Etimologija 1982. Moskva: Nauka 1985, s. 13 – 24.

LIV – Lexikon der indogermanischen Verben. 2., erweiterte und verbesserte Aufl. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag 2001. 824 s.

MACHEK, Václav: Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd 1957. 628 s.

MISTRÍK, Jozef: Retrográdny slovník slovenčiny. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave 1976. 736 s.

MNYTESZ – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest: Akadémiai Kiadó 1967 – 1984. 4 zv.

ORLOVSKÝ, Jozef: Gemerský nárečový slovník. Martin: Vyd. Osveta 1982. 424 s.

PALKOVIČ, Konštantín: Spoluľásková skupina šť v slovenčine. In: Kultúra slova, 1979, roč. 13, č. 3, s. 79 – 82.

POKORNY, Julius: Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern – München: A. Francke AG Verlag 1959 – 1969. 2 zv.

ROCCHI, Luciano: Hungarian Loanwords in the Slovak Language. Trieste: Università degli studi di Trieste 1999 n.

SEDLÁČEK, Jan: Stručná mluvnice srbocharváštiny. Praha: Academia 1989. 272 s.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Academia 1966 – 1997 (reprint Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta 2006). 4 zv.

SŁAWSKI, Franciszek: Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków 1952 n.

SP – Słownik prasłowiański. Wrocław etc. 1974 n.

SSJ – Slovník slovenského jazyka. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1959 – 1968. 6 zv.

SSN – Slovník slovenských nárečí. Bratislava: Veda 1994 n.

STANISLAV, Ján: Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. 3., doplnené vyd. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1967. 708 s.

TLFI – Trésor de la Langue Française Informatisé (voľne prístupná online verzia: <http://atilf.atilf.fr>).

ÚMT – Új magyar tájszótár. Budapest: Akadémiai Kiadó 1979 n.

VAILLANT, André: Grammaire comparée des langues slaves. III. Le verbe. Paris: Klincksieck 1966. 578 s.

VAILLANT, André: Grammaire comparée des langues slaves. IV. La formation des noms. Paris: Klincksieck 1974. 810 s.

Spracovanie pradiarskych a tkáčskych termínov v *Slovníku slovenských nárečí**

Katarína Balleková

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava

Treatment of Spinning and Weaving Terminology
in the *Dictionary of Slovak Dialects*

Our research was focused on an analysing of a dialect lexicon that has got a character of terminological system in a defined subject field. The Slovak dialect lexicon we studied as closed, relict and perishing system of live territorial dialects in a context of national language. Analysing the lexicon from the sphere of traditional spinning and weaving treated in *Dictionary of Slovak Dialects* we tried to adopt a demand of professional nomenclature in the standardized explanation. At the same time we referred to difficulties in observation of the conception of *Dictionary of Slovak Dialects* and lexicographical methods in a team consisting of more authors.

In the present time a modern excerpt from electronic databases by means of search programme developed for lexicographical needs in the Ľudovít Štúr Linguistic Institute of the Slovak Academy of Sciences supports and supplies the archive database, so it helps (together with an editor's assessing) in elimination of conceptual inconsistency in elaboration of new volumes of the dictionary, too.

Výskum bol zameraný na analyzovanie nárečovej slovnej zásoby, ktorá má vlastnosti terminologického systému vo vymedzenom vecnovýznamovom okruhu. Slovenskú nárečovú lexiku sme skúmali ako uzavretý, reliktný, zanikajúci systém živých teritoriálnych dialektov v kontexte národného jazyka.

Dnes patrí domáca pradiarska a textilná výroba na Slovensku už k reliktným kultúrnym javom¹, o ktorom môžu z autopsie vypovedať len najstarší informátori (80- a viacroční), hoci ešte v 50. rokoch 20. stor. patrili tieto činnosti medzi základné doplnkové zamestnania v rurálnom prostredí. Rozvoj priemyselného textilníctva v mestských centrach v šesdesiatych rokoch 20. stor. priviedol domácu výrobu plátna a súkna k zániku a so zanikajúcimi reáliami sa do periférnej vrstvy slovnej zásoby dostáva i nárečová pradiarska a tkáčska terminológia domácej výroby. Pomenovania a termíny na označenie zanikajúcich reálií sa u používateľov jazyka dostávajú postupne do pasívnej slovnej zásoby (v generácii, ktorá terminologický systém poznala) až zanikajú, príp. sa v lokalite významy terminologizovaných lexičálnych jednotiek vôbec nepoznajú. (Niektoré činnosti si vyžadovali špecializáciu alebo pravidelnú skúsenosť, napr. snovanie priadze, navíjanie osnovy na krosná, ktorá sa však už v pamäti informátorov – ani tej jazykovej – neodrazila.)

Viaceré skúsenosti z našej doterajšej výskumnej a lexicografickej praxe nás upozorňujú na to, že v odborných textových komunikátoch je ziaduce odlišovanie a náležité uplatňovanie jazykových prostriedkov (týkajúcich sa skúmaného tematického

* Štúdia vznikla v rámci riešenia projektu VEGA č. 2/0028/08 *Slovník slovenských nárečí III*.

¹ Neberieme do úvahy proces revitalizácie tradičného tkáčstva v novodobých výrobných a hospodárskych vzťahoch a organizovaných formách, napr. prostredníctvom Ústredia ľudovej umeleckej výroby (ÚĽUV).

okruhu). Ich revidované využívanie si vyžaduje erudíciu, ktorá sa dá nadobudnúť výskumnou praxou v nárečovom teréne, pri práci s archívnym materiálom, štúdiom literatúry (pramennej i odbornej), ale i kritickým pohľadom na ne.

Pri analýze lexiky z oblasti tradičného pradiarstva a tkáčstva formou lexikografického spracovania v *Slovníku slovenských nárečí* (ďalej SSN) sme sa pokúsili adaptovať požiadavku odborného názvoslovia v typizovanom výklade opisom, resp. spisovným ekvivalentom, ak takýto existuje. Analyzovali sme približne 250 existujúcich terminologických lexikálnych jednotiek v 1. a 2. zv. SSN.

V našich poznámkach rozdelených do viacerých skupín poukazujeme na nejednotnosť autorských riešení, ktoré sa mohli eliminovať pri redakčnom posudzovaní celostného konceptu (ked' elektronická databáza na vyhľadávanie v nárečovom korpusе, vznikajúca v neskoršom období, nebola pre dialektologický slovník k dispozícii), alebo (po elektronizácii projektu SSN II) sa mohli prijať zjednocujúce „alternatívne“ riešenia. K unifikovaniu lexikografických riešení pre SSN, a tak k napĺňaniu a dotváraniu koncepcie, prispieva aj novoprijaté kolektívne posudzovanie autorských rukopisov v rámci tvorivého procesu pre koncept 3. zväzku SSN (pod vedením novej vedeckej redaktorky A. Ferencíkovej a po zohľadnení etymologických kritérií, ktoré redakčne navrhuje Ľ. Králik).

1. Najväčší problém pri lexikografickom spracovaní výkladu opisom v analyzovanej tematickej oblasti (ale aj v SSN všeobecne) vzniká v **neuplatňovaní** typizovaného výkladu pre heteronymné lexikálne jednotky (t. j. nevyužíva sa totožný, resp. príbuzný výklad významu krajových synoným). Autorský i redakčný tím uplatňoval v publikovaných zväzkoch slovníka rozličný prístup vykladania významu lexikálnych jednotiek, resp. nesnažil sa o typizáciu opisného výkladu nárečových heteroným. V koncepcii SSN (s. 34) sa píše: „Výklad významov je filologický. [...] SSN neprináša exaktné vedecké definície, ale pri vysvetľovaní niektorých úzko špecializovaných významov lexikálnych jednotiek sa podľa potreby využíva aj podrobnejší výklad encyklopédického rázu.“ Vytypované príklady na spracovanie výkladu spoľočných (resp. príbuzných) lexikálno-sémantických významov² dokumentujú nejednotnosť lexikografických riešení. Napr. skupina lexikálnych heteroným česačka, česadlo, hachľa, hachel' (s expresívnymi derivátmami hachlička, hachlisko), opačesovačka, pačesovačka, pačieska, pačiesok (heteronymický rad by mohli doplniť napr. lexikálne jednotky česaňa, česadlica, driapačka, odieračka, očesovačka, počesovačka, strhávačka, vytieračka, pohládzaciačka, šteť, štetka, pačesná šteť, zrebná šteť, železná štetka, železnica, hrebeň, hrebence, hrebienky, hrebenčeky, ježko, koník, raf, gracka, zubadlo, krampl'a, krample, krampl'ovačka a i.) sa v SSN opisne vykladá nasledovnými spôsobmi:

- s. v. česačka ,nástroj na česanie konopného a ľanového vlákna, šteť‘;
- s. v. česadlo ,nástroj na česanie konopného a ľanového vlákna, šteť‘;
- s. v. hachľa i hachel' v 1. význ. ,štetť z ostrých dlhých, kovaných klincov na česanie konopí‘;
- s. v. opačesovačka ,nástroj na vyčesávanie ľanových vláken‘;
- s. v. pačesovačka ,hustá šteť na odstraňovanie pačesov (menej kvalitného vlákna)‘;
- s. v. pačieska i pačiesok ,nástroj na odstraňovanie pačesov (menej kvalitného vlákna)‘;
- s. v. pohládzaciačka ,hustejšia šteť na druhé česanie, vyhládzanie konopného vlákna‘.

² Uvádzame len príklady vybraných výkladov z jedného terminologického okruhu so spoločnou lexémou alebo semémou (pri viacvýznamových nárečových slovách).

Žiaduce by bolo uviesť (zovšeobecňujúci) „alternatívny“ výklad významu „nástroj na česanie konopného a ľanového vlákna, šteľ“, resp. „nástroj na česanie vlny, šteľ s možným fakultatívnym sémantizačným spresnením, (menej kvalitného; najkvalitnejšieho; vlákna 1. triedy)“.

Na ilustráciu doplníme zo SSN výklad 3. významu pri príbužnom lexikálnom termíne zo slovesnej triedy: s. v. **česaf**, čistiť a vyhládzafať ľanové, konopné vlákno al. vlnu. Žiaduce by bolo pre slovesnú skupinu heteroným uviesť „alternatívny“ výklad významu „čistiť ľanové, konopné vlákno al. vlnu na štetie“ s možným fakultatívnym sémantizačným spresnením.

Podobne nejednotne – prihliadajúc na špecifický druh výkladu – sa v SSN spracovali nasledovné menné lexikálne jednotky (substantívne, substantivizované, adjektívne termíny):

- s. v. **deviatne**, druh brda na istú šírku plátnej;
- s. v. **dvanástne** v 1. význame, druh tenšieho plátna z čistej priadze: *Hantúchi som pošila z dvanáctního* (Sirk REV); *Na uteráki bolo aj na tenší napradelené, to bolo dvanásne* (Svätoplukovo NIT);
- v 2. význame, druh brda: *dvanáctnva* (Hostišovce RS);
- s. v. **dvanástnica** v 2. význame, druh brda: *Tkani pokrovci široki podľa toho, u jakim bardze su tkani; jezd dvanacnica i šternacnica* (Brezina TRB);
- s. v. **jedenástny** tkáč. v spoj. *jedenásne plátno* (Návojovce TOP) – „doma tkané plátno podľa istej šírky brda“;
- s. v. **plátno** v ustálených terminologických spojeniach [...] *d'evenné plátno* (Návojovce TOP), *dzesatňie plátno* (Podmanín PB), *jedenásne plátno* (Návojovce TOP), *dvanástné plátno* (Brestovec MYJ), *štŕnastné plátno* (Brestovec MYJ) – „druhy plátna podľa šírky“.

Žiaduce by bolo pre mennú skupinu heteroným uviesť „alternatívny“ výklad významu „druh brda“ s možným fakultatívnym sémantizačným spresnením „(užšieho; širšieho)“, resp. „druh plátnej podľa šírky brda“.

Analogicky (bez využitia typizovaného výkladu, zohľadňujúc pri príkladoch aj špecifickosť realie a jej jazykový obraz) sa v SSN spracovali napr. príbužné heslá **materný, poskonný, poskonky** a ī.:

- s. v. **materný**, samičí (len o rastlinách);
- s. v. **poskonný**, majúci prašníkové, samičie kvety (o konopiach);
- s. v. **poskonky**, konope majúce prašníkové samičie kvety.

2. Úskalia sa ukázali vo využívaní vecných kvalifikátorov.

V teoretickej časti SSN sa prijalo také koncepčné riešenie, podľa ktorého sa v slovníku spracúva nárečová slovná zásoba všeobecná (bez využitia kvalifikátorov, napr. všeobecná – pre agrárne zamestnania, doplnkové činnosti neremeselníckeho charakteru a ī.) alebo špecifická pre isté vecné okruhy (pričom kvalifikátor určuje bližšie sféru využitia lexémy, napr. tkáč., brdár., remes. v oblasti ľudových remesiel). „Súčasťou tradičného nárečia je aj ľudová terminológia, ktorá nesie jeho typické hláskoslovné a tvaroslovné znaky a podlieha systémovým zmenám. V SSN sa za ľudovú terminológiu vo vlastnom zmysle slova pokladá terminológia ľudovej (domácej či domácej, nie profesionálnej výroby, ktorá sa v slovníku spracúva bez obmedzenia“ (SSN I, s. 20). V súvislosti so skúmanou témom spracovania konopí, ľanu a vlny sa vynára otázka uplatnenia kvalifikátorov, odkazujúcich či vykladajúcich jazykovú oblasť využitia termínu. V zozname skratiek v SSN I (s. 44 – 46) sa vy-

skytuje skratka tkáč. dopĺňajúca výklad termínov z oblasti domáckeho remeselného tkáčstva, t. j. terminologické jednotky označujúce reálne z vecného okruhu prípravy priadze na tkanie a samotného tkáčstva. Ako by sa však označili nárečové termíny, ktoré pomenúvajú reálne od pestovania až po spracovanie priadnych rastlín a vlny, ďalej oblasť pradiarstva a doplnkové tkanie plátna rozšírené takmer celoslovensky? Na sprievodný výklad takýchto termínov nie je skratka vecného kvalifikátora tkáč. vhodná, a iná v inventári absentuje. Ako ukazuje lexikálny materiál v nárečovom slovníku, spracovanie nárečových termínov z oblasti tradičného pradiarstva a tkáčstva je nejednotné a rozchádza sa s koncepciou. Domnievame sa, že všetky lexikálne jednotky ako jednotky istej lexikálno-sémantickej kategórie zo skúmaného vecného okruhu sa mali chápať ako súčasť všeobecnej ľudovej terminológie bez ďalšieho spresňovania výkladu vecným kvalifikátorom³. Kvalifikátory tkáč., brdár., resp. remes., by sa potom jednotne využívali na časť nárečovej lexiky spojenej s tradičnou remeselnou výrobou⁴ (porov. SSN I, s. 34).

Uvádzané skupiny príkladov dokladajú rozdielnosť riešení, ako sa v SSN využíval inventár vecných kvalifikátorov v skúmanom terminologickom okruhu, ktoré plnia fakultatívnu funkciu sémantického výkladu priadením.

2.1. Výklad významu nepotrebuje doplnenie kvalifikátorom

Pri opisnom výklade významov jednotlivých lexém alebo semém nie sú (nemajú byť) zastúpené vecné kvalifikátory (v zmysle koncepcie SSN).

- s. v. **nabraf** dok. [...] 5. strsl, vsl „navliecť nite cez očká nitelníc na krosnách“: *To si tag naberú do brda* (Dobrá Niva ZVO); *Priadza sa potom do riňel'ňidz naberie* (Šahy); *Jak še nabralo do tich štiroh ňičelňicoch, tak še naberalo do barda* (Kokšov-Bakša KOŠ); *No zname nabradz do ňičel'ňicoh abo nasnovadz i pokrovci zoz vzorku* (Brezina TRB); *nabrad' do brda* (Lipt. Trnovec LM);
- s. v. **baba**² ž. [...] 11. or „čerstvo nadetý ľan al. konope priviazané šnúrkou na praslicu“: *Nad'ela som veľkú babu na kúd'el', id'em präst'* (Krivá DK) 12. jor obyč. mn. č. „druh konopí“: *Nasäli zme babi na semeno* (Žaškov DK);
- s. v. **barbora** ž. [...] 2. jtureň „popúšťacia západka do kolesa na konci horného návoja; kľuka na krosnách“: *Barboru vám môžem ukázať, tam je hore* (Kubrica TRČ);
- s. v. **ohlávka** ž. [...] 3. tkáč. „súčasť krosien, povrázok na uvoľňovanie barana a návoja“: *Ohlávka uvolní barboru aj návoj* (Chocholná TRČ); *ohláfka na krosnách* (Myjava);
- s. v. **obrva** ž. [...] 3. tkáč. „tyčka brda pokrytá dratvou“: *obrva* (Hostišovce RS) 4. tkáč. „časť nitelnice“: *obrva* (Švermovo BRE, Teplý Vrch RS);
- s. v. **osemný** príd. tkáč. v spoj. *osemné plátno* (Návojovce TOP) – „domáce plátno majúce šírku podľa šírky použitého brda“;
- s. v. **osempásmovej** príd. [...] tkáč. v spoj. *osempasnové plátno* (Podmanín PB) – „domáce plátno majúce šírku brda“.

³ Tento spôsob vykladania ľudových termínov bez kvalifikátora uvádzajú koncepciu SSN na príkladoch na s. 35 (heslo **hachľa**) a na s. 36 (heslo **lámať**).

⁴ Tradičné domáce spracovanie ľanu a konopí, následne výroba plátna boli na Slovensku rozvinuté najmä na Kysuciach, Orave, v Liptove, na Spiši, v Šariši, miestami v Gemeri a i. Naopak, remeselní tkáči ako najchudobnejší remeselníci sa koncentrovali v slovensko-moravskom pohraničí (v okolí Senice, Myjav, Bratislav), v okolí Topoľčian, na Žitnom ostrove (v okolí Nových Zámkov, Komárn), v okolí Bardejova – podľa EAS, s. 27, IV. kapitola Remeslá, mapa 22. Výroba plátna; ELKS, s. v. tkáčstvo.

2.2. Výklad významu je potrebné doplniť kvalifikátorom

Pri opisnom výklade významov jednotlivých lexém alebo semém sa vyžaduje vecný kvalifikátor (v zmysle koncepcie SSN). Ten by mal byť pre totožný významový okruh jednotný, keďže kvalifikátor určuje bližšie sféru využitia lexémy (tu brd. pre reálne z tradičného brdárskeho remesla⁵).

- s. v. **brdeník** m., brdárska dratva: *brdänik* (Hnúšta RS);
- s. v. **mara** ž. [...] , rázsoška, ktorá sa používa v brdárstve: *mara* (Hnúšta RS)
- s. v. **mendík**² m. brd. , drevána tyč so štyrmi výrezmi na koncoch, do ktorých sa ukladajú prútky: *mändžik* (Sirk REV);
- s. v. **mišo** m. 1. remes. , druh brdárskej rázsošky: *mišo* (Drienčany RS).

Na tomto mieste nekomentujeme spracovanie opisných výkladov.

3. Spracovanie heslových slov a ich fonetických variantov, (následne) ani lexikografické odkazovanie nezohľadnilo morfológické (pravidelné či nepravidelné) alternácie v jednotlivých dialektoch a (ojedinele) povýšilo jednotlivosť na lexikalizovaný tvar „hodný“ samostatného heslového spracovania. Nedôslednosť sa ukazuje napr. v skupine derivátov zvolených ako heslové výrazy: s. v. **pačesy**, **pačesat** (s nepravidelným variantom *pačiesat* Bošáca TRČ, Haluzice TRČ), **pačesný**¹, **pačesovačka**, **pače-sovať**, deminutívne podoby **pačesky** (namiesto štandardizovaného absentujúceho tvaru *pačiesky*, spracovaného „len“ ako odkazové heslo), **pačeskový**, **pačiesko** (do-kladané variantom *pačiesko* Bošáca TRČ), **pačieska**, **pačiesok**.

Domnievame sa, že vytvorenie štandardizovaných heslových výrazov **podskon**, **podskonča** (SSN II, s. 896) zo severooravskej expresívnej podoby *pockon*, *pockonča*⁶ sa neopieralo o zákonitosť prebiehajúce v nárečiach ani o dostupnú odbornú literatúru, ktorá by poskytla dobré východisko pre štandardizáciu. Uvedené nárečové lexémy s významom „dvanásť-trinásťročný výrastok (chlapec i dievča)“ obsahujú sému „predčasne vyrastený, bujný, rýchlejšieho rastu, rýchlejšie dospievajúci“, čo má úzku významovú súvislosť so spisovným dvojslovným pomenovaním pre samčiu rastlinu konopy siatej, ktorá sa trhá v kvete, t. j. *poskonné konope*, a jeho slovotvornými derivátm⁷.

4. Lexikálne jednotlivosti, napr. z dotazníkového materiálu pre Atlas slovenského jazyka (ďalej ASJ), sa všetky nesprievodili (išlo napr. o nedostatočné materiálové zastúpenie, autorskú ne-/odbornosť pri revidovaní prameňov), lexémy môžu následne absentovať v konfrontačnom lingvistickom i medziodborovom štúdiu, napr. *forky*⁸, *furča* verzus *fardaňa* – sémanticky príbuzná lexéma „vidlicovité (rázsoškové,

⁵ Tradičné brdárstvo bolo rozšírené na Slovensku najmä v oblasti Gemera (podľa Prasličková, 1965), o čom svedčí aj zastúpenie exemplifikačných dokladov zo SSN.

⁶ Exemplifikácia v SSN II: *Virastnúl s ňeho pockon, ale raz bud'e aj mládeňec* (Brezovica TRS); *Akuo je s ňeho pockonča, už rastie, bud'e s ňeho d'ieťka!* (Brezovica TRS); *Ve_to ešte ňie d'ieťka, ale iba pockon!* (Or. Biely Potok TRS).

⁷ O ďalších fonetických obmenách či heteronymách ustáleného spojenia *poskonné konope* písala napr. A. Ferenčíková v článku Konopa, konopa, zelená konopa (Zo studnice..., 2005, s. 207); pozri aj SSN II, s. v. **poskonné** s uvedenými fonetickými variantmi *poskomní*, *poskolní*, *poskorní*, *poskorení*, *poschoní*, *ploskomní*; ale aj *poskovné konope* (Zliechov ILA), *pockonné konope* (Košecké Podhradie ILA) (Balleková, 2009, s. 75).

⁸ V SSN I (s. 456) spracované z východoslovenských nárečí len vo význame „druh vidiel s tupými Zubmi“. Iný prameň (Buffa, 2004, s. 77, 79) uvádzá spracovanie šarišských nárečových lexém: „*forki* pomn. druh vidiel: *Forki, to take huste vidli tarasarske (šar)*“, „*furča* ž. pomôcka na vynášanie hnoja z maštale (ZŠ)“.

obyčajne zo samorastu) náradie na pradenie, druganie, t. j. druga“ (z lat. furca) (porov. vyplnený *Dotazník pre výskum slovenských nárečí II*, 1. časť, Habovštiak – Buffa, 1964; rkp. mapy k lexikálnemu zväzku ASJ, č. 475, 479).

5. V citátových dokladoch je dostatok pramenného nárečového materiálu, ktorý nemá na uvádzanom mieste v slovníku vlastné heslové spracovanie či heslovú stať (alebo sa predmetný lexikálny materiál terminologického charakteru spracúva na inom mieste slovníka⁹). Aj takáto zemepisne identifikovateľná exemplifikačná jednotka spĺňa atribúty istého druhu výkladu, keď sa exemplifikácia využíva ako jeden zo spôsobov sémantizácie (porov. SSN I, s. 36).

Moderná excerptia elektronických databáz¹⁰ formou vyhľadávača¹¹ naprogramovaného pre lexikografické potreby Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV v súčasnosti podporuje a dopĺňa archívnu lístkovú a textovú databázu a zároveň pomáha (okrem redakčného posúdenia pripravovaných konceptov) eliminovať koncepčné nedôslednosti pri tvorbe nových zväzkov slovníka. Elektronická excerptia formou vyhľadávača *egrep* a *grep32* pre slovníky koncipované v Jazykovednom ústave Ľ. Štúra SAV pomáha odstraňovať 1. nedostatok materiálu v lístkovniciach, 2. chybivosť pri spracovaní – vecnú autorskú i formálnu koncepčnú. Pomáha graficky zblížovať tematicky príbuzné lexémy v lexikografickom spracovaní a porovnávať správnosť lexikografických riešení. Tým sa môže odhaliť koncepčná nejednotnosť, odlišnosť a pod. Nanajvýš je žiaduce sprístupniť ďalší možný vyhľadávač na segmentovú identifikáciu (napr. podľa gramatických, štýlistických, vecných kvalifikátorov, podľa slovotvorných morfém, podľa lokalít a i.), ktorý sa už naplno využíva v iných projektoch, v SSN pre špecifickosť grafického záznamu (zjednodušenou fonetickou transkripciou) je zatiaľ nesprístupnený. V neposlednom rade by si mal aj zapracovaný a skúsený autorský kolektív, dopĺňaný novými členmi, osvojiť pri tvorivej práci nad slovníkom nielen koncepciu a lexikografickú teóriu, ale aj moderné pracovné nástroje a techniky, samozrejme, popri tradičných oveřených metódach práce.

Poznámky k spracovaniu pradiarskych a tkáčskych termínov v SSN nemajú ambíciu ponúkať jediné správne riešenie. Slovník sa v odborných a laických kruhoch prezentuje svojou kvalitou i napĺňaním teoretických východísk (ale aj obľúbenosťou a „čitateľnosťou“). Ako spoluautorka 2. a 3. zväzku nárečového slovníka poukazu-

⁹ Porov. napr. exemplifikáciu v SSN: *Na spodek močidla* dal'i kraki, žebi konope řeprišli do mulu (Dlhá Lúka BAR), s. v. **múľ**, **muľa**¹ i **muľo**¹; *Najprv sa dali dokopí dve ňiť na jenno klipko a mokré sa presukovali* (Veľká Maňa VRB), s. v. **mokrý**; *V močillah bívali konope najmén dva tínne* (Trakovice HLO), s. v. **najmenej** i **najmieň**.

¹⁰ Elektronickú databázu tvorí interná elektronická verzia publikovaných i pripravovaných zväzkov nárečového slovníka SSN a vznikajúci, neustále dopĺňaný korpus súvislých nárečových textov, obsahujúci foneticky prepísaný (vytypovaný) pramenný materiál (dnes predovšetkým) zo stredoslovenského nárečového makroareálu.

¹¹ Do vyhľadávača sa zadá reťazec znakov obsahujúci medzi iným aj želaný tvar slova, resp. jeho časť. Pri nárečovej lexéme musí lexikograf dialektológ poznáť a mechanicky (zas a znova) správne v reťazci nastaviť jej možné fonetické, morfológické, slovotvorné či lexikálne varianty. Výsledkom vyhľadávania je identifikovateľný niekoľkoslovny kontext alebo niekoľkoriadkové okolie hľadaného tvaru slova vo viacerých výskytoch v databáze.

jem na rôznorodosť lexikografických riešení jednotlivých autorov tvorivého kolektívu i redaktorov, pričom úvahy smerujú najmä k autorskému kolektívu, ako unifikovať v budúcnosti lexikografické riešenia a naplňať koncepciu v mnohom priekopníckeho, uznaného diela slovenskej dialektológie, akým *Slovník slovenských nárečí* bezpochyby je. Týmto slovníkom zastáva slovenská lingvistická lexikografia (spolu s ďalšími dielami pripravenými či vznikajúcimi na pôde jazykovedného ústavu) viditeľné významné miesto na poli slavistiky, v medziodborových výskumoch, ba i v širšom slavistickom bádaní.

Bibliografia

- BALLEKOVÁ, Katarína: Ondreju, Ondreju, d'e konope sejú. In: Kultúra slova, 1997, 31, č. 3, s. 165 – 171.
- BALLEKOVÁ, Katarína: Lexikálna sémantika pradiarskej a tkáčskej terminológie. In: VARIO VI. Zborník zo VI. kolokvia mladých jazykovedcov (Modra-Piesok 27. – 29. 11. 1996). Zost. M. Nábělková. Bratislava: SJS pri SAV 1997, s. 173 – 186.
- BALLEKOVÁ, Katarína: Ľudová pradiarska a tkáčska terminológia ako základ odbornej terminológie v spisovnom jazyku. In: Nárečia a národný jazyk. Materiály z medzinárodnej vedeckej konferencie (Budmerice 24. – 26. septembra 1997). Ed. A. Ferenčíková. Bratislava: Veda 1999, s. 309 – 314.
- BALLEKOVÁ, Katarína: Nárečová terminológia spracovania priádnych vláken v Zliechove a okolí. Dizertačná práca. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV 2009, 170 s. + prílohy.
- BUFFA, Ferdinand: Slovník šarišských nárečí. Prešov: Náuka 2004. 350 s.
- Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. 1., 2. zv. Red. J. Botík – P. Slavkovský. Bratislava: Veda 1995. 484 + 448 s. (EĽKS)
- Etnografický atlas Slovenska. Ved. red. S. Kovačevičová. Bratislava: Veda 1990. (EAS)
- NIŽNANSKÝ, Jozef R.: Nárečová terminológia, jej výskum a spracovanie v rámci celonárečového výskumu. In: Slovenská reč, 1990, 55, č. 3, s. 155 – 164.
- NIŽNANSKÝ, Jozef R.: Terminologická vrstva lexiky v Slovníku slovenských nárečí. In: Slovenská reč, 1984, 49, č. 2, s. 84 – 96.
- PRASLIČKOVÁ, Mária: Brdárstvo v západnom Gemeri. In: Slovenský národopis, 1965, 13, s. 322 – 392.
- Slovník slovenských nárečí. Ukážkový zväzok. Red. I. Ripka. Bratislava: Veda 1980. 284 s. (UZSSN)
- Slovník slovenských nárečí. 1. zv. A – K. Ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda 1994. 936 s. (SSN I)
- Slovník slovenských nárečí. 2. zv. L – P (povzchádzat). Ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda 2006. 1066 s. (SSN II)
- Zo studnici rodnej reči. Ed. K. Balleková – M. Smatana. Bratislava: Veda 2005. 336 s.

Koncepcná príprava a lexikografické spracovanie dvojzväzkového *Teologického a náboženského slovníka*

Štefan Vragaš

Rímskokatolícka Cyrilo-metodská bohoslovecká fakulta UK, Bratislava

Konzeptionverarbeitung und ihre lexikographische Bearbeitung des zweibändigen Wörterbuchs *Teologický a náboženský slovník*

Das in der slowakischen Sprache zweibändige Wörterbuch unter dem Titel *Teologický a náboženský slovník. I. diel A – K; II. diel L – Ž* ist ein Werk des pedagogischen Autorenkollektivs an der Cyril-Method theologischen Fakultät der Komensky's Universität in Bratislava in Bezug auf das wissenschaftliche Projekt VEGA. Dieses Wörterbuch ist in der Tat eine bahnbrechende Publikation auf dem Gebiet der theologischen Forschung in der Slowakei, nachdem sich mit dem politischen Umbruch und mit der Gewinnung der religiösen Freiheit die reale Chance zu forschen und zu publizieren gezeigt hat. *Teologický a náboženský slovník* (Das theologische und religiöse Wörterbuch) umfasst und erläutert die Bedeutung des gegenwärtig gebrauchten theologischen und religiösen Wortschatzes von einzelnen theologischen Disziplinen, wie etwa: Bibelwissenschaft, Dogmatik, Moraltheologie usw.

Dieses herausgegebene Wörterbuch (der erste Band im Jahre 2006 und der zweite im Jahre 2008 in Verein des Hl. Adalbert in Trnava) kann in erster Linie den Theologiestudenten und Professoren, aber auch den pastortätigen Priestern empfohlen werden, aber auch allen, die sich für die Lehre der Kirche interessieren und ebenso denen, die ein praktisches religiöses Leben führen wollen.

Vo svojom príspevku z príležitosti jubilea jazykovedkyne a zaslúžilej vedeckej pracovníčky v oblasti dialektológie prom. fil. Adriany Ferenčíkovej, CSc., chcem zamerať svoju pozornosť na problematiku publikovaného dvojzväzkového *Teologickeho a náboženského slovníka. I. diel A – K a II. diel L – Ž*¹ pred nedávny časom.

Ide o dielo autorského kolektívu Rímskokatolíckej Cyrilo-metodskej bohosloveckej fakulty UK v Bratislave a je rezultátom vedeckého projektu Vedeckej grantovej agentúry Ministerstva školstva SR a SAV (VEGA). Podnet na spracovanie tohto vedeckého grantového projektu vyšiel z iniciatívy pisateľa týchto riadkov, zastávajúceho funkciu prodekanu. V počiatoknej fáze príprav tohto slovníka bolo treba vybaviť administratívnu agendu grantu a zároveň stanoviť základnú charakteristiku a zásady lexikografického spracovania. Do celkovej štruktúry spracovania grantu bol začlenený tento kolektív autorov: do I. dielu prof. V. Judák, ThLic. M. Gavenda, prof. F. Vnuk a prof. Š. Vragaš (vedúci projektu a hlavný redaktor); do II. dielu ThDr. M. Chovanec, prof. K. Bošmanský, prof. J. Krupa, prof. F. Vnuk a prof. Š. Vragaš.

Po novembri 1989, keď sa na Slovensku opäť obnovilo základné ľudské právo náboženskej slobody, zreteľne sa pocítoval nedostatok náboženskej a teologickej

¹ Teologický a náboženský slovník. I. diel A – K a II. diel L – Ž. Trnava: Spolok sv. Vojtech, 1. diel v r. 2006; 2. diel v r. 2008.

literatúry. Predošlá štyridsaťročná radikálna ateizácia totiž nepripustila nijakú alternatívu teologického bádania, náboženskej katechézy a publikovania časopisov a kníh. No ako perličku tu možno spomenúť *Malý teologický lexikón*, ktorý vyšiel v obmedzenom náklade v r. 1977 vo vydavateľstve Spolku sv. Vojtecha a pod egi-dou mierového hnutia „Pacem in terris“ a, prirodzene, za vtedajšej cenzúry tlačo-vého dozoru.²

Krátkemu a poplatnému Úvodu v tomto slovníku netreba pripisovať osobitnú väžnosť, zatiaľ čo abecedné zostavenie náboženských termínov, výrazov a hesiel z väčšej časti podáva čitateľovi základnú a z náboženského hľadiska priateľnú informáciu. Možno azda namietať proti použitiu výrazu „lexikón“ v názve slovníka, pretože slovom „lexikón“ označujeme náučné slovníky poskytujúce rozsiahlejšie po-učenia a súvislosti, a tým *Malý teologický lexikón* nie je.

V r. 1992 slovenský biblista prof. Jozef Heriban publikuje slovník encyklopédického zamerania pod názvom *Príručný lexikón biblických vied*. Vydal ho Slovenský ústav v Ríme – Clevelande a neskôr vyšiel v ďalších vydaniach i na Slovensku. Heribanova encyklopedický biblický slovník je komplexné a obsahovo bohaté dielo o základných termínoch a pojmoch v oblasti všetkých biblických vied a disciplín. Autor podáva v Úvode podrobňú informáciu o základných zásadách koncipovania biblického slovníka, o type a cieli lexikónu (o rozsahu, druhoch heslových slov a ich vypracovaní atď.). V úvodnej časti slovníka je reč aj o polegomenách (o skratkách a značkách, o zoznamoch biblických spisov a mimo biblickej literatúry, o transliterácii biblických jazykov, o zozname použitej literatúry atď.).³

Heriban do svojho *rozsiahleho* množstva úvodných partikulárnych častí začlenil aj zoznamy lingvistickej a gramatickej terminológie so zreteľom na biblické disciplíny, ktoré osvetľuje na patričnom mieste v lexikograficky spracovanom abecedári. Spomienim tu niekoľko príkladov: *archaizmus*, *bilingvismus*, *dialekt*, *ekvivalent*, *etymológia*, *homonymia*, *onomastika*, *psycholinguistika*, *synonymia*, a ďalšie slová a výra-zy z oblasti pravopisu, fonetiky, morfológie a syntaxe.

Lexikografické vypracovanie jednotlivých hesiel v abecednom heslari tohto slovníka dosahuje už pri zbežnom pohľade veľmi dobrú odbornú úroveň. Heslár by si preto zaslúžil dôkladnejšiu analýzu a ocenenie. Podľa mienky samotného Heribana je slovník v prvom rade praktickou príručkou a môže slúžiť profesorom i študentom na teologických fakultách a inštitútoch, ale i všetkým tým, čo si prehľbjujú a rozši-rujú vedomosti o Svätom písme. Je to napokon požiadavka, ktorú vyjadril Druhý vatikánsky koncil v konštitúcii o Svätom písme (*Dei verbum*, č. 24 n.). V stručnej charakteristike tohto Heribanova encyklopédického slovníka chcel som poukázať na jeho prednosti a priblížiť ho v hlavných, odborne spracovaných bodoch, ktoré ho skutočne vystihujú.

² Z problematiky náboženských výrazov v spisovnej slovenčine. (Zborník z vedeckého seminára). Bratislava: Veda 2009, s. 243; pozri i KOREC, Ján Chryzostom: Spomínam, premýšľam, vyznávam. Brati-slava: Lúč 1999, s. 102 – 103; pozri i KÚTNÍK-ŠMÁLOV, Jozef: Prvý učiteľ slovenského národa. (Život Konštantína Filozofa, rehoľným menom Cyrila). Bratislava: Lúč 1999, s. 5; pozri i HANUS, Ladislav: O kultúre a kultúrnosti. Bratislava: Lúč 2003, s. 17 – 18.

³ Pozri HERIBAN, Jozef: *Príručný lexikón biblických vied*. I. Úvod. Rím – Cleveland: Slovenský ústav/Slovak Institute 1992, s. 7 n.

Teraz niekoľko poznámok o ďalšom slovníku prof. Františka Vnuka pod názvom *Príručný slovník kresťanstva*.⁴ O štruktúre a vypracovaní hesiel náboženskej lexiky hovorí v Úvode sám autor. Podľa jeho náhľadu nejde slovníku „o obsažné a detailné vypracovanie jednotlivých hesiel. Je pokusom o krátke a zrozumiteľné vysvetlenie lexiky z najrozličnejších teologických oblastí.“⁵ Ak si všimneme literatúru, o ktorú sa Vnuk opieral pri vypracovaní hesiel, zdá sa, že sa v prevažnej miere pridŕžal anglického teologickeho slovníka *A Concise Dictionary od Theology* (New Jersy, USA 1991), ktorého autormi sú G. O'Cillins and G. E. Perugia.⁶ Vo svojom *Príručnom slovníku kresťanstva* F. Vnuk pripája na záver heslového abecedára ešte i viaceré cenné prílohy.

Ešte sa zmienim o pripravovanom slovníku Teologickej fakulty Trnavskej univerzity pod názvom *Stručný katolícky teologický slovník*. Prvým plodom tejto prípravy je *Ukážkový zošit*.⁷ Podľa zásad spracovania pripravovaného slovníka, zachytených na prvých stránkach zošita, je cieľom vypracovať heslá ako z kresťanskej filozofie, tak i z kresťanskej teológie a podať o nich základnú informáciu, ktorá by podnietila u používateľov slovníka záujem o ďalšie prehĺbenie štúdia. Slovník je adresovaný jednak kňazom a študentom katolíckej teológie a jednak katolíckym laikom (pracovníkom vo vydavateľstvách, médiách a pod.). Pri štylizácii jednotlivých hesiel si pripravovaný slovník chce vísmať popri rímskej i byzantsko-slovanskú liturgiu a prihliadať i na pravopisnú normu teologických a náboženských výrazových prostriedkov.⁸

Krátko interpretované lexikografické spracovanie štyroch teologickej slovníkov je teraz vhodným vstupom do opísania a rozboru dvojzväzkového *Teologickeho a náboženského slovníka*. Ako som už na začiatku tohto príspevku naznačil, prítomný slovník je dielom vedeckého projektu VEGA. Pri zdrode, práci a publikovaní som mal totiž značný podiel na realizácii danej lexikografickej úlohy (ako vedúci projektu, hlavný redaktor a spoluautor niekoľkých častí heslára), čo ma aj oprávňuje vyjadriť sa k slovníku. Úspešne skoncipovaný a tlačou vydaný *Teologický a náboženský slovník. I. diel A – K a II. diel L – Ž* obsahuje súčasnú najpoužívanejšiu teologiccko-náboženskú terminológiu jednotlivých vedných disciplín, ako sú biblické vedy, dogmatika, fundamentálna teológia, morálna teológia, katechetika, pastorálna a špirituálna teológia, cirkevné dejiny, liturgika, kánonické právo, katolícka sociálna náuka, ekuumenizmus a religionistika (svetové náboženstvá).

Pri výbere heslára sa zo slovných druhov vzala do úvahy substantívna kategória slov v nominatívnom tvare, ďalej adjektíva v spojení so substantívom a slovesá ponajviac v substantivizovanej podobe.

Do výberu heslára sme zaradili a lexikograficky spracovali niektoré prejavy náboženského života Cirkvi na Slovensku spojené s cyrilo-metodským dedičstvom, s cy-

⁴ VNUK, František: *Príručný slovník kresťanstva*. Bratislava: Smaragd 2003.

⁵ Pozri: F. Vnuk, c. d., s. 6.

⁶ Preklad vyšiel i v taliančine pod názvom *Dizionario sintetico di teologia*. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana 1995.

⁷ *Stručný katolícky teologický slovník*. Ukážkový zošit. Hl. red. J. Ďurica a red. rada. Trnava: Teologická fakulta Trnavskej univerzity 2006.

⁸ Pozri tamže s. 6 n.

rielo-metodskou tradíciou. V tejto súvislosti slovník zachytáva lexikálne jednotky, ako sú *cyrilika*, *hlaholika*, *hlaholské písмо*, *starosloviensky jazyk*, *igumen*, *trojjazyčníci*, *pilátnici*, *Konštantín Cyril, Metod, Život Konštantína Cyrila a Život Metoda* a ďalšie.

V rámci lexikografického spracovania hesiel má závažnú úlohu výklad. V tomto zmysle podáva slovník základnú informáciu, čiže výstížný opis jednotlivých náboženských a teologických slov, termínov, pojmov a výrazov. Objasnenie významu a výklad lexikálnych, náboženských a teologických jednotiek spočíva na náukových poznatkoch a na praktickom živote Cirkvi. K tomuto významovému obsahu hesiel prispievajú v obmedzenej miere i synonymá. Význam náboženskej slovnej zásoby v slovníku dopĺňa ešte aj citácia. Výklad sa vyhýbal komplikovaným zauzleným opisom, ale sa skôr vyznačuje čo najprístupnejšou zrozumiteľnosťou a jasnosťou. Teda o striktné definícii nešlo pri výklade väčšiny hesiel, ale len v niektorých heslách vieroučného obsahu a v oblasti dogmatickej teológie, kde bolo potrebné rešpektovať striktné definície v zmysle oficiálnych cirkevných dokumentov; napr. v prípadoch dogmatických termínov: *Najsvätejšia Trojica*, *Nanebovstúpenie Pána* alebo článok viery *Nanebovzatie Panny Márie* atď.

Medzi zásady, na ktoré sa pri koncipovaní prihliadal, patrí aj zásada kodifikačnej funkcie slovníka, čiže úloha ustaľovania teologickej a náboženskej terminológie. Pri spracúvaní a formulovaní jednotlivých hesiel sa autori slovníka pridržiavali jazykových a štýlistických kritérií a pravidel spisovného jazyka. Čo sa týka cudzích slov, pri nich sa uviedol pôvod formou kvalifikačnej skratky, pričom sa často ponechal aj originálny tvar slov a výrazov. Vo výklade hesiel sme v značnej miere využili aj odkazovú techniku.

Na dosiahnutie optimálnej charakteristiky hesiel nábožensko-teologickej lexiky grantového projektu a v úsilí vyhovieť požiadavkám grantového projektu sa autori dvojzväzkového slovníka opierali o viaceré domáce i zahraničné pramene, ktorých bibliografické údaje sú zachytené v úvodnej časti slovníka.

V globálnom hodnotení slovníka treba znova podčiarknuť myšlienku, že dvojzväzkový *Teologický a náboženský slovník* je priekopníckym dielom v oblasti katolíckej teológie na Slovensku, koncipovaný v duchu koncilovej náuky Druhého vatikánskeho koncilu. Tento slovník, ktorý zachytil základnú súčasnú teologickú a náboženskú slovnú zásobu, sčasti zapĺňa medzeru, ktorá tu vznikla dlhoročnou náboženskou perzekúciou, ako aj znemožnením teologickejho bádania. Cieľom slovníka je slúžiť ako pomôcka študentom i profesorom teológie, ďalej kniazom v pastorácii a všetkým tým, čo sa zaujímajú o učenie Cirkvi a o praktický náboženský život.

Na záver niekoľko poznámok o zachytení náboženskej a teologickej terminológie v šesťzväzkovom *Slovníku slovenského jazyka* (ktorého som i spoluautor) a tiež v *Krátkom slovníku slovenského jazyka*.⁹ V *Slovníku slovenského jazyka* som spracoval v rámci spoluautorského kolektívu značné časti hesiel (v 2. až 5. zväzku). Slovník sme koncipovali v rokoch reálneho socializmu, keď sa marxizmus-leninizmus stal v politickom a vedeckom živote oficiálou ideológiou. Marxistcko-leninská ideo-

⁹ Slovník slovenského jazyka. 1 – 6. zv. Red. Š. Peciar. Bratislava: Vydatelstvo SAV 1959 – 1965. (ďalej SSJ)

Krátky slovník slovenského jazyka. Red. J. Kačala – M. Pisáriková. 1. vyd. Bratislava: Veda 1987. (ďalej KSSJ)

lógia mala na programe potláčať a odstraňovať zo spoločenského života všetko to, čo sa spájalo s cirkevnými inštitúciami a náboženským životom ľudí. Takto sa jazykoveda i ostatné spoločenskovedné disciplíny ocitli pod silným vplyvom a tlakom tejto ideológie. Nie div, že sa pri zostavovaní a koncipovaní Slovníka slovenského jazyka úzkostlivо dbalo na to, aby sa v ňom obchádzali a z neho vylučovali i tie najfrekventovanejšie náboženské slová a termíny používané v dennej komunikácii vereiacich. Týmto postojom sa slovník z hľadiska jazykovednej teórie o slovnej zásobe národného jazyka veľmi ochudobnil. V duchu jazykovedného procesu tvorenia slov vznikajú prostredníctvom apelatívnych významov a slov náboženské významy a termíny, a tak ich neadekvátnie obmedzovanie a vylučovanie z publikovanej tlače ide iba na ujmu slovnej zásoby spisovného jazyka. Pravda, všetky slová náboženského charakteru nebolo možné obísť, pretože to excepčný materiál z odbornej a beletristickej literatúry nepripúšťal. No objasnenie a výklad náboženských slov a termínov sa v slovníku robil zväčša tendenčne, skreslene a neobjektívne spod zorného uhlia marxistickej ideológie. Ak si všimneme v *Slovníku slovenského jazyka* základné slovo kresťanského náboženského svetonázoru *Boh* (v slovníku s malým písmenom „boh“), čítame tento opis: „boh, ... v náboženských predstavách a v idealistickom svetonázore nadzemská bytosť, ktorá vrah stvorila svet a zasahuje do jeho vývoja“.¹⁰ Tu sa jasne zračí účelová charakteristika náboženského pojmu Boh, kym už tu uvedené náboženské slovníky podávajú nezaujatú a po svetonázorovej stránke objektívnejšiu charakteristiku.¹¹ Ako pozitívum objasnenia lexikálnej jednotky „boh“ sa v Slovníku slovenského jazyka javí bohatá frazeológia, ktorá však zasahuje viac do všeobecnej lexiky, než do náboženskej. Všimnime si ďalej heslo *viera* v tomto slovníku. Slovo viera patrí k viacvýznamovým slovám. Druhý význam hesla je náboženský a vykladá sa synonymami *náboženské presvedčenie*, *náboženstvo*, *vierovyznanie*, *konfesia*.¹² Nezdá sa, že by použité synonymá výstižne korešpondovali s náboženským významom slova viera. Ďalšie viacvýznamové slovo v Slovníku slovenského jazyka je *láska*. Popri štyroch bežných významoch používaných v profánnej komunikácii niet tu nijakej zmienky o náboženskom význame slova, t. j. o čnosti lásky vo vzťahu k Bohu a blíznenemu.¹³ V druhom dieli Slovníka slovenského jazyka som za redakcie Š. Peciara koncipoval pri písmene N heslo *nepoškvrnený*. Po apelatívnom objasnení významu slova som pripojil aj nábožensko-dogmatický termín a udal aj stručný výklad, že sa termín vzťahuje na Pannu Máriu, ktorá bola uchránená od dedičného hriechu a jej sviatok sa slávi 8. decembra. Je zaujímavé, že takto formulované heslo prešlo prou redakciou bez námietok hlavného redaktora a napokon takto sformulovaný text bol aj vytlačený na prvú korektúru. Pri korektúre však iný prizvaný redaktor zasiahol a náboženský termín nepoškvrnené počatie jednoducho vyčiarkol. Podobný zásah redakcie vyciarknutím možno vidieť aj pri ďalšom slove *tradícia*, ktoré som charakterizoval vo štvrtom dieli v troch významoch profánnej identity, pričom sa však v duchu prijatej redakčnej zásady musel obísť ďalší význam, t. j. náboženský význam slova tradícia, čiže ústne podanie náboženského učenia a života Cirkvi z generácie na generáciu.

¹⁰ SSJ I, 1971 (2., nezmenené vyd.), s. 111.

¹¹ Porov. Vnuk, 2003, s. 54; Teologický a náboženský slovník I, 2006, s. 69 – 70.

¹² SSJ V, 1965, s. 95.

¹³ SSJ II, 1960, s. 19 – 20.

Po šesťvázkovom Slovníku slovenského jazyka vychádza v r. 1987 jednozväzkovo synchrónický slovník spisovnej slovenčiny pod názvom *Krátkej slovník slovenského jazyka*, ktorý pripravil autorský kolektív pracovníkov Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV v Bratislave za hlavnej redakcie J. Kačala a M. Pisárčikovej.¹⁴ O rok po vyjdení tohto slovníka som oňom uverejnil recenziu vo viedenskom periodiku *Wiener Slavistisches Jahrbuch*.¹⁵ V recenzii som v súvislosti s náboženskou lexikou medziiným poznamenal, že v tomto slovníku sa podobne obchádza táto lexika, ako to robil akademický šesťvázkový Slovník slovenského jazyka, a že vňom chýbajú frekventované slová, ako sú *pastorácia* (Pastoraltätigkeit), *Zelený štvrtok* (Gründonnerstag), *Nanebovstúpenie* (Himmelfahrt), *vďaka Bohu* (Gott sei Dank) atď. Musím pritom poznamenať, že som pravidelne používal prvé vydanie Krátkeho slovníka slovenského jazyka (z r. 1987) ako pomôcku pri prekladaní náboženských textov z nemčiny do slovenčiny, pričom mi vňom chýbali viaceré ďalšie frekventované termíny, ako *encyklika*, *Vianoce*, *heréza*, *heretik*, *homília*, a ešte aj iné tvary, napr. *magnifikat*, *mýtnik*, *Posledná večera*, *Zdravas Mária*, *pokrižovať sa*, *Hromnice*, *blahorečiť*, *blahorečenie*, *tradícia*, *rozjímanie* atď. Treba však vyzdvihnúť, že v ďalších vydaniach Krátkeho slovníka slovenského jazyka (po r. 1990) a iných publikácií sa už neobchádza a netabuizuje náboženská terminológia, ale nachádza v nich svoje miesto, ktoré zodpovedá daným jazykovým zásadám slovenskej náboženskej terminológie.

Záver. Vo svojom príspevku som chcel poukázať na niektoré koncepcné otázky *Teologického a náboženského slovníka. I. diel A – K, II. diel L – Ž* a súčasti aj ďalších slovníkov a zároveň pripojiť niektoré poznámky o dobovom lexikografickom spracovaní náboženskej terminológie ako súčasti spisovného jazyka.

¹⁴ Porov. KSSJ. 1. vyd. Bratislava: Veda 1987.

¹⁵ Band 34/1988. Verlag der östrerreichischen Akademie der Wissenschaften, s. 218 – 219.

III.

DEJINY JAZYKA

Etnonimski pridjev *slovenski* u Hrvata

Mijo Lončarić

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovje, Zagreb

Das etnonymische Adjektiv *slovenski* bei den Kroaten

Beziehungen zwischen Slovaken bzw. der slowakischen Sprache und Kroaten bzw. der kroatischen Sprache sind mehrfach – es lässt sich über die alten und die neuen Beziehungen sprechen. Vor dem 10. Jh. gehen die zwei Sprachen in Panonien, im Donautal, die eine in die andere über und die Völker waren im direkten Kontakt.

Es war dasselbe Etnonym für slavische Völker in diesem Teil Europas, mit dem Wurzel *Slověn-*. Auch heute ist es so mit dem slowakischen und slovenischen Volk und ihren Sprachen. Bis zur Integration der kroatischen Länder bestand dasselbe Etnonym auch für das kroatische Volk und die kroatische Sprache in Nordkroatien, in Posavina und in Panonien: *slovenski jezik* || *narod* || *orsag (Sprache)* || *Volk* || *Staat*.

Es wird das Gebrauch dieses Etnonyms in Nordkroatien im Überblick dargestellt.

Veze su između slovačkoga i hrvatskoga naroda i jezika višestruke. To su, u prvom redu, stare jezične veze, prije 10. st., kada su slovački i hrvatski jezik bili dio neprekinutoga jezičnoga slavenskoga kontinuma; noviji su jezični, sekundarni, kontakti od 16. st., uvjetovani migracijama Hrvata u Slovačku i Slovaka u Hrvatsku; važne su kulturne veze, od braće Čirila i Metoda, trnavskoga sveučilišta, istaknutih slovačkih intelektualaca u Hrvatskoj, posebno Šuleka i Kukucinu.

O temama iz prvoga kruga mnogo je pisano, iz drugoga kruga tema dosta je pisano o Hrvatima u Slovačkoj, pa tako i jeziku, već od 1925 g. (Vaclavik, Neweklowsky, Vulić, Lončarić, Takač i dr.). Međutim, o jeziku Slovaka u Hrvatskoj nije pisano dovoljno.¹ Jozef Štolc je za svojega istraživanja u Jugoslaviji također manje pažnje posvetio Slovacima u Hrvatskoj, nešto o njihovu govoru u Iloku, Josipovcu i Jelisavcu.

Iz trećega sklopa također imamo relativno dosta radova (Gostl, Horak, Kovačević, *Hrvatska/Slovačka*; ostale radove v. u navedenim zbornicima).

Ovdje ću se zadržati na jednoj temi iz prvoga kruga, koju sam naveo u svojem referatu *Prilog južnoslavensko-zapadnoslavenskim odnosima s posebnim obzirom na slovačko-kajkavske veze* na kongresu u Bratislavu 1993, i to u točki 7. *Slovjeni, Slovenci*.

Neću ovdje ulaziti u važno pitanje o porijeklu imena Slavena. Reći ću nešto o porodici riječi korijenom *slov-* – *sloveni*, a od toga *sloveni*, *slovenci*, *slovinci*, *slovenski*, *slovenski* u Hrvata. Uvodno iznosim svoj pristup iz spomenutoga referata, koji je relevantan za temu.

Poznato je da se Slaveni sa sigurnošću na povijesnoj pozornici pojavljuju tek u 6. st. (Jordan, Prokopije), i to pod imenima *Veneti*, *Anti* i *Sklaveni*. Ne može sa sigurnošću reći da Tacitovi, Plinijevi i Ptolomejovi *Veneti* nisu Slaveni, kao i da jesu. Još uvjek nije sa sigurnošću utvrđeno otkada se Slaveni nalaze u Panoniji, posebno

¹ Zbog toga na početku *Literature* (Bibliografia, pozn. ed.) donosim radove o toj temi.

na jugu Panonske nizine, kada su i kako došli u područje između Save i Drave. Nije jasno jesu li Plinijevi *Oseriates* iz 1. st., koje Meyer stavlja na područje Blatnoga jezera, a drugi pak na prostor između Drave i Save, stvarno bili *ozeriti*, „jezerčani“, tj. stanovnici prijezerskoga ili povodnoga kraja. To mišljenje iznosi Trubačov, vraćajući se staroj Kopitarevoj pretpostavci o srednjem Dunavu kao pradomovini Slavena. Toponim *Pathisus*, također iz 1. st., Trubačov interpretira kao slavensku riječ *potisje*, dakle porječje rijeke Tise.² Mađarski toponom *Maromoros* povezuje s Plinijevim *Morimaro* i svodi na **more mrše* – mrtvo more. Ne zna se pouzdano tko su bili *Panoni* koji su se smjestili zapadno od rijeke Cetine u Dalmaciji. Međutim, bez obzira na to gdje je bila pradomovina Slavena, odnosno gdje su se nalazili Slaveni prije velike seobe naroda, tj. jesu li se već prije nje nalazili na srednjem Dunavu i u južnoj Panoniji, oni su najkasnije u 6. st. već nastanjivali to područje. To su bila slavenska plemena od kojih se u Panoniji stvorila tri etnosa – slovački, (današnji) slovenski i hrvatski u Slavoniji (sjevernoj, panonskoj Hrvatskoj). Slovenski i slovački i danas se nazivaju *slovenski*, a navedeni hrvatski također se tako nazivao do novijega doba.

U jezičnom je pogledu, u razvoju slavenskoga prajezika, 6. st. važno jer nakon toga vremena nastaju važne inovacije, a isto je tako i u razvoju južnoslavenskoga prajezika, južnoga praslavenskoga (makro)dijalekta. Od tada je, pa do dolaska Mađara, krajem 9. st., postojao u srednjoj i istočnoj Europi jezični slavenski kontinuum. Zapadnoslavenski i južnoslavenski dio kontinuma prelazili su jedan u drugi, a isto su tako jedan u drugi prelazili zapadnoslavenski i istočnoslavenski na sjeveru te južnoslavenski i istočnoslavenski dio, na jugu. Bez obzira na to do kada ćemo datirati praslavenski jezik kao jedan jezik, odnosno njegov raspodjeljenje na više jezika, tj. da li samo do 6. ili do 9. st., svakako da on ni u 6. st. nije bio jedinstven, jednak, na cijelom području, kao što to nijedan prirodni jezik nije. Kao u svakom jeziku, i u njemu su postojali različiti dijelovi, teritorijalni idiomi, djelomično slični i djelomično različiti sustavi, a s protokom vremena bilo ih je sve više i bivali su različitiji.

U spomenutom jezičnom kontinumu, kako je dobro uočeno, slovački jezik zauzima, više-manje, središnje mjesto, tj. on je bio dijalekt koji se nalazio na prijelazu triju praslavenskih (makro)dijalekta jednoga u drugi, upravo na prijelazu zapadnoslavenskoga prajezika u istočni i južni (Pohl)³. To se može zaključivati već i po samom zemljopisnom položaju slovačkoga jezika, ali o tome čvrsto svjedoče jezični podaci, što je, svakako, najvažnije. Zbog toga nije čudno da se govorilo, da je nastala tzv. teorija o nehomogenom porijeklu slovačkoga jezika, jer u njemu nalazimo važne južnoslavenske i manje važne istočnoslavenske crte.

Ranije sam se (1988) osvrnuo na izoglose koje dijele jednu slavensku jezičnu skupinu od druge, a za koje se obično smatra da su nastajale u različito vrijeme, u uvjetima kretanja, udaljavanja i približavanja jedne skupine drugoj, tj. dvije i dve skupine bile su sad bliže, sad dalje, i to teritorijalno. Tako su jedne pojave zahvaćale samo one dvije skupine koje su u trenutku njihova javljanja bile bliže. Različit

² Budući da je ovo pregledni rad, ne donosim uobičajenu aparaturu pri pozivanju na autore i njihovu citiranju. To se može naći u citiranim radovima navedenim u *Literaturi* (Bibliografija, pozn. ed.).

³ Posebno je u tom pogledu zanimljiv jezik karaševskih Hrvata u Rumunjskoj. Njihov dijalekt ne pripada ni jednom višem južnoslavenskom idiomu, oni imaju svoje posebno mjesto u njemu i veza su sa sjevernim Slavenima.

razvoj u pojedinim dijelovima praslavenskoga nije morao biti takav zbog migracija, pa ni u različito vrijeme, iako se različite pojave svakako nisu javljale u isto vrijeme. Za različit smjer izoglosa nekih jezičnih pojava nije bilo potrebno udaljavanje ili prbližavanje pojedinih dijelova, iako je toga moglo biti i bilo je. Redovna je i normalna pojava u jezičnom kontinuumu, a to je bitno, da se neka pojava širi od jedne točke, crte, do neke druge, s jednoga kraja na drugi, a druga se pojava širi od treće točke do četvrte. One mogu krenuti iz iste točke, ali ne moraju ići do iste. Zato se pojedine izoglose u istom idiomu, jeziku, rijetko poklapaju, obično se sijeku pod ovim ili onim kutom, a neke idu više-manje paralelno. Na taj su način nastale i važne izoglose koje dijele i tri glavne grane slavenskih jezika, slovački je jezik bio u njihovu „sjecištu“. Jedna je od tih grana pri kraju spomenutih procesa, na početku 10. st., i teritorijalno odvojena od ostalih dviju. Prema Krajčoviču, trodujelno bi sjecište bilo na jugoistočnom rubu slovačkoga jezika, dok bi granica, tj. izoglose koje dijele zapadni dijalekt na sjeveru i južnoslavenski dio, tekla, polazeći od sjecišta, u smjeru istok – zapad, najprije jugozapadno do iznad Blatnoga jezera, a onda bi, mijenjajući smjer, nastavila dalje sjeverozapadno. Po izabranim osobinama, upravo po samo jednoj, granica i teče tako, tj. teče po izoglosi *g* vs. *h* (< *g*), što pokazuju zapisi toponima. Ostale izoglose koje Krajčovič navodi u prilog svojoj granici uglavnom se ne mogu uzeti u obzir. (Lončarić, 1993) Svakako, ta je izoglosa (*g* vs. *h*)⁴ jedina koja bi govorila za zapadno-južnoslavensku granicu sjeverno od Balatona. Izoglose nekoliko drugih, isto toliko važnih, ako ne i važnijih, južnoslavenskih pojava, ili – kako ih Krajčovič naziva – praslavenske osobine nezapadno slavenskoga porijekla, idu znatno sjevernije i većina ih zahvaća barem srednjoslovačke govore. Prema tome, ako želimo odrediti granično područje (jer oštih granica obično u jezicima nema) između zapadnoslavenskoga i južnoslavenskoga razvoja, onda je treba povući od trojnoga sjecišta jugoistočno od današnjega slovačkog teritorija prema zapadu, najprije sjeverozapadno, obuhvaćajući srednjoslovačke govore, a onda da lje jugozapadno prema austrijskoj granici.

S obzirom na teze o nehomogenom i homogenom razvoju slovačkoga jezika, treba se u osnovi složiti s Krajčovičem. Kako je slovački jezik bio blizu sjecišta trojako razvoja, a preko njega je prolazila zapadnoslavenska – južnoslavenska granica, u njemu su se razvile trovrsne osobine. Jedne, obično općeslavenske i neke zapadnoslavenske, zahvaćaju jezik u cjelini, a druge, specifične za pojedine slavenske jezike, zahvaćaju samo neke njegove dijelove.

Jasno je, bez posebnoga obrazlaganja, da su (pra)slovački i (pra)hrvatski u slavenskom jezičnom kontinuumu prije njegova prekida prelazili jedan u drugi, i sada se nalaze teritorijalno jedan nasuprot drugomu. Prijašnje uže povezivanje slovenskoga i slovačkoga jezika (također *slovenskoga* po slovačkom), zbog istoga naziva etnikona, dovoljno je opovrgnuto (Popović i dr.). Osim toga, i sjeverna Hrvatska imala je isti naziv etnikona. Isto je tako jasno da je (pra)kajkavština (kajkavština je sjeverozapadni dio hrvatskoga jezika) prelazila u (pra)slovački, kao i u (pra)slovenski jezik, a (pra)slovenski u (pra)češki jezik. Naravno, razlike su među njima prije

⁴ Kao što se zna, taj je prijelaz poznat i u zapadnim slovenskim govorima te zapadnim sjevernijim hrvatskim čakavskim govorima.

10. st. bile znatno manje, ali već i prije toga vremena razvile su se crte koje su specifične za te idiome. Od 10. st. formiraju se idiomi ranga jezika, ali i idiomi manjega ranga, tako i kajkavština. Kako u to vrijeme pada i fizičko odvajanje slovačkoga jezika od juga, onaj njegov dio koji se dijelom razvijao u južnoslavenskom smjeru, nakon prekida sa svojom glavninom razvija se dalje u zapadnoslavenskom smjeru.

Od 9. st. formirane su na jugu dvije jedinice, istočni i zapadni južnoslavenski (pra)jezik. U 10. st. od zapadnoga dijela odjeljuje se slovenski jezik (s najvažnijom pojavom progresivnim pomakom cirkumfleksa). U isto vrijeme odvaja se i kajkavština od zapadne štokavštine, odnosno šćakavštine, i od čakavštine, i to formiranjem svoje tzv. osnovne kajkavske akcentuacije.⁵

Kajkavsko područje pružalo se do 16. st., tj. do dolaska Turaka u Slavoniju i ratova s njima, znatno istočnije na sjeveru Slavonije. Područje sjeverno od kajkavštine, na lijevoj obali Mure i Drave, danas Mađarska, sigurno je također pripadalo (pra)kajkavštini, može se reći da je kajkavština na sjeveru veoma mnogo izgubila na teritoriju.

Budući da su se zapadni južnoslavenski (slovenski i hrvatski) idiomi i južni zapadnoslavenski (češki i slovački) dodirivali, prelazili jedan u drugi, razvile su se neke crte zajedničke samo njima, odnosno nekim od njih (Bošković, Popović). Kako su češki i slovenski jezik opet bili bliži, oni su razvili neke osobine zajedničke samo njima, odnosno u slovenskom jeziku nalazimo neke zapadnoslavenske osobine (kontrahirano -e- iz složene pridjevske deklinacije, čuvanje skupova *dl*, *tl* u nekim sjevernim govorima, prefiks *vy-*, otvrđenje *l*, prijelaz *g* u *h*, zajednički leksik). Neke od tih osobina zahvaćaju i zapadni dio hrvatskoga jezika – futur s *biti*, prijelaz *g* u *h* i prefiks *vy-* u zapadnim čakavskim govorima, kontrahirani nastavak *-*q* I jd. a-osnova, zajednički leksik.

U svojem referatu na kongresu u Bratislavi 1993. pokazao sam neke zajedničke osobine slovačkoga i hrvatskoga jezika i posebno kajkavskoga narječja, sjeverozapadnoga dijela hrvatskoga jezika. Govorio sam o devet pojava: 1. nastavak I jd. a-osnova (stegnut – nestegnut nastavak); 2. nastavak -*mo||-me* u 1. mn. prezenta; 3. ograničenje mesta naglaska; 4. refleks prednjega nazalnoga vokala otvoreno *e* (ɛ); 5. prefiks *pre-*; 6. palataliziranje suglasnika ispred prednjih vokala; 7. *Slovjeni*, *Slovenci*; 8. vokali e-tipa; 9. dug nastavak NA mn. imenica srednjega roda. Izvdvojio sam kao uže veze osobine u točkama 1, 2, 3, 4, 5 i 9.

Ovdje ču, kao što sam rekao naprijed, govoriti samo o pitanju koje sam obradio u točki 7., i to o stanju u sjevernoj Hrvatskoj. U podunavskoj nizini narodi, pa i neslavenska plemena, imaju od 9. st. jedan etnonim **Slověne*, sg. **Slověnīnъ*. Taj se etnički naziv sačuvao uglavnom na rubu ukupnoga slavenskoga prostora – osim u Podunavlju poznati su *Sloveni* novogradski i pomoranski. Sigurno su se preci današnjih Slovaka i prije toga vremena nazivali tako, o čemu svjedoči morfološka struktura današnjih naziva (*Slovensko*, *Slovenka*, *slovenský*) a naziv *Slovak* javlja se u 15. st., nastao je od istoga leksema **Sloven-* (Krajčović). Pomoranski Slovinci

⁵ To nije neka posebna vrsta prozodijskoga sustava s obzirom na inventar prozodijskih obilježja, vrsnu naglasaka, niti s obzirom na njihovu distribuciju u sastavu, strukturi riječi, već s obzirom na genezu naglasaka, upravo na distribuciju novoga praslavenskoga akuta i novoga, metatomjskoga, cirkumfleksa u leksiku i gramatičkim kategorijama.

(poljski *Słowińcy*, njemački *Slowinzen*), nastavali su sjever Poljske, Pomeraniju, Kašube. Srbi su zadržali naziv *Sloveni*, pridjev *slovenski*, za sve Slavene, a za Sloveniju imaju pridjev *slovenački*. Slovenci i Slovaci za Slavene kažu *Slovani*.

Hrvatski sjever, panonska Hrvatska (u literaturi i *posavska*) prije integracije hrvatskih zemalja također ima za sebe takav naziv – naziva se *slovenski orsag*, latinski *Sclavonia*, gdje se govorio *slovenski* || *slovinski* jezik, stanovništvo se nazivalo *Slovenci*. Na hrvatskom sjeveru *jat* je dugo čuva svoju posebnu vrijednost u zatvorenom *e*, a u dugom slogu i kao diftong *ie* ili *ei*. Na zapadu, u većini kajkavštine, s njime se izjednačio poluglas, također u toj zatvorenijoj vrijednosti. Na istoku se, današnjim slavonskom dijalektu, staroštokavštini, *jat* kasnije većinom jednači sa *i*, *e*, u dugom slogu i sa *ie*. U manjem broju „ekavskih“ govora, npr. u slavonskoj Podravini oko Našica, čuva se posebna vrijednost i danas. Prema tome, kada se ne piše *slovinski* ili *slovienski*, nego *slovenski*, na zapadu, u kajkavštini to znači da je na mjestu pisanoga e zatvoreno *e* (*ɛ*), koje je poseban fonem u odnosu na otvoreno *e* (*ɛ*) od *e* = *e*, dakle *slovenski*, prema npr. *selo*.

Danas je Slavonija samo dio koji je bio pod osmanlijskom vlašću do odlaska Osmanlija krajem 17. st.

Leksikonski pregled toga nazivlja s potvrdom u donosi Vladimir Mažuranić: u svojem djelu *Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik*, pod natuknicama „*Slavonija*“ i „*Slověnin*, Slovinin, Slovjenin, Sloven, Slovin...“.

Preslik

U zadnje vrijeme to pitanje detaljnije razmatra hrvatski povjesničar Hrvoje Petrić (2007, 2009). On daje pregled uglavnom poznatih i manje poznatih podataka iz povijesnih izvora, književnih tekstova i sekundarne literature. Njega je posebno zanimalo taj etnonim u Varaždinskom generalatu Vojne krajine (Militärgrenze) na sjeveru Hrvatske.⁶

Milan Rešetar i Vatroslav Jagić pokazali su da su od 12. pa do iza 16. stoljeća, od Drave pa sve do Zete, postojali široki pojasevi u kojima je bio raširen opći etnički naziv *slovenški*.

U 15. stoljeću je „*regnum Sclavoniae*“ obuhvaća prostor Zagrebačke, Varaždinske, Križevačke, Dubičke, Sanske, a vjerojatno i Virovitičke županije. Tadija Smičiklas (s. 93) govorи: „Prije nego što je sjeo Ferdinand I. na prijestolje hrvatsko-ugarsko priestolje hrvatsko-ugarsko bila je sva zemlja između Save i Drave, nazivana Slavonija, s banom na čelu (...). Sada poslije osamdeset godina (...) na izтокu samo su jošte ostanci križevačke županije sada većinom puste, koja je prije zasizala dosta daleko, u današnju Slavoniju...“ Vjekoslav Klaić piše: „... dok se tako sva zemlja između Kupe i Gvozda (i preko njega) prozvala Hrvatskom, ostalo je ime Slavonije ograničeno tek na zapadne strane one oblasti, koja se prostire Dravi na jugu sve do Save i preko nje do Kupe. U jednu riječ: međa Hrvatske i Slavonije bijaše se pomakla konačno od gore Gvozda na sjever do Kupe.“ Nada Klaić pisala je: „Kako Turci i Mlečani potiskuju i smanjuju hrvatski politički teritorij – tj. staru srednjovjekovnu Hrvatsku između Gvozda i Jadrana – počinju se u 16. st. prekokupski krajevi (Partes transcolapiane) nazivati Hrvatskom. To je, doduše, kako se na saboru 1560. ističe,

⁶ Kada ne navodim drugu literaturu, citate donosim prema njemu.

također zagrebačka županija, ali onaj njezin dio „que nunc regnum Croatiae vocatur“. Kraljevina Slavonija još se sredinom 17. stoljeća u sjeverozapadnom hrvatskom, kajkavskom području nazivala orsag *Slovenski*, kao primjerice 1645. godine (Lopašić, s. 303).

Sredinom 16. stoljeća najpoznatiji Slovenac toga vremena Primož Trubar upotrebjava naziv *Slovenci*. U *Slovence* kada se radi o „slovenskom jeziku“ ubraja *Bezjake* (Torkar), pa i *Hrvate*. Kada je riječ o slovenskom jeziku kojim on piše, Trubar kaže da u njega ne uzima bezjačke i hrvatske riječi. Njegov jezik je uži pojam od etnonima *Slovenci – slovenski*: Trubar je Slovence identificirao jezično, a ne imenski.

U međurječju Save i Kupe 1598. godine navode se etnici *Slovenec* (*Zlowenecz*) u vlastelinstvu Cesograd, u Podravini kod Ludbrega, *Slovenjac* (*Zlowenyacz*) u vlastelinstvu Susedgrad i Okić; adekvatni li *Slovenjec* (*Zlowenyecz*) 1598. godine u vlastelinstvu Susedgrad, Okić i vlastelinstvo Jastrebarsko; *Slovenčić* u Zagrebu 1664. godine (Petrić).

Po Lopašiću *Slovenci* (*Slovinci*) bili su „stanovnici zemlje izmedju Save i Drave ili Slavonije“. Za doseljene *Slovence* u Gaj kraj Vrbovca 1619. godine on kaže: „Po svoj prilici su Vrbovački Slovinci uskočili iz krajeva današnje Belovarske, nekoč Križevačke županije“. Po njemu se radi o potomcima starosjedilačkog slavonskog stanovništva koje je preživjelo ratove i doselilo se u Križevačku županiju početkom 17. stoljeća. U svojim *Spomenicima Hrvatske krajine* (1984) objavljuje izvore u kojima spominje Slavonce odnosno *Slovence* u Slavonskoj krajini pod slijedećim imenima: *Windische* (1593., 1647., 1650.), *Sclavos* (1628.), *slovenskeh sinov* (1642.), *Slovenci* (1642.), *Sclaven* (1643., 1644.), *Windische nation* (1679.) itd. Zagrebački biskupi ih tijekom 17. stoljeća redovito nazivaju *Sclavi*, a to će biti podanici *Szlouenszskog orszaga* ili Kraljevine Slavonije. U Slavonskoj krajini je bilo i drugih skupina južnoslavenskog stanovništva (pravoslavni Vlasi, odbjegli kmetovi iz provincijala, Predavci), koje izvori razlikuju od onih koji su nazivani *Sclavi*.

To stanovništvo nije bilo samo kajkavsko, iako se kajkavština prije osmanskih zauzimanja prostora zapadno od rijeke Česme prostirala mnogo dalje na istok nego što je to bilo u 17. stoljeću. Dalje na istok bilo je slavonsko – *slovensko || slovinško* – stanovništvo koje je govorilo slavonskim dijalektom, staroštokavštinom. Uz doseljeničku štokavštinu, na prostoru oko današnjeg Bjelovara u folkloru, u narodnim pjesmama, plesovima i običajima, prevladao je utjecaj starosjedilačkog stanovništva.

Mažuranić ukazuje „kojom dosljednosti njemački službeni izvori naše latinsko nazivlje o regnum *Sclavoniae* itd. obraćaju na *Windischlandt*, *Windische Herrn*, *Windische grenzen*, *Windische Stände* itd.“

Slovenski povjesničar književnosti Antun Raić je krajem 19. stoljeća napisao neobjavljenu raspravu o „*Kronici*“ Antuna Vramca (1538. – 1588.), u kojoj je analizirao jezik toga kajkavskog pisca s kraja 16. stoljeća, koji sam autor naziva „slovenskim“ (Jembrih). Prema Raiču su se svi kajkavci u 16. i 17. stoljeću u Zagrebačkoj, Varaždinskoj i Križevačkoj županiji „imenovali isključivo Slovence. S časom so to svoje slovensko ime zamenjali s hrvaškim, nazivajoći se po deželi, u koji stanuju (...) Vsi kajkavski pisatelji govore le o svojem slovenskom jeziku, n. pr. Pergošić je obrnol Verbocijev zakonik na slovenski jezik; Vramec govori v svj 1. 1578. v Ljub-

ljani na svetlo prišli „Kroniki“ kar naravnost: zagrebechka Biskupia na Slovenie (...); Habdelič je pisal Dictionar ili Rechi Szlovenszke i druge knjige slovenski.“

Prvi kajkavski pisci jezik na kojem pišu nazivaju *slovenskim*. Ivan Pergošić u svojem *Decretumu* iz 1574., prvoj knjizi pisanoj kajkavštinom koja je tiskana, jezik kojim je pisao naziva *szloujenjski* (slovenski).⁷ Drugo Vramčeve djelo *Postilla na vsze leto...* iz 1586. godine pisano je *szlouenszkim iezikom*.

Vodnik, i Kombol pokazuju da su današnji slovenski jezik hrvatski pisci nazivali *kranjski*. Oni koji su pisali i govorili tim jezikom nazivali su ga i drugim imenima – *linugua carniola, windische Sprache* itd. Janez Rotar (1988) za razdoblju od 1643. do 1801., uz one za ranije razdoblje, naveo je još tridesetak primjera u kojima se jezik predaka današnjih Slovenaca naziva *slovenski, sluovenski, stari slovenski i slavenski*.

Prekomurska pjesmarica u svom petom dijelu nastalom u 16. stoljeću, u pjesmi *Tusim vnogo bogu...* naziva jezik *szlovenszki*. U 17. stoljeća u kajkavskom prijevodu latinskog statuta zagrebačkog Gradeca iz 1609. godine, prijevod je iz 1629. godine, piše da je on „ex Latina in vernacula Sclavonicam in gratiam illiteratorum rudit et brevis translatio“ (Petrić).

Nikola Krajačević (Sartorius) u svojem djelu *Molitvene knyisicze* iz 1640. jezik pisanja naziva *szlovenszki*. U predgovoru drugoga izdanja njegov priredivač Baltazar (Boltižar) Milovec napisao je *szlovenzkom jezikom* da je knjiga tiskana „znovich na haszen zlovenskoga naroda“. Krajačević u knjižici *Szveti evangeliomi* iz 1651. Zagrebačku biskupiju naziva *Czirkva zagrebecska szlovenszka*, a knjiga je tiskana *szlovenzkem szlovom*. Zagrebački biskup Petar Petretić u predgovoru se obraća čitateljima sa riječima: „o poštuvani brati Slovenskoga orsaga, plebanuši i duhovni pastiri“. Biskup sebe naziva „biškop zagrebečki, vsem Slovenskoga orsaga cirkvenim pastirom“ te nastavlja da je knjiga tiskana „vu našem Slovenskem orsage slovenskem jezikom“ da bi „vnogi naši Slovenci“ mogli čitati ovo djelo.

Juraj Rattkay knjigu *Kripozti Ferdinanda II. rimzkogha czeszara, kraleztvih, Nimskogha, Wgerzkogha, Cheskogha, Dalmatinkogha, Hervaczoghha, i Szlovinzkogha, kralia (...)* Beču 1640. napisao je „szlovinzkom iezikom“, a pisana je kajkavskim književnim jezikom (O. Šojat, I, s. 341 – 347).

Iz navedenih primjera se vidi da se u 16. i prvoj polovici 17. stoljeća jezik kajkavske književnosti na prostorima Varaždinske, Zagrebačke i Križevačke županije nazivao *slovenski*, a Kraljevina Slavonija nazivala se *Slovensko kraljevstvo*.

Ivan Belostenec u svom rječniku *Gazophylacium* latinsko ime *Slavonia* prevodi kao „Szlovensko kralyesztvo pod úgerszkum korunom“. Zanimljivo je da kajkavski naziv *Slovénecz* na latinski jezik prevodi kao *Illyrius, ii. Illyricus, ci. Sclavus, vi.*, a ime *Szlovenszki orszag* kao „*Illyrica, Illyris, Illyrium, Illyricum, Sclavonia*“. Neven Budak piše da su Belostencu *Iliri* podjednako i Hrvati i *Slovenčzi* (s. 214).

Ljetopis Petra Keglevića za 1635. godinu spominje *slovenskog* generala Schwarzenberga, a za 1641. *slovensku krajinu* (Šišić), u prvoj polovici 17. stoljeća Varaždinski generalat na književnoj je kajkavštini nazivan *Slovenska krajina*.

⁷ Podaci o kajkavskim piscima i djelima koja se spominju mogu se naći u *Popisu izvora u 1. svesku Rječnika hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika*. Također se mogu naći u djelu *Kajkaviana croatica* te u navedenom djelu Hrvoja Petrića.

Juraj Habdelić djelo *Zerzalo Marianzko* iz 1662. godine⁸ namiijenjuje „uszem szlovenzkoga i horvatzkoga naroda kerschenikom“, a u rječniku „Dictionar, ili Réchi szlovenszke zvexega ukup zebrane“ iz 1670. godine piše da ju je priredio „na pomoch napredka u diachkom navuku skolneh mladenczeu horvatszkoga, i szlovenszkoga naroda“.⁹

Prva je tiskana knjiga koju možemo povezati s kajkavskim krugom a u kojoj se kaže da je pisana *hrvatskim*, a ne *slovenskim* jezikom *Putni tovaruš* iz 1661. Katarine Frankopan (Zrinski), u kojoj piše da je djelo prevedeno „iz nimškoga na heruatczki jezik“ (Zrinski, 2005, s. 3, 7) Međutim, jezik je knjige jezik ozaljskoga kruga – jezik velikaške porodice Zrinskih i stvaralaca područja. To je jezik koji ima osnovu u prijelaznim kajkavsko-čakavsko-štokavskim govorima ozaljskoga područja¹⁰. (Vončina)

Kajkavski književni jezik naziva se *hrvatskim* i *slovenskim* jezikom početkom 18. stoljeća. Marija Magdalena Nadasdy (Drašković) je 1718. sa njemačkog jezika dala prevesti životopise Isusovih službenica Marte i Marije Magdalene na „naš Horvatski ili Slovenski jezik“.

Pridjevi *horvatski* i *slovenski* na kajkavskim područjima upotrebljavni su kao sinonimi i ranije, kako navodi i Janez Rotar: „V resnici pa se je jezik te književnosti in tega etničnega okolja še precej časa imenoval pogosteje „slovenski“ kakor „hrvaški“, seveda „naš slovenski“, pri čemer sta leksema nekaj časa sinonima, saj je zavest pišočih vse bolj usmerjena k hrvaškemu občutju in politični pripadnosti. (...) Cerkveno vodstvo je najdelj upoštevalo govoricu svojega ljudstva, kar je izpričal strogo k slovenščini usmerjani P. Petretić, skoraj sto let za njim pa tudi škof Tausi. Pač pa so plemiči v banski Hrvaški v 17. stoletju nadpokrajinske, hrvaške zavesiti (...) Hrvaško ime se je v nekdanji gornji Sklavoriji, sedaj omejeni na vsega tri županije, zagrebško, križevečko in varaždinsko, na „reliquiae reliquiarum“, iz vse potrebnejših političnih nagibov uveljavalo v zavesti gornjih slojev in cerkvene pa politične uprave ter se tako pojavlja tudi že v maloštevilnih učbeniki v banaski Hrvaški.“

Petrić posebno razmatra tko su *Slavonci* („*Slovenci*“, *Sclavi*, *Windische nation* itd.) u Slavonskoj krajini (i u Provincijalu) tijekom 17. stoljeća. Smatra da su govorom kajkavci, ali dopušta „da se djelomično to odnosilo i na staroštakavsko stanovništvo“. Mislim da se sigurno odnosilo i na to stanovništvo.

Mihovil Kombol navodi da su se upotrebljavali nazivi „*slovenski* i *slovinski* – prema tome, da li je pisac ekavac ili ikavac – za područje sjeverno, a *hrvatski* za područje južno od Kupe, a kako je prvo u jezičnom pogledu domovina kajkavštine, označuje se imenom „*slovenski*“ ili „*slovinski*“ u ovo doba kajkavština, a dok se naziv „*hrvatski*“ upotrebljava za staro čakavsko područje južno od Kupe, sada već jako preplavljeni štokavcima.“ (Kombol)

⁸ Pretisak: 2009. Gradska knjižnica Velika Gorica.

⁹ Pretisak: 1989. Kršćanska sadašnjost.

¹⁰ Bilo je mišljenja da je takav „miješani“ jezik, s elementima svih triju hrvatskih narječja, nastajao svjesnim nastojanjem pisaca da ih povežu u jedan zajednički književni idiom. Sigurno je bilo i takvoga nastojanja, što pokazuju varijante Pergošićeve knjige, ali treba uzimati u obzir i navedeno stanje u dijalektnom hrvatskom pejzažu, tj. prijelazne govore ozaljoskoga područja.

Neven Budak piše da je u 17. i početkom 18. stoljeća u zapadnim dijelovima nekadašnje srednjovjekovne Slavonije došlo do promjene imena jezika i naroda. Premda je jezik u načelu ostao isti, kajkavski, ali uz jači utjecaj čakavštine i štokavštine, on se u 18. stoljeću definitivno prestao zvati *slovenskim* (odnosno samo *slovenskim*) i od tada se nazivao *hrvatskim*, točnije *horvatskim* (prema mađarskom uzorku). Širenju hrvatskog imena na sjever bio je pružan otpor, posebno sa strane Crkve (Budak, s. 215).¹¹

Budak objašnjava četverostrukim mehanizmima promjena u zapadnim područjima srednjovjekovne Slavonije. Etnička se struktura mijenja doseljenjem stanovništva južno od Kupe na prazno zemljишte na zapadu tadašnje Slavonije. Starosjedioci ih zovu *Horvati* po mađarskom uzorku). Oni unose svoje jezične crte u govor zapadne Slavonije. Drugo, plemstvo je glavni nositelj hrvatske *samoidentifikacije*, bez obzira na to je li između pojmljova *plementit* i *Hrvat* isto znaće. Preseljenjem staroga rodovskog plemstva ojačale su veze koje su i prije postojale između Slavonije i Hrvatske. Treće, brojčano smanjenje plemstva, zbog ratova s Turcima, doveo je do ujedinjenja dvaju parlamenta u jedan. Smanjeni teritorij i prihodi, potreba obrane dovode do ujedinjavanja dužnosti slavonskog i hrvatskog bana, koji je imao titulu bana Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije. Hrvatska je identifikacija, vjerojatno zbog prevlasti hrvatskog plemstva, bila snažnija i zato je ujedinjenje provedeno pod hrvatskim imenom. Dalmacija je ostala izvan te vlasti te je imenu *Kraljevstva Slavonije i Hrvatske*, oslobođenom dalmatinskoga dijela bio olakšan prodor. Četvrto, intligencije je imala važnu ulogu u integracijskim procesima i stvaranju nove hrvatske identifikacije stanovništva Slavonije (*Slovenskoga kraljevstva*) (Budak 210).

U Varaždinskom generalatu etnonimski pridjev *slovenski* ostaje i u 18. stoljeću. Među graničarskom toponimijom taj se naziv zadržao do kraja 18. stoljeća, dakle tamo su bili i *Slovenci*. Toponomastički atribut *slovenski* dolazi onda kada isto ime sela treba razlikovati od *vlaškog*, a to govori o porijeklu njihova stanovništva. Godine 1726. navode se *Slovenska Ciglena* i *Vlaška Ciglena*, *Slovenska Kovačica* (današnja *Kovačica Slovinska*) i *Vlaška Kovačica*, *Slovenski Pašjan* i *Vlaški Pašjan*.

1837. godine Georgius Fejér (1839) priredio je svezak isprava o vezama Hrvatske i Slavonije s Ugarskom kojim je pokazao kako su u *regnum Sclavoniae* spadale Zagrebačka, Varaždinska i Križevačka županija, a Srijemska, Vukovska, Požeška i neko vrijeme Virovitička županija spadale su pod ingerenciju drugih ugarskih oblasti. Međutim to ne znači da se i stanovnici tih županija nisu mogli nazivati *Slavonci*.

Na Petrićevu pitanje jesu li samo kajkavci *Slovenci*, govore li samo oni *slovenski*, kojem je Petrić posvetio dosta prostora, treba reći da će biti točno ono što on s rezervom dopušta, tj. da se taj pridjev odnosi na sve stanovnike srednjovjekovne Slavonije, *slovenskoga orsaga*, dakle ne samo na kajkavce nego i na slavonske staroštakavce.

U slavenskom kontinuumu prije dolska Mađara u Panoniji etnos se nazivao *slovenški*. Od njega su se razvila dva naroda – Slovaci, Slovenci, koji su zadržali taj

¹¹ Dobar je primjer te promjene glasovita zbirka napjeva *Cithara octocorda*, koja je doživjela nekoliko izdanja. U izdanju iz 1701. govori se o latinsko-slavonskim pjesmama koje se pjevaju u slavenskom narodu, dok u izdanju iz 1723. već stoji da su to latinsko-hrvatske pjesme za hrvatski narod. „*Chitara octochorda seu cantus sacri latino-sclavonici*“ (1701., 1723., 1757.) (Korner – Demović).

korijen do danas u svojem imenu. Srbi su taj korijen uzeli u naziv za sve Slavene. U sjevernoj Hrvatskoj narod se tako nazivao do integracije Hrvata pod hrvatskim imenom.

Bibliografia

a) Radovi o Slovacima u Hrvatskoj

- HUDEC, I. – KURIC, A.: Slovaci u Lipovljanim. Lipovljani – Našice 2006.
KUČEROVÁ, K.: Slováci v Chorvátsku – od začiatkov príslahovania. Martin 2005 a.
KUČEROVÁ, K.: Slovaci u Hrvatskoj (od početka naseljavanja). Martin 2005 b.
KVASNOVSKI, J.: Porovnávací slovník oravsko-kyšuckého nárečia Slovákov v Josipovci. Josipovec 2006.
KURIC, A.: Slováci v Iloku. Ilok 2002
KURIC, A.: Slovenská osada Josipovec (Včera a dnes, zvyky, obyčaje a príprava jedál). Našice 2006 a.
KURIC, A.: Slovensko-chorvátsky a Chorvátsky-slovenský slovník s konverzáciou a gramatikou. Našice 2006 b.
ŠTOLC, J.: Reč Slovákov v Juhoslávii. I. Zvuková a gramatická stavba. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1968. 356 s.
Hrvatska/Slovačka. Povijesne i kulturne veze (Slična sudbina i zajedničke osobnosti) – Chorvátsko/Slovensko. Historické a kultúrne vzťahy. Zagreb 1998.
HORAK, E. (ur.): Slovensko-chorvátske jazykové a literárne vzťahy. Bratislava 1999.
Slováci v Chorvátsku – minulosť a prítomnosť (zborník materiálov z odborného seminára konaného v Bratislave 3. decembra 1999). Bratislava 2000.
VUKASOVIĆ, Ante (ur.): Graditelji mostova hrvatsko-slovačkog prijateljstva. Zagreb 2000.
Ľudová kultúra Slovákov v Chorvátsku. Našice 2002.
STREŠNJAK, M. – KURIC, A.: Slováci v Komletinciach. Osijek 2006.

b) Ostala literatura

- BOBA, I.: Novi pogled na povijest Moravije. Split 1986.
BOŠKOVIĆ, R.: Razvitak sufiksa u južnoslovenskoj jezičkoj zajednici. In: Južnoslovenski filolog, (Beograd) 1936, 15, s. 1 – 154.
BOTÍK, J.: Slovenskí Chorváti. Bratislava 2001.
BUDAK, N.: Hrvatska i Slavonija u ranome novom vijeku. Zagreb 2007.
FINKA, B. – KATIČIĆ, R. (ur.): Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. I – XI. Zagreb 1984 – 2009.
FRANKOPAN (ZRINSKI), Katarina: Putni tovaruš... Venecija 1661. (pretisak Čakovec 2005).
GOLDŠTAJN, I.: Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb 1995.
GOSTL, I.: Bogoslav Šulek. Otac hrvatskoga znanstvenoga nazivlja. O stotoj obljetnici smrti (1895 – 1995). Zagreb 1995.
GRAFENAUER, B.: Zgodovina slovenskega naroda. 1. zv. Ljubljana 1954.
HOLZER, G.: Historische Grammatik des Kroatischen. Einleitung und Lautgeschichte der Standardsprache. Frankfurt am Main – Berlin – Wien 2007.
JELIĆ, T. – HOLJEVAC, Ž.: Gradičanski Hrvati u Mađarskoj i Hrvati u Slovačkoj. Budimpešta 2006.
JEMBRIH, A.: Život i djelo Antuna Vramca. Prilog proučavanju starije hrvatske književnosti i dijalektologije. Čakovec 1981.
JEMBRIH, A.: Kajkaviana croatica – Hrvatska kajkavska književna riječ. Zagreb 1996.

- KLAIĆ, V.: *Povijest Hrvata*. V. Zagreb 1988.
- KLAIĆ, N.: *Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb 1971 (1), 1975 (2).
- KOMBOL, M., Povijest hrvatske književnosti do preporoda. Zagreb 1945 (2. vyd. 1961).
- KORNER, J. – DEMOVIĆ, M.: *Kajkavske popijevek Cithare Octochorde*. Zagreb 1998.
- KRAJČOVIĆ, R.: Slovenčina a slovanské jazyky. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava 1974.
- KUČEROVÁ, K.: *Hrvati u Srednjoj Europi*. Zagreb 1998.
- KUČERA, M.: *Cesta dejinami. Stredoveké Slovensko*. Bratislava 2002.
- KUNSTMANN, H.: *Die Slaven. Ihr Name, ihre Wanderung nach Europa, und die Anfänge der russischen Geschichte in historisch-onomastischer Sicht*. Stuttgart 1996.
- LONČARIĆ, Mijo: *Prilog južnoslavensko-zapadnoslavenskim odnosima s posebnim obzirom na slovačko-kajkavskе veze*. In: *Croatica* (Zagreb), 1992 – 1993, 23 – 24, s. 177 – 188. (znova publikované In: *Kajkaviana & alia*). Zagreb 2005, s. 1 – 10.
- LOPAŠIĆ, R.: *Urbaria lingua croatica conscripta*. Hrvatski urbari. 1. sv. Zagreb 1894.
- LOPAŠIĆ, R.: *Spomenici Hrvatske krajine. I – II*. Zagreb 1884.
- MARGETIĆ, L.: *Zagreb i Slavonija (izbor studija)*. Zagreb – Rijeka 2000.
- MATASOVIĆ, R.: *Poredbeno povjesna gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb 2008.
- MAŽURANIĆ, V.: *Prinosi za hrvatski pravno-povjesni rječnik*. 2. vol. Zagreb 1908 – 1922 (repr. 1975).
- MOGUŠ, M. (ur.): *Zbornik o Bogoslavu Šuleku: zbornik radova sa znanstvenoga skupa održanoga u Zagrebu ... 1995. godin*. Zagreb 1998.
- NEWEKLOWSKY, G.: *Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete*. Wien 1978, s. 115 – 126.
- PERGOŠIĆ, I.: *Decretum (...), pretisak*. Prir. Z. Bartolić. Čakovec 2003.
- PETRIĆ, H.: *Tko su „Slovenci“ ili Slavonci u Hrvatsko-slavonskoj Vojnoj krajini tijekom 17. stoljeća?* In: *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*, 2007, 39, s. 23 – 38.
- PETRIĆ, H.: *O Kranjcima i „Slovencima“ ili Slavoncima (Slovincima) u Križevačkoj županiji te Varaždinskom generalatu od kraja 16. do početka 18. stoljeća*. In: *Cris 2009 (Križevci)*, XI/1, s. 30 – 47.
- POHL, H.-D.: *Sprachverwandtschaftsmodelle. Zur arealen Gliederung des slavischen Sprachgebietes*. In: *Slavistična revija*, 1981, 29, s. 401 – 411.
- POKORNY, V. (ur.): *Poruka i sadašnjost Hrvata u Slovačkoj*. Bratislava 2001.
- POPOVIĆ, I.: *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden 1960.
- ROTAR, J.: *Trubar in južni Slovani*. Ljubljana 1989.
- SEDOV, V. V.: *Proishoždenie i rannjaja istorija slavjan*. Moskva 1979.
- SMIČIKLAS, T.: *Poviest Hrvatska. 2. dio*. Zagreb 1879.
- STANISLAV, J.: *Najstarše styky Slovákov s južnými Slovanmi*. Grivcov sborník. Olomouc: Acta Acad. Velehrad 1948, s. 257 – 261.
- STRIČEVIĆ-KOVAČEVIĆ, Z.: *Hrvatski motivi u djelu Martina Kukučina*. Zagreb 1998.
- ŠIŠIĆ, F.: *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*. Zagreb 1925.
- ŠOJAT, A.: *Kratki navuk jezičnice horvatske (Jezik stare kajkavske književnosti)*. Zagreb 2009.
- ŠOJAT, O.: *Hrvatski kajkavski pisci. I – II*. Zagreb 1977.
- ŠTOLC, J.: *Slovenská dialektologia*. Bratislava 1995.
- TAKAĆ, F.: *Rječnik sela Hrvatski Grob. Horvatansko-hrvatsko-slovački rječnik sa slovačko-horvatanskim i hrvatsko-horvatanskim indeksom*. Zagreb 2004.
- TORKAR, S.: *Bizjaki*. In: *Brecljev zbornik (Goriški letnik*, 2001, 28). Nova Gorica 2003, s. 133 – 140.

- TRUBAČOV, O.: Jazykoznanije i etnogenez slavian. Drevnije slaviane po dannym etimologii i onomastiki. In: Voprosy jazykoznanija, 1982, s. 10 – 26.
- VÁCLAVÍK, A.: Podunajská dedina v Československu. Bratislava 1925.
- VÁŽNÝ, V.: O chorvátskem „kajkavském“ nárečí Horvatského Grobu. In: A. Václavík: Podunajská dedina v Československu. Bratislava 1925, s. 110 – 176.
- VÁŽNÝ, V.: Čakavské nárečí v slovenském Podunají. In: Sborník Filosofické fakulty University Komenského v Bratislave, 1927, V 47 (2), s. 3 – 216.
- VONČINA, J.: Jezični razvoj ozaljskog kruga. In: Filologija, (Zagreb) 1973, 7, s. 203 – 238.
- VULIĆ, S. – PETROVIĆ, B.: Govor Hrvatskoga Groba u Slovačkoj. Zagreb 1999.

Z historickej lexiky západoslovenských nárečí

Rudolf Krajčovič

Bratislava

From Historical Lexicon of West Slovak Dialects

The author in the paper explains which lexical units became a base for a creation of historical personal names from which subsequently selected names of villages arose. Presented lexemes from an early and later period of the Middle Ages belong today to region of the West Slovak dialects and they are, together with other historical phenomena, an evidence of the Proto-Slavic origin of these dialects. Results of the research have a form of dictionary entries.

Compound names (as a base of names of villages and cities) he considers as princely names, simple names presumably come from a background of great princely families.

Predmetom štúdie je historická jazykovedná analýza vybraných sídliskových názvov utvorených z osobných mien v oblasti západoslovenských nárečí medzi Malými Karpatmi a Váhom. Hlavným cieľom štúdie je zistiť, z akých lexikálnych jednotiek boli utvorené historické osobné mená, z ktorých vznikli vybrané názvy obcí. Zistené lexikálne jednotky umožňujú spoznať lexiku vo vymedzenom areáli západoslovenských nárečí v ranom a staršom stredoveku, pričom spolu s inými historickými javmi sú dôkazom, že spomenuté nárečia majú praslovanský základ.

Výsledky výskumu sa v štúdii podávajú v podobe hesiel. Po heslových slovách v súčasnom prepise a následne v historickej podobe nasledujú dve relatívne samostatné časti. Prvá časť obsahuje výsledky zistené o slovách historickou jazykovednou analýzou osobných mien, z ktorých vznikli vybrané sídliskové názvy. Súčasne v tejto časti zistená lexika sa porovnáva s lexikou iných slovanských jazykov, čím sa dokumentuje ich existencia, ich vývin formy a obsahu. Druhá časť obsahuje poznatky zistené o vybraných sídliskových názvoch, o ich historických záznamoch, o ich vývine a pod., pričom sa súčasne podávajú aj poznatky o vzniku a vývine historických osobných mien, z ktorých skúmané názvy vznikli. Azda už tu bude vhodné upozorniť, že použitá literatúra a pramene sa v heslach pre ich prehľadnosť podávajú v skratkách, ktoré sa vysvetľujú spolu s inými skratkami na konci štúdie.

Historickou jazykovednou analýzou sa zistili nasledujúce historické lexikálne jednotky z vymedzeného areálu západoslovenských nárečí.

boh, m. **Boh**, m., hist. **bog**, **Bog** „nadzemská bytosť“ v slovenčine *Boh* v kresťanskom ponímaní, *boh* pohanský (psl. *bogъ*, stčes. *bóh*, dnes čes. *bůh*, pol. *bóg* atď. SP I., s. 236), doložené v osobných menách *Bogdan* a *Bogun*. – *Bogdan*, meno zložené z apel. *Bog* a *dan*. pas. part. od *dat*, dnes v slovenčine *daný* (p. heslo *daný*), čiže meno v živej ešte neustálenej podobe malo zrejme význam „potomok daný od Boha alebo potomok daný Bohu na ochranu“ (p. srb. *Bogdan* sa vysvetľuje lat. *Deo datus*, t. j. daný Bohu, srb. *bog dao*, tak Skok I., s. 182), z neho hist. názov obce *Bohdanova* nad Trnavou, okr. Trnava (s dokl. *Bagdanch* 1373, *Bogdanow-*

ce 1435, *Bohdancz* 1455, *Bohdánowce* 1808, VSO I., s. 75), pôvodne *Bogdanovci* (meno s rodinnou príponou *-ovci*), t. j. potomci alebo príbuzní bývajúci v usadlosti vlastníka menom Bogdan (-g- v mene naznačuje, že to bolo pred zmenou g na h, čiže pred 13. stor.), z neho toponymickou príponou *-ovce* a po zmene g na h vznikol dnešný názov *Bohdanovce*, novšie *Bohdanovce nad Trnavou*. – *Bohun*, meno od apel. *Boh* expr. príponou *-un* (azda familiárne skrátené meno *Bohuslav*, *Bohumír* a pod.), z neho hist. názov obce *Bohunice* (s dokl. *Bagan* 1113, *Bohonycz* 1494, *Bohunicz* 1514, *Bohunice* 1808, VSO I., s. 176), pôvodne *Bogun* bez prípony ako názov majetku menom vlastníka Bogun, prípadne v men. privlast. tvaru *Boguň* (psl. *Bogun-jb*), čiže Bogunov (dvorec, majetok a pod.); v ľudovom prostredí vznikla rodinná podoba názvu *Bohunici*, z neho toponymickou príponou *-ice* vznikol dnešný názov *Bohunice*, dnes Jaslovské Bohunice, okr. Trnava.

bole, hist. adv. **bolě** „viac, lepšie“ (psl. *bolje*, *bolší* „väčší, lepší“, *hluž*. *bole* „viac“, srb., chorv. *bolje* „viac“, strus. *bole*, *bol* „viac, lepšie“ atď., SP I., s. 316) doložené v hist. mene *Bolerad*. – *Bolerad* (psl. *Boléradъ* osobné meno zložené z hist. adv. *bolě* „viac“ a *rad* „rát“ (k tomu p. heslo *rát*) so živým významom „potomok, ktorého má rodina viac rada ako iných v rodine, prípadne ako dospelý bude obľúbenejší než iní dospelí“; z neho názov pôvodnej usadlosti v podobe men. privlast. adj. *Boléradz'* (psl. *Bolérad-jb*), čiže Boleradov dvorec, dnes Boleráz, okr. Trnava (s dokl. *Balarad* 1240, *Bolierat* 1293, *Boleraz* 1450, VSO I., s. 180, *Boleracz* 1786, *Bolerac* 1863, Maj. NO, s. 66); dnešná podoba názvu *Boleráz* vznikla po zmene koncového *-dz* na *-z* v ľudovom prostredí zrejme vplyvom stálezelenej rastliny boleráz.

brať, verb., hist. **brati** „bojovať, boriť, búrať v boji“, v slovenčine blízke *boriť*, „búrať, ničiť“, v náreč. aj „zápasíť, bojovať“, SSN I., s. 145 (stslovin. *brati* „bojovať“, stpoľ. i v náreč. *bróć się* „bojovať“, rus. *borotsja* „bojovať“ atď., Mch., s. 61), doložené v osobnom mene *Braslav*. – *Brasla*v (psl. *Braslavъ* z *Borslavъ*) meno zložené z koreňa *bra-* v *brati* „bojovať“ a *slav* od *slaviti* „šíriť dobrú povest“ (p. heslo *slaviti*); živé ešte neustálené meno malo zrejme význam „potomok s povestou dobrého bojovníka“, z neho vznikol hist. názov nášho hlavného mesta Bratislavu (s dokl. *Braslawespurch* 907, *Bresbuc*, *Preslawaspurc* 1052, *Brezbuc* 1189, *Prešporek* 1773, VSO I., s. 188); podľa najstaršieho záznamu názov pôvodne zložený z domáceho *Braslav* v tvaru men. privlast. adj. *Braslav'* (psl. *Braslav-jb*) čiže Braslavov (hrad), v nem. zázname k menu *Braslav-* pribudla konc. gen. *-es* a nem. apel. *Burg*, čiže v preklade *Braslavov hrad*; z nem. hist. názvu vznikol skrátením názov *Bresburg*, z neho v sloven. prostredí *Prešporek* (1773), od r. 1920 Bratislava.

budiť, verb., hist. **buditi** „vzbudzovať, prebúdzať, byť pozorný“, v slovenčine *budit'* „prebúdzať, vzbudzovať“ (psl. *buditi*, čes. *buditi*, poľ. *budzić* atď., SP I., s. 434), doložené v osobnom mene *Budimer*. – *Budimer* (psl. *Budiměrъ*), meno zložené z koreňa *bud-* v *buditi* a *mer*, hist. *měr* „mier, pokoj“ (p. heslo *mier*) meno v živej ešte neustálenej forme mohlo mať význam „potomok vzbudzujúci svojím správaním u ľudí kladný vzťah k mieru, k spolunažívaniu“, doložené je v hist. názve *Budimer*, dnes Budmerice (s dokl. *Budmer* 13. stor., *Pudmerich* 1390, *Budmer* 1411, VSO I., s. 254), pôvodne bez prípony ako názov usadlosti menom vlastníka Budimer alebo vo forme men. privlast. adj. *Budimer'* (psl. *Budiměr-jb*), čiže Budimerov (dvorec, majetok a pod.), z neho neskôr rodin. príponou *-ici* vznikla podoba názvu *Budmerici*,

z ktorého toponym. príponou *-ice* vznikla forma názvu *Pudmerice*, z neho novšou úpravou dnešný názov Budmerice, okr. Pezinok.

daný, -á, -é, adj., hist. **dan**, -a, -o, men. adj., dnes v slovenčine *daný* „existujúci, určený“, men. adj. *dán* doložené v 16. stor., HSSJ I., s. 231 (psl. *danъ, dati*, stčes. blízke *dánie*, dnes čes. *dání, podání* „podanie“, poľ. *dać „dat“*, *dane* „údaje, dátia“, srb., chorv. *dan i dat* „daný“ atď.), doložené v hist. mene *Bogdan* (psl. *Bugъданъ*) s obsahom živého ešte neustáleného mena „Bohu daný do ochrany“ alebo „daný od Boha“ (p. heslo *boh*); z mena hist. názov obce Bohdanovce nad Trnavou.

dobrý, -á, -é, adj., hist. **dobr**, -a, -o, men. adj., dnes v slovenčine *dobrý* „dobrý, náležitý, statočný“ a pod., SSJ I., s. 279, doložené v 16. a 17. stor., HSSJ I., s. 269 n. (psl. *dobrъ, dobrъjь*, „dobrý, statočný, dôkladný“ a pod., SP III., s. 310 n., stčes. *dobr* „dobrý, statočný, udatný“, srb., chorv. *dobar* „dobrý“ atď.); doložené v mene *Dobrogost*. – Dobrogost (psl. *Dobrogostъ*) meno zložené z adj. *dobr-* vo význame „dobrý, statočný, nie zlomyseľný a pod.“ a hist. apel. *gost* s významom „prisídlený bez zlého úmyslu“ (p. heslo *host*), z neho hist. názov *Dobrogost* (s dokl. *Dobrogost* 1238, *Dobrogost* 1383, VSO I., s. 324), pôvodne bez prípony ako názov majetku menom vlastníka Dobrogost, dnes z neho po úprave názov Dobrohošť, okr. Dunajská Streda.

holý, -á, -é, adj., hist. **gol**, -a, -o, men. adj. pred zmenou *g* na *h* v 12. stor. „holý, pustý“, prenes. „mladý, nemajetný“ (psl. *golъ, golъjь*, „holý, pustý, núdzny“), ZVSZ, s. 131, čes. *holý, holka* „mladé, nedospelé dievča“, *holec* „mládenec“, poľ. *goly* „holý“, *goleniec* „mladík“ atď.), doložené v hist. názve *Golęta* (s dokl. *Galanta* 1237, *Galantha* 1773, VSO I., s. 381); názov od hist. osobného mena *Golęta* (od *gol-* príponou mladistvých *-ęta*, porov. *mláďatá, vtáčatá*), pôvodne bez prípony ako názov majetku menom vlastníka *Golęta*; názov v 10. stor. prevzala stmaďar. posádka a v maďarskom prostredí z neho vznikol názov *Galanta* (vyrovnaním slabík známym v stmaďar.), dnes okresné mesto Galanta. – Bližšie realite je výklad názvu ako formy pl. *Golęta* motivovanej družinou mladých poverených dohliadať na strategický priestor na križovatke dôležitých ciest, jednej smerujúcej od východu k hist. Bratislavskému hradu a druhej vedúcej od juhovýchodu k slovanskému hradisku pri Majcichove (k tomu Kr.ŽK, s. 97 n., k hradiskám Ch.VSN, s. 32 n., 123 n.).

hosť, m., hist. **gost** „prisídlený bez zlého úmyslu“ (psl. *gostъ*, stčes. *host*, „cudzinec, prisídlenec“, expr. *hosták* „cudzinec, kupec“, poľ. *gość* „hosť“, *bita droga gosci* „cesta pre kupcov“, Brück., s. 153 strus. *gost* „hosť, cudzinec, nedomáci kupec“ (k etym. p. Mch., s. 178, Vas. I., s. 447 n.); apel. doložené v hist. mene *Dobrogost* (p. heslo *dobrý*).

mier, m., hist. **měr**, **mir** „mier, pokoj“, slovensky *mier* „pokoj, stav bez vojny“ (psl. *měrъ, mirъ*, stčes. *mier*, čes. *mír*, v poľ. *mierz* i *mir* zachované v osobných menách, napr. *Mierosław, Dobromír*, Brück., s. 333, srb., chorv. *mir* „mier, pokoj“, rus. *mir* „mier“ atď.), apel. doložené v hist. mene *Budimer* (p. heslo *budit*).

mőj, -a, -e, privlast. zám. „mne patriaci“, expr. vo význame „ten, komu patrí citový vzťah“ (psl. *mojъ*, sloven. *môj*, čes. *můj*, poľ. *mój* atď., k etym. Mch., s. 382), doložené v hist. osobnom mene *Mojtěch*. – *M o j t ě c h* (psl. *Mojtěchъ*), meno zložené z *mój* a kmeňa hist. apel. *těcha* (p. heslo *techá*) s obsahom živého ešte neustáleného mena „moje potešenie, moja útecha“ o potomkovi, ku ktorému jedna z osôb rodiny mala

hlboký citový vzťah“, z mena vznikol názov *Mojtech* (s dokl. *Moycheh* 1265, *Moycīh* 1326, *Maycichow* 1773), pôvodne bez prípony ako názov majetku alebo hradného objektu, ktorý patril osobe menom *Mojtech*; v ľudovom prostredí po asibilácii ī na č (neskôr c) názov nadobudol podobu *Mojcech*, z neho privlast. alebo toponym. príponou -ov vznikol názov *Mojcechov*, z toho pomaďarčením vznikla dnešná podoba názvu *Majcichov*, ktorá sa zaužívala (p. heslo *techa*).

rád, -a, -o, hist. men. adj., dnes v slovenčine *rád*, *rada*, *rado*, *radi*, *rady* vo funkcií príslovky s významom „ochotne, s radosťou, mať v obľube a pod.“ (psl. *radb*, *rada*, *rado*, stčes. *rád* „byť rád niečomu“, poľ. *rad* „rád“ atď.), doložené v hist. mene *Bolerad* (p. heslo *bolē*) a v mene *Radko*. – *R ad k o*, meno utvorené od *rád* zdrob. príponou -ko (vzniklo zrejme skrátením jedného z mien typu *Radoslav*, *Radomír* a pod.), doložené je v hist. názve obce *Ratkovce* (s dokl. *Ratkolch* 1388, *Ratkowcze* 1773, VSO I., s. 480); názov vznikol zo živého rodinného názvu *Radkovci*, čiže z ľudového pomenovania potomkov alebo príbuzných bývajúcich v usadlosti pôvodného vlastníka menom Radko, z neho po znelostnej asimilácii -dk- na -tk- a po zmene koncového -ovi na toponym. príponu -ovce vznikla dnešná podoba názvu obce *Ratkovce*, okr. Piešťany.

radovať sa, verb., hist. **radovati** sā „mať radosť, tešiť sa z niečoho, veseliť sa a pod.“ (psl. *radovati* sę, sloven. *radovať* sa, čes. *radovati* sě, poľ. *radovać się* atď.), doložené v osobnom mene *Radovan*. – *R ad o v a n*, meno od koreňa *radov-* v *radovať* sa príponou -an (ako v mene *Milan*, neskôr v skrátenej forme *Radvan* (p. čes. názov *Radvanov*, ale chorv. *Radovan*, uvádzajúca sa v St. SJ II., s. 379 s lit.); hist. názov mal podobu men. privlast. adj. *Radovaň* (psl. *Radovan-ji*), t. j. Radovanov dvorec, majetok a pod. (s dokl. *Roduan* 1252, *Raduan* 1272, *Radwan* 1341, *Radwány* 1808, VSO I., s. 299), dnes názov v skrátenej forme s orientačným privlastkom Čiližská Radvaň, okr. Dunajská Streda.

sláva, f., hist. **slava** „dobrý chýr, dobrá povest“, v slovenčine dnes *sláva* „prejav uznania za zásluhy, okázalosť, hrdosť“, *slávit* „niečo oslavovať, uctievať“ a pod. (psl. *slava*, *slaviti*, stčes. *sláva* „sláva, chvála, chválospev“, *slaviti* „oslavovať“, poľ. *sława* „sláva“, *sławetny* „povestný, slávny“, rus. *slava* „česť, pochvala i chýr, reči o niekom“, Vas. III., s. 664 atď.); zachované v hist. osobnom mene *Braslaw* (p. heslo *brat*).

sláviť, verb., hist. **slaviti** „oslavovať, šíriť slávu, dobrú povest“ (p. heslá *sláva* a *brat*).

techa, f., hist. apel. **těcha** „potešenie, útecha“, v slovenčine lit. *techa* „potecha“, SSJ IV., s. 501 (čes. názov *Těšín*, dnes Český *Těšín*, sa vykladá z osobného mena *Těcha*, *Těša* s odkazom na mená *Těchoslav*, *Dobrotěch*, *Těšimír*, MJČS, s. 78, poľ. *ciecha*, *pociecha* „potecha“, uvádzajúca sa v St. SJ IV., s. 501, Brück., s. 61), zachované v osobnom mene *Mojtech*, z neho ľudový názov *Mojcechov*, dnes Majcichov, okr. Trnava (p. heslo *môj*).

trebý, -á, -é adj. „potrebný“, hist. **trěb**, -a, -o, men. adj. „potrebný“, prípadne **treba**, f., hist. **trěba** „potreba“, dnes v slovenčine príslovka *treba* „je potreba“, v literatúre doložené, *trebý* i *netrebý*, prípadne *nepotrebný*, Kál., s. 380, 721 (stsloven. men. adj. *trěbъ* „potrebný“, apel. *trěba* „potreba“, čes. *trěbě býti*, uvádzajúca sa v St. SJ IV., s. 501, Brück., s. 656, poľ. *trzeba*, *potrzeba* „potreba, nevyhnutnosť“, Brück., s. 579 atď.), doložené v hist. osobnom mene *Trěbäta*. – *Tr ě b ä t a* (psl. *Trěbëta*) utvorené z koreňa *trěb-* s hist.

zdrob. príponou *-äta* (psl. *-ęta*, z neho napr. *mláďatá*, *vtáčatá* a pod.); z mena hist. názov *Trěbäta* (s dokl. *Trebeta* 1113, *Trebata* 1298, *Trebaticze* 1773, VSO III., s. 173), podľa dokladov pôvodne bez prípony ako názov majetku menom vlastníka Trěbäta, z neho neskôr po zmenách ě na e, ä na a vznikla podoba názvu *Trebata*, z toho v ľudovom prostredí rodinnou príponou *-ici* alebo priamo toponym. príponou *-ice* vznikla dnešná forma názvu obce Trebatice, okr. Piešťany. – Vzhľadom na pl. formy apelatív typu *mláďatá* (psl. *moldęta*, z toho *mladęta*) pôvodný názov možno interpretovať ako pl. formu *Trěbäta*, čiže ako názov podľa rodového názvu družiny mladých poverených strážiť strategický prechod cez blízky Váh, pri ktorom obec vznikla (k tomu Kr.ŽK, s. 98 n., a výklad názvu Galanta v hesle *holý*).

Na záver bude azda potrebné pripomenúť, že uvedené zložené mená, z ktorých vznikli názvy obcí a miest spomenuté v štúdii, je reálne pokladané za mená kniežacie, prípadne mená nezložené pokladané za mená, ktoré vznikli v prostredí kniežacích veľkorodín. Reálnosť takého predpokladu potvrdzuje skutočnosť, že takmer všetky historické názvy tohto typu sa vyskytujú pri dôležitých strategických priestoroch, pri prechodoch cez Malé Karpaty (*Budiměřb*, *Bolěradb*), pri križovatkách významných ciest (*Golęta*), pri významných hradoch z doby veľkomoravskej (*Braslavb*, *Mojtěchb*), pri prechode ciest cez Dunaj (*Dobrogostb*, *Radovanb*) alebo pri brode cez Váh (*Trěbäta*, *Radko*). Strategický význam spomenutých priestorov potvrdzujú aj archeologické objavy slovanských hradísk z 9. stor. alebo sídliskové nálezy z veľkomoravského obdobia (o tom v heslach vo VSO I. – III. a v knihe Ch.VSN).

Bibliografia

- Brück. – BRÜCKNER, Aleksander: Słownik etymologiczny języka polskiego. Wiedza popularna. Warszawa 1957.
- HSSJ I. – VII. – Historický slovník slovenského jazyka. I. – VI. Red. M. Majtán. Bratislava: Veda 1991 – 2008.
- Ch.VSN – Významné slovanské náleziská na Slovensku. Ed. B. Chropovský. Bratislava: Veda 1978.
- Kál. – KÁLAL, Karol – KÁLAL, Miroslav: Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Bratislava: vlastným nákladom 1923.
- Kr.ŽK – KRAJČOVIČ, Rudolf: Živé kroniky slovenských dejín skryté v názvoch obcí a miest. Bratislava: Literárne informačné centrum 2005.
- Maj. NO – MAJTÁN, Milan: Názvy obcí na Slovensku za ostatných dvesto rokov. Bratislava: Vyld. SAV 1972.
- Mch. – MACHEK, Václav: Etymologický slovník jazyka českého. 2. vyd. Praha: Academia 1968.
- MJČS – LUTTERER, Ivan – MAJTÁN, Milan – ŠRÁMEK, Rudolf: Zemepisná jména Československa. Praha: Mladá fronta 1982.
- Skok I. – IV. – SKOK, Petar: Etimologiski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I. – IV. Zagreb: Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti 1971 – 1978.
- SP I. – V. – Słownik prasłowiański. Red. Fr. Ślawski. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Wydawnictwo PAN 1974 – 1986.
- SSJ I. – V. – Slovník slovenského jazyka. I. – V. Red. Š. Peciar. Bratislava: Vyld. SAV 1959 – 1965.

SSN I. – II. – Slovník slovenských nárečí. I. – II. Red. I. Ripka. Bratislava: Veda 1994 – 2006.

St.SJ II. – STANISLAV, Ján: Slovenský juh v stredoveku. II. 2. vyd. Bratislava: Literárne informačné centrum 2004.

Vas. I. – V. – VASMER, Max: Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. Moskva: Progress 1964 – 1973.

VSO I. – III. – Vlastivedný slovník obcí na Slovensku. I. – III. Red. M. Kropilák. Bratislava: Veda 1977 – 1978.

ZVSZ – KOPEČNÝ, František: Základní všeobecná slovní zásoba. Brno 1963.

Skratky jazykov. čes. – český, hluž. – hornolužický, chorv. – chorvátsky, lat. – latinský, náreč. – nárečie, poľ. – poľský, psl. – praslovanský, rus. – ruský, sloven. – slovenský, srb. – srbský, stčes. – staročeský, stmaďar. – stará maďarčina, stpoľ. – staropološký, strus. – staroruský, stslovien. – starosloviensky.

Iné skratky: adj. – adjektívum, adv. – adverbium, apel. – apelatívum, a pod. – a podobne, atď. – a tak d'alej, dokl. – doklad, expr. – expresívne, f. – feminínum, gen. – genitív, hist. – historický, konc. – koncový, koncovka, lit. – literárny, m. – maskulínum, men. adj. – menné adjektívum, n. – nasledujúca strana, nem. – nemecký, okr. – okres, p. – pozri, pas. part. – pasívne particípium, porov. – porovnaj, privlast. – privlastňovací, r. – rok, sloven. – slovenský, stor. – storocie, t. j. – to jest, toponym. – toponymický, verb. – verbum, zám. – zámeno, zdrob. – zdrobnený, zdrobnenina.

Tri teórie o pôvode slovenčiny: migračno-integračná, kmeňová a koinéová

Martin Pukanec

Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa, Nitra

Three Theories on the Development of Slovak: Migration and Integration Theory, Tribe Theory and Koiné Theory

The paper deals with three theories (hypotheses) concerning the origin of Slovak language: R. Krajčovič's Migration and Integration Theory, and M. Pukanec's Tribe and Koiné Theories. Description and analysis of these theories should provide enough material to answer the key questions regarding the Slovak linguogenesis. The Slovak linguogenesis in light of the new theory, called „Koiné and Integration Theory“, developed in this paper, consists of three following stages: 1. Early Integration Period (from 6th century to 833), characterized by oldest Proto-Slavic isoglosses, especially the metathesis of liquid consonants; 2. Koinéization (from 833 to 907), characterized by a standard language of Moravian Empire that had arisen as a result of contact between a South Slavic dialect and West Slavic dialects; and 3. Constitutive Period (from 907 to 1110), when the Slovak language developed independently from the koiné.

Na začiatku článku predstavíme všetky tri teórie (či hypotézy) o pôvode slovenčiny uvedené v nadpise, teda migračno-integračnú, kmeňovú i koinéovú, pričom každú z nich podrobíme stručnému kritickému skúmaniu. Na záver sa pokúsime o východisko z týchto troch hypotetických teoretických pokusov v novej teórii, resp. hypotéze, ktorú tu možno pracovne nazvať koinéovo-integračná.

Najznámejšia z uvádzaných troch teórií je teória migračno-integračná. Dá sa v podstate označiť dokonca za panujúcu, keďže sa v súčasnosti vyučuje na vysokých školách. Jej autor R. Krajčovič predovšetkým exaktne dokázal tri veci, a to že:

1. slovenčina sa začala integrovať už po 10. storočí, teda dávno pred 14. – 16. storočím, ako uvažovali iní bádatelia,
2. východoslovenské nárečia nie sú pôvodom ani poľské, ani ukrajinské,
3. vedľa juhoslavizmov existovali v strednej slovenčine aj západoslavizmy.

Pre prvé zistenie uvádzajú ako dôkaz najmä slovenské *dž* : *z* za praslovanské **dj* : **g*, pričom čeština mala len *z*, poľština len *dž* a absenciou jednako staropoľskej dispalatalizácie (slovenské *žena*, *pero* proti poľskému *żona*, *pioro*), jednako staročeskéj slabičnej depalatalizácie typu *te* > *te* pred tvrdou slabikou a tzv. českých prehlások. Druhú tézu dokazuje jednak východoslovenským *hrad*, *meso*, *žena* a tvarom *nožé* proti poľskému *gród*, *mięso*, *żona* a tvaru *nodze*, jednak východoslovenským *žema*, *šidlo*, *hrad* proti ukrajinskému *zemľá*, *šýlo*, *hórod*. V prospech tretieho tvrdenia argumentuje zachovaným *kv-*, *gv-*, spomínaným *dž* za praslovanské **dj* a absenciou epentetického *l* (pozri Krajčovič, 1981, s. 13 – 14).

Migračno-integračná teória rieši otázku pôvodu slovenčiny z hľadiska troch dejinných úsekov (pozri tamže, 1981, s. 15 – 18):

1. Pomigračné obdobie (6. – 7. storočie). Ako uvádza R. Krajčovič, podľa zistení archeológie západnú a východnú oblasť dnešného Slovenska a k nemu od juhu príahlých oblastí osídľovalo praslovanské etnikum od severu a severovýchodu, strednú od juhu a juhovýchodu. Nazdáva sa, že už v zakarpatskom priestore sa praslovančina členila na západný a juhovýchodný nárečový areál, pričom západná a východná oblasť slovenčiny bola osídlená z onej západnej časti a stredná oblasť slovenčiny z juhovýchodnej. Hlavným jazykovým dôkazom majú byť zachovanie praslovanského *dl*, *tl*, ďalej *š* za praslovanské **ch'* a *roT-*, *loT-* za praslovanské **ořT-*, **ořT-* v západnej a východnej slovenčine proti *l* < **dl*, **tl*, *s* < **ch'* a *raT*, *laT-* < **ořT-*, **ořT-* v strednej slovenčine.

2. Integračné obdobie (8. – 9. storočie). Už v 7. storočí mala prinášať integráciu Samova riša, v 8. storočí sa integračné tendencie zosilňovali a v 9. storočí vznikajú na území Slovenska prvé kniežatstvá. V tomto období sa v praslovanskom základe slovenčiny vykonali zmeny príznačné pre celú slovenčinu a západnú slovančinu a zmeny príznačné pre celú slovenčinu s výnimkou Záhoria, prípadne aj východného Slovenska, ktoré pre západnú slovančinu typické neboli. Medzi západoslovenské a celoslovenské javy patrí zachovanie praslovanských skupín *kv-*, *gv-*, absencia epentetického *l* a zmena **dj*, **tj/kt* > *dž*, *č*. Medzi nezápadoslovenské a neceloslovenské javy patrí zmena *jv-* > *i-* na začiatku slov (slovenské *ihla*, srbochorvátske *igla*, ruské *ig'olka* proti českému *jehla*, záhorskému *jehua*), krátkosť v prípadoch typu *krava*, *slama*, *žaba* (proti českému i záhorskému *kráva...*), koncovka *-om* v inštrumentálni singuláru maskulín (napr. *chlapom* < **chlapomъ* proti záhorskému *chłapem*, českému *chlapem*, poľskému *chłopem* < **chlapъmъ*), dĺžka na koncovke *-á* v nominatívne plurálu neutier (slovenské *mestá* proti záhorskému *mjesta* a českému *města*), ale aj praslovanské slabičné *r* v slovách typu *krv* (slovenské *krv*, *kru*, *krf* proti záhorskému i východoslovenskému *kref*, české *kreva*, poľské *krew* < **krъvbъ*).

3. Konštitutívne obdobie (10. – 11. storočie). V tomto období vznikali popri integrujúcich javoch aj javy diferencujúce územie slovenčiny. Integračné javy sú *dž* : *ž* < **dj* : **g'*, krátkosť v type *krava...*, absencia poľskej dispalatalizácie, českej depatalizácie, neutvorili sa podmienky pre najstaršiu českú prehlásku *a* > *ě* (slovenské *ulica*, *zviera*, *d'akovať* proti českému *ulice*, *zvíře*, *děkovat*) a okrem už uvádzaných je to aj dĺžka v koreni tvarov typu *vedl* (slovensky *viedol*, *védel* proti českému *vedl*). Diferencujúce javy sú vokalizácia *ň* > *e* v západnej a východnej časti Slovenska proti *ň* > *o* v strednej časti, kontrakcia *ojoN* > *oN* v koncovke inštrumentálmu singuláru feminín v západnej a východnej časti proti *ojoN* > *oju* > *ou* v strednej, kontrahované tvary typu *mé*, *má* v záhorskej a čiastočne východoslovenskej oblasti atď.

R. Krajčovič si uvedomuje, že výskum lexiky čiastočne bráni trichotomickému deleniu (pozri 1981, s. 209 – 215), a práve na základe výskumu praslovanskej lexiky je založená druhá teória o pôvode slovenčiny, ktorú tu nazývame kmeňovou. Jej autor M. Pukanec, vychádzajúc z najnovších poznatkov historie a jej pomocnej vedy genealógie, verí v existenciu viacerých kmeňov na území dnešnej Slovenskej republiky i k nej od juhu príahlých oblastí (kmeň/kniežatstvo Hron na potenciálnom slovenskom juhu však ďalej nerozoberá) a v to, že každý z týchto kmeňov hovoril

vlastným nárečím. Na území Slovenska malo okolo roku 1000 existovať minimálne sedem nárečí kmeňov alebo kniežatstiev: nárečia záhorské (Morava) a zvyšné západoslovenské (Nitra), severostredoslovenské (Váh), gemerské (Gemer) a zvyšné juhostredoslovenské (Hont) a západné východoslovenské (Spiš) a východné východoslovenské (Zemplín). Toto delenie dokazuje nielen výskum praslovanskej lexiky, ale aj výskum R. Krajčoviča. Záhorské nárečia majú okrem lexiky charakterizovať napríklad izoglosy psl. *jbgyla* || *igbla*, *sláma* || *slama* či *krvьv* || *krvь*, stredoslovenské nárečia majú odlišovať od východoslovenských izoglosa *-ójoN* || *-oN* a od východoslovenských s gemerskými či časťou gemerských izoglosy *raT-* || *roT-* < **ořT*, *laT-* || *loT* < **ořT* a *l* || *dl* < **dl*, pričom tieto štyri izoglosy majú lísiť stredoslovenské nárečia aj od západoslovenských, a napokon zemplínske nárečia od spišských odlišuje napríklad vývin *ь* v silnej polohe, kde je striednica *o* na mieste *ь* v type slov **pěšťkь*, a severné stredoslovenské nárečia má odlišovať od ostatných areál zmien *ь* > *a* popri *ь* > *o* (Pukanec, 2008 b, s. 154; porov. Krajčovič, 1974, s. 320, 324).

Z hierarchickej klastrovej analýzy praslovanskej lexiky v týchto nárečiach autorovi teórie vyplýva, že najpríbuznejšie sú si nárečia kniežatstiev Nitra a Hont (centrálné nárečia), k centrálnym nárečiam sú najbližšie záhorské nárečia, ďalšie v poradí sú severostredoslovenské nárečia, potom gemerské a napokon východoslovenské (pozri Pukanec, 2008 a). Teda v inej terminológii sú si zo slovenských nárečí najbližšie juhozápadná stredoslovenčina a východná západoslovenčina. Autor si však na inom mieste (2008 b, s. 83; 2009) okrem toho všíma aj jeden zvláštny jav, a to že mnohé staré izoglosy týchto centrálnych nárečí idú doslova priamo cez Nitru alebo aspoň v jej tesnej blízkosti: *ražeň* || *rožeň*, *rásť* || *róst*, *laket'* || *loket'*, *šidlo* || *šilo*, *hrdlo* || *hrlo* (pozri Štolc a kol., 1968, s. 76, 78, 82, 290, 291), ďalej sú to napríklad rôzne reflexy za jery v slovách ako *chrъbътъ*, *въпъ*, *овъстъ*, *дъch*, *дъска*, *котълъ*, *ръзъ*, *pěšťkь* (pozri Štolc a kol., 1968, s. 21, 24, 26, 30, 31, 34, 38, 47), ale priamo cez Nitru prechádza napríklad tiež izoglosa inštrumentálu singuláru substantív žena oddelujúca tvary *ženu* || *ženou* (pozri Štolc, 1981, s. 51), kúsok od Nitry na východ ide izoglosa *dobré* || *dobruo* (pozri Štolc, 1981, s. 145) a vymenovať možno viaceru ďalších izoglos. Uvedomuje si, že takéto usporiadanie javov z historického hľadiska nedáva veľký zmysel, keďže Nitra bola kultúrnym centrom, ale túto otázku nijako zvlášť nerieši. Autor vôbec zastáva k otázke pôvodu slovenčiny pomerne postmoderne stanovisko (pozri Pukanec, 2006), akoby bez skutočnej väle riešiť tento problém.

Odrážajúc sa od problému izoglosy pretínajúcej Nitru sa však ten istý autor predsa len dostáva k pravdepodobnému riešeniu tohto javu, a to najmä na konferencii Jazyk – historický fenomén, ktorá sa konala v roku 2009 v Nitre (riešenia tejto otázky sú už vägnejšie načrtnuté In: Pukanec, 2009), v referáte s názvom *Nitrianske koiné ako prvý nadnárečový útvor slovenských kmeňov*. M. Pukanec vo svojom príspevku zavádzia do riešenia otázky pôvodu slovenského jazyka pojem moravského a nitrianskeho koiné, s ktorým sa síce v jazykovede a priori počíta, ale nikto tomuto koiné nepriznal vplyv na stav slovenčiny. Teóriu, ktorú, ako sám uvádzia, predstavil v nedokončenej verzii na spomínanom seminári, tu voláme koinéová.

Koinéová teória sa stavia proti migračno-integračnej teórii R. Krajčoviča. V jej rámci by sa totiž o postavení mesta Nitry presne na rozhraní viacerých veľmi starých jazykových javov muselo uvažovať tak, že spoza Karpát prišiel západosloven-

ský a východoslovenský kmeň zo severu a stredoslovenský z juhu a niekedy potom sa západoslovenský a stredoslovenský kmeň dohodli, že na vzájomnej hranici budú mať hlavné mesto nového spoločného kniežatstva, teda Nitru. Takýto výklad by však bol, samozrejme, veľmi naivný a historicky úplne nezmyselný. Na jedno z pravdepodobnejších riešení tohto problému sa tu využíva pojed koiné, ktoré malo vznikať na rozhraní južnoslovanského a západoslovanského makrodialektu.

V súlade s modelom koinéizácie J. Siegla (1985, s. 373 – 374), keďže koinéizácia trvá obvykle dve až tri generácie (Kerswill, 2002, s. 669 – 670), rozlišuje autor koinéovej teórie o pôvode slovenčiny tieto štyri obdobia:

1. Predkoiné. Koinéizácia sa začala v období panovania Mojmíra I., ktorý asi v roku 833 vyhnal z Nitry „nejakého“ Pribinu. Jej prvý dôkaz pochádza z roku 846, keď nastupuje na Mojmírov trón, pravdepodobne do Pomoravia, knieža menom Rastic, pričom toto meno nie je, ako je všeobecne známe, ani južnoslovanské, ani západoslovanské. Obdobie celej prvej polovice 9. storočia už môže byť obdobím viačerých nestálych zmien na rozhraní južnoslovanského a západoslovanského makrodialektu.

2. Ustálené koiné. Datovať druhé štádium koinéizácie na Morave možno obdobím Rasticovej vlády, teda 846 – 870. Datovanie sa zdá byť jednoduché, ale štádium je nesmierne komplikované, pretože k hovorovému koiné pribúda značne cudzí spisovný/liturgický jazyk, a to staroslovienčina. Rastic pravdepodobne nemohol prijať moravské koiné za plnohodnotný jazyk svojej administratívy najmä z dôvodu nedokonalého písma. Jazykom písaných prejavov administratívy sa stala najmä staroslovienčina, ale aj do písomného styku prenikali domáce prvky. Samozrejme, v písomnom styku sa mohlo používať popri staroslovienčine aj moravské koiné, takto sa tiež vedľa cirkevnej slovančiny používala v staroruskej literatúre ruština, známa ako kyjevské koiné. Moravské koiné sa v písomnom styku mohlo používať dokonca ešte pred príchodom Konštantína a Metoda, ako nás upozorňuje mnich Chrabr vo svojom traktáte *O písmenách*, kde spomína úsilie „písat sloviensku reč bez ustrojenia“ (Pramene k dejinám Veľkej Moravy, 1964, s. 285), ale to nemohlo plniť všetky potreby štátu.

3. Rozšírené („nitrianske“) koiné. Spája sa bezpochyby s panovaním kráľa Svätopluka v období rokov 871 – 894. Svätopluk sídlil s najväčšou pravdepodobnosťou v Nitre, ktorá bola nielen jeho sídlom, ale aj sídlom kultúrnych ustanovíz, ako biskupstvo či kláštor, možno učilište, a odtiaľ podnikal veľké výboje do mnohých slovanských krajín. Plnil v podstate podobnú funkciu v oblasti šírenia jazyka ako Alexander Veľký v Stredozemí. Ak by sme na vysvetlenie niektorých starých, tzv. abnormálnych javov v slovanských jazykoch použili nitrianske koiné, môžeme považovať zriedkavé české *raT*- < **orT* či dolnolužické *l* < **dl*, **tl* práve za pozostatok Svätoplukových výbojov, resp. intenzívnych kultúrno-politickej a obchodných stykov Nitry s kmeňmi v príslušných oblastiach.

4. Udomácnené koiné. Mojmir II. od začiatku svojho panovania začal strácať územia, ktoré nadobudol jeho otec, preto sa nitrianske koiné ako lingua franca regiónu nemohlo dlhodobo presadiť na širšom území. Proces koinéizácie sa zavŕšuje. V jadre bývalej Svätoplukovej říše, ktoré bolo zaradené do Uhorska, sa však koiné v oslabenej miere udržalo až do roku 1110, keď fakticky zaniká nitrianske vovod-

stvo v rámci Uhorska a aj prestíž Nitry. Po pozvoľnom rozpade nitrianskeho koiné začína vznikať to, čo dnes nazývame západoslovenské a stredoslovenské (a východoslovenské) nárečia.

V prospech existencie nitrianskeho koiné uvádza autor štyri dôkazy, aj keď sú iba nepriame. V prvom rade je to geografické rozšírenie západoslovenských a stredoslovenských nárečí. To, že územná rozloha týchto nárečových skupín nebola taká, ako sa javí dnes, už od momentu osídlenia dnešného Slovenska Slovanmi, a teda že mohli vzniknúť až z koiné, je fakt, že doslova priamo cez Nitru prechádzajúce veľké množstvo starých izoglos. Datovať tieto izglosy môžeme približne do 8. – 11. storočia, teda mapujú javy, ktoré sa mali udiť ešte v období trvania koinéizácie, resp. v období trvania koiné. Ak by bola Nitra centrom Pribinovho kniežatstva, neskôr (jadra) Svätoplukovho kráľovstva a ešte neskôr uhorského vojvodstva, pričom v meste a aj v týchto politických jednotkách, samozrejme, žilo určité konkrétné obyvateľstvo, nemožno predsa predpokladať, že polovica mesta a politickej jednotky hovorila jedným nárečím a druhá polovica mesta a politickej jednotky hovorila nárečím iným. Oveľa pravdepodobnejšie je podľa autora teórie to, že sa tu hovorilo jedným nárečím a z toho sa po rozpade uhorského vojvodstva s centrom v Nitre vytvorili nové nárečia, ktoré vznikali na troskách zanikajúcej nitrianskej prestíže.

Druhým nepriamym dokladom existencie nitrianskeho koiné má byť rozšírenie tzv. juhoslavizmov v starej onymii ďaleko na západ od Nitry, teda od dnešnej nárečovej hranice. Tak napríklad *l* za **dl* či *raT-* < **ořT* vidíme nielen na západnom Slovensku, čo je všeobecne známe, ale aj na Morave (*Křídlovce*: v roku 1225 *Scriłowicz*, *Rázotka* pod Radhošom). Na Morave, ako už bolo uvedené, siaha forma *raT-* v mene *Rastic* z 9. storočia, pretože pôvodné sídlo kniežaťa môžeme len ľahko predpokladať na východ od Nitry. Jeden člen Rasticovej, Rastislavovej družiny je v Cividalskom evanjeliári zapísaný ako *razmene* (*Razměnъ?*), takže vyššia moravská vrstva evidentne používala *raT-*.

Nepriamym dôkazom nitrianskeho koiné môže byť aj to, že na západoslovenskom území sa výnimky západoslovanských javov *dl*, *tl* a *roT-* nevyskytujú mimo Svätoplukovej ríše, ale na jej bývalom území ich môžeme nájsť. V niektorých staročeských pamiatkach bývajú slová s *l* za *dl*: *svietilo*, *kadilo*, *trlici* a iné (pozri Stanislav, 1967, s. 357). Zmenu **dl*, **tl* > *l* máme aj v nárečí na severozápade Dolnej Lužice (pozri Popowska-Taborska, 1991, s. 79 – 80). V severnom Rakúsku na západ od mesta Spitz, kam mohla siahať Svätoplukova ríše, je osada *Rauna* s dokladmi *Rauhnah* 1108, *Rawana* okolo 1165, *Rawina* 1180, *Ravna* 1171. Rovnako na českom území poznáme napr. toponymá *Ráztoky*, *Rasochy*, *Rasošky*, *Raveň*, *Rastory*, *Raztely*, *Ralsko*, ba aj *Rastice*. V južných Čechách sa spomína chotárny názov *Rawnie*. V nárečiach sú apelatívá *racochejl*, *racočák*, *racoš* (z *raz-soch-*), v starej češtine *letorasl* (-*rastl*), novočesky prešmyknutím *ratolest* (Stanislav, 1967, s. 328, 330).

A napokon štvrtým, nesmierne dôležitým nepriamym dôkazom nitrianskeho koiné z oblasti jazykovedy sú, ako M. Pukanec uvádza, rôzne zvláštnosti v staroslovenských pamiatkach. Tieto možno, ako upozorňuje už K. Horálek, najľahšie vysvetliť práve tým, že prví staroslovenski literáti nadväzovali na staršiu slovesnú tradíciu kultúrnych nárečí, za aké K. Horálek považuje aj kultúrne nárečie západoslovanské, resp. moravsko-panónske (1955, s. 286). Spomedzi čŕt tohto kultúrneho nárečia

(pozri napr. Kurz, 1969, s. 29) môžeme spomenúť aspoň známe *c* za pôvodné **tj* a **kt* (napr. *nasyceni* < **nasytjeni* a *pomocь* < **pomoktъ*), z za pôvodné **dj* (napr. *dazъ* < **dadjъ*), šč za pôvodné **stj* a **sk* pred prednou samohláskou (napr. *očiščenie* < **očistjenie* a *zaščiti*) a koncovku -*ъmb* v inštrumentáli singuláru o-kmeňov (napr. *obrazъmbъ*, *oplatъmbъ*). Dá sa však uvažovať aj o viacerých ďalších javoch.

Uvedené štyri skupiny problematických javov, teda staré izoglosy prechádzajúce priamo cez Nitru, hojný výskyt juhoslavizmov v starej onymii na západnom Slovensku i Morave, výskyt juhoslavizmov aj na vzdialených územiach Svätoplukovej ríše a existenciu moravsko-panónskych čŕt v staroslovienčine pomerne ľahko vysvetľuje existencia nitrianskeho koiné. A vysvetľuje aj existenciu strednej slovenčiny. Stredná slovenčina by podľa tejto teórie mohla byť jazykom, ktorý vznikol z miešania južnoslovanského a západoslovanského makrodialektu, pričom výsledkom tohto miešania by bolo koiné, ktoré sa po 9. – 11. storočí rozpadlo, a vytvorilo tak predpoklady nových nárečových areálov, najmä západoslovenského a stredoslovenského, ale rovnako i východoslovenského.

Ked' sa pozrieme na opísané tri teórie o pôvode slovenčiny jednotlivovo, je na prvý pohľad zrejmé, že najrozpracovanejšou je migračno-integračná teória R. Krajčoviča a druhé dve teórie na ňu viac-menej iba nadväzujú, upozorňujúc na jej určité nedostatky – kmeňová teória na blízkosť lexiky starej západnej slovenčiny a strednej slovenčiny proti východnej slovenčine a koinéová teória na prechod viacerých starých izoglos priamo cez Nitru. Problematické miesta majú však všetky tri teórie.

Hlavným nedostatkom migračno-integračnej teórie je, že sa príliš opiera o archeologické fakty. R. Krajčovič verí v zakarpatskú prabázu a že Slovensko bolo osídľované zo severu a severozápadu a z juhu a juhovýchodu natoľko, že dokonca týmto hypotetickým predpokladom argumentuje proti teórii A. Habovštiaka (pozri Krajčovič, 1981, s. 214 – 215). Argumentovať však axiómom nemožno a nič iné ako axióma to nemôže byť, pretože jednak archeológia nemá žiadne presvedčujúce dôkazy o zakarpatskej pravlasti a už vôbec žiadne o osídľovaní Slovenska, jednak preto, že archeologická kultúra, t. j. sídlisko, pohrebisko, nálezový komplex, je odlišná od „nevykopateľnej“ kultúry, t. j. konkrétneho spoločenstva, sociálneho organizmu (Mačala, 1995, s. 34 – 35); hrnce nie sú ľudia (Mallory, 1989, s. 164). Nepravdepodobný je aj jeho predpoklad, že už v pomigračnom období (alebo už v pravlasti) sa praslovančina členila na západný a juhovýchodný nárečový areál na základe skupín *l* || *dl*, *tl* < **dl*, **tl* či *raT-*, *laT-* || *roT-*, *loT* < **ořT*, **ořT*. Tieto zmeny prebehli približne v rokoch 700 – 850, resp. 750 – 850. Ďalším problémom sú výsledky výskumu praslovenskej lexiky a izoglosy idúce cez Nitru. Problematické sú aj úvahy o západoslovenskom, stredoslovenskom a východoslovenskom obyvateľstve, ktoré nepodporujú najnovšie poznatky historikov, takže stoja mimo širšej vedeckej diskusie.

O najnovšie poznatky historikov sa opiera tzv. kmeňová teória o pôvode slovenčiny. Táto teória vlastne teóriou o pôvode slovenčiny ani nie je. Mapuje stav okolo roku 1000, pričom nadväzuje najmä na výskum J. Steinhübla, ktorý na území dnešnej Slovenskej republiky predpokladá veľké kniežatstvo Nitra so štyrmi menšími kniežatstvami: juhzápadnú Nitru, k nej na východe prilahlý Hont, Váh na severozápade a Boršod na východe, pričom do dnešnej Slovenskej republiky má patríť aj západná časť Uhu, politickej štvrtiny veľkého kniežatstva s centrom v Bihare.

(pozri mapu Steinhübel, 2004, s. 202). Autor teórie upravuje však tento výskum do tej miery, že uznáva jednoznačnú jazykovú príslušnosť západnej časti Uhu (Zemplína) k veľkému Nitrianskemu kniežatstvu a v súlade s ďalšími jazykovými faktami oddeluje v rámci malej Nitry Záhorie a Boršod delí na Gemer a Spiš; Hont a Váh ponecháva. Tieto úvahy sa stávajú teóriou o pôvode slovenčiny iba v tom prípade, ak by sme podobne ako J. Steinhübel považovali uvedené kniežatstvá na začiatku 11. storočia za priamych potomkov kmeňových území v 5. a 6. storočí (pozri Steinhübel, 2004, s. 249), čo je mimoriadne pochybné, existuje maximálne nepresvedčivá spojitosť medzi nitrianskou dynastiou Mojmírovcov a Hont-Poznanovcami, vládcami malej Nitry a Hontu (pozri Pukanec, 2008 b, s. 66 – 67). Navyše nemožno preceňovať ani genealogicko-historické poznatky, o ktoré sa teória opiera.

Relativne málo pochybností budí koinéová teória. Tá totiž nerieši konkrétné problémy, ale ich všetky zahmlieva nejasným pojmom koiné. Počíta navyše so západoslovanským a južnoslovanským makrodialektom takmer ako s reálnymi lingvistickými jednotkami, akoby gréckou iónčinou a atičtinou. Makrodialekty však nie sú reálne lingvistické jednotky, lebo nemáme žiadne mimojazykové doklady, ktoré by svedčili v prospech delenia Slovanov na tri skupiny ako nositeľov troch makrodialektov, a nemáme tak doložených žiadnych západných, východných ani južných Slovanov ako spoločenstvá, ktoré by týmito makrodialektmi mali hovoríť. Navyše západný a najmä južný makrodialekt sú dosť nejednotné a v zásade vôbec nevieme, kedy možno začať hovoríť o tzv. západoslovančine či južnoslovančine. Asi by bolo vhodnejšie uvažovať iba o moravčine a panónčine, hoci je to trochu alibistické, keďže rekonštrukcia panónčiny v podstate nie je možná. Takéto uvažovanie je dokonca nevyhnutné na vysvetlenie určitých inovácií v 4. fáze koinéizácie.

Východisko z týchto troch teoretických pokusov a ich syntézu si predstavujeme takto:

1. Ranointegračné obdobie (6. storočie – 833). Prokopios v polovici 6. storočia spomína istého Hildigisa, ktorý hľadal dvakrát u Slovanov azyl a oni mu poskytli šesťtisícové vojsko, pričom tito Slovania sa považujú za obyvateľov juhozápadného Slovenska (porov. Pleterski, 1990, s. 49). V tomto období sa tu teda azda už nachádzal organizovaný kmeň, ktorý mal relatívne veľkú armádu a akýsi vlastný jazyk. Viac o tomto kmeni nevieme. Vieme však, že začiatkom 7. storočia povstali obyvatelia juhozápadného Slovenska proti avarskej nadvláde a v roku 623 ich spolu so Samom porazili. Len na tomto území totiž nájdeme veľké pohrebiská so stovkami avarsko-slovanských hrobov. Veľa svetla do tohto obdobia by priniesla lokalizácia Samovej ríše. Tá však ostáva záhadou. Z jazykového hľadiska môžeme v tomto období na danom území predpokladať západoslovanské javy *kv-*, *gv-*, neprítomnosť epentetického *l*, **dj*, **tj/kt > dž*, *č*, ktoré vytvárali presnú hranicu slovenčiny na východe a na juhu. Metatéza praslovanských skupín *TärT*, *TälT*, *TerT*, *TelT* vytvorila presnú hranicu na severe a na východe. Táto izoglosa je pre integráciu slovenčiny úplne najkľúčovejšia, pretože nemohla byť zasiahnutá koinéizáciou, spája slovenčinu (i češtinu) s južnou slovančinou. Predpoklady na samostatný jazyk boli teda vytvorené už v tomto období, s veľmi jasnou hranicou predovšetkým na východe, tiež na severe a juhu, ale bez zreteľnej západnej hranice. Preto mohli vzniknúť teó-

rie o pračeskoslovenčine. V tomto období existovali aj menej jasné izoglosy praslovanských javov. Izoglosy s < *ch' v alternačnej pozícii a l < *dl, *tl v podstatných menách tvorili nejakú hranicu, ale nevieme, kde presne bola táto hranica. Tieto javy sú v južnom i východnom makrodialekte. Neznáma je aj lokalizácia izoglosy *raT*, *laT*- < *ořT-, *ořT- či -omb, tieto prvky sú aj v južnom makrodialekте. Nazdávame sa, že tieto izoglosy boli najskôr niekde na južnej hranici Mojmírovho a Pribinovho kniežatstva, západoslovanských štátnych útvarov, prípadne ešte o niečo južnejšie. Túto jazykovú hranicu mohol výrazne prelomiť príchod Pribinu s Koceľom do Panónie, ale kontakty s Panóniou nemohli byť v žiadnom prípade nové a neskoršie spoločné vystupovanie Rastica, Svätopluka a Koceľa vôbec nemusí byť vyvrcholením nejakého zbližovania. Už v tomto období musíme počítať s existenciou nárečí väčších i menších kmeňov/kniežatstiev.

2. Koinéizácia (833 – 907). V roku 846 máme prvý dôkaz jazykového miešania javov, ktoré sa považujú za južnoslovanské a západoslovanské. Je to meno vládcu v Pomoraví *Rastic*. V období predkoiné dochádza na rozhraní južnoslovanského a západoslovanského makrodialektu k viacerým nestálym zmenám. Nedotknutými ostávajú, samozrejme, také javy, ako metatéza skupín *TärT*, *TälT*, *TerT*, *TelT*, pretože platí pre Moravu, Slovensko i južných Slovanov. Počas Rasticovej vlády v rokoch 846 – 870 sa koiné ustaľuje. V platnosti ostáva *kv-*, *gv-* a neprítomnosť epentetického *l*. Na širšom území sa za vlády Svätopluka, v období rozšíreného („nitrianskeho“) koiné, presadzuje prestížne južnoslovanské *raT*- < *ořT- aj l < *dl, čo dokazuje ich výskyt v Lužici a v Čechách, ale aj západoslovanské (najmä české) z < *dj, takisto koncovka -mb v inštrumentálni singuláru o-kmeňov, čo nám dosvedčujú Kyjevské listy. V období vlády kráľa Svätopluka sa koiné rozširuje aj na sever a východ, na územie pre nás dôležitých kmeňov/kniežatstiev Váh, Gemer, Spiš a Zemplín. Lexiku asi tento nadnárečový útvar v plnej miere nezasahuje.

Po smrti Svätopluka začína určitá skupina hovoriacich používať koiné ako svoj prvý jazyk, v tejto fáze vznikajú inovácie, ktoré neboli pre jednotlivé pôvodné kmeňové nárečia príznačné. Toto je pre obdobie udomácneného koiné typické (pozri Siegel, 1985, s. 374). Proces koinéizácie sa dostáva do svojej konečnej fázy (relativne konečnej, lebo koiné sa stále vyvíja), ktorá však predznamenáva aj koniec, resp. úpadok koiné. V oslabenej miere sa však v Uhorsku udržalo až do začiatku 12. storočia, keď zaniká uhorské vojvodstvo s centrom v Nitre a aj prestíž Nitry. Nitrianske koiné sa rozpadá a vytvárajú sa predpoklady na sformovanie slovenčiny ako samostatného slovanského jazyka a západoslovenského, stredoslovenského a východoslovenského nárečia, pričom rozpad koiné na západoslovenský a stredoslovenský dialekt sa deje priamo na hranici Nitry. Zachovávajú sa však zároveň nárečové osobitosti jednotlivých slovenských kmeňov/kniežatstiev, ktoré existujú ešte stále aj politicky.

3. Konštitutívne obdobie (907 – 1110). Toto obdobie charakterizuje nielen postupný rozpad koiné, ale zároveň, čo je veľmi dôležité, aj definitívny politický rozpad kmeňového systému v celom Uhorsku (i keď ekonomicky okamžite zaniknúť nemohol), o ktorý sa zaslúžil svätý Štefan. Pred týmto obdobím nemohla ísť žiadna

izoglosa cez Nitru, aspoň ak uvažujeme v rámci akejsi vlnovej teórie o Nitre ako o veľmi pravdepodobnom stredisku šírenia vín. V Uhorsku vznikajú komitáty, pričom najstaršie na slovenskom území (Bratislava, Nitra, Tekov, Hont, Novohrad, Turňa, Abaújvár, Zemplín...) približne v rokoch 1064 – 1077 (Marsina, 1986, s. 201). Jednoznačne súhlasíme s R. Krajčovičom, že v tomto období sa slovenčina natrvalo sformovala na samostatný slovanský jazyk a popri integrujúcich javoch vznikali aj javy diferencujúce územie slovenčiny.

Pokiaľ ide o integráciu, ako sme už uviedli, severná a východná hranica bola vydelená už v ranointegračnom období izoglosou *Trat*, *TlaT*, *TrěT*, *TlěT*, nesmierne dôležitou, lebo nemohla byť zasiahnutá koinézáciou, ale aj ďalšími izoglosami. Južná hranica bola niekde na území dnešného Maďarska, možno ju rekonštruovať na základe toponymie (najmä Stanislav, 1948), príp. analýzy maďarčiny (pozri napr. Richards, 2003). V tomto období však vzniká aj posledná hranica, podstatná pre vznik slovenčiny ako samostatného jazyka, a to západná hranica. Táto je súčasťou problematická, pretože napríklad izoglosy *rana*, *blato* tvoria hranicu až medzi Čechami a Moravou, *dž* : *ž* < **dj* : **g* nie je bez výnimky celoslovenské a výhradne len slovenské (aj keď je táto izoglosa mimoriadne závažná) atď., ale tendencia vytvoriť hranicu je veľmi silná, zoznam javov sme už citovali podľa R. Krajčoviča. Nemožno, samozrejme, očakávať, že medzi slovenskými a moravskými či moravskými a českými nárečiami budú desiatky prastarých a zreteľných rozdielov, keď tieto oblasti tvorili na sklonku praslovanského obdobia spoločné štátne (a nárečové) útvary.

Rozpad koiné a kmeňového systému spôsobil aj nové usporiadanie slovenských nárečí. Celá slovenčina zachovala *kv-*, *gv-*, neprítomnosť epentetického *l* alebo aj pôvodné, v koiné určite neprítomné *dž* < **dj*. Prestížne *raT*-, *laT*-, *l* < **dl*, **tl* sa z koiné zachováva na východ od mesta Nitra, na západ od Nitry sa presadzuje pôvodné *roT*-, *loT*- a *dl*, *tl*, tieto ostávajú aj vo východnej slovenčine. Inštrumentálnu koncovku *-omb* v strednej slovenčine a k nej príťahlivých oblastiach na západe i na východe, ktorá v koiné nebola, možno vari zaradiť medzi inovácie. Určite inováciou je tvar *sa* v 3. osobe plurálu od slovesa *byť*, nebol príznačný ani pre jednu z pôvodných variet. Inovácie sú typické už pre 4. fázu koiné. Tak aj atické *-eōs* a iónske *-ēos* v *lāos* „ľud“ a *nāos* „chrám“ boli v koiné nahradené dórskym *-āos* či atické *naūs* a iónske *nēūs* „lod“ boli nahradené úplne novým slovom *ploōon* (pozri aspoň Tuten, 2003, s. 11). Nové hranice starých javov rešpektujú neskôr aj mladšie javy, ako vývin jerov či priebeh kontrakcie, a vznikajú tak západoslovenské a stredoslovenské nárečia a za niekdajšou vážskou a hontianskou, resp. gemerskou praslovanskou nárečovou oblasťou aj východoslovenské nárečia. Koiné v tomto období ešte dožívalo a vplyvalo na vývoj nárečí, a to najmä v západnej a strednej časti, v okolí Nitry, preto si záhorská a východoslovenská oblasť zachovali naoko západoslovenskejší ráz (záhorské *jehla*, *kráva*, *chlapem*, *mjesta*, záhorské a východoslovenské *kref*, kontrahované *mé*, *má* atď.).

Bibliografia

HORÁLEK, Karel: Úvod do studia slovanských jazyků. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd 1955. 487 s.

KERSWILL, Paul: Koineization and Accomodation. In: *The Handbook of Language Variation and Change*. Ed. J. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes. Oxford: Blackwell 2002, s. 669 – 702. ISBN 978-0631218036.

KRAJČOVIČ, Rudolf: *Slovenčina a slovanské jazyky*. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1974. 328 s.

KRAJČOVIČ, Rudolf: *Pôvod a vývin slovenského jazyka*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1981. 240 s.

KURZ, Josef: *Učebnice jazyka staroslověnského*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství 1969. 244 s.

MAČALA, Pavol: *Etnogenéza Slovanov v archeológii*. Bratislava: Slovo 1995. 96 s. ISBN 80-85291-23-1.

MALLORY, James Patrick: *In Search of the Indo-Europeans: Language, Archeology and Myth*. London: Thames & Hudson 1989. 472 s. ISBN 0-500-27616-1.

MARSINA, Richard a kol.: *Dejiny Slovenska I* (do roku 1526). Bratislava: Veda 1986. 534 s.

PLETERSKI, Andrej: *Etnogeneza Slovanov. Obris trenutnega stanja arheoloških raziskav*. Ljubljana: Arheo 1990. 100 s.

POPOWSKA-TABORSKA, Hanna: *Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka*. Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład narodowy imienia oświaty i nauki wydawnictwo 1991. 176 s. ISBN 83-04-03810-2.

Pramene k dejinám Veľkej Moravy. Zost. P. Ratkoš. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1964. 460 s.

PUKANEC, Martin: *Slovenská lingvogenéza z postpozitivistickej perspektívy*. In: *Slovenská reč*, 2006, 71, č. 6, s. 377 – 381.

PUKANEC, Martin: *Hierarchická klastrová analýza praslovanskej lexiky v nárečiach slovenských kmeňov*. In: *Slovenská reč*, 2008 a, 73, č. 3, s. 155 – 165.

PUKANEC, Martin: *Praslovanská lexika v nárečiach slovenských kmeňov*. Brno: Tribun EU 2008 b. 178 s. ISBN 978-80-7399-574-4.

PUKANEC, Martin: *Vplyv aristokracie na nárečový vývin*. In: *Jazykovedné štúdie XXVI. História, súčasný stav a perspektívy dialektologického bádania*. Ed. G. Múcsková. Bratislava: Veda 2009, s. 71 – 78. ISBN 978-80-224-1094-6.

RICHARDS, Ronald O.: *The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian*. Los Angeles: University of California 2003. 234 s.

SIEGEL, Jeff: *Koinés and koineization*. In: *Language in Society*, 1985, 14, č. 3, s. 357 – 378.

STANISLAV, Ján: *Slovenský juh v stredoveku I*. Turčiansky sv. Martin 1948. 663 s.

STANISLAV, Ján: *Dejiny slovenského jazyka I. Úvod a hláskoslovie*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1967. 3. dopl. vyd. 712 s.

STEINHÜBEL, Ján: *Nitrianske kniežatstvo*. Bratislava: Veda – Rak 2004. 576 s. ISBN 80-224-0812-3.

ŠTOLC, Jozef: *Atlas slovenského jazyka I. Vokalizmus a konsonantizmus*. Časť prvá: mapy. Bratislava: Veda 1968. 314 s.

ŠTOLC, Jozef: *Atlas slovenského jazyka II. Flexia*. Časť prvá: mapy. Bratislava: Veda 1981. 316 s.

TUTEN, Donald N.: *Koineization in Medieval Spanish*. Berlin: Mouton de Gruyter 2003. 345 s. ISBN 978-3-11-017744-2.

IV.

**DIALEKTOLÓGIA
AKO STUDNICA REČI**

Niekoľko paralel medzi turčianskym a rajeckým nárečím¹

Miloslav Smatana

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava

Several parallels between dialects of Turiec and Rajec regions

The paper describes common items of two dialects that stand in an opposition by their fundamental Middle Slovak (MidSl) and West Slovak (WestSl) differentiating characteristics and by their place in a hierarchy of Slovak dialects they are disproportionate.

Turiec dialects (TD) are one of the basic representatives of a big group of the MidSl dialect region (its north part), Rajec dialect (RD) is a part of upper Trenčín dialects that belong to the north part of WestSl dialect region.

The analysed dialects of Turiec and Rajec regions there are in particular language levels five types of correspondences (according to quantity of diversification):

1. common characteristics of TD and RD spread on majority of Middle and West Slovak dialect region (area of general diversification);
2. common characteristics of TD and RD spread on majority of MidSl region and on area of north part of WestSl dialect region (area of lesser diversification);
3. common characteristics typical only for TD and RD (area of limited diversification);
4. Items typical for MidSl dialect region including the area of RD or a part of upper Trenčín dialects (it connects RD with the MidSl dialect region);
5. Items typical for WestSl dialect region including the area of TD (it connects TD with the WestSl dialect region).

In spite of the fact that the described dialects belong to different types there are some parallels between them which are results of natural historical development of language (dialects) in both regions as well as consequence of an active social contact that existed and still exists in spite of their apparent geographical isolation.

1. Turčianske nárečia sú jedným zo základných reprezentantov veľkej skupiny stredoslovenských nárečí, bližšie potom tej severnej podskupiny (pozri napr. J. Štolc, 1994), resp. sú súčasťou severozápadného stredoslovenského regiónu – ako turčiansky a hornonitriansky nárečový areál (pozri R. Krajčovič, 1988). Ich areálové vymedzenie je jednoznačné, svojimi znakmi sa podielajú na modelovaní charakteristiky hierarchicky vyššieho nárečového územného celku – stredoslovenských (strsl) nárečí.

Rajecké nárečie je súčasťou hornotrenčianskych nárečí, ktoré prináležia do severozápadného nárečového územného celku, teda do severného regiónu západoslovenských (zsl) nárečí. Ten sa zvyčajne člení na tri základné areály: areál dolnotrenčianskych, hornotrenčianskych a kysuckých nárečí (porov. Štolc, 1994; Ripka, 1997), pričom oblasť kysuckých nárečí je hodnotená aj ako pomedzný areál (porov. Krajčovič, 1988, s. 255).

Obe skúmané nárečia stoja fundamentálnymi strsl a zsl diferenčnými znakmi v zásade proti sebe a svojím zaradením v hierarchii slovenských nárečí sú v proporčnom nepomere.

Napriek tomu však existuje medzi turčianskym a rajeckým nárečím niekoľko spoločných jazykových znakov, ktoré sú dané prirodzeným historickým vývinom

¹ Štúdia vznikla v rámci riešenia projektu VEGA 2/0028/08 *Slovník slovenských nárečí III.*

jazyka na územiach oboch – relatívne susediacich – nárečových celkov. Na jazykových mapách oddeluje tieto areály množstvo základných izoglos, zemepisne sú od seba izolované horským masívom Malej Fatry. V žiadnom prípade však nemožno hovoriť o sociálnej izolovanosti obyvateľov oboch území, mnohé fakty svedčia o vzájomnom živom kontakte.

2. Komunikačná čiara v údolí Váhu sa oddávna rozvetvovala do bočných dolín a údolí, t. j. aj do údolia Rajčanky, ktorým sa rozvinul čulý obchodný ruch do okolia Lietavy, neskôr do severnejších končín doliny a postupne až do nitrianskej oblasti. Rajecká oblasť si udržiavala kontakt a obchodné spojenie s celou starou domovinou a, pravdaže, aj s nedalekým, prosperujúcim Turcom.

Rôzne historické zápisy, informácie a fakty ukazujú na pôsobenie viacerých remeselníkov, umelcov, ale i bežných obyvateľov z regiónu Turca v Rajeckej doline a opačne. Existujú napríklad záznamy o turčianskom rodákovi kotlárovi Jozefovi Šimkovi, ktorý okolo r. 1810 zhотовil pre Rajec pivovarské náradie na varenie piva, zostal v Rajci, oženil sa tu a naďalej úspešne vykonával kotlárské remeslo. Rajeckí výrobcovia organov zasa posielali svoje preslávené výrobky nielen do Lietavy, ale aj na turčiansku stranu (napr. do Vŕücka), ale aj na iné miesta. Navyše, obyvatelia Rajeckej doliny hľadali prácu, nové možnosti uplatnenia, štúdia či vyučenia sa na turčianskej strane malofatranského masívu.

Kontaktné prepojenie medzi Turcom a Rajeckou dolinou teda jestvovalo odjakživa. Na prekonanie vzdialenosťi sa využívali nielen dostupné oficiálne komunikačné linky, ale tiež skratkovité priechody cez horské doliny, lesné cesty, cestičky, sedlá a priesmyky. Obyvatelia turčianskych a rajeckých podhorských dedín pešo prekonávali náročnú cestu medzi jednotlivými oblasťami niekoľkokrát za rok, ba aj mesačne, či dokonca každý týždeň. Nárečový text z Rajca v závere štúdie dobre dokumentuje absolvovanie takýchto ciest.

Čulé kontakty nepochybne jestvovali najmä medzi obyvateľmi obcí, ktoré vytvárajú pomyselný veniec obopínajúci masív Malej Fatry: začína na turčianskej strane za Martinom obcami Bystríčka, Turčiansky Peter, Košťany nad Turcom, Trebostovo, Trnovo, Benice, nasleduje Valča, Ležiachov, Slovany, Kláštor pod Znievom, Vŕcko, Slovenské Pravno, Abramová a cez Kľačno, príp. Tužinu sa dostáva na rajeckú stranu a pokračuje obcami Čičmany, Fačkov, Rajecká Lesná, Ďurčiná, Rajec, Kamená Poruba, Konská, Kunerad, Stránske, Turie, Višňové až po Stráňavy, kde sa okruh pokračujúc Strečnom, Lipovcom a Vrútkami na martinskéj strane takmer dokonale uzatvára.

3. Turčianske nárečia (ďalej aj TN) majú najbližšie znaky so susednými hornonitrianskymi nárečiami (porov. Ferenčíková, 1998). S turčianskym nárečovým celkom susedí prievidzska oblasť, zaberajúca severovýchodnú časť horného Ponitria. Turčiansky nárečový areál má v rámci severnej skupiny strsl dialektov niektoré špecifické črtu: skupina *str* oproti *sr* (*streda/sreda*), skupina *dl*, *tl*, *dn* (typ *šidlo*, *ometlo*, *jedna/v* susedných strsl. nárečiach však *šilo*, *omelo*, *jena/ena*), zmena *e* > *a* (*sňah*).

Na morfológickej rovine je to prípona *-ého*, *-emu* v gen. a dat. sg. muž. a str. rodu adjektív tvrdej a *-ieho*, *-iemu* adjektív mäkknej paradigmy (*dobreho*, *dobremu* – *cudzieho*, *cudziemu*), v iných strsl. nárečiach je jednotná prípona (*-ieho*, *-iemu* –

v oravských, liptovských a -*ho*, -*mu* – v zvolenských a tekovských nárečiach) pre oba typy. V nom. pl. muž. neživ., žen. a stred. rodu je -é, -ie (*dobré, cudzé/dobrie, cudzie*). V nom. sg. neutra majú adjektíva tvrdej paradigmy príponu -uo, adjektíva mäkkej paradigmy -ie (*dobruo d'ietá, cudzie slovo*), oproti jednotnej prípone -uo (napr. v oravských a liptovských nárečiach).

Vokalický aj konsonantický inventár TN (a v zásade aj jeho štruktúra) sa zhoduje so spisovným jazykom. Na rozdiel od iných nárečí strsl typu TN v hláskoslovej rovine pomerne jednoliaty celok. Vokál ā je frekventovanejší ako v spisovnom jazyku, ó je v zdomácnených cudzích slovách (sóda, komótře), é je v slove céra, té, príp. v tvrdých adjektívnych príponách (*dobréj, predňej*). Dvojhálska -iu je iba v pádových príponách (*znameňiu, tretiu, čiu*). Charakteristická je korelácia *t-t'*, *d-d'*, *n-n'*, *l-l'*. Mäkké l nachádzame aj za l pred pôv. y (*mľin, pľitkí, l'iže*), vo flexii ostáva tvrdé (*skali, malí*).

Typickými znakmi mennej flexie v TN je uplatňovanie gramatickej kategórie neživotnosti v pl. zvieracích substantív (*chlapec – chlapci, zajac – zajace*); prípona -ia v nom. a akuz. (typ *znameňia, šestňa*); prípona -a v nom. pl. činiteľských mien s príponou -ár (*murára, farára* a podľa tohto aj *zlod'aja, cigára*); hojné využívanie vkladného -a- (*sestár, karát*). V lok. pl. niektorých muž. substantív býva popri -och aj -ách, -ach (*po domoch/domách, o koňoch/na koňach*).

Značnú variabilitu zaznamenávame v inštr. pl. v muž. rode, kde sú zakončenia -i, -mi, -ma, -ami, -ámi: *s chlapci/chlapmi, z muzikanti/muzikantmi, s koňma/koňmi*, v str. rode napr. *za mestí/mestámi, medzi d'ioučenci/d'ioučencama/d'ioučencámi, poľami/poľiami*, v žen. rode popri častejšom -ami, -ámi je aj -ama.

4. Areál hornotrenčianskeho (htrenč) nárečia, ktorého súčasťou je rajecké nárečie (ďalej aj RN), oddeluje od dolnotrenčianskych (dtrenč) nárečí pásmo izoglos: izofóna -ia- proti á (*viac, robia/vác, robá*), prítomnosť asibilovaných spoluuhlások dz, c vo všetkých pozíciách proti d, t (*dzeci, cicho, idzece/deti/ d'etí, ticho/tičo, idete/ ideté*), zachovaná skupina dl, dn proti ll, nn (*padla, jedna/palla, jenna*). Z izomorf je výrazná prípona -ia proti -ié (*bracia/bratié, bratíé*), -oviá proti -ovié (*sinovia/sinovié*), prípony -iam, -iach proti -ám, -ách (*ul'icjam, ul'icjach/ulicám, ulicách*), slovesná prípona -ia proti -ejú (*rozumia/rozumejú*) aí.

Nenarušená zostala skupina tl (*pľietla*), výskyt prípadov rot-, lot- (*rožen, rokita, lokec, loňi*) narušuje výskyt niekoľkých prípadov s rat- (*raždžie, rasocha*), za pôv. š (z psl. čh) zostalo iba s alebo ch (*ženísi, macose*, ale aj *macoche*). Zachované je začiatocné i (*ihra*), slabičné ţ (typ *kryv*), prípona inštr. sing. -om (*chlapom*), krátkosť v prípadoch *krava, slama* a pod. Tvary privlastňovacích zámen sú nekontrahované (*moja, moje, mojého*), za psl. jery sa sporadicky vyskytuje a (*piatek, ven, ale mach, chrbát*) a pod.

5. Krátke charakteristiky skúmaných nárečových celkov naznačujú, kde je možné hľadať medzi nimi paralely. V našom príspevku sme analyzovali javy na jednotlivých jazykových rovinách spracované a zobrazené v Atlase slovenského jazyka (ďalej ASJ) v nasledujúcich obciach: na martinské strane – Turany (Tu, bod 127), Priekopa (Pr, 128), Sklabiňa (Skl, 129), Košťany nad Turcom (KnT, 130), Slovany (Slv, 131), Kaľamenová (Ka, 132), Čremošné (Čr, 133); na rajeckej strane – Čičmany (Či, 86), Fačkov (Fa, 87), Rajec (Rj, 88), Lietava (Li, 89), príp. Rosina (Ro, 90).

V sledovaných areáloch turčianskej a rajeckej oblasti sme zaznamenali nasledujúce typy zhôd a kvantitu ich rozšírenia:

1. Spoločné znaky turčianskeho a rajeckého nárečia rozšírené na väčšine strsl i zsl nárečového územia (oblasť všeobecného rozšírenia)

a) Hláskoslovňa rovina

- reflexy za **b*, **b* (tvrdý a mäkký jer) po iných ako labiálnych konsonantoch, typ *jeden*; v zámennej príslovke *kedi*;
- reflexy za **ę* – v krátkej pozícii po iných ako labiálnych konsonantoch okrem *j*: *dęsat/dzesac, lahnút/lahnúc, taškí/čaškí*; v nom. (akuz.) sg. subst. typu *prasa*; v akuz. sg. osob. zámena *ta/ca*;
- reflexy typu *a*, *ä*, *ia* za **e*, **ě* – po labiálnych konsonantoch: *mäd* (takto v TN i v Rajeckej doline – RD), popri strsl *med* a zsl *mad*; po konsonantoch *c*, *č*: strsl a časť zsl *večer*; po konsonantoch *n*, *ň*: *ňech*; po konsonante *l*: typ *l'ad*, *l'avá* (v Rj *levá*), *b'ledí*, *b'lačac* a v prevzatých slovách typu *p'lech*, *trafit* (v Rj *trefic*), *frajerka*;
- reflexy *e*, *je*, *i* za **e*, **ě* – v krátkej pozícii: strsl i zsl (okrem záh²) *obed*, *sed'em* (v Rj *sedzom*, strsl. a veľká časť zsl *hviezda* (popri *hvézda*, *hvezda*);
- reflexy *e*, *é*, *je*, *ié*, *i*, *í...* za **e*, **ě* v dlhej pozícii: strsl a väčšina zsl *miešať*, *trieska*, *mlieko*;
- reflexy za **ō*, **o* – v krátkej pozícii: v strsl a zsl (okrem záh) *hnoj*, *voz* (v časti zsl *vóz*), *hora*, strsl *mohol* – väčšina zsl *mohol/-el*, *móhol/-el*, na časti htrenč (aj vo Fa) *muohol*;
- slabičné *r*, *ł*: *kṛk*, *vṛch*, *vṛba* (okrem Rj *vrba*), *kṛv*, *kṛvi*, *chr̥bát/-et*, *kṛmí*, *kṛt*, *sṛvátka*; strsl i zsl *płni*, v htrenč aj *płní*;
- *v* (*u*), *f*: iba prípady strsl i zsl *fták*, *f.kot'ě*;
- *m*, *n*, *ň*: strsl i zsl *konskí*, *bubon/-en*, *l'en* (= iba);
- *t'*, *d'* za *t*, *d*: *tiždeň*, *mladí* popri časti strsl *tiždeň*, *mladí*;
- zmena *c*, *dz* na *t'*, *d'*: iba strsl a zsl *chcem* popri strsl aj zsl *stém* na menšom území;
- *s*, *z*, *ś*, *ž*, *č*: strsl i zsl *sestra*, *zvon*;
- *k*, *g*, *ch*, *h*: strsl i zsl *ňech* (no v strsl aj *nak*), strsl i zsl (okrem malej časti htrenč) *skovat'/-c.*

b) Morfológická rovina (flexia)

- prípady substantív nom. sg. neutr. typu *more*, *ňebo*; nom. sg. fem. *ul'ica*; v gen. sg. mask. *gazdu*; dat. sg. mask. *sinovi*, *chlapcoví*, *psovi*; lok. sg. mask. *hrobe*; lok. sg. neutr. *ňebi*; lok. sg. mask. *vetre*, *dvore*, *oltári*, *voze*; lok. sg. fem. *mise*, *koze*, *macoche*; lok. sg. neutr. *oku*, *uchu* (v Či však aj *oce*, *use*); lok. sg. mask. *koňi*, *prasatī/-ci* (v Či *prasatū*); lok. sg. fem. *ruži*; inštr. sg. mask. *bratom*; inštr. sg. neutr. *šťastím*; nom. pl. mask. *mňisi*, *páni*, *ľud'ia/ľudzia*, *priateľ'ia/priacel'ia*, *rodičia/rodičia*, *bratia/-cia*, *sinovia*, *zacovia*, *gazdovia* (inak však turč *medved'e*, *vrbace* proti raj *medvedzi*, *vrapci*), ale zhodné podoby *samci*, *ftáci*; d'alej aj nom. pl. mask. *vozi*, *peňazole*; nom. pl. fem. *ruki*, *nohi*, *muchí*, *ouče/ofce*, *gäte/gace*, *noci*, *kostí*, *dvere*; nom. pl. neutr. *koľená*, *prasce* a nom. pl. *d'ieučence/d'ioučence* – *dziefčence*; dat. pl. mask. *sinom*; dat. pl. fem. *ženám* a iné.

² Okrem skrátených výrazov vysvetlených v texte sú pre nárečia a nárečové oblasti použité aj nasledujúce skratky: turč – turčianske, raj – rajecké, kys – kysucké, trenč – trenčianske, or – oravské, lipt – liptovské, hnitr – hornonitrianske, čad – čadčianske, bytč – bytčianske, záh – záhorské.

Medzi všeobecne rozšírené spoločné znaky patrí aj nom. sg. privlastn. zám. *moje*, *jeho*, opyt. zám. čí, zámená *ja*, *ma* a pod.; formy číslovek *dva* pre mask. neživ. a *dve* pre fem. a neutr.; podoba čísl. *dvoje* (ako kolektívna čísl.); prézenter tematických slovies 1. os. sg. *rozumiem*, 3. os. pl. *robia*, prézenter atematických slovies *som*, *si* a pod.

Zhodné infinitívne podoby sú *trpet/-c* (juh Turca však *trpiet*), *veriť/-c*, *biť/-c* (= byť) a niektoré iné.

c) Slovotvorná rovina – názvy osôb (vykonávateľov činnosti) ako *mlaťec*, *kosec*, *nočlažník*, *školák*; názvy osôb, zvierat al. vecí ako nositeľov vlastnosti – *skupáň*, *slepáň*; názvy vecí ako *trstieňica*/*trscieňica*; názvy miest – *kurín*, *plevín*; prechýlené názvy – *sr̆iec*, *kácer*, z deminutív napr. *trávička*; z augmentatív – *koňisko*; abstraktá – *žatva*, *choroba*; odvodeniny ako *mrävec*, *lastovička*, *lizica*; adjektíva – *husací*, *pleshoví*, *gumení*; slovesá – *okopávať/-c*, *doňiest/-c* a tiež podoba *zabit/-c* (= úderom niečo zničiť, roztlačiť), ktorá je typická pre strsl a väčšinu zsl nárečí (okrem juž. časti zsl).

d) Lexikálna rovina

Na väčšine oboch území sú spoločné prípady *hádzat/-c* (kamene), *prší*, *ráňať* (ovocie), *škrupina* (z orecha), *jačmeň*, *kukurica* (lfíši sa pomenovanie *pšenica* v turč a žito v raj pre pomenovanie obiliny – pšenice, bot. *Triticum vulgare*), *ňetopier*, *jarabica*, *brko* (= jedno pero z husi), *klat'* (= pichať rohmi), *krívať*, pomenovania pre *kosák*, *batoh*, tiež *dlážka*, *pitvor*, *kľučka*, *pánti*, *ňebožieč*, *izba*; *bravčovina*; *horní* (koniec), *fajka*, *koškár*, *ohovárať/-c*, *mládeňec*/*mládzeňec*, *sobáš*, *muzikant*, *hrkálka*, *truhla*; *uťerák*/*ucerák*, *hrča* (= opuchlina na hlave), *mihalnice*, *sopel*, *pútēc*, *krívať*, *hrb* a ī.

Na syntetických mapách lexikálnych javov sú regióny TN a RN zreteľne oddelené, no napr. mapy č. 4, 5, 8, 9 a 10 (pozri ASJ IV) výraznejšie naznačujú črtky spoločné obom nárečiam.

2. Spoločné znaky turčianskeho a rajeckého nárečia rozšírené na väčšine strsl nárečového územia a na území severného regiónu zsl nárečí (oblasť menšieho rozšírenia)

a) Hláskoslovná rovina

- reflexy za **ort-*, **olt*: v strsl, RN a časť kys *rakita*, v strsl a TN *raždie/ráždie*, v htrenč *ráždie/ráždzie/raždie*; v strsl *rásocha* – htrenč *rasocha/rásocha*;
- reflexy za **b*, **b* (tvrdý a mäkký jer) v slovotvornom sufixe **-bkb*, ** -bk'b*: strsl a celé htrenč *otec/ocec*;
- reflexy za **ę* – v krátkej pozícii po labiálnych konsonantoch: strsl *meso*, *mäso* – htrenč *mäso* (v Rj iba staršia generácia), inak *maso* a kys *meso*; strsl *päť*, *đeväť*, *päť/pest*, *đeveť*, *peť* – htrenč *päť*, *đeväť*, *päť* (v Rj iba staršia generácia) a tiež *past/pasc*, *đeväť/dzevac*, *peť/pac*.

Na isté zhodné znaky medzi skúmanými regiónmi ukazuje syntetická mapa reflekov *ä*, *ia* za **ę* po labiálnych konsonantoch (pozri ASJ I, mapa 88).

- v dlhej pozícii po labiálnych konsonantoch: strsl i htrenč *pamiatka*, *viac* v RN (okrem *vac* vo Fa), popri htrenč *vecej*, *väc*, *vac*;
- v dlhej pozícii po iných ako labiálnych konsonantoch: strsl *đesiatť* – htrenč *đesiatť/dzesiaci*; strsl i htrenč *mesiac*, *poriadok*/*poriadek*, *priahat'*/*priahac*, *priast'*/*priasc*, *peňiaze*;
- v dlhej pozícii po *j*: strsl i htrenč *zajac*.

Syntetická mapa reflexov *ia*, *íá*, *á* za **ę* v typoch *robia*, *varia*, *hasia* (pozri ASJ I, mapa 29) ukazuje spoločné znaky na väčšom strsl a htrenč území.

– reflexy *e*, *ie*, *i* za **e*, **ě* v krátkej pozícii: časť strsl *vietor* (popri *vetor*, *viatr* a i.) – príahlá časť htrenč sa podobou *vietor/vieter* pričleňuje k strsl územiu (vytvára s ním areál);

– reflexy *e*, *é*, *ie*, *ié*, *i*, *í*... za **e*, **ě* v dlhej pozícii: v strsl a väčšina htrenč *siedmi*, *cierni*, *ňiesol/ňiesel*;

– reflexy za **ō*, **o* – v dlhej pozícii: strsl i väčšina htrenč *błob* (okrem Či *bób*), *po-mułocť*, *nuož*, *kuostka*;

– *l*, *u*, *ł*: strsl *ludia* (popri *luđia*), *velkí* – htrenč *lud'ia/łudzia*, *velkí* (zsl *ludia*, *velký*);

– *t'*, *d'*, *t*, *d*, *c*, *dz*: asibilácia v htrenč nár. a jej neprítomnosť v Či a Fa posúva tieto obce k strsl nárečiam: takto je to v skupinách **te*, **de* – *id'etē* proti *idzece*, **tb*, **db*;

– *lakeť*, *ked'* proti *lokec*, *kedz*; **ti*, **di* – *tichō*, *d'etū*, *hod'ina*, *gazd'inā* atď. proti htrenč *cicho*, *dzeci*, *hodzina*, *gazdziná*; **tě*, **dě* – *na svetē*, *na vođe* proti *na svece*, *ucierac*; **te*, **dě* – *vítat*, *platia* proti *vicac*, *placia*; podobne to platí aj o zmena *t' > c > č - těcie*, takto aj v Či proti htrenč *čeče*;

– *k*, *g*, *ch*, *h*: strsl i htrenč *sukšie*, *sukší*;

– skupiny *dl*, *dn*: väčšina strsl a htrenč *hrdlo*, *kradnút/-c*.

b) Morfológická rovina (flexia) – inštr. pl. subst. mask. *koňmi* (v htrenč, tiež v záp. Liptove, v Turci, kde je dubleta *koňma*, nižšie v oblasti Trenčína je aj *koňami*).

c) Slovotvorná rovina – spoločnými sú hypokoristiká príbuzenských názvov ako *starí tatko*, *starí tatčko* (prevládajú v strsl) alebo *starkí*; názov *uhorka* (v Turci ako v strsl) je v RD iba v Rj, v Či a Fa je *oharek*; podoba zožraní je v Turci iba v Skl a KnT a v Rj a Fa, v ostatných turčianskych lokalitách a v Či prevláda podoba zožratí.

3. Spoločné znaky typické iba pre turčianske a rajecké nárečia (oblasť obmedzeného rozšírenia)

a) Hláskoslovňá rovina

Syntetická mapa reflexu *ä* za **e* po labiálnych konsonantoch (pozri ASJ I, mapa č. 6, s. 123) vymedzuje menšie územie (oblasť RD, Turiec a príahlá časť zvolenských nárečí) so spoločnými znakmi pre TN a RN.

– reflexy za **u*, **ū*: turč a htrenč (i kys) *musím* – okrem pre strsl typické *misím* v Tu;

– *k*, *g*, *ch*, *h*: v TN a RN *gdo* – okrem *kto* (Tu) a *ctho* (Fa);

– skupiny *dl*, *dn*: iba turč a htrenč *šídlo*.

b) Morfológická rovina

Forma gen. pl. subst. neutr. *prss*, *prsú* je v htrenč (a niektorých zsl) a v Turci (tiež v lipt); lok. pl. subst. neutr. *dziefčencoch* (RD)/*d'ieučencoch* (turč), forma na -*ie-* v inf. *smiet'* (k prez. *smiem* – *smí*) je (okrem iných oblastí) aj v RD smerom na juh po Či a Zliechov a v Turci od Lazian, Ležiachova na juh (ďalej od Sučian sa potom šíri na severovýchod).

c) Slovotvorná rovina

Deminutíva *chl'ievec* (v strsl najčastejšie *chl'ievik*), *klinček* (strsl aj *klinčok*) a iné.

d) Lexikálna rovina – v turč aj v RD sú *bahňiatka* (v Tu *maňuški*); podoba *nasadiť* (vajce), t. j. vkladať, vložiť pod kvočku, je spoločná pre RN (tiež kys) a TN (Čr na turčianskej strane však má *pocipati*, v strsl prevláda *podložiť*); názov *zbíriť sa* (= predčasne vrhnúť mláďa) je rozšírený v Turci a RD; taktiež *krhla* (v strsl aj *kupa*,

kropočka); humno (okrem Či *stodola*); iba v Turci a htrenč nárečiach je *štek* (= latka na plote), v strsl *latka, lata*; ušúlané halušky sú v RN (tiež časti kys) a v Turci *púčki* (Slv však majú *šúlance*); *drobiť* (= rezať kapustu do suda) má časť or, turč a htrenč, kys, čad; *mári* (zsl a strsl *máre*) je v turč (čiastočne aj or) a htrenč a kys nárečiach a pod.

4. Znaky typické pre strsl nárečové územie zahŕňajúce oblasť rajeckého nárečia, príp. časť hornotrenčianskeho nárečia („posúva“ RN k strsl nárečovej oblasti)

a) Hláskoslovna rovina

- vkladné vokály ako v prípade typu *rebierko* (v strsl a RD);
- reflexy typu *a, ä, ia* za **e, *ě* – po konsonante *j*: turč *jelša* (v strsl i *jalša*) – RN a časť htrenč *jelša*;
- zdvojené konsonenty: strsl a iba juž. časť RN (Či, Fa) *odich, oca, mlačí* proti Rj a htrenč *oddich, occa, mlaččí*;
- podobne v skupinách *št, žd*: strsl a iba juž. časť RN (Či, Fa) *ešte, hvižďať* proti htrenč (ale aj väčšina zsl) *ešče, hviždžať/-c*, strsl a iba juž. časť RN (Či, Fa) *tižďeň* proti htrenč *tižďeň*.

b) Morfológická rovina – forma gen. pl. subst. fem. *žien* je v strsl v širokom zmysle slova a v htrenč; gen. pl. subst. neutr. *krídel* – turč, *krídel* – v RN; gen. pl. subst. fem. *hrušiek*; forma *kľajem* (v okr. Trenčín a južnejšie v zsl nárečovej oblasti je *kl-nem, klneš*), forma *rozumejú* je v strsl a trenč (v Turci aj *rozumeju*); inf. slovies *kliat/-c, íst/-c, nájst/-c* posúva časť htrenč nárečí zahŕňajúcu RN smerom k strsl; príčastie minulé aktívne je *pil, pila*.

c) Lexikálna rovina – podoba *tuoňa (torňa)* v lokalitách RD ich posúva k turč a strsl; podobne je to aj v prípade *stoh* (= kopa naukladanej slamy v poli); *dach* (v Či a zsl *strecha*); *hrča* (= na dreve) je ako strsl (v zsl aj *uzol, suk*); *perina* (zsl *duchna*); *platňa* (= na sporáku) ako strsl (okrem Či a Fa, kde je *plotňa* ako vo väčšine zsl); tiež htrenč (a kys) a strsl *krčah*; *zaušnice* (zsl *oringle*); *chitro* (zsl *friško*); *pakľík* (tabaku); strsl *rajbac* (okrem Či *drhnút*) je vo Fa, Rj; *ochoriet/ochorec* (Skl má *oňezdraviet*); *ústa* (zsl *huba*).

5. Znaky typické pre zsl nárečové územie zahŕňajúce oblasť turčianskych nárečí („posúva“ TN smerom k zsl nárečiam)

- a) Hláskoslovnej rovina – reflexy za **b, *v* (tvrdý a mäkký jer) v slovotvornom sufixe **-čkъ, *-vкъ*: turč a zsl *chlapček* popri väčšine strsl *chlapčok*;
- reflexy za **ę* – v infinitívnych tvaroch slovies typu *vziat'* turč i zsl *vitiať* (v strsl aj *vitiať*); turč i raj *napäť* (okrem *napeti* v Tu, *napnúci* v Rj), inak strsl *napiat', napeti', napnúť* a iné. Syntetická mapa reflexu *ja* v type *vyťať* (pozri ASJ I, mapa č. 117) pričleňuje body 86 a 87 na rajeckej strane ku strsl nár., Rj a zvyšok RD stojí mimo tejto izoglosy;
- reflexy typu *a, ä, ia* za **e, *ě* – po konsonantoch *n, ň*: väčšina zsl a turč *sňah* (väčšina strsl *sňeh*);
- reflex *o* za **e*: väčšina zsl *žebrák* – turč prevažuje *žobrák*, no *žebrák* je v Slv a Ka;
- slabičné *r, l*: podoba *klobása* je v turč, or a htrenč i dtrenč nárečiach;
- prípad *bud'*! (imperativ od *byť*): v htrenč *budz* – vo Fa *bud'*, v Či *biť*, v turč *budz* (okrem *bud'* v Tu);
- *k, g, ch, h*: zsl a turč (tiež hnitr a or) *krk*, v strsl aj *grk* a iné;

– skupina *str-*: zsl, turč *streda, strebať* (iba v Tu *sreda*), v strsl *sreda, srebať* – situáciu dobre zobrazuje syntetická mapa: skupina *sre-* na začiatku slova (pozri ASJ I, mapa č. 3, s. 287).

b) Morfológická rovina – zhodu nachádzame napr. v prípadoch nom. sg. fem. *kúd'el/kúdzel'*, v časti strsl je forma na *-la*; gen. sg. subst. *zeme* je v celej Trenčianskej a tiež južnejšie v zsl a okrem Turca i v časti lipt, or a hnitr, nom. pl. subst. fem. *hrste/hrsce* je v Turci a htrenč., ale v časti zsl, Ponitria, a tiež v Tekove a v okolí Kremnice (súvislá oblasť). Prípady typu *mladé, božie* (inak v strsl *mladie*), inštr. pl. *dobrími* (inak v strsl *dobrimi, dobrima*); akuz. sg. zámena *ona* má v htrenč i iných zsl formu *hu* – takto aj v Turci; *umrem, žerem* (okrem juž. časti Turca *umriem, žeriem* – takto v strsl) a pod.

c) Lexikálna rovina – spoločnými lexémami pre TN a RN sú *kaluž* (v strsl inak *mláka*); *egreš* (okrem Slv, kde je *pol'ka*); *marhul'a; psota* (= nočný motýľ) – v Čr je *múra; rajtár* (strsl *vejačka*); *tabak* (strsl *dohán*); htrenč (tiež kys a bytč) *kúti* (iba v Tu *kútiki* ako v strsl); kys, okolie Žiliny, Rj a v Turci je *peri* (strsl *gambi*); zsl *fúzi* sú aj v Turci (strsl *bajúzi*); *obočie* (Skl má *obrvi*); *kastról'ik* (strsl *rajnička*); *huspeňina* (strsl *stuđeno*); modré farbivo, ktoré sa dávalo do vody pri praní bielizne, je v zsl a tiež v turč *svetlička* (strsl *važblau*); príslovka *spolu* (strsl *vedno*) a ďalšie.

6. Ako vidno, aj napriek faktu, že opísané nárečia patria k odlišným typom, existujú medzi nimi niektoré paralely, ktoré sú výsledkom zákonitého historického vývinu jazyka (nárečí) na oboch územiacach, ale pravdepodobne aj dôsledkom živého sociálneho kontaktu, ktorý jestvoval a pretrváva aj napriek ich zdanlivej zemepisnej izolovanosti.

7. Nárečové texty – ukážky

Turčianske nárečie

Ochutnávka borovičky

Na Predvŕťkom bola pál'eňica, ako boū Máč, tag naproti hňet. Tam bola pál'eňica a pretím tam ſiaki žid boū. A tam pál'il'i borovičku. Šak tu bolo tih boriovog a je eſte. Tak tam pál'il'i tú borovičku. A mužou brat prišiou k nám a došíkuvau si jedného poručíka a hovorí: „Podívaj sa, tu som, vraj, priateľa došíkuvau na tú borovičku“. Ja som priňesla kaľiški a do izbi položila. A zme maľi takí ňíski etažérig a tam aj kňiški bolí a takuoto. A maū f takéj istéj fl'aši l'itrovéj čistí benzín, ten muoj muš teda. A tol'kúto cedul'u maū na tom, na téj fl'aške, to maū na čistenia fl'akou a tak, no a to maū d'esi tag ňíšie. A tátó z borovičkou bola višie. On vám tú fl'ašu dovl'iekoū otaľ a takto hu stíerau z rukou. A ja si eſte poviem, čo mi on eſte reku takúto hambu robí, no ve té fl'aše sa čisté. Vet'fčera som to šetko pekňe riadiľa, ako utírala. A viďela som tú cedul'u, aľe mi to ředalo povedať a ten jeho bra_to istuo viďeū – tú cedul'u tol'kú na tej fl'aši. Eſte kceū povedať: „Počuješ, to si si na tú fl'ašu cedul'u daū, abi si ved'eū, že je to borovička?“ Aľe vraj ředalo mi to povedať.

No dobre, tag naľiau. A ten kamarád eſte zaū ten štamprľig a ochutnaū, ke_to tak chváliu tú borovičku. No a ňiž ſepovedaū. No tag, vraj, na zdravia! Na moj praudu, ſak som tam bola. „No tag naľej!“ A preliai'i. „Hí, ve_com tī daū benzín vipit. Tera_som ja urobiū!!!“ A ja: „Ježižmárja, čo robíš, ke_ca mi tu takí trija vival'íte, ſag mňa zavrú!“

Ja som bola viľakaná. A ten sa smeje, slzi mu takto tečú. „Ni_sa ňebojte, niž, niž nám ňebud'e. Ňebud'e nán vóbedz ništ!“ No potom už vitiahou tú pravú.

Vŕcko, okr. Martin

Rozprávala: Mária Temešinková, nar. 1893

Zapísal: I. Honč v r. 1971

(Kartotéka nárečových textov, JÚĽŠ SAV;
evid. č. 37/15, text č. 1, s. 2 – 3)

Rajecké nárečie

O otcovi – debnárskom majstrovi

Moj ocec sa viučel Slovenském Pravne f_Turci. Aj z jedním, dvaja bol'i z Rajca. Tam bol'i obidvaja spolu za učňa. Tam bol, g bednárom... Moj tatko sa narodzel v osemdesiatom prvém, no ešce cisícosemsto sa učel. Mal dvanáz rokových, ke tam išiel. A vypáral, kedy išli na sviatki vianočné, išli hentaje, do Frivalckej dol'ini, cez Vŕcke, taje, ňeviem, či to poznáš. Taje ces ti hori išli. Na Vianoce domoch. Šel'jako. Ňiekedi bolo málo sňahu, Ňiekedi moc. Chodzel'i pešo. No a akož? No a akož, prveg ňebolo, aňti ti vlaki ňebol'i. Je to daľeko, no aľe... Šak prejdze. Ná ňeprejdze?! A takí lagaňi prešli. Možné ich to aj bavelo Ňiekedi. Sňahi veľké. Na Vianoce običajno. Na sviatki išli g rodičom, no. To už bolo tak. A potom zase tam. Zase tam. Ňeviem, koľko už maťi tú dovoľenú, ako sa to čil'ek povie, zakedi sa maťi vrácie.

Rajec, okr. Žilina.

Rozprával: K. Pekara, nar. 1912

Zapísal: M. Smatana v r. 1987

(Archív autora)

Bibliografia

BUFFA, Ferdinand: Atlas slovenského jazyka. 3. zv. Tvorenie slov. Časť prvá – mapy. Časť druhá – úvod, komentáre, dotazníky, indexy. 1. vyd. Bratislava: Veda 1978. (skratka ASJ III).

FERENČÍKOVÁ, Adriana: Turčianske a hornonitrianske nárečia. In: Studia Academica Slovaca 27. Prednášky XXXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul – Centrum informatiky vzdelávania FFUK 1998, s. 186 – 194.

HABOVSIAK, Anton: Atlas slovenského jazyka. 4. zv. Lexika. Časť prvá – mapy. Časť druhá – úvod, komentáre, dotazníky, indexy. Bratislava: Veda 1984. (skratka ASJ IV).

KRAJČOVIČ, R.: Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1988. 344 s.

RIPKA, Ivor: Severný región západoslovenských nárečí. In: Studia Academica Slovaca 28. Prednášky XXXV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul – Centrum informatiky vzdelávania FFUK 1999, s. 295 – 303.

RIPKA, Ivor: Poznámky o klasifikácii slovenských nárečí. In: Zborník FFUK, Philologica XVI. Red. P. Žigo. Bratislava: Univerzita Komenského 1997, s. 175 – 181.

SMATANA, Miloslav: Pohľad na súčasnú jazykovú situáciu v Rajci. In: Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny. Red. S. Ondrejovič – M. Šimková. Bratislava: Veda 1995, s. 144 – 160, angl. res. s. 230.

ŠTOLC, Jozef a kol.: *Atlas slovenského jazyka*. 1. zv. Vokalizmus a konsonantizmus. Časť prvá. Mapy. Bratislava: Vyd. SAV 1968. 314 s. – Časť druhá. Úvod – komentáre – materiály. Bratislava: Vyd. SAV 1968. 200 s. (skratka ASJ I).

ŠTOLC, Jozef a kol.: *Atlas slovenského jazyka*. 2. zv. Flexia. Časť prvá. Mapy. Bratislava: Veda 1981. 314 s. – Časť druhá. Úvod – komentáre. Bratislava: Veda 1975. 192 s. (skratka ASJ II).

ŠTOLC, Jozef: *Slovenská dialektológia*. (Na vydanie pripravil I. Ripka). Bratislava: Veda 1994. 220 s.

Prvky turčianskeho nárečia v slovenských dialektoch v Maďarsku

Mária Žiláková

Univerzita Eötvösa Loránda, Budapešť

Dialectal elements of Túróc county in the Slovakian dialects in Hungary

The birthday of Adriana Ferenčíková gave possibility to the author to try to find reasons why Slovakian dialects in Hungary miss Northern Middle Slovakian elements. She computes the settlements, in connection which, historical sources mention groups settled down on the Great Hungarian Plain from the Northern group of Middle Slovakian dialects. The present dialect of these settlements are partly of Western Slovakian type, and in the dialects of Middle Slovakian type the Southern Middle Slovakian character dominates. She shows the causality approaching from history, linguistics and ethnography. She supposes that after more deeply analyzing the mixed dialect of Western and Middle Slovakian type used in Pilisszentlászló, certain elements from the Northern group of Middle Slovakian dialects will be demonstrable and among them, the marks of the dialect of Túróc county, as well.

Seminár k životnému jubileu Adriany Ferenčíkovej je pre mňa príležitosťou, aby som pouvažovala o problematike naznačenej v názve príspevku. Výprovokovala ma absencia výrazných severostredoslovenských elementov v slovenských dialektoch v Maďarsku, na základe historických odborných prác by sa mali v jazyku prejavovať.

Fundamentálne dialektologické a historické práce o Slovácoch v Maďarsku sa zameriavajú v prvom rade na riešenie dvoch závažných problémov: na opis systému daného lokálneho nárečia a na identifikovanie pôvodu obyvateľstva jednotlivých lokalít. Pôvod obyvateľstva sa identifikuje jednak na základe historických prameňov a jednak na základe jazykových znakov miešaného nárečia tej-ktorej lokality. Pri identifikácii pôvodu obyvateľstva spôsobuje ľažkosti fakt, že údaje o pôvodných sídlach kolonistov a charakter lokálneho dialekta sa značne rozchádzajú.

Pôvod kolonistov zo stredoslovenskej oblasti sa v historických prameňoch, ako aj v odbornej literatúre, ktorá ich spracúva, uvádza často aj v prípade lokalít, v ktorých sú miestne dialekty výrazne *západoslovenského typu*, ľažko by sa našli v nich elementy, ktoré charakterizujú výlučne stredoslovenské dialekty. Tak napr. v súvislosti s *bakonským jazykovým ostrovom* čo do pôvodu kolonistov sa uvádzajú nasledujúce údaje:

Monografia J. Štolca (1949, s. 6): „*Jásd vznikol na troskách starej, vojnou zničenej osady, okolo r. 1745 a bol osídlený z Turčianskej, Nitrianskej a Trenčianskej stolice.*“

V súvislosti s analýzou dialektov Cáfaru (Szápár) a Jásti (Jásd) zopakuje J. Štoltc historické údaje o stredoslovenskom pôvode obyvateľstva (c. d., s. 200): „*Kusý materiál mi neumožňuje urobiť podrobnejší rozbor nárečia týchto obcí. Podľa historických údajov prišli sem Slováci z Turca, Oravy, Hontu, Trenčianskej a Nitrianskej stolice.*“

Ján Sirácky, ktorý vykonal podrobnejšiu analýzu archíválií o kolonizácii Dolnej zeme Slováckmi po vyhnávaní Turkov a venoval tejto problematike viac knižných pub-

likácií, píše o pôvode obyvateľov lokalít bakonského jazykového ostrova nasledovne: „*Čerňa bola podľa Bela založená už r. 1724. Iný prameň uvádza, že noví osídlenici prišli sem už r. 1716 z Turčianskej, Trenčianskej a Nitrianskej stolice... Jásd vznikol okolo r. 1751, osadníci prišli z Turčianskej a Trenčianskej stolice, ktorých kolonizoval zemepán István Zichy.*“ (Sirácky, 1980, s. 45)

Povedomie pôvodu na bakonskom jazykovom ostrove – ako to bolo citované – uchováva sa pod vplyvom literatúry. Lekár János Heizinger napísal monografiu o Černi (Bakonycsernye) na podklade dokumentov, ktoré boli dostupné vo vesprémskom archíve (Heizinger, 1974). Ako o ňom počas môjho výskumu v druhej polovici 70. rokov vypovedali informátori, bol sugestívou osobnosťou, mal veľký rešpekt aj v susedných obciach, z tohto dôvodu sa údaje o pôvode slovenských lokálnych kolektívov z jeho monografie rozšírili a uchovávajú sa aj v súčasnosti (Heizinger, 1974, s. 30, 32).

Väčší prílev obyvateľstva aspoň v dvoch vlnách v bakonskom regióne, ktorý uviedol v súvislosti s Čerňou M. Bel, dokladá aj prieskum krajiny modernou historicko-kultúrno-geografickou (kartografickou) metódou. Kolonisti značne zasiahli do prirodzenej pokrajiny, úrodnú pôdu získvali klčovaním lesov. Tento zásah je viditeľný mimo súčanej hranice chotára Černe. (P. Chrastina – M. Boltíčiar, 2008, s. 7 – 33).

Historické pramene o Slovákoch v Maďarsku sa častokrát dopĺňajú údajmi o priezviskách. Jeden typ priezvisk odkazuje na pôvodné regionálne sídlo kolonistov, napr. Turčan, Lipták, Trenčan, Oravec atď.

Podobne ako uvedené práce aj Atlas slovenských nárečí v Maďarsku (ďalej ASNM) využíva túto metódu, napr. v súvislosti s pôvodom obyvateľov Santova (Pilišszántó), lokality v pilíšskom regióne – tiež so západoslovenským typom dialektu – uvádza údaj: „.... na pôvod z Turčianskej župy poukazuje priezisko Záborský“ (ASNM, 1993, s. 79).

Historické údaje o pôvode kolonistov lokalít so stredoslovenským typom nárečia podáva monografia Pavla Ondrusa (Ondrus, 1956), ktorý prvý opisuje systém tejto skupiny našich dialektov. Pri analýze vzťahu jednotlivých lokálnych dialektov k stredoslovenským dialektom v materskom štáte konfrontuje historické údaje s jazykovými faktami.

Severostredoslovenský pôvod kolonistov je v nej uvedený v súvislosti s viacerými lokalitami Novohradskej župy:

Balašské Ďarmoty (Balassagyarmat), lokalita v severnej novohradskej oblasti, ktorá má dnes status mesta, bola osídlená roľníkmi z Liptova, Oravy, Turca.

Vo východnej novohradskej oblasti obec Lucina (Lucfalva) bola osídlená na začiatku 18. storočia obyvateľmi zo Zvolenskej, Turčianskej stolice a z Liptova i Oravy (Ondrus, c. d., s. 6).

V Békešsko-čanádskej oblasti uvádza Ondrus prílev kolonistov zo severných stredoslovenských oblastí v súvislosti s lokalitou Poľný Berínčok (Mezőberény), ktorý nadobudol status druhotného kultúrneho strediska popri Sarvaši (Szarvas) už v 18. storočí. Bol osídlený r. 1722 Slovákm z Hontianskej a Novohradskej stolice, z Gemera, Turca, Liptova (tamže, s. 186).

Ján Sirácky na základe záznamov Pavla Valaského, evanjelického farára v Slovenskom Komlósi, identifikuje obyvateľov tejto lokality aj zo severných stredoslo-

venských žúp, a to podľa priezvisk, ktoré odkazujú na pôvod ich nositeľov (Sirácky, 1971, s. 137).

Obyvateľstvo ďalšej lokality rázu agrárneho mesta na *Dolnej zemi*, Níredházy (Nyíregyháza), pochádza podľa Siráckeho zo Zvolena, Liptova, Hontu, Turca, Oravy, Novohradu, Malohontu (Sirácky, 1980, s. 108).

V *oblasti medzi Dunajom a Tisou* ASNM (1993, s. 83) lokalizuje kolonistov Malého Kereša aj do severných stredoslovenských žúp na Oravu, do Liptova, Turca, ako aj do ďalších žúp – Nitrianskej, Hontianskej, Novohradskej, Tekovskej (a Peštianskej). Na Turčiansku župu odkazuje priezvisko Polareczky.

Na *Kerepešskom ostrove* sú stopy po kolonistoch z Turčianskej župy v lokalite Alberti (dnes Albertirska), na tento fakt odkazuje priezvisko Turcsán (ASNM, 1993, s. 87).

V dialektoch stredoslovenského typu v Maďarsku dominuje *južnostredoslovenský* charakter. Prvky severných stredoslovenských dialektov nie sú v našich dolnozemských nárečiach ľahko identifikovateľné, väčšinou sú to javy spoločné stredoslovenskej, niekedy aj západoslovenskej nárečovej skupine.

Jozef Štolc v súvislosti so zaradením dialektov *zá dunajských* slovenských lokalít prichádza v otázke ich celkového charakteru k záveru: „*V historických údajoch sa hovorí aj o kolonistoch z Oravy, Turca, Hontu, teda z oblasti strslk. nárečia. Pri rozbore nárečových znakov sme nenašli nič zo strslk. nárečí (iba slovo bočka v Žitave). Tie strslk. prvky, ktoré sme konštatovali, sú zastúpené v príahlých oblastiach aj v zápslk. nárečovom systéme*“ (Štolc, c. d., s. 213).*

O jazyku lokalít na *južnej časti Kerepešského ostrova* píše nasledovne:

„*Význačným južnostrslk. zjavom je lok. sg. typu na ruki. Tak je v Turci, Zvolene, pohronskom Tekove, Honte, Novohrade a záp. Gemeri*“ (tamže, s. 294).

Aj tentokrát je to jav, ktorý je spoločný viacerým stredoslovenským nárečiam.

Pavol Ondrus pri zaraďovaní stredoslovenských nárečí v Maďarsku vymedzil viac javov, ktoré charakterizujú rovnako *južnú a severnú* skupinu stredoslovenských dialektov.

Podľa jeho názoru v prvom rade dodržiavaním rytmického krátenia sa hontianske, novohradské, čanádske, čabianske a sarvašské nárečia organicky viažu na stredoslovenské dialekty v Honte, severovýchodnom Tekove, Turci, na dolnej a strednej Orave, v Liptove, Zvolenskej stolici, Novohrade a juhozápadnej časti Gemera (Ondrus, c. d., s. 186).

Prehlbenou analýzou poukáže aj na ďalšie *severostredoslovenské* prvky:

Formou lexémy *tedi*, ktorá bola zaznamenaná v severnej skupine novohradských nárečí v Maďarsku v okolí Balašských Ďarmôt, sa prikláňa táto nárečová skupina podľa Ondrusa k severným stredoslovenským dialektom v Turci, Zvolene a Liptove.

Formami neurčitých zámen *kolko*, *tolko* sa nárečie na okolí Šalgotarjánu (Salgotrján) zhoduje s nárečím v juhozápadnom a strednom Tekove, v severozápadnej časti Nitrianskej stolice, v Turci, dolnej Orave, Liptove a strednom i východnom Zvolene (tamže, s. 188).

* Skratky: strslk. – stredoslovenský, zápslk. – západoslovenský, južnostrslk. – južnostredoslovenský.

Podobou **ukázať** sa centrálne a východné novohradské nárečia, ako aj dialekty Slovenského Komlóša a Níredházy, ktoré patria k dvom jazykovým ostrovom Dolnej zeme, viažu sa ku komplexu nárečí v strednom a severnom Tekove, západnom Honte, vo Zvolene, Turci a Liptove.

Čanádske, sarvašské a novohradské dialekty, ktoré majú podobu **želúdok**, sa zhodujú s nárečím v Turci, Liptove, Zvolene, západnom Honte, západnom Novohrade a strednom a východnom Gemerí.

Forma adjektíva **tel'ni** bola zaznamenaná vo východnej skupine novohradských nárečí v Maďarsku a spája tieto dialekty s nárečím v Tekove, Turci, Orave, Liptove, Zvolene, severozápadnom Honte a západnom Gemerí (tamže, s. 189).

V prevažnej väčšine stredoslovenských nárečí v Maďarsku sa vyskytuje lexéma **ďieťa** v podobe, ako je v južnom Honte, juhozápadnom Novohrade, Tekove, Zvolene, Turci, na Orave a Liptove (tamže, s. 190).

D. a L. sg. **ruki, nohi, muxi** je rozšírený vo všetkých skúmaných stredoslovenských nárečiach. Touto formou sa všetky južno-stredoslovenské a dolnozemské nárečia začleňujú do veľkého nárečového celku, do ktorého patrí Turiec (tu je aj *ruke* aj *ruce*), Tekov, Hont, Novohrad, Zvolen a západný okraj Gemera (tamže, s. 191).

P. Ondrus sumarizuje svoje výsledky nasledovne:

Oblast severných a východných novohradských dialektov bola kolonizovaná z Liptova, Turca, Oravy a Zvolenskej stolice. Forma *tedi* v severnom novohradskom nárečí svedčí o pôvode obyvateľov Balašských Ďarmôt zo severných stredoslovenských oblastí. Na severostredoslovenský pôvod obyvateľov Luciny poukazujú formy *kolko-tolko, telní* a G. sg. *ženi* (tamže, s. 196).

Podľa záverov Ondrusa sa ukazuje, že elementy severostredoslovenských nárečí sa výraznejšie prejavujú len v novohradských nárečiach v Maďarsku. Tento fenomén zdôvodňuje takto: „... zriedkavý výskyt severostredoslovenských znakov v nárečiach na okolí Balassagyarmat a Salgótarjánu svedčí o vplyve okolitých nárečí na jazyk kolonistov z Liptova, Oravy, Turca a Zvolenskej stolice. Vplyv okolitých nárečí úplne zotrel severostredoslovenský ráz kolonizovaných nárečí v okolí Balassagyarmat a Salgótarjánu“ (tamže, s. 197).

Ako ďalší argument sa nuka malý počet kolonistov zo severostredoslovenského jazykového územia. Napr. v prípade Poľného Berínčeka poukazujú archíválie na to, že zo žúp so severostredoslovenským nárečím sa tu usadil len malý počet rodín. Turiec ako pôvodné sídlo je zapísaný len trikrát. Prišli odtiaľ: Matthaeus Goljan zo Sklabiny, Georgius Bruk z lokality Bella a Georgius Torani, pri jeho mene sa lokalita neuvádzajú (Sirácky, 1971, s. 254, 258, 259). Tento fakt sa môže hodnotiť aj ako fenomén so všeobecnou platnosťou. Dôvod nízkeho záujmu obyvateľov Turca o usadenie na Dolnej zemi treba akisto hľadať vo vykonávaní olejkárstva, ktoré prosperovalo už od 17. storočia (Hrozienčík, 1981).

Iný argument prinášajú etnografické výskumy Slovákov v Maďarsku, ktorými sa zistila dominancia *južnostredoslovenského typu tradičnej kultúry*. Podľa stanoviska Emílie Horváthovej sa obyvateľstvo z Oravy, Turca, Liptova už v 70. rokoch 17. storočia pohybovalo smerom na juh a usadilo sa v Honte, Zvolene a severnej časti Novohradu a sčasti v Gemerí. V novom prostredí sa prispôsobilo životným podmienkam a zanechalo aj značnú časť svojej pôvodnej tradičnej kultúry. Pomerne rýchlo

miesto vrchárskej kultúry prevzalo obyvateľstvo tradičnú kultúru nadväzujúcemu na sedliacky spôsob života. Neskôr, v procese kolonizácie Dolnej zeme po vyhnaniu Turkov, pôvodní obyvatelia severostredoslovenských žúp prinášali so sebou do nových sídel už južnoslovenský model tradičnej kultúry (porov. ALKSM 1996, s. 16, 46.).

Pri formovaní lokálnych dialektov nevyhnutne došlo k zbližovaniu jazyka v smere k spoločnému prvkom (západo- a stredoslovenským), resp. prvkom, ktorých nositeľom bola dominantná skupina kolonistov.

S fenoménom zbližovania lokálneho dialektu s nárečím užšieho regiónu sa stretá výskumník aj v súčasnosti. Takúto empirickú skúsenosť poskytol výskum v lete 2009 v lokalite Senváclav (Pilisszentlászló). Senváclav patrí geograficky ku komplexu pilíšskych lokalít, ktorých súdržnosť sa formovala pravdepodobne od ich založenia. Popri spontánnosti bola viac-menej podporená inštitucionálne, napr. cirkvou, od 90. rokov 20. storočia je posilnená a zastrešená aj regionálnou organizáciou slovenskej menšinovej samosprávy.

Lokalita bola zaradená do výskumnej siete ASNM, na svojráznosti senváclavského dialektu sa snažil upriamiť pozornosť aj neskôr P. Király.

ALKSM nepovažoval tradičnú kultúru Senváclava za reprezentatívnu, preto nebol zaradený do tejto publikácie.

ASNM neidentifikuje obyvateľov obce podľa pôvodu, pomocný materiál, ktorý bol výskumnému tímu k dispozícii, uvádza pôvod obyvateľov z Trenčianskej župy, čo môže byť len čiastočnou pravdou.

- Dialekt Senváclava je miešaný západovo- a stredoslovenský s výskytom mäkkých konsonantov p', m', v', mäkkej veláry g' južnostredoslovenského charakteru (g'äte, p'äť, m'äso, p'äťt, v'äc), s vocalickým párom krátkeho ä a dlhého å).

Na ilustráciu charakteru dialektu uvediem zopár príkladov:

stredoslovenské elementy sú napr.

- vo vocalickom systéme prítomnosť krátkeho a dlhého páru ä, å (ottäl, rozumä, päťtok),
- výskyt diftongov (veľatorie, piatok, šporhiet, se mnou, nuoš – ale sú aj podoby mjéno, moljá, patrá),
- na úrovni morfológie: podoba l-ového particípia – zmena -l na -u (ňemiešau, išou pomohat);

západoslovenské javy sú:

- reflexy za ь, ь (oves, reš, uterek),
- výskyt zdvojených konsonantov (sollo, villi, saňňem),
- nedodžiava sa rytmické krátenie (kúpíme, súďá, tráp'å),
- prízvuk na prvej slabike vo viacslabičných slovách (v tomto prípade treba však počítať aj s vplyvom maďarčiny),
- podoba l-ového particípia s príponou -v (zabev ho áram, t. j. elektrika) atď.

V komunikácii s informátormi sa uchováva miešaný charakter dialektu. Pri príprave televízneho programu sa však posúvali prejavys informátorov smerom k výberu západoslovenských elementov. Na pozadí tohto fenoménu treba akiste hľadať mimojazykové povedomie regionálnej súdržnosti.

Materiál z výskumu je zatial spracovaný len čiastočne. Až podrobná analýza ukáže, či tento lokálny dialekt uchováva viac severostredoslovenských nárečových

elementov ako nárečia, ktoré boli už doteraz spracované. Nie je ireálnou predstavou ani to, že v nárečí obce Senváclav sa budú dať vymedziť aj turčianske elementy.

Bibliografia

- ALKSM – Atlas ľudovej kultúry Slovákov v Maďarsku. Hl. red. A. Divičanová. Békésska Čaba: Slovenský výskumný ústav Békésska Čaba 1996.
- ASNM – FÜGEDI, Erik – GREGOR, Ferenc – KIRÁLY, Péter: Atlas slovenských nárečí v Maďarsku/Atlas der slowakischen Mundarten in Ungarn. Budapest – Budapest: Slovenský výskumný ústav ZSM Békésska Čaba 1993.
- ONDRAŠ, Pavol: Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike. Bratislava: Vyd. SAV 1956.
- HEIZINGER, János: Bakonycsernye múltja. Bakonycsernye 1974.
- HORVÁTHOVÁ, Emília: Faktory dynamiky tradičnej duchovnej kultúry slovenského etnika v Maďarsku. In: Národopis Slovákov v Maďarsku, 1988, roč. 7.
- HROZIENČÍK, Jozef: Turčianski olejkári a Šafraníci. Bratislava: Tatran 1981.
- CHRASTINA, Peter – BOLTIŽIAR, Martin: Historicko-kultúrno-geografické črtky obcí Cápar, Čerňa, Jášť. In: Šusteková, I. a kol.: Kultúrne tradície Slovákov v oblasti Bakonského lesa. Nitra: Vyd. UKF 2008, s. 7 – 33.
- SIRÁCKY, Ján (a kol.): Sťahovanie Slovákov na Dolnú zem. Martin: Matica slovenská 1971.
- SIRÁCKY, Ján: Slováci vo svete. Martin: Matica slovenská 1980.
- ŠTOLC, Jozef: Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava: Vyd. SAVU 1949.
- ŠTOLC, Jozef: Slovenská dialektológia. Bratislava: Veda 1994.

Receptár turčiansky zo 17. storočia

Jana Skladaná

Filozoficka fakulta Univerzity sv. Cyrila a Metoda, Trnava

Turiec Region Book of Recipes from 17th Century

The paper introduces the sources of the Historical Dictionary of the Slovak Language (yet was completely published all 7 volumes 1991 – 2008), which consists of 4 basic genre groups: administrative-law written language documents, specialized documents, religion literature and monuments of folk and art literature. Turiec region book of recipes belongs to specialized documents. These documents include recipes for preparation of medicaments and content not only reach botanical terminology but also names of weights and measures. They can be denoted as detailed, standardized, approximate, comparative and descriptive recipes. The paper deals mainly with approximate ones.

Príspevok venujem jubilantke Adriane Ferenčíkovej a jej rodnému kraju – Turcu. Témou môjho príspevku je analýza Receptára turčianskeho zo 17. storočia.

Odborno-náučná spisba, do ktorej zaraďujeme aj Receptár turčiansky, tvorí výraznú časť pramennej základne Historického slovníka slovenského jazyka (vyšlo už všetkých sedem zväzkov: 1991, 1992, 1994, 1995, 2000, 2005, 2008; hlavným redaktorom všetkých siedmich zväzkov je Milan Majtán). Historický slovník slovenského jazyka predstavuje slovenčinu z predspisovného obdobia od najstarších čias tak, ako je zachovaná v rukopisných i tlačených slovenských jazykových pamiatkach a v starších latinských písomnostiach (najmä slovenské vlastné mená apelatívneho pôvodu) až po prvú kodifikáciu spisovnej slovenčiny Antonom Bernolákom na konci 18. storočia (1787). Od 11. do 14. storočia nemáme zachytené súvislé slovenské jazykové texty, iba latinské so slovakizmami. V 15. storočí sa začala používať na našom území v písanej podobe čeština, ktorá už obsahovala slovenské jazykové prvky vo všetkých jazykových rovinách, išlo o tzv. slovakizovanú češtinu. Od 16. storočia sa začína utvárať predspisovný slovenský jazykový útvar, známy ako kultúrna slovenčina. Domácmi prameňmi tohto jazyka boli slovenské nárečia a kultúrny hovorený jazyk slovenských vzdelenčov. Práve pre bohatý výskyt nárečových prvkov v jednotlivých pamiatkach možno vyčleniť tri hlavné varianty kultúnej slovenčiny: západoslovenský, stredoslovenský a východoslovenský. Kultúrna slovenčina obsahovala aj cudzojazyčné prvky, predovšetkým české, latinské, nemecké, maďarské a iné. Treba zdôrazniť jej nadnárečovú funkciu. Jazykový charakter pamiatok ovplyvňovala osobnosť pisára, ale aj žáner písomností. Pramennú základňu Historického slovníka tvoria štyri základné žánrové skupiny. Sú to administratívno-právne písomnosti, odborno-náučná spisba, náboženská literatúra a pamiatky ľudovej a umelej slovesnosti.

Odborno-náučná spisba zahŕňa odborné, populárno-náučné diela a učebnice z oblasti práva, z medicíny, botaniky, farmaceutiky, meteorológie, poľnohospodárstva, geografie, chémie, matematiky a z iných oblastí. Tieto pamiatky sú pre Historický slovník slovenského jazyka osobitne cenné ako prameň ľudových i umelo

utvorených alebo kalkovaných odborných termínov. Možno v nich sledovať už aj prvky formujúceho sa odborného štýlu.

Početnú skupinu v tejto oblasti predstavujú receptáre, rady a ponaučenia, herbáre a pod. Zväčša boli určené na potreby ľudového liečiteľstva a svojpomocné domácu výrobu liečiv. Obsahujú preto pomerne presné receptúry na ich prípravu a bohaté sú nielen na botanickú terminológiu, ale aj na názvy mier a váh.

V príspevku sa zameriame na komparatívno-opisné vyjadrenie mier a váh v Receptári turčianskom. Táto rukopisná pamiatka pochádza z konca 17. storočia (po roku 1679). Skladá sa z dvoch častí. V prvej sa opisuje výroba základných druhov liekov (esencie, šťavy, prášky, oleje, masti a pod.) z liečivých rastlín a iných drog a určuje sa ich použitie. Druhá časť obsahuje zoznam chorôb s uvedením príslušných liekov a s návodom na užívanie. Receptár má znaky stredoslovenských nárečí (z Turca) i západoslovenských, českých, prípadne inojazyčných (Majtánová – Skladaná, 1965, s. 235).^{*} Väčšina receptúr v receptári obsahuje presné vyjadrenie množstva jednotlivých výrazov potrebných na prípravu príslušných liečiv, resp. aspoň sa usiluje uviesť presnejšie pomery jednotlivých zložiek. Podľa kritéria presnosti a kritéria nepresnosti, resp. približnosti možno teda vyčleniť názvy mier a váh na dve skupiny: 1. presné – štandardizované a 2. približné – komparatívno-opisné.

Do prvej skupiny patria jednotky hmotnosti a obsahovej miery, ktoré sa dajú pomerne presne vyjadriť pomerom dnešnej metrologickej sústavy (v gramoch a litroch). Ide zväčša o miery a váhy iných sústav, ako je desiatková. Patria sem hmotnostné jednotky (**funt, libra, uncia, lót, kvintlík** a ī.) a duté miery (**pinta, holba, žajdel/žajdlík** a ī.). Vyjadrovanie kvantitatívneho zastúpenia potrebných zložiek pomocou týchto výrazov je v receptároch veľmi frekventované, čo vyplýva zo samotnej povahy týchto textov. Presnosť je základným príznakom analyzovaných výrazov (tamže, s. 236).

V druhej skupine sú výrazy, ktoré vyjadrujú miery a váhy na základe určitého porovnania často formou širšieho opisu. Ide o ustálené lexikálne spojenia, pri ktorých je stupeň presnosti merania nižší. Aj tu ide o dve skupiny – obsahové, t. j. duté miery, a hmotnostné jednotky. Ich členenie však už nie je také jednoznačné ako pri štandardizovaných metrologických jednotkách.

Duté miery – obsahové. Najčastejšie sa tieto miery určovali a dodnes sa vlastne určujú pomocou rozličných odmerných nádob. Tieto predmety boli všeobecne známe a mali viac-menej štandardizovaný objem. Zväčša išlo o kuchynský riad. Jednotlivé nádoby boli pre svoju rozličnosť často bližšie špecifikované (napr. **pohár – vínny pohár, pivný pohár**). Najfrekventovanejšimi odmerkami boli **lyžice a poháre**. Napr. *tejto vody jedna ližka; wezmy čtiry ližky terpentinu; nech wezme za malu ližičku; ma se rano y wečer gedna ližička dati; nech wezme za rana za maličku ližičku; geden poharik tepleho wypiti; na wečer po gedneg sklenice; gednu skleničku wina z pelinku; každodenne rano gednu čissičku užiwati; wino preced a po ged-*

* Originál rukopisu sa nachádza v Archíve Literárneho ústavu Matice slovenskej v Martine, ev. č. 1791. Za poskytnutie fotokópií d'akujeme PhDr. Tatiane Lalikovej z oddelenia dejín slovenčiny Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied.

*neg findžy často teple užiweg. Slovo **findža** pochádza z perzského *pingan*, odkiaľ sa dostalo do turečtiny a odtiaľ do viacerých jazykov – aj k nám. Vo všetkých jazykoch si zachovalo svoj pôvodný význam – šálka kávy, v našom prípade ide o obsah tejto nádoby. Ďalej: *gednu weliku začjragici warečku naleg; tato poliewka ma se po pol misečky na gedenkrat užjwati.**

Okrem názov nádob, nádobiek a podobných predmetov sa často vyskytuje aj názov orechového obalu, **škrupiny**. *Dyumbieru za pol sskrupiny; pol orechoweg sskrupiny gaffru; tohto prássku deg naraz pol sskrupiny wlaskeho orecha.*

Ďalšiu skupinu predstavujú duté, ale aj obsahové miery. Často sa vyskytuje výraz **hrst**, **malá, plná, dobrá**, resp. deminutívna podoba, ktorá tu má neutrálnu funkciu, nie expresívnu, napr. *wezmy lilyum convallium dwe dobre hrsti; wezmy rmenu trj hrstky; gednu maličku hrstku rasce utlčeneg; wezmy rmenoweho kwetu tri male hrstky; salwie, andivie, cichorie, každeho gednu malu hrstečku.* Ďalšou veľmi častou mierou je **kvapka** alebo **kropaj**, vyjadrujúca najmenšiu obsahovú mieru. Napr. *kaffroweho spirituse negaku kwapku do ucha wpuſť; pust gednu kwapku do oka; niekolko kropek olege syrkowego pridati.*

Veľmi frekventované sú spojenia **na koniec/špic noža**, resp. to, čo sa na koniec noža zmestí, a to, čo možno vziať **medzi prsty/palce, prstami/palcami**. Tie-to spojenia vyjadrujú minimálne množstvo akejkoľvek sypkej hmoty. Napr. *wezmy wajnstanoweg solj* (vajnštajn – víny kameň, vínan draselný), *čo se na konec welikeho nože wezme; doktor dawal sywy perlowy prassek, co se na trj konce noža wzalo; prassek od čerwienky daweg za geden aneb dva konce nožowe; tohto prassku, co se na geden koniec wezme nožika maleho; wezmy ruže listkuow, co se mezy 3 palce wzjti muže; wezmy lewanduloweho kwetu, co se mezi čtiri palce wzjti muže; wezmy solj mezy tri prsty; wezmy špicanardoweho (levanduľového) kwetu, gak mnoho s petmi palcy wziti se muže; pomarančoweho kwetu, čo se mezy pet prstuow wziti muže; gedno nakončie gaffru.* Používajú sa aj výrazy **kúsok, kústiček**, napr. *kusek paleneho gelenjho rohu; zmoč tri kussičky chleba.*

Osobitnú skupinu tvoria spojenia, v ktorých sa používa komparácia, prirovnávanie. Vyjadrujú vždy len menšie množstvo, a to na základe porovnávania s nejakým malým predmetom, obyčajne plodom nejakého ovocia, zeleniny, korenia a pod. Napr. **(vlašský) orech** (*wezmy gaffru gako orech; wezmy za pol orecha sprawedliwego benjatskeho midla; lekwar, s ktereho se wecer y rano za wlässy orech ma prigati*), **lieskový orech** (*wezmy sadla z medwedice za geden lieskowy orech; urob s toho kulečky gako lieskowy orech*), **konopné zrnko** (*tato mast nech sa trikrat za den gako konopne zrnko do kutečka oka položi*), **vajce** (*wezmy stareho sadla za trj wagca*).

Hmotnostné jednotky sú zastúpené menej. Množstvo sypkých látok sa častejšie vyadrovalo v obsahových mierach. Typickým spôsobom v tejto skupine je opäť prirovnávanie, pričom prirovnávajúc časť predstavovali najčastejšie používané mince, kovové peniaze. Napr. **dukát** (*geden qvintlik nebo coby geden dukat wažyo, užywaty; srdečny lekwar nech se da staremu čloweku, co dukat odwažj*), **groš** (*gak mnoho se z gednym českym grossem odwažilo*), **grajciar** (*sskorice, galganu, každeho, co se gednym greycarem odwažj*). V staršom období standardizované presné miery a váhy boli nahradené novými, ale zostali v niektorých ustálených spojeniach, napr. **groš, grajciar** a pod.

Podobné vyjadrenie mier a váh sa vyskytuje aj v ostatných receptároch a pamiatkach podobného charakteru z celého nášho územia, pravda, s nárečovými znakmi príslušnej oblasti. Pokiaľ ide o jazykovú klasifikáciu Receptára turčianskeho, táto pamiatka obsahuje všetky typické znaky turčianskeho nárečia, z ktorých väčšina je charakteristická aj pre ostatné stredoslovenské nárečia. Ide o používanie dvojhlások (*polievka, niekoľko, vliati, naliati, močia, bieleho, lieskový, kozieho mlieka, vlašského kôpru, uhlie, kôrku na trlici utrieti, pomiešaj s čerešňami, jahôd, utlč v mažari, roztrep dva bielky, korienky, škrupiniek*), v niektorých prípadoch sa vyskytujú západoslovenské podoby, napr. *číščička, začírajíci*, stredoslovenské tvary zámen (*tejto, touto*). Zachytili sme aj starobylý tvar lokálu plurálu s koncovkou *-iech, pintiech*, a lokál singularu po *gedneg ližicte*. Graficky je zaznačená fonéma *dz* v slove *meczy*, väčšinou je *mezy*. Typickými stredoslovenskými výrazmi sú *frišný, merkovať, rasca, zaft, nikdá*.

Väčšina týchto výrazov a spojení sa používa dodnes. V najnovších kuchárskych knihách, ktoré vychádzajú v súčasnosti vo veľkom množstve, nájdeme napr. spojenia *šálka čerstvej smotany, dve hrsti zelenej fazuľky, hrst' čiernych olív, päť kopcom plných lyžíc cukru, plná lyžička sladkej papriky, na hrot noža d'umbieru, štipka šafranu, za orech masla pod ryžu, 1 pohár bieleho vína, niekoľko kvapiek worcesterskej omáčky, na špičku noža bieleho korenia, 1 hrnček hrubej múky a pod.*

Slovenské jazykové pamiatky, napísané v kultúrnej slovenčine, predstavujú jazykovo nerovnorodé texty, v ktorých nie sú rovnako zastúpené nárečové prvky v porovnaní s češtinou, prípadne s inými jazykmi. Kultúrna slovenčina nebola normovaná. Turčiansky receptár zo 17. storočia patrí medzi tie vzácne pamiatky, ktoré majú výrazný stredoslovenský charakter, ide teda o stredoslovenský variant kultúrnej slovenčiny.

Bibliografia

MAJTÁNOVÁ, Marie – SKLADANÁ, Jana: Názvy mier a váh v slovenských lekárskych rukopisoch zo 17. a 18. storočia. In: Československý terminologický časopis, 4, 1965, s. 235 – 243.

RAJČANOVÁ, Alexandra: Opisné vyjadrenie mier a váh v slovenských lekárskych rukopisoch zo 17. – 18. storočia. In: Z výskumu slovenskej lexiky. Red. R. Kuchar. Bratislava: Veda 1993, s. 161 – 169.

Receptár turčiansky 17. storočie. 230 s. Rkp. v ALÚ SNK v Martine, sign. J 181/2.

SKLADANÁ, Jana: Komparatívno-opisné vyjadrenie mier a váh v slovenských receptároch zo 17. – 18. storočia. In: Miery a váhy v dejinách ľudskej spoločnosti. Zborník príspevkov z konferencie 27. – 28. septembra 2005 v Bratislave. Zost. J. Ragačová. Bratislava: Ministerstvo vnútra SR, odbor archívov a registratúr, 2006, s. 54 – 59.

Roľnícka usadlosť v Málinci (Zo studnice novohradského nárečia)

Július Lomenčík

Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela, Banská Bystrica

A Homestead in Málinec
(From a Fount of Novohrad Dialect)

The article reflects upon the profound richness of the dialect from eastern Novohrad and in particular the village of Málinec. It pays close attention to a traditional homestead. In addition to giving the description of its architecture, it emphasizes the richness of the idiom regarding the words used to describe a traditional house, its interior, furnishing and other farm buildings as integral parts of the traditional homestead in Málinec from the 19th and the first half of the 20th century.

Pri pohľade na publikáčnu činnosť, ktorá je výsledkom vedeckovýskumnej práce Adriany Ferenčíkovej, výrazným spôsobom dominuje výskum slovenských nárečí, predovšetkým stredoslovenských. Preto pri výbere nášho príspevku pri príležitosti životného jubilea tejto jazykovedkyne sme sa rozhodli načieriť do bohatej studnice stredoslovenských nárečí, konkrétnie východonovohradských (ipeľských) nárečí so zameraním na „exkluzívny nárečový typ“ (Ján Matejčík) obce Málinec. Do centra našej pozornosti sa dostala tradičná roľnícka usadlosť z tejto oblasti. Popri opísaní jej architektúry bolo naším cieľom poukázať na bohatosť nárečového pomenovania tradičného obytného domu – jeho zloženia, vnútorného zariadenia a hospodárskych budov ako súčasti tradičného málinského obydlia z 19. a prvej polovice 20. storočia.

Architektúra bývania odráža úroveň sociálno-ekonomickejho i kultúrneho vývinu obce. V Málinci bolo v minulosti prevládajúcim zamestnaním roľníctvo, ktoré vytlačilo svoju pečať aj architektúre. Roľnícke rodiny si stavali usadlosti s orientáciou domu užšou stranou k cestnej komunikácii. Nachádzali sa tu aj spoločné dvory – dve samostatné hospodárske jednotky na spoločnom dvore po obidvoch stranach s obytnými časťami smerom k cestnej komunikácii, pričom hospodárske stavby boli pokračovaním traktu usadlosti.

Sklárske rodiny bývali v časti obce nazývanej *Huta*, kde obývali robotnícke domy, väčšinou jednoizbové, postavené v blízkosti sklárskej hutí.

V staršej architektúre bývania prejavuje sa závislosť od dostupných prírodných materiálov. Základným materiálom na stavbu domov bolo pôvodne najviac drevo. Neskôr, najmä od roku 1870 do polovice 20. storočia, sa mnoho domov stavalo aj z nepálenej tehly – *váľku*. Na pokrývanie strechy (*dachu*) sa používali hlavne slamené snopky (*dach šípänei*).

Neskoršie sa ako krytina používal šindeľ (*šingel*, *dach šingl'ovei*) a škridlica (*dach škríbl'ovei*). Strecha stála väčšinou na piatich priečnych hradách (punktovná hrada – *punktovka*) na drevenej povale (*povala*). Jednotlivé hradky na povale sa viazali (*vekslovali*), čiže kusy hradky (*štíche*) boli spojené so „slepou“ hradou. Strechy

mali obyčajne sedlový tvar. Vpredu bol hrebeň strechy (*došťenei štít*) v rovine steny, v spodnej časti s podlomenicou. Štit býval pozdĺžne alebo šikmo debnený. Pod strechou boli pozdĺž bočnej steny smerom do dvora upevnené žrde, na ktoré sa vešala do párov pviazaná kukurica a gazdiné zvykli vešať aj bielizeň.

Staršie domy boli obyčajne zrubovej konštrukcie (*drevänei don*). Pri ich stavbe sa používali otesané drevené hranoly (*brvná*). Medzery medzi nimi *špaľingovali* drevenom a steny potom *omazávali* červeným blatom a bielili vápnom. Na pôjde (*padláš*) – priestor medzi strechou a drevenou povalou – povrch namazali vrstvou hliny s plevou, ktorá slúžila aj ako tepelná izolačná vrstva (*mazovka*).

Charakteristickým obydlím tradičnej roľníckej usadlosti z 19. storočia a prvej polovice 20. storočia bol v Málinci trojpriestorový dom s miestnosťami radenými za sebou – izba, pitvor, komora (horizontálne členenie). Bol postavený na pozemku na stavanie (*funtoš; funtož na stavänei*). Vstupným priestorom bola stredná časť domu – predizba (*pitvor*). Z dvora nebola vstupná časť nápadne upravená. Pozdĺž domu bola vytvorená podstena (*pocstena*) – poukladané ploské kamene pospájané blatom. Nad podstením bola prečnievajúca časť strechy, pod ňou zavesené drevené tyče, na ktorých viseli kukuričné šúľky v pároch. Z pitvora sa vchádzalo do izby (*chiže*) a komory (*komora*). Izba mala funkciu obytného priestoru a komora slúžila ako priestor na mnohé veci.

Pôdorysnej skladbe domu zodpovedala funkcia jednotlivých priestorov a ich výbavanie. Vnútorné zariadenie obydlia bolo jednoduché. V malom *pitvore* na pravej strane od vchodových dverí bol umiestnený rebrík (*lojtra*) na povalu, pod ktorým bol tzv. „slepý oblok“. Vedľa vchodových dverí sa nachádzal vešiak na šaty, na stene visela doska na valkanie cesta (*lopár*), riečica, sito s rukoväťami (*réčica*) a v kúte stávala metla. Dvere boli zavesené závesmi (*pánte*) na čapoch (*čape*) na zárubni (*firštok*). Na otváranie dverí slúžila kľučka (*klička*) a plechový zámok (*płach*). Medzi zárubňami bola spodná časť hrady (*prah*), v ktorej boli zadlabané zárubne.

V prednej izbe, ktorá slúžila ako kuchyňa (*kuchiňa*), obývačka i spálňa, v pravom rohu pri dverách bola umiestnená pec (*pec*) spojená s otvoreným ohniskom a lapačom dymu, ktorý bol upletený z prútov a omazaný hlinou. Z neho sa dym odvádzal rúrou do komína (*koch*) vedeného nad strechu. Pozdĺž pece bol novšie vymurovaný priestor (*prípecok*). Obyčajne pri peci bola malá stolička bez operadla (*šámrik*). Neskôr sa k peciam, resp. aj namiesto nich, začal pristavovať sporák (*šparhél*). Oproti peci stál väčší dubový stôl (*stou*) s drevenými lavicami s operadlom (*lavic operadlon*) popri stenách, z druhej strany stola boli stoličky s operadlom (*operastei stołec*).

Stôl bol kľúčovým kusom nábytku a s rohom izby sa pokladal za kultové miesto. Ubytovaní v dome (*zakvartél ováne; náz bola tu celá divízia zakvartél ována*) pri ňom nielen jedli, ale sa i modlili, spievali nábožné piesne a odbavovali rôzne zvyky a običaje. Na stole bola prikrývka (*obrus*), z ktorej okrajov viseli zväzočky nití (*strapce*).

Medzi oknami (*oblokmi*) vedúcimi na ulicu bolo malé zrkadlo v širokom drevenom ráme. Okolo neho boli zavesené maľované tanieriky (dva pod zrkadlom, po dva po bokoch). Nad oknami bol vysunutý drevený *rámik* s povešanými maľovanými hrnčekmi. Okná z vnútornej strany zakrývala záclona (*firhang*). Okná vypĺňala sklenená tabuľa na okne (*cklaná tablička*). Na spodku okna bola doska (*parafe*).

ta). Po stenách nad stolom viseli farbotlačové obrazy svätých. V rohu naľavo od dvier bola umiestnená posteľ (*posteľ*), ktorú tvorila predná časť pri hlave (*prední hlávňik*), zadná časť pri nohách (*zadní hlávňik*) a bočná doska na posteli (*lajšňa*). V posteľ bol slamník (*strožleik*) – veľké vrece utkané z hrubého konopného plátna naplnené slamou –, ktorý bol zakrytý plachtou (*plachta*). Vedľa posteľ stála truhlica na šaty (*láda*) so zásuvkou v dolnej časti (*šuplouňa*), sklopným vrchnákom na zatvorenie truhlice (*vrchnák*) a na jej boku bola menšia priečadka na drobnosti (*prétruhlík*). Oproti stála druhá posteľ. Medzi pecou a druhou posteľou bola lavica na vedrás s vodou, nad ktorou bola polica (*polic*) na riad a drevený záves na lyžice (*ležičník*). V minulosti sa svietilo v izbe *faklami* – triesky, ktoré slúžili na svietenie. Boli umiestnené v *posvetáči* – časť pece. Neskoršie sa už svietilo *petriolejovou lampou*, ktorá visela nad stolom. Tvorili ju tieto časti: a) *nádobka na petriolej*, b) *petriolej*, c) *knót*, d) *gvint*, e) *prešík*, f) *kohútik*, g) *pupák* – pliešok v tvare klobúčika (náprstka), v ktorom horí knôt, h) *plamen*, ch) *kalapčok*, i) *rúrka (cilinder)*. V prvej polovici 40. rokov 20. storočia bolo už v niektorých domoch, u remeselníkov a sklárov, elektrické osvetlenie. Niekde mali aj nástenné hodiny (*ponduske*), ktoré viseli na stene v prednej časti izby.

V jednom dome bývalo aj niekoľko generácií – rodičia so slobodnými deťmi i ženatými synmi s rodinami. V izbe spávala celá rodina. Ak bolo veľa detí, mali v izbe vyťahovacie posteľ, prípadne sa spávalo aj v komore. V lete, najmä mládenci, aj v stodole na sene. Mladé dievky zasa v komore. Ak v dome bývali mladomanželia, spávali buď v izbe v jednej posteli, alebo v komore. Šestonedieľka spávala vždy v izbe. Hostí ukladali do posteľ. Spávalo sa aj na peci, keďže najmä v zime tam bolo najteplejšie.

Vplyvom ročných období sa zariadenie izby výrazne nemenilo. V lete vešali periny na žŕdku nad posteľou, lebo spávali bez nich. V zimnom období upchávali spodok okien vankúšmi vypchanými mládzou – druhým senom (*košenkom*). Po Vianociach rozložili v izbe krosná (*krósna*), ktoré tu stáli približne šesť týždňov, lebo gazdiná tkala. Na jar prinášali do izby k peci drobnú hydinu, prevažne v drevených *ládičkách*. V lete sa rodina schádzala v izbe len na večeru, pred ktorou zaspieval 2 – 3 piesne starý otec, aj bez prípadnej účasti ostatných členov rodiny. V zime sa zišli ku každému jedlu a spolu trávili dlhé zimné večery. V izbe sa schádzali k rôznym rodinným i výročným príležitostiam. Vo sviatok dávala gazdiná na stôl sviatočný biely obrus s „veselým pásom“. Na posteľ zasa sviatočné prikrývky – kartúnové, šípové ruže na čiernom podklade – na spodnom okraji s dlhými strapcami. Podlahu z hliny (*zen*) natierali (*šlichtovať*) zmesou vyrobenou z červenej hliny, kravského lajna a vody.

Zmeny vo funkcií izby nastali po druhej svetovej vojne. Vtedy sa pitvor zmenil na kuchyňu, a tým sa prestalo v izbe variť. Majetnejší občania si takto vytvorili prednú, tzv. parádnú izbu a z pôvodnej komory zasa obývaciu izbu. V porovnaní s ostatnými obyvateľmi sa u nich objavovali aj rôzne novinky v zariadení, napríklad hodiny, zrkadlo, bytový textil, prípadne už aj rádio a iné.

Z priestorového hľadiska bola treťou dôležitou miestnosťou domu komora. V niektorých domoch, najmä u bohatších gazdov, bývali aj dve komory. V komore bolo uložené obilie vo vreciach, zemiaky v drevenej ohrade (*cárku*). Zemiaky na sadenie uskladňovali v zemiakovnej jame (*v kopci*) na záhrade – vyhľibil sa kruh do

hľbky asi 20 cm, kde sa poukladali zemiaky do pyramídy, zakryli sa slamou a na kopec sa navŕšila hlina. V komore bola umiestnená veľká drevená nádoba (*bočka*), v ktorej bola natlačená kapusta zaťažená veľkým kameňom, ďalej na hradách zavesený cesnak a cibuľa zapletená vo vencoch. Lekvár a masť boli uložené v hlinených hrncoch, ovocie v drevenej truhlici (*láda*). Inventár komory a jeho rozmiestnenie bolo individuálne, pretože niekde mali podľa potreby aj jednu alebo dve posteľ.

Na povale bývala menšia drevená debna (*štok*), dlhá 2 – 3 m, vysoká asi 60 cm, predelená na 3 – 4 priečinky, na múku, fazuľu, hrach ap. Na žrdiach viseli klobásy, slanina a do párov poviezana kukurica. Niekedy tu v hlinených hrncoch bola uložená i masť.

Roľnícka usadlosť v Málinci pozostávala okrem obytného domu aj z hospodárskych stavieb, ktoré nadvázovali priamo na obytný dom alebo tvorili samostatné budovy na dvore. Materiál na stavbu hospodárskych budov bol taký istý ako na obytné domy – drevo a kameň, prípadne välinky.

Dvor podlhovastého tvaru bol vpredu uzavretý latkovým plotom s bránou (*brána*) a bráničkou. Najviac sa vyskytovali ploty zhotovené z trínia prepletaného okolo kolíkov. Novšie druhy plotov sa zhotovovali z drevených latiek (*šeke*, *šteková lesa*). Chudobnejší nemali ani plot, ani bránu, ale vpredu domu bola podstena. Vzadu bol dvor, u bohatších gázdov uzavretý stodolou (*pajta alebo tok*) postavenou kolmo k obytnej časti, alebo na konci záhrady. Stodoly bývali murované z nepálených tehál a strechy mali pokryté slamou, neskôr šindľom. Podľa majetnosti bývali dvoj- alebo trojpriestorové. Stredná časť stodoly (*tok*) slúžila pôvodne na mlátenie, neskôr ako skladovací priestor na poľnohospodárske náradie a vozy. Vnútorná bočná miestnosť na uskladnenie slamy sa nazývala *kolešňa*. V stodole bývali umiestnené poľnohospodárske náradia, stroje a dopravné prostriedky: napr. *sečkáreň*, *vejačka* – stroj na viatie obilia po vymlátení –, voz, železný pluh (*zel'ezne pluh*), brány (*bráne*) – poľnohospodárske náradie na kyprenie pôdy a iné.

S obytným domom ako jeho pokračovanie stavali maštale. Chliev (*chlév*) alebo maštaľ pre kone, ale i kravy (*koňic*) nadvázovali na komoru. Jednotlivé zvieratá boli v maštali oddelené *zápravcami* – ohradené miesto v maštali. Oproti maštali, alebo aj ďalej vzadu vo dvore, bolo umiestnené hnojisko, v jeho blízkosti záchod (*hajzel*) a chlievy (*chlévce*). Chliev bol postavený z dreva (zrubovej konštrukcie). Jeho strecha bola jednospádová a bol prepravený s priestormi pre ovce, ošípané i kozy. Priestor pod strechou využívali ako kurín pre sliepkы. V tejto časti boli umiestnené i nízke chlieviky (*chlévice*) pre husi a kačice, obyčajne zhotovené z dosiek a zakryté jednospádovou strechou.

V prednej časti bola vyhľbená studňa, najčastejšie vahadlová – *na sochu*. Neskôr sa používali studne s nadzemnými ohradami a načieraním vody pomocou hriadeľa s kľukou (*na kvaku*), potom s kolesom (*na koľeso*). Chudobnejší chodievali po vodu k studniám vyhľbeným na ulici, ktoré slúžili všetkým.

Pred niektorými domami bývali záhradky, v ktorých sa pestovala hlavne zelenina a strukoviny, ale aj kvety. Pomerne častým javom bolo sadenie viniča po obvode podstenia. V záhrade za domom sa pestovali obyčajne ovocné stromy, hlavne slivky, jablone, hrušky, orechy, čerešne a niekde i marhule.

Pôvodná architektúra – zrubový dom ovakovaný hlinou vo svojej funkčnosti a harmonickej väzbe na prírodné prostredie pretrval do druhej svetovej vojny. Už v prvej polovici 20. storočia, najmä po roku 1918, objavovali sa aj murované domy, ktorých základným stavebným materiálom boli tzv. váľky. Na ďalšom formovaní obydlia a použití stavebných materiálov rozšírujúcej sa obce mala po skončení druhej svetovej vojny (po r. 1945) vplyv dostupnosť nových stavebných materiálov. Stavali sa tehlové domy s pôdorysom v tvare L a domy so štvorcovým pôdorysom (tzv. štvorce), ktoré nie vždy rešpektovali miestne stavebné tradície.

Pôvodné roľnícke usadlosti postupne ustupovali novej zástavbe. Viacerí obyvatelia si pri nich postavili murované domy a v tých pôvodných väčšinou dožívali staršie generácie. Ich úmrtím sa postupne likvidovali pre zväčšenie priestoru dvora.

Z pohľadu pomenovania častí pôvodnej roľníckej usadlosti sice viaceré lexémy zanikli, lebo objekty nimi pomenované už neexistovali, ale napr. pomenovania niektorých súčasťí vnútorného a vonkajšieho vybavenia obydlia sa udržali v nárečovej podobe: na ilustráciu napr. sporák – *šparhél*, záclona – *firhang*, stolička – *stolíc*, kľučka na dverách – *klička*; chliev – *chlév*.

Od začiatku 21. storočia stále viac zanikajú pri obytných domoch aj hospodárske budovy, takže nárečová podoba pomenovaní obydlia je na ústupe aj v Málinci a pôvodné pomenovania niektorých ešte zachovaných súčasťí z tradičnej málinskej roľníckej usadlosti registrujeme len v slovnej zásobe dožívajúcej najstaršej generácie.

Bibliografia

MATEJČÍK, Ján: Lexika Novohradu. Vecný slovník. Martin: Osveta 1975. 312 s. + 36 s. voľne vkladané mapy.

MARCIK, Milan: Chlieb ich každodenný: Chlebíka ich každodennô. Lučenec: Dom Matice slovenskej Lučenec 2008. 235 s.

Správa z etnografického výskumu spracovaná podľa dotazníka pre MSD, lokalita Málinec, 1976, 25 s. textu s kresbami. Ev. č. US-412.

<http://urda.blog.sme.sk/c/72657/Dlhe-zimne-vecery.html>

GASPER, Ján: rukopis z pozostalosti (archív autora).

Rozhovor autora s Máriou Švédovou, nar. 1911 (zaznamenaný v novembri 2004).

Rozhovor autora so Zuzanou Urdovou, nar. 1922 (zaznamenaný v decembri 2004).

Chvála koreňom

Silvia Duchková

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava

Commendation to the Roots

The paper brings an example of dialect of the village Rohožník from Záhorie. The author has concentrated on expressive lexicon which characterizes a man and its behaviour.

Kedysi som si želala mať korene na strednom Slovensku, odkiaľ pochádza aj juhilantka Adriana Ferenčíková. Bola som uchvátená štúrovským obdobím, zápasom o vlastný jazyk, mäkkosťou stredoslovenčiny, ktorá – tak nás to učili – bola tá pravá, rýdza slovenská.

Moje korene sú však na západe. Tu, v záhorskej dedine Rohožník, usadili sa starí rodičia z maminej strany alebo – ako sa hovorí na Záhorí – *staréček a stareňka*. Tu som trávievala všetky školské aj študentské prázdniny a zrastala s „tvrdou“, ako sa mi zdalo, „nižšou“ záhoráčtinou. Časom som spoznávala, že záhoráčtina nie je tvrdá, že znie takisto *mjako*, a cez jazyk starých rodičov som začala objavovať jej bohatstvo a krásu. Musím povedať, že nie všetky výrazy či „prúpovidky“ (t. j. povrátky), ktoré obaja s obľubou používali, patria k rohožníckemu nárečiu. Niektoré vznikli v našom domácom prostredí a stali sa súčasťou rodinného úzu. Starí rodičia sa už pominuli, ale mnohé ich výrazy sú v našej rodine dodnes živé a niektoré si osvojili aj naši známi.

Staréček a stareňka boli jednoduchí ľudia, mali len po dvoch a piatich triedach ľudovej školy. Hoci neboli nijakí *školovaní ludé*, svojím rozhladom a sčítanostou ma neraz prekvapovali. Živosť, expresivita a tvorivosť jazyka, ktorým priliehavo komentovali javy a udalosti života, ma chvíľami napíňali úžasom. Úsmev i výbuchy smiechu u mňa vyvolávali najmä výrazy a rozličné povrávkysúvisiace s charakteristikou človeka a ľudského správania. Ich objektom som bola neraz i ja. Obaja odmala okúsili tvrdosť života, chudoba a hlad ich ešte ako deti vyhnali do služby. Boli preto veľmi citliví na akékoľvek plytvanie, najmä potravou, a rovnako na prieberčivosť. Ak som mala nejaké pripomienky k jedlu, hned' som si vyslúžila, že som *znušná*, čiže vyberavá. Keď som o navarenom niekedy prehodila, že mu niečo chýba, stareňka mala naporúdzi odpoveď – *dobrí hľad*. A keď som z dlhej chvíle hľadala niečo pod Zub, tak som *zňuchávaťa*. Nenásytný, pažravý človek sa v priamom i prenesenom zmysle nazýval *obohútň*. Staréček a stareňka neznášali prejavy *panščini* a odsudzovali štýl života *huj-buj*; rozmažnaný človek bol pre nich tak ako pre ostatných Rohožníčanov *dobrovolec*.

Väčšinu života starých rodičov zapĺňala práca v obchode a v domácom hospodárstve. Z ich úst bolo často počuť zvrat *sem zakvackaní, takí sme zakvackaní*, niekedy vo významovo variantnej podobe *sem zalaptaní, sme zalaptaní*, čo neznamenalo, že sa pri práci zašpinili, ale takto obrazne konštatovali, že majú veľa práce, že sú zavalení alebo doslova zababraní, zakvackaní prácou. Aj pre vlastnú skúsenosť s tvrdým, poctivým dorábaním každodenného chleba si z ľudských vlastností naj-

väčšmi vážili pracovitosť a čestnosť. Na ich opačnom póle stála lenivosť, záhaľka, ľahkovážnosť. Život ľudí provizórnej, nestálej existencie, obmedzený na napĺňanie základných životných potrieb, označovali výrazom *ham a trt* (voľne povedané, príjem a výdaj, podľa biologického rytmu kačice). Ľahkovážny, neseriózny človek bol *hoptrt*, ľahtikára nazývali aj *lachčák*. Toho, kto sa prejavoval ako nestály, nespôľahlivý, pochabý, charakterizovali výrazom *trci chvíla*, resp. *trci chvíla, mrcha čas*. V spisovnom jazyku by sme ho mohli nazvať *vetroplach* alebo *pobehaj*. Pochabý, bláznivý človek si vyslúžil aj prezývku *poprdu* či *poprchu*. O neposednom, ale i aktívnom, dynamickom človeku vraveli, že má *vrtulu v rici*. Túto plejádu slov so spoluľáskovou skupinou *tr-*, *pr-* doplníme slovom, ktoré nás posúva už k inej téme, ale je rovnako pôvabné: je to slovo *otrtúlení*, čo znamená „omámený, očapený“. *Otrtúlenosť* je stav blízky priprosti či opitosti, ktorá sa v rohožníckom nárečí okrem slovesa *otrtúliť sa* vyjadruje aj výrazmi *druzgnúť si*, *líznut si* (*biu líznutí*, *mŕceú líznuté*) či *mjet vrtulu*. Nečudo, že *otrndžení* alebo *ochmelení* človek v takom stave *brčkuje*, čiže sa tacká.

Stareček a starenka mali bohatý repertoár miestnych i vlastných výrazových prostriedkov na charakterizovanie negatívnych vlastností ľudí. Zlý, mizerný, *ladžboví čovjek* bol *ladžba* a takéto vlastnosti a ich prejav nazývali *ladžbovina*. Ide tu o prenesenie významu všeobecného podstatného mena *ladžba*, ktorým sa v západoslovenskom nárečí označuje nekvalitný tovar, na osoby. Nehanebný, *nemóresný čovjek* bol *nehařba*. Skôr zo žartu prirovnávali neposlušné deti k neužitočnej, škodlivej burine prezývkami *zelina* či *lebeda* (loboda). Sem-tam sa ušlo i domácemu psovi, ktorý bol podľa starenky nielen *dobrovolec*, ale keď vyviedol niečo zlé, i *slivoň*, čo bola inak nadávka pre necitlivého, surového človeka. Ľudskú tuposť vyjadrovalo prirovnanie *tupí jak pantok*, jej predstaviteľ dostal nelichotivú prezývku *otápa*. Výrazom *bambula* sa označoval nielen hlúpy, ale aj ťažkopádny, nemotorný človek, a hlupákovi či tuťmákovi sa hovorilo *tríbelia*. Ľudskú popudlivosť a hnevlosť zosobňovali výrazy *prdoš* (od *prdošíť sa* „jedovať sa, zlostiť sa“) a *náhnet* (tento výraz sa mi, azda na základe zvukovej podoby, asociouje s českým *zánět* „zápal“, lebo *náhnet* je ten, kto sa ľahko zapáli, vzbílkne hnevom. Voľná asociačná niť môže viesť i k slovesu *hniest* „miesiť, trieť“ a tým zahrievať). Výraznú dávku expresívnosti v sebe nesie i sloveso *sršniť sa*: jeho základové slovo sršeň vyvoláva predstavu prudkej reakcie hnevu, toto sloveso však okrem významu „zlostiť sa, rozčuľovať sa“ vyjadrovalo i význam „prejavovať zvýšenú aktivitu, horlivosť“. Pokiaľ ide o nahnevanosť či urazenosť, takéto pocity bolo lepšie nedávať najavo, lebo zamračenému, namosúrenému človeku sa v našej rodine uštredila už na počutie nepríjemná prezývka *kadub* (podotýkam, že u Konštantína Palkoviča slovo *kadub* znamená niečo tučné a uplatňuje sa vo frazeologizme *Je tustí jak kadub*).

Nakrátko sa pristavím pri výrazoch charakterizujúcich zovňajšok. Chudý, krehký človek bol v starenkíných očiach *kostrnka*, *strásno*, *strásenko* či *strnadlík*. Ak som bola podľa nej naľahko alebo neprimerane oblečená, neobišla ma prezývka *vitririt*. Človeku ťažkej, ťarbavej chôdze, ale i pochybného zovňajšku prischla prezývka *máčada*. Stareček, ktorý by ani myšlienkov neboli neverný, sa chvíľami prejavil ako vnímaný pozorovateľ žien. V rodine sa stalo známym jeho prirovnanie *biliardové nohy*: takto nazval rovné, nadol sa zužujúce ženské nohy pripomínajúce nohy biliardového stola.

Stareček bol komunikatívny človek, ktorý sa rád prihovoril iným a u koho sa ľudia často pristavovali na kus reči. Stávalo sa, že sa takto pozabudol (*zapomenul*), a oneskorený príchod neraz zdôvodňoval tým, že sa od známeho *nemoheť oplet*, čiže nemohol sa ho zbaviť, tak ako sa nemožno pletím zbaviť buriny. A tak neodbytný človek sa u nás i v Rohožníku nazýval *neoplejní*, neodbytne dotieravý, ostravný zasa *omrzúť* (od *omŕzat*). Ak niekto dobiedzal, povedalo sa, že *dolipá*, ak podpichoval, zapáral, tak *potkušovať* alebo expresívnejšie *vihrizávať* či *štengrovať*. Neprístojné zaliečanie, vtieranie sa vystihovalo označenie *podritkováň sa*.

Stareček rád *trandúrať* či *žbrílať* po horách, odkiaľ nosil najmä suchohríby, pri lepšom úlovku dubáky, a maliny. Zo slovníka starých rodičov spomieniem ešte milý výraz *bombálat*, ktorým pomenúvali bezcieľne potulovanie a ktorý sa mi zvukomalebnostou spája s bezstarostnou záhaľkou. Záhoráčtina ponúka svojrázne slovesá na vyjadrenie pohybu. Náhlenie vyjadruje sloveso *čárat* (od *čára „čiara“*), *trtotat* (*Kam tak trtoceš?*, *Co porát trtoceš?*), ale aj *bit pilno*. Stareček používal výraz *je mu pilno* vtedy, keď niekomu bolo treba na záchod. Nepohodlné, zlé či pomalé cestovanie označovalo sloveso *hrglotat* sa alebo *tralágat* sa.

V plynutí života prichádzali na pretras rozličné témy, medzi nimi i téma peňazí a majetku. Biedne pomery v minulosti starenka opisovala dojímavými prievornaniami, keď ako jediné vlastníctvo mnohých chudobných ľudí spomínala *pole jak uciráček* (uteráčik) či *plachétka*. Keďže stareček i starenka pochádzali z chudobných rodín a žili veľmi skromne, preberali sa u nás najmä majetkové pomery iných. Starých rodičov pohoršovala márnotratnosť, a ak niekto premrhal majetok, odsudzujúco skonštatovali, že *šecko išlo Bohu dímem* (t. j. von komínom). Takto sa vyjadrovali aj vtedy, keď niečo vyšlo navnivoč. Vonkajšie naparovanie, pretŕčanie sa, ktoré nezodpovedalo skutočným majetkovým pomerom, okorenili povrávkou *Paráda na ulici, hovno f truhlici*. Viac pozornosti však venovali tým, čo boli naozaj bohatí. Všetky úvahy i výlevy ako *ó, tam je peňez, tam je peňez* starenka zvyčajne zakončila okrídleným výrokom: *Ná co na tem. Šeci prdneme na desku*, čo znamenalo, že nech je ktokol'vek akokoľvek bohatý, aj tak zomrie, čiže v smrti sme si všetci rovní.

Pri spomienke na starých rodičov ožívajú nielen spoločne prežité chvíle, rozličné zážitky a historky, ale aj ich reč: pestofarebná, plnokrvná, neraz ostro korenistá. Taká, aký bol ich život. Patrili k tým majstrom slova, ktorí ostávajú v anonymite, ale z ktorých slovného bohatstva, vytvoreného a nazhromaždeného mnohými generáciami, dodnes čerpá nejeden majster pera.

Niekoľko lexém označujúcich *dážď so slnkom* v slovenských nárečiach¹

Ľubica Dvornická

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava

Several Lexemes that term *Rain with Sunshine* in Slovak Dialects

The paper presents some lexemes, lexical units and phraseological units (including their variants) that in the Slovak language and mainly dialects term an atmospheric phenomenon of simultaneous rain and sunshine. This atmospheric phenomenon has not been a subject of any complex Slovak research yet. A partial survey about existence of the lexemes that term it is provided by a questionnaire for the dialect lexicon research *Viticulture* made up by J. R. Nižnanský and archived in the Dialectological Department of Ľudovít Štúr Institute of Linguistics, Slovak Academy of Sciences. This research was realized in viticulture and wine-growing regions in the south of the West and Middle Slovakia and in the southwest of the East Slovakia. The dialectological material is compared with data in the Historical Dictionary of Slovak Language and other available sources. The author refers to mutual relation between names of parasitical diseases of plants like mildew and the analysed atmospheric phenomenon which was supposed to be one of causes of these diseases. On the basis of the available material it can be stated that one word terms (*hrdza, ruda, vípar, zápor, záraza*) refer to the atmospheric phenomenon and for the most part the diseases of plants as well, lexical unites (*padá hrdza/ruda/záraza, páliaci/pripálený/slnečný dážď, prší slnečník*) refer just to the simultaneous rain and sunshine and vice versa derived words have a meaning of the plant disease (they are, of course, often polysemantic and so they have also other meanings). The phraseological units, utilizing its typical figurativeness, sometimes refer to the atmospheric phenomenon together with the referring to the disease and in other time they just describe the phenomenon in their first part, or they generally express the perception of it as something negative and harmful.

Svojím životom a prácou zanechávame za sebou stopy. Jednou z takýchto stôp, ktorých počas svojho tvorivého života roztrúšila neúrekom prom. fil. Adriana Ferenčíková, CSc., je i rubrika *Zo studnice rodnej reči* v časopise Kultúra slova. Je venovaná popularizačným príspevkom, ktoré čitateľom prezentujú najmä lexikálne bohatstvo slovenských nárečí. Ale neukazuje sa v nich len to, „aká je naša reč bohatá“², čitateľom sa v nich približuje aj oblasť duchovnej a materiálnej kultúry našich predkov. Viaceré z príspevkov Adriany Ferenčíkovej v tejto rubrike sú venované atmosférickým či meteorologickým javom. Také sú napríklad *Agáty, Dorothy – zavieva ploty; Hrmelo, pršalo a peruň biľi; Prší, prší, len sa leje*.³

V súvislosti s istým špecifickým atmosférickým javom nás zaujala štúdia Biljany Sikimičovej, pracovníčky Srbskej akadémie vied v Belehrade. Vo svojej práci

¹ Štúdia vznikla v rámci riešenia projektu VEGA 2/0028/08 *Slovník slovenských nárečí III*.

² A. Ferenčíková: *Pekná reč zvoní ako zvon*. In: *Zo studnice rodnej reči*. Zost. K. Balleková – M. Smatana. Bratislava: Veda 2005, s. 249.

³ Porov. In: *Zo studnice rodnej reči*. Zost. K. Balleková – M. Smatana. Bratislava: Veda 2005, s. 25 – 38.

*Narodni nazivi za kišu sa suncem*⁴ analyzuje vzájomnú podmienenosť južnoslovenských ľudových termínov pomenúvajúcich chorobu rastlín typu *plamenjača* a dážď so slnkom, ktorý je považovaný za pôvodcu tejto choroby. Zachytáva a analyzuje materiál z viacerých slovanských jazykov, najmä južnoslovanských. Uvádza, že v slovanských jazykoch jestvujú jednoslovné pomenovania pre súčasný dážď so slnkom, konkrétnie južnoslovanské *balsara*, *klja*, *maća*, *mana*, *tonja*, *cvek*, *polesko*, *rudâ*, a bývajú zhodné s názvami parazitických chorôb rastlín.

Materiál k tomuto atmosférickému javu v slovenských nárečiach sme vyhľadávali v uverejnených dvoch zväzkoch Slovníka slovenských nárečí (ďalej SSN) a v kartotéke tohto slovníka, v kartotéke V. Vážného z oblasti turčianskych nárečí, v dotazníku K. Palkoviča na výskum poľnohospodárskej lexiky a v dotazníku J. R. Nižnanského, ktorým sa skúmala vinohradnícka terminológia (všetky tri sú deponované v Jazykovednom ústave L. Štúra SAV), doplníame ho aj ďalšími (nielen nárečovými) slovníkovými prameňmi.

Najvhodnejším spôsobom, pri ktorom by sa získal (aspoň relativne) kompletnejší materiál k téme súčasného dažďa a slnka a umožnil by následné posúdenie súvislostí jeho pomenovania s názvami parazitických chorôb rastlín v slovenských nárečiach, by bol, prirodzene, celoslovenský dotazníkový výskum. Azda pre svoju zriedkavosť⁵ neboli tento jav predmetom skúmania v lexikálnom dotazníku k Atlasu slovenského jazyka, podobne je to aj v dotazníku Celoslovanského jazykového atlasu. K dispozícii máme materiál získaný terminologickým dotazníkom Vinohradníctvo⁶. Ten bol vzhľadom na klimatické podmienky a s tým súvisiace rozšírenie pestovania viniča len v istých oblastiach nášho územia vyplňaný iba vo vybraných obciach Slovenska⁷, konkrétnie vo vinohradníckych a vinárskych oblastiach na juhu západného a stredného Slovenska a na juhovýchode východného Slovenska. Materiál z tohto dotazníka budeme označovať v súlade s koncepciou prijatou pre SSN popri lokalite (uvádzajú sa úradné názvy obcí z roku 1955) aj skratkou okresu⁸. Otázka č. 293 v tomto dotazníku bola formulovaná nasledovne: „Iné poveternostné javy poškodzujúce vinice a) dážď (aj s vysvetlením, napr. *ruta* = dážď za slnka), b) vietor, c) mráz“. Pre našu tému boli dôležité odpovede na časť a) tejto otázky. Napriek tomu, že nebola zodpovedaná vo všetkých skúmaných lokalitách (dotazník bol vyplňený v 62 obciach) a formulácia poskytovala azda priširoký priestor na uvedenie rôznych poveternostných javov súvisiacich s dažďom, predsa len prostredníctvom

⁴ B. Sikimić: *Narodni nazivi za kišu sa suncem*. <http://www.rastko.rs/filologija/bsikimic/bsikimic-kisa-sunce-2.html>.

⁵ To, že bol tento atmosférický jav považovaný za nezvyčajný, dokladá veta zo Solivaru pri Prešove: *Čud boski, pada diždž a slunce švíci!*

⁶ Vinohradníctvo. Dotazník na výskum nárečovej lexiky. Pripravil J. Nižnanský. Bratislava: dialektologické oddelenie JÚLŠ SAV 1969. 623 otázok, 79 s., 4 obrazové prílohy.

⁷ Podrobne pozri K. Balleková – M. Chochol – M. Pukanec: Katalogizácia terminologických dotazníkov. In: *Tradícia v slove, slovo v tradícii*. Zost. L. Dvornická – M. Smatana. Bratislava: Veda 2007, s. 54 – 77.

⁸ Zoznam použitých skratiek okresov: BRA – Bratislava, HLO – Hlohovec, LM – Liptovský Mikuláš, LUČ – Lučenec, LVI – Levice, LVO – Levoča, MAR – Martin, MCH – Michalovce, MK – Modrý Kameň, MOD – Modra, MYJ – Myjava, NIT – Nitra, NMV – Nové Mesto nad Váhom, REV – Revúca, RS – Rimavská Sobota, SEN – Senica, SKA – Skalica, SNV – Spišská Nová Ves, SOB – Sobrance, ŠAH – Šahy, TOP – Topoľčany, TRB – Trebišov, TRČ – Trenčín, TRN – Trnava, ZM – Zlaté Moravce.

uvedeného príkladu navádzala na získanie informácií o súčasnom daždi a slnku, údaje v nej poskytli viaceré zaujímavé podnety na ďalšie úvahy a takisto obraz o rozšírení niektorých lexém v daných oblastiach.

Ani pre výskum parazitických chorôb rastlín nemáme k dispozícii komplexný dotazníkový výskum. To spôsobuje ťažkosti pri presnej identifikácii niektorých lexém. Otázky týkajúce sa obilných snetí sú v lexikálnom dotazníku K. Palkoviča⁹ (časť A. Pestovanie rastlín, X. Choroby, buriny a škodcovia plodín, ot. 1. ražná hubka (*námel*), 2. mazľavá hrča v klase obilia (*sňet*), 3. zaschnuté steblo obilia). V kartotéke z tohto výskumu je k daným otázkam archivovaný (rozsahom sice neveľký) materiál, ktorý sme však takisto brali do úvahy pri spracúvaní témy.

Ako uvádza B. Sikimić, vo folklórnych prameňoch sa nachádzajú texty, ktoré zachytávajú magické formuly na odvrátenie nebezpečenstva súčasného dažďa so slnkom¹⁰. Aj na našom území sa používali praktiky, ktoré mali zabrániť rôznym chorobám poškodzovať úzitkové rastliny. Nachádzame na to dôkaz už z 18. stor. zaznamenaný v Historickom slovníku slovenského jazyka (ďalej HSSJ)¹¹: „... wianočnim popolom preto posipa swogu winyiczu, zebi ridza geg nyesskodila Krupina 1722“ (HSSJ 4, s. 104).

Používanie popola na ochranu rastlín dokladajú aj etnografické pramene. „Veštenie z čiar v p. [p., t. j. popol, pozn. LD] patrí k staroslovanským veštectkým praktikám. P. zostatok uctievaneho ohňa sa používal na ochranu aj v kalendárnych obyčajoch. ... Na Jána Krstiteľa sa v Gemeru, Honte, Novohrade, Turci p. z jánskych ohňov sypal na ľan a konope.“¹² V diele J. Fándlyho Piľní domajší a poľní hospodár¹³ je ochrane obilia proti sneti venovaná celá kapitola s názvom *Abi žito sňetovité ňebolo*. Okrem mnohých praktických rád, ktoré odporúčajú dbať na výber kvalitného semena, jeho správne skladovanie a pod., nachádzame aj tieto riadky: „Kratší prácu pomôže žitu od sňetu takto: Prv než ho zaseješ, posip ho popelom ľebo řehasením drobním vápnom, ňech tak stojí deň a noc; hodl'i potom abis ho sál na volakterí kantroví deň okolo Matúša“ (s. 71). Tu sa vlastne upozorňuje na dezinfekčné účinky popola. Citáty dokazujú, že v minulosti sa popol využíval aj ako hnojivo¹⁴.

⁹ Dotazník pre výskum slovnej zásoby slovenských nárečí. 1. vyd. Pripravil K. Palkovič. Bratislava: Katedra slovenského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity Komenského 1961. 74 s.

¹⁰ „Srpskohrvatski folklor sadrži formulacične tekstove koji ukazuju na konkretno nepovoljno dejstvo pojave istovremene kiše i sunca. Ove magijske folklorne formule pokušavaju da otkloni konkretnu opasnost ovakve kiše po useve: Sunce grijе, kiša pada, tpu rđo, tpu smradu! (Srebrenica, usm. potvrda M. Simić); Pada, pada maća,/biće žita kraća./Ustav, Bože, maću,/da to dica ne plaču. (Duvno, Rubić i Nuić 1899:253); Kiša pada, sunce grijе, mojoj ljetini ništa nije! (Gorobilje kod Požege, usmena potvrda M. Nikolića); Beži tonja, eno konja! (Lještansko, usmena potvrda M. Tešića).“ (B. Sikimić, c. d., <http://www.rastko.rs/filologija/bsikimic/bsikimic-kisa-sunce-2.html>).

¹¹ Historický slovník slovenského jazyka. 1. – 7. zv. Red. M. Majtán. Bratislava: Veda 1991 – 2008.

¹² Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. 2. Bratislava: Veda 1995, 448 s; s. v. **popol**, s. 62 – 63.

¹³ J. Fándly: Piľní domajší a poľní hospodár 1. (reedícia, editori M. Majtán, J. Nižnanský, M. Majtánová). Bratislava: Tatran 1990. 520 s.

¹⁴ Aj v nárečových dokladoch z kartotéky Slovníka slovenských nárečí nachádzame viaceré spôsoby využitia popola ako dezinfekčného prostriedku, hnojiva ap.: *Popol je aj dobré hnojivo* (Bánovce nad Bebravou); *Pri obáraní posipali brava popolom, abi špina puscila* (Vačovce MYJ); *A tan zmo jich (sviře) posípalí popolom a poton obarili horúcou vodou* (Kokava nad Rimavicom RS); *Té sliepki sa voliako ošipujú, budú mať šveli, mosíme in dať popola, ňech sa vípopolia* (Návojovce TOP); *Posípalí zmo popel na lúku* (Kameňany REV).

J. Fándly sa v tejto kapitole zaoberá na viacerých miestach konkrétnie hrdzami. V texte sa môžeme presvedčiť aj o používaných lexémach, lexikalizovaných spojenciah aj o spôsoboch odporúčanej ochrany, ktoré dokladajú, že niektoré „magické praktiky“ mali predsa len základ vo vedomostiach. J. Fándly hovorí na viacerých miestach o príčinách, ktoré túto chorobu spôsobujú – predpoklady sú na úrovni vtedajšieho poznania. Z Fándlyho diela uvádzame viaceré úryvky, ktoré sa týkajú hrdzí.

„Tá spálňa ruda, aľbo što zrdz, ktorá sa na zboží nachádzá a těš bívá škodlivá v rosních dolinách, keď vetri často ňevejú, tak škodí zbožú; ako snet, običajne vtedi padá, keď slnko pres deň ňekedi vibliskne ze suchej hmli aľbo mračna, aj vtedi, keď po teplich jarňich slnečních dňoch (častejšej aľe, keď pred feplíma jarňima dňi) studené noce prechádzajú¹⁵. Jestli na taku rudu padne hojný dešť, ona ňeskodí, lebo ju zmije. Jestli aľe ona vžere sa do zbožia, do strovi, do zahradníckej úrodi, škodí tímto úrodám, aj senu a také seno škodí lichve“ (Fándly, c. d., s. 71). Spôsob ochrany, ktorý Fándly odporúčal záhradkárom, bolo ručné stieranie hrdze z listov alebo hojné polievanie, ktorým by sa zmyla. Aby sa zabránilo škodlivosti úrody, používal sa „... z dubového dreva popel a s tehotu popela luch. S tímto luhom polívajú svojé úrodi, tak jich očistia od škodlivéj vadi. ... Ruďe na zbožné úrodi spadnutéj na rolách ňení spôsobu pomôcť...“ (tamže, s. 72).

Ďalšie spôsoby ochrany pred touto chorobou sa nachádzajú v radách na práce odporúčané na mesiac júl, teda červenec, keď „padává ruda, aľbo žto rez na poľi“ (tamže, s. 182). „Keď škodlivá ruda padla, hned potlč polní oharek..., moč ho ve vode a s tú vodou včasráno poľívaj zahradnícké úrodi pred východom slnka. Taktéž od rudi očisťi zelené veci z vodou, v ktoréj sa močil koreň aľbo lístok s rajskejho jablka...“ (tamže, s. 183). A o niečo ďalej sa dočítame, že v tomto mesiaci „... padá blisklavá, lepkavá aľbo múčná ruda...“¹⁶ (tamže, s. 184).

Na základe citovaných riadkov získavame na jednej strane informácie, ktoré približujú spôsob ochrany rastlín (a sprostredkovane aj poľnohospodárskych zvierat) pred parazitickými chorobami typu hrdzí a snetí, na druhej strane aj lingvistickej údaje o pomenovaniach predovšetkým parazitických hubovitých chorôb. Zároveň sme získali informáciu, že jednotlivé typy hubovitých ochorení sa sice podľa rôznych príznakov rozlišovali, no pri ich pomenovaniach mohlo dochádzať a dochádzalo k používaniu jednej lexémy na pomenovanie rôznych chorôb. Cieľom tohto príspevku napokon nie je rozlíšenie pomenovaní týchto chorôb, na to nemáme dostatočne rozsiahly a spoľahlivý výskum. Zamerajme sa najprv na lexémy hrdza, snef a ruda, ich spracovanie v slovenských slovníkoch a ich výskyt v nárečovom materiáli.

¹⁵ Stretávame sa tu s d'álším (a zrejme bežnejším) typom počasia, ktoré je popri atmosférickom jave súčasného dažďa a slnka považované za pôvodcu hubovitých chorôb rastlín. V dotazníku Vinohradníctvo sa stretнемe s potvrdzujúcim dokladom: *Keď vitreskrie zrázu horúce slnko po prutkon dažďi, zostanú na l'istach takie suchie škvreni* (Jablonovce LVI). Podobné konštatovanie nájdeme vo Frazeologickom slovníku: „Keď je búrka a za tým hned slnko, bude perenospóra na viniči“ (s. 158) – K. Habovštiaková – E. Krošláková: Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii. Bratislava: Veda 1996. 176 s.

¹⁶ Spojenia *blisklavá*, *lepkavá* aľbo *múčná ruda* poukazujú na to, že lexéma ruda neoznačovala iba jeden typ parazitickej choroby. Na základe dopĺňujúceho adjektíva možno predpokladať, že múčna ruda je peronospóra, ktorá vytvára biele povlaky na listoch a plodoch postihnutých rastlín, v prípade blisklavej, lepkavej rudy by mohlo ísť o snef, ktorá vytvára tmavé mazľavé povlaky alebo zhluky na napadnutých rastlinách.

Krátky slovník slovenského jazyka (ďalej KSSJ)¹⁷ v hesle **hrdza** uvádza ako druhý význam, že je to „cudzopasná huba, kt. na rastlinách tvorí hnedé škvurny“. Slovník súčasného spisovného jazyka (SSSJ)¹⁸ v druhom význame vykladá heslo **hrdza** takto: „**2.** cudzopasná bazídiová huba napádajúca listy a mladé výhonky poľnohospodárskych plodín, ovocných stromov, semenných rastlín a papradí: výskyt *hrdze na listoch slivky; prípravky účinné proti hrdziam; ošetroť trávnik proti hubovým chorobám, hrdziam a burinám* bot. *hrdza pšeničná Puccinia triticina; hrdza ražná Puccinia disperza; hrdza trávová Puccinia graminis*“. Slovník slovenského jazyka¹⁹ (ďalej SSJ), najstarší z citovaných slovníkov spisovného jazyka, ako jediný zachytáva takisto vo svojom druhom význame aj slovné spojenie, ktoré kvalifikuje ako ľudový termín: „**2.** choroba, kaz na rastlinách spôsobený istým druhom hub; bot. *h. trávna (Puccinia graminis): ovacie, listy napadnuté h-ou • ľud. h. padá* dážď za slnka“ (SSJ 1, s. 524).

V HSSJ sa vykladá 2. význam hesla **hrdza** ako „červenohnedé škvurny na rastlinách spôsobené cudzopasňou hubou“, podobne je to v prídavnom mene **hrdzavý** (HSSJ 1, s. 485). Význam dažďa so slnkom ani slovné spojenie, ktoré ho označuje, sa v tomto hesle nezaznamenali. V päťjazyčnom slovníku A. Bernoláka²⁰ v hesle **zrdz** sú zachytené významy: „**2a)** uredo, rubigo in frubigus, der Brand im Getreide **2b)** uredo Arborum, brand der Bäume“ (5. zv., s. 4400).²¹

Slovník bratov Kálalovcov²² v hesle **hŕdz** (túto lexému kvalifikujú ako maskulín) i **hrdza** ako 2. význam zachytáva „dášť se sluncem (Kott)“. Heslo **ardza** je spracované samostatne a nezachytáva tento význam.

Slovník slovenských nárečí²³ (ďalej SSN) rozlišuje významy choroby rastlín a dažďa za slnka a spracúva ich v osobitných významoch spoluhesiel **hrdza i hrdz** ž. s variantmi *ardza, erdza, ordza, ridza, redza, zarza, zerz* takto: „**3.** tek, novohr, spíš choroba obilia al. rastlín: *Taká hrdza fčéra po tom dažďi sadla na viňice, že sa šecke červeňie* Pukanec LVI; *Redza zabela obil'ej* Turíčky LUČ; *Pšeňicu ulapila ardza* Markušovce SNV **4.** dážď za slnka poškodzujúci porasty: *Ke_clnko svieti a prší, padá ridza, trpí hrozno aj l'ista* Str. Plachtince MK; *Ardza spadla na pšeňicu* Studenec LVO • *ardza padne, slunko švici a bosorka maslo muci* Spiš. Štvrtok LVO – povrávka pri daždi za slnka“ (SSN 1, s. 622). Heslo **hrdzavý** s variantmi *ardzaví, ordzaví, redzavej, zrdzaví, zerzaví, zardzaví, žrdzaví* má ako samostatný spracovaný význam „**3.** napadnutý hrdzou (o rastlinách): *Žito ostalo hrdzavé* Vaďovce MYJ“ (SSN 1, s. 623). S významom „choroba niektorých poľnohospodárskych rastlín“ sa stretнемe aj v hesle **hrdzina** (varianty *zerzina, zrdzina, žrdzina*): *Chicí lizd žrdzinu a zrozd zatrhone* Ružindol TRN (SSN 1, s. 623).

¹⁷ Krátky slovník slovenského jazyka. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková. 3., dopl. a preprac. vyd. pripravili J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. Bratislava: Veda 1997. 944 s.

¹⁸ Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L (z konceptu pred odovzdaním do tlače, jún 2010).

¹⁹ Slovník slovenského jazyka. 1. – 6. zv. Red. Š. Peciar. Bratislava: Vyd. SAV 1959 – 1968.

²⁰ A. Bernolák: Slowá slowenskí, česko-laťinsko-ňemecko-uherskí. 1. vyd. Budae: Typis et Sumtibus Typogr. Reg. Univers. (Hungarie Usitate 1825 – 1827).

²¹ ūrēdō = obilná sneť; rōbīgō, rūbīgō = 1. hrdza 3. hrdza obilná (porov. J. Špaňár – J. Hrabovský: Latinsko slovenský, slovensko latinský slovník. 4. vyd. Bratislava: SPN 1987. 1224 s.)

²² K. Kálal a M. Kálal: Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Vlastným nákladom. Banská Bystrica: Slovenská Grafia 1923. 1116 s.

²³ Slovník slovenských nárečí. 1. – 2. zv. Red. I. Ripka. Bratislava: Veda 1994 – 2006.

Terminologický dotazník Vinohradníctvo J. R. Nižnanského zachytáva lexému hrdza či už samostatne, alebo ako súčasť lexikalizovaných spojení a rozširuje areál jej výskytu vo význame dažďa so slnkom aj do hontianskych, čiastočne zvolenských, do modrokamenských a zemplínskych nárečí: *hrdza* Pukanec LVI, *prší hrdza* Žemberovce LVI, *padá ridza* = dážď za slnka Krupina, *ridza* Plášťovce ŠAH, Dolná Strehová MK, *ridza padá* Stredné Plachtince MK, *ardza* s výkladom *plani diš*²⁴ Sečovce TRB, *ardza pada* s vysvetlením *kedz diš pada ce slunko, spaľilo viňicu* Trnava pod Laborcom MCH, *ardza na viňicu idze* s výkladom v nárečovej podobe *Ardza idze na viňicu še hutori, kedz diš pada a slunko svici* Kaluža MCH. V jednom prípade je zachytený slovesný tvar zhordzavieť: *fazule zhordzavá* (= očerveňejú) Lapás NIT.

Jozef Orlovský v Gemerskom nárečovom slovníku²⁵ (GNS) v hesle **ordza** takisto uvádza význam „2. dážď za slnka: *Ordza padá; Ordza zabila mak, ta ho mámo málo Revúca*“ (s. 217); z týchto dokladov by azda nemusel byť tento význam taký jednoznačný, predovšetkým v druhom prípade, kde by mohlo ísť aj o chorobu rastlín, a nie o atmosférický jav. Veľmi jasné a jednoznačné potvrdenie tohto významu však nájdeme v hesle **slnko** (ako uvádza J. Orlovský, vo východnej časti Gemera s Muránskou dolinou sa používa v podobe **slnko**): „*Koť slnko sviatí a díšť padá, tak pôdajú, že ordza padá, a potom je aj bvap takí ordzaví, zabítí, ni dobrí Revúca*“ (s. 303). Ivor Ripka vo Vecnom slovníku dolnotrenčianskych nárečí²⁶ uvádza tiež heslo **hrdzavý** iba vo význame „napadnutý hrdzou (o obilí)“ (s. 210).

Lexéma hrdza označuje teda na istom území nielen chorobu rastlín, ale aj atmosférický jav súčasného dažďa a slnka. Pri lexéme sneť sa s druhým významom nestretávame. V KSSJ sa výklad hesla **sneť** takmer zhoduje s výkladom slova hrdza, prvý význam uvádza, že je to „cudzopasná huba (na obilí ap.), bot. *Ustilago*.“ (s. 409). V SSJ je prvý význam lexémy **snet**²⁷ „bot. rad stopkovýtrusných húb žijúcich ako parazity na vyšších rastlinách (*Hemibasidiales*); obilná s. názov pre niektoré druhy snetí žijúcich na obilí“ (SSJ 4, s. 132). U oravského rodáka A. Bernoláka sa v hesle **snet** popri výklade „*uredo, rubigo (robigo) ...*“ uvádza „*Syn. Černidlo we zbožách, černe zrno (vulg. hraza). boh. Rez*“ (4. zv., s. 3043). V poľnohospodárskom dotazníku K. Palkoviča je *černidlo* doložené zo Záhrivej na Orave ako odpoveď na otázkou „*mazľavá hrča v klase obilia (snet)*“. HSSJ zachytáva **snet**²⁷ vo význame „1. cudzopasná rastlina v klasoch obilia z rodu *Ustilago* al. kyjanička purpurová *Claviceps purpurea*“ (HSSJ 5, s. 324).

Pri napadnutí rastlín sneťou sa vytvárajú čierne zrná napríklad v klasoch kukurice al. obilia, ktoré zvnútra spráchnivéjú, v prvej fáze sa vytvára tmavá mazľavá hmota, ktorou sú pokryté, v klasoch obilia vytvárajú mazľavé hrče. Ján Matejčík²⁷ v Lexike Novohradu v hesle **snet** s výkladom „*mazľavá hrča v klase obilia, kukurice*“ uvádza doklady *mazľavá snet, prašná snet, zosnieťená roš* Cinobaňa LUČ (s. 105).

²⁴ Výklad *plani dišť* je jediným dokladom, ktorý naznačuje možnú existenciu lexikalizovaného spojenia, ktorým by sa takto pomenoval skúmaný atmosférický jav. (Porov. v príspevku B. Sikimičovej „*ljuta rosa*“, spojenie sa v srbcine používa na pomenovanie viacerých typov chorôb rastlín prejavujúcich sa červenými al. sivými škvunami na listoch.)

²⁵ J. Orlovský: Gemerský nárečový slovník. Martin: Osveta 1982. 424 s.

²⁶ I. Ripka: Vecný slovník dolnotrenčianskych nárečí. Bratislava: Veda 1981. 338 s.

²⁷ J. Matejčík: Lexika Novohradu. Martin: Osveta 1975. 312 s. + 36 máp.

V kartotéke SSN sú doklady, podľa ktorých možno jednoznačne identifikovať, ktorú chorobu pomenovanie označuje. Niektoré však majú príliš zovšeobecňujúci výklad, podľa ktorého ľažko určiť, o ktorý typ choroby ide. Veľkú úlohu zohrávala, ako inak, pripravenosť a znalosť problematiky zo strany explorátora. Uvádzame doklady aj s tými výkladmi explorátorov, ktoré by mohli signalizovať, že v týchto lokalitách sa pomenovanie sneť používa pre chorobu rastlín, ktorú spôsobujú huby typu Puccinia, teda pre hrdzu: *snet* Rozbehy SEN, Bánovce nad Bebravou – choroba pšenice, keď v zrnkách je hrdzavý prášok; *snet* Lukáčovce HLO – hrdza v obilí; *snet* Bobrovec LM – hrdza na obilí; *snet* Málinec LUČ – med' na obilí.

Pri hesle **ruda** KSSJ, SSJ, Bernolák ani Kálal význam súvisiaci s chorobou rastlín alebo s atmosférickými podmienkami nezachytávajú. V HSSJ druhý význam heslového slova **ruda** je: „*2. oblná sneť*: winahradim wam sskodu, gaku učinilj ode mne zeslane koničky, chrustj, ruda a husenky KT 1753; w poli na stebbach neysskodliwegssj gest ruda HRK 1773“ (HSSJ 5, s. 190).

V hesle **ruda**²⁸ V. Machek²⁸ tiež zachytáva spojenie *padá ruda* s výkladom „rez na rostlinách (obilí, ovoci): prší-li za svitu slunce, *padá ruda*, (lid věří, že padá s takovým deštěm, ve skutečnosti jen teplé a vlhké počasí podporuje vzrůst té rzi; přeneseně i některé jiné chorobné zjevy na ovoci. *Ruda* se zvaly i bažiny s červenavým bahnem (odtud asi Roudné, Roudnice), slc. *rudná voda* s duhovou usedlinou“ (s. 426). Potvrzuje teda už spomenutý jav prenosu lexémy na iné druhy parazitickej hubovitých chorôb rastlín.

SSN 2 zachytáva lexému ruda ako súčasť lexicálne ustálených slovných spojení v heslach **padať** a **padnúť** pri významoch „pršať, mrholiť, snežiť“ (11. význam slovesa *padať*) a „spřchnuť, pokryť snehom, mrazom, ťadom ap.“ (13. význam slovesa *padnúť*). Lexikalizované spojenia sú spracované nasledovne: „*ruda padá* Dol. Orešany TRN – keď za slnka prší a poškodí pestované rastliny, vinicu“ (s. 693); „*palla ruda* Bošáca TRČ, Červeník HLO, *rúda paňe* Tesáre TOP – keď za slnka spřchne a poškodí to pestované rastliny, vinicu“ (SSN 2, s. 694).

Terminologický dotazník Vinohradníctvo J. R. Nižanského zachytáva varianty lexémy ruda predovšetkým v oblasti juhozápadoslovenských nárečí, no lexéma presahuje aj do oblasti tekovských, a na východe zemplínskych a užských nárečí. Ani kartotéka SSN, ani publikované slovníky nerozširujú areál na sever západného, stredného či východného Slovenska. Vo väčšine prípadov sa vyskytuje v lexikalizovaných spojeniach so slovesami *padat*, *spadnúť*, *dostať*, *chytiť*, je pravdepodobné, že lexéma ruda je ich súčasťou aj v ďalších lokalitách, kde to dotazníkový výskum priaľo nezaznamenal, a udávajú sa iba jednoslovné lexémy. V niektorých prípadoch zo získaného materiálu vyplýva, že nejde o atmosférický jav, ale o chorobu rastlín. Uvádzame dotazníkový materiál, opäť podľa možností aj so získanými výkladmi z jednotlivých lokalít: *dostane rudu*, *ruda spadne – spálí* Mokrý Háj SKA, *ruda* – keď svieti slnko a prší Rača BRA, *ruta* Bernolákovo BRA, *ruda* Šenkvice, Doľany MOD, Sv. Peter pri Váhu HLO, *ruda* – keď je búrka a slnko páli Igram MOD, *padá ruda* Suchá nad Parnou TRN, Ružindol TRN, Radošina NIT, *ruta* Trakovice HLO, *padá ruta* Bučany HLO, Dvorníky HLO, Veľké

²⁸ V. Machek: Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství ČSAV 1957. 628 s.

Zálužie NIT, *rudá palla* Lukáčovce HLO, *padla ruda* Čachtice NMV, *rúda paňe* Tesáre TOP, *ruta* Zlaté Moravce, *ruda padla* – slnko s dažďom a zhorí Topoľčianky ZM, *ruda* – dážď za slnka Priekopa SOB²⁹.

Kartotéka SSN potvrdzuje doterajšie údaje a lexéma **ruda** sa v nej vyskytuje iba v lexikalizovaných spojeniach so slovesom padnúť, v tomto spojení sa uvádzajú význam súčasného dažďa a slnka, ktorý poškodzuje zvyčajne vinič, ale aj iné rastliny. Doklady uvádzame v širšom kontexte, ktorý skôr vyzýva k výkladu tohto spojenia ako choroby rastlín: *Taká ruda padla na tí hrozne, to opadlo šecko Kráľová MOD, F tem roku padla na révu taková ruda, že neostal skoro ſtajakí list zdravý Kátov SKA, Takí mám nepodarení patržil, voláká ruda narho palla, aj hrdzavý je dost Červeník HLO.* V materiáli V. Vážného je doložené spojenie *ruta padala* Trnovo MAR bez výkladu. K. Palkovič vo svojom Záhoráckom slovníku³⁰ vykladá heslo **ruda** vo význame „choroba hrozna a zemiakov: *Na hrozni padla ruda* (začali hniť)“ (s. 108). I. Ripka vo Vecnom slovníku dolnotrenčianskych nárečí zachytáva v hesle **ruda** tiež význam „červenkastý povlak na rastlinách, hrdza“ (c. d., s. 215). Naopak, potvrdenie významu lexémy **ruta** ako pomenovania atmosférického javu je v hesle **bront**, ako o tom svedčí doklad *Po rute mávajú hrozne pront* Trakovice HLO (SSN 1, s. 168).

Lexémy hrdza a ruda sú v slovenských nárečiach na pomenovanie skúmaného atmosférického javu najrozšírenejšie (alebo aspoň najlepšie zdokumentované). Ďalšie lexémy už nemáme tak dobre doložené, alebo sú doložené len v starších (slovníkových a dotazníkových) prameňoch.

Na lexému **záraza** nás upozornila A. Ferenčíková. V turčianskych nárečiach má význam dažďa so slnkom: *Ked' záraza padňe, chít' sa ruta* Ležiachov MAR. V materiáli V. Vážného je lexéma zachytená vo význame choroby rastlín ako „nákaza nějakou cizopasnou rostlinou“ s dokladom *Jablčeg bolo málo, ňejaká záraza bola* Bystrícka MAR. Pri slovese je doklad potvrdzujúci súvislosť s významom dažďa so slnkom: *Keď slnce svietí a prší, ftedi niečo zarazí* Mošovce MAR.

V HSSJ je heslo **záraza** vo významoch „1. mor ... zle powetri, zlá záraza KS 1763 2. burinovitá rastlina záraza obyčajná *Orobanche vulgaris*: záraža, orobanka, ktorá okolo seba wssecko zadússá; scandalaca: záraza, swlačec meňsy KS 1763“ (HSSJ 7, s. 156). Doložené je i adjektívum **záražný** – zarážná bylina KS 1763 (tamže). SSJ zachytáva heslo **záraza** vo význame „parazitná rastlina spôsobujúca veľké škody na ďateline, zemiakoch, konopiach a i.: bot. z. purpurová (*Orobanche purpurea*)“ (SSJ 5, s. 511). V slovníku K. a M. Kálala je heslo **záraz i záraza** zachytené ako „1. nakažlivá nemoc (srov. mor. pol.) 2. záraza (bot.)“ (s. 843). V kartotéke SSN nachádzame pre označenie zaschnutého stebla obilia lexému **zarazení** Stará Turá MYJ. Žiaľ, údaje, ktoré by konkretizovali príčinu tohto schnutia, prerušenia (zarazenia) normálneho vývinu k zrelosti, nie sú zaznamenané. Pri odpovediach na tretiu otázku lexikálneho dotazníka K. Palkoviča (3. zaschnuté steblo obilia) sa vyskytujú takisto z turčianskych a myjavských nárečí odpovede: *zarazení klas, záras* Mošovce MAR, *zarazené* Stará Turá MYJ.

²⁹ Hoci tekovské nárečia majú doloženú podobu *ruta* s významom dážď so slnkom, už na hranici s hontianskymi nárečiami konkurenčne zasahuje *ruta* ako pomenovanie rastliny. Ako najväčší nepriatelia viníci sa uvádzajú *dážď, spárno a hmla, ruta je zelina* Čajkov LVI.

³⁰ Záhorácky slovník. 1. vyd. Bratislava: Vyd. Hevi 1997. 296 s.

V Nižnanského terminologickom dotazníku Vinohradníctvo je z okolia Trnavy a zo Skalice zaznamenaná lexéma **výpar**. Vo Zvončíne pri Trnave sa táto lexéma používa na označenie vyparovania vlhkosti z pôdy (*ket po veľkém déždzi lebo po búrke vinde také teplé slnko, to sa aš tag mihotalo na dzemu* Zvončín TRN). Takáto teplá vlhkosť podporovala vznik a šírenie hubovitých chorôb viniča, predovšetkým múčnatky. Rovnaký typ počasia je najlepšou podmienkou pre vznik spomínaných hrdzí a aj ďalších hubovitých ochorení rastlín. Dotazníkový doklad **vípari** Modranka TRN je bez vysvetlenia. Doklady **vípar**, **vípare** Skalica sú vyložené „keď svieti slnko za dažďa“, pomenúva sa nimi na tomto mieste atmosférický jav. V kartotéke SSN je zachytaná lexéma **výpar** (výpar Skalica) ako „od vlhka zaschnutý porast“, explorátorom bol K. Palkovič, spoľahlivý doklad je z roku 1968.

Popri lexikalizovanom spojení **ruta padá** Veľké Zálužie NIT sa v dotazníkovom materiáli (Vinohradníctvo) uvádzajú lexémy *múčnica*, *pukajú*, *prontová hrozna*, *pront* Veľké Zálužie NIT. Heslo **bront** s variantnými podobami *brant*, *pront*, *prónt* má v SSN 1 ako svoj druhý význam „**2.** tek, gem, jzsl čierna sneť na zemiakoch“ a tretí význam je „**3.** jzsl vin. hubovitá choroba hrozna, peronospóra“ (SSN 1, s. 168). Doklad *Po rute mávajú hrozne pront* Trakovice HLO svedčí o tom, že nie vždy sa prenáša názov atmosférického javu na pomenovanie choroby či naopak, ale niekde fungujú bez ohľadu na vnímanie ich vzájomnej zviazanosti osobitné pomenovania³¹ (podobne v Turci: *Ked' záraza padňe, chítť sa ruta* Ležiachov MAR).

Z východoslovenskej nárečovej oblasti dokladá vinohradnícky dotazník lexému **zápor**: *zapor za slunka* Sečovce TRB sa chápe ako dážď za slnka, ale *zapor* Novosad TRB vyladajú ako „veľký lejak, potom horúce slnko, zem sa parí, rodí sa huba“. Túto lexému nezachytávajú slovníky, nemáme k dispozícii ani ďalšie doklady v kartotéke SSN.

HSSJ v hesle **dážď** uvádza lexikalizované spojenia „*páliaci*, *pripálený*, *slnečný d. kt. spôsobuje na rastlinstve hrdzu*: palicy dešť; pripaleny dešť KoA 17. stor. (tabakový list) nech není cerni, cerno flekovaty aneb od rudj, to gest slunecneho dezda Kur, 1786“ (HSSJ 1, s. 236). Tieto lexikalizované spojenia v dostupnom materiáli slovenských nárečí nemáme doložené. V hesle **páliaci** v HSSJ nie je lexikalizované spojenie *páliaci dážď* zachytené. Heslo **pripálený** v rámci 2. významu „poškodený nadmerný žiarom, prihorený“ zachytáva lexikalizované spojenie „*p. hrdzou (o obil)*, *snetovitý*: tolkotež klasíuw tenkych a zerzem pripálenych wycházalo KB 1757“ (HSSJ 4, s. 475), čím dokladá aj slovné spojenie pripálený hrdzou. V tom istom zväzku HSSJ sa dokladá jednoslovné pomenovanie **prípal** s významom „*hrdza, snet*: rubigo: zerz, prjpal, zerzawost KS 1763“ (HSSJ 4, s. 475). Vo vinohradníckom dotazníku je veľmi blízky údaj *potpalene* (zrdz) Vinné MCH. Rastliny, ktoré sú silno napadnuté hrdzou, vyzerajú ako po poškodení ohňom.

V hesle **slnečný** v HSSJ je spojenie *slnečný dážď* zachytené v rámci frazeologických jednotiek ako synonymné k lexéme ruda: „(tabakový list) nech není cerni, cerno flekovaty aneb od rudj, to gest slunecneho dezda Kur, 1786“, v prihniezdovanom hesle **slnečnosť** je doklad „*tepli desst s promichanú slunecnosťi* Kal. 18. stor.“, jasne opisujúci atmosférický jav súčasného dažďa a slnka (HSSJ 5, s. 295).

³¹ B. Sikimičová píše v tejto súvislosti: „Istovremena pojava kiše i sunca pokrivena je znatno manjim brojem termina i svi oni imaju etimološke parnjake u nazivu bolesti.“

Heslo **rosa** v HSSJ „ros solis: rossa slunečna MT 17. st.“ (HSSJ 5, s. 84) je botanickým názvom, podobne u A. Bernoláka v hesle **rosa** „... slunečná rosa, zelina: ros solis...“ (zv. 4, s. 2738), podľa Machka „rosa je rastlina Drosora, zbytek stč. herbářového názvu rosa slunečná u Mattiola = podle střlat. rōs sōlis (do němčiny: Sonnentau): má na chloupkách listů drobounké červenavé žlážky, budící dojem jemné rosy...“ (s. 422) V južnoslovanskom areáli sa táto lexéma vyskytuje v lexikalizovaných spojeniach ako termín na označenie niektorých chorôb rastlín spôsobovaných hubami typu Peronospora, Puccinia atď., napr. *ljuta rosa, medena/medljana rosa* (porov. B. Sikimić). V kartotéke SSN *rosa* Lamač BRA je vyložená ako „povlak na bobuliach hrozná“ (zdroj je diplomová práca D. Pantlovej z r. 1966). To signalizuje, že táto lexéma mala aj na Slovensku význam choroby rastlín (zrejme peronospóry). Význam súčasného dažďa so slnkom, žiaľ, nemáme pre lexému *rosa* v slovenských nárečiach doložený.

Lexémou nedoloženou nárečovým materiálom v kartotéke SSN, ale zachytenou zatiaľ len v Zátureckého knihe Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia³² je **slnečník**, uvádza ju v spojení *prší slnečník* (XIII/209, s. 259). Z tohto zdroja ju spracúva aj slovník bratov Kálalovcov – popri častejšom význame slova **slnečník** slnečnica (*Helianthus*) – ako tretí význam „3. děšť za slunce (prší slnečník, Zát.)“ (s. 616)³³.

Slováci zo sriemskej oblasti (v Starej Pazove v blízkosti Nového Sadu) používajú na označenie tohto atmosférického javu slovo **metľika**³⁴ prevzaté zo srbciny. Upozornila nás naň dr. A. Maričová z Filozofickej fakulty v Novom Sade a poskytla nám aj konkrétné doklady: *Ke svieti slnko aj padá dášť – to je metľika, Cibuľa chítila metľiku, Chítila ju metľika* Stará Pazova. V druhých dvoch dokladoch aj v doklade, ktorý sme našli v práci Michala Filipa³⁵ „582. Ke dášť padá a slnko svieti, buďe metľika“ (s. 65), možno predpokladať, že ide o pomenovanie choroby rastlín, ktorej vznik podporuje práve tento typ počasia.³⁶

Popri jednoslovných pomenovaniach súčasného dažďa a slnka a lexikálnych spojeniach sú u A. P. Zátureckého, v SSN, v kartotéke SSN a vo vinohradníckom dotazníku zachytené aj frazeologické jednotky, ktorými sa označoval atmosférický jav súčasného dažďa a slnka. V kartotéke SSN je doložená frazéma *slnko sa umívá* Lukáčovce HLO s výkladom „ked' prší a svieti slnko“, túto frazému dokladá aj vinohradnícky dotazník J. R. Nižnanského z oblasti tekovských nárečí: *slnko sa umívá*

³² A. P. Záturecký: Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry 1965. 396 s.

³³ V rozprávkach P. Dobinského sa stretнемe s mytologickými bytostami Veterníkom, Mesačníkom a **Slnečníkom**. V slovníku Kálalovcov je zachytená z toho istého zdroja aj ženská bytosť **Slnečnica** ako „panna chodící v poledním úpalu po poli a usmrčující pracujúc“ (s. 616).

³⁴ Medzi srbskými, chorvátskymi a slovinskými ľudovými názvami (napohľad rovnakých) chorôb rastlín sú viaceré, pri ktorých sa ponúka súvislosť s pomenovaním *metľika*: medljik, medljika (druh *Puccinia* aj *Eurysiphe*), podobne medena al. *medljana rosa* a ďalšie (por. v príspevku B. Sikimićevej).

³⁵ M. Filip: Porekadlá, príslovia, úslovia, nadávky a vyhrážky zo Starej Pazovy. In.: Zborník Spolku vojvodinských Slovakistov. 10. Nový Sad: Spolok vojvodinských slovakistov 1988, s. 59 – 79.

³⁶ Pre tých, čo by si chceli pripomenúť, ako vyzerá súčasný dažď a slnko, odporúčame video, ku ktorému by sa hodil nasledujúci doklad: *Ked višlo slnečko, ešči kus padalo, ta še pokazala pijava* Vítaz PRE, *pijava* je v šarišských nárečiach dúha (<http://www.mojvideo.com/video-metlika-sa-mog-balkona/106e-1335a1548b600202>).

Kozárovce ZM. Ako jediná zo získaných frazém nenesie v sebe negatívny postoj k tomuto atmosférickému javu. Je to skôr poetické vyjadrenie krásy súčasného dažďa a slnka, ako vnímanie jeho škodlivosti. V nasledujúcich frazémach je to už inak. Aj vystupujúce postavy (bosorky a čerti), zväčša aj situácie (napr. naháňanie, bitka), ktoré slúžia na vyjadrenie zmyslu frazeologickej jednotky, zdôrazňujú, že súčasný dážď so slnkom bol prijímaný s veľkou nevôľou.

A. P. Záturecký zachytil frazemu *Ked slnko svieti a dážď prší, vtedy čert babu bije* (c. d., XIII/198, s. 259). Jej varianty sú doložené z oblasti juhozápadoslovenských nárečí vo vinohradníckom dotazníku takto: *čert babu mláci* Modra s výkladom „dážď za slnka“, *čert babu hoří* rača BRA vykladá sa tu ako peronospóra (popri doklade *ruda*, ktorý má v tejto lokalite význam dažďa so slnkom), *čerd ženu bije* Lapáš NIT takisto s významom súčasného dažďa a slnka.

U A. P. Zátureckého sa stretнемe aj s frazeologickej jednotkou (FJ) „*Ked sunko svieci a dešč prší, bosorka mlieko múci*“ (c. d., XIII/199, s. 259), ktorú kvalifikuje ako hornotrenčiansku. V SSN je zachytená FJ v hesle **mútif** z oblasti východoslovenských nárečí: „*bosorka maslo muci* Spiš. Štvrtok LVO; *bosorkaňa mľiko muci* Porúbka HUM – (o atmosférickom jave) prší a zároveň svieti slnko“ (SSN 2, s. 225). Na tomto mieste treba pripomenúť už spomenutú frazeologicú jednotku z hesla hrdza „*ardza padne, slunko svici a bosorka maslo muci* Spiš. Štvrtok LVO – povrávka pri daždi za slnka“ (SSN 1, s. 622).

Priblížili sme lexémy, lexikalizované spojenia a frazeologickej jednotky, ktorými sa v slovenčine a predovšetkým v slovenských nárečiach pomenúva atmosférický jav súčasného dažďa a slnka, v nevyhnutnej miere sme sa dotkli aj parazitických chorôb, najmä preto, že za ich pôvodcu je považovaný skúmaný atmosférický jav. Upozornili sme aj na spracovanie týchto lexém v slovníkových prameňoch. Na základe dostupného materiálu možno konštatovať, že jednoslovne termíny (*hrdza, ruda, vípar, zápor, záraza*) označujú atmosférický jav a zväčša aj chorobu rastlín. Hoci sme iste nezachytili všetky pomenovania pre tento atmosférický jav, aj na získanom materiáli sa ukazuje, že pomenovanie pre parazitické choroby rastlín je viacej ako pre súčasný dážď so slnkom a vyskytuju sa aj na rozsiahlejom území – tak je to pri lexéme hrdza a podobný stav sa ukazuje podľa dostupného materiálu aj pre lexému ruda. Na pomenovanie choroby typu hrdza sa používajú aj lexémy, ktoré význam súčasného dažďa so slnkom nemajú. Lexikalizované spojenia (*padá hrdza/ruda/záraza, páliaci/pripálený/slnčený dážď, prší slnečník*) označujú iba atmosférický jav súčasného dažďa a slnka, naopak, odvodené slová majú iba význam choroby rastlín (samozrejme, popri ďalších svojich významoch). Obrazné frazeologickej jednotky niekedy obsahujú termín na označenie atmosférického javu (a zároveň aj choroby rastlín), inokedy je ich prvou časťou opis tohto javu, vo väčšine ďalších prípadov iba jeho vnímanie ako javu negatívneho a škodlivého. V slovenčine sa javí ako najsilnejší motivačný činiteľ hrdzavočervená farba poškodených rastlín a súvis s prejavmi na rastlinách ako po zhorení (zahorenie, pripálenie). Na základe predstaveného materiálu možno získať čiastkový obraz o živote niektorých lexém v čase a priestore.

Z láski (Do taniera)

Anna Marićová

Oddelenie slovakistiky na Filozofickej fakulte, Nový Sad

Presenting Money to the Bride and Groom at the Wedding (Collecting Money onto a Plate)

In Stara Pazova, besides giving presents or money to the bride and groom, there was a voluntary collection of money onto a plate on the wedding day. All guests gave as much as they could (there was the lowest sum, e.g. the biggest paper bill) and members of the household and closer relatives gave more than others. Attention was paid to how much each person gave but no written records were kept.

Guests were invited to participate in presenting money. The money that was collected at the bride's place before the wedding was taken to the groom's house late at night. It was taken by men, who were accompanied by music. The collection of money was done in the same way at the groom's house but after the wedding. Before dinner the bride, who took the wreath off her head, went around to collect the money. The best man gave her all the collected money on a colourful porcelain plate covered with a scarf. This money was used to pay for the music or other debts and the rest was left to the newly-weds to spend as they saw fit.

A similar custom existed in other places where Slovaks lived, although each of these villages had its own particularities.

Slováci – národ malý, Slovákov v enklávach ešte menej, ale za bohatstvo a rozmanitosť zachovaných zvykov sa nemôžu hanbiť.

Každú vojvodinskú obec, v ktorej Slováci žijú, charakterizujú určité zvláštnosti. Hoci mali obyvatelia najčastejšie pôvod v jednej osade, prinesené zvyky sa v novom bydlisku buď čiastočne, alebo úplne lišili. Jedným z takých rodinných zvykov späťtých so svadbou bola dodnes zachovaná zbierka peňazí na svadbe.

V Starej Pazove je rozdiel medzi darom a peňažnou sumou, ktorá sa mladomanželom dáva *do taniera*. Svadobný dar obyčajne prinášal každý hosť. Bližší príbuzní kupovali väčšie dary, vzdialenejší príbuzní, kamaráti a kamaráky, susedia a známi menšie. V novšom období sa, podľa dohody, často dávajú peniaze. Bližší príbuzní ich obyčajne dávajú skôr, *abi si mladí voľačo kúpil'i, čo im načím aľbo čo im bud'e najpotrebnejšie*.

V niektorých slovenských obciach vo Vojvodine je zvykom súčasne alebo jednu po druhej robiť zbierky na samotnej svadbe: na mladomanželov, na kostol a na kuchárku. V Pazove si kuchárku už vopred objednávajú rodičia z oboch strán, ktorí potom i platia za jej služby. Poplatky do kostola za sobáš sa platia tiež vopred. Zbierka sa na svadbe robí iba na mladomanželov, a to v deň sobáša. Peniaze sa zbierajú do *ružaviho krištáľoviho taniera* (porcelánový tanier so vzorom ruží), ktorý sa prikrýva buď z *deľinovim ručníkom* (kašmírovou šatkou), alebo inou peknou pestrou šatkou, ktorú mala mladá (ak bola v kroji) najčastejšie prichystanú *na hlavu*. Tanier stojí pred *starejším* (človek poverený vedením svadobnej hostiny a hlavný svedok mladoženča pri sobáši v kostole, niekedy i u matrikára na obecnom úrade) alebo pred *odavačom* (človek poverený vedením svadobnej hostiny a hlavný

svedok mladuchy pri sobáši v kostole, niekedy i u matrikára na obecnom úrade). Vedľa nich sedia a dozerajú na zbierku starší, váženejší svadobní hostia. Peniaze sa kladú na šatku, ktorou je tanier prikrytý – *hadam, abi sa veďelo, kto kelko hodí* (dá) *do taňiera*. Starejší a oddavač potom peniaze dávajú do taniera pod šatku. Suma sa v Starej Pazove nikdy nezapisovala, ale vždy niekto z prítomných sleduje, kto dal koľko peňazí. (V niektorých obciach, napr. v Pivnici, sumu zapisujú starejší a krstný rodičia do písanky, lebo pri darovaní sa uplatňuje princíp reciprocity. Aby rodičia vedeli, koľko majú „vrátiť“, uvádzajú na to pevná cudzia mena. Kedysi sa uvádzalo, koľko stál meter žita, kukurice; kilogram bravčového mäsa ap. Zošit s týmito údajmi zostáva rodičom.)

Do taňiera sa môžu dávať dináre alebo cudzí peniaz (kedysi to boli doláre, nemecké marky, dnes sú to eurá). Rodičia, starí rodičia a najbližší príbuzní dávajú najviacej. Suma je tak odstupňovaná podľa stupňa príbuzenstva. Ostatní hostia dávajú obyčajne *najväčšiu* papierovú dinárovú bankovku (bankovku najvyššej dinárovej hodnoty). (Ak sú to eurá, tak primerane tej sume.) Mládež dáva obyčajne príspevok spolu, mládenci – *pajtáši* (priatelia) – spolu, dievky – *mátke* (priateľky) – tiež spolu. Zaujímavé je, že z rodiny dával obyčajne peniaze do taniera chlap, žene sa nepatri-lo, iba ak žena bola sama, platila ona – *hádzala* (dávala) *do taňiera*.

U mladej nevesty sa zbierka začína hned po slávnostnom obede v deň sobáša. Zváči pozývajú hostí, aby sa zúčastnili na zbierke slovami: *mladéj svadobníci z láski* alebo podľa priezviska mladej nevesty, napr. *Kukučkoví svadobníci z láski*. Svadobníci sa striedajú pred oddavačom, najprv domáci – rodičia, starí rodičia, bratia, sestry, tety, ujovia, strýkovia... Zváči vyvolávanie často opakujú, lebo svadobní hostia sa neponáhlajú vykonať si tú povinnosť hned. Mnohých k stolu sprevádzajú hudba, zváčov a krčmárov záväzne, niekedy i kuchárky. Stáva sa, že už prídu i svadobníci z mladoženčovej strany po mladú nevestu, a zbierka ešte trvá, zváči ešte hlasne vyvolávajú: *mladéj svadobníci z láski, Kukučkoví svadobníci z láski*. Zbierka sa uza-viera pred odchodom na sobáš, ale peniaze sa odnášajú mladomanželom do domu mladého zaťa až neskoro večer – okolo deviatej, *ke ca tájde s peňazma*. *S peňazma* idú chlapi, ktorí sa spolu z *hucma* (s muzikantmi) vrátili po sobáši do domu mladej nevesty trochu si *zajest* a vypíť si po poháriku. Tento hudobný sprievod ide pešo, často z jedného konca osady na druhý.

V mladoženčovom dome sa začína zbierka až po návrate zo sobáša – *predvečerom*, keď *mladú zvedu do chiži*, rovnakým spôsobom ako u mladej nevesty, iba tu *za vrch stola* sedí starejší. Tak starejší, ako i oddavač podčakuje sa každému za dar v mene rodiny mladej nevesty alebo mladého zaťa. I tu zváči oznamujú *mladiho svadobníci z lásky* alebo *Havranovi svadobníci z láski*, ak je to priezvisko mladého zaťa. Zbierka trvá, kým sa mladej neveste *ňezhodia* párti (kým sa nesníme veniec z hlavy) a kým ju nezačepčia, čiže v Pazove sa hovorí *ki mladéj ňeurobia kitku*. Ak mladá nevesta nie je v kroji, dávajú jej dolu závoj, často prezliekajú i sobášne šaty. Za ten čas sa svadobníci striedajú pri stole, sami alebo *ih muzika prati*. Pravda, i tu družbu, zváčov a krčmárov sprevádzajú hudba. Tí, čo ich sprevádzajú, často sa zastavujú, aby si vypili po poháriku vína – že *vraj višmedľeli alebo sa im hrlo osušilo o cpievania*, preto každé sprevádzanie trvá dlho. Keď sa pozbierané peniaze prinesú i od mladej nevesty, zváč ide do izby, kde druž-

ba (voľakedy) snímal *mladéj* párti (dnes iba závoj) a *vivádzaju na ručníku po čiatru* (v zime iba do druhej izby) *pre peniaze*. Zváč s mladou nevestou idú vopred, po nich družice, svatvice (mladé vydaté ženy alebo dievky s určenou funkciou na svadbe), mladý zať a iní svadobníci spolu s hudbou spievajú, tanečným krokom sa pohybujú pomaly a pomedzi spev sa *ťapušká* (tlieska) a do taktu sa *podykuje* (ujúka). Pri stole starejší a oddavač spolu oznamujú mladému páru zozbieranú peňažnú sumu a odozvzdávajú prikrytý tanier do rúk mladej neveste. Vždy sa tam nájde niekto, kto počuje a oznamí iným svadobníkom (od ucha k uchu), o akú sumu ide. A potom nasledujú komentáre, *kelko sa nazbieralo do tařiera u mladéj, kelko u mladiho, či veľa, či málo, či mohlo biť viac, alebo sa doz nazbieralo*. Mladá vezme do oboch rúk tanier prikrytý šatkou, dá si ho do šaťe – ak je v kroji (lebo ešte stále má oblečené *belote, deľníku a šatu*). Teraz mladý zať drží mladú nevestu *pod ruku* a rovnakým spôsobom, sprevádzaní hudbou, vracajú sa do izby. (Po svadbe sa potom mladí dohodnú s mladoženýchovými rodičmi, či a koľko z nazbieraných peňazí majú dať rodičom a koľko zostáva im. Obyčajne sa rodičom necháva istá suma, aby vyplatili niektoré svadobné dlhy, ostatné peniaze minú mladí na to, čo práve potrebujú, alebo si ich odkladajú. Mladuchini rodičia – predtým, ako peniaze odnesú k mladoženíchovi – tiež si môžu nechať určitú sumu peňazí na splatenie dlhov. Tí majetnejší obyčajne nechávajú všetky peniaze mladomanželom. Vedeli to byť pekné sumy peňazí! De-dina často komentuje, koľko sa u koho nazbieralo *do tařiera*, či bolo viacej u tých *chudobních, či u bohatich?*

Tento zvyk sa dodnes zachováva s malými zmenami, zavisí od toho, či sa svadba koná doma, alebo v reštaurácii.

Meno ruže v „jazykovom (nárečovom) obraze sveta“¹

Gabriela Múcsková

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava

Name of Rose in the „Language (dialect) Picture of the World“

The article brings a detailed analysis of the lexeme *rose* – its etymological origin, word formation paradigm, proper names, terminological units, semantic variation and phraseological units existing in Slovak standard language and Slovak dialects. Starting with basic characteristic features of the rose which are usually perceived – shape, beauty, colour, fragrance and thorn – the author analyses reflections of these characteristics into lexicon of standard and dialect varieties in examples of names of other flowers and also things reminding the shape of the rose, similes with a base „... like a rose“ in lexical units, symbols, metaphors and idioms connecting a human life with some characteristic of the rose. The most salient features like beauty, symbol of love and pain from the thorn are often present also in some literary pictures of roses.

RUŽA. Slovo prastaré, praeurópske. O jeho starobylosti svedčí aj spoločný tvar, ktorý má v mnohých indoeurópskych jazykoch: česky *růže*, poľsky *róza*, v lužickej srbcine *róža*, rusky a slovinsky *roža*, bulharsky a macedónsky *roza*, litovsky *rose*, grécky a latinsky *rosa*, taliansky, španielsky a portugalsky *rosa*, francúzsky a anglicky *rose*, holandsky *roos*, nemecky *Rose*, švédsky *ros*, litovsky *rožė* atď., dokonca i v maďarčine je *rózsa*, vo finčine *ruusu* a v lotyštine *rožu*.

Do európskych jazykov sa rozšírilo z latinského *rosa*, ktoré pochádza z gréckeho *ρόδον* (v aiolskom dialekte *βρόδον*), kam sa dostalo pravdepodobne z východných jazykov, pričom názory na jeho starší pôvod nie sú jednotné. Jedným z možných východísk je perzske *wṛda- zo staroiránskeho *wṛda, pravdepodobne z praindoeurópskeho *wr̥dho- s významom ‚trň, trňový ker, ostružina‘.² Iní autori túto interpretáciu považujú za nepravdepodobnú (Frisk, 1991, s. 661) a prikláňajú sa k východisku z aramejského *wardā* a arabského *ward*, súvisiacemu s arab. *warada* (s významom ‚kvitnúť‘), *waruda* („byť červený“).³

So slovotvorným základom *ruža* sú spojené deriváty:

ružica – ozdoba alebo iný predmet, ktorý má podobu kvetu ruže (veterná ružica, kompasová ružica, ružica listov a pod.);

ruženec – názov pochádza z lat. *rosarium* a súvis s ružou majú v jeho názve aj ostatné jazyky: gr. *rosary*, nem. *Rosenkranz*, angl. *rosary*, fr. *rosaire*, maď. *rózsafüzér*, poľ. *różaniec*, špan. a tal. *Rosario* atď. Znamená ‚veniec z ruží‘, pričom ide o známu mariánsku modlitbu, ktorej základom je Zdravas Mária, a ruža tu symbolizuje Pannu Máriu ako mystickú ružu – symbol nepoškvrnenosti a čistoty – vzťah a úctu knej. Prenesene označuje aj retiazku, ktorá je pomôckou pri modlení ruženca, známu aj ako *pátričky*;

ružový – ako názov farby, ktorého vznik bol motivovaný pravdepodobne farbou ruže šípovej ako prototypu ostatných druhov ruží;

¹ Štúdia vznikla v rámci riešenia projektu VEGA 2/0028/08 *Slovník slovenských nárečí III*.

² Porov. Chantraine, 2009; Ibrahim, 1991, s. 180 – 181; Brückner, 1985, s. 466.

³ Porov. Frisk, 1991, s. 661; Beekes, 2010, s. 1289 – 1290.

ružiak – druh skorých zemiakov s ružovo sfarbenou šupkou. V niektorých nárečiach je doložené aj pomenovanie **ružovka** (Ležiachov, okr. Martin, a niektoré lokality južného stredného Slovenska). Vo vinárskych oblastiach názov *ružiak* označuje starší druh ružového hrozna (Trnava pri Laborci, okr. Sobrance, Dechtice, okr. Trnava). SSJ uvádzá ešte ďalší význam – druh ďateliny – ďatelina purpurová (lat. *Trifolium incarnatum*).

S latinským základom súvisí slovo **rozeta**, ktoré je významovo veľmi blízke s výrazom *ružica*. Podľa slovenských výkladových slovníkov (KSSJ, SSJ, SCS)⁴ je to pojem používaný v architektúre na označenie ornamentálnej ozdoby kruhovitého tvaru, pripomínajúceho ružu, používanej najmä v gotike (napr. *rozetové okno*), a v zlatníctve na označenie diamantu vybrúseného do podoby nízkeho ihlanu so širokou základňou. V starších dokladoch je to tiež odznak alebo ozdoba ružicového tvaru. V nárečiach sa *rozetou* označuje ozdoba kruhovitého tvaru na strope, obyčajne v strede okolo lampy: *rozeta* (Veľké Bielice, okr. Topoľčany), *Ve stredze robili na plafóne rozetu, v rohoch ekštiki* (Malacky), alebo kruhovitý disk na zakrytie dymovej rúry v stene: *rozeta* (Liptovský Mikuláš).

Ruža ako symbol

V rôznych kultúrach bola ruža súčasťou starých bájí a stala sa symbolom. Z antického mýtu o Adonisovej smrti (z Adonisovej krví vyrástli vraj prvé červené ruže) pochádza **symbol znovuzrodenia a lásky**. Účastníci osláv boha Dionýza sa ozdobovali vencami z ruží, pretože verili, že ruže zmiernia páľavu vína a zabránia opitým, aby prezradili tajomstvá – odtaľ pochádza spojenie *Sub rosa* – pod ružou, čo znamená ‚tajomstvo‘ a ruža je tu **symbolom mlčanlivosti**. V antickej kultúre bola ruža považovaná tiež za kvet **Venuše**. U Rimanov sa z ruže zrodil Mars, a tak sa ruža stala aj **symbolom statočnosti**.

V kresťanskej symbolike červená ruža predstavuje **krv Krísta** a chápe sa ako **symbol nebeskej lásky**. V ľudovej slovesnosti i v umení sa už chápe aj ako **symbol lásky pozemskej**. V cirkevnej ikonografii je (biela) ruža symbolom **nepoškvrnenosti Panny Márie**, ale v niektorých povestach a bájach je biela ruža tiež **symbolom smrti** (porov. Encyklopédia ľudovej kultúry, s. 133).

V alchymii sú červené a biele ruže symbolom **duálneho systému** – červený/biele (sulphur a mercurius), ruža so siedmimi okvetnými lístkami predstavuje **sedem kovov a sedem planét**. Spojenie ruže a kríža je symbolom kresťanského renesančného združenia **rosenkruciánov** a ruža mala význam aj v **slobodomurárskej symbolike**. V Číne zasa ruža symbolizuje **mladosť**.

Vďaka obľúbenosti ruže i rôznorodosti symbolov, ktoré predstavuje, sa v rozličných podobách využívala často v heraldike (porov. Biedermann, 1992, s. 259 – 260).

Ruža – Rosa

Hoci botanici rozoznávajú okolo 200 až 300 druhov ruží, v bežnom jazyku, ktorý zachytávajú slovníky, kartotéky a korpus slovenského jazyka, sa najčastejšie vysky-

⁴ V príspevku čerpáme doklady zo slovníkov, ktoré v texte uvádzame skratkou (Krátkey slovník slovenského jazyka – KSSJ, Slovník slovenského jazyka – SSJ, Slovník cudzích slov – SCS, Historický slovník slovenského jazyka – HSSJ, Slovník slovenských nárečí – SSN, Frazeologický slovník – FS) a Slovenského národného korpusu (SNK). Doklady z nárečovej kartotéky dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV v práci uvádzame kurzívou vo fonetickej transkripcii a dopĺňame o údaj o lokalite, v ktorej boli zaznamenané.

tuje len niekoľko názovov pre zrejme najbežnejšie alebo najznámejšie druhy. Z divo-rastúcich druhov je najznámejšia a pravdepodobne aj najstaršia

ruža šípová – lat. *Rosa canina* – ktorá rastie voľne v prírode a jej plody majú liečivé vlastnosti pre vysoký obsah vitamínu C. Jej názov je známy tak v spisovnej a štandardnej variete, ako aj v nárečiach, kde však niekedy máme v tomto význame doložený aj názov šíp: *šípová rúža* (Rozbehy, okr. Senica), *šípova ružička* (Fintice, okr. Prešov), *cirňova ružička* (Dlhá Lúka, okr. Bardejov), *šíparova ruža* (Hlinné, okr. Vranov), *Kvitnú nám biele šípi* (Návojovce, okr. Topoľčany). Názov šíp a *šípovník* s kvalifikátorom hovor. uvádza aj *Synonymický slovník slovenčiny* (s. 627). K. Palkovič vo svojom slovníku Slovákov v Maďarsku zaznamenal v tomto význame i názov *planá rúža* (Šarišáp (Sári-sáp) v Maďarsku, podľa Palkovič, 1957, s. 314).

V slovníkoch slovenského jazyka a v Slovenskom národnom korpuse sme našli ešte pomenovania ďalších bežne známych druhov:

ruža galská (SNK) – lat. *Rosa gallica* – nazývaná tiež **ruža francúzska** (SNK), pôvodom z južnej a strednej Európy, pestovaná v stredoveku vo francúzskom Provinse na získavanie ružového oleja. U nás je pôvodný druh rozšírený hlavne na juhu v panónskej oblasti, menej v karpatskej oblasti (Flóra Slovenska IV/3, s. 87 – 89);

ruža stolistá (SSJ, HSSJ, SNK) – lat. *Rosa centifolia* – s plnými, bielymi až tmavočervenými kvetmi, s prenikavou vôňou. Pochádza z Kaukazu, vznikla krížením ruže galskej a iných druhov ruží a v Európe sa pestuje od konca 16. storočia (c. d., s. 89);

ruža poľná (HSSJ, SNK) – lat. *Rosa agrestis* – je pôvodný a všeobecne, aj keď nie hojne, rozšírený druh (c. d., s. 80 – 81);

ruža čínska (SNK) – lat. *Rosa chinensis* – viackrát kvitnúci druh s intenzívou červenou farbou. Pochádza z východnej Ázie a je materským druhom mnohých kultivovaných druhov rôznej farby (Dostál – Červenka, 1991, s. 423). Do Európy prišla pravdepodobne pred rokom 1800;

ruža čajová (KSSJ, SSJ, SNK) alebo **ruža čínska pravá** – lat. *Rosa chinensis* subsp. *chinensis* – má svetložlté alebo ružové kvety. Slovníky slovenského jazyka pod týmto názvom uvádzajú druh, ktorý má oficiálny názov **ruža voňavá** – lat. *Rosa odorata* – čo je vyšľachtený druh čínskej ruže;

ruža anglická (SNK) – je súhrnný názov pre ruže, ktoré získaval anglický šľachtitel David Austin od roku 1961 krížením starých historických ruží a moderných čajových ruží;

ruža damascénska (HSSJ) – lat. *Rosa damascena* – pochádza z Prednej Ázie a v Európe sa pestovala na výrobu silice, tzv. ružového oleja (c. d., 1991, s. 425).

V Historickom slovníku slovenského jazyka sa uvádza ešte názov **ruža malvázska** (HSSJ), ktorú sa nám však bližšie nepodarilo špecifikovať.

V odbornej botanickej literatúre sa **ruža** – *Rosa* z rodu **Rosaceae** charakterizuje ako „rod dvojklíčnolistových rastlín z čeľade ružovitých“. V neterminologických výkladových slovníkoch sa, prirodzene, vyskytujú charakteristiky, ktoré viac odrážajú naše prirodzené vnímanie a uvádzajú, že je to: „krovitá ostnatá rastlina s jemne voňavými kvetmi, bot. *Rosa*“ (KSSJ), „záhradná krovitá rastlina s peknými voňavými kvetmi“, resp. „kvet tejto rastliny“ (SSN) a pod. Hovoria o tvare a celkovom vzhľade, kráse, vôni a ostnoch, ktoré túto rastlinu charakterizujú a sú motivujúce aj pre jej ďalšie jazykové, ale aj kultúrne vnímanie.

Tvar

Menom *ruža* sa v odborných a najmä ľudových názvoch pomenúvajú aj iné rastliny a ich kvety, ktoré nepatria do rodu ružovitých (*Rosaceae*), ale tvarom (a často aj červenou farbou) svojho kvetu pripomínajú tvar ruže:

alpská ruža (KSSJ, SSJ, SNK) – je v slovenčine nazývaná aj *rododendron* (lat. *Rhododendron*) alebo *azalka* (lat. *Azalea*), ktorá tiež patrí do rodu rododendron. Ide o veľký rod kvitnúcich rastlín z čeľade vresovcovitých (lat. *Ericaceae*), ktoré prirodzene rastú vo vysokých pohoriach a u nás sú len umelo pestované;

vodná ruža (KSSJ) – čiže *lekno* (lat. *Nymphaea*), je rod vodných rastlín z čeľade leknovité (lat. *Nymphaeaceae*);

skalná ruža (SNK) – je trvalá rastlina z rodu skalnica (lat. *Sempervivum*), prípadne z rodu skalničník (lat. *Jovibarba*), ktoré rastú na suchých a skalných miestach a pestujú sa aj v záhradách, v tzv. skalkách. Ich listy vytvárajú prízemné ružice podobné ruži. Meno skalné ruže im vrah dal známy pestovateľ trvaliek, nemecký spisovateľ dr. Karl Förster. V latinčine má tento rod názov *sempervivum* – „vždy živé“;

vianočná ruža (SNK) – známa tiež ako *vianočná hviezda*, ktorej botanický názov je *pryštec najkrajší* (lat. *Euphorbia pulcherrima*) a je tiež známa aj pod starším názvom *mliečnik najkrajší*. Táto rastlina k nám prišla z Mexika a vďaka svojim farebným listieňom na vrcholoch výhonkov vytvárajúcim hviezdicu a tiež vďaka tomu, že kvitne práve v období Vianoc, stala sa súčasťou modernej vianočnej výzdoby;

slezová ruža (SSJ) – je názov, ktorý sa pravdepodobne vzťahuje na viaceré druhy rastlín z čeľade slezovitých (lat. *Malvaceae*), ktoré patria do rodov *slez* (lat. *Malva*) a *slezovec* (lat. *Lavatera*), ľudovo sú nazývané aj *slez* a *slezinka*. Ďalej môže ísť aj o rastliny rodu *ibiš* (lat. *Althaea*), z ktorých najznámejšie sú *ibiš lekársky* (lat. *Althaea officinalis*), ľudovo nazývaný aj *proskurník*, a *ibiš ružový* (lat. *Althaea rosea*), a o rastlinu s oficiálnym názvom *topoľovka ružová* (lat. *Alcea rosea*) z rodu topoľovka (lat. *Alcea*), pre ktorú Historický slovník slovenského jazyka uvádza názov *rúža černá* (s. 200)⁵. Tieto slezovité rastliny majú veľké ružové alebo rôznofarebné kvety a niektoré z nich sú známe aj svojimi liečivými účinkami. Názov *slezová ruža* má v nárečiach rôzne varianty: *slezová ruža* (Horné Bzince a Moravské Lieskové, okr. Nové Mesto n. Váhom, Sotiná, okr. Malacky, Hlboké, okr. Senica: *Slezová rúža má tmavokrvavé rúže a modz ich je*), *sŕínska ruža* (Cinobaňa, okr. Lučenec), *sŕéška ruža* (východný Novohrad), *slánska ruža* (názov doložený z Békešskej Čaby) a *selenská ruža* (Pazova, podľa Kamenár, 1903, s. 7);

čínska ruža (SNK) – okrem vyššie spomínanej ruže čínskej z rodu *Roseace* sa tento názov ustálil aj pre pomenovanie *ibišteka čínskeho* (lat. *Hibiscus rosa-chinensis*), ktorý je rozšírenou doma pestovanou rastlinou s pôvodne červenými kvetmi a do Európy bol privezený v roku 1731.

V nárečových a historických prameňoch sa menom ruža pomenúvajú aj ďalšie rastliny:

Rôzne druhy pestovaných rastlín z čeľade pivonkovité (lat. *Paeoniaceae*), laicky jednoducho nazývané aj *pivonka*, *pivónia*, sú okrasnými záhradnými rastlinami

⁵ Odborné botanické názvy uvádzame podľa: DOSTÁL, Josef – ČERVENKA, Martin: Veľký klúč na určovanie rastlín I, 1991.

s veľkými rôzne sfarbenými kvetmi a v niektorých nárečiach majú pomenovanie ruža s prívlastkom:

pivná: *pivná ruža* (Hor. Bzince, okr. Nové Mesto n. Váhom);

kamenná: *kamená ruža* (Tlmače, okr. Levice, Pukanec, okr. Levice: *Biel'e kameňie ruže dozd' zbauňe voňajú, ale červeňie smrdia*), *kamena ruža* (Hnilec, okr. Spišská Nová Ves, podľa Miškí, 1905, s. 91);

názov súvisiaci s Turícam – **Rusadlá:** *rusadeľna ruža* (Hlinné, okr. Vranov), *rusadľova ruža* (zemplínske a užské nárečia).

HSSJ uvádzá pre *pivonku lekársku* (lat. *Paeonia officinalis*) aj názov s prívlastkom:

turecká: *turecká rúža* (s. 200).

Výraz ruža je častý aj v ľudových pomenovaniach rôznych druhov rastlín z čeľade astrovité (lat. *Asteraceae*). Rôzne druhy pestovaných rastlín rodu astra (lat. *Aster*) s kvetmi rozličných farieb, ktoré kvitnú od leta do neskorej jesene, majú v dvojslovných nárečových názvoch pri pomenovaní ruža rôzne špecifikácie:

pyšná: *pišné ruža* (Sotiná, okr. Malacky), *píšna ruža* (Horné Strháre, okr. Modrý Kameň), *pišná rúža* (Hlboké, okr. Senica), *pišné rúže* (Brodské, okr. Skalica).

Vzhľadom na jesenný čas kvitnutia majú aj názov:

jesenná: *jesenná ruža* (Semerovo, okr. Nové Zámky: *Jesenné ruže sa aj svetlé aj biele, podjeseň to kvitne*), *ješeňská ruža* (Stanča, Michaľany, okr. Trebišov);

michalská: *michaľská rúža* (Stupava, okr. Bratislava), *michalské rúže* (Dúbravka, okr. Bratislava: *Michaľské rúže kvitnú v jaseňi šeljakátku barvama*).

Rastlina s drevnatým pakoreňom a početnými ružicami prízemných listov rastúca na pieskovitých stráňach (SSJ) – *slamiha piesočná* (lat. *Helichrysum arenarium*) má v nárečiach názov:

slamenná ruža: *slamäná ruža* (Cinobaňa, okr. Lučenec), *slamená ruža* (Veľké Straciny, okr. Modrý Kameň), *slamenná ruža* (Vaďovce, okr. Myjava), *súámené rúže* (Stupava, okr. Bratislava), *slamenná ruža* (Moravské Lieskové, okr. Nové Mesto n. Váhom).

K astrovitým rastlinám, ktoré majú tiež v ľudových nárečiach pomenovanie ruža, patria tiež rastliny rodu chryzantéma (lat. *Chrysanthemum*) – ide o záhradný kvet s veľkými bohatými kvetmi rozličných farieb kvitnúci v jeseni. Pretože kvitnú neškoru na jeseň, majú v nárečiach pomenovanie:

jesenná: *jeseňia ružička* (Tlmače, okr. Levice);

zimná: *rúža zimnú* (Štefanov, okr. Senica), *zimní rúža* (Stráže nad Myjavou, okr. Senica), *zimná rúža* (Šárišáp (Sárisáp) v Maďarsku, podľa Palkovič, 1957, s. 325)

a názov spojený s dňom **Všetkých svätých:** *šechsvatové rúže* (Ivanka pri Dunaji, okr. Bratislava).

Názvom ruža sa v niektorých lokalitách označuje aj *slnečnica ročná* (lat. *Helianthus annuus*) – vysoká rastlina s veľkými žltými lupeňmi a olejnatými semenami, z ktorých sa lisuje olej, a jej prívlastky súvisia s tvarom a farbou:

slnečná: *súnečná ruža* (trenčianske nárečia, podľa Holuby, 1896 s. 149);

tanierová: *tanírá rúža* (Kestúc (Keszthely) v Maďarsku, podľa Palkovič, 1957, s. 333).

Svojím tvarom pripomínajú ružu aj niektoré druhy iskerníkovitých rastlín (lat. *Ranunculaceae*). Také je *záružlie močiarne* (lat. *Caltha palustris*) – vlhkomilná močiarna rastlina so žltými kvetmi a hladkými srdcovitými listami s prívlastkami:

masná: *masná ruža* (Ráztočno, okr. Prievidza);

vodná: *vodna ruža* (Žehra, okr. Spišská Nová Ves);

žabacia: *žabacé rúže* (Igram, okr. Modra, Dubovany, okr. Piešťany);

obilná: *caltha, obilná rúža neb žlutá fjalka* (HSSJ, s. 200).

Pre veternicu *narcisokvetú* (lat. *Anemone narcissiflora*), ktorá sa v minulosti používala v ľudovom liečiteľstve pri liečení reumy, uvádza HSSJ názov **narcisová ruža: zasipug gu (ranu) prásskom z ocunu a narcisoweg ruži** (s. 200).

K iskerníkovitým patrí tiež *žltohlav európsky* (lat. *Trollius europeus*) – lúčna rastlina so žltým kvetom kvitnúca na jar, pre ktorú máme doložené názvy **žltá ruža** alebo **lúčna ruža** (Trstín, okr. Trnava).

Bielou a **žltou ružou** sa niekde nazýva aj *narcis biely* (lat. *Narcissus poeticus*) a *narcis žltý* (lat. *Narcissus pseudonarcissus*) – je to záhradná rastlina kvitnúca v čas na jar: *biela ružička* (Pukanec, okr. Levice), *žltá ružička* (Pukanec, okr. Levice).

Zaujímavým pomenovaním je názov **ruža z Jericha**, alebo **jerišská**, resp. **jerišová ruža** (SSJ, SNK). Označuje sa ním viacero druhov rastlín. V ľudových názvoch sa používa najmä na označenie rastliny *zemolez kozí list* (lat. *Lonicera caprifolium*), ľudovo nazývaný aj *kozí list*. Je to ovijavý a popínavý záhradný ker s výraznou vôňou. V SSJ sa uvádza ako **jerišská ruža**, v nárečovom doklade ako **ruža z Jericha** (Pukanec, okr. Levice: *Ked' v lete kvitne ruža z Jericha, musíme aj obloke pozavierať, čo tak tuho voňia*).

Historický slovník pre jerichovú ružu uvádza význam **amóm kapulágový** (lat. *Amomum kapulaga*): *amomum: yerykowá ruža* (s. 200).

Ružou z Jericha sa však nazýva aj zvláštnej rastlina *plavínka schúlivá* (lat. *Selaginella lepidophylla*), ktorá pochádza z pústnych oblastí. Vyzerá ako suchá neživá masa, ktorá keď sa poleje, veľmi rýchlo ožije a ozelenie. Niekedy je tiež nazývaná ako *kvetina vzkriesenia* alebo *ruky Panny Márie*.

Ďalšie doklady pochádzajúce z nárečovej kartotéky sú ojediné a väčšinou sú doložené len z jedného zdroja:

maková ruža: *makové ruže* (Moravské Lieskové, okr. Nové Mesto n. Váhom) – môže ísiť o divorastúci *mak vlcí* (lat. *Papaver rhoeas*) alebo pestovaný *mak siaty* (lat. *Papaver somniferum*) – olejnatú rastlinu s veľkými kvetmi;

košická ruža: *kossicka ruže* (HSSJ, s. 200), *košicki ruže* (Šamudovce, okr. Michalovce) – ide o *kukučku lúčnu* (lat. *Lychnis flos-cuculi*) – lúčnu rastlinu s malými červenými strapatými kvetmi;

kapucínska ruža: *kapucínska rúža* (Viničné, Častá, okr. Modra), ľudovo tiež nazývaná aj *kapucínka* (SSN, s. 749) – ide o *kapucínu väčšiu* (lat. *Tropaeolum majus*) – liečivú rastlinu s pomarančovo, žltou a červeno sfarbenými kvetmi, ktorá sa pestuje hojne v domácnostiach ako okrasná rastlina (porov. Thurzová, 1984, s. 304);

pichľavá ruža: *pichlavá rúža* (Kestúc (Keszthely) v Maďarsku, podľa Palkovič, 1957, s. 314) – označuje olejnatú rastlinu z rodu ľuľkovitých *durman obecný* (lat. *Datura stramonium*).

Podľa tvaru ruže sa jej názov metaforicky preniesol aj na názvy plodov niektorých rastlín, ktoré pripomínajú ružu: *ružičky karfiolu* (SNK), príp. novšie i brokolice, a tiež názov *ružičkový kel* (KSSJ, SSJ) doložený aj v nárečí: *rúžičkoví kel* (Stará Turá, okr. Myjava).

Tvar ruže nemotivoval len prenesené pomenovania iných kvetov, ale slovom ruža sa v ľudovom jazyku označujú aj predmety, ktoré sa na konci rozširujú, a tak pripomínajú tvar kvetu ruže. Takým je súmateľné zakončenie polievacej krhly s dierkami, niekde označované aj derivátom *ružica*, zaznamenané v záhorských a myjavských lokalitách: *rúža* (Brodské, okr. Skalica, Štefanov, Stráže nad Myjavou, okr. Senica), *ružica* (Dubnica nad Váhom, okr. Považská Bystrica). Z označenia tohto predmetu sa zrejme názov ruža preniesol aj na okrúhle dierkované koleso na topárke, ktorou sa mútalo maslo v mútovníku: *rúža* (Štefanov, okr. Senica).

Krása

Ruža všeobecne symbolizuje krásu – obyčajne krásu ženy, ktorá je k ruži prirovnávaná. V Slovenskom národnom korpusе sme našli 199 prirovnaní „... ako ruža“. Z tých prípadov, ktoré k ruži prirovnávali ľudské bytosti, sa 44-krát k ruži prirovnáva žena (*krásna ako ruža, svieža ako ruža, rozkvitla ako ruža, prekvitá ako ruža* a pod.), 5-krát sa prirovnanie týkalo dieťaťa, resp. detí, a len 2-krát sa prirovanie spája s mužom. V jednom prípade ide o text rozprávky (*Bol raz jeden veľmi bohatý starý kráľ a ten kráľ mal jedinkého syna, krásneho ako ruža, mocného ako dub*) a druhý prípad má skôr ironizujúci význam (*Lebo muži sú ako ruže – nádherní navonok, ale – rýchlo odkvitnú*).

Vnímanie krásy ruže je prítomné v ustálených prirovnaniach: byť krásny alebo švárný ako ruža: *Dievčina ako ruža, Je krásna ako ružový púčik (ako ruža, ako ružový list, ako z ruže kvet...)*, *Dievča krásne, ako čo by bolo na šípe vyrástlo* (FS, s. 27 – 28), *Je šumna jag ruža* (Žakarovce, okr. Gelnica), *Ona je pekná ag ružiška* (Nandraž, okr. Revúca).

Ružou sa často prenesene nazýva aj „mladá žena“ a v trnavských nárečiach to dokladuje spojenie *vyberať za ružu*, ktoré označovalo zvyk, keď sa mladé dievča vydávalo do inej dediny, mládenci z jeho rodnej obce uväzovali cez cestu alebo na moste reťaz a žiadali tzv. odstupné za nevestu: *pítali od neho* (ženicha) *za rúžu* (Blatná, okr. Modra), *prišli chlapci vibírad za rúžu* (Suchá n. Parnou, okr. Trnava), *prišli páholci pítad za rúžu* (Bínovce, okr. Trnava). O mladom dievčati, ktoré sa má vydávať, hovoria aj frazémy: *Ružu vtedy trhajú, keď kvitne, Ruže trhajú, keď prekvitajú* (FS, s. 126), *Ružu trhajú, keď kvitne* (Jasenová, okr. Dolný Kubín). S ironickým významom, ktorý len potvrdzuje, že ruža je krásna mladá žena, máme v nárečí doložené spojenie *rosčľapená ruža* (Pukanec, okr. Levice) – teda ruža, ktorá odkvitá – pre pomenovanie staršej ženy.

Obrazné spojenie ruže so ženou dosvedčujú aj ženské vlastné mená, známe v rôznych jazykoch: *Rozália, Róza, Ružena, Rose, Rozmary* a pod.

Prenesene sa krása ruže spája aj s „krásnym životom“, teda blahobytom, čo je doložené i vo frazeologii. Internacionálnou je frazéma (*ne)mať na ružiach ustlané* (v nem. *nicht auf Rosen gebettet sein*), ktorá má v niektorých jazykoch podobu *spat na ružiach* alebo *postel (plná) ruží* (angl. *bed of roses*). Túto frazému zachytávajú aj slovníky slovenského jazyka (KSSJ, SSJ) a je známa aj v slovenských nárečiach: *Nemá na ružách uslané* (Lukáčovce, okr. Hlohovec), *Nemal na ružiach postlanuo* (Rimavská Pila, okr. Rimavská Sobota), *Čík nemá na ružiach uslanuo* (Podkonice, okr. Banská Bystrica)

a pod. Je zaujímavé, že slovníky slovenského jazyka, nárečové doklady i Frazeologický slovník (Habovštiaková – Krošláková, 1996, s. 112) uvádzajú túto frazému v záporovom tvare, čo signalizuje, že sa používa najmä v súvislosti s opisovaním ľažkého života alebo problémov (podobne je v zápornom tvare častejšie spojenie (*niečo*) *nevýzerá ružovo*).

Význam prospechu alebo úspechu je prítomný vo frazémach *chodiť po ružiach* (HSSJ), *trpežlivosť ruže prináša* (KSSJ, SSJ) a *cesta ružami vystlaná/lemovaná* (SNK), ktoré však v nárečiach nie sú doložené. Z angličtiny sú známe frazémy *zbierať ruže* (*gather roses* – „užívať si život“) a *milujúcim rastú ruže pod nohami*. A o tom, že krása, či už ľudská, alebo prenesene spojená s blahobytom, nie je večná, hovorí frazéma: *Nieto tej ruže, čo by nezvádla* (FS, s. 110).

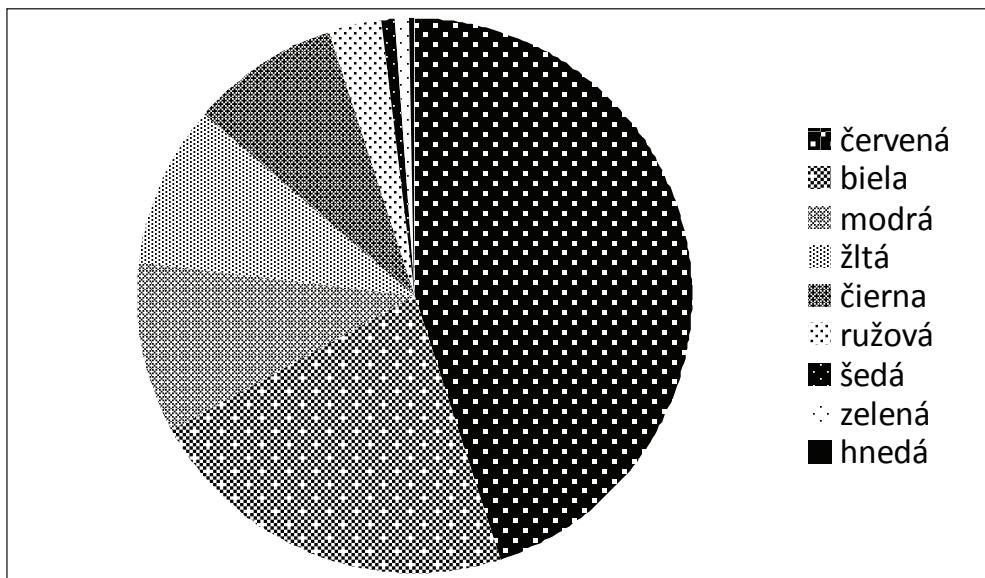
Ako ozdobný prvok sa podoba ruže hojne využívala aj v ľudovej ornamentike, kde je často veľmi štylizovaná. Vyskytuje sa na nábytku, na skle a keramike, v nárečových záznamoch sa s ružou stretávame najmä pri výšivkách a vzorovaných tkaných alebo farbených látkach. Ruže či ružičky sa vyšívali na prestieradlá, koše, rukávce, goliere, živôtiky a pod., votkávali sa do plátna určeného na plachty, prestieradlá a obrúsky. Z látky s ozdobnou kvetovanou potlačou sa šilo vrchné oblečenie – sukne. Ozdobné ružičky na čepce, venčeky i party, do vlasov i na časti oblečenia sa vyrábali zo stužiek, čipiek, papiera, ale aj z peria (porov. Encyklopédia ľudovej kultúry, 1995, s. 133), čo dokumentuje aj archívny nárečový materiál.

Farba

Hoci praty pom neskôr vyšľachtených druhov ruží bola ruža šípová – a tá bola motivantom názvu farby *ružová*, ktorého vznik sa kladie do 16. storočia – príznakovou farbou ruže je farba červená.

V SNK sú v prievnaniach spájajúcich farby so slovom ruža tieto druhy farieb:

FARBA	VÝSKYT
červená	395 výskytov
k nej môžeme ešte priradiť aj spojenia:	
krvavočervená	17
purpurová	20
tmavočervená	11
krvavá	18
biela	218
bledá	6
modrá	103
žltá	96
čierna	90
ružová	30
šedá	10
zelená	6
hnedá	4



K červeni ruže sa obyčajne prirovnáva červená farba líc, ktorá zvyčajne znamená zdravie, alebo farba pier. V SNK nachádzame viacero spojení typu: *líca červené ako ruža*, *pery červené ako ruža*, *líca prekvitali ako ruža* atď. SSJ uvádza prirovnanie *červený ako ruža* (o človeku) s významom „zdravo vyzerajúci“. Prirovnania červenej farby v tvári k ruži nachádzame aj v nárečových dokladoch: *Má líca jag ruža* (Lukáčovce, okr. Hlohovec) a *Je červení jag ruža* (Vaďovce, okr. Myjava). Podobné príklady *Má líčka ako dve ružičky*, *Má líčka ako ruža*, *Má tvár ako rozkvitnutá ruža* uvádza aj Frazeologický slovník (s. 31), pričom sa červená farba líc považuje za prejav zdravia, čo je vystihnuté aj v ľudovej zaklínacej formulke: *Vŕba, vrťba, daj mi muža červeného ako ruža a pekného ako kvet a dobrého ako med*, alebo mladosti, čo dokumentuje aj frazéma *Už jej odkvitli ruže na tvári* (FS, s. 125) viažuca sa k žene, ktorá už nie je mladá. Červená farba tváre však mohla byť niekedy aj znamením choroby: *A tak sa mi ždi ponosovala na tú hlavu, hádam aj zato bejvala f tvári ždi taká ako ruža* (Veľký Lom, okr. Modrý Kameň). Častou príčinou očervenia tváre býva rumenec, ktorý sa tiež prirovnáva k ruži: *zapaliť sa ako ruža* (SSN).

Z umeleckej literatúry máme v SSJ príklad pomenovania priamo červenej farby výrazom ruža: *bás. červená farba: V tvári ruže, v očiach oheň*. Obrazne, najmä v literárnom jazyku, sa slovom ruža hypokoristicky nahrádza krv: *Krvavá ruža na hrudi – škvRNA od krvi, V košeli bielej, ktorá skvitne ružou* – zakrvaví sa (SSJ, s. 896).

Červená farba ruže motivovala aj pomenovanie druhu kráv a z toho aj vlastné mená kráv, ktoré majú červenú srst, čo je hojne zachytené aj v nárečovej kartotéke: *Rúža* (Lamač, okr. Bratislava), *Rouža* (Hatalov, okr. Michalovce, Hlinné, okr. Vranov), *ružena* i *Ružena* (Turzovka, okr. Čadca, Vaďovce, okr. Myjava, Oravský Biely Potok, okr. Trstená, Veľké Bielice, okr. Topoľčany), *rúžena* (Rozbehy, okr. Senica), *Ružana* (Laskomerské, okr. Banská Bystrica, Žakarovce, okr. Gelnica, Dlhá Lúka, okr. Bardejov, Remeniny, okr. Giraltovce), *Ružaňa* (Prievidza, Tekovské Trst'any, okr. Levice), *Roužija* (Sobrance).

Farba a zrejme aj tvar motivovali názov hrebeňa na hlave kohúta alebo sliepky: *ruža* (Siladice, okr. Trnava) – hrebeň sliepky, *rúža* (Lamač, okr. Bratislava) – hrebeň kohúta.

Názvom *ruža* (niekde aj *ružienka* Pečenice, okr. Levice) sa označuje aj infekčné kožné ochorenie – erysipelas (KSSJ, SSJ, HSSJ), ktoré sa prejavuje červenou farbou. Farba a možno aj tvar útvaru vznikajúceho na pokožke pripomínajú ružu. V súčasnosti sa vyskytuje najmä na dolných končatinách, avšak v minulosti sa častejšie objavovalo na tvári, o čom svedčia nárečové doklady: *Ružu dostal do tvári* (Dlhá Lúka, okr. Bardejov), *Ruža bivala na tvári* (Siladice, okr. Trnava), *Tvár má červenú jak píloňa a zapálenú, iste to bude ruža* (Návojovce, okr. Topoľčany), *A keď mala ružu na nohe, čo ostalo od Vianoc omrvinku, to kádili a na červenuo súkenko sa naškrábalo bielej griedi a to sa priložilo* (Kraľovany, okr. Dolný Kubín). Slovotvorný základ ruža má v sebe aj ďalšie ná kazlivé (prevažne detské) ochorenie – *ružienka* –, ktoré sa prejavuje červenými vyrážkami, známe aj ako rubeola (KSSJ, SSJ).

Vôňa

Ďalšou príznakovou vlastnosťou ruže je jej vôňa, ktorá sa tiež považuje za krásnu a príjemnú. V súvislosti s touto vlastnosťou sa v jazyku vyskytujú spojenia *voňavé ruže*, *vôňa/aróma ruží*, *ruže voňajú/rozvoniavajú*, *vdychovať vôňu ruží*, *omamná vôňa ruží* a pod. (SNK). V niekoľkých prípadoch máme v SNK doložené aj prenesené prirovnania *voňať ako ruže*, v ktorých sa vo viacerých prípadoch k vôni ruže prirovnáva vôňa ženy (... ženami, ktoré voňali po celý rok ako ruže), jednotlivco aj vzduchu (vzduch voňal ako ruža), vína (víno voňalo ako ruža) a mora (*more začalo rozvoniavať ako ruža*).

Na vôňu ako pozitívnu vlastnosť ruže sa vzťahuje aj u nás menej známe príslovie:

Na ruke, ktorá podáva ruže, vždy ostane trochu vône. Trochu vône vždy zostane na ruke, ktorá daruje ruže.

Tŕň

K pocitovo vnímaným vlastnostiam ruže patria ešte ostré výrastky na jej stonke – *tŕne, ostne, šípy*, či nárečovo aj *cirne*. Šíp je súčasťou samotného názvu *šípová ruža*.

Táto charakteristická črta sa v jazyku objavuje v prirovnaniach *pichľavý ako ruža*, *pichá ako ruža* a často sa vyskytuje v kontraste s krásou ruže, napr. v spojení (*byť*) *ružou medzi trŕmi* (KSSJ, SSJ), alebo vo frazémach *Žiadna ruža nie je bez trŕna* (KSSJ, SSJ), *Žiadna ruža bez trŕna* (FS, s. 110), *I ruža pichá* (FS, s. 110), ktoré sú známe aj v ľudových nárečiach: *Ľieto ruži bes trŕna* (Králiky, okr. Banská Bystrica), *Žadna ruža ňe je bes terŕna* (Spišský Štvrtok, okr. Levoča).

Krása, láska, ...

Krásu ruže, lásku, ktorú symbolizuje, a bolesť, ktorú môžu spôsobiť jej trŕne, tvoria aj obraz známych „literárnych“ ruží – či už je to krásna, no samolúba ruža malého princa, ktorú v diele Malý princ vytvoril Antoine de Saint-Exupéry, alebo ruža, ktorá rozkvitne pre lásku, ale zároveň trŕnom prebodáva srdce malého slávika v známej rozprávke Oscara Wilda, alebo napokon aj ruža-dievčina, ktorá prináša zážitok lásky a zároveň vnútornú bolesť mladému novicovi Adsovi v románe Umberta Eca Meno ruže.

Tak nám ruža zosobňuje samotný život, v ktorom sú krása, láska i bolest' často prítomné zároveň.

Bibliografia

- BEEKES, Robert: Etymological Dictionary of Greek. Vol. 2. Leiden – Boston: Brill 2010. 1808 s.
- BERTOVÁ, Lídia a kol.: Flóra Slovenska IV/3. Angiospermophytina, Dicotyledonopsida, Rosales. Bratislava: Veda 1992.
- BIEDERMANN, Hans: Lexikón symbolov. Bratislava: Obzor 1992, s. 376.
- BRÜCKNER, Aleksander: Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna 1985. 806 s.
- DOSTÁL, Josef – ČERVENKA, Martin: Veľký kl'úč na určovanie rastlín I. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1991. 776 s.
- Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. 1, 2. zv. Bratislava: Veda 1995. s. 484 + s. 448.
- FRISK, Hjalmar: Griechisches etymologisches Wörterbuch. Band II. Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag 1991. 1154 s.
- HABOVŠTIAK, Anton: Atlas slovenského jazyka. IV. Lexika. Časť prvá – mapy. Bratislava: Veda 1984. 464 s. (skratka ASJ IV).
- HABOVŠTIAKOVÁ, Katarína – KROŠLÁKOVÁ, Ema: Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii. Bratislava: Veda 1966. 176 s.
- Historický slovník slovenského jazyka. 1. – 7. zv. Ved. red. M. Majtán. Bratislava: Veda 1991 – 2008.
- HOLUBY, Jozef Ľ.: V záhradách Trenčianska najčastejšie dochovávané rastliny. In: Sborník muzeální společnosti slovenské I. Turčiansky Sv. Martin 1896. s. 144 – 175.
- CHANTRAINE, Pierre: Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paríž: Klincksieck 2009. 1436 s.
- IBRAHIM, Jamshid: Kulturgeschichtliche Wortforschung. Persischen Lehngut in europäischen Sprachen. Wiesbaden: Harrassowitz 1991. 368 s.
- KAMENÁR, B.: Prostonárodné názvy najobyčajnejších liekov v Starej Pazove. In: Časopis muzeální společnosti slovenské VI. Turčiansky Sv. Martin 1903. s. 6 – 8.
- Krátky slovník slovenského jazyka. 4. vyd. Ved. red. J. Kačala. Bratislava: Veda 2003. 587 s.
- MACHEK, Václav: Etymologický slovník jazyka českého. Fotoreprint 3. vyd. z roku 1971. Praha: Nakladatelství Lidové noviny 1997. 868 s.
- MIŠÍK, Štefan: Dačo z ľudového herbára na Hnilci. In: Časopis muzeální společnosti slovenské VIII. Turčiansky Sv. Martin 1905. s. 90 – 92.
- Nárečová kartotéka dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV.
- Ottův slovník náuční. Díl 22 (Rozkošný – Schloppe). Praha: Vydavatel a nakladatel J. Otto v Praze 1904. 1004 s.
- PALKOVIČ, Konštantín: Z vecného slovníka Slovákov v Maďarsku. In: Jazykovedné štúdie II. Dialektológia. Ved. red. J. Štolc. Bratislava: Vyd. SAV 1957, s. 298 – 352.
- Slovenský národný korpus. Dostupný na <http://korpus.juls.savba.sk/>.
- Slovník cudzích slov. (Preklad Akademického slovníka cizích slov. Praha: Academia 1995). Bratislava: SPN 1997. 992 s.
- Slovník slovenského jazyka. 1. – 6. zv. Hl. red. Š. Peciar. Bratislava: Vyd. SAV 1959 – 1968.
- Slovník slovenských nárečí. 1. – 2. zv. Ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda 1994, 2006.
- Synonymický slovník slovenčiny. Hl. red. M. Pisárčiková. Bratislava: Veda 1995. 998 s.

THURZOVÁ, Ľudmila a kol.: Malý atlas liečivých rastlín. 8. vyd. Martin: Osveta 1984.
464 s.

Internetové zdroje:

www.top-preklady.sk/prekladac_textu.html
www.etymonline.com/index.php?term=rose
eflowers.sk/rosa.htm
www.ruze.szm.com/ruze
www.exoflora.sk

Za pomoc a cenné rady pri identifikácii významov ľudových názvov rastlín a ich priradení k nomenklatúrnym botanickým názvom, resp. rodom rastlín, ďakujem RNDr. Petrovi Barančokovi, CSc., z Ústavu krajnej ekológie SAV.

Ďakujem tiež kolegovi PhDr. Ľuborovi Králikovi, CSc., za usmernenie a pomoc pri riešení historických jazykových a etymologických otázok.



Zapisи хrvatskih organskih govora

Mira Menac-Mihalić

Filozofski fakultet, Odsjek za kroatistiku, Sveučilište u Zagrebu, Zagreb

Anita Celinić

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovje, Zagreb

Aufnahmen kroatischer Mundarten

Die Anfänge der kroatischen Mundartforschung reichen bis ins 17. Jahrhundert zurück. Gleichwohl wurden erst Anfang des 19. Jahrhunderts die ersten mundartlichen Texte veröffentlicht – in den meisten Fällen handelt es sich um Illustrationen von monographischen Mundartbeschreibungen. Bis jetzt fehlt jedoch in der kroatischen Dialektologie eine umfassende Sammlung von Transkriptionen und Tonaufnahmen der verschiedenen kroatischen Mundarten. Eine gute Grundlage für ein solches Werk, das in Vorbereitung ist, bietet der Datenbestand auf Dialektaufnahmen an der Philosophischen Fakultät in Zagreb.

Hrvatska dijalektologija ima dugu tradiciju. Već u drugoj polovici 17. stoljeća pojavio se prvi rad iz hrvatske dijalektologije. Juraj Križanić je 1665. godine u svojoj gramatiki *Gramatično iskazanje ob ruskom jeziku* usporedio čakavske i ruske karakteristike, koje su se razlikovale od štokavskih. Među prvim dijalektološkim radovima jednim od najznačajnijih možemo navesti rade Antuna Mažuranića, koji je 1843., pišući o Vinodolskom zakonu, opisao glavne fonološke i morfološke karakteristike tadašnjega čakavskoga, vinodolskoga govora, a nešto kasnije, 1860. je usporedio čakavsku, štokavsku i rusku akcentuaciju. Nakon njih su slijedile mnoge monografije drugih autora, u kojima se opisuju govor na jednoj ili na nekoliko jezičnih razina, radovi koji sintetski opisuju grupe govora, dijalekt ili cijelo narjeće i radovi koji te sustave uspoređuju. Navest ćemo samo neke od najznačajnijih hrvatskih dijalektologa: Stjepan Ivšić, Mate Hraste, Božidar Finka, Dalibor Brozović, Milan Moguš, Antun Šojat, Petar Šimunović, Vesna Zečević, Iva Lukežić, Mijo Lončarić, Josip Lisac.

Povijest bavljenja dijalektologijom, odnosno filološkog interesa za opis organskih govora, ne slijedi paralelno i povijest zapisivanja tih govora, odnosno objavljanja tekstova na opisivanom govoru koji bi bili ilustracija samih opisa. O razlozima za to moglo bi se raspravljati: od nepostojanja dogovorenoga, uopćenog načina zapisivanja glasovnih specifičnosti organskih govora do, možda, činjenice kako se do određenog doba, npr. u Križanićevo ili Mažuranićevo vrijeme, nevezan, slobodni, svakodnevni govor pripadnika „običnoga puka“ vjerojatno činio sa sadržajne strane previše banalan, a s jezične previše običan kako bi zavrijedio da bude zapisan.

Gledajući iz današnje perspektive, zapisi organskih govora mogu biti u dva medija: pisanim i zvučnom. Vjerniji, autentičniji i, na svoj način, izravan jest, dakako, zvučni, ali on ovisi o tehnicu, stoga je znatno rjeđi¹. Zvučni je zapis reprodukcija

¹ Zvučni zapis može se ostvariti i kao videozapis, dakle kroz audiovizualni medij, ali vizualna je komponenta pritom, u dijalektološkom pogledu, sporedna.

govora samog; organski govor koji je u osnovi zvučni, ne-pisani fenomen ostvaruje se u jednakom takvom – zvučnom – mediju. Drugim riječima, zvučni zapis donosi organski govor kakav on jest, u njegovoj cjelovitosti, konkretnosti, neposredno. Ne-posredno – znači bez posredovanja pisma i njegova zapisivača, bio on dijalektolog ili ne. *Pisani* su zapisi (koristimo taj termin iako je on, u osnovi, pleonastički) mnogo češći i u dijalektologiji uobičajeniji. Oni podrazumijevaju prekodiranje, prebacivanje govora izvornoga govornika u pisani medij, u tekst zapisan određenom grafijom. Kako je u pismu nemoguće prikazati sve karakteristike izgovorenoga, pretvaranjem izgovorenoga u pisano nužno se provodi određeno apstrahiranje pri čemu se neke značajke izgovorenoga gube.

*

Za dijalektologiju temeljni zapisi organskih govorâ, neovisno o mediju, jesu oni koji predstavljaju tzv. ogledi govora². To su zapisi – pisani ili zvučne snimke – nastali s prvenstvenim ciljem da reprezentiraju karakteristike određenoga mjesnog govora. Ako je riječ o pisanim ogledima govora, što je najčešće slučaj, oni podrazumijevaju upotrebu dijalektološke transkripcije i označavanje naglasaka. Obično se nalaze, kraći ili duži, kao ilustracija u člancima ili knjigama s jezičnom analizom ili pak u dijalektološkim magisterijima i doktoratima; gotovo se nikad ne objavljaju kao samostalni tekstovi.

Osim pojedinačnih pisanih zapisa jednoga govora ili nekoliko bliskih s užeg područja, u hrvatskom jeziku zasad postoji tek jedna zbirkâ govora koja pokriva šire jezično područje. To je treći svezak djela *Čakavisch-deutsches Lexicon* (1983) autora Petra Šimunovića i Reinholda Olescha, s podnaslovom *Čakavische Texte*. Bogata je to hrestomatija čakavskoga narječja što tekstovima reprezentira velik broj mjesnih govora s cijelog čakavskog područja, pa i govore izvan granica Hrvatske – u Gradišću, Slovačkoj i Sjevernoj Americi. Tekstove je dijelom zapisao sam P. Šimunović, dijelom je obradio i akcentirao one koje su prikupili drugi, dijelom prenio već objavljene tekstove u neizmijenjenu obliku. Knjiga, uz spomenuto, sadrži i primjere čakavskoga pjesništva te čakavskih povijesnih spomenika. Pored navedenog djela, ogledi govorâ iz različitih hrvatskih dijalekta u svojim knjigama *Štokavsko narječe* i *Čakavsko narječe* donosi i Josip Lisac.

Osim kao ogledi govora, zapisi se organskih govorâ javljaju i u drukčijim oblicima: kao primjeri u dijalekatskim rječnicima³ (onima koji su tako koncipirani da doneze rečenične primjere kao ilustracije natuknice), u nekim od njih i kao anegdote, vicevi, popisi frazema ili slični tekstovi u dodatku, u dijalektološko-frazeološkim rječnicima, zatim kao nedijalektološki tekstovi zapisi na organskom govoru kojima se, na primjer, opisuju običaji ili život određenoga mesta ili se obrađuje kakva druga lokalna tematika. Konačno, rubno, u određenoj se mjeri zapisi organskoga govora mogu smatrati i književnoumjetnički i feltonistički tekstovi, ukoliko je kao jezični medij u njima upotrijebljen mjesni govor, a ne kakav interdijalekt. Zanimljiv-

² Termin „ogled“ upotrijebio je S. Ivšić u radu *Jezik Hrvata kajkavaca* 1936. godine.

³ Osobito je zadnjih desetljeća nastala velika produkcija dijalekatskih rječnika. Najčešće su to rječnici jednoga govora. Među njima mnogo je diferencijalnih prema standardnome hrvatskom jeziku.

vo je da se i prevoditelji odlučuju vrijedna djela svjetske književnosti prevoditi na svoj organski govor⁴. K tomu, postoje i neobjavljena djela – npr. rječnici, etnografska građa ili slično – koja čekaju tiskanje. Mjera u kojoj se svi spomenuti tekstovi koji nisu eksplisitno dijalektološke namjene mogu smatrati zapisima organskih govora ovisi o pristupu njihovih autora – koliko su osvijestili specifičnosti svojega govora i kako te specifičnosti zapisuju. Najosjetljivija je pritom fonološka razina, ona na kojoj se temelje i nadograđuju ostale. Stoga je važno jesu li tekstovi akcentirani, i to ispravno (u rječnicima je tome različito pristupano, a u neleksikografskim tekstovima kvalitetno obilježeni akcenti su rijetki), te služe li se, i u kojoj mjeri, transkripcijom koja vjerno odražava vokalsko-konsonantske specifičnosti govora (ili se podređuju samo književnojezičnoj grafiji).

*

Zapis hrvatskih organskih govora pisani s dijalektološkom namjenom u literaturi se počinju javljati od 19. stoljeća. Zapisani su u različitim oblicima, ali i s različitom preciznošću. Stoga sve što je tiskano kao dijalektološki zapis i ne može uvijek poslužiti za cijelovitu dijalektološku analizu. Ipak, većina takvih tekstova, pa i onih s određenim nesavršenostima, pruža uvid makar u neke jezične razine zapisanoga govora.

U početku dijalektoloških istraživanja nije bilo uobičajeno donositi ogledi govora, osim za neke govore koje su istraživači smatrali posebno zanimljivima, npr. za moliške govore o kojima već u 19. st. ima više zapisa (R. Kovačević, J. Hanusz, J. Smislaka, M. Rešetar). Tek se sa Stjepanom Ivšićem promijenio standard opisivanja – njegovim pristupom postalo je jasno da bi svaki opis govora trebalo ilustrirati dijalektološkim zapisom govora, neovisno o (ne)običnosti samoga govora. Nakon što je sam u svojim radovima primijenio takav princip (npr. o posavskim govorima, Ivšić, 1913), u tome su ga većinom slijedili i ostali dijalektolozi.

U 20. stoljeću broj i opseg, kao i preciznost, ogleda govora sve su veći. Ipak, usprkos brojnosti, dijalektna razvedenost hrvatskoga jezika njima nije ni izdaleka pokrivena; na zamišljenoj hrvatskoj dijalektološkoj karti u tom pogledu mnoga područja i dalje ostaju prazna, kao što je to slučaj i sa samim opisima govora.

Poseban su slučaj ogledi govora koje je donio Stjepan Ivšić u radu *Jezik Hrvata kajkavaca*, djelu koje je sve do danas temelj proučavanja kajkavskoga narječja. Ivšić je, za potrebe ilustriranja upravo jednoga aspekta mjesnih govora – akcentuacije, na temelju koje je izvršio osnovnu podjelu narječja (precizno: pojave metatonije i metatakse), konstruirao kratak tekst (od ukupno tri rečenice) koji će, „preveden“ na istražene mjesne govore, zorno pokazati temeljne akcenatske crte svakoga od njih te među njima omogućiti gotovo savršenu usporedbu. Ivšić tako, uz osnovni tekst pisan najstarijom rekonstruiranom akcentuacijom, donosi petnaest mjesnih varianata toga teksta, odnosno petnaest ogleda govora.

*

⁴ Npr. Zlatan Jakšić – prijevod Jesenjina na bračku čakavštinu, Tomislav Lipljin – prijevod Shakespearea na varaždinsku kajkavštinu.

Svi spomenuti zapisi objavljeni su u pisanim oblicima. To znači da, čak i kad su transkribirani dijalektološki vrlo precizno, njihov čitatelj ne može imati potpunu sliku dočnoga govora jer u pismu ostaju nezabilježene gorovne karakteristike poput načina govora, tempa, izrazitosti artikulacije, pa ni precizne fizionomije naglasaka. Kako je organski govor prvenstveno ne-pisani fenomen, pravu sliku o njemu daje tek njegov zvučni zapis.

Povijest zvučnih zapisa hrvatskih organskih govora, kako se i očekuje – jer ovise o tehnicama, nije ni izdaleka tako bogata kao povijest pisanih zapisa. Ipak, zanimljivo je da seže gotovo u pionirsko doba audiosnimanja – na sam početak 20. stoljeća. Već se tada, čim je to razvoj tehnike omogućio, uvidjela važnost očuvanja organskih govora bilježenjem njihove zvučne slike.

U novije se doba objavljaju digitalizirane povijesne snimke jezične i glazbene baštine pohranjene u Arhivu fonograma Austrijske akademije u Beču (chrv. Beč, t. j. Viedeň, pozn. ed.), a među njima su i snimke hrvatskih organskih govora. Tako je 1999. godine objavljena zbirka *The First Expeditions 1901 to Croatia, Brazil, and the Isle of Lesbos*, a 2009. zbirka *Croatian recordings 1901 – 1936*. U potonjoj su snimke vezane isključivo za hrvatski jezik i hrvatsko područje: to su zapisi hrvatskih govora i napjeva iz zemlje i inozemstva (npr. Istra, Bjelovar, Virje, Dubrovnik; Bosna i Hercegovina; područje Molisea i Gradišće), kao i nekih drugih snimljenih na prostoru hrvatske (npr. istrorumunjskih). Izdanje se sastoji od knjige sa suvremenom interpretacijom zapisa i od četiri kompaktna diska. Na trima su snimke govora i napjeva, izvorno napravljene fonografskom i gramofonskom tehnikom, a na četvrtom su arhivska dokumentacija i suvremeni komentari. Snimke prvenstveno imaju veliko kulturno-povijesno značenje, a i u dijalektološkom su pogledu iznimno vrijedne jer su to jedni od prvih zvučnih zapisa hrvatskih organskih govora i pružaju uvid u stanje snimljenih govora od prije stotinjak godina. Međutim, kako su nastale u samim počecima tehnologije zvučnog zapisivanja, na snimkama postoji izrazit šum koji je, za potrebe njihova objavljivanja na digitalnom mediju (kompaktnom disku), u skladu sa standardima modernog presnimavanja, ponešto reducirana, ali ipak i dalje prisutan. Stoga je, zbog lošije čujnosti, većina snimaka – u obliku u kojem su izdane i bez dodatnog filtriranja zvuka – u dijalektologiji, nažalost, teže upotrebljiva.

Osim njih, hrvatska dijalektologija dosad nema objavljenu zbirku zvučnih zapisima. Doduše, oni se snimaju – neki u specifično dijalektološke svrhe (u znanstvenim institucijama – na fakultetima i institutima), neki u nedijalektološke, često etnološke svrhe, ali koji bi mogli imati i dijalektološku namjenu. U tom smislu bilo bi dobro kad bi fonoteke radija i televizije, i ostalih institucija, bile dostupne dijalektologima istraživačima.

Na Katedri za dijalektologiju i povijest hrvatskoga jezika Filozofskog fakulteta u Zagrebu zapisi se organskih govora, kako pisani, tako i zvučni, prikupljaju posljednjih tridesetak godina. To su ponajviše tekstovi i snimke koje su prikupili studenti u okviru svojih seminarских obaveza ili diplomskih radova, magisterija i doktiorata. Na taj je način stvorena bogata dijalektološka baza podataka. Zvučni su zapisi u prvom dijelu spomenutog razdoblja snimani na audiokazete – analogni medij koji je danas uglavnom izšao iz upotrebe; takvi su zapisi stoga, radi kompatibilnosti, digitalizirani i pohranjeni na kompaktne diskove. Od 90-ih godina 20. stoljeća, ot-

kako je prevladala digitalna tehnika, zvučni su zapisi izvorno snimani u digitalnom obliku. Tako nastala dijalektološka baza sastoje se od zapisâ velikog broja organskih govora iz gotovo svih dijelova Hrvatske i hrvatskih govora u inozemstvu. Osim arealne pokrivenosti, bazu karakterizira i relativna vremenska kompatibilnost, usporedivost. Obuhvaćajući vremenski odsječak od posljednjih tridesetak godina, usprkos ubrzanim mijenjanju organskih govora, može se reći kako snimke nastale u spomenutom razdoblju daju vjernu, sinkronijsku sliku suvremenog stanja hrvatskih govora, uključivši i novije jezične promjene.

Opisana dijalektološka baza nudi dobar temelj za izradu djela koje u hrvatskoj dijalektologiji nedostaje – ozvučene dijalektološke čitanke, u kojoj bi, paralelno u zvučnom i pisanim mediju, bili doneseni primjeri hrvatskih organskih govora. U tu svrhu iz fonoteke, u kojoj se i u dijalektološkom i u tehničkom smislu zvučni zapisi razlikuju (po izvornosti govora, kvaliteti snimljenoga...), izdvojiti će se više desetaka snimaka hrvatskih organskih govora, u skladu s barem dva kriterija: reprezentativnosti snimke i arealne ravnomjernosti. Zapisi će se transkribirati, ispisati hrvatskom dijalektološkom transkripcijom. Planira se da će dio njih biti potpuno akcentiran, a ostali da će biti ili djelomično ili posve bez akcenata (kako bi slušatelj sam mogao odrediti naglaske). Manje poznate riječi (one koje se ne mogu naći u rječnicima standardnoga hrvatskog jezika) bit će objašnjene, i to na dva načina. Prvo objašnjenje navest će se u bilješkama ispod teksta, s oblikom nepoznate riječi kakav dolazi u tekstu. Drugo, sve će se nepoznate riječi sabrati u zaseban rječnik na kraju knjige. To znači da će se u rječniku na jednome mjestu naći riječi iz svih hrvatskih narječja, s indeksom. Dakako, rječnik će biti ograničen leksičkim fondom prisutnim u izabranim zvučnim zapisima. Tako će se moći promotriti arealna raširenost određenih leksema. Među izabranim snimkama bit će, s jedne strane, govorâ koji dosad u dijalektološkoj literaturi nisu obrađivani i, s druge strane, onih o kojima se već pisalo. Kod potonjih će se moći, budući da su sve snimke nastale u relativno novije doba, usporediti suvremeno stanje s onim opisanim u literaturi te utvrditi eventualne novije promjene i razvoj sustava. Svrha čitanke trebala bi biti višestruka. U prvom bi redu bila namijenjena studentima koji u svojem nastavnom programu imaju hrvatsku dijalektologiju (s tom namjerom čitanka će biti opremljena i metodičkim aparatom – pitanjima), ali i slavistima, filozozima, fonetičarima i, osobito, dijalektologima. K tome, kako će u njoj biti i zvučni i pisani zapisi govora, čitanka bi mogla koristiti svima koje u bilo kojem smislu zanima hrvatska jezična raznolikost i onima koji bi na sličan način željeli zabilježiti vlastiti govor, odnosno govor koji poznaju.

Objavljinjem ovakve čitanke javnost bi konačno mogla naći, na jednome mjestu sabrano, i čuti ono o čemu se u literaturi, u obliku pisanih zapisa i dijalektoloških analiza, od početaka hrvatske dijalektologije može čitati: kako je velika i vrijedna raznolikost hrvatskih organskih govora.

*

Od druge polovice 17. stoljeća seže povijest bavljenja hrvatskom dijalektologijom. Zapisivanje samih govora, odnosno objavljinje tekstova na opisivanom govoru koji bi bili ilustracija samih opisa, počelo je skoro dva stoljeća kasnije. Zapisi hr-

vatskih organskih govora pisani s dijalektološkom namjenom u literaturi se počinju javljati od 19. stoljeća. Povijest zvučnih zapisa hrvatskih organskih govora nije ni izdaleka tako bogata kao povijest pisanih zapisa. Ipak, zanimljivo je da seže gotovo u pionirsko doba audiosnimanja – na sam početak 20. stoljeća.

Na Katedri za dijalektologiju i povijest hrvatskoga jezika Filozofskoga fakulteta u Zagrebu zapisi se organskih govora, kako pisani, tako i zvučni, prikupljuju posljednjih tridesetak godina. Tako nastala dijalektološka baza sastoji se od zapisa velikog broja organskih govora iz gotovo svih dijelova Hrvatske i hrvatskih govora u inozemstvu. Osim arealne pokrivenosti, bazu karakterizira i relativna vremenska kompatibilnost. Opisana dijalektološka baza nudi dobar temelj za izradu djela koje u hrvatskoj dijalektologiji nedostaje – ozvučene dijalektološke čitanke. U tu svrhu iz fonoteke će se izdvojiti više desetaka snimaka hrvatskih organskih govora. Zapisi će se transkribirati, ispisati hrvatskom dijalektološkom transkripcijom.

Čitanka je namijenjena studentima, ali i slavistima diljem svijeta, filologima, fonetičarima i, osobito, dijalektologima. Koristit će svima koje zanima hrvatska jezična raznolikost. U njoj će se na jednome mjestu pročitati i čuti ono o čemu se u literaturi od početaka hrvatske dijalektologije može naći: kako je velika i vrijedna raznolikost hrvatskih organskih govora.

Bibliografija

- IVŠIĆ, Stjepan: Današnji posavski govor. In: Rad JAZU, 1913, 196, s. 124 – 254; 1913, 197, s. 9 – 138.
- IVŠIĆ, Stjepan: Jezik Hrvata kajkavaca. In: Ljetopis JAZU, 1936, 48.
- JAKŠIĆ, Zlatan – ŽULJEVIĆ, Đuro: Jesenjin po brāšku i brōšku. Ed. Straža. Drugo dopunjeno izdanje. Zagreb: Biblioteka „Brački libar“ 10, 1998.
- KRIŽANIĆ, Juraj: Gramatično iskazanje ob ruskom jeziku. Moskva: Tobolsk 1665/1859.
- LISAC, Josip: Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govorovi štokavskog narječja i hrvatski govorovi torlačkog narječja. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga 2003.
- LISAC, Josip: Hrvatska dijalektologija 2. Čakavsko narječe. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga 2009.
- MAŽURANIĆ, Antun: Zakon Vinodolski. Kolo 3. 1843, s. 50 – 97.
- MAŽURANIĆ, Antun: O važnosti akcenta hrvatskoga za historiju Slavjanah. Program des k. k. Gymnasium zu Agram am Schlusse des Schuljahres 1860. Zagreb 1860, s. 1 – 7.
- SHAKESPEARE, William: Puno larme a za nišť (prijevod Tomislava Lipljina na varaždinsku kajkavštinu). Hrvatsko narodno kazalište u Varaždinu, redatelj Vladimir Gerić. 1994.
- ŠIMUNOVIĆ, Petar – OLESCH, Reinhold: Čakavisch-deutsches Lexicon. III. Teil. Čakavische Texte. In: Slavistische Forschungen 25/3. Köln – Wien: Böhlau-Verlag 1983. I – XXXVII, s. 1 – 620 + zemljovid.
- SCHÜLLER, Dietrich (gl. ur.): Tondokumente aus dem Phonogrammarchiv der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Gesamtausgabe der Historischen Bestände 1899 – 1950. Series 1: The First Expeditions 1901 to Croatia, Brazil, and the Isle of Lesbos. Beč 1999, (OEAW PHA CD 7).
- SCHÜLLER, Dietrich (gl. ur.): Croatian recordings 1901 – 1936. Beč 2009, (OEAW PHA CD 27).
- MENAC-MIHALIĆ, Mira – CELINIĆ, Anita: Ozvučena hrvatska dijalektološka čitanka (rukopis).

V.

**JAZYKY V KONTAKTOCH
A VZŤAHY V JAZYKU**

Mnogaja i blagaja leta

Juraj Vaňko

Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa, Nitra

„*Mnogaja i blagaja leta*“ („Auf viele und gute Jahre“)

Aus der Erörterung der Bedeutungen des Wortes *blaho/blago* in den einzelnen slawischen Sprachen geht hervor, dass in dem slawischen Norden die Bedeutung ‚Wohl, Glück‘ überwiegt während die Bedeutung des materiellen Wohl/Wohlstandes es sich der Hauptbedeutung anschließt; sie kommt meistens bei den Komposita vor (vgl. slk. *blahobyt*). Demgegenüber in dem slawischen Süden (mit der Ausnahme des Bulgarischen) überwiegt die Bedeutung des materiellen Wohlstandes und die Bedeutung ‚Wohl, Glück‘ besitzt die zweite Stelle, vgl. die Bedeutungen von *blago* im sln.: ‚Waren‘, ‚Textilware/Textilien‘, ‚Reichtum‘. Das hängt wahrscheinlich zusammen mit der unterschiedlichen Entwicklung der ursprünglichen Bedeutung von **bolgo* in den einzelnen slawischen Sprachen (auch unter dem Einfluss der Kontaktssprachen).

V duchu piesne pravoslávnych a gréckokatolíkov „*Mnogaja i blagaja leta*“ (vo východoslovenskej verzii „*Mnohaja i blahaja lita*“) želáme našej dnešnej oslávenkyňi prom. fil. Adriane Ferenčíkovej, CSc., pri príležitosti jej životného jubilea, aby žila veľa rokov v blahu, aby prežila veľa blažených rokov.

Čo však značí želať niekomu blaho? S interpretáciou významu slova *blaho* máme určité skúsenosti pri skúmaní slovensko-slovinskej medzijazykovej homonymie (pozri Vaňko, 2003): význam slova *blaho* v slovenčine („dobro, šťastie“) sa lísi od významu tej istej lexémy (*blago*) v slovinčine („tovar“, „textilné výrobky“ – pozri o tom ďalej), preto slovinskí kolegovia nebudú našej jubilantke želať *blago*, ale „*srečo, zadovoljnosc*“. Pri slove *blaho* a jeho odvodeninách sa načim teda pristaviť z dvoch dôvodov: 1. vzhladom na jeho význam v slovenčine a 2. so zreteľom na významy slova *blaho* (a jeho odvodenín) v niektorých ďalších slovanských jazykoch.

Žiť niekomu blaho značí v súčasnej slovenčine podľa SSSJ (2006), želať mu:

1. to, čo prináša úžitok, osoh, čo je všeobecne prospiešné, užitočné ľuďom; syn. prospech, dobro: všeobecné, verejné b.; kultúrne, duchovné b.; b. štátu, spoločnosti; súhlasiť v mene blaha; bojovať za rodinné b.; zaujímať sa o b. iných; Kamila teoreticky hlásala blaho ľudstva, ale v skutočnosti pracovala na tom, aby vytiahla Martina z jeho ideálnych podmienok sústredeneho úsilia. [H. Dvořáková],
2. aby mal pocit šťastia, spokojnosti, príjemný pocit z niečoho: nebeské, nevýslovné, zaslúžené b.; osobné b.; dať sa unášať blahom; byť na vrchole blaha, mať výraz blaha v tvári; tonúť v blahu; vzdychať od blaha; usmievať sa blahom; Akákoľvek maličkosť, ktorá nevybočovala z každodennosti, roznetila vo mne pocit blaha. [P. Bunčák]; Keď sa mu človek navyše príhovorí, zviera od blaha kňučí, vrtí sa a od toľkej dôvery sa celé trasie. [P. Jaroš].

Príslovka *blaho*² (kniž.) značí pokojne, šťastne, s pocitom spokojnosti: b. si žiť; *Im je s takými ľuďmi blaho, dobre.* [H. Ponická]; *Potom tvár svoju fúzatú pritisol na pachoľa, aby mu bolo blaho.* [J. Smrek]. V starších slovníkoch sa význam slova *blaho* vysvetľuje

je podobne, ale s pozmenenou hierarchiou spomenutých dvoch významov. Podľa KSSJ (1997, s. 66) na 1. mieste je pocit šťastia, spokojnosti a ako druhý je význam „*dobro, prospech*“; „*blahé letá, roky*“ značí/by malo značiť „šťastné roky“ (podľa KSSJ adj. *blahý* ako knižné značí, *oblažujúci, blažený, šťastný*). V Synonymickom slovníku slovenčiny (2000) sa pri slove *blaho* v synonymickom rade vyskytujú slová *dobro, prospech, zisk, úžitok*. V KSSJ sa pri výklade 2. významu slova *blaho* ako synonymné používajú výrazy *dobro* a *prospech*, pričom pri výklade významu *dobro* (s. 117) sa uvádza: 1. „*čo splňa mrvné normy, prospech*, (zvýraznil JV), *blaho* a 2. účt. „*pripísanie k dobrú na stranu „dal“, pren. v nieči prospech, op. na ľarchu*“. V 1. diele SSJ (red. Peciar, 1971, s. 98) sa význam slova *blaho* vysvetľuje podobne, čiže 1. šťastie, blaženosť a 2. prospech, osoh, zdar. Ako vidieť, pri 2. význame – popri výrazoch *prospech, osoh, zdar*, nesúčich viac-menej sémantiku hmotného úžitku (úžitok podľa KSSJ značí „hmotný alebo iný osoh“) – sa v „Peciarovom“ SSJ nevyskytuje ako synonymné slovo *dobro*, ktorého význam sa na s. 277 explikuje: „*čo je užitočné, potrebné ľuďom*“, ale aj „*prospech, blaho ľudí*“. Hmotný význam slova *dobro* je najzreteľnejší pri „trochu zastar“ slove *dobrobyt*, ktorého význam sa v SSJ I na s. 278 vykladá ako „*blahobyt, dobrý život*“ a v KSSJ (na s. 117), kde sa hodnotí ako knižné, „*blahobyt, bohatstvo, hojnosc*“.

Celkovo však možno z výkladov v doterajších troch normatívnych slovníkoch slovenčiny usúdiť, že vo významovom spektre lexémy *blaho* sú v súčasnej slovenčine prítomné dva významy: význam (nemateriálneho) dobra, pocitu šťastia, spokojnosti a význam prospechu, osahu, úžitku, pri ktorom sú prítomné hmotné alebo aj hmotné významové zložky. Prvý význam v SSSJ vhodne ilustrujú exemplifikácie *nebeské, nevýslovne, zaslúžené b.; mať výraz blaha v tvári; tonúť v blahu; vzdychať od blaha; usmievať sa blahom; kultúrne, duchovné b.* a v KSSJ slovné spojenia *usmievať sa blahom, výraz blaha v tvári; v ilustráciách druhého významu („prospech“) b. štátu, spoločnosti, verejné blaho, blaho národa, ľudu alebo v SSJ pracovať pre blaho národa* sa popri všeobecnej séme *dobro* pociťuje aj hmotný význam prospechu, osahu. Ten je najzreteľnejší v zloženom slove *blahobyt* s významom „*dostatok životných potrieb, bohatstvo, hojnosc*“: *hmotný a kultúrny blahobyt obyvateľstva; rast blahobytu, žiť v blahobute*. Pri ostatných zloženinách však prevažuje séma všeobecného dobra, kým význam „*hmotný*“ prospech buď absentuje, alebo je sotva badateľný: *blahodarný (blahodarný liek, blahodarná vlaha), blahoprajný, blahorečiť (vzdávať chválu, vďaku; velebiť, dobrorečiť: blahorečiť osudu, priateľovi), blahosklonný* s významom „*priaznivo naklonený*“, *blahoslavený* s významom „*hodný úcty, oslávenia*“, *blahovôľa, blahosklonnosť, blahoželať* vo význame „*želať dobro, gratulovať*“, *blahý, šťastný*“. Spomenuté významy slova *blaho* potvrdzujú aj doklady v SNK, porov.: *A aby sa žilo dobre, je nevyhnutné blaho politickej slobody dopĺňať blahom materiálnym. Je veľmi ľahké vyžiť len zo slobody.* (SNK: Inzine, 1999); podobne aj slovné spojenia *slintať od blaha, chrochtať od blaha, chvíľkové blaho, starať sa o blaho druhých, starať sa o blaho dieťaťa, chrániť blaho občanov...* Celkovo však v dokladoch Slovenského národného korpusu (ďalej SNK) prevažuje význam nehmotného dobra, spokojnosti.

Historický slovník slovenského jazyka (1991, s. 135) zaznamenáva niekoľko zložení s koreňom *blaho*: *blahoslavený* 1641, *blahoslovenstvo* 1709 vo význame „*bla-*

ženosť^š, *blahoslaviť*, *blahoslavovať* 1769, adj. *blahý* 1752, nie však *simplicium blaho*; vo všetkých prípadoch ide o význam „blažený, oslávený“, resp. „dobrorečiť, velebiť, chváliť“. V Slovníku slovenských nárečí I (1994, s. 129) je zaznamenané sloveso *bláhať sa* z okolia Prešova s významom „prosiť sa niekomu, pokorne žiadať“: *Co še mu budzeš teľo blahac, nasraj mu!* Ďalej sú tam slová *blahoslavenstvo* s významom „blaženosť“ (okolie Revúcej), *blahoslavený* vo význame „blažený, šťastný“ (REV, HLO), resp. s významom „príjemný“ v trnavských nárečiach (Brestovany): *blahoslavená postávka proci robote!* „najpríjemnejšie je nič nerobiť“. V liturgii slovenských veriacich byzantsko-slovenského obradu na východnom Slovensku sú aj spevy *Blaženstvá*, v ktorých je frekventované adjektívum *blažený* vo význame „blahoslavený“ (pozri Žeňuch, 2002, s. 235). Nazdávame sa, že význam lexémy *blaho* možno v súčasnej slovenčine „zastrešíť“ sémou „dobro“ zahŕňajúcou v prvom rade také podsemy ako spokojnosť, pocit šťastia (porov. aj význam slovesa *bláhať si* vo význame „pociťovať spokojnosť, pochvaľovať si: *bláha si, že jej rozumie*“) a na druhom mieste aj význam hmotného dostatku.

K osvetleniu významu lexémy *blaho* a podobných abstraktných slov s dosť všeobecnou, „zahmlenou“, neurčitou sémantikou môže zavše prispieť etymologický pohľad, ako aj porovnanie sémantiky takýchto lexém v jednotlivých slovanských jazykoch. Dnešné podoby i významy slova *blaho* sa v jednotlivých slovanských jazykoch (čes. *blaho*, poľ. *błogo*, *blogość*, adj. *błogi*; rus. *благо*, ukr. *благо*, blrus. *blahata*, adj. *blahi*, adv. *blaha*, vo všetkých južných slovanských jazykoch *blago*, adj. *blag*) vyvíjali ako kontinuantly praslovanského substantivizovaného adjektíva v strednom rode **bolgo*, pričom jeho pôvod je nejasný (pozri Tolkovyj slovar..., 2007, s. 46; Machek, 1971, s. 55; Rejzek, 2001, s. 81). Podľa Machka (tamže) – s odvolaním sa na Havránsku – slovo *blahý*, *blažený* zaviedol do básnickej reči z ruštiny Jungmann; v cirkevnej reči *blahoslaviti*, *blahořečiti* je za lat. *benedicere*; zo stč. *bláhati* je v poľ. *błagać* „úpenlivo prosiť“; z csl. je rus. *blagij* a *blagoj*; F. Kopečný (1981) ho v slovníku všeslovanskej slovnej zásoby ako celoslovanské neuvádza. Prídavné meno **bolgъ* pôvodne značilo „blahý, láskavý, dobrý“. Tento význam sa podľa Snoja (1997, s. 35) ešte zachoval v starej cirkevnej slovančine, no v novšom období vývinu slovanských jazykov lexéma *blago* nadobudla aj význam „blahobyt, bohatstvo“, čiže pôvodne monosémantické slovo sa stávalo postupne polysémantickým. Obidva spomenuté významy, t. j. pôvodný (?) význam „láskavý, dobrý“ aj novší (?) „bohatstvo, blahobyt“, sa v tej alebo onej miere zachovali vo všetkých slovanských jazykoch. Otázne je však, ktorý z týchto dvoch významov je skutočne starší, pôvodný. Z nie celkom presvedčivých výkladov psl. **bolgъ* sa možno podľa našej mienky prikloniť k výkladu Šanského a Bobrovej (2004), podľa ktorého psl. **bolgъ* (podobne ako rus. *boлše*) súvisí so staroindickým *bálam* „sila, moc“, porov. lat. *débilis* „bezmocný“ (so zápornou predponou de-), gr. *belteron* (s príponou -ter-) „lepšie“ atď.; *blago/blaho* doslovne teda značí „značilo, bohatstvo (silného, mocného, čiže nadobudnuté silou)“, d’alší význam „rozkvet, prospech“ a potom „šťastie, blaženosť“ → „dobro, blaho“. Tento výklad podporujú najmä významy slova *blaho* v súčasných južných slovanských jazykoch (pozri o tom ďalej).

Spomenuté dva významy slova *blaho* v slovenčine sa v slovníku českého jazyka (SSJČ I, 1970, s. 129) uvádzajú v poradí: 1. „stav, pocit vyplývajúci z uspokojenia

túžob' a 2. ,dobrý stav hmotných životných podmienok'. V poľštine má slovo *błogo* význam ‚spokojnosť, príjemný pocit' (pozri Słownik języka polskiego <http://sjp.pwn.pl>), v dolnej lužickej srbčine *błožki* značí ‚blažený'. Podobná hierarchia významov slova *blaho* ako v slovenčine a češtine je aj v ruštine (Tolkovyj slovar..., 2007, s. 46): 1. význam lexémy *blago* (pôvodný ruský reflex psl. **bolgo* sa ako adv. *bologo* aj *boloze* vo význame ‚dobre' zachoval v ruských nárečiach) je ‚dobro, šťastie', 2. význam ‚dostatok, to, čo uspokojuje potreby'. Prekladový Veľký rusko-slovenský slovník (1960) pri slove *blago* uvádzá tri významy: 1. ‚dobro', 2. ‚slasti' – *blaga žizni*, ‚slasti života', 3. ‚hodnoty, statky', porov. želanie Vsech *blag!* Spomenuté dva významy slová *blaho* – ‚dobro, šťastie' a ‚dostatok' – sú aj v ukrajincine (pozri www.slovnyk.net).

Pri význame slova *blaho* zaujíma osobitné postavenie medzi slovanskými jazykmi bieluščina ako jediný slovanský jazyk, v ktorom má slovo *blaho* a jeho odvodeniny iba negatívne významy: substantívom *blahatá* sa v blrus. označuje zlo, zlý skutok a zlý človek; podobne adjektívum *blahi* značí: 1. taký, ktorý nemá dobré vlastnosti, nezodpovedá potrebám; 2. zlý v morálnom zmysle (porov. *blahi učynak*, zlý skutok, čin'), 3. chudý, s chorobným výzorom a 4. nepríjemný (pozri Tlumačalny slovnik belaruskaj movy, 1996). Túto slovanskú medzijazykovú homonymiu možno zrejme vysvetliť dvojako: 1. buď odlišným pôvodom bielušských lexém *blaha*, *blahata*, *blahi*, ktoré podobne ako čes. *bláhový* vo význame ‚pochabý, blázivivý', poľ. *blahi*, ‚zlý, škaredý' a rus. *благой*, *блázивый*, *шибнутый* (homonymné s *благой* vo význame ‚dobrý, blažený') významovo súvisia s gréckym *blaks*, gen. *blak-os*, duševne slabý, hlúpy' (Machek, tamže), porov. aj lat. *flaccus*, ‚zvädnutý, slabý', starolitovské *blagnas*, ‚zlý, nehodný' (Vasmer, 1986, s. 171), alebo 2. podľa Vasmera (tamže), opierajúc sa o Haversa, Preobraženského a Zelenina, negatívne významy v uvedených prípadoch mohli vzniknúť v dôsledku opisného tabuového vyjadrovania.

Vývin významov lexémy *blaho* v južných slovanských jazykoch (s výnimkou bulharčiny – pozri o tom nižšie) sa však uberal ináč, preto je tu aj iná hierarchia významov tohto slova. V akademickom slovníku spisovnej slovinčiny (1970, s. 143) sa uvádzajú významy slova *blago* v tomto poradí: 1. ‚výrobok určený na trh, tovar' (porov. zaujímavý doklad *trgovina z belim blagom* značí ‚obchod s bielym mäsom'), 2. textil (vrátane látok zhotovených tkaním, porov. *volneno blago*, ‚vlnená látka', *blago za moške obleke*, ‚látka na pánske obleky'), ako archaický sa hodnotí 3. význam ‚majetok, statky' a 4. v západných slovinských nárečiach slovo *blago* značí ‚hovádzí dobytok, statok' (*pastir zavrača blago iz detelje*, ‚pastier zavracia statok z d'ateliny'). Všetky tieto významy zjednocuje spoločná séma ‚dostatok, hojnosť', resp. ‚to, čo je cenné, hodnotné'. Zreteľné sú tieto významy najmä vo viacerých odvodeninách, napr. slovo *blagajna* značí ‚trezor', ‚pokladnica' a ‚peňažné prostriedky vybrané na určitý ciel'; slová *blaginja*, *blagostanje*, *blagovitost* značia ‚blahobyt, hojnosť'; nárečovou lexémou *blagovníca* sa označuje jediná dcéra, ktorá zdedí celý majetok (Slovar slovenskega... I, 1970, s. 143 – 146). Aj v srb. a chorv. *blago* značí ‚statky, poklad, majetok, bohatstvo', ale aj ‚dobytok'; rovnako ako v slovinčine značí slovo *blagajna*, ‚pokladnica' a *blagajnica* značí ‚pokladníčka' (Standardni rečnik..., 1979, s. 508). Význam ‚dobro', resp. ‚to, čo je príjemné', je prítomný pri adjektíve *blag* a pri viacerých odvodeninách, porov. *blag* značí ‚mierny, jemný; dobrosrdečný, láskavý, vľúd-

ny': *blaga jesen*, *mierna jeseň*', (biti) *blage naravi*, (byť) vľúdny, dobrosrdečný', *blago rečeno*, *jemne povedané*', *blagdan*, *sviatok*', *blagodaran*, *vďačný*, *povďačný*', *blažen*, *blažený*, *šťastný*', ale *blagostanje*, *blahobyt*' (rovnako ako v slovenčine).

V macedónčine (Tolkoven rečník..., 2003, s. 143) je slovo *blago* homonymné: pri hesle *blago*¹ sa touto lexémou označuje sladké, nahusto uvarené ovocie s veľkou dávkou cukru, resp. je to všeobecné pomenovanie pre akékoľvek jedlo z cukru, čiže sladkosti; pri hesle *blago*² sa uvádzajú dva významy: 1. peniaze, zlato, rôzne drahocennosti (napr. *zakopani blaga*, *nebroeni blaga*) a 2. duchovné bohatstvo, hodnota (*kulturno blago*, *leksičko blago na makedonskot jazik*). Prvá časť početných zložení *blago-* má význam „dobrý, príjemný, milý“, napr. *blagodušen*, *dobrodušný*, *dobrácky*; *blagozvučen*, „ubozvučný“ atď. Prídavné meno *blag* má (aj v súvise s homonymnou lexémou *blago*) významy: 1. čo má sladkú chuť (*blag čaj*), 2. dobrý, pokojný (*blag karakter*, *blaga duša*), 3. malú, slabú mieru určitej vlastnosti (*blag kriterium*, *blaga kazna*, „mierny trest“, *blag veter*, *blaga klíma*; *Blag den*, *sviatok*, *Bože blagi!*, *blago mleko*, „čerstvé mlieko“, *blaga rakija*, *rakija* pripravená s cukrom a podávaná na svadbe“.

Na rozdiel od ostatných južnoslovanských jazykov v bulharčine sa podstatným menom *blago* na 1. mieste označuje to, čo je hodnotné, dobré v etickom zmysle; dobro, šťastie. Príklad z klasickej literatúry: *Čoveškijat život e naj-goljamo blago, no ošte po-goljamo blago, neocenimo blago e svobodata na edin narod*. [D. Talev] a 2. význam slova *blago* (obyč. v pl.) je „všetko, čo uspokojuje potreby človeka“ (pozri Rečník..., 1977, s. 618 – 619): *Az iskam da živeja na Dunav. Tamo šte bude sredata na zemjata mi, zaštoto tam se stičat vsičkite blaga*. [El. Muteva]. Príslovka *blágo* aj *blagó* (dial.) značí v bulh. „láskavo, milo, príjemne“: *Tja be strojna i napeta moma, ... s goleni žalni oči, koito gledacha milo i blago*. [Elin Pelin]. Slovo *blago* sa v bulharských nárečiach vyskytuje aj v pozícii predikatívnej stavovej príslovky s nositeľom stavu vyjadreným osobným zámenom v datíve (Rečník..., tamže), porov. príklad: *Blago mu na dušata*. [N. Gerov].

Z výkladu významov slova *blaho* v jednotlivých slovanských jazykoch vyplýva, že na slovanskom severe dominuje význam nehmotné dobro, šťastie a k nim sa ako druhý pridružuje význam materiálneho dostatku, kým na slovanskom juhu (s výnimkou bulharčiny, zrejme aj pod vplyvom ruskej lexičky) prevažuje význam hmotného dostatku a význam nehmotného dobra, pokoja, šťastia je druhý, porov. napr. významy slova *blaho* v sln. „tovar“, „textil“, „bohatstvo“ oproti slk. „dobro, šťastie“. V spomínaných južnoslovanských jazykoch sa teda zachoval pôvodný význam „bohatstvo“ (podľa Šanského – Bobrovej), ktorý sa mohol udržiavať aj pod vplyvom latínčiny (zrejme cez talianske prostredníctvo). Okrem spomínaného *benedicere*, ktoré sa do cirkevnej slovančiny prekladalo ako „blahosláviť, blahorečiť“, v lat. je napr. aj substantívum *beneficium* s významami: 1. „dobrodelenie, výhoda; podpora“, 2. vo feudalizme „majetok alebo úrad prenechaný obyčajne doživotne“, 3. cirk. naturálny alebo peňažný dôchodok, ktorý poberajú najmä cirkevní hodnostári za vykonávanie dajakého cirkevného úradu; cirkevný úrad s dôchodom, 4. cirk. hostina v kláštorech a seminároch na počesť predstaveného (Ivanová-Šalingová – Maníková, 1979, s. 129). Celkovo však možno usudzovať, že význam „dobro“ sa v mnohých (prinajmenšom európskych) jazykoch neobmedzuje iba na nehmotnú, ideálnu sféru ľudského byitia, ale zahŕňa aj oblasť konkrétnych, hmotných hodnôt, porov. subst. *bene*

v taliančine značí ‚blaho, dobro‘, ‚miláčik, milovaná osoba‘, ‚pokoj‘, ‚šťastie‘, ale (v pl.) aj ‚majetok‘; príslovka *bene* popri význame ‚dobre, správne‘ má aj významy ‚veľmi, veľa‘ (Košťál, 1992, s. 112); podobne španielske sloveso *beneficiar* značí 1. činiť dobro, 2. pestovať, řešať, 3. obrábať pôdu, 4. ťažiť nerasty, 5. zušľachťovať, rafinovať, 6. mať úžitok; podobne subst. *beneficio* značí 1. dobročinnosť, 2. zisk, 3. výnos, 4. výhoda; prospech, 5. spracovanie, úprava, 6. obrábanie (pôdy), 7. pestovanie, chov, 8. ťažba, 9. obročie (beneficium),... 12. pl. dávky, poplatky... (Veľký španielsko-český slovník..., s. 313).

Na záver: v duchu spomínaných dvoch významov slova *blaho*, nehmotného i hmotného, želám našej jubilantke do ďalších rokov dvojaké blaho: duchovné i materiálne.

Bibliografia

- BUNGANIČ, Peter: Slovensko-ukrajinský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1985.
- FASMER, Maks: Etimologičeskij slovar russkogo jazyka. Tom I. Moskva: Progress 1986.
- Historický slovník slovenského jazyka I. Bratislava: Veda 1991.
- IVANOVÁ-ŠALINGOVÁ, Mária – MANÍKOVÁ, Zuzana: Slovník cudzích slov. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1979.
- KOPEČNÝ, František: Základní věslovanská slovní zásoba. 2. vyd. Praha: Academia 1981. 484 s.
- KOŠŤÁL, Anton: Talianско-slovenský, slovensko-taliansky slovník. 2. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1992.
- Krátky slovník slovenského jazyka. Ved. red. J. Kačala. Bratislava: Veda 1997. (skratka KSSJ)
- MACHEK, Václav: Etymologický slovník jazyka českého. 3., nezměněné vyd. Praha: Academia 1971.
- Rečnik na bălgarskija ezik. Tom I, A – B. Gl. red. K. Čolakova. Sofia: Izdatelstvo na Bălgarskata akademija na naukite 1977.
- REJZEK, Jiří: Český etymologický slovník. Praha: Leda 2001.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika I. Ljubljana: Izdatelstvo Slovenske akademije znanosti in umetnosti 1970.
- Slovník slovenského jazyka. 1. zv. Ved. red. Š. Peciar. Bratislava: Vyd. slovenskej akadémie vied 1971. (skratka SSJ I)
- Slovník slovenských nárečí. 1. zv. Ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda 1994.
- Slovník súčasného slovenského jazyka, A – G. Hl. red. K. Buzássyová – A. Jarošová. Bratislava: Veda 2006. (skratka SSSJ)
- SNOJ, Marko: Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Državna založba Slovenije 1976.
- Synonymický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda 2004.
- Slownik języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2007. Dostupný z <http://www.sjp.pwn.pl>
- Slovnyk.net – portal ukrajinskoj movy ta kuťtury. Dostupný z <http://www.slovnyk.net>
- Standardni rečnik nemacko-srpskohrvatski, srpskohrvatsko-nemački. Cetinje: Obod 1979.
- ŠANSKIJ, N. M. – BOBROVA, T. A.: Škoľnyj etimologičeskij slovar russkogo jazyka. Proischoždenije slov. Moskva: Drofa 2004. Dostupný z <http://slovare.yandex.ru/dict/shansky>
- Tlumačalny slovnik belaruskaj literaturnaj movy. Minsk: Akademija navuk Belarusi 1996.

Tolkoven rečnik na makedonskiot jazik. Tom I. Skopje: Institut za makedonski jazik „Krs-te Misirkov“ 2003.

Tolkovyj slovar russkogo jazyka. Otv. red. N. J. Švedova. Moskva: Rossijskaja akademija nauk 2007.

VAŇKO, Juraj: Slovaško-slovenska homonimija. Slovar slovaško-slovenskikh medjezikovnih homonimov. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani 2003. 239 s.

Velký španělsko-český slovník I. Zprac. J. Dubský a kol. Praha: Academia 1977.

Velký rusko-slovenský slovník. 1. zv. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1960.

ŽENUCH, Peter: Medzi Východom a Západom. Byzantsko-slovanská tradícia, kultúra a jazyk na východnom Slovensku. Bratislava: Veda 2002. 286 s.

Локалізми у структурі діалектної мови I

Павло Грищенко

Інститут української мови НАН України, Київ

Local elements (localisms) in the structure of a dialect I

The fact that some elements of a dialect with a limited attestation in its continuum remained beyond scholarly interest, could largely have been triggered by the tradition to use dialectal maps and atlases for ascertaining separate dialects only. This tradition stems from first dialectal classifications offered in the late 19th – early 20th cc. As a result of such an interpretation of dialectal atlases, one has been left with deficient data about the structure of a dialect as well as about many elements so important for the history and modern state of a language. Such elements do exist in dialects but remain unknown to the scholars.

The article deals with conjunctions which are scarcely attested in the modern dialects, albeit they have a long history and are found in written records extant from the 16th – 17th cc., namely *by* (*bi*), *hy* (*he*), as if. The author also outlines the distribution of these conjunctions along with their derivatives.

Термін локалізм позначає елемент діалектної мови, який має обмежене поширення; таке визначення видається самозрозумілим і вичерпним, однак не цілком точним. Неточність полягає насамперед у тому, що до локалізмів може бути віднесена мовна одиниця, яку зафіксовано в 1 – 2 пунктах за умови, коли мовний простір обстежено за рідкою мережею, чи в 15 – 20 пунктах під час обстеження за густою мережею. При цьому визначальними є засади формування мережі говорірок та тип питальника. Адже докладний питальник, з високим рівнем „тематичної“ густоти, забезпечує виявлення таких елементів діалектної мови, що залишилися невідомими дослідникам, які використовували спрощений питальник.

На локалізми звернув увагу український діалектолог М. Никончук у спеціальних студіях про лексику середньополіського діалекту; за його термінологією – це *ендемізми*¹, які він визначив як „лінгвеми локального поширення, що не повторюються ні на якому іншому ареалі східнослов'янських мов“². У наведений дефініції обійтися питання просторової поведінки локальних одиниць: невідомо, якою мала бути гранична кількість фіксацій явища у говоріках, якими мали бути ареальні характеристики, що давало б підстави відносити елементи структури діалекту до кола ендемізмів.

Припускаємо, що невизначеність сутності локалізмів як діалектного явища, релятивність висновків з їхнього аналізу – залежність останніх від джерельної бази – зумовили недостатню увагу дослідників до локальних, просторово обмежених одиниць діалектної мови. Водночас домінування у слов'янському мовознавстві низки ідеологем, зокрема, для ареальної лінгвістики – ідеї членування, поділу діалектного континууму на територіально-мовні одиниці різного рангу (говори, наріччя), а для діалектографії – пошуки відмінностей

¹ Никончук, М. В. – Никончук, О. М.: Ендемічна лексика Житомирщини. Житомир 1989. 272 с.

² Id., с. 3.

від літературного ідіому (рідше – від змодельованої наддіалектної матриці), не сприяли створенню корпусу повних описів говірок (чи їхніх сукупностей), у яких належну увагу можна було б приділити локальним одиницям³.

Лінгвістичне картографування, що передбачає оперування зіставним і водночас значним за обсягом діалектним матеріалом, зобов'язує як на етапі передкартографічного аналізу матеріалу, так і на етапі створення карти, оцінювати просторові характеристики кожного елемента, зафікованого як відповідь на питання. Тому проблема локалізмів переходить у практичну площину через необхідність або відтворення їх на картах, або відведення від картографування. При цьому в різних атласах це питання розв'язується по-різному: від обов'язкового представлення на картах усіх зафікованих у говірках одиниць (як у романській школі з її методикою написної презентації матеріалу та у частині слов'янських атласів зі знаковою чи змішаною – поєднанням знакової і написної – системами відтворення картографованих одиниць і явищ) до послідовного усування з карт так званих „одиничних“ елементів (як це прийнято в *Загальнослов'янському лінгвістичному атласі*). Недопущення інформаційних втрат під час створення карт *Загальнослов'янського атласу* забезпечено збереженням усіх одиниць, їхніх структурних елементів, відведені від картографування, у поданих разом з картами вихідних матеріалах. „Очищення“ ареалів від одинично фікованих явищ, „укрупнення“ картографованого об'єкта для досягнення візуальної виразності конфігурації ареалів основних протиставних явищ є проявом згадуваної вище ідеологеми пріоритетності *поділу діалектного континууму* та виявлення ареалів як головної мети, якій підпорядковано створення лінгвокартографічних праць.

Зрозуміло, що презентація локалізмів на картах або збереження їх у матеріалах, коментарях залишається єдино прийнятним шляхом опрацювання інформації у сучасній діалектології, шляхом забезпечення високого евристичного потенціалу атласів. На це слушно звернула увагу Л. Калнінь, оцінюючи 3-ій том *Атласу української мови*: „Четверта частина АУМ-3 є винятково цінною за своєю інформативністю. І не лише тому, що наведено великий корпус українського діалектного матеріалу. Важливо, що тут подано свідчення про багато низькочастотних явищ, які на картах не відтворено, проте які можуть мати суттєве значення для вивчення українських діалектів як компонента слов'янського континууму“⁴.

На особливу евристичну цінність локалізмів у різний час звертали увагу А. Залеський, Л. Калнінь, Г. Клепікова, А. Ковальська, Б. Фалінська, П. Гриценко, М. Никончук та ін. Так, А. Залеський зауважив: „Наявність на Поліссі, в тому числі й Київському, таких дрібних і розрізнених ареалів як інновацій, так і архаїзмів, (...) свідчить якоюсь мірою про мало виявлені порівняно з іншими говорами української мови інтеграційні процеси. Пов'язане це, правдоподібно, з ізольованістю окремих місцевостей на півночі України і Білорусії,

³ Гриценко, П.: Діалектна межа як ідеологема лінгвістичної географії. In: *Słowa jak mosty nad wiekami. Białystok 2003.*

⁴ Калнінь, Л. Э.: О третьем томе „Атласа украинского языка“. In: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001 – 2002. Москва 2004. 422 с.

яка мала місце в недалекому минулому й зумовлювалась значною мірою характером ландшафтних особливостей Полісся⁵. Припущення А. Залеського про зв'язок між насиченістю ареалу локалізмами і особливостями ландшафту, що знижують інтеграцію говірок, підтверджують спостереження над діалектами карпатського ареалу, де гори донедавна суттєво ускладнювали міжговіркову взаємодію. Сьогодні передчасно робити висновки про кількість і характер локалізмів, як і про їхню природу, причини виникнення, оскільки увага дослідників до локальних елементів у структурі говірок, малопоширеніших діалектних явищ залишається недостатньою.

Одним з небагатьох прикладів в українській діалектології уважного ставлення до локалізмів – це спроба М. Никончука спиратися у визначені диференціації середньopolіського говору не тільки на структурно базові мовні одиниці з виразними ареальними характеристики, а й на локалізми, що дало нові й дещо несподівані результати⁶.

Повнота виявлення та уведення до описів говірок локальних одиниць залежить і від гносеологічних зasad: чи матеріал дібрано за питальником до атласу або заданим списком явищ, чи дослідник спирається на тривалі спостереження над говірками, чи використовує вибірки матеріалів з корпусу діалектних текстів. Зауважимо, що в українській та російській діалектологічних школах сьогодні набирає силу напрям не вибіркового (ілюстративного) чи репертуарно заданого добору й опису одиниць і явищ, а суцільного опрацювання значних масивів текстів (з посиленням уваги до ідіолекту, мовної особистості діалектносія, до різноманітних комунікативних ситуацій, взаємодії вербалних та невербалних засобів спілкування). За умови поєднання текстово зорієнтованої фіксації матеріалу із записами за різноманітними програмами можна досягти бажаної докладності у пізнанні структури діалекту, в якому, як переконують спостереження, завжди є чимало локалізмів.

Визначальною рисою локалізмів є обмежений простір їх побутування, незначне поширення у континуумі. Локалізм – це такий елемент структури говірки, який зафіксовано:

а) в одній чи кількох, інколи – у просторово віддалених говірках, які можуть належати до різних діалектних типів; такі елементи, особливо коли їх серед відповідей на те саме питання виявлено чимало, ускладнюють картографування, зневиразнюють ареали основних протиставлюваних явищ; тому такі одиниці на карти здебільшого не переносять, а подають у коментарях і переважно не використовують у синтетичних описах діалекту як його важливу рису;

б) у низці говірок, які можуть утворювати невеликий компактний ареал чи розташовуватися дисперсно; такий мовний елемент може мати статус диференційної системної риси діалекту.

Віднесення до локалізмів не завжди корелює з належністю таких елементів структури діалекту до ядерних чи периферійних, повнозначних чи службових;

⁵ Залеський, А. М.: Говірки Київського Полісся. In: Київське Полісся (Етнолінгвістичне дослідження). Київ 1989. 62 с.

⁶ Никончук, Н. В.: Правобережнополесские говоры в лингвогеографическом освещении. Автореф. дисс. доктора филолог. наук. Житомир 1980, с. 27 – 29.

співвідношення просторових і функціональних характеристик локалізмів може бути різною. Загальна просторова характеристика локалізмів, збільшення чи зменшення їхньої кількості у говірках залежно від типів ареалів залишається недослідженою, хоча спостереження уповажнюють на попередні припущення щодо зростання їх кількості в архаїчних діалектах, у говірках, які структурно віддалені від літературного стандарту, та в говірках ареалів, які є порубіжними з континуумами інших діалектних мов. Назагал ареальна характеристика залишається релятивною ланкою інформації про локалізми (як і про будь-які інші мовні знаки), оскільки завжди є сумніви щодо вичерпності свідчень про їх поширення і можливість удокладнення інформації про їх поширення.

Розглянемо окремі елементи структури українських діалектів, які відмінні від літературного стандарту і виявлені як поодинокі свідчення у розрізнених джерелах інформації; проте такі одиниці нерідко постають в іншому інформаційному вимірі, якщо залучити до аналізу різноманітні джерела.

Так, у сучасних українських діалектах словоформа *би* (*бі*, *бы*) відома найширше у функції підсилувальної частки, а в окремих говірках – зауважена у функції порівняльного сполучника ‚як, ніби, немов‘. Спершу такий сполучник спроявляє враження мовного екзотизму: *х’ітри б’і лис* – західнополіські гов. Сварицевичі Дубровицьк. Волин., *зайець би бафайн* Вичівка Зарічненськ., Собіщиці Володимирецьк. Рівнен., Федори Столинськ., Огово Іванівськ. Брест. (Аркушин I, с. 17); (померлу дівчину одягали) *би моло’дуу* Сваринь Дрогичинськ. Брест. (К., с. 446). Колекцію свідчень цього ряду розширяють фразеологізми (тип *бы кот наплакав*; *бы кура на седалі*), усталені й вільні компаративні сполучки з *бы* ‚як‘ у говірках північної частини українських західно- і середньополіського діалектів в ареалі активної взаємодії з південнобілоруськими говірками Альмані Столинськ.⁷, Смоляниця, Піняни Пружанськ.⁸, Крамно Дрогичинськ., Критишин Іванівськ., Альшани Столинськ. (ДСБ, с. 272 – 273), Спорово Березівськ., Струга Столинськ. Брест. (ЛАБНГ II, к. 20, 21). Концентрацію уживання *bi*, *би* ‚як‘ у сталих порівняльних зворотах, пареміях відзначено у середньополіських говірках, найбільше – Овруцького району Житомирської обл.⁹ (у говірках сусідніх районів – Олевського, Народицького та Коростенського – зафіксовано відчутно меншу кількість випадків уживання усталених компаративних зворотів, словесних формул з *би* ‚як‘): *пуста бі макотра*; *тovстий бі лемех*; *причинненька („гарненька“) би (бі) кветочка*; *страшний би (бі) нетра*; *назоляє би муха*; *скривився би середа на п’ятницю*; *гордий би півень*; *сліпий би курка*; *глухий би пень*; *слизький би вуж*; *тупий би валянок*; *зробив би кіт наплакав*; *жонка би злива*; *сидить би ворона на сливах*; *швидкий би вогонь*; *сухий би*

⁷ Барысюк, У. У. – Буян, Н. М.: З фразеології вёскі Альманы Столінскага раёна. In: Скарбы народнай мовы. Мінск 2005, с. 12 – 14 (наведено 23 фразеологізми з *бы* – ‚як‘).

⁸ Босак, А. А.: Народны фразеалагічны слоўнік верхняясельдской гаворкі. In: Скарбы народнай мовы. Мінск 2005, с. 29 – 31.

⁹ Г. М. Доброльожа подала матеріали у наближеному до літературного записі; локалізацію обмежено вказівкою району без удокладнення до окремого населеного пункту; на підставі додаткової інформації Авторки (за що складаємо вдячність) визначено населені пункти, у яких поширеній сполучник *bi/bi*: це села Бігунь, Велідники, Гладковичі, Ігнатпіль, Левковичі, Листвин, Потаповичі, Черевки Овруцьк. р-ну Житомир. обл.; у цьому ж ареалі П. С. Лисенко зафіксував *bi*, *ніби*, *як‘* у сс. Лучанки, Словечне Овруцького р-ну (СПГ, с. 32).

очерет; товчеться **би** Марко по пеклу та ін. (Д., с. 10, 16 27, 35, 40, 55, 56, 57, 62, 67, 69, 99, 103, 149 та ін.)¹⁰.

В окресленому ареалі – від підляських (Польща) через берестейські до середньopolіських говірок – використання сполучника **би** засвідчує ситуації, коли значення порівняння виявлене менш виразно, перебуває в русі між „як“ і „ніби“ з різним наближенням до одного чи до другого значення: *nádaiēš, b' i máx'īn' (máx'īn' ,дерево, вирване бурею з коренем‘) – средньopolіська говірка Черевки Овруцьк. Житомир. (МЛАУМ, с. 94), 'тайа кап'л'їца вже б'ла поп'росту та'кайа **би** за'вал'ана – підляська говірка Мошено-Крулевська, пов. Сем'ятичі, Польща (Голоси, с. 118). Зі значенням „ніби“ зафіксовано в окремій східнополіській говірці Сезьки Ічнянськ. Чернігів. (СПГ, с. 32), яка на тлі значного поширення **bi** „ніби, як“ у середньopolіських і берестейських говірках є периферією ареалу. Зі значеннями „немов, ніби, неначе, буцім“, які частково накладаються на „як“, **би**, **б'ї** зафіксовано насамперед у поліських говірках, лише в окремих випадках – у південно-західних¹¹: **б'ї** – Річиця, Семигостичі Столинськ. Брест., Словечне Овруцьк. Житомир., Нечипорівка Наровлянськ. Гомель.; **би** – Жичин Березівськ., Соколівка Пінськ., Симоновичі Дрогичинськ., Верхолісся Кобринськ. Брест., Дубчиці, Кутин, Острівськ., Борове Заріченськ. Рівнен., Кам'янівка, Гладковичі, Норинськ Овруцьк. Житомир., Банилів Вижницьк. Чернів. (АУМ III, ч. 4, с. 183).*

Давність сполучника **би** „як, мов, немов, наче, неначе, ніби“ у функції засобу приєднання порівняльних сегментів у реченні засвідчують писемні пам'ятки з виразною західною локалізацією (Львів, поч. XVII ст.; Львів, 1630; Вільно, 1627) (СУМ XVI – XVII 3, с. 106); у такій функції сполучник **би** дослідники раніше не зауважували, натомість фіксували функціонування „ізольованого **би** як сполучника мети“, що відбито пам'ятками XVI – XVII ст. з території південно-західного і північного наріч¹². У сучасних буковинських говірках сполучник **би** відомий як засіб приєднання підрядних речень мети, додаткових, зрідка – підметових¹³, як засіб передачі умовності¹⁴, а в бойківських говірках – як засіб приєднання підрядних речень додаткових, означальних, мети, умовності¹⁵.

Отже, сполучник **би** у сучасних українських говірках виконує різні функції; така поліфункціональність має давні посвідчення у писемних пам'ятках, що актуалізує проблему пояснення етапів і напрямів функціональних перетворень сполучника **би**, які виявлено у говірках і давніх текстах, зокрема, якщо

¹⁰ Серед 7681 стійкого порівняння, наведеного у (Д.), сполучник **би**, зрідка **бі**, засвідчено у 29 порівняльних конструкціях.

¹¹ За виявленими матеріалами **бі/би** має виразну північну локалізацію на тлі поодиноких фіксацій у південно-західному ареалі, що коригує висловлену раніше думку про те, що „діалектний сполучник **би** ... вживався в окремих південно-західних говорах. У староукраїнських пам'ятках він міг виступати і на інших територіях“ (Історія української мови. Морфологія. Київ 1978, с. 460, прим. 14). Зауважимо, що останньої тези автори не підтверджують покликаннями на пам'ятки.

¹² Історія української мови. Синтаксис. Київ 1983, с. 430 – 431.

¹³ Герман, К. Ф.: Особливості складного речення в буковинських говірках. In: Праці XII республіканської діалектологічної наради. Київ 1971. 277 с.

¹⁴ Жилко, Ф. Т.: Нариси з діалектології української мови. Київ 1965. 128 с.; див. також: Сбуць, с. 30.

¹⁵ Пура, Я. О.: Сполучники в говірках південно-західної Львівщини. In: Праці X республіканської діалектологічної наради. Київ 1961. 194 с.

прийняти поширену думку, що форма аориста діеслова *быти* була для цього сполучника вихідною¹⁶.

Опосередковано на давність *би* ‚як‘ в окремих ареалах українського континуума вказує наявність багатьох вторинних сполучників з компонентом *би* зі збереженням похідними тієї ж семантики:

– *так + би: а'д'єл'i так би малодуху* ‚одягли як наречену‘ Ровбицьк Пружан. Брест. (К., с. 445); *заспаний та* [< *так*] *би кот* Потаповичі Овруцьк. Житомир. (Д., с. 124); див. також: *так'бі* Валавська Рудня Єльськ. Гомель., *'табі* Лучанка Овруцьк. Житомир. (АУМ III, ч. 4, с. 183);

– *да + би: даби* малодуху ‚як наречену‘ Симоновичі Дрогичинськ. Брест. (К., с. 446);

– *так یак 'би* – незважаючи на складну будову, похідний сполучник у матеріалах АУМ виявлено у 17 пунктах з тенденцією до компактного розташування у західнополіських і західноволинських говірках та як одиничні фіксації – у лемківській, закарпатській та гуцульській говірках (АУМ III, ч. 4, с. 183); загалом географія виразно вказує на зв’язок з польським континуумом, як і географія деривата *йакби* ‚як, ніби‘, поширеного у підляських (‘*tak'e 'iągby v d'verach; i ta'k'e s'i'd'iç 'iągby ščir v zem'lanc'i* – Сітно Біла Підляська (CzW, с. 47 – 48)), холмських, надсянських, лемківських, закарпатських, наддністрянських, покутських говірках (АУМ III, ч. 4, с. 183);

– *бі + наче, начебто: б'їначе* Копачі, Опачичі Чернобильськ. Київ., *bi' начебто* Бобер Поліськ. Київ. (АУМ III, ч. 4, с. 183); препозитивне розташування *бі* у дериватах на противагу типовому постпозитивному розташуванню, що характерне для підсилюальної частки *би* (< діеслівна форма *быти*), дозволяє припустити значне функціональне віддалення сполучника *бі* від діеслова і частки, що актуалізує питання генези сполучника;

– *ги + би: ги би, гиби* і фонетичні варіанти (див. далі). Зауважимо, що сполучники *йак, наче, ги* є еквівалентами до *би* ‚як‘, що функціонують як самодостатні у багатьох говірках; похідні *йакби, ги би, гиби, б'ї'наче* і подібні є контамінацією двох сполучників; творення так званих подвійних (складених) сполучників широко знане на різних етапах історії української мови¹⁷. Виникнення наведених дериватів – результат співіснування у тих самих говірках упродовж тривалого часу обох базових сполучників, з яких утворився новий складний сполучник. Сучасна географія похідних сполучників дозволяє гіпотетично реконструювати ареали базових сполучників, підкреслимо – гіпотетично, оскільки між ареалами вихідних одиниць і похідними утвореннями відсутня жорстка кореляція¹⁸.

Географія *би* ‚як, ніби, наче, немов‘ виразно вказує на поліське ареальне ядро, насамперед середньополіські і західнополіські говірки з концентрацією

¹⁶ Історія української мови. Синтаксис, с. 426.

¹⁷ Історія української мови. Синтаксис, с. 430 – 431.

¹⁸ Спроба Й. О. Дзендерівського реконструювати ареал лексеми на підставі поширення фразеологізму з цією лексемою викликає застереження, оскільки не передбачає ситуації, що фразеологізм порівняно з його компонентами може мати інші просторові характеристики, зумовлені специфікою самого мовного знака (Дзендеревский, И. А.: Фразеология как материал для реконструкции (палеонтологии) утраченных лексем и их ареалов. In: Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-кор. АН ССР Р. И. Аванесова. Москва 1972).

у північній частині, де цей сполучник широко функціонує як самодостатня одиниця, та у складі похідних утворень. Для з'ясування генези цього сполучника важливим є той факт, що у польських говірках також зафіксовано *by* „як, jakby” у порівняннях: *cervony by kaštun; tak samo kšyču by gyś* та ін., причому локалізовані ці одиниці у східній частині польського континууму, у зоні польсько-української взаємодії (SGP III, с. 169 – 170).

Зрідка *bi* „як” зафіксовано у словацьких діалектах, зокрема, у західнословашьких говірках як самодостатній сполучник – *smeje sa bi špirko Veľké Rovné*, okr. Bytča¹⁹ та у складі деривата, що постав шляхом лексикалізації сполучення *bi + mak > bimak* „як мак” [= „дуже малий”, „чогось дуже мало”] – *na oľvrant som zedla len bimaček* („шматочок”) *suchého chleba* (SSN I, с. 120); у східнословашьких говірках не виявлено таких мовних одиниць, які дозволили б розглядати західнословашькі *bi* (та *bimak*) у зв’язку з відповідниками в українських і польських діалектах. При нагідно зазначимо, що словацьке *bimaček* має надійні відповідники за моделлю мотивації (ізомотивема): „малий, дрібний, незначний”, „чого-небудь дуже мало” ↔ „мак”: у закарпатських говірках – *дробное, ги мак; малое, чернявое, ги мак*²⁰, у західнополіських говірках зони українсько-білоруської взаємодії – *бі маком ідэ дошч імла* (ЛАБНГ II, к. 20); це дає підстави розглядати наведені західнословашькі, закарпатські і поліські свідчення в одному типологічному контексті.

Важливими є свідчення про функціонування порівняльного сполучника *бы* (і похідного *быв*) у північноросійських (олонецьких) говірках²¹, зокрема, й у фольклорних (билинних) текстах: *молодцы бы на конях бы свечи де горят;* (...) *неделька за неделькою бы трава растет* (СРНГ III, с. 335). Нагадаємо, що північноросійські говірки зберігають у своїй структурі чимало таких рис, які пов’язують їх з поліськими, іноді – з поліськими і карпатськими говірками²²; ізоглоси, що об’єднують дистантні ареали, часто хронологічно марковані – корелюють з давністю аналізованих явищ, хоча спільні для віддалених діалектних зон елементи, явища можуть поставати незалежно у кожному з ареалів і бути відносно „молодими“.

З огляду на функціональне розгалуження *би* (*bi, бы*) (сполучники різноманітного призначення, частки), дериваційну активність та поширення у віддалених ареалах історія цієї словоформи не видається остаточно з’ясованою, а положення про форму аориста діеслова *быти* як вихідну для сполучника

¹⁹ Ferenčíková, A.: Spracovanie syntaxe slovenských nárečí metodami jazykového zemepisu. In: Jazykovedné štúdie XXVI. História, súčasný stav a perspektívy dialektologického bádania. Ed. G. Múcsková. Bratislava: Veda 2009, s. 32 – 39.

²⁰ Недзельський, Є.: З уст народу. Прислів’я, приказки, заклинання, примовки, загадки и приповідки Закарпаття. Пряшів 1955, с. 96, 280.

²¹ Подане В. І. Далем (Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. С.-Петербург – Москва 1903. 362 с.) *хмарно, бы к дождю* „как бы, будто, ровно, словно” з поміткою *юж.(ноe)* і *зап.* (адноe) без докладнішої локалізації могло стосуватися українського і білоруського ареалів.

²² Толстой, Н. И.: О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии. In: Ареальные исследования в языкоznании и этнографии. Ленинград 1977; Гриценко, П. Ю.: З украинско-північноросійських лексичних паралелей I. In: Л. А. Булаховский и современное языкоzнание. Киев 1987; він же: Из украинско-севернорусских лексических параллелей II. In: Севернорусские говоры. Вып. 5. Ленинград 1989.

би – безальтернативним. Усе це актуалізує пошуки пояснень, вмотивування функціональних і семантичних перетворень словоформи **би**.

Інший сполучник – **ги** (*gi*, *ge*) ,як, ніби‘ – так само має складну географію та непрозору історію виникнення й розвитку. У поліських говірках, де широко функціонує **бі**, у джерелах зрідка зафіковано уживання окремо **ги** чи у поєднанні з **би** (про **гіби** див. далі): *ге до вен'ца моло'дайа* Синин Пінськ. Брест (К., с. 446); у напрямку з півночі на південний захід зростає кількість говірок, у яких функціонує цей сполучник, творячи окремі мікроареали, зокрема: у говірках бойківських: *віб'їгло, г'ї свин'ї* Сілець Львів., *выгл'адат, ги вбук* Топільниця Львів.²³, котрий *газда гі добрий* (Гнатюк, с. 3), зі значеннями ‚як‘, ‚мов, неначе‘ див.: (Онишкевич I, с. 170); у наддністрянських: *х'лопец ги дзи'тарок* Ходовичі Стрийськ. Львів. (Шило, с. 91); у гуцульських: *с'тарша [дівка] бу'ла так г'ї не* 'файна Солуців Долинськ. Ів.-Франківськ. (Глібчук, с. 166); *'фаїна г'ї 'руж'ї; розд'їв'ленці г'ї со'рока; страш'нці г'ї чорт* Великий Струтин Рожнятівськ. Ів.-Франківськ., *ста'риці г'ї с'в'їт, г'ї пен'*; *зата'йеус'ї г'ї миши п'їд* 'вініком Голин Косівськ. Ів.-Франківськ.; у закарпатських цей сполучник широко представлений насамперед у складі фразеологізмів, порівняльних конструкцій: *гі чорного за нухт'ом* ,(так мало) як чорного під нігтем‘ (КДА, к. 202, комен. на с. 247 – 248), *'вишчий г'ї 'нен'о* (АУМ II, к. 261), *такий ги ни вони, ни в хіжки; піги лéкше бýти, гі кой робýти* (Лавер, к. 101, 136), *студéнтий гі лед; так скáши, ги білпíц'а; такіс' ми родичі, ги стрýй бáбі ў́жко* (ДЛАЗ, к. 126, 272, 336)²⁴. Зауважимо, що в закарпатських говірках сполучник **ги**, **гі** ‚як‘ поширений і як засіб приєднання підрядних речень порівняльних та способу дії²⁵, рідше – означальних²⁶.

У говірках, де співіснували **би** й **ги**, утворилися контаміновані похідні сполучники цього ж функціонального поля; зрідка – у поліських говірках: *такому, гэбы ты, тяжко на світы прожыты* Ковнятин Пінськ. Брест.²⁷, *до вин'chan':а, ге би моло'дуу* (Ковнятин Пінськ. Брест.; таку ж форму сполучника зафіковано у сс. Оброве Іванцевицьк., Камінь Пінськ., Глинка Столинськ., Синкевичі Лунинецьк. Брест. – записи матеріалу в усіх цих пунктах фіксують момент перед лексикалізацією двох сполучників) (К., с. 446); **гéби** Мотоль Іванівськ. Брест. (Аркушин I, с. 87); у південно-західних діалектах кількість говірок з **гіби**, **гіби** збільшується, зокрема, у бойківських, наддністрянських, гуцульських, покутських з високою частотою прояву у закарпатських говірках, див.: (АУМ III, ч. 4, с. 183; St., с. 132; ДЛАЗ, к. 189; Лавер, к. 15, 39, 66, 97, 100, 103)²⁸.

²³ Пура, Я. О., цит. праця, с. 195.

²⁴ Інформацію про поширення у закарпатських говірках сполучника **ги** і похідних див. також: Німчук, В. В.: Словотвір сполучників у верхньонадборжавських говірках. In: Діалектологічний бюллетень. Вип. 9. Київ 1962, с. 78 – 80; Лизанець, П. М.: Українські південнокарпатські говірки Затисся Виноградівського району Закарпатської області. Ужгород 2008. 263 с.; Недзельський, Е., цит. праця.

²⁵ Німчук, В. В., цит. праця, с. 78.

²⁶ Німчук, В. В., цит. праця, с. 77.

²⁷ Шаплялевіч, В. В.: З лексікі вёскі Каўняцін Пінскага раёна. In: Жывое народнае слова. Мінск 1992. 132 с.; Саланевіч, В. А.: З лексікі вёскі Чухава Пінскага раёна. In: Скарбы народнай мовы. Мінск 2005. 137 с.

²⁸ Лизанець, П. М., цит. праця, с. 263.

Питання генези *ги*, *гibi* ускладнюється тим, що поряд з *гibi*, інколи у тих самих говірках, функціонують: *гей*, *гий*, як, ніби', зокрема, у говірках бойківських (убирáйс'ї фáйно, *гей* та *пáва*²⁹), наддністянських, покутських, буковинських, частіше – у закарпатських (АУМ III, ч. 4, с. 183; Онишкевич I, с. 165; Сбук., с. 71; Герман, к. 173; Лавер, к. 12; ДЛАЗ, к. 22, 242, 243, 419); *гийби*, *гейби* ([АУМ III, ч. 4, с. 183; Шило, с. 90].

Співіснування у діалектній системі функціонально тотожних альтернативних елементів може зберігати важливу інформацію про умови і напрями трансформації локалізмів; нерідко в одній говірці побутує кілька просторово обмежених діалектних явищ: 'д'ї́ука 'фáйна, *г'i* 'пáва, *г'i* 'калина; 'чорний, 'таг'i 'циган Ісааків Тлумацьк. Івано-Франківськ.; 'б'ідний *йак* 'цер'коуна миши; не так ста'рий, *a* дур'ний; довго' ногий *гейби* 'бус'ко; 'лисий *гей* 'бубе"н Долина Ів.-Франківськ. Розширення кола функціонально тотожних засобів, які включають і локалізми, знижує частотність використання останніх і впливає на звуження ареалу їхнього поширення.

Сучасна географія сполучників *би* і *ги* (і похідних) виразно засвідчує різний ступінь їх збереження у говірках, що дає підстави уважати одні групи говірок ядром ареалу, звідки явище могло поширюватися (чи до якого звузився колись ширший ареал), інші – периферією.

Для *би*, як, ніби' чітко окреслюється ланцюжок невеликих компактних груп говірок у північній смузі західнополіського і середньополіського діалектів, у яких засвідчено послідовне системне уживання цього сполучника, що робить його ареальним маркером для цих говірок; інші українські говірки, в яких відзначено менш послідовне чи спорадичне функціонування *би*, як, ніби', творять периферію несуцільного ареалу поширення цього сполучника.

Для *ги*, як, ніби' виразним центром з високим насиченням щодо уживання (та структурною різноманітністю дериватів) є закарпатський діалект, насамперед, говірки його центральної частини; менш насиченим і дещо зневиразненим є ареал бойківсько-наддністянський – субцентр на тлі закарпатського ядра ареалу; інші говірки утворюють периферію. Зауважимо, що чимало усталених порівняльних конструкцій, фразеологізмів, моделей синтаксичного зв'язку з *ги* не виходять за межі закарпатського ареалу; тому для закарпатського діалекту сполучник *ги* є важливою диференційною ознакою-маркером.

Локалізми мають різну природу, і в цій різності полягає їхня особлива евристична цінність. Частина з них, припускаємо, сягає давніших епох. Сьогодні майже неможливо з'ясувати точну просторову характеристику локалізмів у минулому, можемо лише гіпотетично окреслювати напрями динаміки ареалів, найчастіше – їх звуження внаслідок поширення у континуумі альтернативних одиниць з тим самим колом значень і функцій, особливо за підтримки окремих з них літературним стандартом. Для окремих локалізмів вдається реконструювати ареали функціонування на попередніх етапах їхньої історії, взявши до уваги ареальні характеристики похідних утворень.

²⁹ Пура, Я. О., цит. праця, с. 196.

Таким чином, системне дослідження локалізмів – встановлення репертуару, реконструювання ареалів поширення у минулому та окреслення сучасних ареалів, з'ясування особливостей функціонування з урахуванням взаємодії з альтернативними елементами – відкриває перспективи докладного вивчення діалектного континууму, його просторової варіативності і динаміки в часі.

Bibliografia

- Аркушин – АРКУШИН, Г. Л.: Словник західнополіських говірок. Том 1 – 2. Луцьк 2000.
- АУМ – Атлас української мови. Том 1 – 3. Київ 1984 – 2001.
- Герман – Атлас українських говірок Північної Буковини. Том 2. Словозміна. Службові слова. Чернівці 1998. 215 с.
- Глібчук – Українські говірки південно-західного наріччя. Тексти. Упор. Н. М. Глібчук. Львів 2005. 237 с.
- Гнатюк – ГНАТЮК, В.: Бойківське весілля в Мішанці (старосамбірського повіта). Матеріали до українсько-руської етнольгії. Том X. Львів 1908, с. 1 – 29.
- Голоси – АРКУШИН, Г. Л.: Голоси з Підляшшя (Тексти). Луцьк 2007. 533 с.
- Д. – ДОБРОЛЬОЖА, Г. М.: Красне слово – як золотий ключ. Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій. Житомир 2003. 159 с.
- ДЛАЗ – ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. О.: Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. Том 1 – 3. Ужгород 1958 – 1993.
- ДСБ – Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск 1989. 293 с.
- К. – КОНОБРОДСЬКА, В. Л.: Номінація поліського поховального обряду. I. Український діалектологічний збірник. Кн. 3. Київ 1997, с. 428 – 457.
- КДА – БЕРНШТЕЙН, С. Б. – ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, В. М. – КЛЕПИКОВА, Г. П. – ПОПОВА, Т. В. – УСАЧЕВА, В. В.: Карпатский диалектологический атлас. Ч. 1 – 2. Москва 1967.
- ЛАБНГ – Лексічний атлас беларуських народних гаворак. Том 1 – 5. Мінск 1993 – 1998.
- Лавер – ЛАВЕР, В. И.: Атлас фраземики українських діалектів карпатського регіона (Приложение к дисс. д-ра філолог. наук). Том 1 – 2. Ужгород 1991.
- МЛАУМ – НИКОНЧУК, М. В.: Матеріали до Лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ 1979. 314 с.
- Онишкевич – ОНИШКЕВИЧ, М. Й.: Словник бойківських говірок. Ч. 1 – 2. Київ 1984.
- Сбук. – Словник буковинських говірок. За ред. Н. В. Гуйванюк – К. М. Лук'янюка. Чернівці 2005. 688 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Том 1 – . Москва – Ленинград 1965 – .
- СПГ – ЛИСЕНКО, П. С.: Словник поліських говорів. Київ 1974. 260 с.
- СУМ XVI – XVII – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Гол. Ред. Д. Г. Гринчишин. Вип. I – . Львів 1994 – .
- Шило – ШИЛО, Г. Ф.: Наддністрянський регіональний словник. Львів 2008. 287 с.
- SGP – Słownik gwar polskich. Tom 1 – . Wrocław – Warszawa etc. 1977 – .
- SSN – Slovník slovenských nárečí. Tom 1 – . Bratislava 1994 – .
- St. – Studia nad dialektologią ukraińską i polską: Z materiałów Katedry języków russkich UJ. Oprac do druku M. Karaś. Kraków – Warszawa 1975.
- CzW – CZYŻEWSKI, F. – WARCHOŁ, S.: Polskie i ukraińskie teksty gwarowe ze wschodniej Lubelszczyzny. Lublin 1998. 496 с.

Imperatívne vety z hľadiska členitosti jadra vety

Ján Kačala

Filozofická fakulta Univerzity sv. Cyrila a Metoda, Trnava

Imperative sentences from the point of view of a sentence core structure

Sentences with an imperative form of predicate part are from the point of view of the grammatical and semantic sentence core supposed to be questionable sometimes. Because in these sentences a special designation of grammatical and semantic subject of the sentence is not usually used, some linguists classify them as one-member sentences. On the other hand there are scientists that classify them as two-member sentences. Such a contradictory viewpoints in the syntactic theory is a consequence of the fact that, up today, sentences with an imperative form of predicate part have not been analysed comprehensively from all aspects that really as well as potentially characterize the part of sentence as a grammatical and semantic item of the sentence, or as a part of the grammatical and semantic sentence structure.

Just in the comprehensive sight on this question the phenomena of the paradigmatic level of the system as well as syntagmatic level of the language system distinctly come to the fore.

Both groups of the phenomena are, in the analysis of the structure of sentences with an imperative form of predicate part, in mutual symbiosis and coincidence: because both groups of phenomena unambiguously prove that sentences with an imperative form of predicate part are two-member sentences and the subject of the two-member sentence is necessary part of their grammatical and semantic structure.

Ked' Jozef Ružička roku 1958 na jazykovednej konferencii hovoril o sporných otázkach slovenskej skladby, v osobitnej časti svojej štúdie (uverejnenej v Jazykovedných štúdiach IV roku 1959) sa venoval takzvaným sporným prípadom z hľadiska dvojčlennosti, prípadne jednočlennosti vety a medzi nimi preberá aj vety s tvarom rozkazovacieho spôsobu v pozícii prísudku dvojčennej vety (porovnaj najmä s. 29 – 32). Označenie príslušných viet ako sporných mu vyplynulo nie z ich spornej či nejednoznačnej jazykovej (gramatickej a sémantickej) podstaty a výstavby, lež z toho, že ich z hľadiska členitosti jadra vety nejednoznačne hodnotila vtedajšia slovenská odborná jazykovedná literatúra. Konkrétnie povedzme vety s tvarom rozkazovacieho spôsobu v pozícii prísudku niektorí jazykovedci hodnotili ako jednočlenné, a to napriek tomu, že ako príklady na ne uvádzali vety s osobnými slovesami v osobných tvaroch v pozícii prísudku. Takto postupoval aj Ján Michál vo svojom súbore šiestich článkov venovaných otázkam skladby, ktoré pod názvom *Zo slovenskej skladby* uverejnili v 6. a 7. ročníku (1937/38 a 1938/39) časopisu *Slovenská reč*. V jednom z týchto pokračovaní (v roku 1937/38) tu na s. 284 píše, že verbálne jednočlenné vety „sú zhruba trojakého druhu: 1. imperatívy ako: Čuš! Čušte! Vitaj! Vitajte! Hybj!, 2. verbálne bezpodmetné, ktorými vyslovujeme prírodné zjavy, napr.: Prší. Blýska sa. Hrmí. 3. staré jednočlenné slovesné vety, ktorých vettá funkcia dnes je už skoro len adverbiálna“ a ako príklady autor uvádza výrazy *vraj*, *veru*, *vari* v týchto vetách ako: *Vraj do služby ju vzali. – Vari svadbu robíte?*

Mihálova predstava slovesných jednočlenných vety napriek tomu, že autor sa odvoláva na klasických jazykovedcov 19. storočia aj na daktorých súčasných (t. j. vtedajších) jazykovedcov, v plnom rozsahu ukazuje vtedajšiu nerozvinutosť teoretického bádania v okruhu slovenskej skladby, nejestvovanie plnohodnotnej a kontinuitnej vedeckovýskumnej tradície u nás v tejto oblasti a nesie výrazné znaky neujasnenosti jednotného teoretického prístupu k základným otázkam skladby súčasného jazyka. Aj uvedené príklady na jednotlivé druhy „slovesných jednočlenných vety“ ukazujú, že okrem nevhodnej analýzy jazykových javov sa tu do výkladu a hodnotenia jazykových faktov vnáša neorganické historizujúce hľadisko, v ktorom sa miešajú skutočné živé slovesné tvary s citoslovami vzniknutými z pôvodných slovesných tvarov a ako „staré jednočlenné vety“ sa hodnotia častice, ktoré tiež iba majú svoj pôvod v niekdajších slovesných tvaroch, ale súčasnému bežnému používateľovi spisovnej slovenčiny slovesný ráz ničím nepripomínajú a ničím nesignalizujú ani vlastnosti slovesnej jednočennej vety.

V nových časoch Ľudovít Novák vety založené na imperatíve v pozícii základného vtného člena typu *Pomôž!* takisto zaraďuje medzi jednočlenné vety, ktoré chápe ako spojenie nuly so slovom a tak podľa neho vzniká takzvaná *n u l o v á s y n t a g m a*. Vo svojom príspevku *Nulová syntagma – jazyková realita* z roku 1982 na s. 108 píše, že na rozdiel od dvojčlenných vety typu *Mama varí obed,*, prípadne *Mama varí*, „ak sa vyskytuje krajný prípad typu *Mama! Pomôž! Oheň! Horí! Ďalej! Áno! Heš! Pst!*, kde je vždy len jediné plnovýznamové, autosémantické slovo alebo citoslovce, osnova začiatok – stred – koniec sa v ňom realizuje na jedinom slove-vete, ktoré nemá predikáciu, ale len mimojazykovú deikciu silne expresívneho alebo dôrazne apelatívneho významu.“ Na osvetlenie tohto Novákovho prístupu sa žiada dodať, že svoju koncepciu jednočennej vety tu predstavuje v rámci postulovanej predstavy nulovej syntagmy, ktorou sa má istým spôsobom kompletizovať súbor nulových útvarov v jazyku, a ako zo základného teoretického konceptu pritom vychádza zo svojej semiologickej analýzy lineárnej osnovy začiatok – stred – koniec.

Svojskú koncepciu typov predikatívnych syntagiem, ktoré pokladá za kostru výkladu o syntaxi, predstavil Eugen Pauliny vo svojej *Slovenskej gramatike* s podtitulom *Opis jazykového systému*, ktorá vyšla roku 1981. Podľa základného kritéria, t. j. prítomnosti alebo neprítomnosti subjektu a predikátu ako základných dvoch vtných členov v istej podobe v štruktúre vety, rozlišuje „štvrť základné typy predikatívnych syntagiem, a to podľa toho, či je subjekt vyjadrený alebo vyjadriteľný alebo nie a či je predikátom určitý tvar plnovýznamového slovesa alebo nie“ (Pauliny, 1981, s. 250).

Vety s vyjadreným alebo aspoň vyjadriteľným subjektom vety autor pokladá za fakticky dvojčlenné vtné syntagmy, vety s nevyjadriteľným subjektom sú zasa formálne dvojčlenné syntagmy. E. Pauliny (c. d., s. 251) na vysvetlenie svojho chápania dodáva: „V lingvistickej tradícii sa fakticky dvojčlenné syntagmy nazývajú dvojčlennými vety a formálne dvojčlenné syntagmy sa nazývajú jednočlennými vety (presnejšie: jedným druhom jednočlenných vety).“ Fakticky dvojčlenné vtné syntagmy sú podľa autora také, ktoré sa skladajú zo subjektu a predikátu. „Pri formálne dvojčlenných vtných syntagmách,“ píše autor ďalej, „ide podľa našej náuky sčasti o tzv. jednočlenné vety, resp. v časti terajšej slovenskej syntatickej náu-

ky o tzv. vetný základ.“ (Pauliny, c. d., s 257) Subjekt v týchto vetách je nevyjadriteľný a „je teda prítomný v nulovej podobe“ (c. d.). „Keďže aj v tomto prípade,“ argumentuje autor ďalej, „ide o vetnú syntagmu, musí mať aj formálne dvojčlenná syntagma – i pri svojich obmedzených možnostiach – formálne náležitosti predikatívnej syntagmy. Je bezpríznaková svojou stavbou. Určitý slovesný tvar je v 3. os. sg. Tá nevyjadruje ani prijímateľa, ani podávateľa a nevyjadruje sa ani o členitosti subjektu vzhľadom na počet.“ (Pauliny, c. d., s. 257 – 258)

V rámci typov formálne dvojčlenných vetných syntagmi s určitým tvarom plnovýznamového slovesa autor preberá tri podtypy: 1. *Prší*. 2. *Ide sa*. a 3. *Je zamrznuté*. Ako vidno, medzi týmito podtypmi nie je forma s rozkazovacím spôsobom, ale príklady na túto formu sa medzi autorovými takzvanými formálne dvojčlennými vetnými typmi nájdú v iných jeho prácach. Tak je to v staršej Paulinyho práci *Systém slovenského spisovného jazyka II* (skriptum z rokov 1946 – 1947), ktorá slúžila ako východisko citovanej syntetickej *Slovenskej gramatiky*; svedčí o tom nielen celkové chápanie veci, ale aj použitá terminológia. Na s. 113 Systému slovenského spisovného jazyka II autor píše: „Miešaným typom medzi fakticky a formálne dvojčlennou vetou je imperatívna veta typu *píš! píšme! píšte!*“ Na odôvodnenie svojho chápania uvádzia: „V imperatívnej vete sa sice plnovýznamový subjekt rozumie z koncovkovej morfémou – a v tom sa blíži k fakticky dvojčlenným vetám, ale tento subjekt sa nikdy nevyslovuje. V tom sa blíži k formálne dvojčlenným vetám.“ (Pauliny, 1946/47, s. 113) Takéto hodnotenie viet založených na tvare rozkazovacieho spôsobu sa však do Paulinyho Slovenskej gramatiky priamo nepremietlo, no vety tohto typu autor neuvádza ani v skupine typov fakticky dvojčlenných vetných syntagmi (na s. 251 – 257), ani medzi formálne dvojčlennými vetnými syntagmami (na s. 257 – 260).

Dvojčlenná alebo jednočlenná povaha viet s imperatívnym tvarom v pozícii základného člena dvojčennej alebo jednočennej vety sa v odbornej literatúre preberá v rámci týchto takzvaných sporných typov: 1. vety s nulovým gramatickým podmetom, prípadne v staršej terminológii vety so všeobecným gramatickým podmetom; 2. vety s podmetom v genitíve, prípadne vety s genitívnou kvantitatívnou modifikáciou gramatického subjektu vety; 3. vety s formálnym subjektom *to, ono*. Ako vidno, ide o rozdielne gramatické javy, ale jedno majú spoločné: riešenie týchto prípadov závisí od odpovede na základnú otázku, ako sa vymedzuje *gramatický súbjekt vety*. Pri ďalšom výklade vyjdeme teda z rozboru syntatickej podstaty gramatického subjektu vety.

Gramatický subjekt vety môžeme vymedziť predovšetkým ako jeden zo základných vetných členov dvojčennej vety, ktorý jestvuje a funguje v syntaktickom vzťahu s druhým základným vetným členom dvojčennej vety – predikátom dvojčennej vety. Je to syntaktický východiskový bod dvojčennej vety, je to *dominanta gramatickej a sémantickej stavby dvojčennej vety*; zjavne túto dominantnosť podmetu mala vystihnúť aj v teoretickej syntaxi známa kvalifikácia podmetu z pera Sergeja Karcevského v jeho štúdii o systéme ruského slovesa z roku 1927, podľa ktorej podmet sa vníma ako absolútne určený vetný člen, prípadne ako absolútne určené slovo.

Z uvedených zistení môže vychodiť, že pozícia gramatického podmetu je v dvojčlenných vetných štruktúrach v slovenčine záväzná, obligatórna, pravdaže, z toho

ešte nevyplýva, že táto pozícia konkrétnie v našom jazyku musí byť vždy aj záväzne obsadená. Záväznosť danej pozícii vo vetnej štruktúre je vecou systému, obsadenosť tejto pozícii je vecou uplatnenia vetnej štruktúry v konkrétnom teste a v príznakových prípadoch aj vecou systému, prípadne systémového usporiadania príslušného vetného typu. Aj ďalší klasik modernej jazykovedy 20. storočia Roman Jakobson, istotne aj v nadväznosti na uvedenú Karcevského formuláciu, vo všeobecnosti vymedzuje podmet ako „jediný nezávislý člen vo vete,“ ktorý „vyjadruje, o čom sa podáva správa“ (Jakobson, 1991, s. 196).

Vo všeobecnosti teda môžeme pozíciu gramatického subjektu vidieť v dvoch prototypoch: 1. pozícia gramatického subjektu v danej štruktúre je predpokladaná – nie je predpokladaná a 2. v rámci prvého člena protikladu je pozícia gramatického subjektu obsaditeľná alebo nie je obsaditeľná. Prvý z uvedených protikladov je paradigmaticky založený predovšetkým na rozlišovaní osobných a neosobných slovies a na nich vybudovanom rozoznávaní dvojčlenných a jednočlenných viet: na osobných slovesách sa pravidelne zakladajú dvojčlenné vety, kým na neosobných slovesách sa pravidelne zakladajú jednočlenné vety. Druhý protiklad sa týka len jedného zo štruktúrnych členov prvého protikladu – dvojčlenných typov viet – a prejavuje sa ako rozdiel medzi pravidelnými, prípadne bezpríznakovými dvojčlennými vety a nepravidelnými alebo príznakovými vety, t. j. v danom prípade vety s nulovým gramatickým subjektom. Termín obsaditeľná pozícia vychodí zo zistenia toho stavu, že napriek systémovej záväznosti podmetovej pozícii v schéme dvojčlennej vety je veľká väčšina viet v bežných textoch v slovenčine bez vyjadreného podmetu, keďže ten sa jednak istým spôsobom signalizuje na tvare predikátu a jednak sa spoľahlivo identifikuje z kontextu alebo zo situácie.

V druhom protiklade funguje aj istý medzistupeň v podobe zvyčajného nosadzovala podmetovej pozícii. Tento stav veci je charakteristický pre vety s tvarom imperatívu v predikátovej pozícii dvojčlennej vety a vyplýva z povahy imperatívu ako tvaru vyjadrujúceho požadované deje. Apelovosť a zacielenosť vyjadreného deja na daného adresáta je taká zjavná, že adresát ako potenciálny vykonávateľ takého deja sa zvyčajne či spravidla v takej vete v slovenčine nevyjadruje. Zvyčajnosť nevyjadrenia takéhoto adresáta v podmetovej pozícii vety zároveň značí, že v istých – mohli by sme povedať: nevyhnutných – prípadoch sa možnosť obsadiť podmetovú pozíciu stáva skutočnosťou bez toho, žeby sa využitie tejto možnosti pokladalo za porušenie systémovo platných syntaktických pravidiel.

Z opisaného stavu možno predbežne usudzovať, že vety s tvarom imperatívu v pozícii predikátu dvojčlennej vety sú plnohodnotné dvojčlenné vety; ich špecifickosť, vyplývajúca z povahy imperatívu ako slovesného tvaru, je v tom, že pozícia podmetu sa v nich sice zvyčajne neobsadzuje, no táto zvyčajnosť vonkacom neznačí neobsaditeľnosť podmetovej pozícii v takejto vete.

V súvise s téhou podmetu dvojčlennej vety sa treba zmieniť aj o koncepte členitosti vety. Členitosť vety v ontologickej úrovni je neoddeliteľná vlastnosť gramatického a sémantického jadra vety a jej podstata je v tom, že toto jadro môže zodpovedajúcimi jazykovými prostriedkami zobrazovať, spracúvať a podávať mimojazykovú skutočnosť v podobe vety rozčlenenej na dve základné časti – podmetovú a prísudkovú – alebo v podobe vety nerozčlenenej na takéto dve základné časti

a zahŕňať tak iba jednu základnú časť vety – vetyl základ (medzinárodný termín: fundament). Vety s rozčleneným jadrom sa tradične označujú ako dvojčlene, vety s nerozčleneným jadrom sa v takejto koncepcii volajú jednočlene. Vety s rozčleneným jadrom majú teda jadro syntagmatickej povahy, keďže sa v ňom spájajú dva základné vetyl členy – podmet a prísudok –, spojené na základe predikatívneho vzťahu. Naproti tomu gramatické a sémantické jadro jednočlennej vety tvorí iba jeden základný vetyl člen – vetyl základ – a sám má predikatívnu (vetotvornú) podstatu; takéto jadro je nesyntagmatickej povahy. Tieto otázky sú predmetom podrobného rozboru v našej monografii *Dvojčlenné a jednočlenné vety v slovenčine* z r. 2009 (pozri Kačala, 2009).

Dôležité je, že členenosť gramatického a sémantického jadra je zároveň často východiskom členenia vety z obsahovej stránky na východisko a jadro výpovede: Kým vety s nečleneným gramatickým a sémantickým jadrom pre komplexný spôsob vyjadrenia daného obsahu a pre svoju nesyntagmatickú výstavbu neposkytujú pravidelnú možnosť rozlišovať na obsahovej úrovni vety východisko a jadro výpovede, pri vetylach s rozčleneným gramatickým a sémantickým jadrom je takéto rozlošovanie úplne legálne a pravidelné. (Tieto naše konštatovania sú však iba tézovitej povahy; skutočný jazykový stav by sa žiadalo zistiť podrobným rozborom bohatého a rôznorodého jazykového materiálu.)

Súčasti rozčleneného gramatického a sémantického jadra a nerozčlenené gramatické a sémantické jadro sú z hľadiska konštituovania základu vety navzájom ekvivalentné, ale jedno jadro druhým pre svoju špecifickú výstavbu nezastupiteľné, prípadne navzájom neskríziteľné. To značí, že spojenie subjektu a predikátu má rovnakú vetotvornú platnosť ako fundament. Obidva spôsoby vyjadrenia aktualizácie ako vetotvorneho aktu – syntagmatický aj nesyntagmatický – sú vzájomne rovnocenné a vety s nerozčleneným čiže nesyntagmatickým gramatickým a sémantickým jadrom v porovnaní s vetylami s rozčleneným, t. j. syntagmatickým gramatickým a sémantickým jadrom, nie sú „menej hodnotné“ a systémovo ani realizáciou takisto nie sú ani redukciou viet s „bohatším“ gramatickým a sémantickým jadrom.

Naše chápanie viet s imperatívnym tvarom v pozícii predikátu z hľadiska ich členitosti sme už viac ráz naznačili, prípadne sme už aj zreteľne vyjadrili, že – v súlade so stanoviskom Jozefa Ružičku v citovanej stati o základných sporných otázkach slovenskej skladby z r. 1959 (s. 30) – tieto vety hodnotíme ako regulárne dvojčlenné vety. V ďalšej časti výkladu sa sústredíme na bližšie odôvodnenie tohto stanoviska. Dôkazy o dvojčlennom ráze viet s imperatívom v pozícii predikátu sú paradigmatickej aj syntagmatickej povahy. Paradigmatickými rozumieme také činitele, ktoré vyplývajú z kvality tvarových prvkov a z usporiadania tvarovej sústavy jazykového systému. Syntagmatické sú také, ktoré vychodia z kvality syntaktických prvkov a zo syntagmatického usporiadania členov relevantnej syntaktickej konštrukcie.

Na paradigmatickej rovine jazykového systému dvojčlenosť imperatívnych viet dosvedčujú tieto faktiny: 1. V imperatívnich vetylach máme pred sebou v pozícii predikátu osobné (personálne) slovesá a v osobných tvaroch, kým v jednočlenných vetylach v pozícii vetyl člena vystupujú neosobné slovesá, ktoré ne-

disponujú osobnými tvarmi. 2. Slovesá vystupujúce v imperatívnych vetách majú trojčlennú paradigmu prítomníkových tvarov, t. j. tvary 2. os. sg, 1. os. pl a 2. os. pl: *hraj, hrajme, hrajte*; táto paradiharma je oproti iným paradihmám limitovaná, ale prirodzená. V akademickej *Morfológii slovenského jazyka* (1966, s. 429) sa o tom píše: „V indikatíve a v kondicionáli sa gramatická kategória osoby uplatňuje bez obmedzenia, naproti tomu v imperatíve ako v spôsobe, ktorým sa vyjadruje požadovanie konáť (vykonáť) dej, sú len tvary tých osôb, ktoré zahŕňajú adresátu prehovoru: 2. os. sg, 1. os. pl a 2. os. pl.“ Na rozdiel od uvedenej limitovanej paradiharma pri neosobných slovesách skôr môžeme konštatovať jestvovanie osihoteného mimo-paradigmatického tvaru zhodného s tvarom 3. os. sg neutra osobných slovies typu *mrholí*. 3. Slovesá s funkciou predikátu v tvari imperatívu majú aj neurčité slovesné tvary, ktoré sú charakteristické pre tvarovú sústavu osobných slovies, konkrétnie prechodník a činné prítomné príčastie typu *vítaziac*, *vítaziaci*, ako aj činné minulé príčastie typu *zvítazivší*, ktoré vo vete vystupujú p o p r i prísudku a predpokladajú jestvovanie subjektu svojho dejia; naproti tomu v sústave tvarov neosobných slovies sa prechodník ani činné prítomné príčastie a činné minulé príčastie nevyskytuje (bližšie pozri u Ružičku, 1960, s. 12 n.).

Na syntagmatickej rovine jazykového systému v prospech dvojčlennosti viet s imperatívom v pozícii predikátu svedčia tieto skutočnosti: 1. Jestvovanie subjektovej pozície v takejto syntaktickej konštrukcii, pričom táto pozícia je v relevantných prípadoch obsaditeľná najmä príslušným tvarom osobného zámena, v osobitných prípadoch aj tvarom všeobecného mena alebo vlastného mena. 2. Keďže na základe substitučného princípu každý vettý člen okrem (jedno)slovného vyjadrenia môže mať aj podobu vedľajšej vety, aj v prípade viet s tvarom imperatívu v pozícii predikátu môže v pozícii subjektu vystupovať vedľajšia veta, v danom prípade subjektová. 3. Vo vete s tvarom imperatívu v pozícii predikátu dvojčlennej vety môže sa uplatniť vettý člen, ktorý predpokladá jestvovanie podmetovej pozície v takejto vete; máme tu na mysli uplatnenie viacerých lexikálno-morfologických typov subjektového doplnku, ktorý ako svoj jediný nadradený vettý člen predpokladá podmet dvojčlennej vety. 4. Vo vete s imperatívnym tvarom v pozícii predikátu dvojčlennej vety môže vystupovať aj spojité prechodníková konštrukcia, ktorej jadrový výraz – prechodník – sa viaže na podmet vety spolu s prísudkom, keďže prechodníkový dej predpokladá rovnaký subjekt dejia ako prísudkový dej. 5. Pri slovesno-neslovesnom spôsobe vyjadrenia prísudku vo vete s imperatívnym tvarom slovesa sa na mennej (adjektívnej, adjektívnej) časti takéhoto prísudku rozlišuje paradiharma podľa gramatického rodu a svojím tvarom tak táto menná časť reaguje na gramatický rod adresátu prísudkového príznaku, napríklad: *Buď dobrý, synku!* – *Buď dobrá, Anička!* – *Buď dobré, dievčatko!* Naproti tomu meno (adjektívum, adjektívárium) ako jadrový výraz alebo ako súčasť slovesno-neslovesného, prípadne aj slovesno-slovesného vettého základu má výlučný tvar stredného rodu, napríklad: *Úmorné!* – *Hrozivé!* – *Zatvorené* – *Je napršané.* – *Bolo zamknuté.*

V ďalšej časti state prinášame doklady na javy svedčiace o dvojčlennosti imperatívnych viet, tak ako sme ich konštatovali na syntagmatickej úrovni. Doklady sme excerptovali najmä z prejavov umeleckého štýlu, ďalej z prejavov esejistického, náučného, publicistického, konverzačného a náboženského štýlu.

Príklady na dvojčlenné vety s predikátom v tvare imperatívu, v ktorých pozíciu subjektu obsadzuje osobné zámeno: Keď mu ktosi povedal pri pití: „Zaspievaj,“ povedal mu: „A ty mi zahraj na pišťale.“ (M. Okál) – Dobre, nuž poviem to. Ty to však rozváž a prísaahu zlož mi, že sa ma ochotne ujmeš tak rukami, ako aj slovom. (M. Okál) – Nebeský Otče, žehnaj naše roky. / Trnavská Matka, Ty ved' naše kroky. (G. Gotthardová) – Oj, ľud biedny, oj, ľud môj, ktože ťa zastane? / Ja idem už, ale Ty, všemohúci pane, / zostaneš s ním, Ty zbab ho! – vzdychajúci volá. / A ľud nemý jak tôňa vlečie sa dokola. (J. Botto) – Muzikanti sa pripravili. – Ty nehraj, ty sa len tak rob! – pošepol mi strýco Taubert. Prikývol som. (V. Šikula) – Vincko, ty si iba klopkaj nohou, aby si si zvykol držať takt – obrátil sa ku mne aj strýco Zahruška. (V. Šikula) – A ty svietže, Svetlica, / blízkym a vzdialeným, / sviet Slovensom, / národu vedou i umením. (K. Kuzmány) – Rozhodni sám! My teraz sa do boja s chutou / dajme čo najskôr; bo teraz už netreba hovoriť mnoho / rečí a čakať. Ved' veľký čin nás ešte tu čaká. (M. Okál) – „Nedbám... varoval som vás a budem mať čisté svedomie.“ – „Nebojte sa vy nič,“ a pozrel som na neho mäkkým pohľadom, „radšej mi povezdzte, kde ho nájdem.“ (M. Figuli) – Čie sú to deti? Či nie kráľove? / Synovia jeho nebom požehnaní. / Ty, sestra, vrav a všetko vypovedz! (M. Rúfus) – Vtedy sme ho už všetci volali Samovrah a ja som mu vravel: Samovrah, radšej sa vy trocha miernite, lebo sa nikdy nedožijete pádu do zabudnutia. (preklad) – Jeden kováč koňa kuje, / koľko klincov potrebuje? / Povedz mi to ty! / Jeden, dva, tri. (rieckanka)

Z príkladov vidno, že osobné zámeno je často v dôrazovej pozícii alebo označuje osobu, ktorá stojí v protiklade k inej osobe. Dôrazová pozícia osobného zámena sa zvýrazňuje aj upotrebením zdôrazňovacej častice alebo vymedzovacieho zámena, prípadne výrazu s iným slovnodruhovým zaradením; napríklad:

Keď máš zomrieť, všetko môžeš. No nie? Vnuk si vyrába hrôzu. Vyrob aj ty. Ale musí to byť silná esencia, silný jed. (D. Tatarka) – Páči sa mi na lodi a každého mám rád, okrem toho poondiateho Petersa. Len ty sa prestaň trýzniť. (preklad) – Priateľu, milý muž, zomri aj ty, ved' načo ten nárek? Zomrel aj Patroklas, ktorý bol od teba oveľa lepší. (M. Okál) – „Ďakujem,“ odpovedal Thomas Hudson. „Roger, aj ty sa podčakuj.“ (preklad) – Keď sa istý mladík sťažoval, že ho mnohí ľudia obťažujú, povedal mu [Diogenes]: „Prestaň aj ty ľuďom dávať náznaky o svojej väšnívosti.“ (M. Okál) – „Zostanem tu,“ ozval sa David. „A vy všetci choďte. Už som aj tak priveľa nahovoril.“ (preklad) – Ara, keď sa polievka zohreje, odnes ju na kormu. Vy ostatní sa choďte pozerať, ako Nemec umiera, ak máte vôleu. (preklad) – Vy druhí mlčte! To je kráľ / a jeho slovo svieti! (M. Rúfus) – „Prestaňte vy dvaja. Prestaňte,“ zahriakol ich Thomas Hudson. (preklad)

Pokiaľ ide o samo obsadenie pozície subjektu dvojčlennej vety vo vete s tvarom imperatívu v pozícii prísudku osobným zámenom 2. os. sg alebo 1. os. pl a 2. os. pl, pokladáme prípady s imperatívom typu *Ty mu čítaj rozprávku.* – *My mu čítajme rozprávku.* – *Vy mu čítajte rozprávku.* za analogické s prípadmi typu *Ty mu čítaš rozprávku.* – *My mu čítame rozprávku.* – *Vy mu čítate rozprávku.* – *Ty si mu čítal rozprávku.* – *My sme mu číitali rozprávku.* – *Vy ste mu číitali rozprávku.* – *Ty mu budeš čítať rozprávku.* – *My mu budeme čítať rozprávku.* – *Vy mu budete čítať rozprávku.* – *Ty by si mu čítal rozprávku.* – *My by sme mu číitali rozprávku.* – *Vy by ste mu číitali rozprávku.*

– *Ty by si mu bol čítať rozprávku.* – *My by sme mu boli čítali rozprávku.* – *Vy by ste mu boli čítali rozprávku.*, v ktorých je pozícia prísudku obsadená tvarom indikatívu v prítomnom, minulom alebo budúcom čase alebo tvarom kondicionálu prítomného alebo minulého času.

Paralelnosť upotrebeného osobného zámena vo vetách s imperatívnym tvarom prísudkového slovesa a povedzme vo vetách s indikatívnym tvarom prísudkového slovesa ukazuje aj príklad vybratý z literatúry: *Ked' príde, vypoviem smelo, čo treba, a nik ma nezasekne*: *Ženička, ty mlč, ty sa do toho nerozumieš*. (M. Kukučín)

Od osobného zámena nie je ďaleko k plnovýznamovému pomenovaniu – apelatívnemu alebo propriálnemu. V pozícii podmetu vo vetách s imperatívom v pozícii predikátu sú to však celkom osobitné prípady. Osobitnými prípadmi sa myslia napríklad niektoré formulácie v modlitbách, pozdravoch, zakliatiach či zavereniach a pozdravných želaniach. Také príklady nachádzame aj v základnej kresťanskej modlitbe *Otče nás: príď k nám kráľovstvo tvoje; bud' vôlea tvoja*. Spojenia *tvoje kráľovstvo a tvoja vôlea* (uvádzame ich v bezpríznakovnej slovosledovej podobe) nepochybne stojia v pozícii podmetu vo vetách s imperatívnymi tvarmi *príď* a *bud'* (s významom „staň sa, uskutočni sa“, prípadne so želacím významom „nech sa stane, nech sa uskutoční“).

Príkladom na zakliaatie sú povedzme vyjadrenia typu *Čert ho ber.* – *Čert ťa ber.* – *Čert to ber.* – *Parom to ber!* – *Perún ťa páraj!* (popri *Perún ťa páral!*) – *Šľak to traf!* (popri *Šľak aby to trafl!*) – *Boh ho stresci!* / *strestaj!* – *Boh ťa skáraj!* (popri *Boh ťa skáral!* / *Boh aby ťa skáral!*), ktoré sa vyskytujú najmä v hovorenej reči a v umeleckej literatúre.

Podobné prípady možno nájsť aj v spomenutých pozdravných želaniach, prípadne odpovediach na želania typu *Pán Boh pomáhaj!* – *Pán Boh uslyš!* – *Boh ťa poteš v tvojom žiali!* – *Pán Boh ťa chráň pred takým niečím!* – *Pán Boh ťa ochraňuj!* – *Daj mu Pán Boh zdravie!* Tu v subjektovej pozícii akoby bola spojená sémantika subjektu vety ako vykonávateľa deňa a oslovenej substancie, od ktorej sa očakáva splnenie želania. Svedčí o tom aj príklad, v ktorom sa v subjektovej pozícii upotrebúva pôvodná vokatívna forma *Bože*: *Bože daj šťastia, biely páńko, / a vašim krokom pokoja.* (M. Rúfus)

Uvedené príklady s menom *Pán Boh* v pozícii subjektu vo vetách s imperatívnym tvarom v prísudku dvojčlennej vety sú zachytené aj v literatúre: *Prihovárali sa kresťanským*: – *Pán Boh pomáhaj!* – *Odpoved' znela: Pán Boh uslyš!* – *Všade sa oralo, bránilo, kopalo, sialo, sadilo.* (M. Figuli) – *Napríklad: Kosíte, kosíte?* – *Kosím, kosím.* – *Nuž len šťastivo pokoste!* – *A takto pomôct?* – *Pán Boh vám pomáhaj!* (Š. Žáry)

Prípady, v ktorých oslovená bytosť zaujíma samostatné syntaktické postavenie, t. j. keď sa oslovenie stáva samostatnou syntaktickou jednotkou, nehodnotíme už ako subjekt integrovaný do vety s imperatívnym tvarom v pozícii predikátu, lež ako samostatnú vetu, ktorá svojou podstatou ani nevstupuje s inými vetami v jej bezprostrednom okolí ani so vzdialenejšími vetami do koordinatívneho vzťahu a ne-utvára teda koordinatívne súvetie; napríklad: *Tak zjednoťte sa v mysli, umelci, / vedomci, všetci šťastní odkojenci / vy vedy, šťastní krásy chovanci:* (P. O. Hviezdoslav) – *Vy básnici / však majstri slova okrídleného, / ... / závodníci, prinášajte tragédie, / otriasajúce ľudskou bytosťou / až do dna srdca, po vrchol až duše!* (P. O. Hviezdoslav)

– „Nalej si, synku,“ posmeľoval ho Bobby. „Ty úbožiačik nešťastný.“ (preklad) – Potom si povedal, akoby čaroval a nepresne sa rozpamätiaval na tento verš, „duj, duj, ty západný vietor. Nech sa spustí drobný dázď.“ (preklad)

V básnických textoch nie sú v prípadoch s imperatívnym tvarom slovesa v prí-sudku dvojčlennej vety vylúčené v pozícii podmetu ani apelatíva, t. j. všeobecné pomenovania; napríklad: *Tvoja pravdomluvnosť nestaaň sa sveropou, úprimnosť nebud' hrubianstvom, bud' opatrnejším.* (I. Kadlecík)

Do skupiny týchto osobitných prípadov zaraďujeme aj príklady, v ktorých ide o špecifické využívanie imperatívneho tvaru: podávateľ komentujúco hovorí alebo o sebe v 3. osobe, alebo o inej 3. osobe a takému pomenovaniu s funkciou podmetu dvojčlennej vety sa prisudzuje predikát v tvare imperatívu, pravdaže, v regulárnej 2. osobe jednotného čísla. Osobitosťou týchto prípadov je teda nie len jestvovanie všeobecného alebo propriálneho pomenovania v pozícii podmetu vo vete s imperatívnym tvarom v pozícii predikátu, ale aj nezhoda v osobe medzi podmetom a prípadom: ako sme už naznačili, podmetové substantívum má vo vete platnosť 3. os. sg, kým určitý slovesný tvar v imperatíve má formu 2. os. sg. Ukazujú to príklady z úzu: *Gazda rozkazuje a pastier skáč!* – *Ty si zaželaj a Milka vybavuj!* Ked' podávateľ namiesto všeobecného alebo vlastného mena v súvise so svojou osobou upotrebi osobné zámeno, zhoda v osobe označenia v podmete a určitého slovesného tvaru v prípadku sa neporušuje: *Gazda rozkazuje a ty skáč!*

Veľmi presvedčivým argumentom v prospech dvojčlenného chápania viet s imperatívnym tvarom v pozícii predikátu vety je možnosť obsadiť podmetovú pozíciu vedľajšou podmetovou vetou. Máme na mysli také príklady z bežného konverzačného štýlu, ako sú: *Zachráň sa, kto môžeš!* – *Ukáž sa, kto si!* Iné príklady: *Kto ste ho poznali, venujte mu tichú spomienku.* (tlač 1995) – „*Ratuj sa, kto môžeš!*“ reval teraz už celkom prestrašený Jano a s ním všetci, čo boli na kraji zástupu. (J. Hrušovský) – *Ide vlk a hrdo chvostom krúti. / „Pozrite sa – či som zaobutý! // Kto si bosý, do cesty mi nechoď!*“ (M. Rúfus) V týchto prípadoch zisťujeme osobitný typ zhody medzi tvarmi prípadkových slovies v obidvoch vetách v gramatických kategóriach osoby a čísla, ktoré akoby sa z hlavnej vety prenášali do vedľajšej: *Zachráň sa, kto môžeš!* (2. os. sg – 2. os. sg) – *Zachráňte sa, kto môžete!* (2. os. pl – 2. os. pl). Vzťažné zámeno ktorý na čele vedľajšej podmetovej vety v takýchto prípadoch okrem osoby a čísla reaguje aj na gramatický rod označeného subjektu, napríklad: *Zachráň sa, ktorý môžeš!* – *Zachráň sa, ktorá môžeš!* – *Zachráňme sa, ktorí môžeme!* – *Zachráňme sa, ktoré môžeme!* – *Zachráňte sa, ktorí môžete!* – *Zachráňte sa, ktoré môžete!*

Výskyt vedľajšej podmetovej vety v súvetiach s hlavnou vetou, v ktorej prípadkovú pozíciu obsadzuje imperatívny tvar, pokladáme za jeden z nepochybnych dôkazov o tom, že použitie vedľajšej podmetovej vety v takomto súvete je regulované rovnakými systémovými zásadami ako v prípadoch viet s iným súborom tvarov podľa gramatickej kategórie slovesného spôsobu, t. j. s tvarmi oznamovacieho spôsobu alebo s tvarmi podmieňovacieho spôsobu.

Za dôležitý argument potvrdzujúci dvojčlennosť, a teda jestvovanie subjektovej pozície vo vete s imperatívnym tvarom v pozícii prípadku, pokladáme aj možnosť použiť v takej vete viaceré lexikálno-morfologické typy subjektového doplnku. Takýto doplnok sa syntakticky nemôže viazať na iný nadradený vettý člen ako na

podmet dvojčennej vety. Takéto jednoznačné stanovisko sme zaujali už v našej monografickej práci o doplnku (porovnaj Kačala, 1971, s. 107 – 108), kde sme na podmetový doplnok vo vete s imperatívom v pozícii predikátu uviedli príklady: *A vráť sa živý, Ondro!* (F. Hečko) – *Nelíhaj si do posteľe neumyty.* (úzus) – *Čo môžeš urobiť sám, urob si sám.* (príslovie) Ďalšie hojné doklady sa dajú získať najmä na výskyt vymedzovacích zámen *sám, sama, samo, sami, samy* a *všetok, všetci, všetky* s protikladnou sémantikou „jediný, bez účasti, prípadne bez pomoci iných“ – „ako celok, súhrn mnohých“. Uvedieme niektoré príklady:

Sadnem si trochu, strýko. Chod'te ďalej sami, ja počkám tuná. (D. Chrobák) – Slovami ťa nemôžem presviedčať, lebo ty slovám neveríš. Urči si sama, čo by som mal spraviť. (M. Figuli) – Sám si ťahaj po priekope / svoju taligu. (M. Rúfus) – Dary, ak chceš, mi daj, jak sluší sa, alebo nechaj / u seba. Rozhodni sám. (M. Okál) – Len nevyhod' do vzduchu sám seba. (preklad) – Sám si mrzkú kašu varil, / tak ju sám aj jedz! (M. Rúfus) – Premýšľaj teda o týchto veciach a aj o iných, im príbuzných, vo dne i v noci, sám so sebou alebo s niekým sebe podobným. (M. Okál) – Pod'te ku mne všetci. (nápis na vstupe do oltárnej časti kostola) – Chod'te všetci na mostík a pozerajte ďalekohľadmi, či sa dakto zachráni, a zajtra sa môžete pustiť za nimi. (preklad) – Pod'te za mnou, sofisti všeteční, koľkí ste, všetci. (M. Okál) – Teraz spievajme všetci. – Teraz spievajte všetci. (príklady z úzu)

Ďalšie príklady z literatúry na využitie prídavného mena alebo adjektívalia vo funkciu subjektového doplnku vo vete s imperatívnym tvarom v pozícii prísudku: *A neľakaj sa, nebud' krikom / tú driemajúcim ohavu. / Tichučká chod' a starý kantár / mu prehod' cez hlavu.* (M. Rúfus) – *Stojžie mi šťastná popri ňom. / Kým všetko bude o inom.* (M. Rúfus) – *Nehádz' prvý kameň do pijanov. Nejde o korheľstvo, pomyslel si.* (preklad)

Okrem uvedených doplnkov s kvantitatívnym významom sú vo vetách s imperatívnym tvarom v predikátovej pozícii možné aj iné lexikálno-morfologické typy doplnku, najmä stavový doplnok vyjadrený substantívom alebo trpným príčastím uvedeným spojkou *ako*, napríklad: *A dobehni ako víťaz.* (úzus) – „*A nevracaj sa ako porazený, vyprevádzala matka na štadión svoje jediné dieťa.*“ (preklad)

Veľmi zriedkavým javom je aj výskyt doplnkovej vedľajšej vety s funkciou subjektového doplnku vo vete s tvarom imperatívu v pozícii prísudku: „*A čo ak nie som úprimný, prostý a dobrý? Myslíš, že budem vedieť tak písat?*“ – „*Piš, aký si, ale úprimne.*“ (preklad) Dôkazom doplnkovej funkcie vedľajšej vety je možnosť upotrebiť v rámci nadradenej vety formálny (odkazovací) vettý člen v podobe ukazovacieho zámena taký: *Piš (taký), aký si, ale úprimne.*

S možným výskytom doplnku vo vetách vybudovaných na tvare imperatívu v pozícii predikátu úzko súvisí možné uplatňovanie prechodníkovej konštrukcie v takýchto vetách. Prechodníková konštrukcia môže totiž vo vete vystupovať aj vo funkciu subjektového doplnku, ale naše doklady (najmä z Okálových prekladov antických prameňov) svedčia skôr o funkciu príslovkového určenia, najmä príslovkového určenia spôsobu: *Dobre ich [úvahy] teda pochop, a uchovávajúc si ich v pamäti, preberaj ich pozorne s ostatnými výkladmi, ktoré som predtým poslal v stručnom výťahu Herodotovi. – Pozmeňžie názory v tejto otázke, spievajúc takto: / Nechže ma v osemde-*

siatke zastihne osudná smrť. – Vráť sa teda domov, veriac mi aj bez prísahy, že Solónovi nehozí od Persistrata nijaká nepríjemnosť ani utrpenie.

Jestvovanie možnosti uplatniť vo vete s imperatívnym tvarom v pozícii predikátu prechodníkovú konštrukciu je v komplexe ostatných dôkazov v prospech dvojčlennosti takejto vety takisto dôležitý činiteľ, keďže spojité prechodníkové konštrukcie vo všeobecnosti môžu vystupovať výlučne v dvojčlenných vetách s aktívou gramatickou perspektívou, v ktorých podmet sa stáva nositeľom nielen prísudkového príznaku, ale aj príznaku vyjadreného druhotným prísudkom, t. j. v danom prípade prechodníkom ako jadrovým výrazom polopredikatívnej konštrukcie. Všade v odbornej literatúre sa zdôrazňuje, že nevyhnutnou podmienkou riadneho fungovania prechodníka ako plnohodnotného slovesného tvaru vo vete je jestvovanie spoločného subjektu dejajúceho s prísudkovým dejom. Emil Dvořák vo svojej dôkladnej monografii *Přechodníkové konstrukce v nové češtině* (1983, s. 57) tento činiteľ peberá medzi tými, čo priamo podmieňujú slovesný ráz prechodníkov v češtine; jeho zistenie platí aj pre slovenčinu. Pravdaže, aj to, že sme výskyt prechodníkovej konštrukcie vo vete s imperatívnym prísudkom mohli exemplifikovať iba dokladmi z jedného (hoci jazykovo zdatného) autora, svedčí o jej vzácnosti z hľadiska výskytu, ale zároveň o jej regulárnosti z hľadiska systémového usporiadania dvojčlennej vetnej konštrukcie a jej prvkov v spisovnej slovenčine.

Napokon nám zostávajú prípady zloženého prísudku, ktorého menná, prípadne adjektívna súčasť tým, že svojimi tvarmi je schopná vyjadriť zhodu v gramatickej kategórii rodu, ktorou prísudok regulárne reaguje na gramatický rod mena obsadzujúceho pozíciu podmetu, takisto potvrdzuje, že máme pred sebou štruktúru dvojčlennej vety. Keby adjektívna, prípadne adjektívna forma mennej či slovesnej súčasti zloženého prísudku svojimi tvarmi neodkazovala na jestvovanie podmetu v danej vete, na čo by potom odkazovala? Už sme pripomenuli, že menná (adjektívna alebo adjektívna) forma pri zloženom vtnom základe svojimi gramatickými vlastnosťami, t. j. výlučnou formou stredného rodu a jednotného čísla, ukazuje na celkom iné gramatické usporiadanie tohto vtného člena. Uvedieme niektoré príklady:

Buďte múdre. Zbohom deti. / Neboj, mama, budeme ti! (M. Rúfus) – Nezloreč priateľovi, ale ani nepriateľovi. Buď zbožný. Miluj umierenosť. (M. Okál) – Tvoja pravdomluvnosť nestáň sa sverepou, úprimnosť nebud' hrubianstvom, bud' opatrnejší. (I. Kadlecík) – „Prosím, nebuďte k nemu surový,“ prosila ho dievčina. (preklad) – Prekliaty bud', ty strašný kráľ, / ó, horšie, ako som ja! (M. Rúfus) – Bud' presvedčený o svojej pravde až dovtedy, kým ti ju druhý presvedčivo nevyvráti. (odborná tlač) – Len sa pozeraj na dievča a bud' rád, že je tu. (preklad) – Maj rada zvieratká. / Maj rada, veď sú z nás. (M. Rúfus) – No Hippokrata sprevádzalo aj dievča, ktoré pozdravil prvý deň „Buď zdravá, dievčina“, nasledujúci deň však Buď zdravá, žena“. (M. Okál) – Nože hádzte a nerobte sa smiešnymi. (preklad)

Z našej state vychodí jednoznačný záver, že doterajšie práce – ani tie, čo obhajovali jestvovanie subjektu v imperatívnych vetách a tieto vety pokladali za dvojčlenné – nepristupovali k rozboru členitosti imperatívnych viet komplexne, zo všetkých stránok, ktoré reálne aj potenciálne charakterizujú vtný člen ako gramatickú jednotku vety, prípadne ako súčasť gramatickej štruktúry vety. Videli sme, že pri

komplexnom pohľade vystupujú do popredia tak javy na paradigmatickej úrovni systému, ako aj javy na syntagmatickej úrovni systému. Obidve tieto skupiny javov sa pri rozbore členitosti imperatívnych viet ukazujú vo vzájomnej symbióze a sú-hre a obidve skupiny javov svedčia o tom, že vety s tvarom imperatívu v pozícii predikátu vety sú dvojčlenné a nevyhnutnou súčasťou ich gramatickej štruktúry je podmet dvojčlenej vety.

Bibliografia

- DVOŘÁK, Emil: Přechodníkové konstrukce v nové češtině. Praha: Univerzita Karlova 1983. 152 s.
- JAKOBSON, Roman: Hľadanie podstavy jazyka. In: Lingvistická poetika. (Výber z diela.) Bratislava: Tatran 1991, s. 189 – 206 (preložil Ján Horecký).
- KAČALA, Ján: Doplnok v slovenčine. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1971. 280 s.
- KAČALA, Ján: Dvojčlenné a jednočlenné vety v slovenčine. Martin: Matica slovenská 2009. 134 s.
- MIHÁL, Ján: Zo slovenskej skladby. In: Slovenská reč, 1937/38, 6, s. 177 – 180, 246 – 254, 281 – 285, 335 – 340; 1938/39, 7, s. 12 – 18, 88 – 96.
- Morfológia slovenského jazyka. Red. J. Ružička. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1966. 896 s.
- NOVÁK, Ľudovít: Nulová syntagma – jazyková realita. In: Syntax a jej vyučovanie. Zborník referátov z konferencie. Red. J. Oravec. Nitra: Pedagogická fakulta 1982, s. 107 – 110.
- PAULINY, Eugen: Systém slovenského spisovného jazyka II (skriptum; rozmnožené ako rukopis). Bratislava 1946/1947.
- PAULINY, Eugen: Slovenská gramatika. Opis jazykového systému. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1981. 323 s.
- RUŽIČKA, Jozef: Základné sporné otázky slovenskej skladby. In: Jazykovedné štúdie IV. Red. J. Ružička. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1959, s. 7 – 34.
- RUŽIČKA, Jozef: Osobné a neosobné slovesá. In: Jazykovedný časopis, 1960, 11, č. 1, s. 6 – 30.

Chybne používané skrátené predložkové tvary osobných zámen 3. osoby

Milan Majtán

Bratislava

Mistakes in Usage of Shortened Prepositional Forms of Personal Pronouns of the 3rd Person

In the contemporary standard Slovak language communication the norm of usage of the accusative shortened prepositional forms of the 3rd person masculine and neuter gender is often not observed, i. e. in substitution of inanimate masculine substantives and neuter substantives there could be used forms like *naň*, *zaň* and not forms *naňho*, *zaňho* which are used in substitution of animate masculine substantives. Certainly it is a consequence of differentiated usage of these forms in contemporary Slovak dialects, too. It would be useful to point the observation of this norm out in schools and language teaching.

O osobných zámenách 3. osoby je všeobecne známe, že

a) po predložkách a v inštrumentáli sa tvary začínajúce sa inokedy pri zámenách jednotného čísla spoluľáskou *j-* alebo pri zámenách množného čísla samohláskou *i-* nahrádzajú tvarmi so spoluľáskou *ň-*;

b) popri plných tvaroch majú v genitíve, datíve a akuzatíve zámená mužského a stredného rodu jednotného čísla aj skrátené a stiahnuté najkratšie tvary.

V predložkovom genitíve používanie plných a skrátených foriem závisí od predložky: zámeno mužského rodu životné (aj zvieracie) i neživotné a rovnako aj zámeno stredného rodu po predložke *do* dávajú možnosť utvoriť všetky tri tvary (*do neho*, *doňho* i *doň*), po predložke *od* (aj *bez*, *okolo...*) len plný tvar (*od neho*).

V predložkovom akuzatíve používanie plných a skrátených tvarov závisí od rodu a životnosti, čiastočne aj od predložiek: zámeno zastupujúce životné (a zvieracie) podstatné meno mužského rodu dáva možnosť s predložkou zakončenou na samohlásku (*na*, *o*, *pre*, *za*) utvoriť všetky tri tvary (*na neho*, *naňho*, *naň*), s predložkou zakončenou na spoluľásku (*nad*, *pod*, *pred*) dva tvary (*nad neho*, *nadeň*), zámeno zastupujúce neživotné podstatné meno mužského rodu a substantívum stredného rodu iba jeden, najkratší tvar (*naň*; *nadeň*).

Takto stručne a jasne to vysvetľuje *Morfológia slovenského jazyka* (1966, s. 242 – 243). (Autor príslušnej časti nevenoval pritom pozornosť vplyvu rozličných typov predložiek na možnosti tvorenia jednotlivých tvarov.)

Morfológia ešte dodáva: Pri zastupovaní mužských zvieracích, mužských neživotných a najmä stredných podstatných mien sa používajú len nedôrazové tvary *ho*, *mu*. V dôraze sa tu namiesto osobných zámen 3. osoby používajú tvary ukazovacích zámen *ten*, *to*.

Donedávna som veľmi nevnímal, že sa voči takto formulovaným zákonitostiam súčasného spisovného jazyka vyskytujú pri komunikácii prehrešky.

Najviac ich je pri používaní skrátených tvarov typu *naňho*, *oňho*, *zaňho*. Tieto tvary nadmerne používajú viacerí používateelia spisovnej slovenčiny, a to i takí, ktorí ju

ináč slušne ovládajú. Používajú ich aj pri nahradzani neživotných podstatných mien mužského rodu, napr. *nespráve vyškriabal sa naňho* (= *na strom*), *stal si zaňho* (= *za plot*), aj pri nahradzani podstatných mien stredného rodu, napr. *pozeral sa naňho* (= *na pole*), *operala sa oňho* (= *o koleso*) a pod. Príkladov by bolo možné uviesť neobyčajne veľa. Súčasná kodifikácia tu vyžaduje stiahnuté (synkopované) formy *naň*, *oň*, *zaň* a pod. Veľmi zriedka sa stretávame aj s podobnými formami utvorenými z predložiek zakončených spoluholáskou (*cezeň*, *nadeň*, *popodeň*, *predeň* a pod.).

Otázka by mohla znieť: Čo to spôsobuje?

Poučenie a vysvetlenie som hľadal aj v morfológickej časti *Atlasu slovenského jazyka*. Tam sa v komentári o tvaroch zámen 3. osoby uvádzia, že po predložkách zakončených na samohlásku sa používajú synkopované formy *doň*, *zaň*, *preň* popri *doňho*, *zaňho*, *preňho* a popri *do ňeho*, *za ňeho*, *pre ňeho* na strednom Slovensku vôbec a v západnom Spiši v lučivnianskej skupine, ako aj na hornej Nitre v okresoch Prievidza, Topoľčany, Bánovce nad Bebravou a na trenčianskom Považí.

Ďalej sa tam konštatuje, že v západoslovenských nárečiach je pravidelná podoba *doňho*, *zaňho*, *preňho*, formy *doň* a *do ňeho* sa používajú menej často.

No a kvôli úplnosti treba dodať, že sa tam konštatuje, že vo východoslovenských nárečiach na Spiši, v Above a Šariši majú formy *do ňeho*, *ku ňemu* prevahu, ale používajú sa aj formy *doňho*, *kuňmu* a tak je aj vo východnom Gemeri, v Štítnickej a Slanskej doline. Autor dodáva, že v oblastiach foriem *ňoho*, *ňomu* v Zemplíne, Above, Šariši a v okrese Sobrance sa po predložkách používajú plné formy *do ňoho*, *gu ňomu* (ASJ II, časť 2, 1978, s. 112).

Atlas slovenského jazyka teda vykladá, že tvary typu *doň*, *zaň*, *preň* sa vyskytujú na strednom a na západnom Slovensku, ale v západoslovenských nárečiach sa používajú menej často ako tvary *doňho*, *naňho*, *preňho*. Synkopované formy nespomína iba z východoslovenských nárečí. Ak však vezmeme do úvahy, že v Dotazníku pre výskum slovenských nárečí, ktorý zostavili E. Pauliny a J. Štolc, sa týchto foriem týka iba jedna priama otázka (č. 636: *doň*, *zaň*, *preň*), musíme pripustiť, že jednoducho aj pasívna znalosť spisovnej slovenčiny informátorov mohla spôsobiť vznik skreslených údajov a následne asi aj menej presnú informáciu o skutočnom výskyti a používaní týchto tvarov v slovenských nárečiach.

Poučenia z *Atlasu slovenského jazyka* prevzal do svojej monografie o vývine slovenskej deklinácie aj E. Pauliny (1990, s. 169). Pri nedostatku historických dokladov (uvádzia iba pári dokladov z Ryšákovho slovníka Žilinskej knihy) si pomohol aj výskytom týchto foriem v súčasnom spisovnom jazyku (zo súčasnej slovenskej literatúry) a zo stredoslovenských nárečí.

V *Historickom slovníku slovenského jazyka* sa spracúvajú v jednotlivých heslach formy *naň*, *oň*, *poň*, *preň*, *zaň* a *nadeň* a ilustrujú sa dokladmi zo stredného i zo západného Slovenska (z Trnavy, z Trenčína, od J. I. Bajzu) od 15. do 18. storočia. Tvary typu *naňho*, *oňho*, *preňho* sa v pramennej základni slovníka nevyskytujú.

Ak porovnávame výskyt najkratších (synkopovaných) krátkych predložkových foriem zámen 3. osoby typu *doň*, *naň*, *zaň* v základnej normatívnej príručke o súčasnom spisovnom jazyku, v súčasných slovenských nárečiach a v staršej slovenčine, t. j. v predspisovných kultúrnych útvaroch slovenčiny, môžeme konštatovať, že tie-to tvary ustupujú a ani to, čo základná normatívna príručka obsahuje a vyžaduje,

sa nedodržiava. Možno to spôsobuje aj skutočnosť, že tieto najkratšie tvary nevyjadrujú používateľovi spisovného jazyka dosť jednoznačne, že ide o významovo jednoznačný tvar zámena, možno na to vplyva súčasný stav v slovenských nárečiach. A možno by stačilo pri vyučovaní, ale aj pri jazykovej výchove v médiách a v našej odbornej tlači na tento problém upozorniť.

V prehľade by sa dalo uplatnenie poučky z Morfológie slovenského jazyka znázorniť aj takto:

genitív	m. živ. m. neživ. s.	d o n e h o d o n e h o d o n e h o	d o ď h o d o ď h o d o ď h o	d o ď d o ď d o ď
	m. živ. m. neživ. s.	o d n e h o o d n e h o o d n e h o	----- ----- -----	----- ----- -----
akuzatív	m. živ. m. neživ. s.	n a n e h o p o d n e h o ----- ----- -----	n a ď h o ----- ----- ----- -----	n a ď p o d e ď n a ď p o d e ď n a ď p o d e ď

Bibliografia

Dotazník pre výskum slovenských nárečí (Atlas slovenského jazyka). Zost. E. Pauliny a J. Štolc. Bratislava: Slovenská akadémia vied a umení 1947.

Historický slovník slovenského jazyka. 1. – 7. zv. Red. M. Majtán. Bratislava: Veda 1991 – 2008.

Morfológia slovenského jazyka. Red. J. Ružička. Bratislava: Vyd. SAV 1966. 895 s.

PAULINY, Eugen: Vývin slovenskej deklinácie. (Rukopis upravil a doplnil doc. PhDr. Pavol Žigo, CSc.). Bratislava: Veda 1990. 270 s.

STANISLAV, Ján: Dejiny slovenského jazyka. 2. zv. Tvaroslovie. Druhé, doplnené vydanie. Bratislava: Vyd. SAV 1967. 756 s.

ŠTOLC, Jozef: Atlas slovenského jazyka. 2. Flexia, časť druhá. Úvod, komentáre. Bratislava: Veda 1978. 192 s. (skratka ASJ).

Местото на акузативната и дативната именска синтагма во немаркиран редослед во простата словенска реченица

Соња Миленковска

Истражувачки центар за ареална лингвистика МАНУ, Скопје

The Position of Accusative and Dative Noun Phrase in Unmarked Order in the Slavic Simple Sentence

The aim of this paper is to show which of these two orders: *Subject – Verbum – direct Object – indirect Object* or *Subject – Verbum – indirect Object – direct Object* is unmarked and more frequent in different Slavic languages. Moreover, the author presents some theories about the motivation for the differences between the Slavic languages.

Основните конститутивни компоненти на простата реченица се: S (субјект), V (глагол), O (објект). Во словенските јазици неутралниот, немаркираниот, комуникативно необележаниот редослед на компонентите е S – V – O.

Овде, предмет на проучување е објектот, а интересот за него произлегува од прашањето: дали редоследот Субјект – Глагол – директен Објект – индиректен Објект или редоследот Субјект – Глагол – индиректен Објект – директен Објект е пофреквентен и немаркиран во различни словенски јазици? Доколку има разлики меѓу одделни словенски јазици тоа би било основа за клучното прашање: која е мотивацијата?

На синтаксички план, во функција на директен објект (кој уште се нарекува и прв објект или поблизок објект) е именска синтагма којашто остварува непосредна зависна врска со предикатскиот израз (ПИ), односно именска синтагма која е во акузативен однос (IS_A). IS_A е израз на вториот по ред аргумент во семантичката структура на реченицата чијшто референт е најчесто предмет врз којшто се врши дејството, односно којшто ги поднесува последиците на дејството. Во функција на индиректен објект (втор објект или подалечен објект) е именска синтагма во дативен однос (IS_D). IS_D е израз на третиот аргумент во семантичката структура на реченицата чијшто референт е вториот човек вклучен во дејството. Предикатските изрази кои освен номинативната ИС ја имплицираат и појавата на IS_A и IS_D се тровалентни глаголи од типот: *дава, праќа, посветува, кажува, наредува, поклонува, нуди, предложува, соопштува... нешто некому.*

Првите разлики меѓу одделни словенски јазици во однос на редоследот на IS_A и IS_D во позиција по ПИ беа забележани при споредувањето на немаркираниот редослед на зборовите во македонската и полската прста реченица. Во македонскиот јазик излезе дека немаркираниот редослед на IS_A и IS_D е ПИ- IS_A - IS_D , на пр.:

Ема му ја подари сліковницата на Панче.

додека во полскиот јазик е обратно ПИ- IS_D - IS_A , на пр.:

Królowa podarowała Śnieżce zatrute jabłko.

Најлогичната претпоставка во оваа ситуација беше дека разликата се должи на различните јазични средини во кои се развивајале овие јазици, односно дека македонскиот е јазик со аналитичка деклинација, а полскиот со синтетичка. Кон македонскиот јазик се придржува и бугарскиот (како јазик со аналитичка деклинација) со редослед ПИ-ИС_A-ИС_D, на пр.:

Мария даде книга на учителя.

Откако беа земени предвид уште неколку словенски јазици излезе дека во српскиот и хрватскиот, и покрај тоа што се јазици со синтетичка деклинација, немаркираниот редослед е ПИ-ИС_A-ИС_D. Тоа го потврдува и анкетата спроведена меѓу родени говорители на српскиот и хрватскиот јазик, но и *Синтаксата на современиот српски јазик* (Пипер – Антонић – Ружић, 2005, с. 623): „на плану линеаризације (реда речи у реченици)... се у српском језику тежи таквој линеаризацији у којој ће именски израз са значењем агенса (као вршиоца) претходити именском изразу са значењем пацијенса, а директни објекат претходи индиректном објекту, на пр.:

Он пише писмо сестри.

Нина је поклонила наруквицу мајци.“

Во хрватскиот јазик немаркираниот редослед ПИ-ИС_A-ИС_D го потврдува *Граматиката на хрватскиот јазик за гимназии и високи училишта* (Silić – Pranjković, 2005, с. 363): „Kada uz izravni objekt (IO) bude prisutan i neizravni objekt (NO), izravni єе objekt prethoditi neizravnому objektu: Ivan (S) + donosi (P) + knjige (IO) + studentima (NO)“.

Во останатите словенски јазици со синтетичка деклинација ситуацијата е како во полскиот, т. е. ПИ-ИС_D-ИС_A, на пр.:

Petr prodal sousedovi motorku. (чешки)

Mama dala otcovi mlieko. (словачки)

Брат подарил сестре куклу. (руски)

Брат падараваў сястры ляльку. (белоруски)

Во украинскиот и словенечкиот јазик во иста мера се застапени и двата редоследа (ПИ-ИС_D-ИС_A и ПИ-ИС_A-ИС_D):

Василь приніс Петрові гроши. (украински)

Іван передав пакунок сестри.

Predsednik je dal poročevalcu besedo. (словенечки)

Meta je dala knjigo Petru.

За некои од наброените јазици можеби и може да се претпостави мотивацијата за редоследот ПИ-ИС_D-ИС_A, на пр. влијанието на латинскиот јазик во нивниот развој каде што ИС_D претходи на ИС_A, но во позиција пред ПИ:

Pater hodie magno cum gaudio filio librum donavit. (Kopriva, 1976, с. 330)

(Таткото денес со голема радост **на синот книга** му подари.)

Не треба да се занемари ниту контактот на полскиот, чешкиот, словенечкиот јазик со германскиот јазик, што можеби резултирало со одредена тенденција овие јазици да го преземат немаркираниот редослед на германскиот јазик во кој редоследот е исто така ПИ-ИС_Д-ИС_А, на пр.:

Wir geben dem Mann das Buch.

(Ние му даваме **на** човекот книга).

а потоа тие јазици да влијаеле и на другите соседни јазици.

Според кажаното, српскиот и хрватскиот јазик со редослед ПИ-ИС_А-ИС_Д остануваат „сами“ меѓу словенските јазици со синтетичка деклинација. Со оглед на местоположбата и јазичното окружение на српскиот јазик можно е да станува збор за балканизам. Според бројот на балканските особености и степенот на нивниот развој овој јазик се третира како балкански јазик од втор степен (Илиевски, 1998, с. 28). За балканизацијата на српскиот јазик зборува и П. Радиќ (Радић, 2003, с. 129): „Као придружни (периферан) член балканског језичког савеза, српски језик је изложен бројним балканистичким језичким утицајима. Они се из појединих балканистичких жаришта (нпр. јужног и југоисточног србијанског, па и македонског) незадржivo креју према северу и северозападу, захватујуши већи део србијанског говора, укључујуши и говоре градских центара. Путем разговорног језика, ове појаве све више врше притисак на књижевнојезичку норму у Србији, тражејчи право „граѓанства“ у српском књижевном језику.“ Што се однесува до ситуацијата во хрватскиот јазик најверојатно е влијание од српскиот, но не треба да се занемари и влијанието на италијанскиот каде што немаркираниот редослед е ПИ-ИС_А-ИС_Д, на пр.

La mamma a dato delle caramelle al bambino.

(Мајката му даде **бомбони** на детето).

Ситуацијата во словенечкиот јазик, односно истата фреквенција на употреба на двата редоследа, е сосема логична слика и најверојатно се должи на граничната местоположба на овој јазик, т. е. помеѓу јазици со различен немаркиран редослед. Поконкретно, од една страна е хрватскиот и италијанскиот, а од друга германскиот јазик и јазиците од словенскиот север. За разлика од словенечкиот, за украинскиот јазик не се најде логично објаснување за еднаквата употреба на двата редоследа.

Од останатите јазици во балканскиот јазичен сојуз само албанскиот има немаркиран редослед ПИ-ИС_А-ИС_Д (како во македонскиот, српскиот и бугарскиот), на пр.:

Agimi i dërgoi lule Dritës.

Агим ѝ прати **цвеке** на Дрита.

Во турскиот јазик ИС_А ѝ претходи на ИС_Д, но во позиција пред глагол, бидејќи немаркираниот редослед во турската реченица е SOV, пр.:

Ali kitabı Hasana verdi.

Али **книгата на Хасан** му ја даде.

Долгогодишното влијание на турскиот јазик на балканските простори може да се земе како мотивација за немаркираниот редослед ПИ-ИС_A-ИС_D во македонската, албанската, бугарската и српската прста реченица.

Во романскиот и грчкиот јазик немаркираниот редослед е ПИ-ИС_D-ИС_A, на пр.: *Mama lui a dat copilului bomboane.*

(Мајката му даде на детето бомбони.)

Edhosa tis Marias to vivlio.

(Јас ѝ дадов на Марија книга.)

Мотивацијата за различната хиерархија на ИС_A и ИС_D во немаркиран редослед може да се разгледува и од семантички аспект, но и тука може само да се претпоставува. Ако се земе антропоцентричната теорија како основа за синтаксичката организација на реченицата, тогаш човекот би бил природен вршител на дејството, а материјалните предмети природни објекти на човечкото дејство (Тополињска, 2000, с. 12; 1995, с. 14). Оттука е и претпоставката за хиерархијата на реченичните членови во реченицата, односно неутралниот редослед S (субјект) – V (глагол) – O (објект). Меѓутоа, кога во функција на објект во реченицата ќе се појават ИС_A и ИС_D чиишто референти се најчесто предмет (ИС_A) и скоро секогаш човек (ИС_D), тогаш размислувањата поттикнати од антропоцентричната теорија одат во корист на човекот-адресатот (ИС_D), односно привилегирана позиција на ИС_D пред ИС_A (како во повеќето од јазиците кои овде се спомнуваат). Од друга страна, помалку веројатни се размислувањата дека најпрво треба да се открие предметот врз којшто се врши дејството, па потоа да се упати кон крајната цел на дејството или вториот жив учесник (да се знае што се упатува).

Што се однесува до редоследот на акузативните и дативните клитиki ситуацијата е секаде иста, односно во консултираниите словенски и балкански несловенски јазици редоследот е Дат-Акуз, што повторно оди во прилог на антропоцентричната теорија.

Една од главните одлики на македонскиот јазик е удвојувањето на директниот (ако е определен) и индиректниот (без оглед на тоа дали е определен или не) објект. Во реченица со немаркиран редослед, како во македонскиот пример: *Ema my ja подари сликовницата на Панче*, со кратките заменски форми пред ПИ се најавува, односно се сигнализира дека по ПИ ќе се појават ИС_D и ИС_A, а нивниот редослед е: прво дативната кратка заменска форма, а потоа акузативната. Со тоа прво се најавува појавувањето на вториот човек во дејството, а потоа појавувањето на материјалниот предмет, така што му се придава важност на референтот на ИС_D, без оглед на тоа што по ПИ ќе се појави ИС_D во позиција по ИС_A.

Оттука, може да се заклучи дека македонската прста реченица, и покрај редоследот ПИ-ИС_A-ИС_D, со удвојувањето на директниот и индиректниот објект со заменските клитиki и притоа со нивниот редослед Дат-Акуз, останува доследна на антропоцентричната теорија.

Bibliografia

- ТОПОЛИЊСКА, Зузана: *Accusativus. Полски-македонски. Граматичка конфронтација*. Скопје: МАНУ 2000.
- ТОПОЛИЊСКА, Зузана: *Македонските дијалекти во Егејска Македонија*, кн. I, Синтакса I. Скопје: МАНУ 1995.
- ПИПЕР, Предраг – ТОПОЛИЊСКА, Зузана: *Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције*. Београд: Београдска књига 2009.
- ПИПЕР, Предраг – АНТОНИЋ, Ивана – РУЖИЋ, Владислава: *Синтакса савременога српског језика*. Београд: Институт за српски језик САНУ 2005.
- SILIĆ, Josip – PRANJKOVIC, Ivo: *Gramatika hrvatskoga jezika. Za gimnazije i visoka učilišta*. Zagreb: Školska knjiga 2005.
- KOPRIVA, Silvio: *Latinska slovnica*. Ljubljana: Državna Založba Slovenije 1976. 330 s.
- ИЛИЕВСКИ, Петар Хр.: *Балканолошки лингвистички студии*. Скопје: ИМЈ „Крсте Мисирков“ 1988.
- РАДИЋ, Првослав: О два аспекта балканализације српског књижевног језика. In: *Јужнословенски филолог* 59. Београд: Институт за српски језик САНУ 2003.
- МИЛЕНКОВСКА, Соња: Именски синтагми во дативен однос. In: *Studia Slavica XI. Acta Universitatis Nicolai Copernici*. Toruń: WN Uniwersytetu Mikołaja Kopernika 2008.
- TOMIĆ-MIŠESKA, Olga: Balkan Sprachbund Morpho-syntactic Features. In: *Studies in Natural Language and Linguistic Theory*, vol. 67. Dordrecht: Springer 2006.

Експресивната функција на заменките во разговорниот македонски јазик

Ангелина Панчевска

Истражувачки центар за ареална лингвистика МАНУ, Скопје

Expressive Function of Pronouns in Spoken Macedonian Language

The text deals with the three groups of pronouns (personal, demonstrative and possessive) used expressively in everyday spoken language. Pronouns perform expressive function when their appearance is not necessary, but they still appear occasionally or perform a function different from their principal. This use of pronouns occurs mainly in two cases – when the presence of the interlocutor is particularly noted or when expressing emotion, positive or negative.

0. Основната функција на заменките е да покажуваат, да посочуваат кон нешто и во таа смисла тие претставуваат организатори на текстот. Нивното присуство придонесува за да се изгради кохерентен текст. Но, во одредени ситуации, посебно во разговорниот јазик, нивното присуство е чисто експресивно. Значи нивното појавување не е неопходно, но тие сепак се појавуваат или понекогаш вршат функција поразлична од нивната основна. Токму овие ситуации ќе бидат предмет на интерес во овој текст. Ќе се потрудам да одговорам на прашањата зошто се појавуваат на тоа место, која е мотивацијата и која е нивната функција кога веќе се нашле на тоа место. Ќе бидат разгледани одредени ситуации во кои можат да се најдат трите централни групи на заменки – лични, показни и присвојни.

Посебен интерес предизвикува токму разговорниот јазик бидејќи при ваков тип на градење на текст излегува на површина потребата на говорителот нешто да потенцира, да нагласи, да му обрне внимание на соворникот, со тоа најчесто изразувајќи некаква емоција. Примерите врз кои се врши анализата се експирериани од интернет (најчесто од форуми, блогови и сл. каде што се употребува разговорен јазик, многу често и дијалект), како и од секојдневниот жив говорен јазик. Бидејќи го разгледувам разговорниот јазик тоа значи дека се зема предвид македонскиот јазик во различни негови регионални реализацији. Во текстот ќе бидат истакнати само некои покарактеристични експресивни функции на заменките.

1. За експресивната улога на личните заменки веќе пишував порано¹. Во оваа прилика ќе наведам слични примери кои се земени од живиот разговорен јазик, а не од драмски текстови како што тоа претходно беше направено. Во разговорниот јазик посебно доаѓаат до израз односите меѓу првото и второто лице, т. е. соворниците, а со самото тоа и личните заменки.

¹ Личните заменки во дијалог. Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. L. Нови Сад 2007.

1.1. Има реченици каде што личноглаголската форма носи доволна информација за двајцата учесници во говорната ситуација, но заменки сепак се појавуваат. Во вакви ситуации кога има директно обраќање на соговорниците еден кон друг се потенцира присуството на другиот, па и на самиот себе (како во првиот пример подолу). Во примерите што следат приложени се и варијантите на речениците без личните заменки кои се сосема исправни, сп.:

(1) Кажи ми **ти мене** нешто што не сум чула до сега! / Кажи ми нешто што не сум чула до сега!

(2) Соња, што викаш **ти**, да одиме да јадеме? / Соња, што викаш, да одиме да јадеме?

(3) **Вие** господине застанете во редот! / Господине застанете во редот!

Кога постои директно обраќање, во дијалог, говорителот го истакнува присуството на соговорникот, директно му се обраќа и го изразува тоа токму преку заменките.

1.2. Следните примери се однесуваат на т. н. удвоен предмет карактеристичен за македонскиот јазик. Речениците би биле синтаксички исправни и доколку објектот не се удвои, односно без долгата заменска форма, но има ситуации каде што сепак се удвојува. Повторно значи се истакнува присуството на соговорникот, слично како и претходно, директно му се обраќаме. И наредните примери се дадени во две варијанти.

(4) Убаво **ти** е тебе овде? / Убаво **ти** е овде?

(5) **Ми** веруваш ли **ти мене**? / **Ми** веруваш ли (ти)?

(6) ... **ми** е гајле **мене** за твојата ситуација! / ... **ми** е гајле за твојата ситуација!

1.3. Наредна ситуација кога се изразува некаква експресивност со личните заменки, не толку силна како во претходните ситуации, е кога се јавува одредено „спротивставување“, најчесто на говорителот и соговорникот. На пр.:

(7) Оди си **ти** дома, а **jac** ќе останам уште малку овде!

(8) **Вие** одете денеска, а **ние** ќе одиме утре.

(9) **Мене** ми се спие, а **тој** сака да гледа филм.

1.4. Доста често во разговорниот јазик се среќаваат примери каде што со помош на личните заменки се изразува емпатија или антипатија. Говорителот гради текст во кој ги вградува своите емоции, „Any message we communicate is made up of both logic and emotion. Emotions are strong feelings that usually result in internal physical reactions. Emotional states include fear, anger, disgust, grief, joy, surprise, and yearning. We are born with our emotional instincts, and we are taught to be logical in dealing with other people and issues.“ (Berko – Wolvin, A. – Wolvin, D., 1989, с. 219). Кога се изразуваат позитивни емоции се

употребуваат кратките заменски форми. Најчесто се работи за соговорници кои имаат навистина близок однос. Во овие случаи станува збор за т. н. *dativus ethicus*. Сп. во следните примери:

- (10) Како си **ми** ти денеска?
- (11) Господ да **ми** те чува!
- (12) Маја, што **ми** правиш, душо?

Кога се изразуваат негативни емоции, за разлика од претходно, доаѓа до удвојување на личните заменки:

- (13) Ти **мене** ќе **ми** кажуваш!
- (14) Тебе **ти** зборувам, немој да се правиш глув!
- (15) **Мене** не **ме** интересира како ќе се снајдеш...

1.5. Во анализата што беше спроведена претходно врз драмски текстови се појавија одреден број реченични конструкции во кои присуството на личните заменки сигнализира посесивно значење. Таков тип форми на обраќање во денешниот разговорен јазик, барем според мојот впечаток, се сè поретки. Во драмските текстови такви беа примерите од типот – *Со здравје да **ти** оди братчето, Прво да **ми** дојде детето...* и сл. и тие најчесто се среќаваа во постарите драмски текстови. Може да се чујат такви форми на обраќање во однос на дете, најчесто од страна на мајката, на пр.:

- (16) Што **ми** прави детето?
- (17) Дали **ми** јадеше детето?

Во овие примери станува збор за изразување на емоции, покрај тоа што се изразува посесивност – мајката зборува со своето дете.

1.6. Би сакала тута да спомнам за една специфична употреба на личните заменки со кои се изразува посесивност кога се употребени покрај именка. Се работи за кратката заменска форма **му**. Единствен пример на којшто наидов е позицијата на оваа заменка покрај именката **дома**. Се употребува често и тоа во охридскиот говор. Освен со значење на посесивност во однос на именката што ја придржува („неговиот дом“) може да се сртне и со малку поинакво, како во примерот 19, каде што значи „неговата фамилија“.

Примерите се преземени од форуми од интернет и се пренесени во оригинал. Говорителите заменката ја пишуваат слеано со именката, бидејќи се изговараат како акцентска целост, што според стандардните правила е грешно. Вакви примери со друга именка не ми се познати.

(18) ... почекајте малце, стигнале парите, ама овие биле за кај некој друг, за **домаму**, сега чекајте за вас да стигнат парите за да продолжат... (www.velgosti.com/forum-arhiva/viewtopic.php?f=38&t...)

(19) Види го онај зад него што го има направено, цупцине за старо железо не го земет. Само незнам дали типов го знае од **домаму** што прајт... (motori.com.mk/Custom.../43874-R1-by-Twizzle-Пошаков-R1.html)

(20) ... кога членот кој имат најмалку услови за да практиче проби дојде, а после на работа требит да ојт, а овај смуглак Каран **домаму** требит ориз ... (www.forum.taratur.com)

2. Показните заменки исто така можат да се најдат во некои специфични улоги во разговорниот македонски јазик. Понатаму во текстот ќе бидат наведени неколку такви ситуации.

2.1. Во тетовскиот разговорен јазик се среќава едно интересно удвојување на показните заменки, често се употребува, а неговата функција е чисто експресивна. Најчесто само се потсилува показното значење, а многу често удвојувањето се вметнува и кога покрај „показувањето“ има изразување негативни емоции, нетрпение во однос на соговорникот. Сп. ги примерите подолу:

(21) Земи ги **овја ве** и тури ги у кутија.

(22) И **таја те** / **тија те** / **тој те** отишла / отишле / отишол со цел памет кј директорката.

(23) Не земај од **тија те**, не се убаи.

(24) **Онја не** / **онаја не** би можела да го / га задавим, нерви ми корне.

(25) Овја са најубаи. Кои? Еви, земи **вакви ве**.

(26) Како таке? Е **таке те**, биднало.

(27) Ова остава го овде, **ваке ве**.

Како што се гледа од примерите, се удвојуваат сите три корени и нема мешање, т. е. појава еден корен да се удвои со друг. Се среќаваат дури и примери каде што има тројно повторување на истиот корен, при што покажувањето екстремно се нагласува. Сп.:

(28) Кој е тој, не го гледам? **Онја онде не!** / **Овја овде ве!** / **Тија таму те!**

Парафразата на последниот пример би била – „оној онде, како не го гледаш!“, при што може да се каже дека се изразува и мала доза на нездадоволство бидејќи соговорникот не разбiral веднаш за што станува збор.

Говорителите на тетовскиот говор овие „показни“ дополнувања ги чувствуваат како честици за некое дополнување, потсилување, не го чувствуваат показното значење. Мое мислење е дека тие се појавуваат за да се допрецизира „показноста“ и плус во одредени случаи да се изрази негативен став или кон соговорникот или кон нешто што е тема на разговор.

2.2. Како експресивни би ги окарактеризирала и изразите во кои се комбинираат показни и присвојни заменки од типот *оној мојон / овој мојов* без да придржуваат некоја именка.

(29) ... Ако има семејство, утрински редовни грижи, „ох, кога ли ќе научат деца да и **овој мојов** да си спремаат појадок и облека наутро сами“ е... (veles-news.mk/index.php?option=com_content&task...id...)

(30) – **Оваа мојава** пак заглави! – му пука филмот на еден од чекачите, откако сфати дека неговата сопруга се заборавила некаде помеѓу џемперите и новата колекција... (star.dnevnik.com.mk/?pBroj=2653&stID=46742 -)

(31) И чистат, и смукаат со правосмукалка, не оставаат неред, можеби тоа е плус за мене зошто **ова моево** стварно е педантно, ... (forum.femina.mk/brak/svekrvite-i-snaite-problemi-t207/50.html -)

(32) На државава ќе продолжи да и‘ плаќа придонеси од плата само **оној мојон**. (najdi.org.mk/najdie?query=izvor%3D%22g69.blog.com...blog...)

(33) **Оној мојон** бил за никаде! Не беше таков дури одевме, се шетавме, се држевме за раце, гулабчиња си... **Оној мојон**, да го вариш, да го печиш, ич не го бидува. (www.biblika.dimitrovski.net/index.php?option=com...id...)

(34) – Абе **онаа мојана** е многу глупа, купила машина за перење а уште немаме спроведено струја... (alhemicari.18.forumer.com/a/_post163-30.html -)

(35) Си прават муабет две плавуши: **Тој мојот** почна многу да ме нервира. Ако така продолжи ќе го изневерам со мојот сопствен маж... (www.interesno.com.mk/.../2267-misteriozen-prsten-okolu-sonceviot-sistem)

Во ваков контекст, како во претходните примери, кога заменките не придржуваат именка, се однесуваат на партнериот на говорникот. Ваквата употреба е доста честа во разговорниот македонски јазик. Пофреквентни се **ов-** и **он-** корените за разлика од **т-** коренот кој многу ретко се употребува со вакво значење. Употребата на **он-** коренот внесува и негативно значење (сп. ги примерите 33 и 34).

Оваа комбинација на заменки обезбедува голема доза на експресивност, се изразува ставот на говорителот и се употребува меѓу блиски соговорници.

2.3. Во групата на експресивни би ги сместила и изразите во кои овие два типа заменки придржуваат именка. Сп. во продолжение:

(36) ... **Овој мојов биолошки часовник** никако да почне да чука. (bagra.org/node/3537 -)

(37) Неам план за сите наеднаш, ама одма би отишол и би го сменил **овој мојов крш компјутер**... (www.mkdinfo.com > Мкдинфо Форум > Разно > Општи муабети -)

(38) тука си во право само денес **оваа мојава класна Ружа** ни влезе у сред час ја избрка професорката по англиски и почна да збори нешто колку незнаме да пишуваме ... (forum.kajgana.com/showthread.php?p=2882438 -)

(39) **Оној мојон Трпе** отиде по риба пред 3 дена и ни траг ни глас од него... (najdi.org.mk/najdie?query=izvor%3D%22inos68.blog.com... -)

(40) Му го побарај на **тој мојот другар** телефонот али не сака да го даде... (forum.gsmmkd.com > ... > Apple iPhone -)

Кога се употребуваат **ов-** и **он-** корените станува збор за некаква емотивна обоеност на изразот, најчесто негативна. Употребата на **т-** коренот е чисто експресивна, без дополнително внесување емоции, туку чисто нагласување на референтот за кој станува збор.

2.3.a. Присвојните заменки можат да се сретнат во комбинација и со личните изразувајќи експресивност. Тоа може да се види во подолу приложените примери:

(41) Тe молам помогни ми да ја реализирам оваа мисла, биди **ми мојот** херој, ... (www.top.mk/blog/friends/zaki-bebus -)

(42) Ти си **ми мојот** фаворит, се надевам некој ваков фаворит... (www.badijala.com/showthread.php?p=703333)

(43) Епа незнам јас од таму сум го прочитал или така го знам. Ај кажи ја **ти твојата** верзија. (217.16.71.89/forum/forum_posts.asp?TID=1211&PN=1...2 -)

(44) Каде го гледаш **ти твоето** место како млад човек на оваа држава? (www.365.com.mk/forum/index.php?topic=3525.15;wap2)

Примерите 41 и 42, кога станува збор за прво лице, можат да функционираат со по една, која било, од двете заменки – *Биди ми херој / Биди мојот херој; Ти си ми фаворит / Ти си мојот фаворит*. Со дуплирањето на заменките веројатно се изразува близината меѓу соговорниците и се нагласува присвојноста. Во другите два примера, 43 и 44, може да се изостави само личната заменка која е во второ лице – *Ај кажи ја твојата верзија; Каде го гледаш твоето место...* Во овие примери се нагласува само присуството на соговорникот.

Собирајќи го корпусот на примери не наидов на реченици во кои присвојните заменки употребени индивидуално изразуваат експресивност. Единствените случаи се како во погоре описаните примери, заедно со показните и личните заменки.

3. Општиот впечаток од погоре прикажаните ситуации е дека експресивноста изразена со заменките се јавува главно во два случаи – за да се истакне присуството на соговорникот, или поретко на самиот говорител, или пак за да се изрази емоција, позитивна или негативна. Личните заменки доаѓаат до израз бидејќи станува збор за разговорен стил, соговорниците ги воведуваат во текстот од прагматички причини. Со останатите се изразува експресивност на малку поинаков начин – не се нагласува присуството на соговорникот, туку ставот на говорителот, или во однос на соговорникот или пак за некое трето лице или предмет.

Погоре претставените ситуации со експресивна функција на заменките се само еден краток преглед на некои нивни покарakterистични употреби во разговорниот јазик.

Bibliografia

BERKO, Roy M. – WOLVIN, Andrew D. – WOLVIN, Darlyn R.: *Communicating. A Social and Career Focus*. Boston – Dallas – Geneva – Illinois: Palo Alto Princeton, New Jersey: Haughton Mifflin Company 1989.

CICHOŃSKA, Maria: *Wyrażenia zaimkowe w kształtowaniu dyskursu potocznego*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego 2000.

Clitic Doubling in the Balkan Languages. Ed. Dalina Kallulli – Liliane Tasmowski. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company 2008.

GRZEGORCZYKOWA, Renata: *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*. Warszawa: PWN 2002.

Названия за действия (nomina actionis) в българските диалекти

Елена Кяева

Институт за български език „Проф. Л. Андрейчин“ БАН, София

Names for actions (nomina actionis) in Bulgarian spoken language

Names for actions in Bulgarian dialects have been analyzed and compared with the names in Bulgarian literary language. In Bulgarian dialects you can find not only the typical for the Bulgarian literary language suffixes and formants, but also suffixes as: *-ло*, *-иште*, *-ок*, *-ак*, *-ме*, *-ийа*, *-ина* etc. Here is indicated the activity and vitality of the suffixes for formatting names for actions. The conclusion has been made that nomina actionis are not only well represented in Bulgarian dialects, but they are also an evidence for the originality of the abstract lexis in dialects.

Обект на изследване са дeвербалните съществителни, които означават действие, абстрагирано от носителя. За абстрактните имена е традиционно мнението, че са слабо представени в диалектите. Целта на тази разработка е да се представи и анализира диалектен материал от тази словообразувателна категория, като се посочат някои специфични черти на назованията от категорията и се вземат предвид както формалните признания и структурните отношения, така и функционирането и да се докаже, че тези имена са добре застъпени и в българските говори.

В методологично отношение се прилага функционално-структурният подход към словообразуването, характерен както за руските, така и за чешките, полските, словашките и др. изследвания. На словообразувателен анализ се подлагат прозрачните от синхронно гледище в словообразувателно отношение формации, т. е. образувания с ясна формална и смислова структура, при която основното словообразувателно отношение е изградено върху мотивираността, обусловеността на една дума от друга (или други думи). Мотивираната дума обикновено се основава семантично и формално на друга дума – мотивираща.

Назованията за действие се отнасят към транспозиционните словообразувателни структури, при които основното лексикално значение на мотивиращата дума (глагол) се запазва, като се променя само синтактичната функция. По думите на Е. С. Кубрякова „... става дума за т. нар. синтактични деривати, в които, по единодушното мнение на специалистите, не се фиксира никакво ново лексикално значение в сравнение с лексикалното значение на изходната единица и които се създават като нови единици със статус на дума за синтактични цели“ (Кубрякова, 1981, с. 90).

Под транспозиционно словообразувателно значение се разбира такова смислово съотношение между мотивираща и мотивирана единица, при което лексико-номинационната значимост на мотивиращата се съхранява изцяло, а се извършва само категориално преоформяне, трансформиране (Вендина, 1990, с. 17).

Основното категориално словообразувателно значение е „действие, абстрагирано от носителя“ или „определен даден вид на действие“. То е определено от В. Дорошевски чрез формулатата „това че ...“, в развитие „това, че нещо се върши“ или „това, че някой извършва нещо“ (Дорошевски, 1952, с. 284), напр. *дùмане* „това, че се „дùма“, говори – говорене“; *бавèш* „това, че някой се „бàви“ – бавене“ и т. н. Функцията на словообразувателния формант е структурна (оформяща) и синтактична (Граматика 1984, с. 319 – 321).

Явлението транспозиция при акционните имена е познато в много европейски езици, но е по-характерно за славянските езици. Приема се твърдението, че „във формален план категорията *nomina actionis* е съхранила много архаични елементи, които са преминали в съвременните славянски езици“ (Дулевицова, 1977, с. 163 – 164).

Е. С. Кубрякова различава системна и ситуативна транспозиция. Системната транспозиция се „състои в това, че в знака се фиксират (или се закрепват) значения, тъждествени за всички знаци от дадения тип (от дадения словообразувателен ред), които могат да бъдат описани с една за целия ред дефиниция“, а „ситуативната транспозиция се състои в това да се изразят с нов знак някои ситуативни значения, съдържащи се в изходното изречение“. Ситуативната транспозиция има свои собствени ограничения, които са различни от тези, които се наблюдават при системната транспозиция. Системната транспозиция възпрепятства ситуативната транспозиция (Кубрякова, 1978, с. 92).

Към системната транспозиция трябва, напр., да се отнесе само съвместяването на процесуалност и предметност. Това е едновременно и „процес“ и „предмет“, определени процеси, названия на процеси. Но е възможно и друго: и времевите, и аспектуалните значения на производящите глаголи невинаги да са съвсем изтривани в отглаголните имена, понякога те са отразени системно. „Още по-често, обаче, аспектуалните и времевите значения на изходните глаголи се появяват при ситуативната транспозиция“ (Кубрякова, 1978, с. 93). Преминавайки в класа на предметните думи обаче, глаголите губят в процеса транспозиция своите функционални, напр. валентностни свойства (Кубрякова, 1978, с. 112).

И. С. Улуханов отбележава, че „чиста“ транспозиция е налице, когато има „тъждество на лексикалните значения при различие на синтактичните позиции на думите, принадлежащи към различни части на речта“ (Улуханов, 1977, с. 24).

В руската и украинската езиковедска литература транспозицията е известна още и като синтактична деривация, а мутацията – като лексикална деривация (Земска, 1973, с. 186, 244; Словообразуване 1979, с. 9; Курилович, 1962, с. 57 – 70 и др.).

На изследването на абстрактната отглаголна лексика в българския книжовен език е посветена дисертацията на Ст. Калдиева-Захариева. Проучването е извършено в синхронен аспект, прави се цялостна характеристика на словообразувателните типове в съвременния български книжовен език, като се привеждат и исторически данни, свързани с установяване на „произхода на някои суфиксни и техните варианти, с определянето на появата на различните словообразува-

телни типове, с очертаването и характеризирането на семантичния развой на отвлечените отглаголни имена и др.“ (Калдиева, 1977, с. 2 – 3). Авторката отбележва, че в по-голямата си част словообразувателните типове са „стари, ранни – появили са се още в старобългарския период“ (Калдиева, 1977, с. 9).

В редица статии се разглеждат проблеми, свързани с различни словообразувателни типове в българския книжовен език. Названията за действия в българските диалекти са обект на изследване в отделни разработки (Домусчиева, 1999, с. 252 – 263) и студии (Кочев, 1972, с. 160 – 166). Акционни имена се представят в описания на български говори в поредиците Трудове по българска диалектология и Българска диалектология. Проучвания и материали, както и в отделни статии, посветени на функциите на някои суфиксни.

Характерно за имената за действия е развитието (придобиването) на конкретни значения чрез семантичен пренос. Според Ст. Буров процесът на конкретизиране на съществителните с абстрактно значение се осъществява лесно, поради субстанциалния характер на признака, типичен за тези имена и чрез „по-нататъшно наслагване на семантични признаци, които частично или дори напълно елиминират отвлечения характер на значението“ (Буров, 1991, с. 14 – 15 и др.). Новите лексико-семантични варианти се отнасят към различни словообразувателни категории. Приема се, че те са словообразувателни омоними. „Под словообразувателна омонимия се разбира различие в общите словообразувателни значения, изразени формално от тъждествени суфиксни ...“ (Вендиня, 1990, с. 23 и др.). Редица имена за действия развиват вторично резултативно значение, напр. *бутаница*, от гл. „бутам“ – бутане; *венчилото*, от гл. „венчая“ – венчаване; *кихавица*, от гл. „кихам“ – кихане; *мачканница*, от гл. „мачкам“ – мачкане, *ораница*, от гл. „ора“ – оране; *потстрик*, от гл. „потстригвам“ – подстригване са акционни формации, а пък *бутаница*, нещо, „бутано“, получено от бутане – мътеница; *венчилото*, който е „венчан“; *кихавица*, резултат от „кихане“ – хрема; *мачканница*, нещо „(с)мачкано“; *ораница*, „(из) орана“ почва, *потстрик*, резултат от „подстригване“ – вълна – резултативни. Както убедително отбележва А. А. Уфимцева „... двете именни семи „процес на действието“ и „резултат на действието“ създават голям семантичен потенциал за отглаголното име, обозначаващо всичко, което може да бъде подложено на това действие“ (Уфимцева, 1968, с. 140). Други значения, които развиват акционните имена са: инструментално, напр. *кичило*, от гл. „кича“ – кичене; *мазилту*, от гл. „мажа“ – мазане – *nomina actionis*; а *кичило*, нещо за „кичене“ – накит; *мазилту*, нещо за „мазане“ – лечебно или козметично средство – *nomina instrumenti*; локативно значение, напр. *агнило*, от гл. „агни се“ – агнене; *котилото*, от гл. „коти се“, ражда се – раждане – *nomina actionis*; но *агнило*, място, където се „агнят“, раждат овцете; *котилото*, място, където се „котят“, раждат животни – *nomina loci* и др.

Материалът за работата е ексцервиран от Архива за български диалектен речник в Секцията за българска диалектология и лингвистична география при Института за български език „Проф. Л. Андрейчин“, от поредиците Трудове по българска диалектология и Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 1 – 10, 1962 – 1981 и др.

В книжовния български език названия за действия се образуват с наставки: *-не*, *-ние*, *-Ø*, *-а*, *-ба*, *-тва*, *-штба*, *-еж*, *-ка*, *-(н)ица*, *-овка*, *-н'а*, *-от*, *-ък*, *-аж*, *-н*, *-ация*, *-ство*, (Граматика 1983, с. 61 – 62; Андрейчин, 1978, с. 97 – 98; Маслов, 1982, с. 92 – 94; Радева, 1991, с. 138 – 140; Радева, 2007, с. 129 – 135; Леков, 1954; Калдиева, 1977).

ИМЕНА ОТ СРЕДЕН РОД

1. Словообразувателен тип с наставка *-не*

Имената от този словообразувателен тип в диалектите са мотивирани от глаголи от несвършен вид, както е и в книжовния български език и изразяват цялостност на действието. За имената от този тип в книжовния език се смята, че са възприети от диалектите. В полската литература по словообразуване аналогичните названия се наричат категориални (Граматика 1984, с. 336). Л. Селимски също използва този термин (Селимски, 1997, с. 254).

Както отбелязва и В. Радева „Названията на действия, които се образуват с наставка *-не* от основи на несвършени по вид глаголи, в много изследвания се включват в морфологичната парадигма на глаголната категория...“ (Радева, 2007, с. 130). Ю. С. Маслов, напр. смята, че тези имена „влизат в парадигмата на несвършения вид на глагола“ и не ги отнася към словообразуването (Маслов, 1982, с. 93). В лингвистичната литература се приема, че потенциално от всеки глагол от несвършен вид може да се образува отглаголно съществително със суфикс *-не*. Затова обикновено от някои езиковеди те се разглеждат като резултат от формоизменение, което е свидетелство за дифузността на класовете езикови явления и за наличието наред с прототипните единици на маргинални промеждутьчни случаи (Харитончик, 2004, с. 179).

Словообразувателният тип с наставка *-не* се реализира чрез разширените варианти *-ане* и *-ене*. В диалектите са регистрирани единични случаи със суфикс *-не*, напр. *бурнè*, от гл. „буровам се“, *бия се* – Страндж., *струвнè*, от гл. „струвам“, правя помен за умрял – Силистр.

Имена с разширен вариант на наставката *-ане* (с фонетични варианти *-айне*, *-ани*, *-ьни*, *-ане*): *бàцкыне*, от гл. „бàцкъм“, *целувам* – Хаск., *брèнцане*, от гл. „брèнцам“, *хленча* – Соф., *бъхтане*, от гл. „бъхта“, *бия* – Първом., (бъхтàне – Страндж.), *вàркане*, от гл. „вàркам“, *бързам* – Блгр., (варкàне – Соф., Сам., Царибр.), *глав'àване*, от гл. „глав'àвам“, *сгодявам* – Агр., *драгòване*, от гл. „драгòвам“, *обичам*, *ухажвам*, *любя* – Ард., *дùмане*, от гл. „дùмам“, *говоря*, *приказвам* – Паз., Копр., Кюст., Никоп., (дùмане – Плев., Блгр., Кул., думàне – Ихт., Санд., Банс., дùмъни – Ел.), *живувàне*, от гл. „живувам“, *живея*, *разбирам се с някого* – Банс., Перн., *загàлвane*, от гл. „загàлвам“, *залибвам* – Смол., (зъгалтевнe – Гюм.), *занекнуване*, от гл. „занекнува“, *зализыва* (слънцето) – Ср. Род., *зборùване*, от гл. „зборùвам“, *говоря* – Соф., (сборувàйне – Гевг.), *ѝшишане*, от гл. „ѝшишам“, *искам*, *желая* – Ксант., *калèсване*, от гл. „калèсвам“, *каня* (на сватба) – Род., (кълèсвъни – Котел.), *кràтайне*, от гл. „кràта се“, *свършва се* – девес. г., *милувàн'e*, от гл. „милùвам“, *обичам* – Сам., *окàн'e*, от гл. „ðкам“, *викам* – Соф., Сам., Царибр., *ортùване*, от гл. „ортuvam“, *говоря* – Никоп., (оротùване – от гл. „оротùвам“ – Вид.), *пойàне*, от гл. „пойам“, *пея* – Сам., Дупн., *прашàн'e*, от гл. „пràшам“, *питам* – Дупн., ЮЗГ, *рùкане*

,от гл. „рùкам“, каня на годеж, кръщене и др. – БЕР, Род., *ручàн’е*, от гл. „рùчам“, ям, храня се – Ихт., Соф., Петр., (*ручàне* – Сам., Вод., Радом., Дупн., Брезн., Кюст., Трън.), скончàне ,от гл. „скончи“, свърши – ВТ., *mèpan’е*, от гл. „тèпам“, бия – Прил., (*тепàне* – Кюст., Соф.), ужнуван’е ,от гл. „ужнувам“, храня се към З ч. след обяд – Дупн., *шетане* ,от гл. „шèтам се“, разхождам се – Петр., Разл., (*шèтане* – Страндж., *шетайне* – Гевг., *штàне* – Вид.), *шèтъни* ,от гл. „шèтъм“, върша къщна работа – Ел., (*шьтане* – Крумгр., Разл., *шòтане* – Смол.).

Имена с разширен вариант на наставката *-ене* (с фонетични варианти *-ени*, *-ен’е*, *-ини*,): *бàгрене* ,от гл. „багря“, оцветявам, боядисвам – Драм., (*бàгрене* – от гл. „бàгрэм“ – Ивгр.), *божèне* ,от гл. „бòжа са“, заклевам се – Тетев., *блòхтене* ,от гл. „блòхта“, бия – Пловд., *везене* ,от гл. „везем“, бродирам – Блгр., (*вèзене* – Злгр.), *влàчене* ,от гл. „влàча“, минавам с брана по изораното – об., *влàчене* ,от гл. „влàчим“, крада мома – Врач., (*влачèне* – Брезн., Дупн., Кюст. кр.), *врèвене* ,от гл. „врèвим“, говоря – Год., Петр., (*врèвене* – Дупн., *врèйни* – от гл. „врèйъ“ – Солун.), *гàлене* ,от гл. „гàлèм“, обичам, любя – Смол., Дев., ГД., Дедеаг., Гюм., *галèне* ,от гл. „галим“, милвам, глезя – об., *главèне* ,от гл. „главèм“, сгодявам – Астр., ГД., Малт., (*гльвèне* – Гюм., *главèне* – Пещ., Бабаеск., Страндж.), *кìнене* ,от гл. „кìнем“, късам (цвете) – Трън., *кràтене* ,от гл. „кràта се“, свършва се – Първом., *л’ùбене* ,от гл. „любя“, обичам – Ихт., Петр., Смол., Мад., (*л’ùбейне* – Охр., *л’убèне* – Перн., Дупн., *лìбене* – Тетев., Перн., *лìбини* – Ел., *лìбъни* – Севл., с делабилизация *у > и*), *л’утèн’е* ,от гл. „лутим се“, ядосвам се, сърдя се – Сам., (*л’утейне* – Вод.), *милùене* ,от гл. „милùем“, милвам; обичам – Гюм., *сеене* ,от гл. „сее“, бозае – Ср. Род., *сртен’е* ,от гл. „сртим“, шетам, върша някаква работа – Брезн., *трàжене* ,от гл. „трàжа“, търся – Соф., (*тражèн’е* – от гл. „тражим“ – Дупн., Брезн.), *умèние* ,от гл. „ùма се“, мисля – Кост.

Имената от този словообразувателен тип назовават действия, свързани с различни области на живота, тъй като от почти всеки глагол от несвършен вид може да се образува акционно название на *-не*. Между тях се срещат: а) названия, еднакви с тези в книжовния български език, напр. *вìкане*, *пìтане*, *бàгрене*, *влàчене*, *л’ùбене* и др.; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат само в диалектите, напр. *бàцкъни*, *брèнцане*, *блòхтане*, *зорòване*, *кìнене*, *кràтайне*, *окàне*, *врèвене*, *скончàне*, *сртене*, *трàжене* и др. Този словообразувателен тип е по-богат на образования от съответния в книжовния български език, тъй като изобилства с облици с различни мотивиращи основи, характерни само за българските говори. Названията от този словообразувателен тип не приемат граматичните характеристики на съответния глагол и показват самостоятелен семантичен развой.

2. Словообразувателен тип с наставка *-те* (с фонетични варианти *-ти*, *-ки*, *-ке*)

Имената от този словообразувателен тип са характерни само за диалекти. Според Ив. Кочев суфиксът е напълно омосемантичен на *-не*. Към този словообразувателен тип се отнасят имена като: *грèти* ,от гл. „грейа“ – грееене – Ямб., *круте* ,от гл. „круйъ“ – кроя – Новопаз., *мìти* ,от гл. „мия“ – миене – БЕР, Габр., Шум., Ямб., Силистр., (*мìк’и* – Ел., *мìке* – Котел., с преход *t > k*), *пìти* ,от гл. „пия“ – Силистр., Ямб., Разгр., Шум., (*пикè* – БЕР, Бан., *пìти* // *пìки* – Ел., *питè* – Котел.,

ВТ., Сев. Добр., Банс.), чұти , от гл. „чая“, чувам‘ – Ямб., шити , от гл. „шия“ – шиене‘ – Новопаз., (шити – Силистр., Ямб., Шум.).

Имена с разширен вариант на наставката *-ате* (с фонетични варианти *-атие*, *-ати*, *-ъти*, *-ъки*): бръснате , от гл. „бръсна се“ – бръснене‘ – БЕР, (бръснати – ИБ, Ямб.), бъкнàте , от гл. „бъкнùвам“, целувам‘ – Вод., женàтие , от гл. „жена се“, жена се‘ – Кост., (жèнъти – Силистр.), жнàтие , от гл. „жнѝйам“, жъна‘ – Вод., (жнàтие – от гл. „жна“ – Кост.), кланàтие , от гл. „кланам се“, покланям се, поздравявам‘ – БЕР, Вод., (клайнате – Ениджев., кланàтие – БЕР, Корч.), мнàтие , от гл. „мна“, мъна, чукам стъбла на лен, коноп‘ – Банс., мръзнък‘и , от гл. „мръзнь“ – мръзнене‘ – Ел., с преход *t* > *k*, примѝнти , от гл. „примињ“; преминавам‘ – Силистр.

Имена с разширен вариант на наставката *-ете* (с фонетични варианти *-етие*, *-ети*, *-ете*, *-еке*): гноèтие , от гл. „гнòй“, торя‘ – Кост., зъцърнèте , от гл. „зъцърнùвам“, зачерням‘ – Вод., кланети , от гл. „кланям“, покланям, поздравявам‘ – БЕР, долнов., кунèтие , от гл. „куна“, навеждам‘ – Кост., мретè , от гл. „мра“, умирам‘ – Тетев., Врач.

Сред имената от този словообразувателен тип се срещат: а) названия с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния български език, но в него не образуват облици с тази наставка, напр. мѝти, чұти, шити, бръснате, женàтие и др.; б) названия с мотивиращи основи, които са характерни само за диалектите, напр. бъкнàте, гноèтие, кланàтие, кунèтие и др.

3. Словообразувателен тип с наставка *-ло*

В граматиките и в изследванията по словообразуване на съвременния книжовен български език са представени имена с наставка *-ло* и разширениите варианти за назование на предмети – средства за действие, на вещества, на имена за лица.

Названия за действия със суфикс *-ло* и разширениите му варианти не са отбелязани в българския книжовен език. Имената от този словообразувателен тип се срещат в българските диалекти (Кочев, 1972, с. 166; Кяева, 1996 а), напр. беглò , от гл. „бягам“ – бягане, изселване‘ – Ботгр., Пирд., Свищ., (биглò – Троян., Карл.), гелплò , от гл. „гèлпе“, обърквам нещо‘ – Страндж., гизлò , от гл. „гѝзна“, тъна в мокрота‘ – БЕР, Страндж., закаслò , от гл. „закàсвам“, изпадам в тежко положение‘ – Соф., куплò , от гл. „купя, купувам“ – купуване‘ – Кюст., Год., Сам., Ихт., Соф., Ботгр., Царибр., убреклò , от гл. „убрека се“, обещавам, обричам се‘ – БЕР, Ямб., откуплò , от гл. „откупя, откупувам“ – откупуване‘ – Ихт.

Имена с разширен вариант на наставката *-ило* (*-илу*): агнѝло , от гл. „агни се“ – агнене‘ – Копр., Айт., Помор., (ъгнѝту – Ямб., егнѝту – Род., йагнѝло – Страндж., йагнило – юзг.), бъхтѝлу , от гл. „бъхтъ“, работя много‘ – Ел., венчѝло , от гл. „венчавам се“ – венчаване‘ – об., галило , от гл. „гàлем“, обичам, любя‘ – Род., доѝло , от гл. „доя“ – доене‘ – БЕР, (дуѝло – Силистр., Добр., дуѝлу – Бан., дувѝлу – Силистр.), женѝло , от гл. „женя се“ – женене, женитба‘ – БЕР, Тетев., Копр., Сам., Смол., Белогр., Брезн., Пещ., (женило – юзг., жèнило – Монт., женѝлу – Шум., Ард., жинѝло – Кубр., жинѝлу – Карл.), жисиѝлу , от гл. „живея“, съществувам‘ – Троян., кичило , от гл. „кичем“, украсявам‘ – Асгр., Смол., купѝло , от гл. „купя, купувам“ – купуване‘ – РРОДД, Врач., Пирд., ВТ., Никоп., Ботгр., Петр., Плев., (купѝлу – Ел., Карл., Ямб., купыѝлу

– Вин.), *мазѝлу*, от гл. „мажа“ – намазване – Солун., *мъчѝлу*, от гл. „мъчъ съ“ – мъчение – Ел., Силистр., *патѝло*, от гл. „пая, пàта, пàтим“, страдам – об., поѝло, от гл. „поя“ – поене на добитък – БЕР, МТ., *ранѝлу*, от гл. „рàна“, храня – Ямб., скомчило, от гл. „скомчи се“, изчезне – Банс., *телѝло*, от гл. „тèли се“ – телене – Род., *тькмѝлу*, от гл. „тькмъ съ“, глася се – вт.

Имена с разширен вариант на наставката -ало (с фонетични варианти -ъло, -алу): брецàло, от гл. „брèцам“, рева – Врач., *исповедàло*, от гл. „исповèдам“, изповядвам – Соф., *истезàло*, от гл. „истезàвам“, измъчвам – Страндж., *кл'ùкало*, от гл. „кл'ùкам“, клеча – Драм., *купàло*, от гл. „кòпам“, копая – Дедеаг., *лàгало*, от гл. „лàгам“, лъжа – БЕР, Кюст., *нъкъзàлу*, от гл. „нъкàзвъм“ – наказание – Ел., *нърищàлу*, от гл. „нърицъм“, наричам – Севл., орàло, от гл. „ора“ – оране – Бург., (урàлу – Дедеаг.), *стъвин'àло*, от гл. „стъвин'a се“, стъмва се – Царибр., *упратàло*, от гл. „упрàтам“, изпращам – БЕР, Смол., Асгр., Ард.

Имената от този словообразувателен тип са добре застъпени в българските диалекти. Обикновено те са образувани от глаголи от несвършен вид, но се откриват и названия с мотивиращи основи от глаголи от свършен вид. Сред тях се срещат: а) имена с мотивиращи основи, които се срещат и в българския книжовен език, но в него не се образуват облици с тази наставка, напр. *беглò*, *гизлò*, *закаслò*, *куплò*, *наказѝло*, *изповедало*, *купàло* и др.; б) имена с мотивиращи основи, характерни за българските говори, напр. *брецàло*, *бъхтѝлу*, *гатѝло*, *клùкало*, *скомчило* и др.

Образованията от този словообразувателен тип са разпространени из цялата българска езикова територия. Суфикс -ло в българските диалекти наследява от праславянски функцията да образува както инструментални формации, така и акционни облици (Славски, 1974, с. 104).

4. Словообразувателен тип с наставка -иште (с фонетичен вариант -ишиче)

Със суфикс -иште в българския книжовен език се образуват имена за места и увеличителни и пейоративни имена. В книжовния език не се срещат названия за действие със суфикс -иште. Образованията от този словообразувателен тип са характерни за българските диалекти (Кяева, 1996 б, с. 70 – 71), напр. *грèиште*, от гл. „грейам“ – грееңе – Прил., *зимòвиште*, от гл. „зимовам“, презимувам – Троян., Соф., (зимовиште – юзг., Прил.), *зъмàиште*, от гл. „зъмайвъм съ, зъмайъ съ“ – маене на глава – Вид., *избàвиште*, от гл. „избавям“ – избавяне – БЕР, Прил., (избавиште – юзг.), *нагазишиште*, от гл. „нагазувам“ нагазувам – Сам., *огрèвишче*, от гл. „огрèвам“, огрявам – Банс., (огревишиче – щип.), *прìвидiшче*, от гл. „привидувàм“, помагам, приглеждам – Банс., *сèдишиште*, от гл. „седнувам“, седна – сядане – Вид.

С разширени варианти на суфикс -иште са образувани имената:

-шиште: *мъчѝлиште*, от гл. „мъча се“ – мъчение, тегло – Смол., *патилѝшче*, от гл. „пàта“, пая, страдам – Кюст.

-елиште: *орелѝшче*, от гл. „ора“ – оране – Кост., *седèлиште*, от гл. „сèда“, местопребивавам – БЕР, Кюст., (седелѝшче – БЕР, Кост.).

-èвишче: *седèвишче*, от гл. „сèда“, пребивавам – БЕР, Банс.

Названията от словообразувателния тип с наставка -иште и разширениите й варианти се срещат само в диалектите. Те не са много на брой, но показват

словообразувателните възможности на българските говори. По-голямата част от тези имена са с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния език, но в него не образуват такива облици, напр. *греиште*, *зъмдиште*, *избъзиште*, *нагазиште*, *погледиште* и др.

5. Словообразувателен тип с наставка *-во*

Суфикс *-во* е наследен от праславянски и най-често се свързва с отглаголни основи. В съвременния български език се срещат малко имена с тази наставка и те са със събирателно, резултативно или инструментално значение (Русинов, 1970, с. 524 – 526). Т. Шимански посочва и акционно значение (Шимански, 1968, с. 114).

Имената от този словообразувателен тип се срещат в българските говори, напр. *гàл'во*, от гл. „*гàлèм*“, *обичам, любя* – Род., *грàд'во*, от гл. „*грàдèм*“, *градя, зидам* – Род., *крòйво*, от гл. „*крòйам*“, *кроя – кроене* – Смол., Ард., Дев., Агр., Злгр., Мад., *пèйво*, от гл. „*пèем*“, *пее, уча, чета – пеене, учение, четене* – БЕР, Смол., Ард., Агр., Мад., *пìйво*, от гл. „*пìйам*“, *пия (алкохол)* – БЕР, Род., *плèтво*, от гл. „*плèтам*“, *плета* – БЕР, Род., *прèд'во*, от гл. „*прèдам*“, *преда* – БЕР, Род., *ткàйво*, от гл. „*ткàйам*“, *тька* – Смол., Ард., Агр., Мад.

С разширен вариант на суфикс *-во* *-во* са регистрирани названията: *плèтиво*, от гл. „*плетем*“, *плета, заплитам* или подстригвам косите на малко дете – БЕР, Кюст., Соф., *плетиво*, от гл. „*плета*“ – *плетене* – БЕР, Год., *прèливо*, от гл. „*преливам*“ *гроб на помен* – Дупн.

С разширен вариант *-ово* (фонетични варианти *-уво*, *-узу*) са имената: *пìйуюво*, от гл. „*пìйа(м)*“, *пия алкохол* – БЕР, Смол., Ард., Агр., Шир. р., *стрижкошо*, от гл. „*стрижам*“, *стрижа овце* – Страндж., (*срìж'уу* – ГД.), *ткàйузу*, от гл. „*ткàйам*“, *тька* – Род., *чòн'уво*, от гл. „*чòнам*“, *раздавам сладки неща в памет на умрелите* – Смол.

Единични са случаите на названия с разширения вариант *-ево*: *йàдево*, от гл. „*йадам*“ – *ядене* – Дев., *пìево*, от гл. „*пìйам*“, *пия* – Дев., *сплèтево*, от гл. „*сплета*“, *сплитам, кръстосвам* – БЕР, Копр.

Този словообразувателен тип е характерен за диалектите и названията са регионално ограничени. Имената обикновено са с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния български език, но в него не се образуват акционни имена със суфикс *-во* и разширениите му варианти.

6. Словообразувателен тип с наставка *-ие*

Названията за действия със суфикс *-ие* и разширениите му варианти са характерни за книжовния български език. В диалектите се срещат не много на брой имена, като обикновено наставката *-ие* се реализира чрез разширениите си варианти *-ание* и *-ение*.

Имена с разширения вариант на суфикс *-ие* – *-ание*: *запèцнувание*, от гл. „*запèцнувам*“, *закачам слабо* – Ботгр., *кумвание*, от гл. „*кумвам*“, *кумувам* – БЕР, ЮЗГ., *кòлцание*, от гл. „*кòлцам*“, *чукам, хлопам* – Ботгр., *сакание*, от гл. „*сакам*“, *искам* – Охр., *сèквание*, от гл. „*сèквам*“, *дърпам силно и рязко* – Ботгр., *чигòртание*, от гл. „*чигòртам*“, *стържа* – Ботгр.

Имена с разширен вариант *-ение*: *гувèние*, от гл. „*гувеем*“, *говея, постя* – Злгр., *дукьчёние*, от гл. „*дукачвъм се*“, *обиждам се* – СтЗаг., *заштиление*, от гл. „*заштилам*“, *затулям, закривам* – Ботгр., *предение*, от гл. „*преда*“ – *предене* – Гюм.

7. Словообразувателен тип с наставка *-ство* (с фонетични варианти *-ству*, *-сту*): *бегство*, от гл. „бегам“, бягам – бягане‘ – юзг., *кумство*, от гл. „кумувам“ – кумуване‘ – Соф., Прил., (*кумствъ* – Брезн., Соф., Царибр., *кумству* – Добрич.), *насилство*, от гл. „насилия, насиливам“ – насилие‘ – БЕР, Соф., *преварство*, от гл. „превара“, измамвам, изигравам някого‘ – Бан., *размирство*, от гл. „размиря, размирвам“, бунтувам‘ – Соф., Блгр., Белосл., Лов., Луков.

8. Словообразувателен тип с наставка *-мо*: *вездомъ*, от гл. „везем“, бродирам‘ – Банс., *читмъ*, от гл. „чета“ – четене‘ – Солун., *шетмъ*, от гл. „шетам“ – шетане‘ – РРОДД.

9. Конверсиални имена

Много малко са конверсиалните имена от сп. р., напр. *боле*, от гл. „более“, *боледува* – Прил., *бучѝ*, от гл. „бучи“ – бучене‘ – Пещ., Паз.

ИМЕНА ОТ ЖЕНСКИ РОД

1. Конверсиални названия

Конверсиалните названия за действие от ж. р. обикновено се представлят в граматиките (Граматика 1983, с. 60; Андрейчин, 1978, с. 97) и в някои изследвания по словообразуване на съвременния български език като образувания с наставка *-а* (Калдиева, 1977). В. Радева и Т. Шимански (Шимански, 1975, с. 547 – 551) разглеждат тези имена като конверсиални с окончание *-а*, „което е формален показател за принадлежността им към категорията на съществителните имена“ (Радева, 1991, с. 139).

I. Не са много на брой конверсиалните имена за действия в българските диалекти, мотивирани от непрефигирани глаголи, предимно от несвършен вид, напр. *бòра*, от гл. „борем се“ с някого – борба, борене‘ – Смол., Мад., Асгр., Ср. Род., *бùгла*, от „буглòсвам се“, затъвам в някаква работа‘ – Страндж., *вайа*, от гл. „вайем“, бавя, забавлявам някого‘ – Банс., ГД., *вàрдъ*, от гл. „вàрдъ“, пазя, причаквам на скрито място‘ – Казанл., Ел., *гòда*, от гл. „годя (се), годявам (се)“ – годеж‘ – РРОДД, Никоп., Добрич., Попов., Помор., Разгр., Новопаз., Търгов., (*гòдъ* – Сев. Добр., Шум., Пресл., Провад.), *дùха*, от гл. „дùхам“, дишам‘ – Род., (*дùа* – Пловд.), *дòйа*, от гл. „дойам“, доя животни – Смол., *кùда*, от гл. „кудим“, клеветя‘ – Разл., *мòза*, от гл. „мъ(л)зем“, доя животно‘ – Разл., *прòса*, от гл. „прося“ – просене, просия‘ – БЕР, Ард., (*прòсь* – Гюм., *прусà* – Новопаз., Слив. *просò* – Род.), *трàта*, от гл. „трати се“, губи се нещо‘ – Бург., *ч'òна*, от гл. „ч'òна се“, раздава се хляб в памет на умрелите‘ – Смол.

II. Много са конверсиалните названия за действия, които са мотивирани от префигирани глаголи от несвършен вид, напр. *дòкима*, от гл. „докимàсвам“, изпитвам‘ – Драм., *дòкута*, от гл. „докупувам“, купувам‘ – Род., Тетев., *зàбела*, от гл. „забелва се“ зазорява се – зазоряване‘ – РРОДД, Ср. Род., *захùда*, от гл. „захуда“, залязва (слънцето) – залез‘ – Ивгр., Първом., (*задда* – Разл.), *зглèда*, от гл. „згледват“, оглеждат мома за годеж‘ – об., *иуглàва*, от гл. някой „йуглавя“, сгодява някого‘ – Блгр., *одаха*, от гл. „одахам“, отдъхвам‘ – БЕР, Смол., *подлùта*, от гл. „подлутва се“, възпалява се (за рана) – възпаление‘ – Плев., Соф., Берк., *покùда*, от гл. „покудим“, покудя, злепоставя, клеветя някого‘ – Кюст., *прèкрева*, от гл. „прекрива се“, сваля се булото на невестата от девера‘ – Ивгр., с редуване *и ~ е*,

прошёта ,от гл. „прошетам се“, разхождам се‘ – Банс., *сгода* ,от гл. „сгодявам се‘ – годеж‘ – Провад., *состава* ,от гл. „составим“, спирам, прекъсвам‘ – Смол.

III. Не са много и конверсиалните имена за действия, мотивирани от префигирани глаголи от свършен вид, напр. *додера* ,от гл. „додера, додерем“, *докъсам‘* – Тетев., Род., (додеръ – Казанл., додъръ – Чирп.), *зареда* ,от гл. „заредят се“, редуват се в извършване на работа‘ – Врач., Тетев., (заредъ – Вт., Ел., Севл., Кул., Белогр., Вид., Белосл., Карл., Чирп.), *нарана* ,от гл. „на(x)раня, нараним“ *някого‘* – БЕР, Брезн., Банс., Соф., Сам., Радом., *погода* ,от гл. „погодим се“, разбирам се с *някого‘* – Соф., Радом., *пригода* ,от гл. „пригодя“, угаждам на *някого‘* – Соф., Сам., Кърдж., (*пригода* – ГД., *пригуда* – Шум.), *развъда* ,от гл. „развъдя“, развъждам животни‘ – ВТ.

IV. Срещат се имена, които могат да се разглеждат като мотивирани и от префигирани глаголи от несвършен вид, и от префигирани глаголи от свършен вид, напр. *оглава* ,от гл. „оглавя, оглавявам“, сгодя, сгодявам *някого – годеж‘* – БЕР, Разл., Банс., *пресила* ,от гл. „пресиля, пресилвам се‘ – пресилване‘ – Ихт., *распара* ,от гл. „распарвам, распаря“, размеквам чрез пара‘ – Соф.

Сред анализираните формации се откриват: а) еднакви със съответните в книжовния български език, напр. *одука*, *пожала* и др.; б) с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния български език, но в него не образуват такива названия, напр. *бюра*, *вардъ*, *гъдда*, *дъха*, *продса*, *докупа* и др.; в) с мотивиращи основи, които не се срещат в книжовния български език, напр. *бугла*, *вайа*, *връза*, *куда*, *тратма*, *ч’она*, *докима*, *захуда*, *погода*, *пригода*, *прошёта* и др.

Конверсиалните имена за действие от ж. р. показват предпочтение към свързване с мотивиращи основи от префигирани глаголи от несвършен вид, но се срещат и названия с мотивиращи основи от непрефигирани глаголи от несвършен вид, а по-малко с формациите с мотивиращи основи от префигирани глаголи от свършен вид.

2. Словообразувателен тип с наставка -ка

Суфикс *-ка* е полифункционален формант. С него се образуват имена от почти всички словообразувателни категории: *nomina agentis* (Тетовска-Троева, 1988, с. 127 – 146), *nomina actoris* (Тетовска-Троева, 1992, с. 119 – 141), *nomina attributiva*, *nomina instrumenti*, *nomina loci*, *nomina resultativa*, *nomina deminutiva*, *nomina mota*. Първичната му словообразувателна функция е да образува деятелни съществителни имена от женски род от деятелни съществителни от мъжки род.

Имената от този словообразувателен тип се свързват преди всичко с основи от префигирани глаголи от трите спрежения, както е и в книжовния български език.

В българските диалекти се срещат редица названия като: *венчавка* ,от гл. „венчавам (се)“ – венчаване‘ – об., *год’афка* ,от гл. „год’авам (се)“ – годеж‘ – Пирд., (гуд’афъкъ – Вт.), *гоштавка* ,от гл. „гоштавам“, гостя‘ – Ихт., (гоштавка – ЮЗГ), *грейкъ* ,от гл. „грее“, топли‘ – Гюм., Карл., Вт., зъд’афъкъ ,от гл. „зъд’авъм“, закачам, задирям‘ – СтЗаг., Ел., *калеска* ,от гл. „калесвам, калесам“, каня, поканвам‘ – БЕР, СЗБ, Врач., Шум., Соф., Пирд., Първом., (кълескъ – СтЗаг., Ел., Троян., Ямб., Казанл., Севл., Ново-заг.), *крыштавка* ,от гл. „крыштавам“ – крыщене‘ – Гюм., *накуска* ,от гл. „накусвам“,

опитвам ястие на вкус‘ – Тетев., (*нàкуска* – Смол., Ард.), *насòска* ,от гл. „насòсам, насòсвам“, донаждам, принаждам‘ – Котел., *несврòтка* ,от гл. „несврòтам се“, не спирам на едно място‘ – Тетев., *огрèйка* ,от гл. „огрейа“ – огряване‘ – Тетев., *порèска* ,от гл. „порèвна“, пожелая, прииска ми се‘ – БЕР, РРОДД, (*турèфкь* – Ел., Казанл., Чирп., Котел.), *прошòтка* ,от гл. „прошòтам се“, разхождам се‘ – РРОДД, Кюст. кр., Босил., Щип., (*прошетка* – Бит., *прошетка* – Прил., ЮЗГ), *растùшка* ,от гл. „растùшвам са“, утешавам се‘ – вт., *сèтка* ,от гл. „седя, сядам“ – седене‘ – Соф., Кюст., Ботгр., (*сàтка* – Пирд., Панаг.), *урìська* ,от гл. „урìсьмъ, урìсьвъм“ – орисване‘ – Ямб., *черпàфка* ,от гл. „черпàвам“, черпя някого‘ – Ихт., чòнка ,от гл. „чòнам“, раздавам в памет на умрелите‘ – Смол., ўцка ,от гл. „ўцам“, хълцам‘ – Банс.

В диалектите се срещат редица названия с разширени варианти на наставката:

-шлка (с фонетични варианти -улк’а, -ул’к’а): *венчѝлка* ,от гл. „венчàвам, венчàйа“ – венчаване‘ – Ихт., Паз., Панаг., Ботгр., Сам., Царибр., (*винчѝлкь* – Силистр.), *галилка* ,от гл. „гàлèм“, обичам‘ – Смол., *главѝлка* ,от гл. „глàвèм“, сгодявам‘ – Род., Страндж., Малг., (*гльвѝлкь* – Гюм., Дедеаг.), *женѝлка* ,от гл. „женя се“ – женене, женитба‘ – Тетев., Род., (*женѝлкь* – Хаск., Гюм.), *купѝлка* ,от гл. „купя“ – купуване‘ – Плев., Велгр., (*купѝлкь* – вт.), *руѝлкь* ,от гл. „руѝйт се“ пчели – роене‘ – Ел.

-алка (с фонетичен вариант -алкъ): *венчàлкь* ,от гл. „венчая“ – венчаване‘ – Гюм., (*венчàл’кь* – Провад.), *живàлка* ,от гл. „живея“ – живот, живеене‘ – БЕР, Ксант., *черпàлка* ,от гл. „черпа“ – черпене‘ – Страндж., *шеталка* ,от гл. „шетам“, разхождам – разходка‘ – Рус.

-елка (с фонетични варианти -èлка, -елкъ): *венчèлкь* ,от гл. „венчая“ – венчаване‘ – Гюм., *говèлка* ,от гл. „говèем“, постя‘ – Род., *крыштèлкь* ,от гл. „крышта въм“ – кръщаване‘ – Дедеаг.

-улка (с фонетични варианти -улк’а, -ул’к’а): *венчùлка* ,от гл. „венчам“, венчавам‘ – Сандр., Петр., *раздаeùлка* ,от гл. „раздавам“ хляб и питки в памет на умрелите‘ – Смол., (*раздаeùлка* – Крумгр., Велгр.).

-ачка: *гинàчка* ,от гл. „гинам“, умирам‘ – БЕР, Банс., *гоштавачка* ,от гл. „гоштавам“ – гощаване‘ – Дупн., *смейàчка* ,от гл. „смея се“ – смеене, смях‘ – Кост., (*смеачка* – ЮзГ), *съшиàчка* ,от гл. „съшинам се, спъвам се“ – Соф.

-анка (с фонетичен вариант -анкъ): *бел’àнкь* ,от гл. „бèл’ь“, обелвам царевица‘ – Ел., Севл., (*билàнка* – вт.), *бел’àнка* ,от гл. „бèл’а“, избелвам платно‘ – Шум., *прид’àнкь* ,от гл. „придъ“ – предене‘ – Карл., Ел., Лов., *тòрнуванка* ,от гл. „тòрнувам“, тръгвам (на гурбет)‘ – Род., *шетанка* ,от гл. „шетам“, домакинствам‘ – вт.

-енка (с фонетичен вариант -енкъ): *бèленкь* ,от гл. „бèль“, обелвам царевица‘ – Тревн., *брьсненка* ,от гл. „брьсна“ – брьснене на младоженеца в събота срещу сватбата‘ – Габр., *крыштèнка* ,от гл. „крыштавам“ – кръщаване‘ – Паз., Блгр., Брезн., Драм., Петр., Кюст., Банс., Сандр., Гевг., Демирхис., Сяр., Ихт., Дупн., (*крыштèнкь* – Солун., *кърстèнка* – от гл. „кърстам“ – Дедеаг.).

-ушка (с фонетичен вариант -ушкъ): *закачùшка* ,от гл. „закàчам се“ с някого‘ – Соф., (*закàчушка* – БЕР, Кюст., Босил.), *пожèнушка* ,от гл. „пожèнувам се“, оженвам се втори път‘ – Соф., Царибр., *съмнùшка* ,от гл. „съмне се, съмнува се“ – разсъмване‘ – Кюст., (*съмнùшкь* – Ел.).

-ешка: годешка, от гл. „годем се“, сгодявам се‘ – Пловд., **умрёшка**, от гл. „умрем“, мра, умирам‘ – БЕР, Дупн., (умрешка – Банс.).

Словообразувателният тип с наставка **-ка** е богат на названия. Имената от този тип показват предпочтение към свързване с основи на глаголи от несвършен вид. Срещат се много разширени варианти на наставката: **-штка, -алка, -елка, -улка, -ачка, -анка, -енка, -ушка, -ешка**, които са характерни само за диалектите.

Малко са названията, които са еднакви със съответните в книжовния български език. Най-много са облиците с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния език, но в него не образуват такива формации, напр. **годешка, купилка, закачушка, истезушка, кръщёнка, съмнушка, черпакфа** и др. Отбележани са имена, които са с мотивиращи основи, които се срещат само в българските говори, напр. **калеска, насдска, прошетка, главилка, трънуванка** и др.

От представения и анализиран материал се вижда, че словообразувателният тип с наставка **-ка** е далеч по-богат на названия от съответния тип в книжовния български език.

3. Словообразувателен тип с наставка **-ща**

В граматиките и изследванията по словообразуване се посочва суфикс **-ница** за образуване на имена за действия от глаголи от несвършен вид. Ив. Леков представя суфикс **(н)ица** (Леков, 1954, с. 39 – 40), а Ст. Калдиева-Захариева (1977) и Ив. Кочев представят суфикс **-ща** (Кочев, 1972, с. 162 – 163).

В българските диалекти една от основните наставки за образуване на имена за действия от женски род е суфикс **-ща**, напр. **заекница**, от гл. „заекнувам“, **заеквам‘** – Род., **заменица**, от гл. „заменям“, връщам работа на някого, който ми е помогал‘ – БЕР, Прил., (**заменица** – Агр.), **канница**, от гл. „каним“, **каня** – Кюст., (**канница** – Сам.), **несвъртица**, от гл. „несвъртам са“, не стоя на едно място‘ – Тетев., **одменица**, от гл. „одменям“, връщам работа на някого, който ми е помогал‘ – Разл., **полазница**, от гл. „полазим“, влизам първи в някой дом на празник като Игнажден и др.‘ – Кюст., **привишица**, от гл. „прививам“, навивам сламата за правене на рогозки‘ – БЕР, Севл.

Много са имената с разширени варианти на суфикс **-ща**:

-аница (-ънци): **бутаница**, от гл. „бутам се“, блъскам се‘ – об., **бъхтаница**, от гл. „бъхтам“, **бия‘** – БЕР, (**бъхтаница** – от гл. „бъхтам“ – Смол.), **викънци**, от гл. „викъм“, **каня за сватба‘** – Силистр., **майънци**, от гл. „майъ съ“, забавям се‘ – Чирп., **тепаница**, от гл. „тепам“, **бия‘** – Дупн., Блгр., (**тепаница** – юзг.).

-еница (-еници): **гъченци**, от гл. „гъче съ“, натискам се в навалица‘ – Хаск., **йуреници**, от гл. „йурим“, **гоня‘** – Кул., Вид., Белогр., **пестеница**, от гл. „пестя“, спестявам‘ – БЕР, Банс., **тарченци**, от гл. „тарчим“, **тичам‘** – Смол., Агр.

-авица: **бриавица**, от гл. „брйам“, **кихам** (за животни)‘ – Паз., Пловд., **дудинавица**, от гл. „дудне“, **тътне**, **гърми** (при буря)‘ – Год., **хълцавица**, от гл. „(х)ълцам“ – хълцане‘ – Дрян., (**лъцавица** – Ихт., Сам.).

-евица: **бучевица**, от гл. „бучи“ – **бучене‘** – ГД., **галчевица**, от гл. „голчем“, говоря‘ – Смол., Ард., Агр.

-овица: **преметовица**, от гл. „премятам, преметна“, обръщам се презглава‘ – БЕР, Ботгр.

-ница: *др'амница*, от гл. „дремя“ – дрямка‘ – БЕР, вт., *одбълница*, от гл. „одбулявам“ – отбулеване след сватбата‘ – Шум.

-лица: *пресѣклица*, от гл. „пресека“, пресичам, прекъсвам‘ – Врач., *рѣслица*, от гл. „растя“ – растеж‘ – БЕР, Банс.

-штица: *затрѣлница*, от гл. „затривам, затрийа“, губя си времето‘ – Соф.

-отевица: *пукотѣвица*, от гл. „пукъм“, стрелям с оръжие‘ – об.

Сред названията от този словообразувателен тип се срещат: а) имена еднакви с тези в книжовния език, напр. *бутаница*, *пукотѣвица* и др.; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния език, но в него не образуват формации с наставка **-ща**, напр. *закницица*, *каніца*, *одвърница*, *пестеница*, *хълцѣвица* и др.; в) имена с мотивиращи основи, които се срещат само в диалектите, напр. *бридвица*, *бъхтаница*, *полазица*, *тарченница*, *тепаница* и др.

Акционните облици са разпространени из цялото българско езиково землище. Характерни са разширените варианти на наставката: **-аница**, **-еница**, **-авица**, **-евица**, **-овица**, **-ница**, **-лица**, **-штица**, **-отевица**.

4. Словообразувателен тип с наставка **-ба**

В граматиките и изследванията по словообразуване на съществителните в съвременния български език се отбелязва, че имената за действие с наставка **-ба** се образуват от основи на несвършени и на свършени глаголи от първо и второ спрежение.

В българските диалекти се откриват редица имена за действие с тази наставка, напр.: *галбà*, от гл. „галя“, милвам‘ – РРОДД, (*гàлба* – Банс., ЮЗГ, *гàлбъ* – Солун.), *градба*, от гл. „градя“ – градене, градеж‘ – ЮЗГ, (*гàджба* – Агр., с редуване *г ~ ж*), *делбà*, от гл. „деля“ – делене‘ – об., *зборба*, от гл. „зборувам“, приказвам‘ – Кюст., Дупн., *йèжбъ*, от гл. „(й)èжа са“, *карам се*‘ – Дедеаг., (*йàжбъ* – Карл., Ел.), *калèсба*, от гл. „калèсвам, калèсам“, каня на сватба, годеж и др.‘ – БЕР, Шум., Соф., Тикв., (*калесба* – Прил.), *кàрба*, от гл. „карам се“ – караница‘ – БЕР, РРОДД, ЮЗГ, (*карбà* – Вид., Кул., Белогр., Берк., Лом., Орях., Врач.), *кràдба*, от гл. „крада“ – кражба‘ – БЕР, Солун., *кràжба*, от гл. „крада“ – об., с редуване *г ~ ж*, *лùтба*, от гл. „лùтим се“, *ядосвам се*‘ – Деб., Охр., ЮЗГ, *найàждба*, от гл. „найàждам се“ – наяждане‘ – Кюст., Босил., *порàзба*, от гл. „порàзвам“, режа лозе‘ – вт., *прèдба*, от гл. „прèда“ – предене‘ – БЕР, Шум., *прекòрба*, от гл. „прекòрим“, набедя – укор‘ – Кюст., *прошетба*, от гл. „прошетам се“, разходя се‘ – Петр., (*прошедба* – ЮЗГ), *свиèба*, от гл. „свиèря“ – свирене‘ – БЕР, Банс., Охр., Струж., Кук., ЮЗГ, *слòжба*, от гл. „слòжём“, *черпя*‘ – Дедеаг., *срèдба*, от гл. „сърдя се“ – съдене, *срьдня*‘ – Кюст., Деб., Охр., (*срдба* – ЮЗГ), *съдба*, от гл. „съда“ – съдене‘ – Солун., (*съдбъ* – Гюм., *сèдба*, от гл. „сèда“, *съдя*‘ – Тетев.), *трùдба*, от гл. „трùдя се“ – труд, усилие‘ – Бан., *чëтбъ*, от гл. „чета“ – четене‘ – Чирп., *шèтба*, от гл. „шèтам (се)“, разхождам се‘ – Солун., Перн., Белогр., Разл., Брезн., Рус., (*шèдба* – Соф., Гевг., Сяр., Карл., ЮЗГ), *шътба*, от гл. „шътам“, разтребвам‘ – Чирп., (*шòдба* – Карл.).

С разширени варианти на суфикс **-ба** са образувани названия като:

-идба: *берѝдба*, от гл. „бера“ – бране на плодове‘ – об., *возѝдба*, от гл. „вòзя“, превозвам с кола снопи, сено, грозде‘ – об., *вършидба*, от гл. „вършя“ – вършено‘ – об., *канѝдба*, от гл. „каня“ – покана‘ – БЕР, Радом., *косѝдба*, от гл. „кося“ – косене‘ – об., *кърстѝдба*, от гл. „кърстам“, кръщавам‘ – Агр., *ловѝдба*, от гл.

„ловя“ – ловене – Лов., *прашилба*, от гл. „прàша, прàшим“, прекопавам – Пещ., ГД., Род., *сейлба*, от гл. „сая“ – сеене – об., *тачилба*, от гл. „тàчим“, почитам, уважавам – ГД.

-илба: *венчилба*, от гл. „венчам“, венчая – Велгр., *вършилба*, от гл. „вършем“, вършея – Дев., ГД., *косилба*, от гл. „кося“ – косене – БЕР, ГД., Дев., (кусилба – Пловд.), *кършитилба*, от гл. „кърштевам“, кърщавам – Злгр., Мад., Софл., Дев., *лъчилба*, от гл. „лъча“, отделям – Котел., *прашилба*, от гл. „прàшим“, окопавам – Дев., *сейлба*, от гл. „сая“ – сеене – Дев., Пловд.

Сред представените названия от този словообразувателен тип се срещат: а) имена, еднакви с тези в книжовния български език, напр. *делбà*, *kräjbsa*, *beriùdba*, *vyrishìdba*, *kosiùdba* и др.; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния език, но в него не образуват облици с наставка -ба и разширението ѹ варианти, напр. *kàrba*, *najàjbsa*, *prèdba*, *crèjbsa*, *cròdba* и др.; в) имена с мотивиращи основи, които са характерни за диалектите, напр. *gàlba*, *zborbà*, *kalècsba*, *lùtmba*, *prashiùlba*, *shedbà* и др.

В българските диалекти се откриват и названия с мотивиращи основи на глаголи от трето спрежение, напр. *зборба* от гл. „зборùвам“, *калècsba* от гл. „калèсвам“ и др. За суфикс -ба и разширението ѹ варианти може да се твърди, че е специализиран за образуване на имена от словообразувателната категория *nomina actionis*.

5. Словообразувателен тип с наставка -н’а (с фонетични варианти -н’ъ, -н’ð)

В книжовния български език според граматиките и изследванията по словообразуване се срещат малък брой съществителни от този словообразувателен тип, които се употребяват предимно в разговорната реч.

В българските диалекти се откриват доста названия от този тип и може да се каже, че той е много жизнен и активен. Мотивиращите глаголи са от трите спрежения и най-често са от несвършен вид, напр. *борн’а*, от гл. „боря се“ – борба – юиб, *брусн’ð*, от гл. „брусòвам“, лъжа – измислица – Смол., Ард., *гласн’à*, от гл. „глася“ – гласене – БЕР, (гльсн’ъ – Габр.), *глезн’ð*, от гл. „глèзъ“, глезя – Белосл., *гъл’н’ъ*, от гл. „гàль“, милвам – Котел., *заплесн’à*, от гл. „заплèсвам се“ – заплесване – Врач., *изпитн’à*, от гл. „изпитвам“ – изпитване – БЕР, Копр., (*испítm’а* – Соф.), *итн’à*, от гл. „йтам“, бързам – Лом., *калесн’à*, от гл. „калèсам, калèсвам“, каня – БЕР, ВТ., (кълесн’ъ – Севл.), корн’à, от гл. „коря“, укорявам – укор – БЕР, Сам., *лъжн’à*, от гл. „лъжем“, лъжа – Разл., Банс., *набедн’à*, от гл. „набèдим“, набеждавам, клеветя – Разл., одн’à, от гл. „(х)одя“ – ходене – Соф., Сам., Трън., *дкн’а*, от гл. „дкам“, викам – БЕР, Соф., *пòлъзн’а*, от гл. „полàзим, полазùвым“, посещавам първи някой дом на Игнажден – Вид., *просн’а*, от гл. „прося“ – просене – Ихт., (*проши’à* – БЕР, Соф., Кюст., Дупн., Трън., Брезн., Ботгр., Босил., *прòшин’а* – Куман., Царибр., с редуване с ~ ш), *ритн’à*, от гл. „рѝтам“ – ритане – БЕР, Тетев., *рухулн’ъ*, от гл. „рухулъ“, тропам, вдигам шум – БЕР, Ел., *слугувн’à*, от гл. „слугùвам“, шетам вкъщи – РРОДД, Тетев., (*слугувн’ъ* – Плев.), *упитн’ъ*, от гл. „упитвъм“ – опитване – Севл., ВТ., *хълусн’ъ*, от гл. „хълðсвъм съ“, превземам се – Ел., *черпн’à*, от гл. „чёрпя, чёрпим“ – черпене – об., *шетн’à*, от гл. „шётам, шòтам“, разтребвам вкъщи – об., *шлеvн’à*, от гл. „шлèва се“, глезя се – Асгр.

Единични са случаите с разширени варианти на суфикс *-на*, напр. *-ълна*: *купълн'a*, от гл. „купувам, купя“ – купуване – Беш.; *-итн'ь*: *сърдитн'ь*, от гл. „сърдъ стъ“ – сърдене – ЦГР.

Сред названията от този словообразувателен тип в българските говори се срещат: а) имена, еднакви с тези в книжовния български език, напр. *черпнà*, *шетнà* и др.; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат в книжовния български език, но в него не образуват акционни облици със суфикс *-на*, напр. *борн'a*, *гласн'a*, *гълн'ь*, *заплесн'a*, *корн'a*, *льжн'a*, *слугувн'a* и др.; в) имена с мотивиращи основи, които се срещат само в диалектите, напр. *бруси'д*, *итн'a*, *калесн'a*, *дкн'a*, *рухулн'ь*, *шлевн'a* и др.

Имената от този словообразувателен тип са разпространени из цялото българско езиково землище. За наставката *-н'a* може да се твърди, че е специализирана за образуване на названия за действия.

6. Словообразувателен тип с наставка *-ийа* (с фонетични варианти *-иа*, *-ийъ*, *-ийе*)

Този тип е характерен за българските диалекти. За книжовния български език се отбележва, че се срещат имена за действия със суфикс *-(а)ция*, които са от латински произход. Образувания със суфикс *-ийа* в българските говори представя Ив. Кочев (Кочев, 1972, с. 165).

В българските диалекти се срещат доста имена с наставка *-ийа*, които са мотивирани най-често от префигирани и непрефигирани глаголи от несвършен вид, напр. *биси'йъ*, от гл. „бесувам“, *беснея'* – Ямб., *густийа*, от гл. „гостя“, *угощавам'* – Вин., *гръмолийа*, от гл. „гръмдола“, *викам силно'* – Вид., *залисийа*, от гл. „залисвам“ – заливане – об., *зъплеси'йъ*, от гл. „зъплесвъм се“ – Троян., *кудийа*, от гл. „кудя“, *злословя'* – Драм., *кусийа*, от гл. „кускат се“, *бият се* (обикновено за животни) – бой’ – Род., *наказийа*, от гл. „наказвам“ – наказание’ – БЕР, Соф., Кюст., Разл., Тетев., Сам., (*накази'йъ* – Ел., Пещ., *наказиа* – Ихт., Дупн., Радом.), *пушила*, от гл. „повелим“, *заповядвам'* – Ениджев., (*пушил'йъ* – Чирп.), *потресийа*, от гл. „потресем се“, *уплашвам се'* – Дупн., Соф., (*потресиа* – Банс., *потрёсиа* – Прил.), *прифък'уци'я*, от гл. „префък'уцвам се“, *превземам се'* – БЕР, Троян., *прокопсийа*, от гл. „прокопсам“, *преуспявам* – об. *prusи'йъ*, от гл. „простъ“ – просене’ – Лов., ГОР., *пумири'йъ*, от гл. „пумирàвам се“ – помиряване’ – Ямб., *расправи'я*, от гл. „разправям се“, *карам се'* – об., *растур'ийа*, от гл. „растурим“, *разсипвам, съсипвам'* – Род., (*растур'я* – Банс.), *сказийа*, от гл. „сказвам“, *разказвам‘* – Тетев., *съсипийа*, от гл. „съсипя, съсипвам“ – съсипване’ – об., *тачия*, от гл. „тачим“, *почитам,уважавам'* – Банс., *трупул'йъ*, от гл. „трупулъ“ – тропам силно’ – Севл.

С разширени варианти на наставката са образуване имена като:

-отийа: *бъркотийа*, от гл. „бъркам“, размествам – безредие’ – об., *хласкоти'е*, от гл. „хлàскам се“, смея се неприлично’ – Страндж.

-арийа: *прашарийъ*, от гл. „праша“, прекопавам‘ – БЕР, Разл.

-анийа: *шиканийа*, от гл. „шикam“, викам силно – гълъчка’ – Соф.

-она: *брониа*, от гл. „бркам“, обърквам – бъркотия’ – Пирд.

Сред названията от този словообразувателен тип се срещат: а) имена, еднакви с тези в книжовния български език, напр. *залисийа*, *prusи'йъ*, *бъркотийа*, *прокопсийа*, *расправи'я* и др.; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат

в книжовния език, но в него не образуват акционни облици с тази наставка, напр. *бисийъ*, *кудийъ*, *потресийъ*, *пумирийъ* и др.; в) имена с мотивиращи основи, характерни само за диалектите, напр. *кускийъ*, *прифъкъцъ*, *сказийъ*, *хласкотийъ*, *прашарийъ* и др.

7. Словообразувателен тип с наставка -ина

В граматиките и в изследванията по словообразуване не е представена функцията на суфикс *-ина* за образуване на акционни имена. Наличието на акционни имена с тази наставка в българските говори отбелязват някои изследователи (Кочев, 1972, с. 164; Кяева, 1999, с. 231).

В българските диалекти се срещат немалко образувания от този тип, напр. *базанина*, от гл. „базаника“, бръмчи (за насекоми) – ГД, *дугаждина*, от гл. „дугаждем се“, ставам, случвам се – Вин., *живинà*, от гл. „живейъ“ – живеене, живот – Попов., *запърчина*, от гл. „запърчувам“, запазвам огъня – приличане преди дъжд – Вид., *л'утина*, от гл. „лутим се“, ядосвам се – Деб., Охр., (*л'утѝна* – Вод., *л'утинà* – Петр., *л'утѝна* – Вел., Прил.), *патинъ*, от гл. „пàтa“, страдам – БЕР, Бан., *планнина*, от гл. „планнувам“, пладнувам, ям на пладне – БЕР, Страндж., (*плàннина* – Ихт.), *ризничъ*, от гл. „рèвне ми се“, силно желая нещо – Ямб.

С разширени варианти на наставката са образувани имена като:

-отина: *закъсдтина*, от гл. „закъсувам“, изпадам в беда – Царибр., (*закасдтина* – Ихт., Год., Сам., Соф., Трън.), *кашкотина*, от гл. „кàшкам“, цапам – Ихт., Год., *мачкотина*, от гл. „мàчкам“ – мачкане – Год., Царибр., *цапдтина*, от гл. „цàпам“ – цапане – Царибр. Тези названия са с отсянка на презрителност и увеличителност.

-етина: *крàтетина*, от гл. „крàта се“, намалява пълната луна – Дев., (*крàтетина* – Смол.).

-утина: *гелтутина*, от гл. „гèлпя“, обърквам, замотовам – бъркотия – БЕР, Страндж.

-авина: *мешàвина*, от гл. „мèшам си“, общувам с някого – БЕР, Сам., Трън., *мешàвина*, от гл. „мèшам се“, намесвам се – Дупн., Кюст., Пирд., *съртнàвина*, от гл. „съртим“, занимавам се с нещо – Трън.

-овина: *ждрigòвина*, от гл. „ждрìгам“, уригвам се – БЕР, Деб., (*ждрìговина* – Кост.), *печалòвина*, от гл. „печàля“ – печелене – БЕР, Сам., (*печалòвина* – Кюст. кр.).

-анина: *венчанина*, от гл. „венчавам“ – венчаване – Лер., *копанина*, от гл. „копая“ – прекопаване на царевища и др. – Врач.

-аичина: *утрèпашина*, от гл. „утрèпам се“, уморявам се много – Банс.

-ешчина: *опсèнешчина*, от гл. „опсèнвам“, омайвам, омагьосвам – Банс., *ужèжесчина*, от гл. „ужìжем“, изгарям – Банс.

-ачина: *мотачина*, от гл. „мòтам“, лъжа, мамя – измама – Соф.

-ъжина: *ръмъжѝна*, от гл. „ръмѝ“, вали ситно – БЕР, Вид.

Названията от този словообразувателен тип се образуват от основи на глаголи от трите спрежения, които обикновено са от несвършен вид.

Сред анализираните формации се срещат: а) имена с мотивиращи основи, които се откриват и в книжовния български език, но в него не образуват акционни имена с тази наставка, напр. *живинà*, *закъсдтина*, *мачкотина*, *венчàвина*, *печалòвина* и др.; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат само в диа-

лектите, напр. *лùтина*, *кràтетина*, *гелпùтина*, *ждригòвина*, *съртнàвина* и др. Типични за този словообразувателен тип са множеството разширени варианти на суфиксса.

8. Словообразувателен тип с наставка *-ва*

В граматиките и изследванията по словообразуване е отбелянан суфикс *-тва* за образуване на имена за действия от ж. р. В българските диалекти с наставка *-ва* е названието *блъндèвъ*, от гл. „блъндéй“, викам, говоря високо‘ – Солун. В говорите наставката *-ва* се реализира чрез разширениите си варианти *-ава* и *-ева*, напр.

-ава: *гълчàва*, от гл. „*гълча*“, говоря високо, карам се‘ – об., *гърм’àва*, от гл. „*гърми*“ пред *дъжд*‘ – Белогр., (*гърмлàва* – Трън.), *ехтàва*, от гл. „*е(х)ти*“ – ехтене‘ – БЕР, Белогр., Тетев., ВТ., (*етàва* – Орях.), *мешàва*, от гл. „*мèшам*“, намесвам се‘ – БЕР, РРОДД, Паз., Врач., Ботгр., Банс., *пиштàва*, от гл. „*пища*“ – писък, плач‘ – БЕР, Соф., Год., *состàвам*, спирам се‘ – Смол., *тънтаàва*, от гл. „*тънти*“, *гърми*‘ – Монт., *урл’àва*, от гл. „*урлам*“, викам, шумя, рева – силен шум‘ – Трън.

-ева: *бучèва*, от гл. „*бучи*“ – шум, тътнеж‘ – Кост., *гòлчева*, от гл. „*гòлчém*“, говоря‘ – Род., *дишèва*, от гл. „*дишам*“ – дишане‘ – кост., *тòтничева*, от гл. „*тòтне*“, тътне‘ – Смол. С разширен вариант на *-ева* *-отева* са: *шумотèва*, от гл. „*шùмя*“ – шумотвица‘ – Соф.

Този словообразувателен тип е характерен за българските диалекти. Сред представените названия се срещат: а) имена, еднакви с тези в книжовния български език, напр. *гълчàва*; б) имена с мотивиращи основи, които се откриват и в книжовния български език, но в него не образуват акционни имена, напр. *бучèва*, *гърмàва*, *ехтàва*, *пиштàва*, *дишèва*, *шумотèва* и др.; в) имена с мотивиращи основи, които се срещат само в говорите, напр.: *состàвам*, *тунтàва*, *урлàва* и др. диалекти, отколкото в книжовния български език.

9. Словообразувателен тип с наставка *-ан*

В граматиките и изследванията по словообразуване се представя наставка *-н* за образуване на имена от ж. р. В диалектите се срещат имена с този суфикс както от м. р., така и от ср. род.

Тук ще бъдат посочени само имената от ж. р., напр. *кòван*, от гл. „*кова*“ – коване‘ – Пирд., *кòван’*, от гл. „*кова*“, подковавам‘ – Страндж., (*кòвън* – Лов., Карл., Севл., *кòвън’* – Ел.), *кòпан*, от гл. „*копая*“, прекопавам‘ – об., *кòсан*, от гл. „*кося*“ – косене‘ – БЕР, Пловд., Врач., Асгр., (*кòсан’* – БЕР, Смол., Пловд., Ивгр., ГД.), *ðран*, от гл. „*ора*“ – оране‘ – об., *сèан*, от гл. „*сея*“ – сеене, сейтба‘ – Пирд.

Макар и малко на брой имената от този словообразувателен тип са по-добре застъпени в българските диалекти, отколкото в книжовния български език.

10. Словообразувателен тип с наставка *-ма*

В книжовния български език названия за действие с тази наставка не са отбелязани. В диалектите се срещат, макар и рядко и имена със суфикс *-ма*, напр. *бèрма*, от гл. „*бера*“ – бране обикновено на грозде‘ – БЕР, Вид., ЗБ, *калезма*, от гл. „*калèсвам*“, каня за годеж, сватба и др. – покана‘ – Род., *куртòмъ*, от гл. „*куртолìсвам съ*“, *куртолìсам съ*“, избавям се‘ – Плев., *съкалмà*, от гл. „*съкалдìсвам се*“, притесянявам се‘ – Карн., *шашармъ*, от гл.

„шашардѝсвам“, заблуждавам‘ – Плев. Регистрирано е и сложното название *винобѐрма*, от гл. „бера“ и „вино“, т. е. грозде – гроздобер‘ – РРОДД, СЗБ, (*винубѐрмъ* – ЦБГ, ВТ., Ел.).

С разширения вариант -има се образува названието *пàтимъ//патѝмъ*, от гл. „пàтъ“, страдам‘ – Ел.

11. Словообразувателен тип с наставка *-ос(m)*

Суфикс *-ост* е типичен за образуване на имена за свойства, качества (nomina essendi), но в диалектите се срещат и названия за действие, напр. *буйос*, от гл. „буйàа“, буйствам – състояние на задоволен човек, който не знае какво иска‘ – Соф., Царибр., *барзост*, от гл. „бързам“ – бързане‘ – Смол., (*брзост* – Дупн., Кюст., юзг.), *варкост*, от гл. „вàркам“, бързам – бързане‘ – БЕР, Блгр., Кюст., *дàрус*, от гл. „дара, даравам“ – даряване‘ – Чирп., *жàлос*, от гл. „жалия“ – жалене‘ – Дупн., Копр., (*жàлус* – Бан., *жèлос* – Аср.), *кràтус*, от гл. „кràти се“, свършва се‘ – БЕР, Страндж., МТ., *мìлос*, от гл. „милея“, обичам, жалия – милееене, обич‘ – об., *мìслос*, от гл. „мѝслем“ – мислене‘ – БЕР, Смол., *сърдус*, от гл. „сърда се“ – сръдня, гняв‘ – Бан., *скърбос*, от гл. „скърбя“ – скръб, скърбене‘ – Тетев.

12. Словообразувателен тип с наставка *-ла*

В книжовния български език този суфикс не е отбелязан за образуване на имена за действия. В диалектите Ив. Кочев посочва единични названия, като констатира, че те са от чужд произход (Кочев, 1972, с. 165). Със суфикс *-ль* е регистрирано образуванието *бêглъ*, от гл. „бêгам“ – бягство, скитане‘ – Ленк., Никоп. Наставката се реализира главно чрез разширените си варианти, напр.

-ала: *върт'àла*, от гл. „въртя“ – въртел‘ – Силистр., *прокопцàла*, от гл. „прокòпцам“, успявам‘ – ГОР., *прос'àла*, от гл. „прòса“ – просене, просия‘ – Силистр., *ръд'àла*, от гл. „ръдьшъм съ“, сговарям се при детска игра‘ – Вид., *свиàла*, от гл. „свиа съ“, срамувам се‘ – Вид., *умирàла*, от гл. „умирам“ – умиране‘ – МТ.

-ила: *женил'a*, от гл. „жена“, сватосвам‘ – Попов., *теглѝла*, от гл. „теглем“, тегля, страдам‘ – Крумгр.

-ела: *гонèла*, от гл. „гòна“ – гонене‘ – Силистр., *тунтавèла*, от гл. „тунтàви се“, заоблачава се‘ – Брезен.

ИМЕНА ОТ МЪЖКИ РОД

1. Конверсиални названия

Възприема се схващането на М. Докулил и др. изследователи за същността на конверсията като „способ за създаване на думи без използване на някакви словообразувателни афикс, а само чрез преминаване на изходната дума в друга парадигма“ (Докулил, 1962, с. 62), чрез промяна на „морфологичната характеристика на думата“ (Докулил, 1962, с. 65). Интерпретират се имена, които са резултат от конверсия и в тесния, и в широкия смисъл на думата (Чешка граматика 1986, с. 201). Това гледище се приема от редица учени (Кочев, 1972; Тетовска-Троева 1988, с. 119; Шимански, 1975; Маслов, 1983, с. 11; Лихтман, 1968).

М. Докулил въвежда и разграничение на имена с „чиста“ конверсия, където основата остава без изменение и на конверсия, съпроводена и усложнена с ре-дувания, отсичания на основата и др. (Докулил, 1962, с. 63 – 64).

На тези названия не се отделя специално място в граматиките и в изследванията по словообразуване с някои изключения (Радева, 1991, с. 140; Радева, 2007, с. 134; Калдиева, 1973, с. 203 – 211; Шимански, 1975, с. 547 – 551).

I. Имена с мотивиращи основи от непрефигирани глаголи от несвършен вид, напр. *б'аг*, от гл. „багам“ – бягане – об., *вàрек*, от гл. „варекам“, плача с глас – Етроп., Ботгр., *вик*, от гл. „викам“ – викане – БЕР, Кюст., Прил., *вик*, от гл. „викам“, плача с глас – ГД., Прил., Демирхис., ЮЗГ, *гòрч*, от гл. „гòрчëм са“, гърча се, свивам се от болка и мъка – Род., *гълч*, от гл. „гълча“, карам се – Пресл., Соф., Шум., *дъх*, от гл. „дъхам“, дишам – Блгр., *ких*, от гл. „кихам“ – кихане – Тетев., *клик*, от гл. „кликом“, викам – ГД., Пещ., Дев., *клоц*, от гл. „клоцам“, присмивам се на някого – Тревн., Троян., *коп*, от гл. „копам“, копая – Врач., Ботгр., Тетев., СЗБ, Кул., *мах*, от гл. „махам“, замахвам – Соф., Бан., Страндж., *млъз*, от гл. „млъзма, млъзем“, мълзя, доя животни – БЕР, Соф., Ботгр., РРОДД, (млаз – Перн., Трън.), *ок*, от гл. „окам“, викам – БЕР, Кюст., *плив*, от гл. „пливам“, плувам – Драм., *рев*, от гл. „рева“, плача силно – об., *рук*, от гл. „рукам“, вика – Новопаз., *сек*, от гл. „сека“ – сечене, изсичане – Соф., Трън., Пещ., Велгр., РРОДД, (сéк – БЕР, Дев., Банс., Пловд., Астр., Смол., *сак* – Драм., Ср. Род., Новопаз.), *сеч* – об., с редуване *к* ~ *ч*, *сук*, от гл. „сучка“, усуквам – Соф., Тревн., Варн., Шум., Ел., Белен., Вид., с редуване *ч* ~ *к*, *тич*, от гл. „тичам“, бягам – Троян., Севл., *трч*, от гл. „трчим“, тичам – Кюст., *ход*, от гл. „ходя“ – ходене – об., с фонетични варианти, *од* – ЮЗГ, *от* – Ямб., *чёр*, от гл. „церя“, лекувам – Бан., *чат*, от гл. „чàткам“, удрям – МТ., *шет*, от гл. „шетам се“, разхождам се – Дунн.

II. Най-многобройни в българските говори са конверсиалните названия от м. р., мотивирани от префигирани глаголи от несвършен вид, напр. *дòбир*, от гл. „добирам“, дообирам плод – об., *дòдир*, от гл. „додирам“ – докъсване – Пирд., Кюст., Лом., Вид., Блгр., Панаг., Паз., Карл., *дòкид*, от гл. „докийдам“, докъсвам – Соф., (дòкит – Кюст.), *дòким*, от гл. „докимасвам“, опитвам, пробвам – Бург., *дòсег*, от гл. „досегам“, досягам, допирам нещо или някого – об., *дòтрай*, от гл. „дотрайвам“, изтърпявам нещо – Врач., *зàвръз*, от гл. „завръзвам“, хваща плод (за растение) – об., *зàйдеф*, от гл. „зайдева“ (слънцето) – Паз., *зàлез*, от гл. „зализва“ (слънцето) – об., *затит*, от гл. „залитам“, олюявам се – Род., *зàмай*, от гл. „замайва се“ главата – Страндж., Велгр., *зàмръс*, от гл. „замръзвам“ – замръзване – ВТ., Ямб., Белен., Страндж., *зàник*, от гл. „заниква, заникнува“, залязва (слънцето) – БЕР, Род., ГД., Пловд., (зàаник – Ксант.), *зàход*, от гл. „за(x)оди“, залязва (слънцето) – РРОДД, Астр., Кърдж., Страндж., (зàхом – Тетев., зàхут – ГД., Новопаз., Хаск., Пещ., ВТ., *зàот* – ЗБ, *зàйт* – Солун., *зàут* – Карл., *зàод* – Босил., Брезн., ЮЗГ), *зàот*, от гл. „заода“, идвам, навестявам някого – Врач., *зглет*, от гл. „згледват“, оглеждат мома – Сев. Добр., *изгѝр*, от гл. „изгѝра“, изгрява (слънцето) – изгрев – Мад., (ѝзгѝр – Дев.), *ѝзгрев* – об., *изгрéй*, от гл. „изгрейва“, изгрява (слънцето) – Севл., *ѝзлек*, от гл. „излекува“ – излекуване – БЕР, Ботгр., Врач., *ѝзник*, от гл. „изниква“, изгрява (слънцето) – Род., Пловд., ГД., *исходт*, от гл. „исходи“, излиза, изгрява (слънцето) – Бан., *нàмек*, от гл. „намеквам“, загатвам – об., *нàрук*, от гл. „наруквам“, навиквам някого – БЕР, Астр., *обрьт*, от гл. „обрътам“, обръщам рало или плуг при оране – СЗБ, *дгреф*, от гл. „огрява“, грее, отоплява – об., *дмай*, от гл. „омайва се“, замайва се главата на някого – БЕР, Велгр., *дсрик*, от гл.

„ос(т)ригвам“ овце‘ – Гюм., открив ,от гл. „открива се“, сваля се воалът на невестата‘ – Разл., Елх., дотъч ,от гл. „отльчва се“, отделя се малкото от майката (за животни‘ – Велгр., подбив ,от гл. „подбивам (се)“, подигравам (се) с някого‘ – об., подказ ,от гл. „показвам“ – показване‘ – об., подлив ,от гл. „поливам“ вода‘ – Разл., (подуф – Шум., БЕР, Новопаз, с лабиализация и > у), подлом ,от гл. „поломявам“, разрушавам‘ – Лов., (подлом – Трън.), подплак ,от гл. „поплаквам“, оплаквам се‘ – БЕР, РРОДД, Банс., Асгр., Охр., Прил., (подплък – Вод.), подстрик ,от гл. „потстригвам“ животни само по коремната част‘ – Паз., Асгр., Свилгр., Врач., (потстрик – Страндж., потстрик‘ – Разл., подстрик – Врач.), прадой ,от гл. „предоявам“, премервам млякото на овцете след издояване‘ – Пещ., Гюм., (прадуй – ГД.), превал ,от гл. „превала“, зализва (слънцето)‘ – Смол., ГД, пречерк ,от гл. „прециврнува“, спира млякото на дойно животно‘ – БЕР, Пирд., (пречарк – Ихт.), привод ,от гл. „приводя“, довеждам някого‘ – БЕР, Тетев., Смол., Шум., (привод – Врач., привут – Котел.), пристав ,от гл. „пристава“, сгодява се‘ – Никоп., разводт ,от гл. „разводат“, развъждат животни‘ – Ихт., Сам., (развод – ВТ.), спрѣвѣръ ,от гл. „спривѣръм, спривѣроам“, изпреварвам някого‘ – Карл., упът ,от гл. „упъдъ“, пада много сня‘ – Котел., юсук ,от гл. „усуква се“, върти се нещо‘ – Копр., юштыр ,от гл. „уштърява“, намалява луната‘ – ГД., Смол.

III. Редица конверсиални имена за действия в българските говори са мотивирани от префигирани глаголи от свършен вид, напр. вѣзвой ,от гл. „вѣзвие“, извие в обратно направление‘ – Асгр., с редуване и ~ о, дѣдер ,от гл. „додера“, докъсам нещо‘ – БЕР, Род., Тетев., Пловд., засек ,от гл. „засека“ – засичане‘ – Царибр., здой ,от гл. „здойат“, предоят овце и измерят млякото‘ – Асгр., Велгр., налет ,от гл. „налетя“ на някого‘ – БЕР, Асгр., наѧн ,от гл. „наѧна“, насиля‘ – об., дбреk ,от гл. „обрека“, обещая‘ – Велгр., Крумгр., ГД., Разл., Паз., Смол., Драм., Казанл., Асгр., Ард., (дбреk – Мад., убрѣк – Сев. Добр.), оглед ,от гл. „огледам“ мома или момък – сгледа‘ – БЕР, Царибр., Юост., Радом., Дупн., (удглит – Солун.), отсек ,от гл. „отсека“ – свършване на годежа‘ – Ард., расход ,от гл. „расходя се“ – разходка‘ – РРОДД, Ел., Слив., (расходт – Дрян., разход – Търгов., Пресл., ГД., ръсхдѣ – Котел., рас(x)от – Тетев., расдѣт – ВТ., Шум., ръсдѣ – Габр., ръсдѣт – ВТ., Новопаз.), ръзход ,от гл. „ръзходят се“, разотиват се‘ – ГОр.

IV. Срещат се и форми, които могат да се разглеждат като мотивирани и от префигирани глаголи от несвършен вид, и от префигирани глаголи от свършен вид, напр. дѣврьш ,от гл. „доврьша, доврьшва“, намалява луната‘ – Чирп., докас ,от гл. „докасва, докаса“, докъсва, докъса‘ – Ботгр., докин ,от гл. „докинва, докине“, докъсва, докъса‘ – БЕР, Сам., (док’ин – Соф., Дупн.), заит ,от гл. „заидува, заиде“, зализва слънцето‘ – ГД., (зайд – Бер., зай – Прил., Вел., зад – Охр.), заклуч ,от гл. „заключвам, заключа“ – заключване‘ – Ел., подод ,от гл. „поодва, пооди“, походва, идва у някого първи‘ – ЗБ, Соф., Юост., Юост. кр., Ихт., Плев., подткан ,от гл. „потканвам, потканя“ някого‘ – Пирд., Плев., (подтѣн – Казанл.), прѣглед ,от гл. „пригледвам, пригледам“, грижа се за някого‘ – Тетев., Род., прѣшет ,от гл. „прощетвам се, прошетам се“, разхождам се‘ – Юост., рѣссип ,от гл. „ра(с)сипва се, рас(с)ипе се“, намалява пълната луна‘ – Казанл., (рассип – Карл., Драм., Ботгр., Врач., Юост., Трън., Ихт., Соф.), юплах ,от гл. „уплашвам (се), уплаша (се)“ – уплашване‘ – об., юсат ,от гл. „усадам, усадя се“, секвам се в кръста‘ – Казанл., Габр., Сам., Прил.,

Охр., *ӯсип*, от гл. „усипва се, усипе се“, намалява луната‘ – Страндж., Род., Разл., ГД., Ихт., Банс., Тетев., Свилгр., Гюм., *ӯсип*, от гл. „усипва се, усипе се“, разваля се времето – БЕР, Род.

Сред анализираните формации се откриват: а) еднакви със съответните в книжовния български език, като: *баг*, *рев*, *сеч*, *ход*, *дòбир*, *дòсег*, *зàлез*, *ѝзгрев*, *пòказ* и др.; б) с мотивиращи основи, които се срещат в книжовния български език, но в него не образуват такива названия като: *ких*, *коп*, *тич*, *цér*, *шет*, *пòплак*, *ӯсук*, *ѝштърп*, *зàклуч*, *затит*, *зàмай*, *зàмръс* и др.; в) с мотивиращи основи, които не се срещат в книжовния български език, като: *клик*, *клоц*, *мльз*, *ок*, *рук*, *трч*, *шет*, *дòкид*, *доким*, *зàйдеф*, *изгíр*, *дòкин*, *ӯсип* и др.

При анализа на материала за този словообразувателен тип се наблюдават редица промени и редувания като: отстраняване на част от мотивиращата основа основа, най-често т. нар. тематична гласна; консонантни редувания: *ш* ~ *х*, *ч* ~ *к*, *б* ~ *п*, *з* ~ *с*, *д* ~ *т*, *г* ~ *к*, *в* ~ *ф*; вокални редувания: *е* ~ *о*, *и* ~ *е*, *е* ~ *о* и др.

Конверсиалните названия от м. р. означават обикновено действия, по-рядко състояния и процеси. Редица имена назовават природни явления, напр. *зайд*, *зàйдеф*, *зàлез*, *зàник*, *зàхом*, *изгíр*, *изгрéй*, *ѝзник*, *ѝсип*, *прéвал*, *рàссип*, *ӯсип*, *ѝштърп* и др. За назованаване на трудови дейности, свързани със земеделието служат формациите: *коп*, *зàвръс*, *пòтиф*, *пòсев*, *прèтърс* и др. С животновъдството са свързани имена като: *мльз*, *дòбиf*, *пòтстриk*, *прèцврк*, *пràдой* и др. С обичаи и вярвания се свързват названията: *зàдир*, *зглет*, *оглед*, *откriv*, *прìстav*, *урук* и др. За назованаване на болести, болестни състояния, наранявания на тялото са облици като: *затит*, *зàмай*, *ѝзлек*, *дмай* и др.

Конверсиалните имена за действие от м. р. показват предпочтение към свързване с мотивиращи основи от префигурирани и непрефигурирани глаголи от несвършен вид, срещат се и имена с мотивиращи основи от префигурирани глаголи от свършен вид. Този словообразувателен тип е жизнен в българските диалекти и е богат на разнообразни названия.

2. Словообразувателен тип с наставка *-еш* (-еж)

В граматиките и изследванията по словообразуване наставката *-еш* се представя като суфикс, който се прибавя към корени от първични несвършени глаголи от първо и второ спрежение (предимно от второ спрежение).

Със суфикс *-еш* (-еж) в българските говори се срещат редица имена, напр. *бавеж*, от гл. „бавя се“ – бавене, маене‘ – юзг, (*бавеш* – Банс., Лом., *бàвеши* – Страндж.), *брътвèш*, от гл. „брътвъ“, бърборя, говоря безсмислици‘ – вт., *бъздèш*, от гл. „бъздì“, вони, мирише лошо‘ – Соф., *валèш*, от гл. „валìй“ – валене‘ – об., *ревеjж*, от гл. „врèва“, говоря‘ – БЕР, (*ревеш* – Банс.), *вървèш*, от гл. „вървя“, ходя‘ – об., *въртèш*, от гл. „въртя (се)“ – въртене‘ – Бан., Силистр., (*вртеж* юзг), *гинèж*, от гл. „гина“, работя бавно‘ – БЕР, (*гинеш* – Банс.), *гинèж*, от гл. „гине“, изчезва, намалява (пълната луна)‘ – БЕР, Демирхис., юзг, (*гинеш//гинеш* – Разл., ГД.), *главèж*, от гл. „главя“, годя, сгодявам‘ – БЕР, РРОДД, Тр., Дупн., (*главеш* – Банс., Петр., Разл., Мад., Пловд., Добрич., *глъвèш* – МТ., *глàвеш//глъвèш* – Гюм., *глàвеш* – Бург., Виз., Узункюпр., ГД., Род., Сам., *глàвеш*’ – Страндж., *глàвиши* – Харм., Драм.), *годèж//годèш*, от гл. „годя“, сгодявам‘ – об., *грабèш//грабеж*, от гл. „грабя, грабна“ – грабене‘ – об., *гърмèж//*

гърмèш, от гл. „*гърмя*“ – гърмене – об., *даволèш*, от гл. „*дàволе, дàволя*“, боричкам, мачкам – Банс., *дрвеш*, от гл. „*дрвим се*“, ставам твърд като дърво, втвърдявам се – Соф., *итрèш*, от гл. „*(х)итрувам*“ – хитруване – Кюст. кр., *косèж*, от гл. „*кòся се*“, ядосвам се – БЕР, (*косèш* – Банс.), *кràтеш*, от гл. „*кràтя*“, свършвам – БЕР, Хаск., (*кràтиши* – Дедеаг.), *кратèш*, от гл. „*кràта се*“, намалява (пълната луна) – Пещ., (*кьртèш* – Агр., *кràтеш* – Смол., Хаск., Агр., Първом., ГД., *кràтиши* – Крумгр.), *куринèш*, от гл. „*курънè*“, изкоренявам гора – ВТ., Севл., *кълчавèж*, от гл. „*кълчàвя*“, извъртам, *крьшкам* – БЕР, (*клчавèш* – Ботгр., *клчевèш* – Белосл.), *кърнèш*, от гл. „*кърнè*“, кастря, сека клони за фураж – Ел., *кърпèж//кърпèш*, от гл. „*кърпя*“, закърпвам – об., *ламтèш*, от гл. „*ламтя*“, изпитвам силен желание, алчност – БЕР, Царибр., (*ламтèш* – Тетев.), *лепèш*, от гл. „*лепъ*“, измазвам къща – Казанл., Гюм., Врач., (*липèш* – Карл.), *либèж*, от гл. „*либя*“ – любов – БЕР, Ботгр., Врач., *лопотèш*, от гл. „*(х)лопотя*“, трополя – БЕР, Банс., Разл., *лутèш*, от гл. „*лùтим се*“, ядосвам се – ГД., Царибр., (*лутеж* – ЮЗГ.), *маèш*, от гл. „*мая се*“, бавя се – БЕР, Пирд., Паз., Ботгр., Панаг., (*майèш* – Соф., Тетев., *мыйèш* – ВТ.), *мръзèш*, от гл. „*мръзи ме*“, мързи ме – Ихт., Сам., (*мрзèш* – БЕР, Плев., Панаг., Соф., Ботгр., Белосл.), *патèш*, от гл. „*пàтя, пàтим*“, страдам, тегля – БЕР, Год., Царибр., *пинèш*, от гл. „*пìпна се*“, пинкам се, работя бавно – Банс., *плàвеш*, от гл. „*плàве*“, плевя – Страндж., *пьршьлèш*, от гл. „*пьршьлìй*“, вали леко (сняг, дъжд) – Силистр., *ръмèш*, от гл. „*ръмìй*“, вали (дъжд) – Лом., слùнеш, от гл. „*слùнем сь*“, скитам, скитосвам – Вид., *смъдèш*, от гл. „*смъди*“, сърби – Габр., *съртèш//срътèш*, от гл. „*съртìм*“, бавно и търпеливо работя – Сам., (*сртèш* – Пирд., Ботгр.), *трайèш*, от гл. „*трàйа*“, търпя – Тетев., *трàлеш*, от гл. „*трале се*“, заливам се – Страндж., *трътрèш*, от гл. „*трътрем се*“, тътря се, влача се – Банс., *тькмèш*, от гл. „*тькмì сь*“, разбирам се с някого – Казанл., *тькмèш*, от гл. „*тькмì сь*, тъкмим се“, готовя се за сватба – Силистр., Перн., Трън., Босил., Кюст. кр., Соф., Дупн., ЗБ., Царибр., (*такмèш* – ЗБ), *тòрпеш*, от гл. „*тòрпем*“, тримирия – Смол., Агр., Ард., *търпèш*, от гл. „*търпì*“ – търпение – ВТ., Соф., (*трпèш* – Ихт., Сам., Дупн., Радом., Пирд.), чудèш, от гл. „*чùде се*“, чудя се – Банс.

Следните названия са мотивирани от префигирани глаголи: *залетèш*, от гл. „*залетим*“, закъсвам – Сам., *заносèш*, от гл. „*занòсим се*“, занасям се, шегувам се – Сам.

Сред анализираните названия се срещат: а) имена, еднакви с тези в книжовния български език, напр. *валèш*, *вървèш*, *годèш*, *гърмèж*, *кърпèж*, *ламтèш* и др.; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния български език, но в него не образуват акционни имена с тази наставка, напр. *въртèш*, *гинèш*, *итрèш*, *колèж*, *крадèж*, *маèш*, *патèш*, *търпèш*, *чудèш* и др.; в) имена с мотивиращи основи, които се откриват само в диалектите, напр. *врèвеш*, *главèш*, *даволèш*, *кратèш*, *съртèш*, *трàлеш* и др.

За наставката *-еш* (-еж) може да се твърди, че се е специализирана за образуване на акционни и резултативни имена. Словообразувателният тип е по-богат на образувания в диалектите, отколкото в книжовния български език.

3. Словообразувателен тип с наставка *-от* (с фонетични варианти *-ут*, *-ом*, *-ут*)

В граматиките и изследванията по словообразуване се отбелязва, че с наставката *-от* са образувани малък брой съществителни имена за действия.

В българските диалекти обикновено названията за действия са мотивирани от непрефигирани глаголи, напр. *бұкот*, от гл. „бучѝ“ – бучене, *грохот* – ГД., с редуване *ч* ~ *к*, *вѝкот*, от гл. „*вѝкам*“ – викане – РРОДД, Пирд., Ботгр., Сам., Трън., Дупн., Асгр., ЮЗГ, *врèкут*, от гл. „*врèкам*“, вряскам (за коза) – Род., *грùхут*, от гл. „*грухти*“ (за свиня) – грухтене – Асгр., *гърмòт*, от гл. „*гърмò*“ – гърмеж, гърмене – Троян., (*громот* – ЮЗГ), *громот*, от гл. „*г(ъ)рми*“ – гърмене, много силен шум от гръмотевица – Тетев., Кюст., (*громут* – Род., *гърмут* – Новозаг., Добрич.), *жевùкут*, от гл. „*жевùка*“, вие (за куче) – Смол., Асгр., Ард., *звèкот*, от гл. „*звèкам*“, издавам ясен звук или глух метален звук – Ботгр., *квѝчот*, от гл. „*квичѝ*“, издава звук кви-кви (за свиня) – БЕР, Пирд., *клèпум*, от гл. „*клèпем*“, клеветя, клюкарствам – БЕР, Смол., *кràкот*, от гл. „*кràкам*“ (за кокошки) – БЕР, (*крèкут* – Смол., Асгр.), *къркот*, от гл. „*къркат*“, крякат (много птици) – Соф., *лàйут*, от гл. „*лàе*“ (за куче) – Род., *мèкут*, от гл. „*мèкам*“, мяукам (за котка) – БЕР, Смол., *ðокот*, от гл. „*ðокам*“, викам – БЕР, Кюст., Дупн., Соф., Кюст. кр., *пìкут*, от гл. „*пìка*“, писука (за птици) – БЕР, Ард., Смол., Асгр., Шир. р., *пìскот*, от гл. „*пìскам*“ – писък, пискане – БЕР, Ихт., Охр., ЮЗГ, *пìшкут*, от гл. „*пìшкам*“, бода – Злгр., *рùкут*, от гл. „*рùкам*“, гърмя – гърмеж – Прил., ГД., Соф., Дупн., ЮЗГ, *ревòт*, от гл. „*рева*“ – голям рев, мучене – БЕР, (*рèвот* – Тетев., *рèвут* – Род.), *рùкут*, от гл. „*рùкам*“, викам силно – БЕР, Род., Хаск., Мад.), *фùкут*, от гл. „*фùка*“, фуци, бучи, ехти – Тетев., (*фùкут* – Род.), *фùкут*, от гл. „*фùкъм*“, карам се – Хаск., (*хлòпот*, от гл. „*(х)лòпам*“, тропам – об., *цирìкут*, от гл. „*цирìкам*“, пищя – Род., (*цирìкут* – Бург., Хаск.).

Словообразувателният тип с наставка *-от* е много по-богат на названия в диалектите от съответния тип в книжовния български език. Сред анализираните образувания се срещат: а) имена, еднакви с тези в книжовния език: *пùкут*, *хлòпот*; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния български език, но в него не се съчетават с наставката *-от*, напр. *бұкот*, *вѝкот*, *врескот*, *грùхут*, *гърмòт*, *квѝчот*, *кràкот*, *лàйут*, *пìскот* и др.; в) имена с мотивиращи основи, които се откриват само в диалектите, напр. *жевùкут*, *звèкот*, *клèпум*, *ðокот*, *пìшкут*, *рùкут* и др. За суфикс *-от* може да се твърди, че се е специализирал за образуване на акционни имена.

4. Словообразувателен тип с наставка *-ък*

В книжовния български език се срещат названия за действия със суфикс *-ък*, образувани от производни глаголи (Радева, 1991, с. 137; Радева, 2007, с. 132).

В българските диалекти се откриват редица подобни имена, мотивирани от непрефигирани и префигирани глаголи, напр. *блъсък*, от гл. „*блъскъм*“ – блъскане – Севл., *блъсък*, от гл. „*блъскъм*“, труда се много – вт., *ср'аcък*, от гл. „*врàскам*“ – вряскане, пищене – БЕР, Ел., *дòвършиък*, от гл. „*довършам*, довърша“, свършвам нещо – БЕР, (*дòвришък* – Дупн., *довъришък* – Соф.), *доодък*, от гл. „*доода*“, идвам (на гости) – Царибр., *изпратък*, от гл. „*изпратим*“, изпращам – ГД., *каштък*, от гл. „*кашлам*“ – кашляне – Соф., *млъсък*, от гл. „*млъскам*“, тряскам – Брезн., *обиодък*, от гл. „*обиодим*“, опитвам нещо на вкус – Соф., (*обиодък* – Царибр.), *пìсък*, от гл. „*пìскам*“, плача силно – Габр., *пл'аcък*, от гл. „*пл'аскам*“, удрям с ръка някого по лицето – Шум., *пл'ùсък*, от гл. „*пл'ùскам*“, ям много (грубо) – БЕР, ГОр., *поодък*, от гл. „*поодим*“, тръгвам – Соф., (*поодък* – Царибр.), *проводък*, от гл. „*проводим*“, изпратя – Соф., *раздàвък*, от гл. „*раздàвам*“ – раздаване на

хляб и питки в памет на умрелите‘ – ГД., *свършък*, от гл. „свърша, свършвам“ – свършване, край‘ – Вид., *тр'астьк*, от гл. „тр'аскам“, тропам‘ – об., *трдшък*, от гл. „трдша“, харча‘ – Кул., Вид., Белогр., Трън., Бан., *шётък*, от гл. „шётам“, върша домашна работа‘ – ВТ., Габр., РРОДД, (*шътък* – Троян., Дрян., Севл., Лов., Чирп., *шътък* – Радом., *ш ôтак* – Род.).

Сред анализираните формации се срещат: а) имена, еднакви с тези в книжовния български език, напр. *вр'астьк*, *п ѡськ*, *тр'астьк* и др.; б) имена с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния български език, но в него не образуват акционни облици с наставката -ък, напр. *дөвършък*, *изпратък*, *каштък*, *пл'астьк*, *раздàвък*, *свършиък* и др.; в) имена с мотивиращи основи, характерни само за диалектите, напр. *млъськ*, *п ôтърськ*, *трдшък*, *шётък* и др. Макар че названията от този словообразувателен тип не са много на брой, може да се говори за специализация на суфикс -ък за образуване на акционни и резултивни имена.

5. Словообразувателен тип с наставка -ок

Имената за действие с наставката -ок са характерни за българските диалекти (Кочев, 1972, с. 162; Холиолчев, 1965, с. 183 – 189). Образуванията от този словообразувателен тип обикновено са с мотивиращи основи от непрефигирани и префигирани глаголи главно от несвършен вид, но се срещат и имена, мотивирани от глаголи от свършен вид, напр. *вìдок*, от гл. „видя“ – *виждане*‘ – БЕР, (*видòк* – Вел.), *вìкок*, от гл. „вìкам“ – *викане*‘ – Дев., *довршòк*, от гл. „дов(ъ)рша, дов(ъ)ршвам“ – *довършване*‘ – Кюст., Босил., (*довршок* – ЮЗГ), *докинок*, от гл. „докѝна“, *докъсам*, *докъсвам*‘ – Дупн., *завършòк*, от гл. „*завърша, завършвам*“ – *свършване*‘ – БЕР, (*завршòк* – Врач.), *замèрок*, от гл. „*замèрувам*“, измервам млякото на всеки стопанин при общо пасене на овцете‘ – Кюст., Босил., *исил'òк*, от гл. „*исѝлам се*“, *исилвам се*‘ – Сам., *исплесок*, от гл. „*исплèснувам са*“, *изпльзвам се*‘ – Тетев., *испратòк*, от гл. „*изпра(ш)там*“ – *изпращане*‘ – БЕР, ГД., (*испраток* – ЮЗГ), *лàсок*, от гл. „(х)ласкам“, *удрям*‘ – Банс., *лòмок*, от гл. „*ломя*“, чупя, *унищожавам*‘ – БЕР, (*лòмок* – Банс.), *надàвок*, от гл. „*над(д)àвам*“, *наставям*‘ – БЕР, Кюст., *нàйадòк*, от гл. „*найàдам се*“, *нахранвам се*‘ – Банс., *обидòк*, от гл. „*обѝдувам*“, *опитвам ястие на вкус*‘ – Сам., *пл'ùзук*, от гл. „*пл'ùзъ*“, *бия с твърд предмет*‘ – БЕР, Злгр., Хаск., *пл'ùсок*, от гл. „*пл'ùска, пл'уснува се*“, *чува се шум – тътнеж*‘ – БЕР, Смол., Ард., *подавок*, от гл. „*подавам*“, раздавам – раздаване на хляб и питки в памет на умрелите‘ – ГД., *пòодок*, от гл. „*поодим*“, *тръгвам*‘ – Блгр., *поседòк*, от гл. „*поседя*“, *гостувам*‘ – БЕР, Соф., Перн., *пòшок*, от гл. „*пòшкам*“, *пъшкам*‘ – БЕР, Смол., *пошчиòк*, от гл. „*пошчиpем*“, *пошипвам*‘ – Щип., (*подшчиòк* – Банс.), *рàздавок*, от гл. „*раздавам*“ – раздаване на хляб и питки в памет на умрелите‘ – Разл., *свършòк*, от гл. „*свърша, свършвам*“ – *свършване на нещо*‘ – Соф., Казанл., Хаск., Кост., (*свършук* – Вод.), *трèсок*, от гл. „*трèскам*“, *тропам*‘ – Разл., *трдшòк*, от гл. „*трдша*“, *харча*‘ – Соф., ЮЗГ, *цирук*, от гл. „*цирикам*“, *викам*, *карам се*‘ – Род., Страндж.

Сред анализираните формации се срещат: а) имена с мотивиращи основи, които се срещат и в книжовния български език, но в него не образуват акционни облици с наставката -ок, напр. *видòк*, *довршòк*, *завършòк*, *исил'òк*, *лòмок*, *свършòк*, *трèсок* и др.; б) имена с мотивиращи основи, характерни само за диа-

лектите, напр. *докинок*, *обидòк*, *плùзук*, *трòшок* и др. В някои имена от този словообразувателен тип се наблюдава освен общото словообразувателно значение и частно – отделен акт на действие. Макар че названията от този словообразувателен тип не са много на брой, може да се говори за специализация на суфикс **-ок** за образуване на акционни и резултативни формации.

6. Словообразувателен тип с наставка **-ак**

В книжовния български език не се откриват акционни имена от този словообразувателен тип. В някои диалектоложки проучвания са посочени не много на брой имена за действия със суфикс **-ак** (Кочев, 1972, с. 162).

Имената за действия с наставката **-ак** са мотивирани от непрефигирани и префигирани глаголи от несвършен и свършен вид. Те са характерни за българските диалекти, напр. *бутурàк*, от гл. „бутурèсувам“, удрям с тъло оръжие‘ – Кук., *дòбирак*, от гл. „добирам“, дообирам‘ – ГД., *исправод’ак*, от гл. „исправодим“, изпращам‘ – Брезн., (*исправуò’ак* – Севл., Казанл., Търгов., *испрууд’ак* – Ел., Попов., *испурò’ак* – вт.), *прувуд’ак*, от гл. „прувòд’а“, изпращам‘ – Севл., *трупулак*, от гл. „трупулъ“ – трополене‘ – вт., *фрòл’ак*/*фрòйак*, от гл. „фрòл’ам“, хвърлям‘ – Врач., *цèливак*, от гл. „целивам“, целувам‘ – Вел., *шòтак*, от гл. „шòтам“, шетам – шетане‘ – Смол., Асгр.

С разширени варианти на суфикс **-ак** са образувани облиците:

-нак: *дирнàк*, от гл. „дера“, бия – бой‘ – Силистр.

-етак: *запòчетак*, от гл. „запòчвам“ – започване на нещо‘ – Велгр.

7. Словообразувателен тип с наставка **-лък**

В българските говори се откриват малко на брой имена за действия с чуждата наставка **-лък** (-лук, -лик), напр. *заплеслък*, от гл. „заплесвам се“, заглеждам се‘ – БЕР, Врач., *припадлък*, от гл. „припадам“ – припадане‘ – Севл., *сватлък*, от гл. „сватосвам“ – сватосване‘ – Соф., Пирд., вт., (*сватлък* – Паз., *свьтлък* – Карл.).

С разширени варианти на суфикс **-лък** са образувани названия като:

-атък: *блъскълък*, от гл. „блъскъм“ – блъскане‘ – Ямб., *кърпълък*, от гл. „кърпъ“ – кърпене‘ – Ел., *пинкълък*, от гл. „пинкъм се“, работя с нежелание, бавно‘ – БЕР, Ляск.

-штък: *вършилък*, от гл. „вършея“ – вършеене‘ – Ямб., *пестилък*, от гл. „пестя“ – пестене‘ – Карл., *пропастилък*, от гл. „пропастим“, претърпявам загуба‘ – Соф.

-улук: *гостулùк*, от гл. „гостувам“ – гостуване‘ – Дедеаг.

8. Имена за действия с консонантен елемент **-к:**

С наставка **-ек:** *завòршек*, от гл. „завòрща, завòршвам“ – свършване на нещо‘ – Врач., Белосл., *исплесек*, от гл. „исплèснувам (са)“, изпльзвам (се)‘ – Тетев.

С наставка **-ик:** *делìк*, от гл. „дèлём“, деля‘ – Смол., Ард., *завратник*, от гл. „завратnòсам, завратnàсвам“, удрям по врата‘ – Сам., *дòвърник*, от гл. „одвърнувам“, връщам работа на някого, който ми е помогал‘ – ГД., *сèдник*, от гл. „седнuem“, седя‘ – Трън.

С наставка **-ник:** *делник*, от гл. „делим“, деля – делене на имот‘ – ГД., *затѝлник*, от гл. „затѝлам“, удрям плесница по тила‘ – Дупн., *ѝзпратник*, от гл. „изпратя“ – изпращане‘ – БЕР, (*ѝспратник* – Асгр.), *тркулник*, от гл. „т(ъ)ркуля“, търкулвам‘ – Тетев., *утбùлник*, от гл. „утбùль, утбùлвъм“, отбулевам, снемам невестинското було‘ – Казанл., *шалник*, от гл. „шàля се“, шегувам се‘ – Варн.

9. Имена за действия с консонантен елемен *-л:*

С наставка *-ел*: *въртел*, от гл. „въртѣ съ“, суята се напразно‘ – Казанл., *въртел*, от гл. „въртя“, разигравам някого‘ – об., *гърмел*, от гл. „гърмѣ“, стрелям – гърмене‘ – Силистр., Шум., ГОр.

С наставка *-ол*: *жвакол*, от гл. „жвакам“, дъвча дъвка‘ – Ихт.

10. Имена за действия с консонантен елемент *-ш:*

С наставка *-аш*: *питаш*, от гл. „питам“ – питане, искане съгласието на мома за женитба‘ – БЕР, Соф., Плев., Врач.

С наставка *-уш*: *гелпуш*, от гл. „гѣлпѣ“, обърквам се‘ – Хаск., *гърмуш*, от гл. „гърмя“ – гърмене‘ – БЕР, Страндж., *сѣвнуш*, от гл. „сѣвнѣ се“, съмва се‘ – Радом., *трдопуш*, от гл. „трдопам“ – тропане‘ – Новопаз.

11. Имена за действия с консонантен елемент *-т:*

С наставка *-ет*: *бѣбутет*, от гл. „бѣбутї“, боботи – силен шум от гърмежи‘ – Ср. Род., *клѣцет*, от гл. „клѣцам“, присмивам се‘ – Врач., *трѣт’ет*, от гл. „тропам“ – тропане‘ – Смол.

С наставка *-ат*: *hlѣpam*, от гл. „hlѣpам“ – хлопане, тропане‘ – Мад., (*lѣpam* – ГД., *лѣpam* – Крумгр.).

12. Имена за действия с консонантен елемент *-ч:*

С наставка *-ач*: *липсач*, от гл. „лѣпсуем“, умирам – умиране на животно или човек (пренебр.)‘ – Трън., *просач*, от гл. „прдся“ – просене, просия‘ – БЕР.

С наставка *-оч*: *бѣлвоч*, от гл. „бѣлвам“, повръщам‘ – Габр., Пловд., *мѣрзоч*, от гл. „мѣрзї ме“ – мѣрзел‘ – БЕР, Белогр.

13. Единични названия за действия

С наставка *-ец*: *пѣфтиц*, от гл. „пофатъм“, похващам, умея‘ – Котел. Наставката се реализира чрез разширението си варианти, напр. *-авец*: *бубутаавец*, от гл. „буботи“, боботи, бучи‘ – ГД.; *-анец*: *клукотаанец*, от гл. *клукоти*, ври с шум (за връща вода)‘ – Ихт.; *-ивец*: *подгїбувѣц*, от гл. „подгїбувам се“, подигравам се‘ – Банс.; *-олец*: *враволец*, от гл. „вравї“, върви – вървене на хора, добитък‘ – Врач.

С наставка *-ей*: *гѣлтей*, от гл. „гѣлтам“ – гѣлтка, еднократно гѣлтане‘ – Кост., вт., (*гѣлтѣй* – Севл.).

С наставка *-ай*: *свѣртай*, от гл. „свѣрта ме“, боде ме – вътрешен бодеж‘ – БЕР, Щип.

С наставка *-ор*: *галчдр*, от гл. „галчѣ“, говоря силно‘ – Врач.

С наставка *-ух*: *поодѣх*, от гл. „поѣдим“, тръгвам‘ – Сам.

* * *

Представеният и анализиран материал недвусмислено доказва, че абстрактните имена за действия са не само познати, но са и доста богато застъпени в българските говори. Тези имена са една жива категория. Както се вижда, в диалектите се срещат почти всички словообразувателни типове, които са характерни за книжовния български език – със суфиксите: *-не* (-ане, -ене), конверсиални имена от м. р. и от ж. р., *-ка*, *-ща*, *-ба*, *-итба* (-идба), *-н’а*, *-еш* (-еж), *-от*, *-ък*. Само в българските говори са регистрирани и много имена за действия с наставките *-ло* (-ило, -ало), *-иште*, *-те* (-ате,

-ете), -ша, -ина, -ма, -ос(m), -ва (-ава, -ева), -ок, -ак, -во, -ие и по-рядко употребявани названия със суфикси като: -ек, -ик, -ел, -ет, -уш, -ач, -оч, -мо, -ство, -ла, -ник, -ол, -аш, -ат, -ут, -ец, -ей, -ай, -ор, -ух.

Най-добре представени в диалектите са типовете с наставки -не, конверсиалните имена от м. р. и ж. р., имената със суфикс: -ка, -ица, -на, -еш, -ло, а сравнително добре са застъпени словообразувателните типове със суфикс -те, -шите, -ша, -ина, -от и др.

За наставките -не (-ане, -ене), -те (-ате, -ете), -еш//-еж, -от, -ък, -н'a, -ба и разширени им варианти може да се твърди, че са специализирани за образуване на названия за действия, като суфиксите -еш и -ък и за резултативни имена.

Голяма част от наставките, характерни за словообразувателната категория *nomina actionis* в българските говори, се откриват и в останалите славянски езици.

Характерно за имената от тази категория е наличието на много разширени варианти на суфиксите за разлика от названията от транспозиционната словообразувателна категория *nomina essendi*, при която разширените наставки са много малко.

Названията за действие показват предпочтение към свързване с мотивиращи основи от глаголи обикновено от несвършен вид, но се свързват и с основи от глаголи от свършен вид.

Сравнението на акционните имена в книжовния български език и в диалектите показва още веднъж големите възможности на българските говори в словообразувателно отношение. Имената за действия са разпространени из цялата българска езикова територия, което е доказателство за единството на българските говори. Богатите на образувания словообразувателни типове са свидетелство за жизнеността и активността на акционните названия. Те определят мястото на категорията *nomina actionis* в системата на езика и са доказателство за исконността на абстрактната лексика в българските говори.

Bibliografia

Андрейчин, 1978 – АНДРЕЙЧИН, Л.: Основна българска граматика. София: Изд. „Наука и изкуство“ 1978.

БЕР – Български етимологичен речник. (Колектив). Т. 1 – 6. София 1971 – 2002.

Буров, 1991 – БУРОВ, Ст.: Асиметрия на форма и значение в числовата парадигма на абстрактните съществителни имена в българския език. In: Български език, кн. 1, 1991, с. 13 – 21.

Буфа, 1987 – BUFFA, F.: Odvodené abstraktá v slovenských nárečiach. Bratislava: Veda 1987.

Бузашова, 1974 – BUZÁSSYOVÁ, K.: Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava: Veda 1974.

Вендина, 1990: ВЕНДИНА, Т. И.: Дифференциация славянских языков по данным словообразования. Москва 1990.

Георгиева, 1970 – ГЕОРГИЕВА, Ел.: Към въпроса за семантичната характеристика на отлаголните съществителни в българския книжовен език (Опит за лексико-граматическа прекатегоризация). In: ИИБЕ, кн. XIX. София: БАН 1970, с. 151–161.

Гжегорчикова, 1979 – GRZEGORCZYKOWA, R.: Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe. Wydanie III poprawione. Warszawa: PWN 1979.

Граматика 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София: БАН 1983.

Граматика 1984 – Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa 1984.

Докулил 1962 – DOKULIL, M.: Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha 1962.

Домусчиева, 1999 – ДОМУСЧИЕВА, Л.: Сложни имена за действия и за резултати от действия от женски род в българските говори. In: Актуални проблеми на българското словообразуване. София: УИ „Св. Климент Охридски“ – АИ „Проф. Марин Дринов“, с. 252 – 263.

Дорошевски, 1952 – DOROSZEWSKI, W.: Podstawy gramatyki polskiej, cz. I. 1952.

Дулевичова, 1977 – DULEWICZOWA, I.: Nomina actionis we współczesnym języku rosyjskim i polskim. In: SFPS, 16, Warszawa: PWN 1977.

Земска, 1973 – ЗЕМСКАЯ, Е. А.: Современный русский язык. Словообразование. Москва 1973.

Йелинек, 1967 – JELÍNEK, M.: Jména dějová. In: Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen. Praha 1967, s. 562 – 653.

Калдиева, 1977 – КАЛДИЕВА-ЗАХАРИЕВА, Ст.: Отвлечени съществителни от глаголни основи в съвременния български книжовен език. Автореферат на дис. София 1977.

Кочев 1972 – КОЧЕВ, Ив.: Диалектни категории и типове при словообразуването на съществителното име. In: ИИБЕ, кн. XX. София: БАН 1972.

Кубрякова, 1978 – КУБРЯКОВА, Е. С.: Части речи в ономасиологическом освещении. Москва: Изд. „Наука“ 1978. 115 с.

Кубрякова, 1981 – КУБРЯКОВА, Е. С.: Типы языковых значений. Семантика производного слова. Москва: Изд. „Наука“ 1981. 200 с.

Курилович, 1962 – КУРИЛОВИЧ, Е.: Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи. In: Очерки по лингвистике. Москва 1962, с. 57 – 70.

Кяева, 1996 а – КЯЕВА, Ел.: Словообразувателни типове с наставка -ло в българските говори. In: Български език, кн. 1. 1996, с. 104 – 110.

Кяева, 1996 б: КЯЕВА, Ел.: Словообразувателни типове с наставка -иште в българските говори на Мизия, Тракия и Македония. In: Македонски преглед, кн. 4. 1996, с. 61 – 74.

Кяева, 1999 а – КЯЕВА, Ел.: Словообразувателни типове с наставка -ин(a) в българските говори. In: Актуални проблеми на българското словообразуване. София: УИ „Св. Климент Охридски“ – АИ „Проф. Марин Дринов“ 1999, с. 230 – 242.

Кяева, 1999 б – КЯЕВА, Ел.: Конверсиални названия за действие (nomina actionis) в българските и словашките говори. In: Prace Filologiczne. T. XLIV. Warszawa 1999, с. 291 – 296.

Леков, 1954 – ЛЕКОВ, Ив.: Из славянската лексикология. Абстрактни съществителни имена в основния речников фонд на българския език в сравнение с лексиката на другите славянски езици. In: ИИБЕ, кн. 3, 1954, с. 11 – 60.

Лихтман, 1968 – ЛИХТМАН, Р. И.: Существует ли безафиксный способ словообразования в русском языке. In: Вопросы языкоznания, 1968, № 2, с. 51 – 59.

Маслов, 1982 – МАСЛОВ, Ю. С.: Граматика на българския език. София: Изд. „Наука и изкуство“ 1982.

Маслов, 1983 – МАСЛОВ, Ю. С.: Морфологическая конверсия в славянских языках. In: Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литературы. IX международный съезд славистов. Ленинград 1983.

Пузинина, 1969 – PUZYNINA, J.: Nazwy czynności we współczesnym języku polskim (Słowotwórstwo, semantyka, składnia). Warszawa 1969.

Пузинина, 1978 – PUZYNINA, J.: Transpozycja, mutacja, modyfikacja. In: Poradnik Językowy. Warszawa 1978, с. 193 – 199.

Радева, 1991 – РАДЕВА, В.: Словообразуването в българския книжовен език. София: УИ „Св. Климент Охридски“ 1991. 226 с.

Радева, 2007 – РАДЕВА, В.: В света на думите. Структура и значение на производните думи. София: УИ „Св. Климент Охридски“ 2007. 312 с.

РРОДД – Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. (Колектив). София: БАН 1974.

Русинов, 1970 – РУСИНОВ, Р.: Съществителните имена със суфикс -в-о (-и-в-о, -е-в-о) в съвременния български език. In: Български език, кн. 6, 1970, с. 524 – 526.

Селимски, 1973 – СЕЛИМСКИ, Л.: Безсуфиксните съществителни, съотносителни с глаголи в българския език. In: Трудове на ВТУ „Кирил и Методий“, т. 7, 1969 – 1970.

Славски, 1974 – SŁAWSKI, Fr.: Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. T. A – B. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1974.

Словообразуване 1979 – Словотвір сучасної української літературної мови. Київ: Наукова думка 1979.

Тетовска-Троева, 1988 – ТЕТОВСКА-ТРОЕВА, М.: Отглаголни имена за лица в българските говори. *Nomina agentis*. София: Изд. на БАН 1988.

Тетовска-Троева, 1992 – ТЕТОВСКА-ТРОЕВА, М.: Десубстантивни деятелни имена в българските говори. *Nomina actoris*. София: Изд. на БАН 1992.

Улуханов, 1977 – УЛУХАНОВ, И. С.: Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Москва: Изд. „Наука“ 1977. 256 с.

Уфимцева, 1968 – УФИМЦЕВА, А. А.: Слово в лексико-семантической системе языка. Москва 1968.

Харитончик, 2004 – ХАРИТОНЧИК, З. А.: Проблемы словообразования в современной зарубежной лингвистике. In: Очерки о языке. Минск 2004, с. 173 – 195.

Холиолчев, 1965 – ХОЛИОЛЧЕВ, Хр.: Диалектни наставки за образуване на съществителни имена от мъжки род в българските говори. In: ИИБЕ, кн. XII, 1965, с. 157 – 198.

Хорецки, 1959 – HORECKÝ, J.: Slovotvorná sústava slovenčiny. Podstatné meno. Prídatné meno. Sloveso. Bratislava: Vyд. SAV 1959.

Чешка граматика 1986 – Mluvnice češtiny (1). Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov. Praha: Academia 1986.

Шимански, 1968 – SZYMAŃSKI, T.: Słowotwórstwo rzeczownika w bułgarskich teksthach XVII – XVIII wieku. Wrocław – Warszawa – Kraków 1968.

Шимански, 1975 – ШИМАНСКИ, Т.: „Безсуфиксните“ названия за действие в българския език като словообразователна проблема. In: Български език, кн. 6, 1975, с. 547 – 551.

Съкращения

об. – общобългарско, Айт. – Айтоско, Ард. – Ардинско, Агр. – Асеновградско, Бабаesk. – Бабаескийско, Бан. – Банат (Румъния), Банс. – Банско, Белен. – Беленско, Белогр. – Белоградчишко, Белосл. – Белослатинско, Берк. – Берковско, Беш. – Бешенов (Румъния), Бит. – Битолско, Блгр. – Благоевградско, Босил. – Босилеградско, Ботгр. – Ботевградско, Брезн. – Брезнишко, Бург. – Бургаско, Варн. – Варненско, Вел. – Велешко, Велгр. – Велинградско, Вид. – Видинско, Вин. – Винга (Румъния), Вод. – Воденско, Врач. – Врачанско, ВТ. – Великотърновско, Габр. – Габровско, ГД. – Гоцеделчевско, Гевг. – Гевгелийско, Год. – Годечко, ГОр. – Горнооряховско, Гюм. – Гюмюрджинско, Деб. – Дебърско, Дев. – Девинско, девес. г. – девесилски говор, Дедеаг. – Дедеагачко, Демирхис. – Демирхисарско, Добр. – Добруджа, Добрич. – Добричко, долнов. – долновардарски говори, Драм. – Драмско, Дрян. – Дряновско, Дупн. – Дупнишко, Ел. – Еленско, Елх. – Елховско, Ениджев. – Ениджевардарско, Етроп. – Етрополско, ЗБ – Западна България, Злгр. – Златоградско, ИБ – Източна България, Ивгр. – Ивайловградско, Ихт. – Ихтиманско, Казанл. – Казанлъшко, Карл. – Карловско, Карн. – Карнобатско, Кичев. – Кичевско, Копр. – Копривщица, Корч. – Корчанско, Кост. – Костурско, Котел. – Котелско, Крумгр. – Крумовградско, Ксант. – Ксантийско, Кубр. – Кубратско, Кукушко, Кул. – Кулско, Кюст. – Кюстендилско, Кюст. кр. – Кюстендилско краище, Кърдж. – Кърджалийско, Лер. – Леринско, Лов. – Ловешко, Лом. – Ломско, Луков. – Луковитско, Мад. – Маданско, Малг. – Малгарско, Монт. – Монтанско, МТ. – Малкотърновско, Никоп. – Никополско, Новозаг. – Новозагорско, Новопаз. – Новопазарско, Орях. – Оряховско, Охр. – Охридско, Паз. – Пазарджишко, Панаг. – Панагюрско, Перн. – Пернишко, Петр. – Петричко, Пещ. – Пещерско, Пирд. – Пирдопско, Плев. – Плевенско, Пловд. – Пловдивско, Помор. – Поморийско, Попов. – Поповско, Пресл. – Преславско, Прил. – Прилепско, Провад. – Провадийско, Първом. – Първомайско, Радом. – Радомирско, Разгр. – Разградско, Разл. – Разложко, Род. – Родопите, Рус. – Русенско, Сам. – Самоковско, Санд. – Санда̀нско, Свилгр. – Свиленградско, Свищ. – Свищовско, Сев. Добр. – Северна Добруджа, Севл. – Севлиевско, СЗБ – Северозападна България, Силистр. – Силистренско, Слив. – Сливенско, Смол. – Смолянско, Солун. – Солунско, Соф. – Софийско, Софл. – Софийско, Ср. Род. – Средните Родопи, СтЗаг. – Старозагорско, Страндж. – Страндженска област, Струж. – Стружко, Сяр. – Сярско, Тетев. – Тетевенско, Тикв. – Тиквешко, Тр. – Тракия, Тревн. – Тревненско, Троян. – Троянско, Трън. – Трънско, Търгов. – Търговишко, Узункюпр. – Узункюприйско, Хаск. – Хасковско, Царибр. – Царибродско, ЦБГ – централни балкански говори, Чирп. – Чирпанско, Шум. – Шуменско, Щип. – Щипско, ЮЗГ – югозападни говори, ЮИБ – Югоизточна България, Ямб. – Ямболско.

За адаптирането на някои глаголни заемки в говора на Ново село, Видинско

Христина Дейкова

Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ БАН, София

On the Adaptation of Some Verb Borrowings in the Dialect of Novo Selo, Region of Vidin

A big part of verb borrowings from Romanian in the dialect of Novo Selo, the region of Vidin, ends in -*ѝшъ(m)* [and also in -*ъшъ(m)*, -*àшъ(m)*]. According to M. Mladenov, the component *-u-* in the ending -*ѝшъ(m)* is a sure sign of their imperfective aspect and Romanian origin, but the origin and the nature of this ending are not explained by him. On the other hand, there is not unanimity about the word-formation of these verbs and their endings in Bulgarian Etymological Dictionary. The point of view of the paper's author is that in this case there is a specific model of a morphological adaptation of Romanian verb borrowings with a suffixes -*ѝшъ(m)*, -*ъшъ(m)*, -*àшъ(m)* (in accordance with the infinitive endings of Romanian verbs). These suffixes correspond to -*c-* suffixes in Bulgarian as -*ѝса(m)*, -*àса(m)* and such which come from the Greek sigmatic aorist suffix. The treated verbs in the dialect of Novo Selo are bi-aspectual.

Дългогодишното развитие на новоселския говор в непосредствен езиков контакт с румънско население съвсем естествено е довел до силно румънско влияние върху говора, намерило проявление най-вече в лексиката. Както М. Младенов отбелязва, за тесните езикови връзки между българското и румънското население свидетелства и заемането на доста глаголи. Авторът наброява над 70 румънски глагола, означаващи действия, свързани с трудови и технически производствени процеси, други конкретни действия, действия, свързани с физическо и психическо състояние у человека, реакция и действия на человека спрямо външния свят, т. е. далеч не само терминологична лексика, а глаголна лексика за действия, свързани с дома и домакинството (Младенов, 1969, с. 170 – 171). Сред заетата глаголна лексика се очертава една група от около 40 – 50 глагола, отличаващи се с общ завършек -*ѝшъ(m)*, за които Младенов специално говори в граматичния дял на изследването си, в частта за вида на глагола. Според него те „почти винаги са видово дефективни, т. е. имат форма само за несвършен вид: *булдушишъм*, *гушишъм*, *дърнушишъм*, *съ доспиишъ*, *изворишишъ*, *ключишъм*, *съ кънунишъм*, *копилшишъм*, *съ нъмолишишъ*, *мошишъм*, *поликришишъм*, *притонишишъм*, *пръпдишишъм*, *съ руменишишъм*, *съ ребецишишъм*, *съ скоколишишъм*, *съ стъфидишишъ*, *судомишишъм*, *туртишишъм*, *съ фъсулишишъм*, *чугуллишишъм* и др.“ (пак там, с. 83 – 84). Авторът стига до заключението, че „за характера на тези глаголи има и доста сигурен фонетичен показател – съгласна *ш* в завършек *-ишишъ*, която може да служи почти като сигурен белег за несвършения им вид и за техния румънски произход“ (пак там, с. 84). Това обаче поражда допълнителни въпроси за същността и произхода на този завършек, както и за неговото взаимообвързване с несвършения вид на глаголите и с румънския им произход.

В началото на нашите наблюдения би трябвало да се направи уточнението, че към глаголите с преобладаващ завършек *-ишъ(m)* се отнасят и такива с по-редките завършеци *-ышъ(m)*, *-ашъ(m)*, като: *к'оръшъм съ*, *лъпсъшъм*, *скороцъшъсъ*, *спузъшъм съм*, *турташъм* (наред с *туртишъм*). А към разглежданата група глаголи би трябвало да се включат и прилагателни, като: *гънфашън*, *къпийашън*, *фермекашън*, *фъръмашън*, *тъукашън*, по произход страдателни причастия от незасвидетелствани в говора глаголи, заети от румънски език.¹ Срв. например прилагателни, като: *пъргуишан*, *ребецишън*, *стъфицишън*, *ъбуршишън*, образувани от засвидетелстваните в говора глаголи *пъргуишъ се*, *ребецишъм*, *стъфицишъ се*, *ъбуршишъм*.

По-конкретно произходът на някои от разглежданите глаголни заемки се обяснява в „Български етимологичен речник“ (БЕР),² където обаче няма единство относно образуването на тези глаголи и характера на техния завършек. Най-общо етимологичните тълкувания в речника могат да се разделят на три групи. При първата група обяснението се изчерпва само с посочването на румънски етимон (румънски глагол, обикновено зает от български). Срв. например: „зъндиша се, зъндише се, сбъдва се“ (ново село, Видинско). – От рум. *se izbîndește 'сбъдва се'*, а то от стб. *иžgăti*, *иžvâdă*, вж. *бъда*“ (БЕР 1, с. 620) или „пъргуишан ,за плод започне да зрее“³ (ново село, Видинско). – Произв.: *пъргуишан*, започнал да зрее‘ (пак там). – Заемка от рум. *a se pîrgui*, образувано от българска заемка. – Вж. *пърга*“ (БЕР 6, с. 78).

При втората група *ключишъ съ*, разваля се (за яйце, ядене), *повестишъм*, говоря за някого, клюкарствам‘, *скоколишъм съ*, смачкам се на кълбо, прегърбя се‘ се извеждат от съответни румънски глаголи, като за завършека или произволно се допуска аналогично образуване поради семантично съотнасяне с друга дума [*ключишъ съ* е „произв. от рум. *a se cloici*, вж. *ключит*, със завършек вероятно по *прокиша се* поради семантична близост (вж. *кисел*)“ (БЕР 2, с. 473)], или уместно се привеждат други морфологично-словообразувателни паралели от същия говор, без обаче да се изяснява характерът на този завършек. Срв. обяснението на *повестишъм*, говоря за някого, клюкарствам‘: „От рум. (*a*) *povestî*, *povestesc*, „разказвам“, нар. „говоря за някого, клюкарствам“, с *-ишъм*, както в много други глаголи в говора, заети от румънски глаголи на *-i* в инфинитивната форма, на *-esc* в 1 л. ед. ч. сег. вр., напр. *копилишъм*, „изкубвам ялова царевица“ (от рум. *a copilî*, *copilesce*), *ньмолишъ съ*, „затлачва се“ (от рум. *a se nămolî*, *tă nămolësc*)“ (БЕР 5, с. 404) и на *скоколишъм са* = скоколишъм *съ*: „Префигирана форма от **коколишам са*, което е от рум. диал. *a cocolî*, „увивам (се)“. За образуването срв. в същия говор *припонишъм* < рум. *a priponî*, *ълтуишъм* < рум. *a altoî* и др. Срв. и рум. *cocolosesc*, „сивам на кълбо; смачквам; завивам“ (БЕР 6, с. 767).

При очертаващата се трета група глаголите *къоръшам се* = *к'оръшъм съ*, мъча се да работя, без да се вижда‘ (без посочен местоговор; под *къор* диал.

¹ По-конкретно за произхода на *къпийашън* и *фермекашън* вж. Дейкова, 2009.

² За съжаление, голяма част от тези румънски заемки в новоселския говор не са включени в БЕР.

³ В източника тълкувано „узрява“ (вж. Младенов, 1969, с. 272).

ряд. разг. „слип‘ в БЕР 3, с. 243 – 244), *лъпсъшъм* „прималявам‘ (на азбучно място в БЕР 3, с. 558), *намолиша* (*са*) = *нъмолишъ* (*съ*), затлачва се‘ (под *нъмдл* в БЕР 4, с. 486), *поликръшъм*, назовавам по прякор‘ (под *полъкра* в БЕР 5, с. 498), *припонишъм*, връзвам добитък за колче, за да пасе около него‘ (на азбучно място в БЕР 5, с. 729 – 730) се обясняват като отименни образувания, производни от заети (вкл. и от румънски) или домашни прилагателни или съществителни имена. При обяснението на *лъпсъшъм* и на *припонишъм*, които съвсем правилно са изведени на азбучно място в речника, се прави опит за обяснение на словообразувателния формант: *лъпсъшъм* – „произв. от *лѝпса* (вж.) с *и* > ъ в неударено положение (срв. *лътургия* вместо *литургия* в същия говор) с основообразуващ елемент *-ъша-* от имперфектна основа, срв. *глèдышам*, мин. несв. вр. от *глèдам*, *ддъшам*, мин. несв. вр. от *ддим*, *нàпнъшам*, мин. несв. вр. от *нàпнъм* и др. в същия говор, за които вж. М. Младенов, ТБД 6, с. 90 – 94, 102...“ (БЕР 3, с. 558); *припонишъм* – „образувано от **припонисам*, деноминативно произв. от нефиксирano писмено **припон* (вж. *припун*), с -ша по *вапша*, *липша* < *вапсам*, *липсам* и унификация на първотична форма на -ам в говора“ (БЕР 5, с. 729).

За възможността разглежданите глаголни заемки да се извеждат пряко от румънски глаголи или от заети съществителни или прилагателни имена говори и Младенов: „Една част от глаголите, които не са деноминативни, са непосредствено, пряко заети, докато за друга част (деноминативните) може да се предположи, че са образувани в говора от заето съществително и прилагателно име. Наличието обаче на такива глаголи и в румънски език е основание да се допусне, че и деноминативният глагол е зает успоредно със заемане на името. По този начин са създадени групи думи, свързани с ясно осъзнавани словообразувателни връзки, което много здраво ги вмества в лексикалната система на говора“ (Младенов, 1969, с. 171). С други думи, тогава, когато в говора е засвидетелствано етимологически тъждествено съществително или прилагателно име, глаголите биха могли да се интерпретират и като производни на българска почва. За включените в БЕР думи това може да се допусне следователно за *лъпсъшъм*, *прималявам‘* (като производно от *лѝпса*, „изчезване‘ само в съчет. мъ фàнъ *лѝпса*, „изчезвам‘“), *нъмолишъ* (*съ*), затлачва се‘ (като производно от *нъмдл*, тиня, кал от затлачване обикновено край блато или край Дунава‘) и *поликръшъм*, назовавам по прякор‘ (като производно от *полъкра*, „прякор‘“). Словообразувателните форманти биха били *-ишъ(м)* и *-ъшъ(м)*. Същите форманти откриваме и в *к’оръшъм* съ, *мъча* се да работя, без да се вижда‘ и в *припонишъм*, връзвам добитък за колче, за да пасе около него‘ с тази разлика, че произвеждащото прилагателно *к’ор* (в говора се използва производното *к’дро*) и съществително **припон* не са засвидетелствани в говора (поне в изследването на Младенов). Всички тези глаголи обаче могат да се изведат от съответни румънски глаголи: *к’оръшъм* съ < *a se chiorí* (1 л. ед. *tă chiorăsc*) „окъоравявам‘, *лъпсъшъм*, *прималявам‘* < *a lipsí* (1 л. ед. *lipsésc*) „липсвам, отсъствувам; не достигам‘, *нъмолишъ* (*съ*) < *a se nămolí* (1 л. ед. *tă nămolésc*) „затъвам в тиня, в кал; (за кораб) засяда в пясък‘, *поликръшъм* < *a poreclí* (1 л. ед. *poreclésc*) „давам прякор, наричам‘, *припонишъм* < *a priponí*, „връзвам, спъ-

вам (добитък, лодка, мрежа)⁴, както, между впрочем, допуска Младенов, но не се допуска на съответните места в БЕР. Когато към тези заемки се добавят и директно изведените в БЕР от румънски глаголи зъндишъ съ, търгуишъ съ, клочиши съ, повестишъм, скоколишъм съ, приведените там като паралели копилишъм, изскубвам ялова царевица⁵ (< рум. *a copil*, *copiles*), ѝлтуишъм, облагородя (< рум. *a altoi*, *altoiesc*) и много други, се очертава един определен начин за адаптиране на глаголи, заети от румънски език. Адаптирането се извършва основно с помощта на суфиксса -ишъ(м) и по-рядко на -ъшъ(м), като началната гласна съответства на инфинитивното окончание на изходния румънски глагол. Преобладаващият вариант с -ѝ- съответства, както се отбелязва и в БЕР, под *повестишъм*, на изходни румънски инфинитиви, завършващи на -í (1 л. ед. ч. -esc), а вариантът с -ѣ- – на румънски инфинитиви, завършващи на -î (1 л. ед. ч. -ăsc), като *к'оръшъм* съ от рум. *a se chiorî*. В някои редки случаи се наблюдава -ѝ- на мястото на очакваното -ѣ- [напр. при *изворишъ*, извира (за вода)⁴ от рум. *a izvorî*, 1 л. ед. ч. *izvorăște*, със същото значение] и обратно – -ѣ- вместо очакваното -ѝ- като при *льпсъшъм*, *прималявам*⁵ от рум. *a lipsí* със същото значение, *спузъшъм* съ, *изприщвам* съ⁵ от рум. *a se spruzî*, 1 л. ед. ч. *spruzesc*, със същото значение. Възможно е вариантите с -ишъ(м) да се налагат по системни съображения като преобладаващ и обобщен начин за адаптиране на заемките (подобно на суфиксса -дѝса(м) при глаголите от турски произход, вж. по-долу). Формите с -ышъ(м) вместо с -ишъ(м) могат да се обяснят с позиционно-комбинаторни звукови промени при отделни граматични форми, т. е. с асимилационни промени, условията за които възникват в неударена позиция на едната или на другата гласна от завършека. Такава граматична форма би могло да бъде например миналото действително причастие (срв. напр. *мошишала*, *отикнишал*, *пръпъдшишал*, *свойецишало* и под.⁵), което при разглежданите глаголи се образува основно по модела с ударение върху основовообразуващия елемент (вж. Младенов, 1969, с. 119). Срв. вариантните записи *ънголицъшъ* съ, *пониква*, показва се стрък на растение⁴ в пример *Лук съ ънголицъшал* (пак там, с. 300) и *ънголицъшъ* съ, *пораства стрък* (за растение)⁴ (пак там, с. 170) (< рум. *încolțî*, *покълвам*⁵). Смятаме, че не би могло да се приеме обяснението на завършека в *льпсъшъм* като основовообразуващ елемент -ъша- (= -ышъ-) от имперфектна основа (вж. по-горе БЕР 3, с. 558, и Димитрова-Тодорова, 1983, с. 215) по две причини. Първо, защото от функционална гледна точка това е невъзможно, тъй като този основовообразуващ елемент има темпорален характер и последователно служи за образуване само на минало несвършено време, а според материала разглежданите форми се използват и в други глаголни времена. И второ, защото, както се вижда и от приведените в БЕР примери *глѣдышам*, мин. несв. вр. от *глѣдам*, *ձѣдышам*, мин. несв. вр. от *ձѣдим*, *հանьшам*, мин. несв. вр. от *հանմա*, този основовообразуващ елемент -ъша- (= -ышъ-) е неударен за разлика от суфиксите -ишъ(м) и -ышъ(м). Суфиксът -ашъ(м), който се наблюдава предимно във форми от незасвидетелства-

⁴ За произхода на *припонишъм* вж. и Дейкова, 2009.

⁵ Всички се цитират по приведените в речника към изследването примери.

ни глаголи, като: *гънфашън* ,подпухнал‘, *къпийашън* ,побъркан, въртоглав‘, *фермекашън* ,побъркан‘ и др. се явява при изходни румънски глаголи, чиито инфинитив окончава на -á [напр. **гънфашъм* от рум. *a gâmfâ* ,надувам (се), издувам (се)’, **къпийашъм* от рум. *a căpiá* ,(за овце, кози, говеда) заболявам от въртоглавство; (прен.) полудявам, побърквам се, изгубвам си ума, смахвам се‘, **фермекашъм* от рум. *a fermecá* ,(само)отравям (се), тровя (се); омагъосвам; (прен.) очаровам, обайвам, омайвам; привличам (с качества, способности, външност, проява, постъпки)’].⁶ Изведените суфиксии представят единен модел за адаптиране на глаголни заемки от румънски език и могат да се свържат етимологично със суфиксите -ѝса(м), -ѝса(м), -ѝса(м), -ѝса(м)/-ѝса(м), широко разпространени в българския език разширени варианти на гръцката по произход наставка -с-, водеща началото си от формите на сигматичния гръцки аорист. В българския език тези суфиксии се откриват в многобройни заети от гръцки глаголи, както и като словообразувателни форманти на много отименни глаголи, често пъти характерни за народно-разговорния език и експресивно оцветени. Наставката -с- (-ис-) се явява и като компонент на разширения вариант -ѝса(м), съвместно с турската наставка *-d(i)*, при образуването на някои глаголи от съществителни имена (предимно заети от турски), като: *боядѝсам*, *калайдѝсам* и под., но тя всъщност функционира и като наставка за адаптиране на глаголни заемки от турски език, чиято изходна форма в турски е обикновено аорист на *-di/-di-* (срв. напр. *изендѝсвам*, *изендѝша* ,много харесвам и вземам за пример‘ от Смолско, Пирдопско, което е от тур. *üzendi*-, аорист на тур. *üzen-mek* ,стремя се, желая‘ – по БЕР 2, с. 29, с гръцка аористна наставка -(ѝ)с-, или *кандѝсвам*, *кандѝсам* разг. ,съгласявам се, отстъпвам‘ от основата на мин. вр. *kandi*- на тур. *kan-mak* също и наст. -ис- от гр. аористна основа, вж. БЕР 2, с. 203, и мн. др.). За това, че суфиксите -ѝшъ(м), -ѝшъ(м) и -ѝшъ(м) трябва да се свържат по произход с -ѝса(м), -ѝса(м), -ѝса(м) и под. и да се разглеждат като техни фонетични или морфонологични варианти с консонантен елемент -ш- срв. например новоселските зогръфѝшъм, жогръфѝшъм, жугръфѝшъм със специализирано значение ,боядисвам стена с валик‘ под влияние на изходния румънски глагол (зает от гръцки), но иначе съответстващи на общобълг. зографѝсам (също заето от гръцки). Срв. и посочените от Ст. Стойков като румънски заемки в банатския говор глаголи, като *башкур’свам*, *кулур’свам*, *накаж’свам*, *турн’сам*, *усынд’сам* и др. (вж. Стойков, 1968, с. 15), оформени с -’с(в)а(м), фонетичен вариант на -ѝс(в)а(м). Срв. още паралелни отименни образувания в българските диалекти със суфикс -ѝса(м), като *къордсам* ,работя или ходя, без да виждам достатъчно‘ (Доброславци, Софийско), *къордсам се* ,мъча се да работя, когато не виждам добре‘ (Тръстеник, Плевенско), произв. от *къор* диал. ряд. разг. ,сяп‘ (БЕР 3, с. 243 – 244), съответстващи на новоселското *к’оръшъм се* ,мъча се да работя, без да се вижда‘ (заето от румънски глагол и адаптирано на българска почва със сроден суфикс), новоселското *върдышъм* ,варос(в)ам, боядис(в)ам с вар‘, съответстващо на общобълг. *вардсам*.

⁶ За последните две вж. отново Дейкова, 2009.

За съгласната -ш- в новоселските форманти -щълъм, -дщълъм споменава и Младенов в изследването си, в дела за фонетика и по-точно в частта за прегласи на съгласни, когато говори за преглас $c > sh$: „среща се в няколко думи: щуша̀ ,шосѐ, щùшim ,суша̀ и както личи, той е всъщност неконтактна асимилация. Този преглас е широко проведен в крайната основна съгласна на редица глаголи, където би трябвало да се очаква съгласна с: брѝшъм, бойдшъм, върдшъм, жогръфшъм и др. Твърде е възможно в тези случаи да има не фонетично явление, а морфологично-словообразувателно, тъй като се проявява само в определен морфологичен и словообразувателен тип“ (Младенов, 1969, с. 43). Всъщност вариантът със съгласна -ш- на суфиксите за адаптиране на глаголни заемки от румънски език в Ново село трябва да се обясни с морфонологичните редувания (и конкретно с консонантните алтернации) в глаголната парадигма,⁷ съпътстващи също и образуването на видови корелати в българските говори. За западните говори е характерна например консонантна алтернация [ш] ~ [c] при глаголи с наставка -еса-, -аса-, -иса- (при морфонологичните редувания, съпътстващи имперфективизацията с наставка -ва-): *докатерѝша* св. ~ *докатерѝсвам* несв., *натлапѝша* св. ~ *натлапѝсвам* несв. (Ботевградско), *гнойàше* св. (3 л. ед.) ~ *гнойàсва* несв. (3 л. ед.), *дмаг’оша* св. ~ *омаг’освам* несв. (Ихтиман), *ашладѝша* св. ~ *ашладѝсвам* несв., *кондѝша* св. ~ *кондѝсвам* несв., *назландѝша* св. ~ *назландѝсвам* несв. (Смолско, Пирдопско) (вж. Антонова-Василева, 2000, с. 165 – 166). Срв. подобно консонантно редуване при глаголи от св. в. с наставка -иса-, чийто несвършени корелати се образуват с наставка -ува-, -ова- (характерно за западните говори, но проникващо непоследователно и в източните): *бъстѝшь* св. ~ *бъстѝсоом* несв. (Войнягово, Карловско), *артѝшем* св. ~ *артѝсувам* несв., *накламишем* св. ~ *накламиѝсувам* несв. (Самоков); срв. и с наставка -аса-: *габ’дашем* св. ~ *габ’асувам* несв., *гран’дашь* 3 л. ед. ч. св. ~ *гран’асува* несв. (срв. пак там, с. 179 – 180). Конкретно в случая е от значение изводът, който авторката прави за имперфективизацията с наставка -ува-, -ова- въобще, а именно, че „в диалектите на запад се обобщават аломорфите с шушкава съгласна (в алтернация със съскава – бел. *моя*, Хр. Д.) при глаголите от св. и несв. в. [ж], [ч]⁸, [ш] и също настъпва неутриализация на алтернацията“, като една част от примерите, макар и засягащи другите видове алтернации, а не обсъжданата тук, са от Ново село, Видинско: *кàжъм* ~ *кàжувам*, *вържъм* ~ *вържѝвъм*, *съ собльчèм* ~ *съ собльчѝвъм* (вж. пак там, с. 179). Срв. обаче още и новоселските двойки глаголи *обрѝшъм* св. в. ~ *обришѝвъм* несв. в., „*по-чиствам* с бърсане“ (Младенов, 1969, с. 258), *пръбрѝшъм* св. в. ~ *пръбришѝвъм* несв. в., „*избърсвам*“ (пак там, с. 269), *съ сопàшъм* св. в. ~ *съ сопьшѝвъм* несв. в., „*разпасвам* си пояса“ (пак там, с. 280) и под.

Привеждането на примерите за морфонологичните редувания при видовите двойки в българските диалекти насочва по-конкретно вниманието и към видовата принадлежност на заетите глаголи. Както бе цитирано по-горе, според Младенов тези глаголи са видово дефективни и са основно от несвършен

⁷ Срв. по-горе подобно обяснение и в БЕР 5, с. 729, под *прилонѝшъм*.

⁸ Авторката тук неточно определя африката [ч] като „шушкава съгласна“ и има предвид, естествено, нейното редуване с [к].

вид, а „съгласната *ш* в завършека *-ишъм* ... служи почти като сигурен белег за несвършения им вид и за техния румънски произход“. Дали обаче авторът има право? Очевидно е това, че в основната си част тези глаголи нямат видови корелати и не образуват видови двойки [съществуват само някои единични случаи на регистрирани в говора видови съответствия, като например префигиран корелат от свършен вид на *куфурйшъм* съ несв. ~ *искуфурйшъм* съ св. в., свр. и обяснението в БЕР 6, с. 767, на *скоколишъм* съ св. ,смачкам се на кълбо, прегърбя се⁴ като „префигирана форма от **коколишам* *са*, което е от рум. диал. *a cocolí* ,увивам (се)“]. Ако се приеме предложеното тук обяснение за произхода и същността на завършеците *-ишъ(m)*, *-ышъ(m)* и *-ашъ(m)* и те се свържат по произход с широко разпространения в българския език суфикс *-са-* (с различни вокални разширения), то това до известна степен противоречи на изказаното от Младенов твърдение, че тези глаголи са само от несвършен вид. Със съответните суфиксии *-са-* в българския език се оформят или образуват глаголи от свършен вид, като несвършенните им корелати се образуват допълнително със суфикс *-ва-*, а в диалектите (както по-горе беше показано) и с *-ува-*, *-ова-*. Свр. и приведените по-горе румънски заемки в банатския говор, като *башикур'свам* несв. в. ~ *башикур'сам* св. в. (вж. и Стойков, 1968, с. 38), *кулур'свам* несв. в., *накаж'свам*¹ несв. ~ *накаж'сам* св. в. (пак там, и с. 151), *пурн'сам* св. в., *усынд'сам* св. в.⁹ По-важно е обаче това, че от приведените в речника към изследването на Младенов примери се вижда, че едни от разглежданите глаголи са несвършени, а други – свършени, като някои от последните неправилно са интерпретирани като несвършени.¹⁰ Ще се спрем само на включените в БЕР глаголи, разглеждани основно на това място. Несвършени по вид са *к'оръшъм* съ ,мъча се да работя, без да се вижда⁴ в пример: *Нъкай дъ съ к'оръшъш къ е тъмно* (Младенов, 1969, с. 244), изразяващ типичното конкретно-процесно значение на несвършения вид, като употребата му в специфичната за говора аналитична форма на забрана потвърждава това (вж. за тази конструкция, в която се използват само несвършени глаголи, пак там, с. 116). Във форма за забрана е употребен и несвършеният по вид глагол *поликръшъм* ,назован по прякор – *Нъкай дъ га поликръшъш, къ чъ тъ млàти* (пак там, с. 266). Несвършен е и *нъмолийшъ* (съ), без бележка за вида от автора, но тълкувано правилно като гл. от несв. в. ,затлачва се⁴ с пример: *Нàшо мèсто е у вàльгу – тàм съ прàе блàто и съ нъмолийшъ* (пак там, с. 256), в който глаголът изразява постоянно-процесно значение. Глаголът *повестийшъм* с бележка „несв.“ ,говоря за някого, клюкарствам⁴ в пример *Cи му къжал н'ему дъ тъ повестийшъ свудèм* (пак там, с. 264) може да се характеризира като несвършен, ако се приеме, че действието се назовава като обща констатация. От примера обаче личи, че това е преходен глагол, който не съвсем точно се тълкува с непреходни (би могъл да се

⁹ В увода към речника авторът изрично уточнява, че „когато при някой глагол не е установено видовото му съответствие, дава се само свършеният или само несвършеният вид, без това да е категорично указание за видова дефективност“ (вж. Стойков, 1968, с. 32).

¹⁰ Тук няма да се спирате обстойно на видовата интерпретация на разглежданата група глаголи. Това изисква по-подробен контекстуален анализ на повече примери, тъй като някои от тях могат да се интерпретират според контекста двуяко, т. е. и като несвършени, и като свършени.

тълкува например „разнасям някого = клюкарствам по адрес на някого‘) и ако се изхожда от това, би могло да се допусне и употреба на свършен вид с по-конкретизирано предаване на действието в неговото цялостно извършване (т. е. „Казал си му, че да те разнася/разнесе навсякъде‘). Глаголът збъндѝшъ съ е останал без бележка за вида, но се тълкува „съдне се‘ и се привежда пример *Свѣ што ми е къжалъ цѣгънка ми съ збъндишало* (пак там, с. 228), от което се вижда, че авторът правилно го определя като свършен (пак там, с. 228) за разлика от БЕР, където збъндѝша се, збъндѝше се се тълкуват „съдва се‘, т. е. като глагол от несвършен вид. Неправилно като несвършени (с бележки „несв.“ и тълкувани така) са определени обаче глаголите *клочѝшъ* съ З л. „разваля се (за яйце, ядене‘ в пример *Овѣй ёдън’е е от ичѣр съ клочѝшъло* (пак там, с. 237) = „Това ядене е от вчера, развалило се е‘, *лѣпсъшъм* „прималявам‘ (?) *Мънъ мъ къ чъ лѣпсъшъм дѣглъде¹¹* (пак там, с. 246) = „Остави ме, че ще умра от глад‘ и *припонишъм*, „връзвам добитък за колче, за да пасе около него‘ в пример *Чъ припонишъшъ крѣву и чъ дойдеш дъ съ кѫпъмо* (пак там, с. 269) = „Ще вържеш кравата и ще дойдеш да се къпем‘. В примерите глаголите са употребени в минало неопределено време¹² и в бъдеще време и макар контекстът да е твърде ограничен, личи, че глаголите изразяват действието синтетично, в неговото цялостно извършване и конкретно като единичен акт. Това ни дава основание да смятаме, че адаптираните с помощта на суфиксите *-ишъ(m)*, *-ъшъ(m)* и *-аишъ(m)* глаголи от румънски език са двувидови, т. е. според контекста те могат да се употребяват или като свършени, или като несвършени глаголи, което е и причина те да не образуват видови двойки (с единични изключения). В това отношение тези глаголи се съотнасят с българските глаголи, образувани с чуждата по произход наставка *-ира(m)*. Като словообразувателно-морфологичен паралел могат да се посочат и отименните глаголи, образувани с наставка *-иса(ti)* в сръбския език (и по-рядко в хърватския), като *збрисати*, *инвентирисати*, *каналрисати*, *коментирисати*, *мајсторисати*, *саборисати* и под., които също са двувидови (Стевановић, 1970/1, с. 608 – 610).

След всичко изложено можем да обобщим, че в говора на Ново село, Видинско, съществува специфичен модел за морфологично адаптиране на глаголни заемки от румънски език с помощта на суфиксите *-ишъ(m)*, *-ъшъ(m)* и *-аишъ(m)* (според инфинитивния завършек на изходните румънски глаголи). Тези суфиксси съответстват на общобългарските *ѝса(m)*, *-аса(m)* и под., които са различни разширения на разпространения в българския език суфикс *-с-* от гръцка аористна основа, и са резултат от характерни морфонологични редувания в глаголната парадигма. Така адаптираните глаголи от румънски произход в говора на Ново село, Видинско, са двувидови.

¹¹ Срв. Димитрова-Тодорова, 1983, с. 215, където с основание се предлага по-точното тълкуване „умирам (от глад‘), като се изхожда от засвидетелстваното у Геров значение на *лїпсам*, *лїпсвам*.

¹² За засилената употреба на минало неопределено време вместо минало свършено и минало несвършено време вж. Младенов, 1969, с. 107.

Bibliografia

Антонова-Василева, 2000 – АНТОНОВА-ВАСИЛЕВА, Л.: Видовите глаголни основи в българските диалекти – семантично и морфологично изследване. София 2000 (ръкопис, НЦДМ № Нд246/2000).

БЕР – Български етимологичен речник. 1–. София 1971–.

Дейкова, 2009 – ДЕЙКОВА, Хр.: Произход на няколко български диалектни думи. In: Сборник с доклади от Международна научна конференция „Българският език и литература в славянски и неславянски контекст“, проведена в гр. Сегед, Унгария, 28. – 29. май 2009 г. (под печат).

Димитрова-Тодорова, 1983 – ДИМИТРОВА-ТОДОРОВА, Л.: Произход на няколко диалектни думи. In: Български език, 1983, 23, 3, с. 215 – 216.

Младенов, 1969 – МЛАДЕНОВ, М. Сл.: Говорът на Ново село, Видинско. In: Трудове по българска диалектология 6. София 1969.

Стевановић 1970/1 – СТЕВАНОВИЋ, М.: Савремени српскохрватски језик (граматички системи и книжевнојезичка норма). I. Увод. Фонетика. Морфологија. Београд 1970.

Стойков, 1968 – СТОЙКОВ, Ст.: Лексиката на банатския говор. In: Трудове по българска диалектология 4. София 1968.

**Дихотомия при формите за 1 лице единствено число
сегашно време на глаголите
от II спрежение в българските диалекти
(Диахронен и синхронен аспект)**

Маргарита Тетовска-Троева

Институт за български език „Проф. Л. Андрейчин“ БАН, София

**The Dichotomy of First Person Singular Present Tense Forms
of the Second Conjugation Verbs in the Bulgarian Dialects
(Diachronic and Synchronic Aspects)**

The article analyses the first person singular present tense forms of second conjugation verbs in the Bulgarian dialects. The research focuses on verbs of the type *горя* [*гор'ё*], *посадя* [*по^{се}д'ё*]; *поя* [*по^иё*], *стоя* [*сто^йё*]; *държа* [*държ'ё*], *лежя* [*леж'ё*], which in standard Bulgarian have stressed endings. It looks at the processes of change in the word-formation of these types of verbs in different stages of the language history – in the old-Bulgarian, middle-Bulgarian and new-Bulgarian periods (on the basis of linguistic data from the Bulgarian homilies). A comparison is made with standard language, outlining the great variety of forms in the Bulgarian dialects. Analysing rich and diverse data from the whole language territory, the article discusses forms ending in a stressed or unstressed vowel [-*ё*- (-*è*-, -*ê*); -*à*-; -*ë*; -*ù*-; -*ь* (-*е*-, -*e*-, -*a*-), -*а*- (-*a*), -*о*- и -*y*-] and a consonant -*m* with thematic vowels -*e*-, -*a*- (-*è*, -*ê*) and -*y*, a flexion which, unlike in standard language, is characteristic not only of third conjugation verbs, but also of first and second conjugation forms in part of the dialects. The conclusion sums up the results in diachronic and synchronic aspects, and offers a classification and typology of the Bulgarian dialects according to this morphological indicator.

Обект на анализ в статията са формите за 1 лице единствено число сегашно време в българските диалекти на глаголите, които в книжовния език са от II спрежение, и отражението в тях на процесите, които са се извършили в историята на езика. Анализът на формите в българското диалектно пространство е много съществен, тъй като там, за разлика от книжовния език, е отразена цялата палитра от форми, характерни за различните периоди от историята на езика. Р. И. Аванесов определя частните диалектни системи и техните вариращи върху езиковата територия елементи като история на езика в нейната пространствена проекция (Русская диал. 1964, с. 24). Необходимостта от цялостно и всестранно разработване на този проблем е продиктувана от факта, че досега в лингвистичната литература има само отделни изследвания, в които се изнасят глаголни форми от някои говори или които са посветени на определени окончания за някои области (по-подробна библиография вж. у Стойков, 2002, с. 235 – 236). Важно обстоятелство е и това, че окончанията в 1 лице на глаголите в сегашно време са важен морфологичен показател, който има значение за класификацията на българските диалекти и за определяне на тяхната типология. Изследването е необходимо и за изясняване на дихотомията

в славянските езици и разнообразието на форми в някои от тях, които имат аналог и в българското диалектно пространство. Анализът в статията се прави въз основа на лингвогеографските данни от Българския диалектен атлас, на лично събрани и на експерирани материали от публикувани монографии, речници, текстове от говори от цялата езикова територия.

Проблемът за дихотомията на формите в българското диалектно пространство се разглежда въз основа на три типа глаголи от II спрежение *горя, посадя; поя, стоя; държа, лежа*, които в книжовния език са с окситонно ударение. При формите с ударение върху окончанието на гласна, напр. *гур'-ঁ, гор'-ং, гур-ঁ* най-ясно се открояват рефлексите на стб. окончание -ঁ > среднобългарски *ъ₂* > -ঁ, '-ং, -ঁ, докато формите с отмет на акцента от типа *гোৱা, ৰোৱা, ৰোৱ* в част от ареала на разпространението им се срещат както в райони с рефлекс *ঁ* на мястото на стб. -ঁ в позиция под ударение (*দৰো, মৰ্যাদা*), така и със застъпник *ং* (*জৰু, মাশি*), а формите от типа *গোৱা* се срещат и в райони с рефлекси *ঁ* (*জৰু, মৰ্যাদা*), *ঁ* (*দেঁ, মেঁশ*), *ঁ* (*জঁম্বী*) и др.

В съвременния български език (СБЕ) глаголите от II спрежение са наследници на формите на глаголите от IV старобългарско спрежение (стб. спр.), които в сегашната си основа имат праславянската наставка -ঁ. Формите за 1 л. ед. ч. в старобългарския език (стб. език) са с окончание -ঁ и *ঁ* (след шушкави съгласни и *ঁ*, *ঁ*) < **q*, напр. *ক্ষুপ্তি, ক্ষুপ্লঁ* < **kyp̥t̥j*; *মৃদিতি, মৃদঁজ* < **mär̥t̥j*; *লেত্প্তি, লেত্জ* < **ležt̥j*; *সাধিতি, সাধঁজ* < **sod̥t̥j* и др.

При част от глаголите има редуване на крайната коренна съгласна във формите за 2 и 3 л. ед. ч. и в мн. ч. от една страна и в 1 л. ед. ч., от друга страна, което не се е съхранило в СБЕ, напр. *ত ~ তি: লেত্প্তি – লেতিষি, লেতিত্ব, লেতিম্ব, লেতিতে, লেত্প্লত্ব ~ লেত্জ ~ লেত্জ > লেত'ঁ; দ ~ জ্দ: সাধিতি – সাদিষি, সাদিত্ব, সাদিম্ব, সাদিতে, সাদ্প্লত্ব ~ সাধঁজ ~ সাদ'ঁ; চ ~ চি: গোষ্টিতি – গোষ্টিষি, গোষ্টিত্ব, গোষ্টিম্ব, গোষ্টিতে, গোষ্টপ্লত্ব ~ গোজ ~ গোষ্ট'ঁ*, които са резултат от прехода на **tj*, **dj*, **stj* в шт. *জ্দ*, в стб. език; *ঁ ~ শ: গ্লাসিতি – গ্লাসিষি, গ্লাসিত্ব, গ্লাসিম্ব, গ্লাসিতে, গ্লাসপ্লত্ব ~ গ্লাশজ ~ (o)গ্লাস'ঁ; জ ~ ঝ: মৃদিতি – মৃদিষি, মৃদিত্ব, মৃদিম্ব, মৃদিতে, মৃদপ্লত্ব ~ মৃজজ ~ (za)মৃজ'ঁ, স্ব. **mär̥ziti* ~ *mär̥zq* и др.*

А. В първи разред се отнасят предимно глаголите на състоянието, които са с инфинитивна основа на -ঁ- (*গোৱ্যতি, গোৱ্যজ*), -ঁ- (*স্থায়তি, স্থায়জ*) или -ঁ- след шушкави съгласни (*দ্র্যজতি, দ্র্যজজ*). Разпределението на формите за 1 л. ед. ч. по двата разреда се прави според класификацията на Ив. Добрев (Грам. на стб. език, 1991, с. 271 – 283), като се обособяват подгрупи според глаголните типове в съвременния български книжовен език (СБКЕ). Направените изводи са въз основа на пълна експерпция на материала от Старобългарски речник. Т. I и Т. II (Стб. р-к 1999; 2009).

I. Форми на глаголи, които в съвременния български книжовен език са с окситонно ударение от типа *горя [gor'ঁ]* < стб. *গোৱ্যতি, গোৱ্যজ*, *седя [сед'ঁ]* < стб. *স্থায়তি, স্থায়জ*; *стоя [стоийঁ]* < стб. *স্থায়তি, স্থায়জ*; *лежка [লেজ'ঁ]* < стб. *লেজতি, লেজজ*.

1. Форми с инфинитивна основа на -ঁ- след съгласна от типа *গোৱ্যতি, স্থায়তি, স্থায়জ*, напр. *গোৱ্যতি, গোৱ্যজ, গ্র্যম্ভতি, গ্র্যম্ভজ, ক্ষুপ্তি, ক্ষুপ্লঁ, লেত্প্তি, লেত্জ, স্মৃদ্বতি, স্মৃজ্জডঁজ, স্মৃণ্যতি স্ল, স্মৃণ্যন্ত স্ল, ত্র্যপ্ততি, ত্র্যপ্লঁ, চান্দ্বতি (স্ল), চান্দ্বজ্জডঁ (স্ল)*. Префигирани глаголи: *ঢাব্যডঁতি, ঢাব্যজ্জডঁ*, предам се на бдение, започ-

на да бдя, да бодърствам⁴, давидѣти, давиждѫ, изгорѣти, изгориѫ, обидѣти, обиждѫ, осирѣбѣти, осирѣблѫ, поволѣти, почувствам състраданіе⁵, поволѫ, полетѣти, полециѫ, посѣдѣти, посѣждѫ, разгорѣти сѧ, разгориѫ сѧ, сътрупѣти, сътруплюѫ, изтѣрпи; издѣржи мъки, изпитания⁶. Тук се отнася и глаголъ дѣрѣти, дѣріѫ, който в СБЕ е едно-сричен и е от I, а не от II спр. – зра, зреш (посочен и с основна форма зря в някои речници).

2. Форми на глаголите с инфинитивна основа на -ѧ- след гласна, напр. бојати сѧ, бојѫ сѧ, стојати, стојѫ, дастојати, дастојѫ. Глаголъ дастојати е променил своя вид в СБЕ – от несвършен в свършен вид, срв. застоя се, застоши се, за да се избегне дублиране му с имперфектива застоявам се.

3. Форми на глаголите с инфинитивна основа на -ѧ- след шушкави съгласни от типа лежати, напр. грѣшати, грѣшѫ, дрѣжати, дрѣжѫ, клачати, клачѫ, лежати, лежѫ, лъзвати сѧ, лъзвѫ сѧ, мльчати, мльчѫ. Префигирани глаголи: одрѣжати, одрѣжѫ, о-/помлачвати, о-/помлачѫ, помрачвати, помрачѫ, съдрѣжати, съдрѣжѫ, пазя, опазвам, охранявам⁷, оудрѣжати (сѧ), оудрѣжѫ (сѧ), оумльчати, оумльчѫ несв. и св. вид, съдрѣжати, пазя, опазвам, охранявам⁸. Основните глаголи са от несв. вид., с изключение на вѣжати, вѣжѫ и оумльчати, оумльчѫ, които са двувидови. В СБЕ умълчка се е поел функциите само на св. вид., тъй като носител на имперфективността е вторичният несвършен глагол умълчава се.

Групата на глаголите от I разред е с ограничен лексикален състав. Тя е почти изцяло съхранена и в съвременния български език.

Б. Към II разред се отнасят глаголите с инфинитивна основа с наставка -и-, напр. дарити, дариж; поити, поиж; лишити, лишиж. В него се обособяват три групи: деноминативни глаголи, напр. крѣпити, крѣплѫ от крѣпъкъ; родити, рождѫ от родъ, които „са преходни и показват, че някой прави някого някакъв“ (Добрев, 1991, с. 281); каузативни глаголи, които „произлизат от други глаголи и показват, че извѣршваното действие е причина за действие от страна на друго лице (друг предмет)“ (Добрев, 1991, с. 281) – положити, положѫ от лежати, лежитъ; точити, точѫ от течи, течѫ; итеративни глаголи – влачити, влачѫ, носити, ношѫ, част от които „са били преосмислени в глаголи за движение без определна насоченост за разлика от изходните глаголи, които означават движение с определна насоченост, срв. несѫ, несеши и ношѫ, носиши, вѣдѫ, водеши и вождѫ, водиши“ (Добрев, 1991, с. 283).

I. Форми на глаголите, които в книжовния български език са с окситонно ударение от типа гневя се [гнѣвъ се] < стб. гнѣвити сѧ, гнѣвитъ; множка се [множъ се] < стб. множити сѧ, множитъ сѧ; поя [поидъ] < стб. поити, поитъ

1. Форми с тематична гласна -и- след коренна съгласна от типа гоститъ, садитъ: вѣдити, вѣждѫ, богатити, богацѫ, веселити сѧ, веселѫ сѧ, врѣдити, врѣждѫ, гласити, глашѫ, извиквам някого при себе си; извисявам глас, за да възпяя, да възхвала някого⁹, глouмити сѧ, глouмлѫ сѧ, подигравам се; беспокоя се, тревожа се¹⁰, гнѣвити сѧ, гнѣвлѫ сѧ, гнѣздити сѧ, гнѣждѫ сѧ, гоditи, гождѫ, угаждам на някого, грижа се¹¹, гостити, гоцѫ, градити, градѫ, дарити, дариж, дивити сѧ, дивлѫ сѧ, дѣлити, дѣлѫ, живити, живлѫ, здлобити, здлоблѫ, къпѣти, къплѫ, кадити, кадѫ, корити, кориж, крѣпити, крѣплѫ, ловити, ловлѫ, ломити, ломлѫ, малвити, малвлѫ, коментирам, обсъждам оживено нещо, което се е случило¹², мразити, мражѫ, правя нещо, някого да мръзне,

изстудявам⁴, плънити, плънж, потити ся, пощж ся, родити, рождж, росити, рошж ,увлажнявам⁵, садити, саждж, скопити ся, скопляж ся, скръбти, скръблж ,мъча⁶, за разлика от скръвяти, скръблж ,скърбя⁷, съзити, съжж, творити, твориц ,правя, иззвършвам; уреждам, устройвам; изпълнявам; причинявам болка, страдание; обявявам, смятам някого за някакъв⁸, срв. и тварѣти, тварѣнетъ ,създавам, творя⁹, който не се е запазил в СБЕ и неговото значение се е поело от глагола творя, тржити, тржблж, очловити, очловляж, цѣнити, цѣнж, ювити (ся), ювлж (ся).

Префигирани глаголи: զаблждити, զաբլժժдж, զարձդити, զարձժդж, զամорити, զամորж, զաշитити, զաշитицж, իզвалити, իզвалж ,изхвърля, извадя¹⁰, իզвѣстити, իզвѣцж, իզморити, իզморж, истънити, истънж, насадити, насаждж, օզլобити, օզлобляж, օձавити, օձавляж ,покажа, представя; покажа наяве, направя нещо явно, разкрия тайна¹¹, օնовити, օնовляж, օвогатити, օвогцж, օբրѣменити, օбрѣменж, օгласити, օглашж, օградити, օграждж, օживити, օживляж, օкръзвавите, օкръзвавляж, օչвѣтити, օչвѣцж ,օсветя, облея със светлина, озаря¹², օչвѣтити, օչвѣцж ,օсветя, правя нещо да стане свято¹³, օգъдѣни-ти ся, օգъдѣвлж ся, օչвѣпити, օչвѣплж, օօлити, օօлж, օгъмѣстити, օгъмѣцж, օօѣдити, օօѣждж, օօլоумити ся, օօլоумляж ся ,развлека се, позабавлявам се¹⁴, օօрадити, օօражж ,побѣбря¹⁵, օկлонити ся, օկлоняж ся, օօкорити, օօкоряж, օօсадити, օօаждж, օօѣтчи-ти, օօѣцж, օօтопити, օօтопляж ,օջвартити, օջвартцж, օջомити, օջомляж, օջмили-те ся, օջмиляж ся, օմѣрити ся, օմѣрж ,օմѣтити, օմѣцж ,օխранити, օխраняж, օջчинити, օջчиняж, օվѣдити, օվѣждж, օվѣрити ся, օվѣрж ,օօгасити, օօгашж, օօгодити, օօгождж, օօдивити, օօдивляж, օօжасити, օօжашж, օօձловити, օօձловляж, օօклонити (ся), օօклоняж (ся), օօкоренити ся, օօкореняж ,օօкорити, օօкоряж, օօкрасити, օօкрашж, օօкро-тити, օօкроцж, օօкроѣпити (ся), օօкроѣплж (ся), օօловити, օօловляж, օօмалити, օօмалиж, օօмири-ти, օօморити (ся), օօморяж (ся) ,усещам умора; умъртвя, убия¹⁶ օօстրѣмити ся, օօструмляж ся, օօмѣзвити, օօмѣзвляж.

Освен глагола от IV спр. веселити ся, веселж ся в стб. език е регистриран и гла-гол от III спр. със същото значение (Стб. р-к 2009, с. 1298) – веселѣти ся, веселѣж ся, който не се е съхранил в съвременния език за избягане на дублирането. Към този разред са и глаголите съпати, съпляж (който в СБЕ е едносричен – спя, спи) и посъпати, посъпляж.

2. Глаголи с тематична гласна -и- след шушкава съгласна: гласити, глашж ,извиквам някого при себе си; извисявам глас, за да възпее, възхваля някого¹⁷, грѣшиги, грѣшж, лишити несв. и св. вид, лишж, лишити ся, лишж, ся несв. вид, множити ся, множж ся, роушити, роушж, рѣшити несв. вид, рѣшж ,развръзвам, освобождавам¹⁸, тишитъ, тишж ,укротявам, успокоявам¹⁹, тѣшиги, тѣшж ,теша, успокоявам²⁰, трошити, трошж, тѣжити, тѣжж. Основните глаголи са от несв. вид, с изключение на глагола лишити, лишж, който е двувидов, но в СБЕ глаголът лиша, -ии е поел функциите само на св. вид, тъй като носител на имперфективността е вторичният несв. глагол лишавам (се) (срв. възвратния имперфективен глагол от несв. вид в стб. език лишати ся, -иетъ ся). Глаголът рѣшиги, рѣшж в стб. език е от несв. вид, а в съвременния български език е от св. вид, тъй като по-късно в историята на езика се е образувал имперфективът решавам.

Префигирани глаголи: զадоѹшити сѧ, զадоѹшж сѧ, исоѹшити, исоѹшж, облажитъ, облажж, ожесточитъ, ожесточж, омрачити, омрачж, затъмня, покрия с мракъ, оснѣжити, оснѣжж, покрия със снягъ, погрѹшити, погрѹшж, помльчж, помрачити, помрачж, раздрѹшити, раздрѹшж, съкроѹшити, строша, счуپя, съкроѹшж, тишити, укротявам, успокоявам, тишж, осмъножити, осмъножж, очтѣшити, очтѣшж.

3. Глаголи с тематична гласна -и- след гласна: донти, доиж, кърмя, поконти, поконж, дам душевен покой, мир; успокоя, поити, поиж, давам някому да пие, напоявам, напойвам, стронти, стронж, строя, създавам; управлявам, ръководя; осигурявам, обезпечавам; приготвям, поправям, кърпя; приготвям се за нещо, въоръжавам, както и ѹстроити (сѧ), устроя, уредя, оправя; наредя, подредя, наглася, който е с коренно ударение в книжовния български език.

Глаголите от IV стб. спрежение почти в пълния си обем са се съхранили и в съвременния български език. Единични са глаголите, които са отпаднали от системата на СБЕ, напр. склавити сѧ, склавлїж сѧ, несв. вид, усмихвам се, ретити сѧ, речж сѧ, състезавам се, съревновавам се. В отделни случаи има промяна в семантиката на глагола, срв. порадити, поражж, побъбря; разварити, разварлїж, стопя, разтопя при висока температура. В единични случаи се променя и видът на глагола, както е напр. при ҙастојти, ҙастојж (вж. по-горе). Обикновено двувидовите глаголи в стб. в СБЕ остават носители само на перфективното значение, а функцията на несвършения вид се поема от по-новите имперфективни глаголи. срв. лишити св. и несв. вид, лишж > лиша св. вид > лишавам несв. вид. При наличието на няколко глагола от различни спрежения в стб. език, но от един и същ вид и с едно и също лексикално значение, поради действието на закона за отстраняването на излишество в езика се редуцират и в СБЕ остава само един от тях.

В среднобългарския период са настъпили промени при формите за 1 л. ед. ч. на глаголите от IV стб. спр., формулирани от К. Мирчев (Мирчев, 1963, с. 188 – 189). В тях са намерили отражение особеностите на говоримия език. Ранна е загубата на епетентетичното -л- при формите от типа дроблїж, тръплїж, като там, където се среща в среднобългарските паметници, е поради спазване на традицията. В паметниците на много места окончанието -ж се замества с -ѧ, за да се подчертава неговият палatalен характер, срв. в Манасиевата хроника по Синодалния препис от XIV в. (МХр. 1988) – дивла сѧ 68, но лежж 81 (след шушкава съгласна). В някои от тях обаче окончанието -ж се замества от -ж, напр. тръпж в Добрейшовото евангелие от XIII в., което е показател за затвърдяване на съгласната пред флексията, характерна особеност за част от съвременните български диалекти, срв.: *тръпа*. Много характерна за този период е и загубата на старата палatalизация от типа гласити, гласиши ~ глашж > (o)гласъ, като процесите са били факт в късния среднобългарски период, напр. въходдж, просж вместо въхождж, прошж в Добрейшовото евангелие (Мирчев, 1963, с. 188 – 189), да видж в Струмишкия апостол от XIII в., испраџна вм. из-пражниж в Германовия сборник от 1359 г., очсъмрътва тѧ вм. очсъмръштж тѧ в Свoden патерик от XIV век (Харалампиев, 2001, с. 137). Така основата в цялата парадигма се унифицира, като крайната коренна съгласна във формата за 1 л. ед. се депалatalизира, напр. юда, юдиши, юдитъ вм. рождж, юдиши, юдитъ. В па-

метниците от XIII век нататък са регистрирани и първите случаи на смесване на *ж* с *ѧ*, напр. във Врачанското евангелие от XIII век се срещат глаголни форми като *вскръша*, *не воя сѧ*, които „може и да отразяват и ранни прояви от изясняването на *ъ* от *ж* в *ѧ*“ (Мирчев, 1963, с. 100).

Широко са застъпени промените и във *влахо-българската книжнина от XIV – XV в.*, в които се използва в голяма степен народната говорима реч (Мирчев, 1963, с. 188). Л. Милетич подчертава, че „Всички промени, които характеризират новобългарските глаголи от сегашно време спрямо старобългарските, в езика на нашите грамоти вече са отчасти или изцяло завършени.“ (Милетич, 1896, с. 135). Формите за 1 л. ед. ч. на глаголите от II спр. са в преобладаващия брой от случаи на гласна, отбелязвана най-често с *ѧ*, напр. *погасѧ* (грам. на Александър), по-рядко с *-ж* и *-ѧ*: *на що стож азъ день и нощ* (грам. на Александър), както и със замяна на *-ж* с *-у*, особено по време на Бесараб III (Бернщайн, 1948, с. 139). В изследването са изнесени и примери с *-м* и тематична гласна *-и-* като *изломим* (грам. на Раду III), *исхабим*, *вратим* (грам. на Бесараб) и др. С. Б. Бернщайн, който определя тези форми като сърбизми, смята, че те са много малко и се откриват в текстове с преобладаваща употреба на старите окончания на гласна (вж. Бернщайн, 1948, с. 184 – 185 и посочените източници за езиковия материал).

В езика на *седмоградските българи*, проучен от Л. Милетич (Милетич, 1926), се намират много ценни податки за състоянието на източнобългарското *о-наречие*, с което той генетически е свързан (Мирчев, 1963, с. 23). В текстовете от XIX в., отразяващи състоянието на езика на преводите от XVI в. старото окончание на гласна се е запазило само в глагола *šta*. Останалите глаголи са с флексия *-м* за 1 л. ед. ч., като формите от II спрежение са с *-и-* или прегласена в *-е* (след шушкави съгласни) или *-η* (след палатална съгласна, отбелязана с *-а*) тематична гласна, напр. *sas si az sa veselim 4; seam-tam na dve ne staram, o tebe sa daržamfaf goliamata nevolia 4* (Милетич, 1926, с. 45 – 46).

Съществено е значението и на дамаскинската книжнина, в която вече има съчетание на традицията с говоримия език. Езикът на дамаскините, определяни в литературата като архаични, от по-стар тип, „носят всички белези на късен среднобългарски вариант на езика на българската книжнина с Евтимиеворесавски правопис (безюсов или частично юсов). Те са междинен етап между стария български книжовен език и новобългарския писмен език от края на XVI и началото на XVII в.“ (История на новобълг. kn. ез. 1989, с. 26). В *Кърнинския дамаскин*, датиран от П. Илиевски в периода 1580 – 1610 г. (Илиевски, 1972, с. 84), разглежданите форми са с окончание *-ю* – *поđравлю* с. 150б, *оумекчу* л. 27.

В езика на *новобългарските дамаскини* от XVII – XVIII в. като Тихонравовския, Протопопинския, Копривщенския, Троянския, Люблянския и др. широко навлиза говоримият език. Те са „первые в послекирилло-мефодиевскую эпоху в Болгарии памятники письменности, язык которых основан на живой народно-разговорной речи с ее аналитическим грамматическим строем и обновленным словарным запасом – в противоположность синтетическому грамматическому строю традиционного болгарского литературного языка“ (Дъомина – Тихонр. дам., рък., с. 16). Формите в дамаскините от т. н. „*средногорски кръг*“

са с окончания на гласна (с изключение на Троянския дамаскин, в който те са вариантни – на гласна и на съгласна -м) и голямо разнообразие в тяхното отбелязване. В тях чрез -ѧ, -ѩ, -ѭ е отразена старата мекост на съгласната пред окончанието, но има и форми, отбелязани с гласна -а и -ж, -়, без мекост на предходния консонант, освен след шушкави (държа; приближ়), и след останалите съгласни (օգֆա). Тези форми вероятно са резултат от процеса на затвърдяване на съгласната пред флексията, което е характерно за съвременото състояние на диалектите в този регион.

В *Копривщенския дамаскин* от XVII в. (Милетич, 1908) формите са с окончание на гласна, отбелязвана разнообразно – с -а, -ѧ, -ѩ, -յօ, напр. *да те обагатъ* 40, *да вы оғ8дъ* 62, *люблѧ*//*люба* 41, *щъ да сторѧ*//*и това да сторю* 99. Наличието на форми с окончание -м и основна гласна -и, напр. *да тръпим*, според Л. Милетич са останали от предполагаем първи западнобългарски оригинал на дамаскин. Формите с твърд консонант и флексия -а, покрай по-общайните с -ѧ, според него са резултат от диалектни примеси от различни по-стари преписи (Милетич, 1908, с. LVI). По-вероятно е обаче това да е резултат от затвърждаването на съгласните в региона. Самият Милетич посочва глаголни форми със затвърдели съгласни в част от балканските диалекти, които е проучвал в края на XIX век, напр. *тръпѫ, потѣ се* (Милетич, 1989, с. 109), каквото е сегашното състояние и в говора на Копривщица, напр. *сръвѣ, седѣ, пообиколѣ, посадѣ, стремѣ* (Керемидчиева, 2007, с. 26, която подкрепя изводите на Кр. Шиманска – Шиманска, 1967, с. 39 – 40, направени въз основа на анализ на лексиката на дамаскина, че той е по произход от Копривщица).

Езикът на *Троянския дамаскин* от XVII в. е определен от А. Иванова като народен, само някъде „прimesен с тогавашния черковен език“ (Иванова, 1967, с. 5 – 6). Формите за 1 л. ед. ч. са вариантни – с окончание на гласна, отбелязано с -а, -ю, -ж, и с -м, напр. при глаголите от типа *горя; държа; боя се* ударението е окситонно, като само в единични случаи има отмет на ударението, напр. *крѣва* 133; *бойм се* 257; *годим* 66, *г҃адим* 130, 240 и др.

В *Люблянския дамаскин* от XVII в. (Аргиров, 1900, с. 246 – 313) формите са на гласна, отбелязвана с -ѧ, -ѩ, -ѩ; -а, -়, напр. *благодаръ* 79⁶, *да тръпъ* 51^a, *օգֆа* 39^b, *да вы осветя* 39^a; *дръжса* 18^a. Според С. Аргиров формите с -ѧ са по аналогия с окончанията за 3 л. мн. ч. (*стѣрѣть* 14^a, 18^c).

Въз основа на дългогодишните си изследвания на езика на *Тихонравовския дамаскин* (Тихонр. дам., XVII в.) Е. Дъомина (Дъомина, 1968; 1971; 1985) прави заключението, че в него са отразени основните диалектни черти на централните балкански говори от преходен тип, намиращи се непосредствено до „границы по ъ“ и че в дамаскина системата на народните изразителни средства много последователно е застъпена на ранище на граматическия строй и на лексиката, а традиционната книжна норма се използва при системата на писмото (РКБЕ – Тихонр. дам., рък., с. 16 – 17). Формите за 1 л. ед. ч. са с окончание на гласна, означавана с -ѧ, -ѩ, -յօ, -়, и -а (след шушкави съгласни) и с окситонно и парокситонно ударение, напр. *блѣдарю* 4.25, *блѣдарю* 10.78^b, *тръпъ* 32.224, *չѣдѣ* 2.12^b, *չѣдѣ* 17.164; *дръжѣ* 12.114, *дръжѣ* 18.188^b, *լѣжа* 31.218; *се бою* 35.263, *се бої* 39.296 и др.

Езикът на *Свищовския дамаскин*, новобългарски паметник от XVIII в., е определен от Л. Милетич като „свищовско наречие, както се е говорило преди двеста години“ (Милетич, 1923, с. 1). Формите за 1 л. ед. ч. са с окончание на гласна под ударение, както е и в СКБЕ, рядко с отмет на ударението. Те са представени графично с различни букви, като прегласеният изговор на -ъ след палатална съгласна в слаботъмно *a* или слаботъмно *e*, се предава чрез -ѣ, -ѧ, -е, което се дължи както на неколкото преписвачи, така и на по-стари оригинали. Въпреки това обаче Милетич смята, че глаголните форми дават ясна представа за особеностите на свищовския диалект (Милетич, 1923, с. 5, 43), напр. *Боѫ се да ми не дѫмашъ на лъжѫ; Каквѫ се дѫмите ты чѫдъ се и д̀вѣ. – 272; благодар'ѣ 291, исцѣлѣ//исцѣла 77, са явѣ 108, но д̀вѣ 271; посвѣстѣ 386; приблизѣ 63.* В него се откриват и форми за 1 л. ед. ч. с окончание -ѫ при глаголите от II спр. от типа *вървя, горя*, характерна особеност сега само за диалектите в съртските села, срв.: *оти щѫ да умрѣсѫ сас речіте си и вѣздухъ и земѣта – 511; И акѫ са сподобѣ и го вѣдѣ 513; благодарѣ тѣ, боже – 596*, което, както смята Л. Милетич, показва, че тези форми са обхващали по-широк ареал от старите мизийски говори и са били факт в XVIII век.

В *Четирезичника на Данцил* от 1802 в., в който са отразени говорите от Юго-западна Македония (Селишчев, 1981, IV), формите от 1 л. ед. ч. на глаголите от II спр. последователно са представени с окончание -м и тематична гласна -а, напр. *тѣрпам//тѣрпам* 140, както и *вѣрдам* 138, *їзвадам* 140, *нѣсам* 132, *чѣнам* 138, *фѣрлам* 132, *кѣпам* 132 (Селишчев, 1981, с. 211 – 212). Употребените форми от типа *седамъ* в писмо от 1637 г., написано от носител на диалекта на бърсяците в Крушево (Селишчев, 1981, с. 229), са много ценно доказателство за това, че процесът на разширяване на обхвата на формите на -ам, характерни за глаголите от III спр., и върху I и II спрежение в някои диалекти, е много по-ранен и е бил завършен в първата половина на XVII век. Форми на -ум, характеризиращи гевгелийския, кукушкия, дойранския и гюмендженския говор са регистрирани в сбирката на Веркович от втората половина на XIX в., които Ст. Романски цитира в своето изследване за долновардарските говори, напр. *дѣржум* ib., *гостум* ib., *родум* ib., наред с форми и на -ам като *обесам* 108, което отразява колебанията в употребата на тези форми в диалекта (Романски, 1932, с. 137). Според Ив. Харалампиев преди да се появи в писмените паметници нова езикова черта, тя трябва да е била известна на говоримия език 100 – 150 г. по-рано (Харалампиев, 1983, с. 31).

Основното противопоставяне при формите за 1 лице единствено число сегашно време е дихотомно – между формите с окончанията на гласна, които са рефлекси от по-ранните периоди от развоя на езика, и на съгласна -м, флексия, която се е наложила в по-късен етап от историята на езика в българските диалекти не само при окончанията за 1 л. ед. ч. на глаголите от III, но и от I и от II спрежение (за оформянето на III *a*-спрежение в българския език и цитираната библиография вж. по-подробно М. Тетовска-Троева, 2007, с. 10 – 24). За разлика от книжовния език в българските диалекти има разнообразие във формообразуването на глаголите в сегашно време. Днес върху българското лингвогеографско пространство са проектирани форми, съхранени от раз-

лични исторически периоди, което дава възможност да се проследи не само тяхното разпространение, но и разгърнатата в пространството диахрония.

Окончанията на гласна и на съгласна -м се срещат както в източни, така и в западни говори. С основание Б. Цонев (Цонев, 1940, с. 304; 1937, с. 205 – 214) опонира на твърдението на Л. Милетич, че глаголното окончание на гласна на мястото на стб. -ж, -иж, в 1 л. ед. ч. сегашно време е една от отличителните особености на източните български диалекти и че то само по изключение се появява в някои от западните говори (Милетич, 1989, с. 34). Лингвогеографските данни от Българския диалектен атлас (БДА 1964, к. 70, 71; 1975, к. 200, 201; 1981, к. 262; Божков, 1986, к. 206, 234 а; Иванов, 1972, к. 115, както и цикълът от карти в БДА. Обобщаващ том. Част IV. Морфология, подгответни за печат в Секцията за българска диалектология и лингвистична география, с автор М. Тетовска-Троева) потвърждават наблюдението на Б. Цонев, че в част от източните диалекти има окончание -м, а глаголи с окончания на гласна има и в редица западни диалекти. Тези данни са в подкрепа на аргументите на Б. Цонев в спора му с Л. Милетич, че това не е особеност, релевантна при делитбата *изток – запад* (Милетич, 1989, с. 34; Цонев, 1940, с. 213; по-подробно по този въпрос с оглед на лингвогеографските данни вж. Тетовска-Троева, 2004 а, с. 15 – 26).

Формите на глаголите от II спрежение от разглежданите типове в книжовния език са с окончание -ъ под ударение и предходна мекост на съгласната, мека съгласна ѹ или шушкава съгласна и с тематична гласна -ѝ във 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч., срв. съответно: *гасѝ* [гас'ю], *гасѝш*, *-ѝ*, *-ѝм*, *-ѝте*, *гасѝт* [гас'ют]; *стой* [стойъ], *стойш*, *-ѝ*, *-ѝм*, *-ѝте*, *стойт* [стойют]; *държѝ* [държъ], *държѝш*, *-ѝ*, *-ѝм*, *-ѝте*, *държѝт* [държют]. За разлика от книжовния език в някои български диалекти са настъпили промени, които са свързани с това, че езикът като система, като структура не съществува в чист вид, в него има „зони с асистемен характер“ (Димитрова, 1994, с. 9 – 10, 14). В част от тях характерното само за глаголите от III спрежение окончание за 1 л. ед. ч. -м е обхванало и формите от I и II спрежение. В резултат на това в част от югоизточните и югозападните диалекти са се изравнили формите с окончание -м и с тематична гласна -а- от трите спрежения срв. *кòвам*, *чèтам* – I спр.; *сèд'ам*, *нòс'ам* (югоизточни диалекти)//*сèдам*, *нòсам* (югозападни диалекти) – II спр.; *глèдам* – III спрежение. Изравняване на формите от трите спрежения има и в част от диалектите в Егейска Македония, в които глаголите в 1 л. ед. ч. сегашно време са с основна гласна -у и окончание -м, напр. *кòвум*; *сèдум*; *глèдум*, както е и в девесилския говор (Крумовградско), където окончанието -о е характерно също за трите спрежения, напр. *бèро*; *вòрв'o*; *дàво* и др. В диалектите, в които има затвърждаване на крайната съгласна на основата при глаголите от II спрежение с окончание на гласна също се среща изравняване на формите в 1 л. ед. ч., но само на глаголите, които в книжовния език са от I и II спр., срв. *плèтò*, *четò* (I спр.), но и *вàрò*, *седò* (II спр.); *плèтам*, *чèтам*, както и *вàра*, *сèда*; *плèтум*, *чèту*, както и *нòсу*, *сèду* (II спр. – за разпространението на окончанията върху българската езикова територия вж. по-долу).

В някои от югозападните диалекти има преразпределение на спреженията в рамките на граматичната категория, като глаголите от II спрежение или част

от тях са преминали изцяло в I спр. (*брðйа, брðеиš, -е, -еме, -етe* – Долна Преспа), а отделни глаголи – и в III спрежение (*лèпам, -аш, -а, -аме, -ате, -ат* – Куфалово, Солунско). В други говори има смесване на спреженията в рамките на парадигмата, като част от формите са от различни спрежения – II и III (*сèдам, сèдиш, -и, -име, -итe* – Прилепско; *сèдам//сèдем//сèдем, седиš, -и, -име, -итe* – родопски говори и др.), I и III (*вàрам, -еш, -е, -еме, -етe* – Радовишко, Щипско, Струмишко), I и II (*нòса, -иš, -е, -име, итe, нòсат* – Клепа, Велешко, Мариово), а в някои диалекти с наличие на окончание *-м* и тематична гласна *-а* формите се разпределят между I, II и III спрежение (*брðам, брðиš, -е, -име, -итe, брðат* – Неготинско).

Процесът на интегриране на глаголите от II в I спрежение е на различен етап на протичане в различните региони от езиковата територия. Той напълно е приключи в северната част на ареала с наличие на *e*-тематична гласна (от Кратовско – на юг до западните петрички села) и в говора на мюсюлманите в Дебърско, където формите във 2 л. и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч., са се интегрирали в I спрежение, напр. *Нèмал пàри да, го, плàте. Жìф човèк нè, се жàле. Он бèле* (Кочанско); *вàрам, -еш, -е, -еме, -етe, варат* (Радовишко, Щипско, Струмишко), *мèсу, -еш, -е, -еме, -етe, мèсат* (Кратовско, Овчеполско), *брàна, -еш, -ет, -еме, -етe, бràнеет* (Дебърско). В южната част на ареала (говорите в областите Клепа, Тиквеш и Старо Мариово и южните диалекти от Дойранско и Кукушко – на запад до Източнолеринско), процесът е засегнал само формите в 3 л. ед. ч., напр. *Tò утиðе нь рèкъта рìба дъ лòве* (3 л. ед. ч.), но: *Утре зàстра, ка ки одиš, ако излòвши* дрùга рìбичка, по-скòпо дъ га прудàши (2 л. ед. ч. – Воденско). Островно подобни форми са регистрирани и в някои тракийски диалекти. В крайната югозападна част на ареала (Долна Преспа, Костурско и с. Връбница в Албания) процесите са обхванали само глаголите с корен на гласна от типа *броя, стоя*, които обаче са се интегрирали изцяло в I спрежение, както е в северната част на ареала, срв.: *брðйа, -еш, -е, -еме, -етe, брðе.* В говора на някои лерински села, както и в реканския диалект, тематичната гласна в 3 л. ед. ч. и в 1 и 2 л. мн. ч. също е *-е*, но формата във 2 л. ед. ч. е запазила принадлежността си към *i*-спрежението, напр. *кòсам, -иš, -е, -еме, -етe, -ет* (Леринско), което показва, че процесът на интегриране на II в I спр. все още не е завършен (за промените в спреженията на глаголите в диалектите вж. по-подробно М. Тетовска-Троева (2010) и в изследвания за различни диалекти от тази част на езиковата територия или в посветени на този проблем статии: Иванов, 1892, с. 117; Конески, 1967, с. 191; Шклифов, 1973, с. 88; Шклифов, 1979, с. 71; Пеев, 1979; Пеев, 1987, с. 246 – 247; Дрвошанов, 1993; Видоески, 1998, с. 195, 198 – 199, 207, 231, 320 – 321; Видоески, 1999, с. 45, 92, 121, 146 – 147, 173; Витанова, 1994, с. 98; Гайдова, 2002, с. 16 – 19; Тетовска-Троева, 2004 б; Тетовска-Троева, 2006, и др.).

A. Форми на глаголите от типа *горя [гор'þ]*, *посадя [посяд'þ]* < стб. *гориј, посéждј;* *даря [дар'þ]*, *удивя [удиев' þ]* < стб. *дариј, удивlј*

Формите на глаголите от този тип в книжовния език са с окончание *-ъ* под ударение и предходна мекост на съгласната – *гасъ [гас'þ]*; *варя [вар'þ]*. П. Пашов ги отнася към I и II разред на II спр. според класификацията им по основата на минало свършено време и съотношението ѝ със сегашната основа.

Аористните им основи са с наставка **-ѝ**: *гасѝ, гасѝш; гасѝх; гасѝл; гасѝн* и с наставка **-я [‘à]**: *цъфтѝ, цъфтѝш; цъфтѝх, цъфтѝ; цъфтѝл.* От I разред са глаголи като: *бедя, бедих, браздя, веселя, варя, виня, вися, гася, гневя, градя, клеветя, платя, редя, хабя* и т. н., а от II разред – глаголи като: *блестя, бумтя, валия, воня, вървя, въртя, горя, димя, жумя, кипя, летя, пълзя, скимтя, търпя* и т. н. (Граматика 1983, с. 309 – 311; Пашов, 1966, с. 40 – 42, 48 – 49).

1. Форми с окончания на гласна

За разлика от книжовния език в българските диалекти формите на гласна са както с окончания под ударение: **-’ò** (-’è, -è); **-’à**; **-’è; -’ò**, така и с флексии извън акцента: **-’ь** (-ь, -’è), **-’а** (-а, -’а); **-’о** и **-у**. Разнообразието на окончания е резултат от различните рефлекси на стб. **иж, ж** чрез посредничеството на среднобългарската вторична ерова гласна **[ъ₂]** (Мирчев, 1963, с. 102 – 103).

1.1. Форми с окончания на гласна под ударение

1.1.1. Форми с окончание **-’ò** (-’è, -è)

Формите са характерни за североизточната част на езиковата територия, където еровият застъпник на стб. задна носова гласна **-иж** е характерен и за окончанието за 1 л. ед. ч. сегашно време, срв. *гур’ò* < стб. *гурїж*, *диг’ò* < стб. *дїлїж* (за сравнение със застъпниците на стб. **ж** в коренна сричка под ударение тук и по-нататък вж. БДА. ОТ 2001, к. Ф 21). Ареалът обхваща мизийските и балканските диалекти в Силистренско, Русенско, Разградско, Шуменско, Преславско, Търговищко, Павликенско, Бяла, Свищовско, Никополско, Източноплевенско, Ловешко, Троянско, Севлиевско, Габровско, Тревненско, Дряновско, Еленско, Котелско, Карловско, Казанлъшко, Севернопловдивско, Панагюрско, част от Пазарджишко, както и странджанският говор, в който се срещат и форми с отмет на ударението. Очертава се и един по-малък ареал с окончание **-’ò** в тракийските диалекти – южно от Тополовград и в част от Чаталджанско.

Примери: *стъркул’ò* ,търколя‘ – Дивдядово, Шуменско, *цер’ò* – Шуменско, *сърт’ò* ,шетам‘ – Ашиково, Търговищко, *бул’ò* ,боледувам‘ – Герен, Търговищко (в народна песен), *дехт’ò//дъхт’ò* ,дишам; миля за някого‘, *зачегл’ò* (биволите), *закъсн’ò* ,закъснея‘, *ръзвърл’ò* ,разяря се‘ – Ивански, Шуменско, *искумул’ò* ,препълня нещо, напр. чаша‘, *къвел’ò* се ,кълна се‘ – Кирилово, Преславско, *пораст’ò* ,отгледам, отхраня‘, *потпадн’ò* ,докарам овце под сянка, за да пладнуват‘, *превърт’ò* се ,застоя се на едно място‘, *увер’ò*, *уздрав’ò*, *турод’ò* се ,родя се‘ – Крумово, Преславско, *разгърм’ò* ,скарам се‘ – Имренчево, Преславско, *залов’ò*, *размин’ò* – Драгоево, Преславско, *къскън’ò* ,ревнувам‘, *лен’ò* ,линея, отпадам при боледуване‘, *наум’ò*, *натъкм’ò*, *пълз’ò*, *ред’ò*, *свар’ò*, *сед’ò*, *сп’ò*, *склон’ò* – Кривня, Провадийско, *бръст’ò* ,храня животни с новопокарала напролет шума‘, *вис’ò*, *сунт’ò*, *върв’ò*, *грухт’ò*, *друб’ò*, *жубул’ò* ,бърборя с някого‘, *кулундр’ò*, *куп’ò*, ,кастрирам свиня, за да не се праси‘, *курнъз’ò* се ,държа се надменно‘, *кълдърм’ò* ,покривам с камъни‘, *кърн’ò* ,сека листников фураж; приготвям шума за добитъка‘, *къшмър’ò* ,шегувам се; присмивам се‘, *льс’ò* ,кастрирам‘, *пирушин’ò* ,гордея се, държа се надменно‘, *пирчим’ò* ,затъпявам връх на гвоздей, затвърждавам думите на някого‘, *плев’ò*, *пъздул’ò* ,възсядам‘, но и *гнùс’ь*, *зъшлèв’ь* – Кръвенник, Севлиевско, *вър’ò*, *дел’ò*, *наред’ò//нареѓ’ò*, *обикол’ò*, *пrust’ò*, *пудар’ò*, *слехт’ò* ,поемам бързо дъх‘, *слум’ò*

,омекна, смивам се (за зеленчук)', *ступан'ò* – Еленско, *бъс'ò* ,хващам се на бас', *врат'ò* ,извивам се, търкалям се', *вун'ò*, *вър'ò*, *грумул'ò* ,издавам силен шум', *дръскул'ò* ,драскам, пиша нещо', *дукътър'ò* ,похарча всичко, обеднея', *зътурл'ò* ,запуша, задимя; посрамвам, излагам', *кисил'ò* се ,глезя се', *кувлъд'ò* ,клеветя някого', *кърн'ò* ,кастря, сека клони с шума за фураж', *мъйстур'ò*, *нъврим'ò* ,скоро ще раждам', *нърид'ò*, *приъндул'ò* ,прекарам, премина нещо', *пуфт'ò*, *ръскифт'ò* съ ,започна да хленча', *слухт'ò*, *утъмън'ò* ,наглася, уточня', *фит'ò* съ ,нервират се, дразня се' – Троянско, *гъгр'ò* ,набираят плат на къдири', *дулим'ò* ,зидам пълнеж между греди на паянтов строеж', *кипъз'ò* ,опозоря', *кърър'ò* ,определям количество на око', *мъшты'ò*, *нъчугул'ò* ,натрупам', *ръскутел'ò* ,разглобявам механизъм', *труф'ò* съ ,гизда се', но и *зъпамет'ò* – Енина, Казанльшко, *аб'ò*, *вър'ò*, *гуд'ò*, *мур'ò*, *плъст'ò*, *пуст'ò* – Войняово, Карловско, *гruz'ò*, *инът'ò*, *клъс'ò* ,преминавам от началния в средния курс на обучение', *кур'ò*, *къд'ò* ,кадя по време на задушница; димя, пуша', *пишмън'ò* ,съжалявам за нещо' – Страхилово, Свищовско, *върт'ò*, *вър'ò*, *гас'ò*, *гръд'ò*, *гур'ò*, *зъбръд'ò*, *прим'ен'ò*, *сп'ò*, *съд'ò*, *сул'ò*, *търп'ò* – Вишовград, Павликенско, *вър'ò*, *дар'ò*, *кус'ò*, *изгур'ò*, *мен'ò*, *наред'ò*, *пл'ев'ò*, *позлат'ò*, съ *премен'ò*, *пр'вар'ò*, *пуднув'ò*, *разр'ьд'ò*, *сад'ò*, *смърд'ò*, *сул'ò*, *тур'ò*, *търп'ò*, *улув'ò*, *усул'ò* – павликански говори в Свищовско и Никополско, и др.

Вариантни форми с флексия -ъ под и извън ударение се среща в Плевенско, район, на границата между ареалите с наличие на форми с окситонно и с парокситонно ударение, напр. *бед'ò* ,набеждавам', *вис'ò*, *врт'ò*, *големъ* съ, *гръм'ò*, *двуемъ* съ, *зажумъ*, *злетъ*, *заортъ* ,заприказвам се, заговоря се', *заслетъ* ,изморявам се и трудно дишам', *накосъ*, *налетъ*, *привртъ* ,привръзвам някого към себе си', *свртъ* съ, както и *блъзнь* ,раждам близнаци', *врèдъ* си, *възвàра*, *дàра*, *доглàва*, *завърша'*, *загàса*, *заклàса* ,поставя на най-горния ред на купата снопи', *закрìва* ,извия нещо на една страна', *зачèрва* съ, *зашлèва*, *изгðра*, *исцèра* съ, *коса*, *крìва* съ, *лàда* съ ,разхлаждам се', *надрòба*, *насàда*, *наùма*, *оплèва*, *под'ута* < *подл'ута*, *присàда*, *развлàла*, *сàда*, *свлàла*, *цèра*.

В североизточните диалекти се срещат и форми с флексии -è, -é, които са резултат от преглас на гласната след мека съгласна, напр. *гор'è*, *кос'è*, *наред'è*, *плат'è*, *свен'è* са – Шуменско, *брастè* ,кастря крехки клонки за храна на кози и овце', *г'убрè* ,наторявам нива, като оставям овцете в нея', *гнусè* се, *инатè* се, *калабълè* ,говоря, приказвам; карам се', *класè* ,изпускам класове, когато жъна', *кървè*, *мишенè* ,бия', *рихтè* ,дышам тежко от преумора или при заболяване', *смехтè* ,пия вино до напиване', *храматè* ,умея да свърша някаква работа', *шматè* ,спотайвам се да не ме забележат', но и *глàвè* – странджански говор, *битин'è* ,надвземам, ограбвам под благовиден предлог', *бъръбърè* съ ,изравнявам се по някого за нещо', *в'ерè* съ ,кълна се', *в'лè* ,вадя вътрешностите на заклано животно', *върк'è* < *върк'è*, *гичинè* съ ,прехранвам се', *глъсè* (съ), *гръдè//гръг'è*, *гурè*, *дидил'è* ,угаждам', *дърмун'è* ,пресявам нещо с дърмон – сито с големи дупки', *жирнè* ,обременя някого с допълнителен разход', *зъвъртè//зъвърк'è*, *зътивал'è* съ ,затрупам се', *зъту mun'è* ,започна да се пригответям', *изгурè*, *клипт'è//клипк'è* ,поклащам се; изпотя се', *искупè* ,скопя', *кървè* съ ,зачервя се', *кр'юпè* съ, *къг'è* ,къдя, опушвам', *къльбъл'è* ,създавам някому грижи', *кълсè* ,подтичвам; леко накуцвам при бързане', *л'пè*,

мръзѣ съ ,студувам‘, мурѣ (съ) ,изморя (се)‘, мъжун‘è ,слагам маджун на прозорците‘, мърън‘è съ ,потя се‘, мъшул‘è ,правя бразда за зеленчуци или окопни култури‘, нъриð’è//нъриг‘è, нцул’è//нцул‘è ,живея в бедност; нещастен съм‘, нъбръст’è//нъбръск‘è ,храня овце, кози в ранна пролет с неразлистени още листа‘, нъв’èдè//нъв’ег‘è ,нагледам‘, пътв‘è ,почистя жито от плевели, като ги заливам с много вода‘, както и вариантните форми с -’è и с -è: улув’ò//улуш’ò//улуй’ò, студ’ò съ, спе, стуð’è//стуг‘è съ в Еленско, срв. още и в Ивански, Шуменско: нътькм’ò, пълз’ò, ред’ò, свър’ò, сед’ò, сп’ò//нътькмè, пълзè, редè, свърè, седè, сп’è, които са потвърждение за процеса -’ò > -è > -è.

1.1.2. Форми с окончание -à

Формите са характерни за пирдопския диалект, напр. *делà, ловà, съдà, седà, редà* и за подбалканските говори в Сливенско, Карнобатско, Ямболско, Бургаско, Източностарозагорско, Новозагорско, а на юг ареалът стига до Елхово и Тополовград, напр. *върв’à, вар’à, густ’à, дел’à, лов’à, съд’à, сед’à, ред’à; делà, ловà, съдà, срв.* и за говора на Твърдица, Молдова, преселници от Твърдица, Сливенско, напр. *вър’à, сид’à, цер’à* и др. По-малки ареали с това окончание се очертават в Южна Тракия и обхващат селата на север и на югоизток от Одринско и района около Чорлу. Окончанието -а за 1 л. ед. ч. в съчетание с окончанието -’òt за 3 л. мн. ч. (*гор’à, но гор’òt < срб. горјтъ < стб. горјтъ*) е най-важната типологична особеност на подбалканските говори, тъй като в това съчетание не се среща в други диалекти. За разлика обаче от пирдопския говор, където стб. задна носова гласна има рефлекс *a*, вкл. и при глаголите в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. сегашно време, срв. напр. *маш < стб. мжъ; горà < стб. горјќ; горат < срб. горјтъ < стб. горјтъ*, в подбалканските тя има еров застъпник в коренна сричка под ударение и в глаголната форма за 3 л. мн. ч., срв. *мьш; съдòt, но в 1 л. ед. ч. той е à – горà < стб. горјќ.*

В говора на Смололско, Пирдопско при този тип глаголи наред с формите с окситонно ударение като *извисà, изгорà, коленà, коленича‘, испролетà, изкарам до пролетта‘, намалà, покорà, пременà, перчимà, сплесквам, притъпявам* излезлия от другата страна връх на *перчим, гвоздей‘, покорà, спасà, теслимà*, предавам нещо тържествено‘, *честитà, четворà* се срещат и форми с отмет на ударението, напр. *нагđда* (вж. т. 1.2.2.)

1.1.3. Форми с окончание -è

Характерни са за два източни говора с рефлекс на стб. *ж < è*, срв. *мèш, кèшта*, включително и при глаголите – *садè, седè*. При разглеждането тип глаголи окончанието -è е ограничено само в две села с тетевенски по тип диалект (Голяма Желязна и Съево, Троянско). По-голям е ареалът на разпространение на окончанието в еркечкия говор, разположен между Севернопоморийско – Варна – Добрич и Провадия (с. Козичино, Паницово, Морско, Плазовец, Рудник, Голица и др.), където също има -è, но с характерната за микросистемата на диалекта „ударена дължина“, която е особеност на всички вокали с ударение, включително и при глаголите, напр. *вър’è, върт’è, кос’è, ред’è, свар’è, сед’è, сп’è* и др. В своето изследване за еркечкия говор Ст. Стойков уточнява, че мекостта пред -è не се крие в характера на гласната, а е свързана с по-стара мекост (Стойков, 1955). В говора на Банско окончанието е характерно за едносричните глаголи

срѣ, спѣ, като съвпадат формите в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., тъй като в мн. ч. формата е без окончание *-m*.

1.1.4. Форми с окончание *-ù*

Окончанието под ударение *-ù* – *гурù, съдù* и др. се среща само в района на шуменския говор в областта Съртовете в Западнопровадийско, в Новопазарско и в част от Шуменско, напр. *върù, дарù, косù, редù, свенù са, седù, спù, търпù* – Черковна, Равна, Неново, Провадийско, *въревù, гасù, горù, згуðù, нагостù, наðарù, редù, үедù, спù* – Марково, Косово, Снежина, Провадийско, *густù, с'едù, сулù, р'едù, умурù* – Каспичан, Новопазарско, *варшù, делù, лошù, пъл'зù, редù, седù, спù, садù* – Кюлевча, Овчарово, Шуменско. Среща се само при глаголи с окситонно ударение и след мека съгласна.

Л. Милетич определя морфемата *-ù* като окончание. Тези форми той отделя в IV спрежение, където са отнесени от него и формите с окончание *-'ë* (като прегласени от *-'ò*), които от своя страна са преминали в *-ù* (Милетич, 1989, с. 90), т. е. според него има фонетична промяна стб. *иж > 'ò > è > ù*. Подобни фонетични промени са възможни, но в неударена позиция и с междинна форма *e* между *è* и *u*, т. е. *'ъ > 'ë > e > u*.

Друго предположение прави А.-М. Тотоманова, разглеждайки формите *болин, гладин*, които обяснява с повишаване на гласежа на вторичната ерова гласна от стб. *ь* извън ударение след вторично смекчената или изконно меката предходна съгласна. „В такъв случай, резултатът от нейния преглас след мека съгласна ще клони повече към *u*, а не към *e*, както е под ударение“. Подкрепа на това обяснение авторката търси във формите за 3 л. мн. ч. *летит, вървят, спят* (аналогични са и формите в 1 л. ед. ч. – *лети, върви, спи*), в които „високото тъмно *ъ* (от стб. *ъ* и *ж* след меки съгласни) се преглася в чисто *u*“ (Тотоманова, 1992, с. 23). В разглеждания случай обаче не е отчетен фактът, че гласните не са извън, а са под ударение в диалекта – *летит, вървят*, а при посочената форма *спят* няма и възможност да е извън ударение, тъй като е едносрична. В ударена позиция, както личи от цитата по-горе, А.-М. Тотоманова не допуска възможност за преглас към *-u*, а по-скоро към *-e*. Не може да се предположи и процес на първоначален отмет на акцента върху коренната сричка, тъй като не е характерно за глаголите в тези диалекти, след което да се е извършил преглас на високотъмно *-ъ* към *-u* или пък да е настъпила промяна на гласната в неударена позиция от типа – стб. *иж > -'ъ₂ > -'ъ > -'ë > -e > u*, след което вторично да се възстанови окситонното ударение.

Анализът на парадигмата като цяло – *горѝ, горѝш, горѝ, горѝм, горѝте, горѝт* показва, че има генерализиране на глаголната основа с тематична гласна *-i*, както е и при формите на глаголите от III а-спрежение в съвременния български език, напр. *гледам, гледаш, гледа, гледаме, гледате, гледат*. Formите в 1 и 3 л. ед. ч. са омонимни, което се преодолява в контекста – *ас*, но и *той* *косѝ*, а формата за 3 л. мн. ч. е маркирана с морфемата *-m*, която е достатъчна за изразяване на граматичното значение за лице и число.

1.2. Форми с окончания на гласна извън ударение

В диалектите се срещат следните окончанията на гласна извън ударение: *-'ъ (-ъ, -'ë, -a, -'a); -'a (-'a)*, *-o* и *-y*.

1.2.1. Форми с окончание -'ъ, -'а (-ъ, -'е, -а, -'а)

Голям е ареалът на диалектите, които имат еров застъпник на стб. *ж* – *дъл*, *зъл* и в които са регистрирани различни варианти на окончанието -'ъ (-ъ, -'е, -'е, -а, -'а, -а) от *ъ₂* < стб. -*ж*, напр. *гòр'ъ* (*гòръ*, *гòр'е*, *гòре*, *гòр'а*, *гòра*, *гòра*). В Южна Тракия картината е много пъстра, срещат се форми с -'ъ, -'а, -а, -'е, -е, напр. *сèд'а*, *сèд'ъ*, *сèда*, *сèд'е* и др., докато в останалите диалекти се използват основно форми от типа *сèда*, *сèда*.

В ареала с еров застъпник на стб. *ж* се включват източните диалекти в Южно-пловдивско, Асеновградско, Първомайско, в северозападните чирпански села, в Димитровградско, Хасковско, Харманлийско (където по-рядко има и окончание -(а)m), в Свиленградско, Южноелховско, Малкотърновско, в Южна Тракия – в Димотишко, Софийско, Дедеагачко, Узункюприйско, Малгарско, Лозенградско, Бунархисарско, Визенско, в северните чаталджански села и в Мала Азия – на юг от Бандърма, а също така и в част от Гоцеделчевско, в Беломорска Македония – във Валовищко, Зиляховско, Драмско и в Солунско (където стб. *ж* < *ъм* – *дъмп*, *зъмп*, вж. БДА 2001, к. Ф 21).

Примери: *глàс'ъ*, *гòрм'ъ*, *кàд'ъ*, *р'àд'ъ* – Нова Надежда, Хасковско, *вàр'ъ*, *вòрв'ъ*//*вèр'ъ*, *глàв'ъ* се ,годя се‘, *гòр'ъ*, *гòст'ъ*, *грàд'ъ*, *дàр'ъ*, *дрòб'ъ*, *зъбрàд'ъ*, *зàвьрт'ъ*, *зàгрьд'ъ*, *згрàд'ъ*, *зъгòр'ъ*, *зàслед'ъ*, *ѝзвèрв'ъ*, *ѝzmур'ъ*, *кùп'ъ*, ядосвам се‘, *лèп'ъ*, *мèн'ъ* се, *нàбèд'ъ*, *нàбрьзд'ъ*, *нàвьрт'ъ*, *нàсъд'ъ*, *нàптуд'ъ*, увелича, умножа‘, *нàгуд'ъ*, *нàгуr'ъ*, *дòвьрть*, *дòгрьд'ъ*, *одел'ъ*, *дòмир'ъ* се, *прìсьд'ъ*, *прìтырп'ъ*, *ròд'ъ*, *сèд'ъ*, *скòп'ъ*, *укòр'ъ* се; *сп'ъ//спъ//спа* – Съчанли, Гюмюрджинско, *вèр'ъ*, *вòрт'ъ*, *грàд'ъ*, *глàс'ъ*, *глàв'ъ*, *зàспь*, *зàгуб'ъ*, *кàд'ъ*, *лèп'ъ*, *лòв'ъ*, *нàспь*, *нàгуд'ъ*, *дòмур'ъ*, *плàт'ъ*, *рèд'ъ*, *сèд'ъ*, *свл'ъ*, *цàд'ъ* – Дервент, Дедеагачко, *глàва са*, *гòрма*, говоря високо‘ – Чешнегирово, Пловдивско, бràзñ‘, правя бразди в ораната нива‘, *вàжь* ,имам тежест, значение‘, *вàр'ъ*, *вàн'ъ*, *вàс'ъ*, *вр'èд'ъ*, *врòт'ъ*, *глàс'ъ*, *гнèт'ъ*, *гòр'ъ*, *грàд'ъ*, съ г'увèз' ,глезя се, лигавя се‘, съ д'èл'ъ, *дòгуr'ъ*, *зàвьрт'ъ* съ, *зàгрьд'ъ*, *зàгуr'ъ*, *ѝзвèрв'ъ*, *ѝзгуr'ъ*, съ *ѝzmур'ъ*, *ѝсхъб'ъ*, съ *йаvъ*, *кумънòèr'ъ*, *нàбрьшн'ъ*, *нàвьр'ъ*, *нàжьл'ъ*, *нàринd'ъ*, *пìл'ъ*, *плòхт'ъ*, *пр'акьл'ъ*, *прùфт'ъ*, пръхтя недоволно‘, *прòцвим'ъ*, светя‘, *рèндъ* ,редя‘, *с'èд'ъ*, *тòпт'ъ*, мачкам, натискам‘ – Зарово, Солунско и др.

1.2.2. Форми с окончание -а от типа *лòва*, *рèда*, *сèда*; *лòва*, *рèда* са регистрирани в част от а-говорите, в които стб. *ж* > *а* (вж. у Цонев, 1940, с. 412 – 415; БДА 2001, к. Ф 21). Среща се във Врачанско, Ботевградско, Етрополско, Елинпелинско, югоизточно от Кюстендил и южно от Дупница, в западните пазарджишки села, Благоевградско, Санданско, Разложко, Петричко, Делчевско, Пехчевско, както и в Южносокопско, в поречкия говор, в част от Велешко (областите Клепа и Азот), в Кичевско, Мариово и Леринско, в битолските села на границата с Мариово и Леринско, в Корчанско. В Банско се срещат вариантни форми с -a// -e, а при едносричните -è: *врè*, *спè*. В част от говорите в Санданско, в югозападната част на Благоевградско, Делчевско, Пехчево основните глаголи са с отмет на ударението и с окончание -а, напр. *лòва*, *рèда*, *сèда*, докато при префигираните глаголи има вариантност между флексииите на гласна -а, и на съгласна -m, напр. *прèмена се*, *ѝстърча*, *пòседа//нàранам*, *зàдьржам*, *пòкосам* и др.

Формите са характерни и за диалекти, чиито застъпници на стб. ж в коренна сричка под ударение са различни от рефлекса ѹ извън ударение, вкл. и в глаголните форми в 1 л. ед. ч., които също са с отмет на ударението, срв.: *йàва*, *лòва*, *рèда*, *сèда*; *лòва*, *рèда*, но *мèш*, *дèп* (по-голямата част от Тетевенско, с. Радожда и Вевчани, Стружко), *мош*, *доп* (Дебърско), *доп*, *дòп* (областта Чеч в Родопите, където се среща и окончание -(а)m), *дòмбот*, *крòнгот* (Южнокостурско, вж. Шклифов, 1973, с. 29), *дòп*, *зòп*, *крòнк* (Долнопреспанско, вж. Шклифов, 1979, с. 26 – 27), *зьмп*, *гòмба*, *дòмбо* (форми с разложен назализъм в Севернокостурско, вж. Шклифов, 1973, с. 28 – 30), както и в западни диалекти с еров застъпник под ударение на стб. задна носова гласна (*мьш*, *дьп*) – в Оряховско, Белослатинско, Западноплевенско, част от Стружко и Ресенско (*мьш*, *дьп*). Според Б. Цонев в българските наречия в Западна България, Средногорието и Югоизточна България в суфиксии и окончания вм. стб. ж има произношение -a. Той отбелязва, че има диалекти, в които задната носова гласна има рефлекс -a във всички позиции, а в други говори -a се среща само в суфиксии и окончания (Цонев, 1984, с. 405).

Примери: *вàра*, *врòта*, *грàда*, *йàва*, *кòса*, *зàспа* – Петричко, *нàстуда се*, *дкисел'а*, *ддебел'а* – Логодаж, Благоевградско, *зàкъсна*, *зàлома*, *дголема*, *ддръста*, *дмала*, *дскапа*, *дтесна*, *прèсола* – Ботевградско, *бèда са*, обвинявам се неоправдано, клеветя се; считам се, смятам се', *вìса*, *врòва*, *глòба*, *дùма*, *дòреда*, *дòсада*, *зàбрада са*, *зàграда*, *истàпа*, правя тъп, без връх брадва, нож и др.', *кùпа*, *колàндра*, умея да пазя нещо, да предразполагам към себе си', *к'ùхта*, в мрачно настроение съм', *мрòса*, *дòреда*, пригответя всичко необходимо; замествам някого', *длèпа*, *пòаба*, *похабя'*, *пòраза*, *прèгора*, *цèда* – Радовене, Врачанско, *вòрва*, *рèда*, *сàда*, *сèда* – Стубел, Монтанско, *весèла*, *вìса*, *вòзвара*, *врòва*, *глàса*, *гнèта*, *тъпча*, *натыквам'*, *гòра*, *грàда*, *грòма*, *загàса*, правя варта от негасена в гасена', *зàобикола*, *зàсина*, *осиновя'*, *зàследа*, *зàспа*, *ѝзаба* < *ѝзхаба*, *ѝзгора*, *ѝзгоста*, *ѝзлета се*, *засиля се*, *затичам се'*, *ѝзмраза*, *ѝспома се*, *ѝстуда*, *ѝсцера*, *кòва*, *кòса*, *крèпа се*, все още съм здрав', *кrìва*, *куцам'*, *лòва*, *мрòсь*, *нàгнета*, *натыпча*, *пльтно напълня'*, *нàгора*, *нàграда*, *натрупам* с наслагване едно върху друго', *нàдроба*, *обивара*, *сваря'*, *плàта*, *пòгоста*, *пòдобра*, *пòседа*, *пòреда*, давам нареждане, разпоредя', *пòтпала*, *прèвала*, преминавам голяма височина и започвам да се спускам', *рòда*, *сèда* – Ихтиманско, *вàра*, *изгòра*, *сèда*, *спàса* – Делчевско, *бòра*, *вàра*, *вòрта*, *гнùса* и *гнòса*, *замърся'* – Черешница, Костурско, *гòра*, *гòста*, *грàда*, *дèл'а*, *дùва*, *дразня'*, *завàра*, *загоря'*, *кòса*, *крèпа*, *лòва*, *плàта*, *покòса*, *рèнда*, *рòда*, *сàда*, *сèда*, *скùса*, *скъся'*, *смàрда*; *докрèпа*, се долèпа, досòл'а, доцèда, *зàвра*, да кипна някаква течност', *забрàда*, *забрàна*, *засмòрда*, *наг'ута*, *плàта*, *покòса* – Костурско, *йàв'а*, *сèда* – Оровник, Д. Преспа, *сèда*, *тòпа* – Роби, Д. Преспа, *сèда* – Лък, Д. Преспа, да *зàспа* – Орово, Д. Преспа, *рàздел'а*, *сèда*, *спàса* – Медово, Д. Преспа, *глàва*, *плàта* – Мало Църско, Кичевско, *кòса*, *сèда*, *сàда* – Дебърско, *дàра*, *рèнда*, *дрèмна*, *надребнявам'*, *дàра*, *рòда*, *прòста*, *умòра*, *убия'*, *овèрта*, *заобиколя'* – Връбник, Корчанско и др.

1.2.3. Варианти форми

В говора на Банско се срещат форми с окончание -a-: *вàра*, *вòзвара*, *грàда*, *гòрма*, *ѝзвòрта*, *ѝзгура*, *дкуса*, *плàта*, *прèцада*, *прòста*, *пòза*, *пълзя'*, *рèда*, *рòда*, *сàда*, *тòпа*, но и форми с прогласена в -e флексия, напр. *вòрва*//*вòрве*, *гòра*//*гòре*, *сèда*//*сèде*. В едносрични форми окончанието е -è: *врè*, *спè*. Formите

с окончание *-а* са по-нови, резултат са от затвърдяване на предходната съгласна и се употребяват успоредно с по-старите форми (Цонев, 2008, с. 29).

В говора на с. Смолоско, Пирдопско наред с формите с флексия *-à* като *извисà*, *изгорà* (вж. т. 1.1.2.) се срещат и форми с отмет на ударението и окончание *-а*: *вâра*, *гòда*, *сгодя*, *загràда*, *измèна*, *кòса*, *окòса*, *нагòда*, *нагодя*, *плàта*, *разгòда*, *рòда*, *укòра*, *укоря* и др.

1.2.4. Форми с окончание *-'о*

Формите са характерни за девесилския говор в Крумовградско, напр. *вâр'о*, *вìс'о*, *вòрв'о*, *гòр'о*, *зò'о* < *сèд'о*, в който стб. *ж* > *о* – *don*, *кòшта* (Маринска, 1991 с. 294). Диалектът се отличава от останалите родопски диалекти, в които глаголите са с окончание *-(a)m* – *гòрам*, *сàдам*.

1.2.5. Форми с окончание *-у*

Формите са характерни за северните македонски говори в Кратовско, Кумановско, в района на север от Свети Николе и на запад от Крива Паланка, както и за района около Враня, където има и окончание *-(u)m*. В тях застъпник *у* < стб. *ж* има не само в коренна сричка под ударение – *дуп*, *зуб*, но и в окончанието за 1 л. ед. сегашно време, напр. *вìду*, *гòру*, *кríву*, *подàру*, *сàду*, *сèду*, *rèду* и др.

2. Форми с окончание съгласна *-м*

Окончанието *-м*, което от атематичните глаголи и глагола *имамъ* в старобългарски се прехвърля през среднобългарския период и върху тематичните глаголи и оформя групата на *a*-спрежението в българския език (Мирчев, 1963, с. 188; Добрев, 1991, с. 283), в голяма част от българската езикова територия е характерно не само за глаголите от III спр., както е в книжовния език, но и за глаголите от I и II спрежение. Съществено значение при класификацията и типологията на диалектите с окончание *-м* има видът на основните гласни, които при глаголите от II спр. са: *-и-* (*рèдим*, *рèдим*, *седим*, *сèдим*), *-а-* (*рèдам*, *сèдам*) и *-у-* (*рèдум*, *сèдум*). Тематичните гласни *-а-* и *-у-* са се обобщили за трите спрежения: *мèтам*, *рèдам*, *бèгам*; *мèтум*, *рèдум*, *бèгум*.

2.1. Форми с окончание *-м* и тематична гласна *-и-*

Форми с окончание *-м* и тематична гласна *-и-* се срещат в северозападната част на езиковата територия, като се очертава голям ареал на разпространение, който обхваща диалектите във Видинско, Ломско, Белоградчишко, Монтанско, Берковско, Трънско, Западнософийско, Кюстендилско, Пернишко, Дупнишко, Радомирско, част от Самоковско, моравските диалекти, в който има голямо разнообразие във формите по отношение на акцента. Срещат се райони с окситонно ударение, с отмет на ударението и вариантни зони. Единен е по отношение на акцента по-малъкият ареал, който се очертава в Северноскопско, в областите Долни Полог и Гора, където формите са само с отмет на ударението. В част от ареала, напр. в Кюстендилско основните глаголи са с окончание *-м*, напр. *рèдим*, *сàдим*, *pòим*, а при префигираните глаголи формите са вариантни – с окончания *-м* и *-а* (БДА 1975, к. 200, 201).

2.1.1. Форми на глаголите с тематична гласна *-и-* под ударение

Ареалът на разпространение на тези форми обхваща малка част от западните диалекти в Кривопаланско, Пиротско, в няколко села в Южновидинско, в част от

южните трънски и от северните кюстендилски села, в Западнорадомирско, както и в района между Перник, Дупница и Западносамоковско, напр. *бътрим*, *зачитам*, *почитам*, обикновено отрицателно⁴, *въртѝм*, *зъвъртѝм*, *зъспѝм*, *изгорѝм*, *мотрѝм*, *гледам*, наблюдавам, грижа се⁵, *съдѝм*, *седя*⁶ – Ново село, Видинско.

2.1.2. Форми на глаголите с тематична гласна -и- извън ударение

Формите се срещат във видинско-ломския диалект и говорите в Белоградчишко, Монтанско, Берковско, Трънско, Софийско (без източната част, където има окончание -a), Кюстендилско (без северните селища, в които има варианти с -ѝм//-им), в Северносокопско, в Долни Полог и областта Гора, в част от Пернишко и Дупнишко, напр. *варим*, *вредим*, *въртим*, *горим*, *гостим* (се), *градим*, *гърмим*, *завъртим*, *заградим*, *задимим*, *закосим*, *закривим*, *залепим*, *замамим*, *запретим*, *забраним*⁷, *заравним*, *здимим*, *здробим*, *изградим*, *рушим*, *изплатим*, *изравним*, *изпотим*, *кахарим*, *косим*, *кривим*, *ловим*, *наредим*, *насадим*, *повървим*, *потърпим*, *пресадим*, *променим*, *редим*, *резилим*, *росим*, *садим*, *сакатим*, *сдимим*, *седим*, *ситним*, *смърдим*, *спасим*, *студим*, *темирим*, *теслиним*, *топим* (се), *търпим*, *уравним*, *хабим*, *хубавим* – Гора (акцентът в диалекта е постоянен и липсва окситонно ударение), *върим*, *глумим* съ ,шегувам се⁸, *гн'явим*, *мачкам*, *натискам*⁹, *искривим*, *исъбим*, *исъедим*, *йавим*, *крайвим*, *оплèвим*, *плàтим*, *подмлàдим*, *подрàвним*, *посàдим*, *потòлим*, *потòпим*, *пръмèним*, *облека се* с нови дрехи¹⁰, *прокòрим*, *пожелавам* някому да му се случи нещо лошо¹¹, *рòдим*, *рèдим*, *ръзделим*, *сварим*, *склѝтѝм*, *блестя*, *льща*¹², *смèним*, *спогòдим* – Ново село, Видинско

2.1.3. Форми на глаголите с тематична гласна -и- под и извън ударение

В моравските диалекти, в Босилеградско, Димитровградско (Царибродско), Годечко, в част от Монтанско, в Софийско, Самоковско, северозападно от Перник и северно от Кюстендил се срещат вариантни форми с ударена и неударена тематична гласна, напр. *висѝм*, *въртѝм*, *кутѝм*, *търпѝм//àбим*, *кòсим*, *лèпим*, *сèдим*, *тòпим* – Годечко, *вървѝм*, *завъртѝм*, *ловѝм*, *наредѝм*, *провърѝм//забрàдим*, *изгàсим*, *изгòрим*, *крайвим*, *огрàдим*, *обивàрим*, *оглàвим*, *отбрàним*, *рèдим*, *сàдим* – Димитровградско, *вртѝм*, *грдѝм*, *имам* зъб на някого, *мразя го*¹³, *мрхтѝм*, *мълча*, *сърдя* се¹⁴, *сртѝм*, *работя* нещо трудно¹⁵, *бълнувам*; *жмим*, *ржим*, *ръмжа*, *карам* се *сърдито* и *постоянно*¹⁶, *тлатѝм*, *бълнувам*//*бèдим*, *гн'явим*, *големим* се, *големея* се, *гордея* се¹⁷, *дòвим* се, *държа* се като *дърво*¹⁸, *зажмим*, *кòсим*, *крайвим*, *лòвим*, *маскàрим* се, *шегувам* се¹⁹, *повèрим*, *уверя* се²⁰, *скрàтим* се, *свърша* се²¹, *цàним*, *четвèрим*, *впрягам* два чифта *олове*²² – Доброславци, Софийско, *висѝм*, *врътѝм* се, *летѝм*, *седѝм*, *смръдѝм*, *утръпѝм* съ, *стърпя* се²³//*глàвим*, *наемам* на *работка*²⁴, *грàдим*, *дèлим*, *исцèрим* се, *крòпим*, *лòвим*, *нърèдим*, *нътòкмим*, *плèвим*, *пумѝрим* съ, *сòлим*, *тòкмим* съ, *умràзим* съ – Владимирово, Монтанско, *врвѝм*, *седѝм//лòвим*, *рèдим*, *сàдим* – Сумер, Монтанско, *връвѝм*, *врътѝм*, *звонѝм*, *клисѝм*, *ходя* патраво²⁵, *летѝм*, *седѝм*, *тръпѝм*, *церъчѝм*//*блàзним*, *раждам* близната²⁶, *върим*, *гàсим*, *гòдим*, *гòстим*, *грàдим*, *дрòбим*, *заслèпим*, *кòсим*, *крайвим*, *лòвим*, *осакàтим*, *плàстим*, *поднòвим*, *позлàтим*, *рèдим*, *рòдим*, *сòлтим*, *тàкмим*, *утàкмим*, *цèдим* – Самоковско.

В района на Враня, който е на границата между ареалите на окончанията -(ѝ)м, -(и)м и -у, се срещат вариантни форми: *редѝм*, *рèдим*//*рèду*; *седѝм*, *сèдим*//*сèду*.

2.2. Форми на глаголите с окончание *-м* и тематична гласна *-а-* (-ъ-, -'а-, -'е-, -е- и -ê-)

Формите на глаголите с окончание *-м* и тематична гласна *-а-* са с отмет на ударението. Характерни са само за диалектите. Срещат се не само в част от югозападните, но и в редица източни диалекти – в родопските говори, в западните тракийски говори до Ивайловград и Дедеагач, в малоазийските диалекти около Бига, както и в част от Сярско. Във вариант с окончанието *-а* те са характерни за част от Гоцеделчевско, Драмско (Антонова, 1985, с. 110, която коригира данните на Й. Иванов, 1972, като посочва вариантни форми за Драмско), за областите Чеч и Ропката (вж. Керемидчиева, 1996, с. 332 – 336, която допълва материалите от БДА). Много подробно и точно Г. Венедиков представя териториалното разпространение и образуването на глаголните форми на *-м* от I и II спр. в югоизточните диалекти по материали от т. I на БДА (Венедиков, 1972). В някои от родопските диалекти като Доспат, Касъка, Пещерско, Змеица, Девинско и др., формите с окончание *-м* са само при основните глаголи, напр. *вâр'ам*, *връв'ам*, *сâд'ам*, *сèд'ам*, а префиксните глаголи са с окончание *-а* (-'а-, -'е-, -е), напр. *нàдоïа*, *нàбройа*, *пòсол'е*, *сâд'е* и др.

В родопските и западните тракийски диалекти (в района на Девин, Смолян, Мадан, Ксанти, Гюмюрджина и др.) тематичната гласна *-а-* се реализира чрез фонетичните си варианти -ъ-, -'а-, -'е-, -е- и -ê-, напр. *вâр'ам*, *връв'ам*, *сâд'ам*, *сèд'ам* – Лъжница, Гоцеделчевско, *вâрв'ъм*, *сâд'ъм*, *сèд'ъм* – Корница, Гоцеделчевско, *вôрв'ам* – Тихомир, Крумовградско, *вâрв'ам* *сèд'ам*, *сòл'ам* – Стрижба, Крумовградско, Царено, Момчилградско; *вâрвем*, *дâрем*, *зâбиколем*, *ôтвартем*, *прийспем*, *рòдем* – Мугла, Девинско, *сèд'ем*, *сâд'ем*, *спем* – Върбина, Маданско, *вâрвем*, *гâсем*, *дèлем*, *угâдем* – Оряховец, Смолянско; *вâрêm*, *гâсêm*, *гôрêm*, *дèлêm*, *сèдêm*, *угâдêm*, но в глагола *спòдм* с *ð* < *ъ₂* < стб. *ж* – Смолянско и др.

Среща се и употреба на вариантни форми с окончание *-м* и флексия на гласна, главно в говорите на селища, които са съседни до ареал с употреба на гласна, напр. *вâр'ем*, *дрòб'ем*, *кòс'ем*/*рèд'е*, *сèд'е* – Нова Ловча, Гоцеделчевско, *гôв'ем*, *гôр'ем*, *прòст'ем*, *тòрп'ем*, но и *с'èдам*//*дâр'е*, *нàдар'е*, *пр'ем'ен'е* *са*, *ùмр'ел'е*, *умъртвя* – областта Ропката, Асеновградско, *сèд'е*/*сèд'ем*, *сâд'е*/*сâд'ем* – Старцево, Златоградско и др.

Окончанието *-м* с основна гласна *-а* е типологична особеност и за част от говорите във Вардарска и Беломорска Македония – Кочанско, Щипско, Велешко (без областите Азот и Клепа), Радовишко, Струмишко, Неготинско, Прилепско, Битолско, Гостиварско, Охридско и селата между Охрид и Струга, в Кайлярско, в източната част на Дойранско и на Кукушко, както и във Воденско, Ениджевардарско, Западносолунско, където тематичната гласна на глаголите *-а-* се реализира чрез фонетичния си вариант -ъ-, резултат от редукция на *а* в *ъ* – *вâръм*, *рèдъм*, *сâдъм*, *сèдъм*, както и: *плàтам*, *нàплатам*, *рèдам* – Прилеп, *рàсишрам*, *сèдам*, *сòл'ам* – Слоещица, Битолско, *сèдам* – Брусник, Битолско, *гôрам*, *нагràдам* – Кочани, *дèл'ам*, *рèдам* – Г. Подлог, Кочанско, *кòсам*, *побèдам* – Соколарци, Кочанско, *ðделам* – Курбиново, Г. Преспа и др. Вариантни форми се срещат в говора на Чифлиджик, Демирхисарско – *вâра*, *вâрва*, *рòда*, *сèда*, *тàрпа*/*вâрам*, *вâрвам*, *рòдам*, *сèдам*, *тàрпам*.

2.3. Форми на глаголите с окончание **-м** и тематична гласна **-у-**

Окончанието **-м** с основна гласна **-у-** е важна типологична особеност на говорите в Гевгелийско, Кукушко, Гюмендженско и Дойранско, както и на диалектите на с. Нестрам, Мангила и др., Костурско, напр. *въртум, гъсум, гдрум, крѣум, крѣвум, лѣпум, лѣвум, лѣтум, мѣрсум*, блажа, не постя', рѣдум, рѣжум, рѣмжа, рева (обикновено за животни)', *сѣдум, смѣрудум, суѣумум и ѹумум*, мисля си, разсъждавам'.

Мекост на крайната съгласна на основата пред окончанията на гласна или пред тематичната гласна във формите от разглеждания тип има в преобладаващата част от източните диалекти, като не се отчита позицията през предни гласни (освен пред гласна *ე*, звук, среден между *-ъ* и *-е*), тъй като в тази позиция няма корелация твърдост – мекост. Затвърдяването на съгласната обаче, което е характерна особеност на западните диалекти, обхваща и част от източните говори на запад от изоглосата, която минава през Кубратско – Павлиенско – Ловешко – Троянско – Карловско – Чирпанско – северно от Димитровград – Първомайско – Асеновградско – Велинградско – Разложко, говорите между Сандински и Гоце Делчев – Източнопетричко и Солунско.

Със затвърдяла съгласна – *вървѣ, върѣ, литѣ, лувѣ, кусѣ, ридѣ, търпѣ* и др. са източните говори на селищата между Кубрат и Русе, в Свищовско, Никополско, Източноплевенско, Западноловешко, Западнотряоянско, Тетевенско, Карловско, Панагюрско, Източнопазарджишко, Северноасеновградско, Пловдивско, Северночирицанско. Затвърдяване има и в част от подбалканските (*варѣ, дѣлѣ, ловѣ, съдѣ, сѣдѣ, рѣдѣ*) и тракийските диалекти (*лѣвѣ, рѣдѣ; рѣдѣ, сѣдѣ; вѣрем; гдѣм*). Те обхващат Сливенско, селищата между Ямбол и Сливен, Новозагорско, Източнотополовградско, Южноелховско, Североизточноодринско, Бунархисарско и Чаталджанско, област, разположена в територията на големия ареал със запазена мека съгласна. В западните диалекти окончанието или тематичната гласна на глаголите с основи на съгласни *л* и *н* (примерите с *н* са единични) са в позиция пред меки съгласни, тъй като *л* и *н* в тях са палатали – *сѣл'ам, дѣл'ум* и др.

Б. Форми на глаголите от типа *поя [поїꙗ]* < стб. *пояти, поїж*; *стоя [стоїꙗ]* < стб. *стояти, стояж*

Глаголите от този тип в книжовния език са с окончание **-ꙗ** след меката съгласна *й*, която е в позиция след коренна гласна. Според класификацията по аористната им основа и съотношението ѝ със сегашната основа те се отнасят към I разред, в който се обособени глаголите с аористна основа на **-ѧх**: *брой [бройꙗ], бройш; бройх, брой; гоя, доя, кроя, поя, строя, утром* и др., и от II разред, в който има три глагола с аористна основа на **-ѧх [-ѧх]**: *бой [бойꙗ], бойш; боях [бойѧх], боя [бойꙗ], стоя, избуй* (Пашов, 1966; ГСБКЕ, 1983, с. 304, 310 – 311). Както в старобългарски, така и в книжовния български език, тази група глаголи е с ограничен състав.

В българските диалекти формите са с окончания на гласна и на съгласна **-м**

1. Форми с окончания на гласна

Формите с окончания на гласна са под ударение: *-(ї)ѣ; -(ї)ѧ; -(ї)ѣ; -(ї)е/-(-ї)ѣ; -(ї)и* и извън ударение: *-(ї)ъ, -(ї)a; -(ї)o* и *-(ї)y*. Окончанията под ударение се

срещат само в източните говори. За голяма част от тях са характерни и форми на глаголите със съгласна в' вм. *й* – дув'*й*, дув'*а*, ддв'*ъ* (вж. БДА. ОТ 2001, к. Ф 75).

1.1. Форми с окончания на гласна под ударение

1.1.1. Форми с окончание *-(й)ъ*

Формите с окончание *-(й)ъ* се срещат в североизточната част на езиковата територия, където еровият застъпник на стб. задна носова гласна *-ӣж* е характерен и за окончанията за 1 л. ед. ч. сегашно време, срв. *пойъ* < *поӣж*, *стуйъ* < *стоӣж*. Ареалът обхваща посочените при глаголите от типа *горя*, *посадя* мизийски и балкански, както и тракийски диалекти – на югозапад от Тополовград и на юг през Западноодринско и Димотишко до Малгара, напр. *дуйъ*, *круйъ*, *пуйъ* – Вишовград, Павликенско, *дуйъ*, *пуйъ* – Войнягово, Карловско, *стуйъ* – павликянски говор в Свищовско и Никополско, *бойъ*, *стойъ*, но и *ձձ(й)a*, *կրձ(й)a* – Западноникополско, Плевенско и Панагюрско, *стойъ* – Тръстеник, Плевенско, но и с отмет на ударието *стойа*; *дувъ*, *крувъ*, *стувъ* – Шуменско, *буїе се*, *тыйе съ* – Еленско, *дув'ъ*, *крув'ъ*, *стув'ъ* – Търново, Еникьой, Узенкьоприйско и др.

1.1.2. Форми с окончание *-а̄*

В пирдопския говор формите са вариантни с окончание под и извън ударение, напр. *настօа̄//открօа*, *подðа*, *раздвðа* – Смолско, Пирдопско. С окситонно ударение са формите в говора на с. Твърдица, Сливенско и Твърдица, Молдова, напр. *пуйа̄*, *стуйа̄*.

1.1.3. Форми с окончание *-է*

Срещат се както и при останалите типове в тетевенския по тип диалект на с. Голяма Желязна и Съево, Троянско и в еркечкия говор, разположен между Севернопоморийско – Варна – Добрич и Провадия, напр. *дуwէ*, *пуwէ* – Еркеч, Поморийско.

1.1.4. Форми с окончание *-ù*

Формите се срещат в селата с шуменски говор в Съртовете, напр. *бруù*, *пуй* – Марково, Провадийско; *стовù* – съртските села.

1.2. Форми с окончания на гласна извън ударение

В диалектите се срещат следните окончанията на гласна извън ударение: *-ъ*, *(-ე, -ა, -’ა)*; *-а (-ა)*, *-о* и *-у*.

1.2.1. Форми с окончание *-ъ*

Ареалът на разпространение на формите съвпада с ареала при глаголите от типа *горя*, *посадя* (вж. по-горе А.1.2.1.), напр. *бройъ*, *кройъ*, *нàпуіъ*, *пòстуйъ*, *скройъ*, *стойъ* – Съчанли, Гюмюрджинско, *брðв'ъ*, *gnðйъ*, *торя'*, *ձðв'ъ*, *կրðв'ъ* – Дервент, Дедеагачко, *бройъ*, *ձðстуйъ*, *оставам докрай'*, *кройъ*, *պùյъ*, *стойъ* – Зарово, Солунско, *бойъ*, *ձðойъ*, *նàстойъ*, *քրðбрайъ*, *стойъ* – Ихтиманско и др.

1.2.2. Форми с окончание *-а* (*-ъ*, *-ე, -ა*)

Ареалът на разпространение на формите съвпада с ареала при глаголите от типа *горя*, *посадя* (вж. по-горе А.1.2.2.), като в някои диалекти има вариантни форми, напр: *брðа*, *ձðа* – Петричко, *брðа*, *կրðа*, *стðа* – Банско, *գðайа*, *զðайа*, *կրðайа*, *стðайа* – Костурско, *ձðа*, *կրðа*, *стðа* – Стубел, Монтанско, както и с вариантни форми, *открðа*, *подðа*, *раздвðа*, но и *настօа̄* – Смолско, Пирдопско, *ձձ(й)a*, *կրձ(й)a*, но и *бойъ*, *стойъ* – Западноникополско, Плевенско и Панагюрско, *гðа*, *օхранвам'*, *задðа*, *почна да кърмя*; *запозна да доя'*, но и *стойъ* – Тръстеник, Плевенско и др.

1.2.3. Форми с окончание -о

Форми като *дойо*, *кройо*, *пойо* са характерни за говора на девесилските села в Крумовградско.

1.2.4. Форми с окончание -у

Форми като *кройу*, *пойу*, *стойу* са характерни за северните македонски говори в Кратовско, Кумановско, в района на север от Свети Николе и на запад от Крива Паланка, както и за района около Враня.

2. Форми с окончание съгласна -м

2.1. Форми с окончание -м и тематична гласна -и

Ареалът на разпространение на формите с окончание -(и)м съвпада с очертания ареал при глаголите от типа *горя*, *посадя* (вж. по-горе А.2.1.).

2.1.1. Форми с окончание -м и неударена тематична гласна -и-

Регистрирани са отделни случаи на форми само с отмет на ударението, тъй като по-характерни за ареала са посочените в т. 2.1.2. форми, напр. *бдим*, *брдим*, *избрдим*, *испозндим*, 'изпотя се много', *нъпдим*, *одвдим*, *скрдим* – Ново село, Видинско, *гндим* – 'торя' Доброславци, Софийско, *двдим*, 'разделям', *скрдим*, *стрдим* – Владимирово, Монтанско.

2.1.2. Форми с окончание -м и тематична гласна -и под и извън ударение

Характерно за очертания ареал е разграничаването на глаголите от двата разреда според класификацията на П. Пашов (вж. по-горе), които в старобългарски език са с различни инфинитивни основи – на -я- и на -и- след гласна. Глаголите от II разред са с ударена тематична гласна: *бойм*, *стоим*, а от I разред са с отчет на ударението: *ддим*, *крдим*, срв. и вариантните форми *бойм се*, *стоим//двдим*, *ддим*, *затдим*, *крдим* – Самоковско, *доим*, *кроим*, *поим*, *стоим*, но и *гди* – Димитровградско, *кроим*, *стоим//ддим*, но и форми с окончание -а: *дда*, *крда*, *стда* – Сумер, Монтанско и др.

2.2. Форми с окончание -м и тематична гласна -(и)a- [-(-и)ə-], -(и)e-, -(и)e-, (иă)-]

Формите са характерни за родопските говори, за западните тракийски говори до Ивайловград и Дедеагач, за южния гоцеделчевски говор, за говори във Вардарска и Беломорска Македония (вж. по-подробно в А.2.2.), напр. *възноем*, *дойам* – Мугла, Девинско, *брдйам*, *дойам*, *крдйам*, *пойам*, *стдйам* – Лъквица, Крушово, Асеновградско, *бдйам са*, *брдйам*, *дойам*, *крдйам*, *стдйам* – Малка Арда, Ардинско, Боровина, Маданско, *дойем*, *крдйем*, но и *брдйе* – областта Ропката, Асеновградско, *дойем*, *крдйем*, *пойем* – Полковник Серафимово, Смолянско, *крдйем*, *дойем* – Оряховец, Смолянско, *брдйам*, *дойем*, *крдйем*, *пойем* – Райково, Смолянско, *брд(и)ам* – Радовишко, *бдйам*, *брд(и)ам*, *крд(и)а(m)*, *стдйам* – Чифлиджик, Демирхисарско и др.

2.3. Форми с окончание -м и тематична гласна -у-

Форми като *бдйум*, *брдйум*, *крдйум*, *пойум* се срещат в Гевгелийско, Кукушко, Гюмендженско и Дойранско, както и в говорите на с. Нестрам, Мангила и др., Костурско.

3. Островно в няколко селища от цялата езикова територия са регистрирани форми, които за разлика от посочените по-горе имат окончание -м, но нямат основна гласна, срв. *бром* < *брдим*, *дом*, *пом* – Градец, Пешаково, Рупчи

и Бела Рада, Видинско, бром < брòум, дом, кром – Сурлево, Дойранско, Грамадна, Гавалянци, Кукушко, брòм, скр'ом – Триград, Воднипад, Ждребово, Девинско, брòм, дòм, пòм – Петвар, Осиково, Девинско, брòм < брòам, крòм – Дихово, Битолско. Всички те се срещат в райони с окончание -м. Към многото случаи в различни говори на контрахирани форми на глаголи от типа копам < копаем трябва да се отнесат и тези форми. Е. Спространов (1901, с. 541) в своето изследване за охридския говор посочва няколко все още живи в началото на ХХ в. вариантни форми на глаголите *доя* и *стоя*, които са илюстрация на процеса на промяна във формите – уподобяване и последвала контракция, срв. *доам//доом//дом*.

4. Извън посочените ареали остава говорът на с. Корово, Велинградско, в който се срещат формите без окончания от типа бро, до, кро (Младенов, 1965, с. 35 – 39). Същите форми се откриват и в Чанакча, Чаталджанско. Младенов дава парадигмите и на едносрични глаголи с коренни гласни -е, -и, -а -у като се „сея“, *ме*, *мия*, *ба*, *бая*, *до*, *доя*, *пл'у*, *плюя* и обяснява явлението с контракция на гласните без 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. (*миеш* > *меш*), след което тази основа се обобщава и за тях. Според него в 1 л. ед. ч. и в 3 л. мн. ч. изпада и окончанието, за да се преодолее противоречието с останалите форми от парадигмата, където са елиминирани всички случаи на две гласни една до друга, срв. *ме*, *меш*, *ме*, *mem*, *mete*, *m'et*. Тази интерпретация е приемлива за глаголите на гласни -е, -и, -у, но в парадигмата на глаголите от типа *доя*, *кюя* липсва окончанието само в 1 л. ед. ч. – бро, до, кро, а останалите форми са напълно запазени, срв. *до*, *доиш*, *дои*, *доим*, *доите*, *дойет*. По-скоро тук по аналогия има унифициране на формите и в хоризонтална посока – в редица едносрични глаголи от I и II спр. с различни коренни гласни: -е, -и, -а, -о, -у (*се*, *ме*, *ба*, *до*, *чо*, *чую*, *пл'у*).

B. Форми на глаголите от типа *държа* [държъ], *лежа* [лежъ] < стб. *държати*, *държж*, *лежати*, *лежж*; *помълча* [помълчъ], *реша* [решъ] < стб. *помълчити*, *помълчж*, *ръшити*, *ръшж*

Глаголите от този тип в книжовния език са с окончание -ъ след шушкави съгласни. Те са част от I и II разред (Пашов, 1966, с. 40, 45, 47, 49 – 50) или III разред на II спр. (Граматика 1983, с. 310, 312) според класификацията им по аористната им основа и сътношението ѝ със сегашната основа (*множж* [множъ], *множищ*; *множих*, *множи*; *гълчча* [гълчъ], *гълчиш*; *гълчах*, *гълчад*). Пред съгласни ж (дружса, дължса; държа, лежса), ч (у-велича, кача се; мълча, търча) и ш (по-виша, за-глуша, греша) в книжовния български език има 90 основни глагола (Граматика 1983, с. 310, 312; Пашов, 1966, с. 40, 45, 47, 49 – 50), което показва, че и в съвременния език, както е и в старобългарски, тази група глаголи е с по-ограничен състав.

Разглеждането в отделна група на глаголите от II спр. със шушкави съгласни пред окончанието или тематичната гласна, срв. напр. *лежъ*, *лежд*; *лèжим* е обосновано, тъй като в стб. език ж, ч, ш са меки, като палаталността им е запазена и до днес в част от диалектите, а съхранената информация за тяхната мекост в други говори дава отражение при глаголните форми, които са разнообразни за разлика от книжовния език (както е и при редица други диалектни особености, напр. при ятовия преглас, прегласа на стб. ю, лабиализации и др.).

1. Форми с окончания на гласна

В българските диалекти формите са както с окончания под ударение: -**ò** (-**ë**); -**à**; -**è**; -**ù**, така и с флексии извън акцента: - **ъ** (-**ë**), -**а** (-**a**); -**о** и -**у**.

1.1. Форми с окончания на гласна под ударение

1.1.1. Форми с окончание -**ò** (-**ë**, -**è**)

Ареалът на разпространение на формите с окончания -**ъ** съвпада с района на разпространение при глаголите от типа *горя*, *посадя* в мизийските, балканските и тракийските диалекти (вж. А.1.1.1.), като включва и Панагюрско и има малки разлики в разпространението на фонетичните варианти на окончанието, напр. *дъръгъ*, *мълчъ*, *тижъ* – Вишовград, Павликенско, *гълчъ*, *приказвам*, *говоря*, *дукъчъ*, *сушъ*, *фърчъ* – Троянско, *блъжъ* – Страхилово, Свищовско, *бръмчъ*, *вриштъ*, *руштъ* – Кръвенник, Севлиевско, *държъ*, *мълчъ*, *сұшъ* – Дервент, Дедеагачко, *вършъ*, *грешъ*, *дъръгъ*, *лычъ*, *удълци*, *раздълци*, *стърчъ*, *улъчъ* – павликянски говори в Свищовско и Никополско, *гълчъ* < *гълчъ*, *карам се*, *замижъ*, *лежъ*, но и *грѣша*, *закача*, *стрѣша* – Тръстеник, Плевенско.

В част от диалектите – Никополско, Свищовско, Русенско, Бяла, Горнооряховско, Дряновско, Еленско, странджански говори и др., окончанието -**ъ** се реализира с фонетичните с варианти -**ë** и -**è**, които са резултат от преглас на гласната след шушкавите съгласни, които са били меки в старобългарски език, напр. *държë*, *крештë*, *мълчë*, *тежë* – Шуменско, *брънчë*, *бъшë* съ, спотайвам се, *пышë*, изтръсвам брашнян чувал', но и *блажë*, *гълчë*, – странджански говор; *блъжë*, *бръмчë*, ям блажно през пости', бучë, буча', *бъшë*, *льжа*', душë съ, топля се', *държë* (съ), *зъблъжë*, започвам да блажа, отговявам', *зъблъшë*, успея, сполуча', *зъбышë*, потуля с цел да присвоя', *зъдушë*, *кличë*, *лижë*, *мълчë*//*мълчъ*, *придържë*, *пумнужë*, *умножа*' – Еленско и др.

1.1.2. Форми с окончание -**à**

Срещат се в подбалканските диалекти, както и в два малки ареала – в Югоизточноодринско в Южна Тракия и в част от Чаталджанско в Мала Азия, напр. *държà*, *душà*, *кличà*, *лижà*, *мълчà*, *строшà* и др. В пирдопския говор формите са вариантни – под и извън ударение на окончанието, напр. *дреждà*, стоя неподвижно и треперя под студен *дъжд'*, *држà*, *мужà*, *мижà*, *натлчà*, натрапвам се', *привлечà*, но и *докàча*, *дрूжса*, *придружавам*', *зафùча*, захвърля силно, та фучи', *окàча* – Смолско, Пирдопско.

1.1.3. Форми с окончание -**è**

Формите с окончание -**è**, напр. *държè*, *лежè*, *мълчè*, *сушè* се срещат в ареала, посочен по-горе и за останалите типове глаголи (вж. тип А, т. 1.1.3. и тип Б, т. 1.1.3.).

1.1.4. Форми с окончание -**ù**

Както при глаголите от типа *горя* и *доя* тези форми са характерни за диалектите на няколко селища в областта Съртовете в Западнопровадийско, в Новопазарско и в част от Шуменско, напр. *крештù* – Каспичан, Новопазарско, *държù*, *крештù*, *мълчù*, *пиши*, *сушù* – Провадийско и др.

1.2. Форми с окончания на гласна извън ударение

В диалектите се срещат следните окончанията на гласна извън ударение: -**ъ**, (-**ë**, -**a**); -**а** (-**a**), -**о** и -**у**.

1.2.1. Форми с окончание -ъ (-*ə*, -*a*)

Ареалът на разпространение на формите съвпада с ареала при глаголите от типа *горя, посадя* (вж. по-горе А.1.2.1.), напр. *глъши* ,*глася*‘, *дръжъ*‘, *съ дъближъ*‘, *съ докъчъ*‘, *дотърчъ*‘, *забруждъ*‘, *зачервя*‘, *исуши*‘, *л’ежъ*‘, *наближъ* – Зарово, Солунско, *гъл’чъ*‘, *говоря*, приказвам; *карам се*‘, *докъчъ*‘, *дръжъ*‘, *засръшъ*‘, *уплаша*‘, *качъ*‘, *мъл’чъ*‘, *наближъ*‘, *накъчъ*‘, *пл’уштъ*‘, *пнижъ*‘, *приближъ*‘, *прикъчъ*‘, *тройши*‘, *търчъ* – Съчанли, Гюмюрджинско, *греша*, *закача*, *строда*, но и *лежъ* – Тръстеник, Плевенско, *блаже*‘, *гълчъ*‘, но и *брънчъ*‘, *бъщъ*‘, *спотайвам*‘ – странджански говор; *мълча*‘, *лъжа* – Старцево, Златоградско и др.

1.2.2. Форми с окончание -а (-*a*)

Ареалът на разпространение на формите съвпада с ареала при глаголите от типа *горя, посадя*, но формите в Пирдопско са вариантни (вж. по-горе А.1.2.2.), напр. *докача*, *затеша*‘, започвам да чистя, почиствам с мотика трева, плевел и др.‘, *лъча*‘, *лекувам*‘ – Радовене, Врачанско, *баша*‘, *льжа*‘, *бурча*‘, *ровя*‘, *добреша*‘, износя дрехите си, остана без дрехи‘, *добрашна*‘, довърша брашното, остана без брашно‘, *дрежда*‘, стоя на едно място и треперя‘, *запишта*‘, *одълъжа*‘, *дшироча*‘, *ръша* – Ботевградско, *добръжъ*‘ – Банско, *дръжъ*‘, *лъжа*‘, *строда* – Петричко, *лъча*‘, *викам*, провиквам се силно и проточено‘, *одъжъ*‘ < *одълъжа* – Логодаж, Благоевградско, *добръжъ*‘, *досъша*‘, *дотърча*‘, *дръжъ*‘, *исуши*//*иссъша*, *клечъ*‘, *мълча*‘, *расшира*‘, *съща*‘, *дъша*‘, *тъча*‘, *закамча* – Костурско и др.

В пирдопския говор формите са с отмет на ударението, напр. *докача*, *дръжъ*‘, *придружавам*‘, *зафъча*‘, захвърля силно, та фучи‘, *окача*‘, но и с окситонно ударение (вж. 1.1.2.) – Смолско, Пирдопско.

Вариантни форми с окончание -а и -(а)m се среща в говора на Чифлиджик, Демирхисарско, напр. *клечъ*‘, *квичъ*‘, *лъжъ*‘//*клечам*, *квичам*, *лъжам*.

1.2.3. Форми с окончание -о

Форми като *дръжо*‘, *дръшко*‘, *клдъчо*‘, *клеветя*‘, *тъчо*‘, отвиквам да бозая‘, *мъчо*‘, *мъчо*‘, *плъшко*‘, *пържо*‘, *пържа*‘ са характерни за говора на девесилските села в Крумовградско.

1.2.4. Форми с окончание -у

Форми като *лъжу*‘, *дръжу*‘, *тройшу*‘ са характерни за северните македонски говори в Кратовско, Кумановско, в района на север от Свети Николе и на запад от Крива Паланка, както и за района около Враня.

2. Форми с окончание съгласна -м

2.1. Форми с окончание -м и тематична гласна -и-

Ареалът на разпространение съвпада с посочения за глаголите от типа *горя, посадя* (вж. по-горе А.1.2.1.),

2.1.1. Форми с окончание -м и тематична гласна -и под ударение

За разлика от формите на глаголите от типа *горя, посадя* при които има голяма вариативност на формите по отношение на акцента (вж. по-горе А.2.1.1.), при глаголите от разглеждания тип формите в северозападния ареал с малки изключения се отличават с единство по окситонното си ударение, напр. *държим*, *лежим*, *мълчим*, *търчим* – Годечко, *брънчим*, *гълчим*‘, *говоря* силно; *карам се*‘, *държим*, *лежим* – Сумер, Монтанско, *държим*, *клечим*, *личим*‘, *трия нещо*;

приличам си с някого‘, лъштѝм, но и дрѣнчим ,големея се‘ – Владимирово, Монтанско, с вариантни форми държим, мълчим, отлежим//лѣжим, потсѫшим – Димитровградско и др.

2.1.2. Форми с окончание -м и тематична гласна -и извън ударение

Срещат се в района на областта Гора, Долни Полог и Скопско, напр. горчим, държим, зайачим (се), закачим, излечим ,излекувам‘, издържим, изкачим, качим (се), лечим, мълчим, пиштим, тежим, трошим (се), фучим, фърчим – Гора (в диалекта акцентът е стабилизиран).

2.1.3. Форми с окончание -м и тематична гласна -и под и извън ударение

Примери: държим, мълчим//доблѣжим, кѣчим съ, лѣчим съ, стрѣшим, укачим – Ново село, Видинско, блештим, бучим, виштим, клечим, тиштим ,спя‘//вѣлѣчим, млѣжим ,умножавам, увеличавам‘ – Доброславци, Софийско, блѣжим, грѣшим, доблѣжим, кѣчим, воскѣчим, искачим, сѫшиш, трѣшиш//глѣчим, лежим, дрѣжим, мучим, пишчим, трѣчим – Самоковско и др.

2.2. Форми с окончание -м и тематична гласна -а- [-(-и)а-, -(и)е-, -(и)е-, (иа)-]

Формите на глаголите с окончание -м тематична гласна -а- са извън ударение. Срещат се в родопските, част от западнорупските, малоазийските и югозападните диалекти (вж. А.2.2.), напр. гѣл’чам, мѣлч’ам, но и лѣжем – Върбина, Маданско, сѫшам, тѣчам – Дебреше, Прилепско, кѣчам – Сушица, Струмишко; гѣлч’ем, дрѣж’ем, придружавам‘, лѣж’ем, мѣлч’ем//мѣл’ч’ем – областта Ропката, Асеновградско, гѣлчем, зѣкачем – Мугла, Девинско, лѣжем, мѣлчем, тѣрчем, тѣжем – Оряховец, Смолянско, лѣжѣм, мѣлчѣм, тѣрчѣм, тѣжѣм – Смолянско и др.

Вариантни форми с окончание -(а)м, и с окончание гласна -а се среща в говора на Чифлиджик, Демирхисарско (вж. по-горе 1.).

2.3. Форми с окончание -м и тематична гласна -у

Форми като грѣшум, лѣжум, сѫшум, трѣшум са характерни за Гевгелийско, Кукушко, Гюмендженско и Дойранско, както и за говорите на с. Нестрам, Мангила, Костурско.

В заключение може да се обобщи, че формите на глаголите в 1 лице единствено число в българските диалекти са резултат от наследената от старобългарския език глаголна система и по-новите особености, настъпили постепенно в историческия развой на езика, което поражда и съществуващата дихотомия на формите върху езиковата територия – на форми с окончание на гласна и форми с флексия -м и различни тематични гласни. За разлика от книжовния български език, в който има само един модел на образуване при изследваните типове глаголи (с окончание -ѣ в позиция след мека или шушкава съгласна), в българските диалекти е отразено цялото разнообразие от форми в историята на езика. В голяма част от езиковата територия се е съхранило старото окончание на гласна -ѧ/-ѧ. Съществува голямо богатство от форми, които са резултат от различните рефлекси на стб. задна носова гласна, ощеествени чрез посредничеството на среднобългарската вторична ерова гласна. Първата регистрирана замяна на -ѧ с -а е във Врачанското евангелие от XIII век. Сравнението на окончанията на гласна със застъпниците на стб. задна носова гласна в коренна сричка под ударение обаче показва, че има диалекти, в които стб. окончание -ѧ има самостоятелно, различно от основната позиция разви-

тие. Още в среднобългарския период има замяна на -иж с -а, за да се подчертава палаталният характер на съгласната пред окончанието или да се маркира започналият процес на затвърдяването на съгласната със замяна на -иж с -а. Тази особеност, която характеризира днес не само западните, но и значителна част и от източните диалекти, намира отражение и в новобългарските дамаскини.

Съществената промяна, която се извършва в глаголната система на българския език, е оформянето на III а-спрежение, процес, приключил в края на среднобългарския период. За разлика от книжовния език, в който окончанието -м за 1 лице единствено число е характерно само за III спрежение, в голяма част от българските диалекти (родопски, част от тракийските и югозападните диалекти и в голяма част от северозападните диалекти) флексията -м с различни тематични гласни обхваща и глаголите от I и II спрежение. Форми на -ам от I и II спрежение са регистрирани още в XVII век, а в началото на XIX век те се употребяват последователно в текстовете, отразяващи говоримия български език. Форми на -ум са регистрирани във втората половина на XIX век. В част от югозападните диалекти има проява на асистемност, като глаголите, които в книжовния език са от II спр. преминават към групата на I спрежение в рамките на категорията или има смесване на спреженията в рамките на парадигмата, което е от инновационните особености на тези говори, свидетелство за което е и наличието на различни етапи на развитие на процеса.

Дихотомията при формите за 1 лице единствено число сегашно време на глаголите от II спрежение в българските диалекти е отражение на различните етапи от развода на езика – наличие на форми с флексии на гласна, наследени от старобългарския език, и с окончание съгласна -м, която в по-късен етап измества окончанието на гласна (регистрираните форми са от XVII в.). Анализът на формите в исторически и съвременен аспект показва, че за разлика от книжовния език диалектите се характеризират с разнообразие и богатство от форми, тъй като в тях е проектирана цялата история на българския език от старобългарски до наши дни.

Bibliografia

- Аванесов, 1964 – АВАНЕСОВ, Р. И.: Русская диалектология. Москва 1964.
- Антонова, 1985 – АНТОНОВА, Л.: Форми за 1 лице сегашно време в говора на с. Волак, Драмско. In: БЕ, 1985, № 2, с. 110 – 114.
- Аргиров, 1900 – АРГИРОВ, С.: Люблянският български ръкопис от XVII. In: СбНУНК. Кн. XVI и XVII. I. Научен отдел. София 1900.
- Бернщайн, 1948 – БЕРНШТЕЙН, С. Б.: Разыскания в области исторической диалектологии. Т. I. Язык валашких грамот XIV – XV веков. Москва: Изд. АН СССР 1948.
- Божков, 1986 – БОЖКОВ, Р.: Български диалектен атлас. Северозападни български говори в Царибродско и Босилеградско. Ч. I. Карти. Ч. II. Статии. Коментари. Показалци. София: Изд. на БАН 1986.
- Бояджиев, 1991 – БОЯДЖИЕВ, Т.: Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия. София: „Св. Кл. Охридски“ 1991.

БДА – Български диалектен атлас. Югоизточна България. Ч. I. Карти. Ч. II. Статии. Коментари. Показалци. (Авт. колектив). София: Изд. на БАН 1964; Български диалектен атлас. Североизточна България. Ч. I. Карти. Ч. II. Статии. Коментари. Показалци. (Авт. колектив). София: Изд. на БАН 1966; Български диалектен атлас. Ч. I. Карти. Ч. II. Статии. Коментари. Показалци. (Авт. колектив). София: Изд. на БАН 1975; Български диалектен атлас. Северозападна България. Ч. I. Карти. Ч. II. Статии. Коментари. Показалци. (Авт. колектив). София: Изд. на БАН 1985.

БДА.ОТ 2001 – Български диалектен атлас. Обобщаващ том. Ч. I – III. Фонетика. Акцентология. Лексика. (Авт. колектив). София: Книгоизд. къща „Труд“ 2001.

Венедиков, 1972 – ВЕНЕДИКТОВ, Г. К.: Из наблюдений над морфологией глагола в говорах Юго-восточной Болгарии. In: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1970. Москва 1972.

Видоески, 1998 – ВИДОЕСКИ, Б.: Дијалектите на македонскиот јазик. Т. I. Скопје 1998.

Видоески, 1999 – ВИДОЕСКИ, Б.: Дијалектите на македонскиот јазик. Т. II. Скопје 1999.

Витанова, 1994 – ВИТАНОВА, М.: Смесване на спрежениета при сегашно време на глаголите в българските говори от Македония. In: Мак. преглед, 1994, № 4.

Гайдова, 2002 – ГАЙДОВА, Уб.: Темпоралната карактеристика на финитните глаголски конструкции во югоисточните македонски говори. Посебни изданија, кн. 33. Скопје 2002.

ГСБКЕ 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Том 2. Морфология. (Авт. колектив). София: Изд. на БАН 1983.

Грам. стб. език 1991 – Граматика на старобългарския език. (Авт. колектив). София: Изд. на БАН 1991.

Димитрова, 1994 – ДИМИТРОВА, Ст.: Исключения в русском языке. In: Slavica Publishers, Ohio: Ins. Columbus 1994.

Добрев, 1991 – ДОБРЕВ, Ив.: Лични окончания на старобългарските глаголи. In: Граматика на старобългарския език. София: Изд. на БАН 1991.

Дрвошанов, 1993 – ДРВОШАНОВ, В.: Кајлярскиот говор. Скопје 1993.

Дъмина – ДЕМИНА, Е. И.: Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. Часть I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София: Изд. БАН. 1968; Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Часть II. Палеографическое описание и текст. София: Изд. БАН. 1971; Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Часть III. Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. София: Изд. на БАН 1985.

Дъмина – Тихонр. дам. – Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. Часть IV. Словарь книжного болгарского языка XVII в. на народной основе (по тексту Тихонравовского дамаскина). (Авт. коллектив; под печат).

Иванов, 1892 – ИВАНОВ, М.: За спрежението на новобългарски език. In: СбНУ. Т. VIII. 1982.

Иванов, 1972 – ИВАНОВ, Й.: Български диалектен атлас. Български говори от Егейска Македония. Т. I. Драмско, Сярско, Валовишко и Зиляховско. София 1972.

Иванова, 1967 – ИВАНОВА, А.: Троянски дамаскин. Български паметник от XVII век. София: Изд. на БАН 1967.

Илиевски, 1972 – ИЛИЕВСКИ, П. Хр.: Кринински дамаскин. Скопје: Универзитетска печатница „Кирил и Методиј“ 1972.

Ист. на нбълг. кн. ез. 1989 – История на новобългарския книжовен език. (Авт. коллектив). София: Изд. на БАН 1989.

Керемидчиева, 1996 – КЕРЕМИДЧИЕВА, Сл.: Южнобългарското окончание -(а)м за 1 лице единствено число сегашно време при глаголите от I и II спрежение. In: Лингвистични студии за Македония. София 1996.

Керемидчиева, 1996 – КЕРЕМИДЧИЕВА, Сл.: Копривщица – история и език. Multi-print. София 1996.

Конески, 1967 – КОНЕСКИ, Бл.: Историја на македонскиот јазик. Скопје 1967.

МХР. 1988 – Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София: Изд. на БАН 1988.

Маринска, 1991 – МАРИНСКА, Р.: Девесилският говор. Фонетика и морфология. Докторска дисертация. 1991.

Милетич, 1989 – МИЛЕТИЧ, Л.: Източнобългарските говори. София: Изд. на БАН 1989.

Милетич, 1896 – МИЛЕТИЧ, Л.: Нови влашо-български грамоти от Брашов. In: СБНУНК. Кн. XIII. София 1986.

Милетич, 1908 – МИЛЕТИЧ, Л.: Копривщенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. In: Български стариини. Кн. II. София 1908.

Милетич, 1923 – МИЛЕТИЧ, Л.: Свищовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII век. In: Български стариини. Кн. VII. София 1923.

Милетич, 1926 – МИЛЕТИЧ, Л.: Седмоградските българи. In: Сп. на БАН. Кн. XXXIII. София 1926.

Мирчев, 1963 – МИРЧЕВ, К.: Историческа граматика на българския език. София: Изд. „Наука и изкуство“ 1963.

Мирчев, 1901 – МИРЧЕВ, Д.: Бележки по кукушко-воденския говор. In: СбНУ, Т. XVIII, 1901.

Младенов, 1965 – МЛАДЕНОВ, М. Сл.: Особености в говора на с. Корово, Велинградско. In: Език и литература, 1965, № 3.

Пашов, 1966 – ПАШОВ, П.: Българският глагол. I. Класификация. Видеообразуване. Словообразуване. София: Изд. „Наука и изкуство“ 1966.

Пеев, 1979 – ПЕЕВ, К.: Дојранскиот говор. Македонистика. Кн. 2. Скопје 1979.

Пеев, 1987 – ПЕЕВ, К.: Кукушкиот говор. Кн. I. Скопје 1987.

Романски 1932 – РОМАНСКИ, Ст.: Долновардарският говор. In: Македонски преглед. Кн. 1, год. VIII, София 1932.

Стойков, 1955 – СТОЙКОВ, Ст.: Днешното състояние на еркечкия говор. In: Изв. на Института за български език. Кн. 4, 1955, с. 339 – 367.

Селищев, 1981 – СЕЛИЩЕВ, А. М.: Очерки по македонской диалектологии. София: Фототипно изд. „Наука и изкуство“ 1981.

Спространов, 1901 – СПРОСТРАНОВ, Е.: По говора на гр. Охрид. In: СбНУ. Кн. XVIII, 1901.

Стб. р-к 1999 – Старобългарски речник. Том I. А – Н. Авт. колектив. София: Изд. „Валентин Траянов“ 1999.

Стб. р-к 2009 – Старобългарски речник. Т. II. Ø – Ү. Авт. колектив. София: Изд. „Валентин Траянов“ 2009.

Тетовска-Троева, 2004 а – ТЕТОВСКА-ТРОЕВА, М.: Делитбата изток – запад в „Български диалектен атлас. Обобщаващ том“. In: Български език, 2004 а, LI, № 1.

Тетовска-Троева, 2004 б – ТЕТОВСКА-ТРОЕВА, М.: Окончания за 1 лице единствено число сегашно време на глаголите от II спрежение от типа броя, доя, поя в лингвогеографски аспект. In: Български език, 2004 б, LI, № 2 – 3, с. 221 – 229.

Тетовска-Троева, 2006 – ТЕТОВСКА-ТРОЕВА, М.: Окончания за 1 лице единствено число сегашно време на глаголите от II спрежение от типа вървя, търпя в българските диалекти//Светът на речника. Светът в речника. Юбилеен сборник в чест на чл.-кор. д. ф. н. Емилия Пернишка. Велико Търново 2006, с. 310 – 320.

Тетовска-Троева, 2007 – ТЕТОВСКА-ТРОЕВА, М.: Системата на спреженията в българския език в съвременен и в исторически аспект. In: Български език, 2007, LIV, № 3, с. 10 – 24.

Тетовска-Троева, 2010 – ТЕТОВСКА-ТРОЕВА, М.: Форми на глаголите от II спрежение в трето лице единствено число сегашно време в българския език в исторически и съвременен аспект. (III). In: Български език, 2010, кн. 3.

Тотоманова 1992 – ТОТОМАНОВА, Ана-Мария: Из българската историческа фонетика. София 1992.

Филипоски, 1952 – ФИЛИПОСКИ, Ил.: Неготинскиот говор. Скопје 1952.

Харалампиев 2001 – ХАРАЛАМПИЕВ, Ив.: Историческа граматика на българския език. Търново: „Faber“ 2001.

Харалампиев, 1983 – ХАРАЛАМПИЕВ, Ив.: По историята на българския глагол (възникване на а-спрежение). In: Български език, 1983, XXXIII, № 1.

Херей-Шиманска, 1967 – HEREJ-SZYMAŃSKA, Kr.: Leksika damaskina kopriwszentskiego. Kraków 1967.

Цонев, 1940 – ЦОНЕВ, Б.: История на българския език. Т. I. София 1940.

Цонев, 1984 – ЦОНЕВ, Б.: История на българския език. Т. II. А. Обща част. Б. Специални части. София: Изд. „Наука и изкуство“ 1984.

Цонев, 2008 – ЦОНЕВ, Р.: Говорът на град Банско. In: „Неофит Рилски“. Благоевград 2008.

Шклифов, 1973 – ШКЛИФОВ, Бл.: Костурският говор. Трудове по българска диалектология. Т. 8. София: Изд. на БАН 1973.

Шклифов, 1979 – ШКЛИФОВ, Бл.: Долнопреспанският говор. Трудове по българска диалектология. Т. 11. София: Изд. на БАН 1979.

Integračné a diferenciačné javy zvukovej a tvaroslovnej roviny v nárečiach na horných Kysuciach*

Anna Ramšáková

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava

Integration and Differential Phenomena of the Sound and Inflectional Level in Dialects of Upper Kysuce

In the region of upper Kysuce there met and still are meeting several development tendencies or dialect types. Simultaneously with this fact the position of Kysuce dialect develops creation of conditions for certain degree of petrification of the original form of dialects.

The aim of the paper is to show choices phenomena of phonological and morphological level of dialects of six localities in the upper Kysuce: dialects of Korňa, Kornica, Turzovka belong to a group of upper Kysuce boundary dialects and dialects of Čierne, Oščadnica and Skalité belong to a group of Goral Kysuce dialects.

Typickou črtou hornokysuckej oblasti je ich charakter osídlenia. Ide o kopaničiarsku oblasť so samostatnými osadami. Kontakt nositeľov nárečia je iný ako pri kompaktnom osídlení. Uvedená skutočnosť sa premieta aj do ich jazykového prejavu. Nárečový prejav je iný u autochtona z centra obce a iný u obyvateľa z osihotejnej osady, čo sa odzrkadlilo na variantnosti nárečových systémov. Obyvatelia z odľahlejších osád si udržiavajú, resp. u nich pretrvávajú staršie znaky nárečia. Okrem toho ide o okrajovú oblasť, kde sa stretávajú viaceré nárečové prúdy.

Od okresného mesta Čadca smerom na východ je skupina kysuckých goralských nárečí v bezprostrednom kontakte s malopoľskými živieckymi a čiastočne aj sliezskymi dialektmi, smerom na západ hraničí skupina hornokysuckých pomedzích nárečí so sliezskymi, ostravskými a prechodnými česko-poľskými nárečiami. Z vnútrozemia ide o neustály kontakt so slovenskými nárečiami západoslovenského makroareálu. Napokon, ak berieme do úvahy ďalšie variety slovenského, poľského a českého jazyka, vytvára sa v tejto oblasti mimoriadne pestrý jazyková situácia. Bádateľ týchto nárečí však stojí pred neľahkou úlohou nielen vzhľadom na zložitý jazykový systém a jazykovú situáciu v tomto regióne, ale aj vzhľadom na skutočnosť, že ide o najmenej prebádané dialekty v slovenskej dialektológii.

Tento príspevok poskytuje obraz o niektorých vybraných javoch zvukovej a tvaroslovnej roviny dvoch odlišných skupín dialektov, hornokysuckých pomedzích nárečí (geneticky spätých so slovenskými nárečiami) lokalít Korňa, Kornica, Turzovka, a kysuckých goralských nárečí (geneticky spätých s poľskými nárečiami) obcí Čierne, Oščadnica a Skalité.

Východiskovým materiálom z goralškej nárečovej oblasti boli transkribované texty zvukových nahrávok, ktoré sme získali vlastným terénnym výskumom v rokoch 2000 – 2004 a 2007 – 2009. V hornokysuckej nárečovej oblasti sme vykonali dotazníkový

* Štúdia vznikla v rámci riešenia projektu VEGA 2/0028/08 *Slovník slovenských nárečí III.*

prieskum v auguste a septembri 2009. Dotazník sme vypracovali podľa Dotazníka pre výskum slovenských nárečí, ktorý zostavili E. Pauliny a J. Štollc (1947).

Pri opise javov sme sa opierali o praslovanské východisko, najmä o predpokladaný stav v 10. – 11. storočí.¹

1. K stieraniu diferenčných javov dochádza predovšetkým vo zvukovej rovine. Nivelizačným procesom je zasiahnutá realizácia najmenších jednotiek zvukového systému, predovšetkým samohlások.

1.1. Realizácia fonémy *e* v jej základnej podobe [e] oproti pozičnému variantu *ə* svedčí o jej funkčnej stabilite v hornokysuckých nárečiach na úkor diferenčného velárneho *ɔ*, ktorý je areálovo obmedzený. Vonkajší tlak na starší systém s vokálom *ə* svojou intenzitou spôsobuje jeho ústup v skupine hornokysuckých pomedzných nárečí a v oščadnickom dialekте:

1. ako vkladný vokál a striednica za tvrdý jer sa vyskytuje pozičný variant *ə* s e-ovým timbrom, ktorý ustupuje realizácii *e* v Turzovke, časti Hlinené: *jaderko* → *jaderko*, v Korni v tvaroch *vetər* → *veter*, *svokər* → *svoker*, *kmotər* → *kmoter*, *blazən* → *blazen*;

2. upúšťa sa od výslovnosti *ə* ako striednice za jerové hlásky po konsonantoch *t*, *d* v prospech *e* v Turzovke, časti Hlinené: *dəska* → *deska*, *dəšć* → *dešć*, *zdəchla* → *zdechla*, *kotəl* → *kotel*.

Archívne záznamy dialektologického oddelenia JÚLŠ SAV tiež svedčia o niekdajšej rozkolísanej distribúcii, resp. o výskytu viacerých striednic za jerové hlásky v skupine sledovaných hornokysuckých pomedzných nárečí.² Jednotnú striednicu *e* mal dialekt v Nižnej Korni, Kornici a Turzovke v tvaroch G pl. substantív feminín: *hrušek*, *zlatek*, *ovec*, *kňížek*, *šlīvek*, *stovek*, *stranek*, *sveček*, *zahradek*, *jamek*. V deminutívnej prípone sa vyskytovali aj redukované vokály v Kornici v tvaroch *k्वeto_ek*, *peso_ek*, v Turzovke *k्वetek* a v Nižnej Korni *k्वito_ek*, *pisiek*.³

1.2. Príčinou zmien štruktúrnych vzťahov medzi prvkami vokalického systému je tiež vnútorné napätie v staršej vokalickej štruktúre v analyzovaných nárečiach, kde dochádza ku konfliktu princípov, ktoré spôsobili výskyt dvoch realizácií v rovnankej pozícii: *e* a *y* ako paralelné striednice:

1. v slove *ješeň* v krátkej pozícii pôv. **e* > *y* v Turzovke, časti Hlinené, v Korni a v Klokočove: *ješeň* → *ješyň*, resp. staršie *y* > *e* v Čiernom a Skalitom: *ješyň* → *ješeň*;

¹ Všetky nárečové doklady uvádzame kurzívou. Fonetický prepis archívneho nárečového materiálu dialektologického oddelenia JÚLŠ SAV a publikovaného dialektologického materiálu jednotlivých autorov sme neupravovali. Našu vlastnú fonetickú transkripciu z praktických dôvodov neuvádzame, preto pozri Ramšáková, 2010, s. 17 – 18.

² V miestnej časti Kornica uskutočnil výskum E. Gašinec 23. 8. 1949. Informátormi boli žena vo veku šesťdesiatdväa rokov a muž vo veku päťdesiatpäť rokov. Rovnako v obci Turzovka vypísal dotazník 23. 8. 1949, kde sa zhováral s troma mužmi vo veku sedemdesiat, tridsaťdeväť a päťdesiatsedem rokov.

³ Na prvý pohľad komplikovannejšiu transkripciu ozrejmujú marginálne explorátora uvádzané na evidenčných listoch z Nižnej Korne, z Kornice, z Turzovky (pozri archív dialektologického oddelenia JÚLŠ SAV). Graféma *e_o* (resp. *o_o*) je slabo redukované *e*, graféma *ə* zastupuje silno redukované *e*. Všetky tri grafémy sú fonetické varianty tej istej fonémy. Grafický prepis niektorých foném si možno vysvetlovať nielen úrovňou školovanosti explorátora, ale aj skutočnosťou, že explorátor uskutočnil výskum vo viacerých osadách na horných i dolných Kysuciach, dobre poznal kysucké nárečia, a rozlišoval rôzne varianty tej istej fonémy v sledovaných lokalitách.

2. v pozícii za vkladný vokál *e* je samohláska *y* v Turzovke, časti Hlinené, a v Korni: *veter* → *vetyr*;

3. pod vplyvom susedných dolnokysuckých nárečí dochádza k substitúcii hlásky *y* hláskou *e* (**ě* > *ę* > *y*, sekundárne > *e*) v Skalitom: *bryk* → *brech*, *gňyf* → *gnef*, *mľyko* → *mľeko*.

Podobná tendencia sa prejavuje v nárečí obce Oščadnica, kde dochádza k zmenám:

1. *ə* > *a* v G pl. feminín po konsonantoch *ž*, *č* (v sledovaných nárečiach ide o stvrdnuté spoluľásky), napr. *kňižak*, *jedl'ičak*.

Publikovaný i nepublikovaný archívny dialektologický materiál získaný pre Atlas slovenského jazyka (ďalej ASJ) z uvedenej obce potvrdil výskyt redukovanej hlásky: *sviečák*, *hrušák* (ASJ I/1, 1968, s. 50 – 51);

2. *ə* > *a* za vkladný vokál v slovách *vjetar*, *jondarko* a za jerové hlásky v slovách *daska*, *ocat* (rovnako porov. ASJ I/1, 1968, s. 31 *daska*, s. 46 *ocat*, s. 67 *vjetar*).

1.3. V skupine kysuckých goralských nárečí vplyvom susedných slovenských nárečí dochádza inverziou k nesystémovej zmene staršieho *y* na *e* a staršieho *o* na *o*:

1. výskyt hlásky *e* oproti staršej realizácii *y* sa potvrdil v nárečí obce Skalité: *ošym* → *ošem*, *mľyko* → *mľeko*, *narodzyňe* → *narodzeňe*, ktoré svedčia o nahrade staršieho vokálu *e* (porov. Ramšíková, 2005, s. 73);

2. prítomnosť *o* ako nepríznakovéj vokalickej fonémy oproti pôvodnej zúženej fonéme *ø* badať v prípadoch *koň* → *koň*, *moj* → *moj*, *völ* → *vol*, *stol* → *stol*, *vos* → *vos*.

Prostredníctvom komunikačnej sféry vokalický systém susedných nárečí vyvíja tlak na systémy regionálne obmedzené – tlak na staršie *y*, *ø* vo vokalickej štruktúre sledovaných lokalít, čo spôsobuje ústup od výslovnosti *y*, *ø* v prospech výskytu *e*, *o*.

Variantnosť realizácie daného javu, ktorú zachytáva analyzovaný nárečový materiál, je prejavom tendencií, ktoré smerujú k nivelizácií skúmaných dialektov.

Rezistentnou voči vonkajšiemu tlaku je samohláska *ø* v tvarotvornej prípone *-om* v I sg. feminín (výsledok systémovej zmeny **-ojo* > *-o* > *-ø* + *m*) a v D pl. feminín (výsledok systémovej zmeny *-amъ* > *-ām* > *-om* > *-ø* + *m*) a v koncovke *-of* v G pl. (výsledok systémovej zmeny **ā* > *o* > *ø*):

1. v I sg. a D pl. feminín vo všetkých troch goralských obciach: *babom*, *rybom*, *sarňom*, *chojnōm*, *gl'ynom*, v obci Čierne: *kōščonkōm*, *poščel'om*, *šviňom*, *gačom*, *galynžom*, v dialektoch obcí Čierne a Oščadnica: *karčom*, v Oščadnici: *pos'čel'om*, *s'viňom*, *galynz'om*, či v skalitskom nárečí: *skolom*, *karcmom*, *ferecynom*. Ide o unifikovanú pádovú príponu;

2. v D pl. maskulín a neutier vo všetkých troch goralských obciach: *chlopom*, *Ňimcom*, *džatkōm*, *dz'atkōm*, *mydelkom*, *porveslōm*, *tropyňom*, *požegnaňom*, *pozegnaňom*;

3. v G pl. všetkých substantív maskulín a niektorých feminín a neutier (čo je pravdepodobne podporované unifikáciou prípony *-of* maskulín: *pacholkof*, *strykof*, *obl'okof*, *pňokof*, *corkof*, *gnotkof*) – v skupine feminín: *nogof*, *rynkof*, *grabinkof*, v neutránoch: *zřadlof*, *žoltkof*, *zoltkof*, *porveslof*, *oknof*, *pyntröf*, *ogňiskof*.

1.4. V Kornici sa za pôvodné praslovanské **ō* popri systémovej realizácii hlásky *o* v koncovke *-of* v G pl. všetkých maskulín a A pl. životných maskulín (napr. *vojokof*, *chlopof*, *bratof*, *gazdof*, *kameňorof*, *d'ablof*, *borofčorof*, *bonkof*) vyskytuje aj zúžené *ø* v prípone *-of* v G pl. maskulín, napr. *synøf*, *bratøf*, *žemňøkof*.

V skupine hornokysuckých pomedzných nárečí sa hláska *o* vyskytovala aj v minulosti nielen ako striednica za pôvodné praslovanské **ō*, ale aj za **o*. A. Kellner (1939/40, s. 222 – 223) zachytil viaceré striednice za **o* v nárečí Korne: *búl/bol'*, *hnúj*, a v strede Turzovky fonetické varianty *bol'*, *hnoj*. Zhodne pre stred Turzovky a Korňu za **o* uviedol doklady *súl/sol'*, *vúl/vol'* a za **ō* genitívne plurálové tvary maskulín *hoľubúv/hoľubov*.

Archívny nárečový materiál dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV potvrdil v Kornici a v Nižnej Korni v G, A pl. maskulín za pôvodné praslovanské **ō* realizáciu *o* s väčším stupňom zúženia (bližšie k *u*): *hadúf, baranúf, medvežúf, jeleňúf, vrapcúf, synúf, stromúf*, a iba v Kornici aj v zámenách: *ún, úna, úno, úňi, úny*.⁴

Nárečová situácia nielen v Korni a Turzovke bola a stále je výsledkom kontaktov viacerých jazykových systémov. Obyvatelia hornokysuckej nárečovej oblasti pracovali a pracujú v baniach v blízkom i širšom okolí Ostravy. Kontakt s iným jazykovým prostredím mohol spôsobiť destabilitu uvedenej striednice v pôvodnom vokalickom systéme sledovaných hornokysuckých pomedzných nárečí.

Zúžené *o* sa pravdepodobne vyskytovalo v D pl. feminín a neutier v Nižnej Korni a Kornici⁵ (v skupine kysuckých goralských nárečí sa v súčasnosti vyskytuje pravidelná systémová realizácia hlásky *o*): *žačelínom, koňičinom, opčankom, svažbom, lyškom, zahratkom, svečkom, slomom, hlinom, košelom, kašom, kravom, žurom, slamom, sotonom, smetanom, boleščom, maščom, vajcom, plecom, kol'anom, žultkom, vymenom, jadlom, kridlom*, ale v Turzovke explorátor redukované *o* už nezachytil: *mačerom, gazzinom, ženom, cerom, dušom* (porov. archívny nárečový materiál dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV). Naproti tomu v I sg. feminín deklinačných typov *baba* a *ňedžel'a* došlo k regulárnej zmene pôvodnej praslovanskej koncovky -oj> -o> ō> u (pre deklinačný typ *baba*; Krajčovič, 1971, s. 109) a -ej> -eju> -eu> u (pre deklinačný typ *ňedžel'a*; Krajčovič, 1971, s. 111) jednotne v nárečiach všetkých troch lokalít (Nižnej Korne, Kornice, Turzovky): *mačeru, sušetku, slamu, vejačku, ostrvu, strynu, ženu, dušu*.

1.5. V skupine hornokysuckých pomedzných nárečí sme zaznamenali výskyt staršieho ā (< **ē*) popri novšej výslovnosti a po perniach s výraznou sprievodnou jotáciou pernice:

1. za praslovanskú nosovku **ē* v krátkej pozícii sme zaznamenali dve striednice: a) *a*, resp. ā, v Turzovke, časti Hlinené: *mäso, pääść, pamätać, sväčić, hovädo/hovädo, hovädzy*; b) ā, resp. *a* v Kornici aj Klokočove: *päć/päć, mäso/mäso, sväčić, hovädo, pamätać, dževäć*;

2. za praslovanskú nosovku **ē* v dlhej pozícii sme tiež zaznamenali dve striednice *a*, resp. ā, v Kornici aj Klokočove: *väzać, pätyk, pätk, pamätk/a/pamätk/a*; v Turzovke, časti Hlinené: *parňatka/parňatka/pamätk/a, pätyk, päty/päty*; v Korni: *pamätk/a, väzać, päty/päty*; ale zachytili sme aj individuálny fonetický variant *pätyk*.

⁴ Na základe marginálií k prepisu nárečových javov v Nižnej Korni, Kornici a Turzovke sa domnievame, že v uvedených nárečových dokladoch by mohlo ísť o výskyt zúženej fonémy *o*, ktorú E. Gašinec zapisoval grafémou ū s vysvetlením: „u blízke, ale odlišné od u“ (pozri evidenčné listy deponované v archíve JÚĽŠ SAV).

⁵ Z technických príčin je nás prepis nekorektný. V uvedených nárečových dokladoch explorátor použil grafému *o*, ktorá bola prečiarknutá znakom výkričníka a ktorú definoval ako zadný vokál so strednou otvorenosťou medzi otvoreným a zatvoreným *o* (porov. evidenčné listy zo sledovaných lokalít deponované v archíve JÚĽŠ SAV).

Archívny nárečový materiál dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV potvrdil takmer rovnaké výsledky (explorátor zachytil aj výskyt hlásky e) – porov. Nižná Korňa: *päč dňi*, *päč xlopof*, *ot päči bap*, *þarňatka*, *smád*, *hovádo*, *hovážina*; Kornica: *mäkki*, *mäso*, *päč xlopof*, *ot päči bap*, *ževáčsto*; Turzovka: *päž dňi*, *mäki*, *mäso*, *päž vajec*, *päč slof*, *päž vŕec*, *þešč*, *zapestki*, *mádovník*, *mét*, *mazga*, *páč p'ec*. A. Kellner (Kellner, 1939/40, s. 223) v súvislosti s výskytom striednic za pôvodnú praslovanskú nosovku *e píše: „Za psl. e má dnes Turzovka pravidlom jednotné střídnice v slabikách krátkých i dlouhých, a to *a* po retnicích, řídceji též po r, a po jiných souhláskách.“ V poznámke pod čiarou pokračuje vo výklade: „Artikulačně *a* je samohláska jednoduchá, ne složená; *e* je jen přechodný vokál e-ové povahy; *a* v *a* není normální *a*, artikuluje se s málo větším otevřením úst než obvykle a s nepatrnným zvednutím střední a přední části jazyka; bylo by lze je označovat (*á*)“, a uviedol nasledujúce nárečové tvary – stred Turzovky a Korňa: *žev'ač*, *hov'adze m'aso*, *p'ač*, *p'ašč*, *p'ata*, *nop'atek*, *potp'atek*, *p'atro*, *sm'adny*, *sv'ačiž vodu*, *p'aty*, *žev'aty*, *zav'azač*, *žreb'atko*, *na-pr'adla*, *por'adek*, *hr'ažel'*; stred Turzovky: *m'aki*, *v'acej*; v Korni tvary *v'acší*, *pr'adza* (porov. aj Kellner, 1946/48, s. 140).

3. za pôvodné praslovanské *a v krátkej pozícii po palatalizovaných labiálach je tiež ä v Turzovke, časti Hlinené: *stav'äč*, *zarob'äč/zarab'äč*.

1.6. V nárečí Kornice, čiastočne i Korne a Klokočova sa vyskytuje hláska i za pôvodné praslovanské *e, ktoré je výsledkom monoftongizácie pôvodného diphongu ie > i (resp. je možný vývin e > i) v slovách typu: *hñizdo*, *ñisla*, *ch'ip*, *mł'iko*. Archívny nárečový materiál dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV potvrdil tiež výskyt dvoch striednic (hláska i popri hláske e) za uvedenú praslovanskú hlásku v Nižnej Korni: *hřich*, *bída*, *bidny*, *beda*, *kvíto k*, *písek* (pozri archív JÚĽŠ SAV). Naopak, v Kornici sa vyskytovala hláska e v slovách: *hřech*, *beda*, *bedny*, *bežič*, *kvetko*, *kvetó k*, *peso e*; v Turzovke: *hřesny*, *hřešič*, *beda*, *bedny zver*, *kvet*, *kvetek*, *písek*.

Sumarizácia stavu vokalických systémov všetkých sledovaných nárečí svedčí o vyššej miere stability staršieho vokalického systému dialektov obcí Čierne, Skalité a Oščadnica oproti dialektom lokalít Korňa, Kornica a Turzovka.

2. Odchýlky od pôvodných konsonantických systémov v sledovaných hornokysuckých pomedzných nárečiach nie sú také výrazné ako vo vokalických systémoch.

2.1. Súčasné výskumy v hornokysuckej nárečovej oblasti potvrdili pravidelný výskyt konsonantickej mäkkostnej korelácie perníc v pozíciach pred súčasnými striednicami za pôvodné *b, *i, *e, *ě, *e, *ä, *a vo všetkých skúmaných obciach (v kysuckých goralských nárečiach v menšom rozsahu ako v hornokysuckých pomedzných dialektoch) v Turzovke, časti Hlinené, Korni a Kornici: *zarob'äč*, *m'aso*, *hov'ado*, *p'ašč*, *stav'äč*; v Korni: *m'aso*, *hov'ado/hov'ado*, *pam'äč/pań'äč*, *m'aki*, *p'ac*, *p'ašč*, *džev'äč/džev'äč*, *pam'atka*, *v'azač*, *p'aty/p'aty*; ale aj *p'otyk*, v Turzovke, časti Hlinené, tiež: *parňatka/parňatka/pam'atka*, *p'atyk*; či v Kornici (aj Klokočove): *v'azač*, *p'atyk/p'atka*, *pam'atka/pam'ätka*. V kysuckých goralských dialektoch v obci Čierne: *ňev'asta*, *p'orko*, *z žym'um*, *ňešm'el'i*, *pozam'atač*; v Oščadnici: *ov'os*, *stav'ol*, *dreňany*, *l'ub'alo*, *rob'ona*, *m'el'i*, *m'ot*; a v Skalitom: *stav'äč*, *v'eřič*, *p'eřiny*, *kip'alo*, *m'odem*, *pozam'atos*, *tak'e*.⁶

⁶ Ako jednotlivinu sme zachytili fonetický variant *prišlib'al'i* v lokalite Čierne.

Na porovnanie uvádzame archívne záznamy z Nižnej Korne: *pač*, *paty*, *patok*, *paňač*, *paňatač*, *paňatka*, *smád*, *hoňado*, *hoňažina*, *hoňažina*, *svety*, *sŕačič*, *sŕatošč*, *mŕat*, *mádovník*, *žačové*, *veno*, *bída*, *bídný*, *zvér*, *kvet*, *kvítoč*, *písek*, *páž dňu* *vac plakol* *jako jo*, *páč slof*; z Kornice: *zarabac*, *zarabam*, *stačam*, *piaty*, *paňač*, *paňatač*, *paňatka*, *smat*, *hoňado*, *hoňaži*, *hoňažina*, *svety*, *sŕečič*, *sŕetošč*, *mádovník*, *mŕet*, *vajči*; z Turzovky: *piaty*, *pomatač*, *paňatka*, *smat*, *hoňaži*, *hoňažina*, *svety*, *sŕečie*, *pešč*, *zapestki*, *mádovník*, *mŕet*, *mazga*; a z Oščadnice: *rēmeň*, *čmēl*, *veňec*, *žvér'e*, *kuþimä*. Kellnerove výskumy potvrdili stratu mäkkosti perníc, a to bez stopy, v strede Turzovky a v Korni: *peknie*, *peňaže*, *spevač*, *trpeč*, *mešac*, *povežeč*, *kupič*, *bič*, *sviňa*, *popeł*, *upečeny*, *meza*, *mezvež*, *červeny*, *vesety*, *krpec*, *mostovec*, *oves*; iba v Korni: *vecheč*, *šťumi*, *jačmeň*, *býda*, *býly*, *kvýtko*, *mýzga*, *svýčič*, *vyter*; iba v strede Turzovky: *jačmeň*, *beda*, *bely*, *mera*, *mezga*, *sŕečič*, *vera*, *veter* (porov. Kellner, 1939/40, s. 227).

2.2. Súčasné výskumy poukazujú na dôslednú depalatalizáciu palatalizovaných konsonantov *k*, *g* a *cč*. Naproti tomu v minulosti išlo o ich častejší výskyt v Nižnej Korni: *keby*, *kedy*, *rohí*, *kerí*, ale v G sg. feminín: *z ruki*, *od macochi*, *do nohi*; v Kornici: *kebi*, *kedy*, *roki*, *kery*, *kera*, *kere*, *keremu*; v Turzovke: v G sg. feminín: *z rukí*, *od macochí*, *do nohí*, ale v N pl. feminín: *muchí*, *nohi*, *ruki* (archív dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV). A. Kellner (1946/48, s. 142) zachytil dôsledný výskyt *k*, *g*, *cč* v Čiernom, Oščadnici a v Skalitom: *k'ita*, *k'idač*, *og'ýní*; v N a A pl. feminín a maskulín *kostk'i*, *kurk'i*, *nog'i*, *varg'i*, *much'i*, *buk'i*, *rak'i*, *glog'i*; v N sg. adjektív maskulín *tak'i*, *dlug'i*, *gluch'i*, v Oščadnici: *g'ibač*, *plynzger*; v G sg. maskulín a neutier *čynk'ego*, *dlug'ego*; avšak v A sg. feminín bolo nepalatalizované *k*, *g*: *polyfke*, *vyke*, *noge*. Po velárach a laryngále sa vo všetkých skúmaných nárečiach artikuluje iba hláska *i*: *kichač*, *mynki*. Výnimkou je pravidelná realizácia hlásky *y* po konsonante *g*, ktorá je samohláskovou zložkou dekomponovanej pôvodnej praslovanskej nosovky **q* (**q > y + m/n*) v slovách typu: *gymba*, *gynšeňica*, *gynsty*, *gynš* v skúmaných kysuckých goralských nárečiach.

2.3. Po komparácii súčasného dialektologického materiálu a archívnych záznamov získaných pre ASJ z Korne a Kornice možno konštatovať ústup od výslovnosti *ř*. Súčasný výskum potvrdil pozične podmienenú prítomnosť *ř* pred súčasnou striednicou za pôvodné praslovanské **e*, **ě* (prvotné i druhotné *ě*, ktoré vznikli po metatéze **tert > *trét*), **ę*, resp. **a* (< **ъja*). Súčasný stav dokumentujú nárečové doklady z Korne: *rebro*, *remeň*, *čerevo*, *hřešny*, z Kornice: *čerevo*, *přateľ*. V minulosti však *ř* malo oveľa rozsiahlejšiu distribúciu v Nižnej Korni: *přašč*, *přažem*, *přaza*, *zapřohač*, *žředlo*, *čerešňa*, *smrek*, *břek*, *břežek*, *hřešny*, *dřek*, *dřečny*, *řetki*, *třeska*, *dřemač*; v Kornici: *přaza*, *zapřohač*, *přiateľ*, *přiateľe*; aj v Turzovke: *pořadni*, *trpeč*, *trpim*, *beřem* (archív dialektologického oddelenia JÚĽŠ SAV).

V dialekте obce Skalité je po systémovej zmene **ři > ř > ř* (porov. Dudášová-Kriššáková, 2008, s. 81) pevná opozícia *r* : *ř*. Dialektologický materiál zo susednej obce Čierne svedčí o výskyti foném ř, ktorá nie je výsledkom systémovej zmeny:⁷

⁷ Pravdepodobne niektorí nositelia dialektu obce Čierne prevzali fonému ř pod vplyvom susedného skalitského nárečia. Okrem toho v prehovore tých istých používateľov sa vyskytujú ďalšie dve malopolaské črty: -ch v G, A, L sg. a pl. rodových zámen *oňi*, *ony* a zámena *tyň*, v L pl. všetkých substantív a adjektív a v 1. osobe sg. prezenta a preterita slovesa *być*; a mazurenie – zmena *š*, *č*, *ž*, *dž* > *s*, *c*, *z*, *dz*. Všetky tri malopolaské črty sa vyskytujú v prehovore používateľov nárečia v obci Čierne iba v bežne používaných lexémach (porov. Ramšáková, 2009, s. 605, 606, a 2010, s. 111).

1. v koreni slova v Skalitom: *dřevo*, *třeba*, *gvaříč*, *pře*, *dobře*, *při*, *před*; v Čiernom: *dřevo*, *umřýć*, *třicet*, *přišć*, *třeba*, *kurocy*, *uzavříć*, *zaopatříć*, *střechá*, *pozříć*, *dobře*, *patrič*, *gvaříč*, *vgorol*, *střyláć*, *zemřýć*, *gvaříč*, *gríp*;

2. pred príponou v Skalitom: *nojňeskořy*, *ku cynteře*;

3. v predponách *při-* a *pře-* v skalitskom nárečí: *přidom*, *přezyć*, *přisla*, *přikl'apnuć*, *přibić*, *převnynk*; v Čiernom: *předome*, *přivitaňe*, *přigarnuć*, *přestavić*, *přikopa*, *přel'i-nać*.

Zachovávanie párovej mäkkostnej konsonantickej korelácie *r* : *ř* v analyzovaných nárečiach má oporu aj v javoch tvaroslovnej roviny – alternáciách na hranici tvarotvorného základu a prípony: *skora* – *skoře*, *šostra* – *sostře*, *pyntro* – *pyntře*.

2.4. Napokon, integračným znakom sledovaných lokalít v rámci areálu sú alternácie:

1. v deklinačnom type *chlop*: a) *n* : *ň*, porov. N sg. *cygon* (kysucké goralské nárečia), resp. *cygon* (hornokysucké pomedzné nárečia), *furman*, *pan* a N pl. *cygoňi* (kysucké goralské nárečia), resp. *cygoňi* (hornokysucké pomedzné nárečia), *furmaňi*, *paňi*; b) *s* : *š* iba v obciach Čierne, Skalité, Korňa, Kornica, Turzovka, porov. N sg. *Rus* a N pl. *Ruší*; c) *s* : *s'* iba v Oščadnici, porov. N sg. *Rus* a N pl. *Rus'í*; d) *d* : *dž* (< *d'*) vo všetkých nárečiach okrem oščadnického dialektu, porov. N sg. *had* a N pl. *hadží*; e) *d* : *dz'* (< *d'*) iba v Oščadnici, porov. N sg. *had* a N pl. *hadž'í*; f) *k* : *c* v dialekте obcí Čierne, Oščadnica a Skalité, porov. N sg. *Poľok*, *vojok* a N pl. *Poľocy*, *vojoc'y*;

2. v deklinačnom type *gazda*: a) *t* : *ć* (< *ť*) vo všetkých nárečiach okrem dialektu obce Oščadnica, porov. N sg. *bašista*, *hušlista* a N pl. *bašíšći*, *hušlisči*; b) *t* : *c'* (< *ť*) v nárečí obce Oščadnica, porov. N sg. *bas'ista*, *hus'lista* a N pl. *bas'is'čí*, *hus'lis'čí*;

3. a) *l* : *ł* v slovách zakončených na *l*, napr. *kośol* : *f koścel'e* (so samohláskovou alternáciou *o* : *e*), *stol* : *stoł'e* (so samohláskovou alternáciou *o* : *o*); b) *n* : *ň*, napr. *sen* : *šnie* (so samohláskovou alternáciou *e* : *o*); c) *s* : *š*, *ž* vo všetkých lokalitách okrem Oščadnice, napr. *łas* : *leše* (so samohláskovou alternáciou *a* : *e*), *vos* : *vože* (so samohláskovou alternáciou *o* : *o*); d) *s* : *s'*, *z'* iba v Oščadnici, napr. *łas* : *les'e* (so samohláskovou alternáciou *a* : *e*), *vos* : *voz'e* (so samohláskovou alternáciou *o* : *o*); e) *t* : *ć* (< *ť*) vo všetkých lokalitách okrem Oščadnice, napr. *gríbet/gribet* : *gríbeče/gribeče*, *zyvot/život* : *zyvoče/žyvoče*; f) *t* : *c'* (< *ť*) iba v Oščadnici, napr. *gribet* : *gribec'e*, *žyvot* : *žyvoc'e*;

4. v deklinačnom type *baba* (v pozícii pred mäkčiacim *e*): a) *l* : *ł*, porov. N sg. *skola* (v Skalitom), resp. *škola* (vo všetkých lokalitách okrem Skalitého), *fcola* (v Skalitom), resp. *fčola* (v Čiernom, v Oščadnici) a D, L sg. *ve skol'e* (iba v Skalitom), resp. *ve škole* (vo všetkých lokalitách okrem Skalitého), *fcoľ'e* (iba v Skalitom), resp. *fčoľ'e* (v Čiernom, v Oščadnici); b) *n* : *ň*, porov. v kysuckých goralských nárečiach N sg. *strona*, *gl'ina* a D, L sg. *stroňe*, *gl'iňe*, v hornokysuckých pomedzných nárečiach N sg. *strona*, *hl'ina*, *faračina* a D, L sg. *stroňe*, *hl'iňe*, *faračiňe*; c) *d* : *dž* (< *d'*) vo všetkých nárečiach okrem Oščadnice, porov. N sg. *voda*, *střoda* (Skalité), resp. *stroda* (Čierne) a D, L sg. *vodže*, *strodže*, resp. *střodže*; d) *d* : *dz'* (< *d'*) iba v Oščadnici, porov. N sg. *voda*, *stroda* a D, L sg. *vodz'e*, *strodž'e*; e) *t* : *ć* (< *ť*) v obciach Čierne a Skalité, porov. N sg. *gl'ista* a D, L sg. *gl'isč'e*; f) *t* : *c'* (< *ť*) iba v Oščadnici, porov. N sg. *gl'ista* a D, L sg. *gl'isc'e*; g) *r* : *ř* iba v Skalitom, porov. N sg. *skora*, *šostra* a D, L sg. *skoře*, *sostře*;

5. v deklinačných typoch *sukno* a *poľe* (okrem substantív utvorených v N sg. príponou *-ko*, *-co*): a) *n* : *ň* v sledovaných kysuckých goralských nárečiach, porov. N sg. *okno*, *vino*, *plotno* a D, L sg. *okňe*, *viňe*, *plotňe*; b) *l* : *ľ* v goralských nárečiach, porov. N sg. *maslo*, *porveslo*, *zřadlo* a D, L sg. *mašľe* (v Čiernom a v Skalitom), resp. *masťe* (v Oščadnici), *porvešľe* (v Čiernom a v Skalitom), resp. *porvesťe* (v Oščadnici), *zřadľe* (v Skalitom); c) *t* : *č* (< *t*) v Čiernom a v Skalitom, porov. N sg. *bloto*, *ľato* a D, L sg. *bloče*, *ľeče*; d) *t* : *c'* (< *t*) iba v Oščadnici, porov. N sg. *bloto*, *ľato* a D, L sg. *bloc'ě*, *ľec'ě*; e) *r* : *ř* iba v Skalitom, porov. N sg. *pynstro* a D, L sg. *pyntrě*; f) *s* : *š* v Čiernom a v Skalitom, porov. N sg. *mynso* a D, L sg. *mynše*; g) *s* : *s'* iba v Oščadnici, porov. N sg. *mynso* a D, L sg. *myns'ě*.

2.5. Dialekt obce Oščadnica sa v rámci vlastnej skupiny kysuckých goralských nárečí vyznačuje:

1. výskytom pozičného variantu velárneho *ə* s a-ovým timbrom, ktorý sa reálizuje ako súčasná striednica za pôv. **ə* vo vokalizovaných predložkách *və*, *zə*, po konsonantoch *t*, *d* v slovách *zdəchla*, *dəska*, *dəs'c'*; za pôv. **ə* napr. v slove *jedən*; ako vkladná hláska napr. v G pl. feminín v slovách typu *šlīvək*, *jablək*, *ovəc*;

2. nižšou artikuláciou hlásky *y* po tupých sykavkách *č*, *š*, *ž* (*život*, *čysty*), a to nie len v rámci vlastnej skupiny nárečí (kysuckých goralských nárečí), ale i v porovnaní s dialektom v Korni, Kornici a Turzovke (v časti Hlinené).

2.6. Skalitské nárečie charakterizujú typické znaky spoločné s malopoľskými nárečiami – ide zároveň o jeho diferenciačné znaky v rámci skupiny všetkých kysuckých goralských nárečí:

1. výskyt mazurenia, t. j. zmeny *š*, *č*, *ž*, *dž* > *s*, *c*, *z*, *dz*, napr. *syski*, *skola*, *zyvot*, *kazdego*, *gorcek*, *zacontek*, *spyrka*, *Casnocha*;

2. výskyt *ř*: *pořes*, *přídøm*, *přezyč*, *přisla*, *přikl'apnuć*, *přibić*, *převnynk*;

3. výskyt *-k* v G, A, L sg. a pl. rodových zámen *oňi*, *ony* a zámena *tyn*, L pl. všetkých substantív a adjektív a v 1. osobe sg. prezéntu a préterita slovesa *być*: *po tyk gorak*, *na tyk domacyk mlynkak takik*, *ňebylo tyk odgarňači*, *na takik lomkak*, *po povalak*, *přeberol* f *tyk džýfkak*, *po dvòk šostrak mušala*, f *krojak še oblyka'i*, *při krovak*, *chodžil'i* po *chalupak*, f *džichtak me to noší'l'i*, f *kosol'ak*, *kašňak*, *fcolak*, *ogňiskak*, *mydelkak*, *porveslak*, *vymynckak*, *jak scasno*, *ze ik mom*, *byla jek fcora u džýfki*, *jok to řiumok přezyć*.

2.7. Integračným znakom hornokysuckého pomedzného areálu a nárečí v obciach Čierne a Oščadnica je prítomnosť *-ch* v G, A, L sg. a pl. rodových zámen *oňi*, *ony* a zámena *tyn*, L pl. všetkých substantív a adjektív a v 1. osobe sg. prezéntu a préterita slovesa *być* v dialekте obcí Čierne a Oščadnice (v Skalitom sa vyskytuje *-k*): *najkrajše na ňich je*, *po tych zabavach*, *tych m'ianof mel'i*, *Poł'okach*, *furmanach*, *grybach*, *baranach*, *Šiglach*, resp. *Siglach* (Oščadnica), *robotach*, *prikopach/přikopach* (Čierne), *Vitkovicach*, *na žarnach m'el'i tom soł*, *po šýrniskach* (Čierne), *porveslach*, *vymynckach*, *pofstaňach*, *pošla jech na roľe*.

2.8. Genetická príbuznosť sledovaných kysuckých goralských nárečí s malopoľskými nárečiami sa najviac prejavuje v hláskoslovnej rovine. Ide o výskyt nosových samohlások v dekomponovanej podobe V + K:

1. **ę* > *y* + *n* (v krátkej pozícii), resp. *o* + *n* (v dlhej pozícii): *mynso*, *pynšć*, *svynčić*, *dževynč*, *jynzyk*, *žynč*, *šcynšće*, *scynšće*, *ňlonzać*, *mešonc*, *zajonc*, *jondro*, resp. *s'vync'ic'*, *s'c'yns'c'e*, *ňlonzac'*;

2. * \bar{q} , $\bar{\bar{q}} > \bar{q} + m/n$, resp. $y + m/n$ v slovách: *momka*, *prontek*, *domp*, *chomont*, *okrongly*, *lonka*, *vyrombovač*, *kompac'*, *konšček*, *žolondek*, resp. *konscek*, *zolondek*, *zorymbek*, *rynska*.

V hornokysuckých pomedzných nárečiach sa vyskytujú otvorené vokály: *pamiatka*, *vazač*, *píaty/p'aty*, *miaso*, *piašć*, *dzevíac*, *sviäči*, *piač/päč*, *pamiatka*, *piaty/p'atək*, *piašć*, *sviäči*, *hovíado/hovíado*, *píaty/p'aty*, *vádz/v'ac*; nosovky sa vyskytujú iba v lexicálnych prevzatiach, ktoré majú charakter archaizmov a svedčia o vzájomnom strete viacerých vývinových nárečových prúdov v kysuckom regióne: *dzánsla* (*tag me bol'aly dzánsla*), *kundžel'*, *prendžel'*, *kympa*, *lyng*.

Druhou diferenčnou črtou je zachovanie konsonantu *g v pôvodnej pozícii v skupine kysuckých goralských nárečí, v ktorých nedošlo k zmene *g > γ > h s výnimkou zmeny *g > x (porov. Dudášová-Kriššáková, 1993), v Skalitom: *zogluvek*, *nogavice*, *grabić*, *do Skalitego*, *vlagveducego*, v nárečí obce Čierne: *godnego*, *noga*, *gynšygo*, *gráć*, *bogaty*, *gľina*, a v Oščadnici: *gojny*, *vygnac'*, *za keľeg go z'ot*, *dlugi*. Zmena *g > γ > h sa uskutočnila v skupine hornokysuckých pomedzných nárečí *ohyň*, *hlavaty*, *hloskać*, *hlupota*, *hřilka*, *hříć*, *zohon*, *zohlavek*, *dluho*, *noha*, *dolocyganəho*, z *Višňovəho*, *Evinəho*, *pomarančovəho*.

3. Interakcia viacerých nárečových typov (sledovaných hornokysuckých pomedzných a kysuckých goralských nárečí, susediacich malopoľských živieckych, sliezskych, ostravských, prechodných česko-poľských nárečí, slovenských nárečí západoslovenského makroareálu) a ďalších variet slovenského národného jazyka na horných Kysuciach potvrdzuje prirodzenú tendenciu narúšať stabilitu vyskytujúcich sa príznakových jednotiek v areálovo obmedzených nárečových systémoch, ktorých zjednodušovanie svedčí o väčšej miere spoločenskej prestíže areálovo rozšírenejších systémov. Prirodzená fúzia prvkov jedného jazykového systému (príznakového) s druhým (nepríznakovým) ide ruka v ruke so spoločenskými, kultúrnymi, sociálnymi a hospodárskymi potrebami nositeľov dialektu. Od väčšiny používateľov územného nárečia sa vyžaduje výber rôznych jednotiek ďalších variet slovenského či iného národného jazyka. I napriek tejto skutočnosti si nositelia nárečí uchovávajú svoju jazykovú (nárečovú) identitu podnes. Poeticky povedané: nárečia nezanikajú, iba si prezliekajú iný šat.

Bibliografia

- BALHAR, Jan – JANČÁK, Pavel a kol.: Český jazykový atlas 1. Praha: Academia, nakladatelství Československé akademie věd, 1993. 428 s. 159 máp.
- DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia: Depalatalizácia mäkkých konsonantov v goralských nárečiach. In: Slavica Slovaca, 1986, 21, s. 237 – 246, rus. res. s. 246.
- DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia: Goralské nárečia. Bratislava: Veda 1993. 176 s.
- DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia: Kapitoly zo slavistiky II. In: Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešoviensis. Monografia 95. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity 2008. 312 s.
- ĎURICOVÁ, Adela: Morfológický systém kysuckých goralských nárečí. Diplomová práca. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2002. 137 s.
- KELLNER, Adolf: K charakteristike čadeckých nárečí. In: Linguistica Slovaca, 1939/40, 1 – 2, s. 220 – 229.

KELLNER, Adolf: K palatalisaci v čadeckých nárečích. In: *Linguistica Slovaca*, 1946 – 48, 4 – 6, s. 134 – 144.

KRAJČOVIČ, Rudolf: Genéza a vývin východoslovenských nárečí. In: *Studia Academica Slovaca* 26. Prednášky 33. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul 1997, s. 191 – 197.

KRAJČOVIČ, Rudolf: Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1971. 196 s.

KRAJČOVIČ, Rudolf: Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1988. 344 s.

PAULINY, Eugen: Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1963. 360 strán, 59 máp.

RAMŠÁKOVÁ, Anna: Dialekt v obci Skalité. Diplomová práca. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave 2005. 99 s.

RAMŠÁKOVÁ, Anna: Komparácia variantov fonologického systému goralských nárečí obcí Čierne, Oščadnica, Skalité. In: *Varia XVIII. Zborník abstraktov*. Ed. M. Ivanová – M. Ološtiak. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove – Slovenská jazykovedná spoločnosť pri Slovenskej akadémii vied 2009, s. 150 – 152. + CD – Zborník plných príspevkov z XVIII. kolokvia mladých jazykovedcov, s. 596 – 612.

RAMŠÁKOVÁ, Anna: Opis zvukovej a tvaroslovnej roviny hornokysuckých pomedzných a kysuckých goralských nárečí. Dizertačná práca. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied 2010. 378 s.

ŠTOLC, Jozef a kol.: Atlas slovenského jazyka. I. Vokalizmus a konsonantizmus. Časť prvá. Mapy. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1968. 314 s. – Časť druhá. Úvod – komentáre – materiály. Bratislava: Vyd. Slovenskej akadémie vied 1968. 200 s. (skratka ASJ I)

ŠTOLC, Jozef: Atlas slovenského jazyka. II. Flexia. Časť prvá. Mapy. Bratislava: Veda 1981. 314 s. Časť druhá. Úvod – komentáre. Bratislava: Veda 1978. 192 s. (skratka ASJ II)

Vplyv slovenčiny na gramatiku slovenskej karpatskej rómčiny

Anna Rácová

Ústav orientalistiky SAV, Bratislava

The impact of the Slovak language on the grammar of Slovak Carpathian Romani

The aim of the article is to discuss the most evident examples of impact of Slovak on the Romani grammar. Some changes caused by interference are systemic (for instance the way of expressing the mode of verbal action and of modality of necessity, or the generalization of use of the reflexive pronoun *pes* as well as the forming of negative pronouns by the prefix *ňi-*), other are more or less sporadic (for instance the concord of adjectives, pronouns and numerals in case with nouns). The degree of interference may depend on an author's language proficiency and the type of text.

1. Úvod

Rómčina patrí medzi nové indoárijské jazyky, teda indoeurópske jazyky, ktorími sa hovorí v severnej Indii. V staroindoárijskom a stredoindoárijskom období prechádzala podobným vývinom ako ostatné indoárijské jazyky, avšak v čase, keď sa začali formovať nové severoindické jazyky, teda asi v 8. až 10. storočí n. l., sa situácia zmenila. Keď asi koncom 10. storočia Rómovia odišli z Indie, rómčina stratila kontakt s ostatnými indickými jazykmi a začala sa vyvíjať v postupnom kontakte s jazykmi početných území, ktorími Rómovia počas migrácie prechádzali. Tento kontakt sa prejavil hlavne na lexike, ale vo väčšej či menšej miere ho badať aj na gramatike rómčiny.

Pre rómske spoločenstvo je charakteristické, že pôvodnú slovnú zásobu si obohacuje slovami z jazykov prostredia, v ktorom práve žije, a že po odchode z príslušného územia väčšinu prevzatej lexiky stráca a nová generácia postupne prijíma do svojho jazyka slová z nového jazyka, s ktorým sa dostala do dlhodobého kontaktu. Pravda, niektoré prevzaté slová z predchádzajúcich jazykov sa v rómčine aj naďalej zachovali, napríklad v slovenskej karpatskej rómčine dodnes nájdeme slová prevzaté z perzštiny (*bacht* – šťastie, *diz* – zámok, pôvodne pevnosť, *pošom* – vlna, *angušt* – prst a i.), z arménčiny (*kotor* – kus, *bov* – pec, *graj* – kôň z arménskeho *grast* a i.), z gréčtiny (*drom* – cesta, *skamind* – stôl, *petalos* – podkova, *efta* – sedem, *ochto* – osem a i.), zo srbciny (napr. *lepetka*) a pomerne dosť slov z maďarčiny (*vilagos* – svet, *kedvešno* – pekný a i.).

Pre historiu Rómov a vývoj ich jazyka bolo veľmi dôležité obdobie, ktoré Rómovia prežili na územiach, kde sa hovorilo po grécky. Prvá zmienka o ich prítomnosti v týchto oblastiach pochádza z konca 11. storočia. Po odchode z Byzancie asi v 13. – 14. storočí sa Rómovia rozložili do všetkých kútov Európy a ich jazyk sa v nasledujúcich storočiach dostával pod vplyv odlišných európskych jazykov.

Grécke obdobie je dôležité v histórii rómčiny aj preto, že gréčtina významne ovplyvnila aj fonetiku a gramatiku rómčiny. V tomto období prestali byť produkтивne niektoré časti indoárijskej flexie a nové výpožičky sa začali prijímať s vypoži-

čanou gréckou morfológiou (Matras, 2002, s. 22). Prevzaté substantíva mužského rodu začali priberať grécku koncovku *-os*, *-is*, *-as*, *-us*, substantíva ženského rodu koncovku *-a*, podľa gréckeho vzoru sa začali tvoriť deminutíva na *-ici*, radové číslovky získali zakončenie na *-to*, particípiá priberali sufix *-(i)men* a abstraktné podstatné mená príponu *-men* alebo *-mé*. Pod vplyvom gréčtiny sa v rómčine začal používať určitý člen stojaci pred určovaným substantívom.

Vypožičané grécke koncovky sa v ďalších obdobiach pripájali aj k výpožičkám z nasledujúcich jazykov, s ktorými Rómovia prišli do kontaktu. Pomocou nich sa zreteľne oddeluje pôvodná rómčina (Matras, 2002, ju nazýva protorómčinou) od rómčiny, ktorá sa vyvíjala v Európe v gréckom, ale najmä v pogréckom období. Táto vypožičaná grécka morfológia je dodnes produktívna aj v rómčine na Slovensku. Napríklad v slovenskej karpatskej rómčine sa používajú uvedené grécke koncovky pri prevzatých slovách mužského aj ženského rodu (*časos*, *autobusis*, *predsedas*, *papus* – starý otec, *škola*, *doktorka*), koncovku *-to* nájdeme v radových číslovkách (*dujto* – druhý, *trito* – tretí), koncovkou *-imen* sa tvoria trpné príčastia (*murimen* – murovaný), objavuje sa aj deminutívna koncovka *-ica* (*deskica* – doštička) a pod.

Pravdaže, zmeny v rómčine oproti pôvodnému indoárijskému stavu treba pripísať kontaktu s rozličnými jazykmi (niekedy aj viacerými na jednom území). V prípade slovenskej karpatskej rómčiny je to popri gréctine najmä maďarčina. Vplyv maďarčiny sa dodnes prejavuje napríklad na používaní maďarských prísloviek (*akor* – potom, *meg* – ešte, *imar* – už, *ča* – len, *mindig* – vždy), na vyjadrovaní modality nevyhnutnosti pomocou častice *musaj* a na tvorení abstraktných substantív pomocou maďarskej prípony *-išagos* (*gravčišagos* – rev, *rámus*, *krališagos* – kráľovstvo, *zenišagos* – dumenie, hrmenie, *bavišagos* – zábava), hoci dosiaľ sú najproduktívnejším spôsobom ich tvorenia indoárijské sufixy *-ipen* a *-iben*. Pomocou sufixu *-ipen* sa spravidla tvoria abstraktá od adjektív a substantív (sufix *-ipen* < deadjektívneho OIA afixu *-itvana-*), ale aj čísloviek (*jekhipen* – jednotnosť; jedinečnosť; rovnakosť) a pomocou sufixu *-iben* sa tvoria abstraktné podstatné mená od slovies (sufix *-iben* < deverbálneho OIA afixu *-itavya-*)¹. Avšak v prípade neologizmov utvorených z rómskych základov sa v niektorých prípadoch tento rozdiel nezachováva (*geňiben*/*gerišpen* – počítanie; čítanie < *genel* – počítať; čítať; *gil'aviben/gil'avipen* – spev < *gil'lavel* – spievať; *čumidipen* – bozk < *čumidel* – bozkať, alebo naopak *maťiben* – opitosť < *mato* – opity; *jekhetařiben* – jednota, pospolitosť < *jekhetane* – spolu). Inokedy sa pomocou odlišného sufixu rozlišuje význam abstraktného substantíva utvoreného od toho istého základu (*dživipen* – obživa, *dživiben* – život < *dživel* – žiť).

2. Rómčina v kontakte so slovenčinou

Prvá správa o prítomnosti Rómov na Slovensku pochádza zo 14. storočia. Pri sčítaní obyvateľov v roku 2001 sa k rómskej národnosti prihlásilo necelých 90-tisíc Rómov, avšak rozličné (rómske aj nerómske) odhady o ich počte toto číslo značne navyšujú. Prikláňame sa k strednému odhadu B. Vaňa (Vaňo, 2001, s. 13), podľa ktorého u nás žije približne 380 000 Rómov. Z nich asi 75 % hovorí po rómsky. V Slovenskej republike sa dnes používajú tri variety rómčiny: slovenská karpatská

¹ Etymológia sufixov podľa Matras, 2002, s. 74.

rómčina, dunajská (maďarská) rómčina a olaská rómčina. Približne 80 % Rómov hovoriacich po rómsky hovorí slovenskou karpatskou rómčinou. Táto varieta rómčiny tvorí základ rómčiny, ktorú v roku 2008 Rómovia vyhlásili za štandardizovanú podobu rómskeho jazyka v Slovenskej republike. Slovenská karpatská rómčina je tiež predmetom nášho príspevku. Jeho východiskom sú analýzy publikovaných rómskych textov (rozprávaní, rozprávok, novinových textov a slovníkov) uvedených v literatúre.

Ukazuje sa, že dlhodobý kontakt rómčiny so slovenčinou sa v rozličnej miere prejavil na gramatike viacerých jej slovných druhov.

2.1. Slovesá

2.1.1. Kategória spôsobu slovesného dejá

Najvýraznejšou zmenou, ktorá sa udiala v slovenskej karpatskej rómčine pod vplyvom slovenčiny, je prevzatie celého systému slovenských predpôn, ktorými sa vyjadruje spôsob slovesného dejá (aktionsart), napríklad jeho zavŕšenie (*dochal* – dojedť) či náhlosť (*zvičnel* – zvolať), ale aj priestorové určenie (*prebešel* – presadnúť, *rozčhivel* – rozhádzať, *zadžal* – zájsť) či vid (*doužarel* – dočkať sa). Takéto slovesá sa stali súčasťou lexiky slovenskej karpatskej rómčiny a vo veľkom počte ich nájdeme v Romsko-českom a česko-romskom slovníku (Hübschmannová et al., 1991), ktorý zachytáva stav v rómčine na východnom Slovensku.

Slovenské predpony sa väčšinou spájajú s pôvodnými rómskymi slovesami a majú rovnaký význam ako tá istá predpona so slovenským slovesom v rovnakom kontexte:

do: *domarel* – dobiť, *dophenel* – dopovedať, *dothovel* – dodať;

ob: *obbešel* – obsadiť, *občhivel* – obliať, *obdikhel* – obzerať;

od: *odčhurel* – odkrojiť;

o: *omukhel* – opustiť, *omorel* – omyť, *ožužarel* – očistiť;

pod: *podčhivel* – podstrčiť, *podlabarel* – podpaliť, *podsivel* – podšítiť;

po: *pokerel* – porobiť;

pre: *prebešel* – presadnúť, *prečhivel* – prehodiť, *prečhinel* – prekrojiť;

roz: *rozčhivel* – rozhádzať, rozliať, *rozdžal* – rozísť sa, *rozkerel* – rozrobiť;

s: *skamľol* – spotiť sa, *sphandľol* – zviazať sa, *sphenel* pes – spovedať sa;

vi: *vidžal* – vyjsť;

za: *zabarol* – zarásť, *zacirdel* – zatiahnuť, *zadžal* – zájsť;

z: *zdenašel* pes – zbiehať sa, *zdžal* pes – zísť sa a veľa ďalších.

Zriedkavejšie sú prípady spojenia slovenskej predpony s prevzatými slovesami, ktoré sa do rómčiny preberajú pomocou sufíxu *-in-* prevzatého z gréčtiny. Tento sufíx sa pripája medzi slovesný základ a koncovku: *dočekinel* – dočkať sa; *podirinel* – podpísatiť, *zvičnel* – zvolať.

Hoci sa predponové slovesá uvádzajú v slovníku vo veľkom počte, v dielach rómskych autorov ich nájdeme v nerovnakej miere. Niektorí Rómovia ich považujú v rómčine za cudzí prvok a usilujú sa ich nepoužívať. Napríklad A. Koptová vo svojom slovníčku (Koptová, 1995) neuvádza taký vysoký počet predponových slovies ako Hübschmannová et al., avšak nedarí sa jej celkom sa im vyhnúť. Už pri nesystematickom hľadaní nájdeme slovesá *doužarel* – dočkať sa, *dopotīnel* –

doplatiť, *docirdel* pes – doplaziť sa a pod. Niektoré významy, ktoré sa v slovenskej karpatskej rómčine bežne vyjadrujú slovenskými predponami, sa tu vyjadrujú pomocou prísloviek: dolámať – *phagerel upre-tele* (dosl. lámať hore-dolu), dopiť – *píjel avri* („piť von“), obchádzať – *phirel pašal* („chodiť okolo“) alebo *phirel odijader* („chodiť obklúkou“), omyť – *morel tele* („umyť dolu“), opadať – *perel tele* („pa- dať dolu“), podbehnúť – *denašel tele* („bežať dolu“), podhodiť – *čhivel tele* („hodiť dolu“), podpaliť – *labarel upre* („páliť hore“), podvihnuť – *hazdel upre* („dvihnúť hore“), presadať – *bešel avrether* („sadať inam“) a pod. V niektorých prípadoch ide o zreteľné kalkovanie slovenskej predpony, najčastejšie pri pôvodnom slovese: *čhivel tele* – podhodiť (dosl. „hodiť pod“, teda dolu), *lel avri* – vytiahnuť („ťahať smerom von“), ale aj *dičhol avri* – vyzerať, *khelel avri* – vyhrať a pod. Príslovku *avri* nájdeme aj ako prepozíciu: *avri sastarel* – vyliečiť, *avri dičhol* – vyzerať (*Ko sar avri dičhol?* Kto ako vyzerá?).

S takto prekalkovanou slovenskou predponou oveľa zriedkavejšie nájdeme aj slovesá prevzaté zo slovenčiny: *hadinel avri* – uhádnuť.

Podobne sa vyhýbajú slovesám so slovenskými predponami aj autorky učebnice rómčiny Romaňi čhib (Gašparová – Koptová – Lukáčová, 2007). Namiesto slovenských predpôn používajú príslovky. Ukazuje sa, že najprodukívnejšia je príslovka *avri*, ktorá modifikuje dej v priestorovom aj inom význame (*avel avri* – vyjsť, *cirdel avri* – vytrhnúť, *demel avri* – vybiť, *sastol avri* – vyzdravieť, *del avri zakonos* – vydať zákon), menej často sa používajú iné príslovky, napr. *tele* (*randel tele* – zoškrabat'). Avšak pri iných modifikáciách deja sa ani autorky učebnice nevyhnú slovenským predponám (*premukhel* – prepustiť, *odšunl'ol* – odpuchnuť, *dodžanel* – dozvedieť sa a i.).

Kalkovaním slovenského vzoru sú vytvorené predponové slovesá typu *zlidžal* – zniesť vo význame vydržať (z + *lidžal* – (od)niest)², alebo napr. *zdel* – zdať sa (z + *del* – dať).

2.1.2. Kategória regresívnej intencie

Kategória regresívnej intencie, čiže smerovania dej späť k subjektu a sekundárne aj dosahovania istého výsledku, resp. dovádzania k istému výsledku, sa v rómčine vyjadruje dvoma spôsobmi. Jednak osobitnou paradigmou -ol, ktorou sa vyjadruje, že subjekt sa stáva nejakým, dostáva sa do nejakého stavu: *barval'ol* – zbohatnúť, stať sa bohatým, *kałol* – sčernieť, stať sa čiernym, *koral'ol* – oslepniť, stať sa slepým, alebo tak ako v slovenčine pomocou zvratných slovies: *nandarel pes* – kúpať sa, *khosel pes* – utierať sa. Pomocou zvratných slovies sa vyjadruje aj recipročný dej (*marel pes* – biť sa).

Zvratné zámeno *pes* v singulári a *pen* v pluráli, ktoré sa vyvinulo zo staroindo-árijského *ātman* cez stredoindoárijské *appā*, sa tradične používa v 3. osobe jednotného a množného čísla, napr. *khosel pes* – utiera sa, *khosen pen* – utierajú sa. Pri ostatných osobách sa zvratnosť tradične vyjadruje príslušnými osobnými zámenami

² Samo sloveso *lidžal* znamená odniesť (*lel* – vziať + *džal* – íst') a utvorené je podobne ako zložené slovesá v nových indoárijských jazykoch, napr. v bengálčine, kde by sa sloveso s analogickým významom utvorilo pomocou perfektívneho príčastia slovesa *neoyā/laoyā* – vziať v spojení so slovesom íst' (*niye yāoyā*).

v akuzatíve, napr. *khosav man* – utieram sa (dosl. „utieram mňa“), *khosavas amen* – utierame sa (dosl. „utierame nás“), *khoses tut* – utieraš sa („utieraš teba“), *khosen tumen* – utierate sa („utierate vás“). Avšak pod vplyvom slovenčiny neraz dochádza k používaniu zvratného zámena *pes* vo všetkých osobách a celá syntaktická konštrukcia je potom totožná so syntaktickou konštrukciou v slovenčine: *me pes khosav* – ja sa utieram, *tu pes khoses* – ty sa utieraš. Zvratné zámeno v singulári sa používa aj s plurálovým tvarom slovesa: *jon pes khosen* – oni sa utierajú. (*Sar pes vičinen romengere indicka purvadža?* – Ako sa volajú indickí predkovia Rómov?)

Pod vplyvom slovenčiny sa niekedy stávajú zvratnými aj pôvodné nezvratné slovesá, napr. sloveso *ladžal* – hanbiť sa (Šebková, 1999, s. 113) nájdeme vo všetkých rómskych slovníkoch dostupných na Slovensku ako zvratné sloveso *ladžal pes*. V slovenskom prostredí sa pomocou zvratného zámena vytvorila aj nová lexikálna jednotka, zvratné sloveso *vičinel pes* – volať sa utvorené od nezvratného *vičinel* – volať.

Zvratné slovesá prevzaté zo slovenčiny sú aj v rómčine zvratné, napr. *korčuľinel pes* – korčuľovať sa, *l'ižinel pes* – lyžovať sa, *sankinel pes* – sánkovať sa, *pačinel pes* – páčiť sa, *čudal'inel pes* – čudovať sa, *činkinel pes* – člnkovať sa, *pasinel pes* – pásť sa.

2.1.3. Kategória modálnosti

Vplyv slovenčiny sa prejavuje aj na kategórii modálnosti, najmä na vyjadrovaní nevyhnutnosti.

Slovenská karpatská rómčina, podobne ako iné severoindické jazyky, nemá vlastné modálne sloveso na vyjadrenie nevyhnutnosti (musiet). V severoindických jazykoch sa nevyhnutnosť vyjadruje väzbou datívu subjektu, ktorý je nositeľom modálnej dispozície, s infinitívom plnovýznamového slovesa a slovesom „byť“ v príslušnom čase (napr. v hindčine *mujhe jānā hai*, alebo v bengálčine *āmāke yete hay*, dosl. „mne ísť je“ = musím ísť). Podobne v slovenskej karpatskej rómčine možno tento modálny vzťah vyjadriť väzbou datívu subjektu – nositeľa modálnej dispozície – s defektívnym slovesom *kampel* (je treba) v 3. osobe sg. a infinitívom plnovýznamového slovesa: *mange kampel te džal* – musím ísť, dosl. „mne je treba ísť“. (*Mange na kampel te phirel pre pošta.* – Nemusím chodiť na poštu.) Nositel' modálnej dispozície nemusí byť vyjdrený: *Le doktoriske kampelas but te potinel*. – Doktorovi museli veľa platiť.

Nevyhnutnosť možno vyjadriť aj pomocou častice *musaj/mus* prevzatej z maďarčiny. Táto častica sa viaže s plnovýznamovým slovesom v príslušnej osobe v prézente, pred ktorým stojí častica *te*: *musaj te džav* – musím ísť, *musaj te džas* – musím ísť, *musaj te džan* – musia ísť.

Častica *musaj* sa však dnes častejšie viaže s infinitívom plnovýznamového slovesa. V takom prípade gramatické kategórie osoby, času a čísla zostávajú buď nevyjadrené, alebo ich možno vyjadriť pomocou slovesa *te jel* – byť v príslušnej osobe a čase, ktoré sa vsúva medzi časticu *musaj* a plnovýznamové sloveso v infinitíve: *musaj som te džal* – musím ísť, *musaj sam te džal* – museli sme ísť.

Bežne sa však nevyhnutnosť vyjadruje modálnym slovesom *mušinel* – musieť prevzatým zo slovenčiny, na ktorom sa odráža kategória osoby a času a s ktorým sa viaže plnovýznamové sloveso v infinitíve. Ide teda o rovnakú štruktúru vety ako v slovenčine: *mušinav te džal* – musím ísť, *mušinela te džal* – budú musieť ísť.

Nevyhnutnosť v zmysle „mať povinnosť“ sa vyjadruje pomocou slovesa *majinel* – mať prevzatého zo slovenčiny: *majinav te džal* – mám ísť. Aj v tomto prípade má rómska veta rovnakú štruktúru ako veta v slovenčine: *Na džalas lenge pre god'i soske majinen te denašel*. Nešlo im do hlavy, prečo majú utekať. *Sar bi pes majinelas te dživel.* – Ako by sa malo žiť.

2.1.4. Vyjadrenie podmieňovacieho spôsobu

Tvary prítomného podmieňovacieho spôsobu sú v rómčine totožné s tvarmi minulého času. Podľa Šebkovej (Šebková, 1999, s. 127) sa v prípade, ak nie je z kontextu jasné, že ide o podmieňovací spôsob, pripája k slovesnému tvaru podmieňovacia častica *bi* prevzatá zo slovenčiny: *Sar bi na rovavas?* Ako by som neplakal? *Lakero dad bi e ladž na predživelas.* Jej otec by takú hanbu neprežil. Ukazuje sa však, že táto častica sa používa aj s tvarom minulého podmieňovacieho spôsobu, ktorý sa tvorí od perfekta: *Čoro te džanl'has, kaj o Roma darana, ta pes bi na garudňahas.* – Keby bol chudák vedel, ako sa Rómovia budú báť, nebol by sa schoval.

2.2. S u b s t a n t í v a

2.2.1. Kategória rodu

Rómčina, tak ako väčšina severoindických jazykov, rozlišuje len mužský a ženský rod. Kategória rodu úzko súvisí s kategóriou životnosti.³ Pri neživotných substantívach má akuzatív rovnaký tvar ako nominatív. Pôvodné substantíva mužského rodu majú koncovku *-o*, (*raklo* – chlapec, *bakro* – baran, *khosno* – šatka), menej často koncovku *-i* (*paňi* – voda) alebo sú bez koncovky (*phral* – brat, *kher* – dom); pôvodné substantíva ženského rodu majú koncovku *-i* (*rakl'i* – dievča, *bakri* – ovca, *píri* – hrniec), alebo sú bez koncovky (*phen* – sestra, *suv* – ihla). Prevzaté podstatné mená mužského rodu majú koncovku *-os* (*baňikos, holubos, balkonos*), *-is* (*lavutaris* – huslista, *gunaris, fotel'is*), *-us* (*papus* – starý otec), *-as* (*chartas* – kováč). Prevzaté podstatné mená ženského rodu majú koncovku *-a* (*doktorka, rokla* – sukňa).

Gramatickým ukazovateľom rodu životných aj neživotných substantív v rómčine je aj člen: v singulári mužského rodu v priamom páde má podobu *o*, v nepriamom páde podobu *le*, v singulári ženského rodu v priamom páde má podobu *e*, v nepriamom páde *la*, v pluráli sa rozdiel v rode stiera a člen má podobu *o* v priamom páde a *le* v nepriamom páde pre oba rody.

Pri životných substantívach dochádza aj k zhode s (pôvodnými) adjektívmi (*baro raklo* – veľký chlapec, *bari rakl'i* – veľké dievča), s privlastňovacími zámenami (*miro raklo* – môj chlapec, *miri rakl'i* – moje dievča), ukazovacími zámenami (*oda kher* – tento dom, *odi rokla* – táto sukňa) a zvratnými privlastňovacími zámenami (*peskeri kher* – svoj dom, *peskeri rokla* – svoja sukňa).

Na území Slovenska si rómčina obohatila slovnú zásobu mnohými slovenskými substantívami, často prevzatými z nárečí (napr. *e sklepá* – obchod, *o biglajzis* – žehlička, *o soklos* – podstavec). Pri prevzatých životných podstatných menách sa gramatický rod riadi prirodzeným rodom. Neživotné podstatné mená mužského

³ Na rozdiel od mnohých nových indoárijských jazkov, kde sa uplatňuje protiklad personálnosť vs. nepersonálnosť.

a ženského rodu majú v rómčine zvyčajne taký rod, ako v slovenčine. Niekedy majú v rómčine aj opačný rod: *e dvora* – dvor, *e bicigľa* – bicykel, *o atresis* – adresa.

Podstatné mená mužského rodu prevzaté zo slovenčiny priberajú už spomínané grécke koncovky, a to najčastejšie v závislosti od zakončenia pôvodného substantíva.

Koncovku *-os* priberajú substantíva zakončené na spoluuhláske *b* (*hrabos, hrobos, holubos*), *d* (*bludos*), *g* (*ancugos*), *h* (*brehos*), *k* (*baňikos, barakos*), *l* (*and'elos*), *n* (*bal-konos*), *p* (*capos*), *s* (*časos, grisos*), *č* (*gaučos*), *t* (*automatos*), *ť* (*hostos*) alebo vtedy, keď z pôvodného substantíva vypadne v koncovke samohláska: *gdovcos, cukros*.

Koncovku *-is* priberajú substantíva, ktoré sú v slovenčine zakončené na *z* (*aplau-zis*), *s* (*autobusis*), *r* (*bacharis, bl'anaris, doktoris*), *n* (*čekaňis, baroňis*), *š* (*kočišis, lam-paňis*), *l* (*fiškaľis, foteľis*), *č* (*korbačis*).⁴

Zriedkavejšie sa používa koncovka *-s*, a to pri pôvodných substantívach zakončených na *-a*: *gazdas, gardistas, invalidas, kol'egas, špecjalistas*. Ale aj *bubriňas* – bu-beňik.

Nenašli sme maskulína prevzaté zo slovenčiny zakončené na *-us*.

Niekedy sa pôvodné maskulína stávajú feminínami: *e dvora* – dvor, *e bľacha* – plech, *e gaľira/gariľa* – golier, *e lišaja* – lišaj, *e špika* – špik, *e špitaľa* – nemocnica (špitál).

Časté sú prípady, keď sa prevzaté substantívum mužského rodu objavuje v ženskom aj mužskom rode, a vtedy pribera bud' koncovku ženského rodu *-a*, alebo koncovku mužského rodu *-os*: *e bicigľa/o biciglos, e bubna/o bubnos, e klarineta/o klarinetos, e koča/o kočos; o pavos/e pava*.

V niektorých textoch sa maskulína objavujú bez koncového *-s*: *ministerstvo, podpredseda, gubernato* – vláda.

Prevzaté podstatné mená ženského rodu (životné aj neživotné) sú zakončené na *-a*. Môže to byť pôvodne grécka koncovka, no jej zachovanie uľahčuje skutočnosť, že aj väčšina slovenských podstatných mien ženského rodu má toto zakončenie: *e asen-tirka* – odvod (asentírka), *e bečka* – sud (bečka), *e piľa* – píla; koncovka *-ia* sa mení na *-ija*: *e absencija*. Koncovku *-a* pribera aj prevzaté substantíva ženského rodu patriace v slovenčine do vzoru dlaň či kost: *e kazňa* – kázeň, *e falošnosťa, e ufnosťa/ufnojsca* – nádej (úfnosť), *e jara /o jaros* – jar. Zriedkavejšie pribera koncovku *-ňa*: *e maštalňa* – maštaľ.

Rómčina preberá systém derivačných morfém personálnych feminín: *-ka* (*e dok-torka, e učiteľka, e študentka, e skleparka* – predavačka), *-(k)iňa*: *e gimnastkiňa* – gymnastka, *e grofkiňa* (popri *e grofka* v tom istom teste), *e gazdiňa* – gazdiná, a to nielen v slovách prevzatých zo slovenčiny: *gil'aškiňa* – speváčka od *gil'ašis* – spevák. Táto derivačná morfém sa ojedinele vyskytuje aj pri nepersonálnych feminínach: *dešatká* – desiatka.

Niekedy sa slovenské podstatné mená ženského rodu stávajú maskulínami: *o atresis* – adresa, *o bankos* – banka.

Kedže rómčina nemá stredný rod, do mužského alebo ženského rodu treba zaručiť aj zo slovenčiny prevzaté substantíva stredného rodu. Najčastejšie sa stáva

⁴ Ako vidno, pri niektorých koncovkách je možné zakončenie *-os* aj *-is*.

jú substantívami mužského rodu s koncovkou *-o*s: *o d'ivadlos, o esos, o hřizdos, o hroznos, o ihriskos, o jadros, o kopytos, o kupaliskos, o kridlos, o řebos, o olovos, o pravidlos*. Substantíva stredného rodu, ktoré majú v slovenčine koncovku *-ium*, si túto koncovku ponechávajú v podobe *-ijum*: *o štipendijum, o gimnazijum*.

Niekedy sa slovenské substantíva stredného rodu objavujú v obidvoch rodoch: *e pekla/o peklos* – peklo, *o kakavos/e kakava* – kakao; *e pupica/o pupocis* – púpä.

Zriedkavejšie je zo slovenčiny prevzaté podstatné meno stredného rodu v rómčine v ženskom rode: *e jasna/jasla* – ďasno, *e (s)klenčina/(s)klinčina* – sklo.

V slovenčine pomnožné podstatné mená majú v rómčine zvyčajne ženský rod: *e gaťa, e gaťca* – nohavičky (gate), *e voľa* – vole (Ľud. lalok), *e nožnička* – nožnice.

Hübschmannová (1995, s. 199) upozornila na skutočnosť, že v niektorých prípadoch sa vplyv slovenčiny prejavil na zmene gramatického rodu v substantívach, ktoré nie sú prevzaté zo slovenčiny. Ide, samozrejme, o substantíva, ktoré nemajú prirodzený rod: *e diz* – zámok, pôvodne feminínum, sa vyskytuje aj ako maskulínum *o diz*, *o vodi* – duša, pôvodne maskulínum nájdeme aj ako feminínum *e vodi*, *e mom* – vosk, pôvodne feminínum, sa objavuje aj ako maskulínum *o mom*, a naopak, *o dudum* – tekvica, pôvodne maskulínum, sa objavuje aj ako feminínum *e dudum*, *o bišthajpandž* – päťdesiat korún je vo význame päťdesiatka feminínom (*e bišthajpandž*).

2.2.2. Kategória pádu

Pri prekladaní zo slovenčiny do rómčiny nastáva problém pri prekladaní nezhodného prívlastku vyjadreného genitívom. Rómsky menný tvar, niektorými autormi považovaný za genitív, treba skôr pokladať za posesívne adjektívum (*dadeskeri kher* – otcov dom). Tvorí sa sice podobne ako rómske pády tak, že jeho koncovka *-ker/-ger-* sa pripája k tvaru nepriameho pádu, ale na rozdiel od pádov priberať adjektívnu koncovku maskulína a feminína aj koncovku jednotného a množného čísla (teda sa tak ako adjektívum zhoduje s určovaným menom v rode a čísle). Tento tvar má posesívnu, posesívno-atributívnu alebo atributívnu funkciu (podrobnejšie Ráková, 2004, s. 104 – 113) a nie je vhodný na vyjadrenie slovenského nezhodného prívlastku. Preto prekladatelia hľadajú iný spôsob na jeho preloženie. Riešia to buď opisom (veľkosť bytu – *savo baro hino o bitos*, dosl. aký veľký je byt), rozšírením funkcie predložky *pal* (pozri nižšie), rozšírením funkcie datívus: *o podpredsedas la vladake* – predseda vlády, *priorita la Dekadake* – priorita dekády, *o sikhaviben le Romenge* – vzdelenie Rómov, alebo rozšírením funkcie akuzatívu: *o zgeripen le bešutnen* – scítanie obyvateľov. Stretli sme sa však aj s použitím posesívneho adjektíva v tejto funkcií: *andre klasa klarinetiskeri* – do triedy klarinetistov.

2.2.3. Kategória čísla

Plurál prevzatých substantív ženského rodu má v nominatíve koncovku *-i*: *školi, učiteľki, znakmi*.

2.3. A d j e k t í v a

V slovenskej rómčine je veľa adjektív prevzatých zo slovenčiny. Preberajú sa nezmenené, len posledná samohláska sa mení na *-o*. Táto koncovka je formálne totožná s koncovkou pôvodných adjektív mužského rodu, avšak na rozdiel od nich

sa koncovka prevzatých adjektív nemení v závislosti od rodu; vždy má podobu *-o*:⁵ *barokovo*, *hotelovo*, *kavjarensko*, *katolicko*, *laboratorno*, *autobusovo* a pod. Prevzaté prídavné mená označujúce národnostnú príslušnosť majú koncovku *-iko*: *čechiko* – Čech, *slovačiko* – Slovák a pod.

2.3.1. Vyjadrenie zhody v páde so substantívom

Prídavné mená v atributívnom postavení pri substantívach, ktoré sú v inom páde ako v nominatíve, majú tradične koncovku nepriameho pádu, a to prídavné mená mužského rodu jednotného čísla koncovku *-e*, prídavné mená ženského rodu koncovku *-a*, prídavné mená v množnom čísle nepriameho pádu majú v oboch rodoch koncovku *-e*. Pod vplyvom slovenčiny ojedinele dochádza k zhode v páde adjektíva a substantíva. Na túto možnosť poukazuje aj J. Lípa (Lípa, 1963, s. 78; 1965, s. 32), ktorý popri spojení *lačha manušnake* uvádza aj spojenie *lačhake manušnake* – dobrej žene, popri *lačha manusňatar* aj *lačhatar manusňatar* – od dobrej ženy. Túto zhodu v páde neinterpretuje ako vplv slovenčiny. Rómske texty však ukazujú, že zhoda adjektíva v páde so substantívom je skôr výnimočná a treba ju pripisať vplyvu slovenčiny. Na takýto posun od nepriameho pádu k zhode s pádom substantíva poukazuje aj Hübschmannová (1995, s. 199). Poukazuje na to, že k nemu dochádza najmä v akuzatívnych konštrukciách: *zaačhol ciknen naroden* – zastáva malé národy. Avšak našli sme aj príklad zhody adjektíva so substantívom v inštrumentáli: *Šaj počinav te la kreditnoha kartaha?* – Môžem platiť kreditnou kartou?

Podobne môže dôjsť k zhode s pádom substantíva aj v prípade privlastňovacieho prídavného mena v atributívnom postavení: *Mi bolel la Kal'akeren čhavoren*. – Nech pokrstí Kaline dietky.

2.3.2. Kategória stupňovania

Rómsky superlatív sa tvorí pomocou viacerých predpôn: *jekh-*, *nek-/neg-*, *leg-* (z maďarčiny), *maj-* (z rumunčiny) a pod vplyvom slovenčiny aj pomocou slovenskej predpony *naj-*. Predpona vyjadrujúca superlatív sa pripája k tvaru komparatívu: *najčoreder* – najchudobnejší, *najšukareder* – najkrajší.

2.3.3. Kategória záporu

Vplyv slovenčiny sa prejavuje na tvorení záporu adjektív (aj adverbií), kde sa v niektorých prípadoch namiesto predpony perzského pôvodu záporného významu *bi-* – bez (*bibachtalo* – nešťastný) a slovanskej predpony *na-* (*nalačho* – nedobrý) používa aj slovenská predpona *ne-*: *negramotno* – negramotný.

2.4. Z á m e n á

2.4.1. Záporné zámená

Záporné zámená sa tvoria pomocou zápornej predpony *ňi-/ni-* prevzatej zo slovenčiny, ktorá sa pripája k pôvodnému rómskemu opytovaciemu zámenu: *ňiko* – nikto, *ňiso* – nič, *ňik(h)aj* – nikde, nikam, *ňisavo* – nijaký, *ňisar* – nijako; preberá sa aj celé slovenské zámeno: *ňič* – nič, *ňikda/ňigda* – nikdy.

⁵ To podľa Bakkera svedčí o tom, že ide o koncovku prevzatú z gréčtiny (Bakker, 1997, s. 14).

2.4.2. Neurčité zámená

Neurčité rómske zámená sa popri iných spôsoboch tvoria aj pomocou predpony *choč-/choc* prevzatej zo slovenčiny (hoci-): *chočso* – hocičo, *chocko* – hocikto, *chockaj* – hocikde, kdekoľvek, *chockana* – kedykoľvek, *chočsar* – akokol'vek a i. Neurčité zámená sa tvoria aj predponou *malo-* prevzatej zo slovenčiny: *maloso* – máločo, *maloko* – málokto, *malokaj* – mállokde a pod.

2.4.3. Zvratné zámená

Ako sme už uviedli pri regresívnej intencii, pri zvratnom zámene *pes/pen*, ktoré sa tradične používa s 3. osobou, dochádza k zovšeobecneniu a singulárny tvar *pes* sa používa vo všetkých osobách. K podobnému zovšeobecneniu dochádza aj v datíve zvratného zámena s významom „si“ (v singulári *peske*, v pluráli podoba *penge*). Pod vplyvom slovenčiny sa tvar *peske* používa vo všetkých osobách, napr. *gil'avav peske* – spievam si (namieto pôvodného *gil'avav mange*), *gil'aven peske* – spievajú si (namiesto tradičného *gil'aven penge*) atď.

2.4.4. Zhoda zámena v páde so substantívom

K zhode s pádom substantíva niekedy dochádza pri zvratných privlastňovacích zámenách a neurčitom zámene *varesavo* – niektorý v atributívnom postavení, ktoré sa skloňujú ako adjektíva: *Ka'i les ľikerelas sar peskeres čhavores*. Kali sa oňho starala ako o vlastné dieťatko. *Varesaven manušen sas baro problemos*. – Niektorí ľudia mali veľký problém.

V textoch sme našli doklad aj na zhodu číslovky v páde so substantívom: *Il'a peskeren dujen čhavoren*. Vzala svoje dve dietky.

2.5. Príslovky

Príslovky prevzaté zo slovenčiny majú koncovku *-o* (*rado* -rád) alebo ak sú utvorené od prevzatých adjektív, majú koncovku *-ones* (*smutnones*). Príslovky utvorené od prevzatých prídavných mien označujúcich národnosť majú koncovku *-a* (*slovačka* – slovensky, *čechika* – česky). Superlatív prísloviek sa môže tvoriť podobne ako superlatív adjektív pomocou slovenskej predpony *naj-*: *naifeder* – najlepší.

2.6. Predložky

V slovenskej karpatskej rómčine dochádza k funkčnej zmene predložky *pal*. Táto predložka má v rómčine význam po (v časovom aj miestnom význame), za (v časovom aj miestnom význame), po (niekoho, niečo), z (niečoho). Avšak v prekladoch zo slovenčiny do rómčiny sa využíva aj na vyjadrenie nezhodného prívlastku. Viaže sa s nominatívom: *podpredseda pal o gubernato* – podpredseda vlády, *o vakeriben pal o trestno zakonos* – výklad trestného zákona, *Ministerstvo pal o sikhaviben* – Ministerstvo školstva.

2.7. Spojky

Vplyv slovenčiny sa prejavil na preberaní slovenských spojok:
a – a (*E raňi chol'isal'il'a a phned'a* – Kráľovná sa nahnevala a povedala.)
abo – alebo (*Či hin Slovakos... abo Čechos...* – či sú Slováci... alebo Česi...)

aļe/ale – ale (*O čhave bohkaļonas, ale e buti leske ani pre godi naavļas.* – Deti hladovali, ale on na prácu ani nepomysiel.)

bo – lebo (*More o grofos tuke ezejinel hoj te keres šel petala bo o graja pindrange.* – More, gróf ti odkazuje, že máš urobiť sto podkov, lebo kone sú bosé.)

či – či (*Kampel te pučel, či pes manuša prindžaren* – Treba sa pýtať, či sa ľudia poznajú.)

niž – než, kým (*Kidahas čara, niž ča dikhahas.* – Zbierali sme byliny, kým sme len videli.)

no – no (*Lengeri buti dikhav sar baro lačhiben, no majinenas bi oda the hel romane asistenti...* – Ich prácu vnímam ako veľké pozitívum, no mali by to byť rómski asistenti.)

2.8. Č a s t i c e

Väčšina rómskych častíc pochádza z kontaktových jazykov, najmä z maďarčiny a niektoré aj zo slovenčiny. Zo slovenčiny sú prevzaté nasledujúce častice modifikujúce výraz:

aňi/ani – ani (*Nane amen ani kotor maroro.* – Nemáme ani kúsok chlebíka.)

až – až (*Džalas, džalas až zageľas andro bare kale veša.* – Šiel, šiel, až vošiel do veľkého tmavého lesa. *O Melalo bandiľas až kije phuv.* – Melalo sa poklonil až po zem.)

či – či, vari vyjadrujúca hodnotiaci postoj podávateľa (*Či na oj oda ehas so mange il'as la romňa?* – Či nie ona to bola, čo mi vzala ženu?)

tiž (tiš) – aj, tiež (*E Goma andre peskero jilo tiš šunlas dukh.* – Goma vo svojom srdci tiež cítila bolest.)

Zo slovenčiny sú prevzaté aj niektoré častice modifikujúce celú výpoved:

a – a (*A kaj džan?* – A kam idete?)

aļe/ale – ale (*Te džala pale šmertka, lela les pro aver svetos. Aļe ani bokhatar pes leske nakamlas te mere.* – Ak pôjde za smrtkou, vezme ho na druhý svet. Ale ani od hladu sa mu nechcelo zomrieť.)

čaže – ibaže (spolovice prevzatá zo slovenčiny) (*Čaže sar sa maškaral...* – Ibaže ked' bol uprostred...)

no – no (*No dikhen, kada šukar čhavoro hin tumaro.* – No pozrite sa, akého máte pekného chlapčeka.)

3. Niektoré syntaktické konštrukcie kopírujúce štruktúru slovenčiny

3.1. Ako sa voláš?

V niektorých prípadoch sa prejavil vplyv slovenčiny aj na syntatickej konštrukcii rómskej vety. Na dva takéto prípady upozorňuje V. Miltner (Miltner, 1965, s. 107). Ide o často kladenú otázku „ako sa voláš?“ a „koľko je hodín?“.

Pôvodná rómska syntaktická konštrukcia frázy „ako sa voláš?“ je „sa hin tiro lav?“, teda doslovne „čo je tvoje meno?“, čo je štruktúrne rovnaké ako v mnohých nových indoárijských jazykoch, napríklad v hindčine *tumhārā nām kyā hai* (dosl. „tvoje meno je čo“), alebo v bengálčine *tomār nām ki* („tvoje meno čo“)? V rómčine sa táto fráza objavuje v podobe „sar tuke o nav?“ dosl. „aké tebe meno?“, ale pod vplyvom slovenčiny sa objavujú aj nasledujúce podoby tejto frázy: „sar tut vičinen?“ „ako ťa volajú?“, „sar tut vičines?“ „ako sa voláš?“, kde je zvratnosť vyjadrená osobným zámenom v akuzatíve, alebo aj „sar pes vičines?“ dosl. „ako sa voláš?“ so

zvratným zámenom *pes*. V tejto fráze sa poriadok slov a celá štruktúra rómskej vety riadi syntaktickým modelom slovenskej frázy „ako sa voláš?“ Niekoľko sa zvratné zámeno *pes* objaví aj so slovesom v množnom číslе: *Sar pes vičinen romengere indicka purvadža?* – Ako sa volajú indickí predkovia Rómov?

Odpoveď na túto otázku znie *Me man vičinav Feris.* – Volám sa Fero. Alebo *Miro nav /hin/ Feris* – dosl. Moje meno /je/ Fero.

3.2. Koľko je hodín?

V našom prostredí sa zmenila aj pôvodná rómska fráza zodpovedajúca slovenskej otázke „koľko je hodín?“ Pôvodná rómska podoba „*savo mardo?*“ dosl. „koľko udrelo?“ je rovnaká ako napríklad v hindčine *kitne báje* „koľko bije?“ alebo v benáččine *kata báje?* V novom prostredí sa táto fráza zmenila na „*keci ori?*“, teda „koľko (je) hodín?“

Podobne by sme v slovenskej karpatskej rómčine našli ďalšie frázy, ktoré sú kalkom zo slovenčiny, napríklad: *Oda pes ačhel.* – To sa stáva. *Nane man kana.* – Nemám kedy. *Na del pes ſič te kerel.* – Nedá sa nič robiť. *Sar bi pes majinelas te dživiel.* – Ako by sa malo žiť a ďalšie.

4. Záver

V štúdii sme sa zamerali na najvypuklejšie prípady ovplyvnenia rómskej gramatiky v slovenskom prostredí, ale nevyhli sme sa ani niektorým menej častým dokladom interferencie. Ako sa ukázalo, niektoré zmeny sú systémové (napríklad vyjadrovanie spôsobu slovesného dej a modality nevyhnutnosti, zovšeobecnenie používania zvratného zámena *pes* či tvorenie záporných zámen pomocou predpony *ri-*), iné sa objavujú viac-menej ojedinele (napríklad zhoda adjektíva, zámena a číslovky v atrributívnom postavení s pádom susbstantíva, rozšírenie významu predložky *pal* či rozšírenie významu pádu substantíva). Miera interferencie závisí od autorovho jazykového povedomia aj od charakteru konkrétneho textu. Nesystémové prejavy interferencie nájdeme skôr v novinových a administratívnych textoch, ktoré sú často prekladom zo slovenčiny. Pri analýze ďalších textov by sme pravdepodobne našli ďalšie doklady interferencie, najmä početné frazeologické kalky zo slovenčiny do rómčiny.

Bibliografia

ADAMOVÁ, Erika: Konverzačný lexikón rómskej gramatiky. Bratislava: Štátnej pedagogickej ústav 2007. 88 s.

BAKKER, Peter: Athematic morphology in Romani: the Borrowing of a borrowing pattern. In: MATRAS, Yaron – BAKKER, Peter – KYUCHUKOV, Hristo (Eds.): The Typology and Dialectology of Romani. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company 1997, s. 1 – 22.

GAŠPAROVÁ, Eva – KOPTOVÁ, Anna – LUKÁČOVÁ, Ingrid: Romaňi čhib. Učebnica rómskeho jazyka. Bratislava: Štátnej pedagogickej ústav 2007. 128 s.

GIŇA, Andrej: Bijav. Romane priphende. Svatba. Romské povídky. Praha: Apeiron 1991. 61 s.

HÜBSCHMANNOVÁ, Milena: Trial and Error in Written Romani on the Pages of Romani Periodicals. In: Romani in Contact. The History, Structure and Sociology of a Language. Ed. Y. Matras. Current Issues in Linguistic Theory 126, Amsterdam: John Benjamins 1995, s. 189 – 205.

HÜBSCHMANNOVÁ, Milena – ŠEBKOVÁ, Hana – ŽIGOVÁ, Anna: Romsko-český a česko-romský kapesní slovník. Praha: Státní pedagogické nakladatelství 1991. 651 s.

KOPTOVÁ, Anna: Romčina do vrecka. Košice: Pezolt PVD 1995. 254 s.

LACKOVÁ, Elena: Rómske rozprávky. Romane paramisa. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo 1992. 93 s.

LIÉGEOIS, Jean-Pierre: Roma, Gypsies, Travellers. Strasbourg: Council of Europe 1994. 323 s.

LÍPA, Jiří: Příručka cikánštiny. Praha: Státní pedagogické nakladatelství 1963. 155 s.

LÍPA, Jiří: Cikánština v jazykovém prostředí slovenském a českém. K otázkám starých a novějších složek v její gramatice. In: Rozpravy Československé akademie věd, 1965, roč. 75, sešit 11. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. 63 s.

MATRAS, Yaron: Romani. A Linguistic Introduction. Cambridge: 291 pp. Cambridge University Press 2002.

MILTNER, Vladimír: The Morphologic Structure of a New Indo-Aryan Language in Czechoslovakia. In: Indian Linguistics, 1965, roč. 26, s. 106 – 131.

O zgenipen le bešutnen, o khera taj o biti andro berš 2001. Sčítanie obyvateľov, domov a bytov 2001. (Sčítacie listy, 1. verzia)

O zgeňipen le manušen (bešutnen), khera the o biti 2001. Sčítanie obyvateľov, domov a bytov 2001. (Sčítacie listy, 2. verzia)

RÁCOVÁ, Anna: Romani in Contact with Slovak Language. In: Intercultural Contacts and Communication between East and West. Ed. V. Krupa. Bratislava: SAP 1997, s. 83 – 87.

RÁCOVÁ, Anna: História a súčasnosť rómskeho jazyka. In: Fascinácia a (ne)poznanie: kultúrne strety Západu a Východu. Ed. M. Slobodník – G. Pirický. Bratislava: Chronos 2003, s. 171 – 184.

RÁCOVÁ, Anna: On the Possessive Form with the Affix -ker- in Romani. In: Asian and African Studies, 2004, roč. 13, č. 1, s. 104 – 113.

RÁCOVÁ, Anna: The Category of Modality in Slovak Carpathian Romani. In: Asian and African Studies, 2006, roč. 15, č. 1, s. 73 – 79.

REISNEROVÁ, Margita: Romani paramisi. Praha: Sdružení romských autorů Romaňi čhib 1992. 20 s.

Romano nevo ľil. Rómsky nový list – nezávislé kultúrno-spoločenské noviny Rómov na Slovensku. Roč. 19, č. 922 – 925, 37. – 40. týždeň, 1. september – 30. september 2009; roč. 19, č. 935 – 938, 50. – 53. týždeň, 1. december – 31. december 2009.

ŠEBKOVÁ, Hana – ŽLNAYOVÁ, Edita: Romaňi čhib. Učebnice slovenské romštiny. Praha: Nakladatelství Fortuna 1999. 269 s.

VAŇO, Boris: Demografická charakteristika rómskej populácie v SR. Bratislava: Infostat – Inštitút informatiky a štatistiky 2001. 15 s.

VI.

O JAZYKU V LITERATÚRE

Dialektizmy v literatúre z oravského regiónu

Katarína Habovštiaková

Bratislava

Dialectal Items in Literature from the Region of Orava

The author of the paper analyses dialectal items in literature of writers from the region Orava (P. O. Hviezdoslav, M. Kukučín, L. Nádaši-Jégé, Th. H. Florin, M. Jančová) and F. Hečko having relation to Orava through his wife M. Jančová. Prose writers utilise in their works in the speech of characters and also in the author's indirect speech Orava dialect word formation processes, lexical, morphological and syntactical dialectisms. In the poetic works of Th. H. Florin with home theme there are lexical and phonological dialect items as well as Orava dialect word formation. The analysed phenomena are in the literary texts interpreted as stylistic devices.

V našom príspevku si chceme všimnúť dialektizmy, ktoré sa dostali do literatúry prostredníctvom spisovateľov z oravského regiónu (P. O. Hviezdoslava, Martina Kukučína, Ladislava Nádašiho-Jégého, Thea H. Florina, Márie Jančovej) i do románu Drevná dedina, ktorý napísal František Hečko, pochádzajúci zo západného Slovenska.

Hviezdoslav, rodák z Vyšného Kubína, sa priznáva, že nijaké slová, ktoré používa vo svojej tvorbe, si nevymýšľal a že ich prevzal z reči oravského ľudu, z oravských nárečí. Oravské nárečie bolo Hviezdoslavovi najbohatším prameňom, z ktorého tento veľký majster slova čerpal tak, že vo svojom úsilí nemá ani predchodcov, ani nasledovateľov. Hviezdoslav vo svojej skromnosti priznáva, že sa musí ešte veľa učiť z reči oravského ľudu. Hviezdoslav nadovšetko miloval svoj rodný jazyk, drahú reč matky. Svoj vrúcný, priam posvätný vzťah k slovenskému jazyku vyjadril spôsobom, aký v našej literatúre nemá páru (Habovštiak, 1969). Hviezdoslav využíval slovotvorné postupy známe z oravských nárečí. Proti námietke, že tvorí nové slová, sa bránil takto: „Nemám vedomie, že by som nové slová koval, ale skracujem, áno, kde sa to dá bez ujmy nárečí.“ V Hviezdoslavovej tvorbe sú dialektizmy, ako *pála*, *páľava*, napr. v žalúdku (od slovesa pálit, *trizna* „reč“ (od slovesa trizniť „hovoriť“), *trova* „výdavky“ (od slovesa trovíť), *odsluha* „odmeňovanie za niečo“ (od slovesa odslúžiť). Známe sú i deverbatíva typu *rátanka* „účtovanie, rátanie“, *stínka* „stínanie stromov“, *výberka* „vyberanie dane“ i deverbatíva typu *bl'k*, *d'äuk* (od slovesa bl'čať, d'äukať, t. j. havkať) i *cvrkot*, *člapot*, *gägot* (porov. Habovštiak, 1965, s. 167 – 170).

Aj pri tvorení deminutív, ako *hviezdka*, *odiedzka*, *zúbätá*, *nízubký*, *smieškat* „zomiešňovať“, *lapkať* používal Hviezdoslav oravské nárečové slovotvorné postupy (citolované príklady sú z II. zväzku Spisov P. O. Hviezdoslava).

Problematika vzťahu básnického jazyka P. O. Hviezdoslava k oravským nárečiam by si zaslúžila osobitnú pozornosť.

O niekoľko desaťročí mladší rodák z Jasenovej Matej Bencúr píšuci pod pseudonymom Martin Kukučín, najpoprednejší prozaik obdobia slovenského literárneho realizmu, pri opisovaní života a osudov oravského človeka používal dialektizmy

nielen v reči postáv z ľudu, ale aj v autorskej reči. Nadviazal na slovnú zásobu dolnooravských nárečí, ktorá je v značnom rozsahu zhodná so slovnou zásobou iných stredoslovenských nárečí. V lexikálnom fonde Kukučínovej tvorby z oravského prostredia sú nielen slová, ktoré už stratili charakter dialektizmov (*voliar, kraviar, kraviarka, teliar, holohumnica, zrebe, klky, navýačky, kotúľka, brdo*), ale aj lexikálne, zriedkavejšie aj slovotvorné a hláskoslovné dialektizmy charakteristické pre oravský región, ako *droby* „črevá“, *trojka* „ďatelina“, *prístupník* „muž, ktorý sa po svadbe odstahoval do domu ženiných rodičov“, *záväzok* „vajce so zárodkom“, *mazačka* „žena bieliaca steny“, *mlečka* „žena, čo si príšla do mlyna dať zomlieť zrno“, *trávnica* „žena, ktorá zbiera trávu“, *bačula* „bačova žena“, *petriol* „petrolej“, *totka* „tetka, staršia žena vôbec“, *gäty* „spodné plátenné nohavice, gate“ a ī.

Štýlisticky príznakovo pôsobia aj mnohé výrazy označujúce reálne charakteristiké pre dedinské roľnícke prostredie. Ide o slová dnešnej mladšej generácií zväčša neznáme, napr. *ruchadlo* „druh pluha“, *tiesk* „nástroj na zhŕňanie hnoja v maštali“, *hianec* „stolec na strúhanie šindľov, šaragle“ „sedadlo z dosák v prednej časti voza i „ochranné dosky v prednej a zadnej časti voza upevňujúce náklad“, *pavúz* „žrd’ na pripínanie nákladu na voze“, *slak* „drevená stena bez strechy medzi dvoma susedmi“, ako aj výrazy označujúce staršie dobové reálne, napr. názvy peňazí a mincí (*toliar, groš, košútka* „peniaze z čias L. Kossútha“, *červenec* „minca z medi“, *turák*), i názvy zamestnania a funkcie osôb, napr. *korytár* „výrobca korýt“, *boženík* „obecný sluha“, *výborník* „člen obecného výboru“, *zváč* „muž, ktorý pozýva na svadbu“ (poprov. Habovštiak, 1972). Pozoruhodné sú aj Kukučínom používané dialektizmy typu *krášť* „kradnút“ (Horák, 1964).

Úzku späťosť Kukučínovej literárnej tvorby z oravského prostredia s jazykom oravského ľudu potvrdzuje sám spisovateľ, ktorý roku 1918 napísal do Věstníka českých profesorů: „Čo som sa naučil písat, myslím, že som pochytíl z úst samého ľudu“ (Mráz, 1957, s. 29).

V inom rozsahu a z iného zorného uhla pristupuje k reči ľudu (a zároveň aj k využitiu dialektizmov) vo svojich poviedkach a črtách z oravského regiónu, najmä zo Zázrivej, Ladislav Nádaši-Jégé. Oravského človeka zobrazuje nielen realisticky, ale aj trocha naturalisticky. Všíma si citovo angažovaného nárečového ústneho prejavu, hrešenia a zaprisahávania, napr. *istú, bistú, bistúže, verabuze*, ako aj nadávky i vulgarizmy, ako: *Ale ty čušť, ty papuľa!* (s. 27); *Ty gágórisko rozpukané, ty!* (s. 38); *Ty papľuh!* (s. 27); *Mater orevanú mu naháňam!* (s. 122); *Hrom páral do toho!* (s. 196) (príklady sú zo 4. zv. Jégého spisov).

Jégé s umeleckým zámerom zakomponoval do literárneho textu aj iné expresívne tóny. Reč postáv z ľudu priam hýri zvolaniami, citoslovami, opakováním slov, dialektizmami lexikálnymi, hláskoslovnými, morfologickými a syntaktickými. Na ilustráciu uvádzame aspoň niekoľko príkladov: *Hore, Jano, ste ktorosi?* (s. 85), *nevídali*, nájdem si ešte chlapa! (s. 102), *Ach, Bože, prebože!* (s. 55), *bosý bou,* *prisám* (s. 155).

Spomenuli sme, že Jégé využíval vo svojich poviedkach a črtách zo Zázrivej záhrivské nárečie Zázrivcov. Zázrivské nárečie sa líši od ostatných oravských nárečí. Charakterizuje ho zmena *l* na *u* (*huava, čuovek*), *l* na *l* (*ludé, lutovať*), inštrumentál singuláru feminín a genitív pluráru na *-uof* (zo *ženuof*, do *obchodouf*).

Jazykové prvky charakteristické pre oravské nárečia nachádzame aj v básnickej tvorbe „svetobežca“, dolnokubínskeho Hviezdoslavovho ctiteľa, básnika Thea H. Florina. V tvorbe pochádzajúcej z čias jeho pôsobenia v zahraničí dominujú slová cudzieho pôvodu, ale v jeho básnach s tematikou domova rezonujú lexikálne i hláskotvorné dialektizmy, ako *ročnica* „výročie“; *kolocier* „skorocel“; *jaseň* „jeseň“; *pánstvo* „panstvo“. V pozoruhodnom rozsahu sú u Florina zastúpené aj slovotvorné postupy charakteristické pre oravské nárečie, napríklad deverbatíva, ako *siroba*, *kvíľba* (popol *siroby* nech nezapráší ubolenú moju hlavu, *kvíľba* tichá zháša svieca dobra), deverbatíva na -ota, napr. *zem cudzota dýcha*, na -stvo, napr. *predajstvo*, v zrkadle *úbožiactva* a iné (Habovštiak, 1986 a).

Dialektizmy z Dolnej Lehote nedaleko Dolného Kubína sú aj v tvorbe oravskej rodáčky Márie Jančovej v Rozprávkach starej matere a v Žofkiných rozprávkach z roku 1979. Sú v nich lexikálne dialektizmy, ako *hafiry* „čučoriedky“ (s. 48); *ňaňo* „otec“ (s. 51); *múčinka* „riedka múč na kašu“ (s. 9); *klbá*, *klbká*“ (s. 19); *cieňa* „hospodárske stavisko na úschovu vozov, kôlňa“, *súsok* „truhlica na múku“ (s. 64); *výpustok* „veranda s dreveným vyrezávaným zábradlím pred vchodom do domu“ (s. 30) a iné. Tieto a ďalšie dialektizmy využíva Mária Jančová citlivy so zámerom štýlistických akcentov spomienky na dávne časy.

Oravské nárečové prvky sú aj u Západoslováka Františka Hečku v románe Drevená dedina. Dej tohto románu prebieha v Stodolišti (v rodisku jeho manželky Márie Jančovej). Dobové hospodárske a spoločenské zmeny podmienené socializmom pokúša sa autor podať metódou socialistického realizmu. Couleur locale dopĺňa aj miestnymi lexikálnymi dialektizmami, ako *nemce* „útvar z obilných snopkov“, *ral'a* „veľký kus poľa rozdelený medzi viacerých gazdov“, *lina* „drôtené lano na privázovanie pltí k brehu“, *predník* „muž veslujúci v prednej časti plte“, *hafirčie* „nízky čučoriedkový porast“, ba aj morfologickými a syntaktickými dialektizmami (*Pavo od Múčiny, Nedám ťa do Mikuly; mamo, ňaňo! ţetko; v starej materinej kuchyni; chlapča sa pustí do prastarého otca nohavíc*) a hláskovými dialektizmami (*pozrite, akô pyšnô, nach! nahaj; „nech! nechaj“, chlápätko, ľal'a, klčť „tlčť“*) a ďalšími (Habovštiak, 1951/1952).

Záverom chceme ešte zdôrazniť, že dialektizmy v literárnom teste treba hodnotiť ako štýlistické prostriedky (Findra, 1978).

Bibliografia

- FINDRA, Ján: Dialektizmy ako štýlistické prostriedky. In: Kultúra slova, 1978, 12, s. 194 – 297.
- HABOVŠTIAK, Anton: Hviezdoslav a slovenčina. Pre účastníkov 16. Hviezdoslavovho Kubína. Dolný Kubín 1969. 22 s.
- HABOVŠTIAK, Anton: Nárečový slovník v literárnej tvorbe Martina Kukučína. In: Letopis Pamätníka slovenskej literatúry. Martin: Matica slovenská 1972, s. 79 – 101.
- HABOVŠTIAK, Anton: Básnická reč Thea H. Florina. In: Dolný Kubín. Martin: Vyd. Osveta 1986 a, s. 187 – 200.
- HABOVŠTIAK, Anton: Prvky ľudovej reči v Hečkovom románe Drevená dedina. In: Slovenská reč, 1951/1952, roč. 29, s. 192 – 201.

HABOVŠTIAK, Anton: Tvorba L. N. Jégého vo vzťahu k oravským nárečiam. In: Studia Academica Slovaca 15. Prednášky XXII. Letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava: Vyd. ALFA 1986 b, s. 161 – 173.

HORÁK, Gejza: Z archaizmov v reči Martina Kukučína. Slovesá typu niesť. In: Slovenská reč, 1964, roč. 29, s. 74 – 79.

JANČOVÁ, Mária: Žofkine rozprávky. Bratislava: Mladé letá 1979.

MRÁZ, Andrej: Miesto Martina Kukučína vo vývine slovenskej literatúry. In: Martin Kukučín v kritike a v spomienkach. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry 1957, s. 15 – 46.

Zobrané spisy L. N. Jégého. 4. zv. Martin: Osveta 1982.

Spisy P. O. Hviezdoslava. 2. zv. Martin: Matica slovenská 1955.

Rusko-slovenské prekladateľské paralely

Tatiana Grigorjanová

Filozofická fakulta Univerzity sv. Cyrila a Metoda, Trnava

Russian-Slovak translation parallels

On the base of the analysis of the three contemporary Russian prose translations some difficulties in translating of literary texts, which often even experienced translators struggle with are highlighted. The author in her analysis admonishes about various semantic shifts in grammatical, lexical and stylistic language levels. It was confirmed that even reputable translators are not always immune to „false friends“ (interlingual homonyms). The work is not compiled as a critique of literary text translators' difficult work, but as an attempt to highlight some problematic passages and suggest their possible solutions.

Jednou z oblastí bádania našej jubilantky, v ktorej sa prejavila jej vysoká odborná erudícia, je aj umelecký preklad, za ktorý bola ocenená v r. 1991 Cenou Jána Hollého.

Vo svojom príspevku sa chcem zamerať na niektoré úskalia pri prekladaní umeleckých textov, na ktoré neraz narážajú aj skúsení prekladatelia. Zvolila som si ukážky z diel troch súčasných ruských autorov, ktoré do slovenčiny preložili traja rôzni prekladatelia.

Prvým je súbor poviedok mladučkej ruskej autorky Iriny Denežkinovej pod rusko-anglickým názvom *Дай мне! (Song for lovers)*, po prvýkrát vyšiel v r. 2002 v Sankt-Peterburgu a do slovenčiny ho preložil Ján Štrasser (2004).

Tento literárny debut neznámej autorky sa stal doslova za noc bestsellerom nie len v Rusku, ale aj v západnej Európe (Slovensko nevynímajúc). Čo sa skrýva za takým nebývalým úspechom tejto literárnej prvotiny? Je to nesporne aktuálna téma, ktorá je sondou do života mladých ľudí s realistickým až naturalistickým opisom jeho tmavých stránok, ale zrejme najväčším lákadlom pre čitateľa je škandalózna sláva tejto knižky. Denežkinová nám v niečom pripomína mladú Saganovú (hoci to sama popiera), a to nielen podobným raketovým štartom, ale aj sviežim rozprávačským štýlom, krátkymi výstižnými postrehmi, vpadnutím priamo do deja, ale predovšetkým otvorenou výpoveďou o živote svojej generácie.

Román *Medea a jej deti* ruskej prozaičky Ludmily Ulickej, ktorý preložila Katarína Strelková, sa radí k najlepším dielam ruskej prózy konca 20. storočia. Je to príbeh krymskej Grékyne plný očakávaní a rozchodov, krátkeho ženského šťastia a dlhých rokov tiesnej samoty, no zároveň je aj svojráznou ságou rozvetvenej rodiny, ktorej ľudské osudy hlboko poznamenali všetky udalosti v Rusku od začiatku dvadsiateho storočia až po deväťdesiate roky (násilné vysídlenie Grékov a Tatárov z Krymu, revolúcia, vojny, emigrácia ruskej inteligencie).

Viktor Pelevin je významný súčasný ruský spisovateľ (narod. 1962). Súbor poviedok *Relics* preložil Miloš Ferko (literárny teoretik, kritik a spisovateľ, nie však rusista). Relics (z angl. reliksie, pozostatky, stopy, inšpirované rovnomenou piesňou skupiny Pink Floyd) je súbor experimentálnych postmoderných textov, ktoré

sa žánrovo nachádzajú na rozhraní poviedky a eseje. Neustále prelínanie reálneho a imaginárneho sveta je vyjadrené nečakanými a neštandardnými spojeniami, čo do značnej miery sťažuje prácu prekladateľa. Tu by stalo za úvahu, či prekladať názov do slovenčiny, alebo ho aspoň nejako vysvetliť v doslove, nakoľko tento anglicizmus nie je v slovenskom prostredí bežný.

Je všeobecne známe, že ideálny preklad nejestvuje, že vždy ide iba o mieru úspešnosti priblíženia k originálu. Teoretici translatológie nám ponúkajú viacero klasifikácií významových posunov (adekvátnych aj neadekvátnych) pri transfere z jazyka originálu do jazyka prekladu. Veľkú rolu pritom zohráva nielen vynikajúca znalosť obidvoch jazykov či poznanie reálií, ale aj skúsenosti, talent a umelcické cítenie prekladateľa – spolutvorcu prekladového textu.

Tiež treba mať na zreteli, že každé hodnotenie prekladu je subjektívne a možno donekonečna navrhovať „vhodnejšie“ ekvivalenty, ktoré ešte nemusia byť ideálne. Preto si ani ja neosobujem právo na neomylnosť a ani nechcem vystupovať v role prísneho suds, pretože viem, ako ľahko sa hľadá ideálna významová zhoda medzi východiskovým a cieľovým kódom, a to vďaka dlhorocnej lexikografickej a prekladateľskej práci, ktorá je miestami aj dobrodružná, pripomína napínavú, nikdy nekončiacu sa detektívku, ktorá po vylúštení jednej záhady ihned predostrieďalšie dve.

Skôr ako pristúpim k analýze ukážok, chcela by som poznamenať, že ide o dobré preklady skúsených prekladateľov, ktorí vynikajúco zvládli mnohé veľmi ľahké pasáže, za čo im patrí môj obdiv. Napriek tomu sa ani oni nevyhli niektorým nepresnosťiam a nie sú celkom imúnni ani voči tzv. falošným priateľom prekladateľa, ktorí sa ukrývajú pod rúškom interlingválnej homonymie.

Najskôr by som sa chcela zmieniť o posunoch na gramatickej úrovni, ktoré nie sú na prvý pohľad až také zaujímavé. V uvedených prekladoch sa vyskytli len ojedinele a nie sú ani veľmi závažné. Na ilustráciu uvediem niektoré z nich:

– neadekvátna interpretácia významu predponových slovies: *... пошла в ванную и присуярдила щеки... // ...* šla do kúpeľne a napudrovala si líca... – namiesto vhodnejšieho *prepudrovala sa;*

– nesprávne použitie tvaru *imperatívu* namiesto *kondicionálu*: *Зря так мешаешь* (алкогольные напитки – T. G.) // *Nemiešaj, povedalo mu jedno dievča* – namiesto *nemal by si miešať;*

– použitie tvaru nedokovaného *vidu* slovesa namiesto dokonavého: *Была она художница, кончила училице не совсем блестящие, однако кое-что у нее получалось: акварельные летучие цветы... // Skončila školu, не зеby dáko chýrne, ale sem-tam čosi sa jej darilo:* akvarellové kvietky... namiesto *podarilo, vydarilo;*

– nesprávny *slvosled* (nevzhodné prenesenie ruského slvosledu): *... капуста в двух затянутых полиэтиленом огромных бочках. Номер XII часто видел их стянутые стальными обручами глубоководные тела... // ... кариста в dvoch polyetylénom obalených obrovských súdoch... často vídal ich kovovými obručami opásané hlbké telá... – namiesto dvoch obrovských súdoch obalených polyetylénom (...) hlbké telá opásané kovovými obručami;*

– slovenský preklad je štylisticky neutrálnejší v porovnaní s ruským originálom: *Самсон улегся на коврик у двери. // Samsom si ľahol na koberček pri dverách.* Aj

v tomto prípade je oslabená expresivita ruského slovesa *улечься*, ktoré je nahradené slovenským neutrálnym *lahnúť si*. Ak si vybavíme pred očami obraz, ako zaujal pes svoje miesto na oblúbenom koberčeku, vhodnejšie sa nám javia slovenské ekvivalenty *uvelebiť sa, usalašiť sa*. Ďalším príkladom oslabenej expresivity je: *Прикольно целуеться*. // **Dobre** sa bozkáva. Ruskej silno expresívnej príslovke *прикольно* nezodpovedá slovenský prekladový ekvivalent, ktorý sa v tomto prípade javí ako neutrálny. Ruský originál naznačuje, že ide o mimoriadne krásne a intenzívne (mohli by sme povedať *fantasticke*) bozkávanie.

Početnejšie (v Štrasserovom preklade) boli opačné prípady, t. j. že neutrálnejšie ruské spojenia boli nahradené expresívnejšími slovenskými ekvivalentmi. Vysvetľujeme si to vplyvom silno expresívneho pôvodného textu, ktorý sa prekladateľ snažil čo najvernejšie interpretovať, a niekedy táto jeho snaha prekročila dokonca zámer samotnej autorky. Týka sa to nielen substandardnej lexiky, ale aj vulgarizmov. Z množstva vyexcerpovalých dokladov na ilustráciu uvedieme iba tie najmarcantnejšie: *Денег у него – умотаться! // Прячать же как свиňа!* Napriek silno hovorovému štýlu vo východiskovom jazyku sa nám preklad do slovenčiny javí ako preexponovaný, s prehnanou negatívnou expresivitou. Snáď v súlade s ruskou predlohou by bol náležitejší neutrálnejší variant *Peňazí má ako šupiek/pliev*.

Ešte kontrastnejší je preklad ruského spojenia *развелось до фига* vo vete *Широкоштанинных развелось до фига...*, ktoré sa opäť prekladá do slovenčiny až šokujúco expresívne – *So широкими нohавицами же ich už ako насрятых...* Uvítali by sme v slovenčine menej vulgárne riešenie, napríklad *je ich ako hadov*.

Podobné riešenie by sa dalo aplikovať v prípadoch typu: *ха-тыфу на всех // высер са на вsetkých; на все забыть и наплевать // на vsetko забуднúť а на vsetko sa высрать*. Tu nejde o puristický postoj, skôr o súlad medzi menej príznakovým ruským a silno príznakovým slovenským textom, kde by úplne postačilo adekvátnejšie sloveso *выкашлатъ* *са*.

V niekoľkých nasledovných ukážkach chceme poukázať na stereotypnosť slovenského prekladu, keď sa spojením *маť нечто на хаку* vyjadrujú všetky prejavy ľahostajnosti. Toto spojenie je veľmi frekventované a dôsledne sa uvádzá v celom teste prekladu bez akejkoľvek variácie: *Сидела все-таки напруженчившись. Мало ли! // Nemala som то на хаку!*; Я не могу ко всему относиться ха-тыфу. // *Nemôžem mať všetko na хаку*; У него были потрясающие пофигизм в глазах. // *Z оци mu кричало, что ма вшетко на хаку*; ... пофигистически относиться ко всему... // ... ма вшетко на хаку...

Ďalšia ukážka je klasickým prípadom nerozlišovania ruskej vnútroatajzykovej paronymie pri dvojici adjektív: *складной // складный*, ktoré sa do slovenčiny prekladajú ako *skladací // urastený, driečny*: ... он тайно отождествлял себя то со складной „Камой“, то со „Спутником“ // ... bol na chvíľu driečnou Kamou a inokedy zasa Sputnikom... Prekladateľ v tomto prípade uprednostnil význam *driečny* pred *skladací*, a to aj napriek tomu, že sa v teste hovorí o bicykloch (aj keď personifikovaných). Alebo sa mu značky Kama a Sputnik asociovali so ženskou a mužskou osobou a pre ženu sa mu zdal výraz *driečna* vhodnejší ako *skladacia*. Ak by to tak aj bolo, je namieste otázka, do akej miery môže prekladateľ voľne narábať s textom originálu.

Tento prípad sa v poviedke opakuje znova a prekladateľ ho rieši rovnako: ... как тут было рассказать собеседнику о двух разных видах совершенного счастья, одно из которых было складным, а другое зато имело три скорости? // ...dva rôzne druhy dokonalého šťastia – z ktorých jedno bolo driečne a druhé zasa malo tri prevody...

Aj ďalšia ukážka signalizuje nerozlišovanie intralingválnych ruských paroným забыть (zabudnúť) : забить hovor. (nechať niekoho, rozísť sa s niekým): *Она забыла на Антона.* // *Zabudla na Antona* – namiesto *Rozišla sa. Pustila ho k vode. Dala mu kopačky.*

Neadekvátna zámena významu polysémickej lexému сочный (1. sýty, výrazný, 2. šťavnatý) (adjektívum odvodené od substantíva *сок* – šťava) priviedla k neprijemnému omylu, keď sa сочный оранж prekladá ako *pomarančová šťava* namiesto sýta *oranžová farba*: *Солнце залило стены домов сочным оранжем.* // *Slnko zalialo múry domov pomarančovou štvavou.*

Zrejme nedopatrením a pod vplyvom východiskového jazyka došlo ku kurióznym slovným spojeniam v dôsledku porušenia noriem *lexikálnej spájateľnosti v slovenčine*. Tieto prípady boli dosť časté: *кыбель на смети* namiesto *kôš na smeti / odpadkový kôš; Posмeљујуко доложил* – namiesto *Povzbудиво додал/познаменал; ... chrбтом видел* – namiesto ...akoby mal oči na chrbe a videl / akoby očami na chrbe videl; ... starootcovský skrátený malíček – namiesto kraší malíček (ide o dedičnú anomáliu, s ktorou sa rodili mužskí potomkovia).

Otázky lexikálnej spájateľnosti úzko súvisia s *interlingválnou homonymiou*, ktorá je najväčším úskalím pre každého (aj toho najskúsenejšieho) prekladateľa, pretože naňho číha v podobe „zradných priateľov“ – slov a spojení, ktoré majú totožnú alebo podobnú formu v obidvoch jazykoch, no významovo sa môžu lísiť (počnúc jemnými odtienkami a končiac až protikladnými významami). V prípade príbuzných jazykov (akými sú aj ruština a slovenčina) je toto nebezpečenstvo ešte väčšie.

Uvedené ilustrácie to potvrdzujú napr. v prípade neúmyselnej zámeny ruskej lexémy *колготки* (pančuchové nohavice) s lexémou *трусики* (nohavičky). Vyšvetľujeme si to vplyvom česko-ruskej medzijazykovej homonymie (*kalhotky* : *колготки*): *Почувствовала (...) боль, будто сдирали примерзшие колготки... // Pocítila ... bolesť, akoby z nej strhali nohavičky...* – namiesto *pančuchy*.

Formálna podoba substantív *остатки* : *ostatky* sa podpísala aj na významovom posune prekladu v nasledujúcej ukážke: Наверху была разрушенная татарская часть с остатками мечети // ... tatárska časť s *остатками* mešity – namiesto pozostatky, zvyšky.

Ani polysémické interlingválne homonymá *луч* a *лúč* nie sú zhodné vo všetkých svojich významoch. V spojeniach typu *лúč svetla*, *slnka*, *ultrafialový lúč* sa používa zhodná lexéma „*лúč*“, ale v spojení so substantívom *hviezda* dochádza k divergencii *луч звезды* : *сíр hviezdy*. ... звезду же Медея несколько переосмыслила, выкрасив серебрянкой заодно и острие, на которое она была насажена, отчего та приобрела шестой, перевернутый, *луч*... // ...hviezda takto získala šiesty prevrátený *lúč*... (cíp hviezdy). Týmto sme sa iba letmo dotkli problematiky tzv. zradných slov alebo „falošných priateľov prekladateľa“.

Je znáomou axiómou, že pri ustálených slovných spojeniach a predovšetkým pri frazémach nejde o preklad, ale o adekvátnu substitúciu takéhoto spojení, čo tiež môže vyvolávať určité problémy pri preklade. Vyskytol sa aj kurióznejší prípad, keď autor nahradil voľné spojenie frazeologizmom (neštandardným, možno prevzatým zo študentského slangu) a opodstatnenosť tohto postupu je viac než sporná: ... *Олег занят группой и учебой. Группой – да, учебой – ха-ха – вряд ли.* // ... *Oleg je zaujatý kapelou a učením. Kapelou hej, učením – cha-cha, trt a dva orechy!* Takýto pokus o originalitu je sice chvályhodný, ale nadbytočný. Postačujúce by bolo použitie výrazov *to sotva, to určite, máš ho vidieť*.

Žažkosti pri identifikácii a substituovaní vedú až k paradoxom, ktoré vznikajú z nedostatočného poznania reálií (v danom prípade religióznych): *Иногда Светке казалось, что она его любит. „Когда кажется, креститься надо“ – говорила бабушка. // Обчас са Светке zdalo, že ho ľubí. „Keď ho vidím, hned sa prežehnám“, vravela stará mama.* Tak dochádza k celkovému nepochopeniu situácie a kontroverznému významu. Ruský frazeologizmus má ten význam, že keď sa človeku niečo iba zdá, t. j. má určité pochybnosti, tak to nie je s kostolným poriadkom a mal by si to preveriť, alebo o tom nerozprávať ako o pravdivom fakte (možno na základe biblického výroku: Tvoja reč nech je iba áno, alebo nie, všetko ostatné je od diabla). Ako adekvátnu substitúciu by sme mohli použiť slovenský frazeologizmus *Zdanie klame*.

K podobnému nedopatreniu dochádza aj v preklade ruského spojenia *гнуть пальцы* ako *указывать прстом*: *Он станет когда-нибудь знаменитым, а я буду гнуть пальцы, мол, это мой муж.* // *Raz буде славны и я будем указывать прстом, ага, то же мой мужъ.* V danom prípade možno zapochybovať aj o vhodnom použití ruského frazeologizmu, nakoľko spojenie *гнуть пальцы* nie je štandardné. Zaužívané je *загибать пальцы* vo význame vypočítavať pomocou prstov, a preto nie je celkom jednoznačný ani význam ruského frazeologizmu. Ide o autorkin okazionalizmus alebo nedostatočnú znalosť ruskej frazeológie? Z kontextu vyplýva, že ide o prejav radosti pomocou gestikulácie a v tomto prípade by bolo vhodnejšie použiť spojenie *ногуправь руки* (*от удовольствия*), čomu by v slovenčine zodpovedalo ustálené spojenie *mädliti si ruky*.

Veľmi kuriózny (možno povedať ojedinelý) je aj nasledujúci prípad možnej dvojakej interpretácie, pri ktorej nám nepomôže ani kontext, lebo určujúcemu je intonácia vety: „*Бросить бы все к черту и купить здесь дом, – думал Георгий, спускаясь вниз к тетке, которая все еще не заметила их. – А Зойка как хочет. Взял бы Темку, Сашку...*“ „*Mal by som sa na všetko vykašlať a kúpiť tu dom,*“ *ропыслел si Georgij, keď schádzal dolu k tetke, ktorá si ho ešte vždy nevšimla. „Zojuška si to veľmi želá. Vzal by som Arťomku, malého Sašu...*“ Domnievam sa, že v tomto prípade by bol adekvátnejší preklad: *A Zoja (nech sa zariadi) – ako chce / nech sa sama rozhodne.*

Na záver krátká ukážka logického myslenia: *Однажды к нему приблизился голый по пояс мужчина в красных тренировочных штанах.* // *Raz k nemu подошiel do пásа holý muž v červených trenírkach.* Ponecháme stranou preklad spojenia *в красных тренировочных штанах* ako *v červených trenírkach*, ktoré prekladateľovi našepkali jeho falošní priatelia. Viac nás zaujíma spojenie *do пásа holý muž*.

Túto logickú chybu by som si možno nevšimla, keby som nečítala najskôr slovenský text bez ruského originálu. Čo je možné v ruštine, v slovenčine vyznieva neprirodzene, a okrem toho sa stráca aj presnosť informácie – ktorá časť tela je vlastne obnažená? Mne sa žiadalo použiť spojenie, ktoré poznáme z ordinácie u lekára (vyzlečte sa do pol pása), t. j. *do pol pása vyzlečený*, resp. *holý od pol pása*, ktoré už v slovenčine až tak prirodzene neznie.

Svoj príspevok som koncipovala nie s úmyslom kritizovať neľahkú prácu prekladateľov umeleckej literatúry, ale poukázať na jej úskalia a navrhnuť možné riešenia niektorých problematických pasáží.

SÚPIS PRÁC ADRIANY FERENČÍKOVEJ ZA ROKY 1965 – 2009

(zostavili L. Dvonč, J. Behýlová, K. Balleková)

1965

K výkladu platnosti rytmického zákona v slovesných tvaroch typu kúpia, súdia v stredoslovenských nárečiach. In: *Jazykovedný časopis*, 1965, roč. 16, č. 1, s. 51 – 61, rus. res. s. 62.

1966

Postavenie mimo hry, nie *mimo „hru“*. *Lata – latka*, nie „laťka“. In: *Kultúrny život*, 1966, roč. 21, č. 46, s. 5.

Vrkoč, alebo cop? In: *Jazyková poradňa*. 4. Red. G. Horák – J. Ružička. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1966, s. 28 – 29. – Tamže: *Význam slov šíkovný, šíkovne a vrtký, vrtko* (s. 384 – 385). – Utorok, nie „útorok“ (s. 430 – 431).

1967

Smolenická konferencia o kultúre spisovnej slovenčiny. In: *Slovenská reč*, 1967, roč. 32, č. 3, s. 169 – 173 (správa o konferencii o kultúre spisovnej slovenčiny, konanej v dňoch 5. – 7. 12. 1966 v Smoleniciach).

Slovenské nárečia. Školská gramoplatňa pre ZDŠ. Stredoslovenské nárečia: Turčianska Blatnica – Párnica – Lišov, Západoslovenské nárečia: Kovarce. – 2. strana: Západoslovenské nárečia: Brvnište – Hrnčiarovce. Východoslovenské nárečia: Spišské Tomášovce – Nemcovce – Bánovce nad Ondavou. 1. vyd. Praha: Supraphon 1967. Č. platne 049 9999 + Sprievodný text ku gramofónovej platni Slovenské nárečia. 1. vyd. Praha: Učebné pomôcky 1967. 30 s.

1968

Atlas slovenského jazyka. 1. Vokalizmus a konsonantizmus. Časť prvá: mapy. Časť druhá: úvod, komentáre, materiály. 1. vyd. Bratislava: Vydavateľstvo SAV 1968. 314 + 200 s. (hlavný autor J. Štolc, spoluautori F. Buffa, A. Habovštiak, Š. Lipták, I. Ripka).

Tabuľa a platňa. – Ľud, 26. 1. 1968, s. 5. – Tamže: Opravdu? Naozaj! (27. 1., s. 5). – Tvorivé schopnosti (28. 1., s. 5). – Mravec – mravčí (30. 1., s. 3). – Ozvena, ohlas, nie „odozva“ (2. 2., s. 5). – Mysel' a výmysel (9. 2., s. 5). – Ach, tie strely! (10. 2., s. 5). – Hladit' a hľadieť (11. 2., s. 5). – Polovník a poľovník (13. 2., s. 3). – Zvyšok, nie „zbytok“ (14. 2., s. 5). – Čierny, černejší (13. 2., s. 5). – Schopnosť vsakovať – nasiakavosť (16. 2., s. 5). – „Cez to všetko“? (17. 2., s. 5). – Sebec, sebecký (18. 2., s. 5). – Cez prestávku, nie „v prestávke“ (21. 2., s. 5). – „Odporilo sa mi?“ (22. 2., s. 5). – Koľkože krížikov už máte na chrbte? (23. 2., s. 5). – Poslucháčka –

poslucháčok (24. 2., s. 5). – *Klinec – klinček* (25. 2., s. 5). – Ešte o klinčekoch (27. 2., s. 3). – Východiskový, nie „východzí“ (28. 2., s. 5). – Ako sa skloňujú mená na *-us*? (29. 2., s. 5). – Práve, či „zrovna“? (1. 3., s. 5). – „Merítka“ nie je slovenské slovo (2. 3., s. 5). – „Taký veľký, nie „tak veľký“ (3. 3., s. 5). „Obyvateľ Puly – Pušan“ (5. 3., s. 7). – Čože je to za prekrásne vtáča? (7. 3., s. 5). – O spore a o „krížku“ (8. 3., s. 5). – *Spojivo*, nie „pojítka“ (9. 3., s. 5). – Za správnu vec správnym slovom (10. 3., s. 5). – *O týždeň a za týždeň* (12. 3., s. 3). – O jednom nevhodnom slove (13. 3., s. 5). – X + Y = Z (14. 3., s. 5). – Pozor na predložky *v a na* (15. 3., s. 5). – *Zúčastniť sa na dačom* (16. 3., s. 5). – O reči dieťaťa a koze rohatnej (17. 3., s. 5). – Čo možno opísť a čo odpísať? (20. 3., s. 5). – *Vasil alebo Vasil?* (21. 3., s. 5). – Po prve – kedy áno, kedy nie (22. 3., s. 5). – Odoberáte Kultúru slova? (23. 3., s. 5). – Ešte o frazeologickom spojení (24. 3., s. 5). – Zastarané slovo (26. 3., s. 3). – Čo značí slovo *naskutku*? (27. 3., s. 5). – Za demokraticosť a kriticosť (28. 3., s. 5). – Listujeme v Kultúre slova (29. 3., s. 5). – Nepíšte ľ tam, kde nepatrí (30. 3., s. 5). – *Krížik, funus a amen* (31. 3., s. 5). – O ľavici na lavici (2. 4., s. 5). – Dnes o jednom geometrickom útvare (3. 4., s. 5). – Martinčania, bráňte sa! (4. 4., s. 5). – O jednom hybridnom výraze (5. 4., s. 5). – *Námestník*, nie „námestok“ (6. 4., s. 5). – Trápia nás pálčivé problémy (7. 4., s. 5). – Znovu o predložke *mimo* (1. 6., s. 5). – Dnes o posilňovaní a silení (2. 6., s. 5). – *Strážky* a ich druhý pád (4. 6., s. 3). – Skloňujete správne mesto *Šaľa*? (5. 6., s. 7). – *Na každú príležitosť* (6. 6., s. 5). – *V závode*, nie „na závode“ (7. 6., s. 5). – O nesprávnom použití príslovky *ďaleko* (8. 6., s. 5). – Na počesť vzbury v Kragujevci (14. 6., s. 5). – O päťročnom krokodílovi a o jednom filme (15. 6., s. 5). – Každý železničiar čitateľom Zelenej cesty (16. 6., s. 5). – O fronte a jeho rode (18. 6., s. 3). – *Dosiaľ, posiaľ, doteraz* (19. 6., s. 7). – Čím si pripíjate? (20. 6., s. 5). – Ako, ako, ako (21. 6., s. 5). – O predložke *vnútri* (22. 6., s. 7). – Druhý pád a rytmický zákon (23. 6., s. 5). – „Ovšem“ = *pravda, pravdaže* (25. 6., s. 3). – Nepotrebná výpožička (26. 6., s. 7). – Radšej *hrýzť* ako „kúsat“ (27. 6., s. 5). – Chýba nám jazykový cit? (28. 6., s. 5). – Kto išiel dolu kopcom? (30. 6., s. 5). – Vlak je pripravený na odchod (2. 7., s. 3). – Začať a začať sa (6. 7., s. 5). – Čo sa začne, to sa aj skončí (7. 7., s. 5). – Po pracovnom čase pracujeme nad čas (10. 7., s. 7). – Aj slovosled mení význam (11. 7., s. 5). – Odpoved' čitateľovi (12. 7., s. 5). – Nie je šváb ako Šváb (13. 7., s. 5). – *O smole, živici a „pryskyriči“* (14. 7., s. 5). – *Naobedovať sa*, nie „poobedovať“ (16. 7., s. 3). – Kto nebude poslancom? (17. 7., s. 5).

1969

La cultura linguistica negli ultimi cinquant'anni di sviluppo della lingua letteraria slovacca. (Jazyková kultúra za posledných päťdesiat rokov spisovnej slovenčiny.) In: Il mondo slavo, 1969, roč. 1, s. 69 – 84.

Striedanie e, a za psl. e v číslovkách päť, deväť. In: Jazykovedné štúdie. 10. Štolcov zborník. Red. J. Ružička. Bratislava: Vydatelstvo SAV 1969, s. 64 – 68.

O slovenskej reči v Juhoslávii. [J. Štolc: Reč Slovákov v Juhoslávii 1, Bratislava 1968.] In: Matičné čítanie, 1969, roč. 2, č. 1, s. 8 (ref.).

Novotvar písacíkár – výsledok jazykovej tvorivosti prekladateľa. In: Kultúra slova, 1969, roč. 3, č. 8, s. 268 – 269.

1971

Jazykovedná problematika v krajinom zborníku. (Liptov. 1. Vlastivedný zborník, Martin 1970.) In: Slovenská reč, 1971, roč. 36, č. 6, s. 384 – 385 (rec.).

Latka, nie „laťka“. In: 1000 poučení zo spisovnej slovenčiny. Red. G. Horák. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1971, s. 127. – Tamže: *Utorok*, nie „útorok“ (s. 313). – *Vrkoč a cop* (s. 324).

1972

Časová spojka *čím* a jej prefixované varianty v slovenčine. In: Jazykovedný časopis, 1972, roč. 23, č. 1, s. 36 – 43, rus. res. s. 43 – 44.

Jazero na Trávnikoch. In: Večerník, 2. 8. 1972, s. 5.

1973

Slovenská časová spojka *než*, lež v slovanskom kontexte. In: Jazykovedný časopis, 1973, roč. 24, č. 1, s. 63 – 70, rus. res. s. 70.

1974

Inventár syntaktických javov v slovenských nárečiach. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV 1974. 210 s. (spoluautor J. Oravec).

Červený klinček. In: Nedelňá Pravda, 1974, roč. 7, č. 17, s. 6.

6. seminár macedónskeho jazyka, literatúry a kultúry. In: Slavica Slovaca, 1974, roč. 9, č. 1, s. 101 – 102 (správa o kurze konanom v dňoch 16. – 31. 7. 1973 v Skopje a v Ochride).

1975

Margaréta a králik. In: Práca, 23. 6. 1975, s. 3. – Tamže: *Potulovať sa, ale uvoľňovať* (17. 11., s. 3).

1976

Časové podradčovacie súvetie v slovenských nárečiach. Autoreferát dizertácie na získanie vedeckej hodnosti kandidáta filologických vied. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV 1976. 24 s. + príl.

1977

Časové súvetia s významom časového zaradenia opakovanejho dej. In: Jazykovedné štúdie. 13. Ružičkov zborník. Red. J. Horecký. Bratislava: Veda 1977, s. 83 – 90.

1980

Slovník slovenských nárečí. Ukážkový zväzok. 1. vyd. Bratislava: Veda 1980. 288 s. (spoluautori F. Buffa, A. Habovštiak, Š. Lipták, O. Malíková, J. Nižnanský, I. Ripka).

Ref.: 1. Höning, A.: In: Semantische Hefte. Mitteilungen aus der vergleichenden, empirischen und angewandten Semantik, aus Wort- und Metaphernforschung. 4. 1978/79. Red. J. Schröpfer. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag 1979 – 1980, s. 16 – 21. – 2. Michalus, Š.: Ukážkový zväzok Slovníka slovenských nárečí. – Večerník, 17. 10. 1980, s. 3. – 3. Palkovič, K.: Slavica Slovaca, 1981, roč. 16, č. 3, s. 300 – 303. – 4. Uhlár, V.: Ukážkový zväzok Slovníka slovenských nárečí. – Slovenská reč, 1981, roč. 46, č. 4, s. 244 – 148. – 5. Žigo, P.: Ukážkový zväzok Slovníka slovenských nárečí. – Kultúra slova, 1981, roč. 15, č. 2, s. 59 – 60. – 6. Habovštiaková, K.: Jazykovedný časopis, 1982, roč. 33, č. 1, s. 87 – 90.

Gramatické slová v Slovníku slovenských nárečí. In: Dialektologický zborník.

1. Materiály z I. slovenskej dialektologickej konferencie konanej v Prešove 17. – 19. apríla 1975. (Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Šafarikanae. Jazykovedný zborník. 5.) Red. L. Bartko et al. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1980, s. 179 – 182.

1981

O čiastkových významoch častice až v slovenských nárečiach. In: Jazykovedné štúdie. 16. Materiály z vedeckej konferencie o sémantike. (Smolenice, 14. – 17. januára 1980.) Red. J. Ružička. Bratislava: Veda 1981, s. 243 – 246.

1982

Významová analýza častice *azda, ozdaj* z územného aspektu. In: Slovenská reč, 1982, roč. 47, č. 4. s. 213 – 218.

1984

Die Nichteinhaltung des rhythmischen Gesetzes in der Verbform des Typs *kú-pia, súdia* in den mittelslowakischen Mundarten. In: Recueil linguistique de Bratislava. 7. Red. J. Ružička. Bratislava: Veda 1984, s. 73 – 82.

Častice vyjadrujúce pravdepodobnosť a približnosť v slovenských nárečiach. In: Slovenská reč, 1984, roč. 49, č. 1, s. 21 – 29.

Významová členitosť výrazových prostriedkov a geografické hľadisko. In: Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovnej zásoby slovenčiny. (Smolenice 1. – 4. marca 1983.) Red. J. Kačala. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV 1984, s. 292 – 295.

1986

Časové podraďovacie súvetie v slovenských nárečiach. 1. vyd. Bratislava: Veda 1986. 136 s., 1 príl.

Ref.: Uhlár, V.: Monografia o časových podraďovacích súvetiach v slovenských nárečiach. – Slovenský jazyk a literatúra v škole, 1987/88, roč. 34, č. s. 28 – 30. – 2. Kondrašov, N. A.: Referativnyj žurnal. Serija 6. Obščestvennyje nauki za rubežom. Jazykoznanije. 1. Red. F. M. Berezin et al. Moskva: Institut naučnoj informacii po obščestvennym naukam Akademii nauk SSSR 1988, s. 195 – 197.

- 3. Žigo, P.: Slovenská reč, 1988, roč. 53, č. 1, s. 57 – 59. – 4. Povolná, R.: Slovenský príspěvek k náreční syntaxi. – Naše řeč, 1989, roč. 72, s. 87 – 89.
- Upravená verzia jednej kapitoly z publikácie vyšla v angl. znení: Temporal Relation on Two Actions and Its Expressing by the Complex Sentence.**
- Prel. A. Kubišová. In: *A Reader in Slovak Linguistics. Studies in Semantics*. Red. J. Kačala et al. München: Verlag Otto Sagner 1992, s. 125 – 151.
- Niekteré aspekty spracovania gramatických slov.** In: *Dialektologický zborník. 2. Materiály z II. slovenskej dialektologickej konferencie (Zemplínska šírava 30. IX. – 3. X. 1981)*. Red. L. Bartko. Prešov: Filozofická fakulta UPJŠ 1986, s. 207 – 214, rus. res. s. 215, nem. res. s. 216.
- Ako treba nazývať ovocie podobné rajčiakom? In: *Kultúra slova*, 1986, roč. 20, č. 9, s. 311 – 312.

1987

Die semantisch-syntaktische Struktur des temporalen Satzgefüges in Slowakischen. In: *Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. XIV. Internationaler Linguistenkongress*. Berlin 10 – 15. August 1987. Organisiert unter der Schirmherrschaft des CIPL. Herausgeberkomitee, Berlin, Mai, 1987 (paralelné angl. znenie), s. 150.

Päťdesiat rokov Ivora Ripku. In: *Slovenská reč*, 1987, roč. 52, č. 5, s. 310 – 312.

1988

O jednom zhodnom slovensko-poľskom syntaktickom prostriedku. (Časové vety so spájacím výrazom *kedy/kiedy*.) In: *Studia linguistica Polono-Slovaca*. 1. Red. K. Rymut et al. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk 1988, s. 119 – 124, pol. res. s. 124.

Ako v slovenčine voláme ovocie dovážané s označením *hurmi kaki*? In: Pisářčiková, M. a kol.: *Jazyková poradňa odpovedá*. Red. M. Pisářčiková. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1988, s. 25. – Tamže: Je *margaréta* to isté čo *králik*? (s. 71). – Máme v slovenčine *režnú priadzu* a *režné plátno*? (s. 79). – Prečo si máme kupovať *rožky*, *rožteky* a nie „*rohlíky*“? (s. 151). – Prečo je v sloviese *potulovať sa* tvrdé l a v sloviese *stuľovať sa* ľ, keď súvisí so školou? (s. 195). – Ako sa má vyslovovať názov nápoja *cinzano*? (s. 199).

1989

Niekteré slovensko-južnoslovanské paralely pri vyjadrení medzivetného časového vzťahu. In: *Slavica Slovaca*, 1989, roč. 24, č. 1, s. 13 – 21, rus. res. s. 21.

1990

Vývin slovenských časových spojok *kým*, *čím*, *dokial*, *pokial*, *zakial*, *než*, *lež*. In: *Studia linguistica Polono-Slovaca*. 3. „*Dynamika rozwoju słownictwa*“. Referaty z konferencji w Paszkówce 22 – 25 VI 1987. Red. J. Reichan. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy imie-

nia Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk 1990, s. 163 – 167, poł. res. s. 167 – 168.
Správa o činnosti Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV za rok 1989. In: Slovenská reč, 1990, roč. 55, č. 5, s. 309 – 314 (spoluautorka K. Buzássyová).

1992

Funkcie predložky o v slovenských nárečiach. (Na nedožité 70. narodeniny J. Oravca.) In: Slovenská reč, 1992, roč. 57, č. 3, s. 135 – 144.

Prínos dialektológie k výskumu historickej syntaxe. (Na príklade časového podraďovacieho súveta.) In: Jazykovedný časopis, 1992, roč. 43, č. 2, s. 127 – 132, angl. res. s. 133.

Hypotaktické vyjadrovanie medzivetného časového vzťahu v bernolákovskej slovenčine. In: Pamätnica Antona Bernoláka. Red. J. Chovan v spolupráci s M. Majtánom. Martin: Matica slovenská 1992, s. 175 – 179.

Poznámky k fatickej funkcií pozdravov v slovenčine. In: Slovenská reč, 1992, roč. 57, č. 1, s. 25 – 29.

Prší, prší, len sa leje. In: Kultúra slova, 1992, roč. 26, č. 11 – 12, s. 362 – 365.

Možnosť spracovania syntaxe slovenských nárečí metódou lingvistickej geografie. In: Zápisník slovenského jazykovedca, 1992, roč. 11, s. 16 – 18 (tézy prednášky na 5. celoslovenskom stretnutí jazykovedcov 100 rokov areálovej lingvistiky, konanom v dňoch 3. – 4. 9. 1992 v Banskej Bystrici).

Spracovanie lexikálnych a slovotvorných javov v Slovanskom jazykovom atlase. In: Zápisník slovenského jazykovedca, 1992, roč. 11, s. 19 – 21 (tézy prednášky na 5. celoslovenskom stretnutí jazykovedcov 100 rokov areálovej lingvistiky, konanom v dňoch 3. – 4. 9. 1992 v Banskej Bystrici).

Tašky na streche? In: Kultúra slova, 1992, roč. 26, č. 2, s. 64. – Tamže: Máte starosti s watmi? (č. 4, s. 128).

1993

Encyklopédia jazykovedy. Sprac. J. Mistrik s kolektívom autorov. 1. vyd. Bratislava: Obzor 1993. 520 s. (členka kolektívu autorov).

Ref.: Dvonč, L.: Nedeleňa Pravda, 1993, roč. 2, č. 38, s. 6. – 2. Gašinec, E.: Všetko o jazyku a štýle pre slovenčinárov a jazykárov. – Slovenský jazyk a literatúra v škole, 1993/94, roč. 40, č. 3 – 4, s. 125 – 127. – 3. Jarošová, A.: Knižná revue, 1993, roč. 3, č. 17, s. 1. – 4. Ondruš, Š.: Encyklopédia jazykovedy. Dielo vyše šesťdesiatich slovenských a českých lingvistov. – Slovenská Republika, 16. 10. 1993, s. 10. – 5. Škvareninová, O.: Učiteľské noviny, 1993, roč. 43, č. 33, s. 12. – 6. Bartáková, J.: In: Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada jazykovědná. A. 42. Red. I. Pospíšil. Brno: Masarykova univerzita – Filozofická fakulta 1994, s. 135 – 136. – 7. Dolník, J.: Jazykovedný časopis, 1994, roč. 45, č. 1, s. 58 – 60. – 8. Dubníček, J.: Najpodrobnejšie o slovenčine. – Práca, 24. 2. 1994, s. 5. – 9. Chmelík, A.: Na okraj recenzie Encyklopédie jazykovedy. – Slovenský jazyk a literatúra v škole, 1994/95, roč. 41, č. 3 – 4, s. 121 (k J. Dubníčkovi). – 10. Uhlár, V.: Literárny týždenník, 1994, roč. 7, č. 2, s. 5. – 11. Králik, Ľ.: Slavica Slovaca, 1995, roč. 30, 1, s. 71 – 73.

O niektorých syntaktických javoch na východoslovensko-ukrajinskom pomedzí. – In: Naukovi zapisky. 18. „Naukova spadšyna Vasyľa Latty i doslídzeňia hovoriv karpatskoho movnoho arealu.“ Red. Z. Hanudel'ová. Priašiv: Sojz rusyniv-ukrajincov Slovackej Republiky 1993, s. 157 – 162. **Osudy výrazu výrobok v slovenčine.** In: Kultúra slova, 1993, roč. 27, č. 5 – 6, s. 172 – 176.

[Diskusný príspevok.] In: Hlas Matice slovenskej. Metodicko-inštruktážny a informačný bulletin Matice slovenskej – členského ústredia v Martine. Č. 12. (Materiály zo zakladajúcich valných zhromaždení Jazykového a Historického odboru Matice slovenskej uskutočnených v Martine v dňoch 5. 12. a 11. 12. 1992). Red. C. Žuffa – V. Čipka. Martin: Matica slovenská 1993, s. 26.

Niekteré syntaktické črty slovenských nárečí v slovensko-inojazykovom kontexte. In: XI. medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé. Red. S. Mislovičová et al. Bratislava: Veda 1993, s. 517 (tézy príspevku predneseného na 11. medzinárodnom zjazde slavistov, ktorý sa konal v dňoch 30. 8. – 8. 9. 1993 v Bratislave).

Niekteré syntaktické osobitosti slovenských nárečí v slovensko-inojazykovom kontexte. In: Zápisník slovenského jazykovedca, 1993, roč. 12, s. 28 – 29 (tézy prednášky konanej dňa 11. 11. 1993 v pobočke Slovenskej jazykovednej spoločnosti pri SAV v Nitre).

1994

Slovník slovenských nárečí. 1. A – K. Red. I. Ripka. 1. vyd. Bratislava: Veda 1994. 936 s. (spoluautori F. Buffa, A. Habovštíak, Š. Lipták, O. Malíková, J. Nižnanský, I. Ripka, J. Šikrová).

Ref.: Ondruš, Š.: Slovník slovenských nárečí I. Vyšla klenotnica ľudovej reči. – Slovenská Republika, 17. 7. 1995, s. 5. – 2. Majtán, M.: Studnica vedy živej. – Slovenské národné noviny, 1996, roč. 7 (11), č. 41, s. 12. – 3. Panajotov, V.: Säpostaviteľno ezikoznanie, 1996, roč. 21, č. 4, s. 102 – 106. – 4. Považaj, M.: Prvý zväzok Slovníka slovenských nárečí. – Kultúra slova, 1996, roč. 30, č. 4, s. 227 – 231. – 5. Tuguševová, R.: Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Serija 2. Istorija, jazykoznanije, literaturovedenie. Vypusk 2. 1996, s. 124 – 127. – 6. Žigo, P.: Slovenská reč, 1996, roč. 61, č. 2, s. 111 – 118.

Slovakia and the Slovaks, A Concise Encyclopedia. Red. M. Strhan – D. P. Daniel. Bratislava: Encyclopedical Institute of the Slovak Academy of Sciences 1994. 728 s. (členka kolektív autorov).

Dva typy viet so všeobecným činiteľom v slovenských nárečiach (s prihliadnutím na stav v polštine). In: Studia linguistica Polono-Slovaca. 4. Red. I. Ripka. Bratislava: Veda 1994, s. 81 – 83.

Agáty, Doroty – zavieva ploty. In: Kultúra slova, 1994, roč. 28, č. 1, s. 34 – 38. **Hrmelo, pršalo a peruňi bili...** In: Kultúra slova, 1994, roč. 28, č. 3, s. 160 – 164. Na oslavách 125. výročia vzniku znievskeho gymnázia. In: Kultúra slova, 1994, roč. 28, č. 4, s. 239 – 241.

Studnička živej slovenčiny. In: Kultúra slova, 1994, roč. 28, č. 4, s. 227 (k 70. narozeninám A. Habovštíaka).

1995

- Pohľad na slovenskú lexiku z okruhu poľnohospodárstva z historického a sociolingvistického aspektu. In: *Studia Academica Slovaca*. 24. Prednášky XXXI. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania FF UK 1995, s. 69 – 74.
- Štruktúra rozhlasového dialógu. In: *Slovenská reč*, 1995, roč. 60, č. 5 – 6, s. 281 – 288.
- Pripodobnenie človeka k zvieratú v slovenčine. In: *Kultúra slova*, 1995, roč. 29, č. 6, s. 345 – 347.
- Pozdrav jubilujúcemu Jozefovi Nižnanskému. In. *Kultúra slova*, 1995, roč. 29, č. 4, s. 229 – 231 (k 70. narodeninám J. R. Nižnanského).

1996

- Nazvanija seľskochoziajstvennej počvy obrazovannye ot osnovy vyrob- v slovackom jazyke. Prel. Je. N. Ovčinnikova [Ovčinnikovová]. In: *Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija – 1991 – 1993*. Red. V. V. Ivanov. Moskva: Institut russkogo jazyka V. V. Vinogradova Rossiskoj akademii nauk 1996, s. 180 – 186.
- Geograficko-historický pohľad na častice s významom pravdepodobnosti a približnosti. In: *Slovenčina v historickom kontexte. Materiály z konferencie konanej v Nitre 16. – 17. mája 1996*. Red. Ľ. Kralčák. Nitra: Vysoká škola pedagogická 1996, s. 106 – 110.
- Pekná reč zvoní ako zvon. In: *Kultúra slova*, 1996, roč. 30, č. 5, s. 288 – 291.
- Slovenská roľnícka terminológia z historického a sociolingvistického aspektu. In: Zápisník slovenského jazykovedca, 1996, roč. 15, s. 19 – 20 (tézy prednášky konanej dňa 26. 2. 1996 v pobočke Slovenskej jazykovednej spoločnosti pri SAV v Nitre).
- Słowacka terminologia rolnicza w aspekcie historycznym i socjolingwistycznym. In: Sprawozdania z posiedzeń komisji naukowych, 39/2, 1996, s. 18 – 19 (tézy prednášky konanej 12. 12. 1995) v Krakove.
- Zasadnutie Medzinárodnej komisie pre Slovanský jazykový atlas pri Medzinárodnom komitete slavistov. In: *Slavica Slovaca*, 1996, roč. 31, č. 1, s. 85 – 86 (správa o zasadnutí konanom v dňoch 17. – 22. 9. 1995 vo Svätom Štefane, Maďársko; spoluautor P. Žigo).

1997

- Pohyb v slovenskej slovnej zásobe z okruhu poľnohospodárstva po 2. svetovej vojne. In: *Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy. Sociolinguistica Slovaca*. 3. Red. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda 1997, s. 293 – 294.
- Poznámky o niektorých syntaktických javoch v južnostredoslovenských nárečiach. In: *Zborník Spolku vojvodinských slovakistov*. 14 (1992). Red. E. Horák. Nový Sad (Juhoslávia): Spolok vojvodinských slovakistov 1997, s. 17 – 21, srbochorv. a angl. res. s. 22.

O niektorých typoch zloženého príslušku v slovenských nárečiach. In: Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. 45. Red. P. Žigo et al. Bratislava: Univerzita Komenského vo Vydavateľstve UK 1997, s. 183 – 188.

Zdravica Ivorovi Ripkovi na šesťdesiate narodeniny. In: Jazykovedný časopis, 1997, roč. 48, č. 2, s. 141 – 143.

1998

Turčianske a hornonitrianske nárečia. In: Studia Academica Slovaca. 27. Prednášky XXXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania FF UK 1998, s. 186 – 194.

Typy podraďovacích súvetí s podmienkovým vzťahom viet v slovenských nárečiach z porovnávacieho hľadiska. In: Slovenská reč, 1998, roč. 63, č. 3, s. 143 – 157, angl. abstrakt s. 143.

[Diskusné príspevky] In: XI. medzinárodný zjazd slavistov. Bratislava 30. augusta – 8. septembra 1993. Záznamy z diskusie k predneseným referátom. Red. J. Doruľa. Bratislava: Slovenský komitét slavistov – Slavistický kabinet SAV 1998, s. 317, 321, 411, 416, 424, 494, 496 – 498, 596 – 597.

Spomienka na profesora Jozefa Štolca (24. 3. 1980 – 15. 7. 1981). In: Kultúra slova, 1998, roč. 32, č. 2, s. 102 – 103.

K nedožitým 90. narodeninám jazykovedca Jozefa Štolca. Patril medzi skúmateľov dejín slovenských nárečí. In: Slovenská Republika, 24. 3. 1998, s. 10.

1999

Jazykový zemepis a diferencovanosť syntaktických javov. In: Nárečia a národný jazyk. Materiály z medzinárodnej vedeckej konferencie (Budmerice 24. – 26. septembra 1997). Ed. A. Ferencíková. Bratislava: Veda 1999, s. 155 – 160.

Konopa, konopa, zelená konopa... In: Kultúra slova, 1999, roč. 33, č. 5, s. 282 – 289.

Ad multos felicissimosque annos Štefan Vragaš. In: Slovenská reč, 1999, roč. 64, č. 1, s. 51 – 53 (k 70. narodeninám Š. Vragaša).

Predstav. In: Nárečia a národný jazyk. Materiály z medzinárodnej vedeckej konferencie (Budmerice 24. – 26. septembra 1997). Ed. A. Ferencíková. Bratislava: Veda 1999, s. 7 – 8.

2000

Pohľad na slovo *bor* a jeho deriváty z územného aspektu. In: Človek a jeho jazyk. 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Na počest profesora Jána Horeckého. Red. K. Buzássyová. Bratislava: Veda 2000, s. 410 – 416.

Mochovský, nie mochovecký. In: Kultúra slova, 2000, roč. 34, č. 2, s. 119 – 120.

2001

Iloczas śródnowołoszacki i działanie prawa rytmicznego w słowackim języku literackim od czasów Ł. Štúra po najnowsze Zasady pisowni słowac-

kiej. In: *Sprawozdania z posiedzeń Komisji Naukowych PAN, O/Kraków, t. XLV/1 (styczeń – czerwiec)*. Kraków 2001, s. 97 – 100.

Básnik Karol Strmeň v mojej pamäti. In: *Kultúra*, 2001, roč. 4, č. 1, s. 16 – 17, s. 16.

2002

Oslava slovenského slova v Nových Zámkoch. In: *Kultúra slova*, 2002, roč. 36, č. 1, s. 34 – 36.

2003

Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovateľnaja. 8. Professii i obščestvennaja žizň. (Paralelný poľ., fr. a angl. názov.) Red. J. Basara – J. Siatkowski. Warszawa: Institut poľskogo jazyka PAN 2003. ISBN 83-85579-71-0. (spoluautorka).

Slová pätna a patora v slovenčine. In: Život slova v dejinách a jazykových vzťahoch. Na sedemdesiatiny profesora Jána Doruľu. Ed. P. Ženuch. Bratislava: Slavistický kabinet SAV 2003, s. 109 – 112. ISBN 80-968971-0-1.

Poľnohospodárska lexika v Slovanskom jazykovom atlase. In: XIII. medzinárodný zjazd slavistov v Ľubľane. Príspevky slovenských slavistov. Ved. red a ed. J. Doruľa. Bratislava: Slovenský komitét slavistov – Slavistický kabinet SAV 2003, s. 71 – 80. ISBN 80-968971-2-8.

Pomoc areálovej lingvistiky pri výskume motivácie priezvisk alebo Šatan nemusí byť satan. In: Vlastné meno v komunikácii. 15. slovenská onomastická konferencia Bratislava, 6. – 7. septembra 2002. Zborník referátov. Zost. P. Žigo – M. Majtán. 1. vyd. Bratislava: Veda 2003, s. 283 – 288. ISBN 80-224-0791-7.

Seľskochozajstvennaja lexika v Obščeslavianskom lingvističeskom atlase. In: 13. mednarodni slavistični kongres. Zbornik povzetkov. 1. del – Jezikoslovje. Ed. F. Novak. Ljubljana: Mednarodni slavistični komite 2003, s. 225. ISBN 961-6358-80-4.

Spomienka na profesora Jozefa Štolca. In: *Jazykovedný zápisník. Bulletin Slovenskej jazykovednej spoločnosti pri SAV, 1998/1999*, roč. 17/18, s. 18 – 20 (bez vročenia [2003]).

Zdravica Pavlovi Žigovi. In: *Kultúra slova*, 2003, roč. 37, č. 2, s. 85 – 87.

2005

Výskumy kvantity v slovenských nárečiach. In: Kvantita v spisovnej slovenčine a v slovenských nárečiach. Zborník materiálov z vedeckej konferencie konanej 2. – 3. apríla 2001 v Budmericiach. Ed. M. Považaj. Bratislava: Veda 2005, s. 130 – 144. ISBN 80-224-0858-1.

Macedónsko-slovenské paralely v oblasti lexiky z tematického okruhu poľnohospodárstvo. In: Arealna lingvistika – teorii i metodi. Zost. Z. Topolińska a M. Marković. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite 2005, s. 263 – 268. ISBN 9989-101-53-1.

Hrmelo, pršalo a peruň biľi. In: Zo studníc rodnej reči. Zost. K. Balleková – M. Smatana. Bratislava: Veda 2005, s. 25 – 28. ISBN 80-224-0870-0. – Tam-

- že: Prší, prší, len sa leje (s. 29 – 32). – Agáty, Doroty – zavieva ploty (s. 33 – 37). – Pripodobnenie človeka k zvieraťu v slovenčine (s. 116 – 117). – Konopa, konopa, zelená konopa (s. 203 – 209). – Osudy výrazu výrobok v slovenčine (s. 229 – 233). – Pekná reč zvoní ako zvon (s. 247 – 249).
- Máme v slovenčine slovo *patora* a poznáme jeho význam? In: Kultúra slova, 2005, roč. 39, č. 2, s. 93 – 98.
- Studnička živej slovenčiny. In: Zo studnice rodnej reči. Zost. K. Balleková – M. Smatana. Bratislava: Veda 2005, s. 12. ISBN 80-224-0870-0.

2006

- Slovník slovenských nárečí. 2. L – P (povzchádzat). Ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda 2006. 1066 s. ISBN 80-244-0900-6 (spoluautori K. Balleková, Ľ. Dvornická, I. Felixová, A. Košková, G. Múcsková, I. Ripka, M. Smatana). Ref.: 1. Habovštiaková, K.: Slovenský jazyk a literatúra v škole. 2007/2008, roč. 54, č. 3 – 4, s. 190 – 192. – 2. Považaj, M.: Nad druhým zväzkom Slovníka slovenských nárečí. [Slovník slovenských nárečí. II. L – P (povzchádzat)]. Red. I. Ripka. Bratislava: Veda 2006. 1066 s.]. In: Kultúra slova, 2007, roč. 41, č. 4, s. 240 – 244 (rec.). – 3. Habovštiaková, K.: Poklona slovenskej dialektológií. In: Literárny dvojtýždenník, 2007, roč. 20, 17. október 2007, č. 33 – 34, s. 12 (rec.). – 4. Marićová, A.: Nový zväzok nárečového slovníka. In: Slovakistický zborník. 2. Zodp. red. M. Týr. Nový Sad: Slovakistická vojvodinská spoločnosť 2007, s. 180 – 182. ISBN 978-86-83535-75-0 (rec.).
- Leksičeskij atlas russkich narodnych govorov. Probnyj vypusk. Ed. I. A. Popov a T. I. Vendina. Sankt Peterburg: Nauka 2004. 304 s., 36 máp. In: Slavica Slovaca, 2006, roč. 41, č. 2, s. 181 – 184 (rec.).

2007

- Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovateľnaja. Vypusk 6. Domašneje chozajstvo i prigotovlenie pišči. Red. T. I. Vendina. Moskva: Nauka 2007. ISBN 5-02-027157-8. (spoluautorka).
- Názvy odrôd zemiakov v slovenských nárečiach. In: Tradícia v slove, slovo v tradícii (Inšpiratívny Jozef R. Nižnanský). Zost. Ľ. Dvornická – M. Smatana. Bratislava: Veda 2007, s. 23 – 31. ISBN 978-80-224-0983-4.
- Leksičeskij atlas russkich narodnych govorov. Probnyj vypusk. Ed. I. A. Popov – T. Vendina. Sankt Peterburg: Nauka 2004. 304 s. 36 máp. In: Slavica Slovaca, 2006, roč. 41, č. 2, s. 181 – 184 (rec.).
- Otvorenie spomienkovej časti seminára. In: Tradícia v slove, slovo v tradícii (Inšpiratívny Jozef R. Nižnanský). Zost. Ľ. Dvornická – M. Smatana. Bratislava: Veda 2007, s. 85. ISBN 978-80-224-0983-4.
- Pri sedemdesiatke Ivora Ripku. In: Slavica Slovaca, 2007, roč. 42, č. 2, s. 170 – 172.

2008

- Neslovanské výpožičky z tematickej oblasti poľnohospodárstvo v Slovanskom jazykovom atlase. In: XIV. Medzinárodný zjazd slavistov v Ochrilde. Príspevky slovenských slavistov. Ed. P. Žeňuch. Bratislava: Slovenský komi-

tét slavistov – Slavistický ústav Jána Stanislava 2008, s. 27 – 39. ISBN 978-80-968971-9-3.

Slovanský jazykový atlas – obraz prirodzeného vývinu jazyka. In: XVI međunaroden kongres na slavisti. Ochrid, 10-16 septembri 2008. Zbornik na rezimea. I tom. Lingvistika. Red. S. Velkovska. Skopje: Makedonski slavistički komitet 2008, s. 193. ISBN 978-9989-2886-0-9 (spoluautor P. Žigo).

Storočnica jazykovedca profesora Jozefa Štolca (24. 3. 1908 – 15. 7. 1981). In: Kultúra slova, 2008, roč. 42, č. 2, s. 108 – 112.

2009

Obščeslavianskij lingvističeskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovateľnaja. 1. vyd. Vypusk 9. Čelovek. Red. J. Siatkowski – J. Waniakowa. Krakov: Meždunarodnyj komitet slavistov, Komissija Obščeslavianskogo lingvističeskogo atlasa – Poľskaja akademija nauk, Institut poľskogo jazyka, 2009. 218 s. ISBN 978-83-88866-68-5. (spoluautorka)

Spracovanie syntaxe slovenských nárečí metódami jazykového zemepisu. In: Jazykovedné štúdie. 26. História, súčasný stav a perspektívy dialektologického bádania. Ed. G. Múčková. Bratislava: Veda 2009, s. 32 – 40. ISBN 978-80-224-1094-6.

Redakčná činnosť

Kultúra slova, 1986, roč. 20 – 2009, roč. 43 (členka red. rady).

Slavica Slovaca, 2004, roč. 39, č. 2 – 2009, roč. 44 (členka red. rady).

Encyklopédia jazykovedy. Sprac. J. Mistrík s kolektívom autorov. Bratislava: Obzor 1993. 520 s. (členka red. rady).

Slovník slovenských nárečí. 1. A – K. Ved. red. I. Ripka. 1. vyd. Bratislava: Veda 1994. 936 s. (členka redakcie s F. Buffom, J. Nižnanským a I. Ripkom).

Slovník slovenských nárečí. 2. L – P (povzchádzat). Ved. red. I. Ripka. 1. vyd. Bratislava: Veda 2006. 1066 s. (členka redakcie s I. Ripkom).

Nárečia a národný jazyk. Materiály z medzinárodnej vedeckej konferencie (Budmerice 24. – 26. septembra 1997). Bratislava: Veda 1999. 332 s. (editorka).

Ref.: Kováčová, V.: Slovenská reč, 2000, roč. 65, č. 6, s. 334 – 337.

Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 4. ročník. Zost. J. Krpčiar – Ľ. Vavreková. Bratislava: Vyd. MK SR – Mladé letá 1996. 56 s. ISBN 80-06-00697-0 (členka odbornej poroty).

Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 5. ročník. Zost. M. Baloghová. Bratislava: Mladé letá 1997. 80 s. ISBN 80-06-00786-1 (členka odbornej poroty).

Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 6. ročník. Zost. M. Baloghová. Bratislava: Mladé letá 1998. 56 s. ISBN 80-06-00786-1 (členka odbornej poroty).

Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 7. ročník. Zodp. red. D. Števčeková. Bratislava: Národné osvetové centrum 1999. 56 s. ISBN 80-7121-183-4 (členka odbornej poroty).

- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 8. ročník. Zodp. red. Ľ. Kaliská. Bratislava: Národné osvetové centrum 2000. 56 s. ISBN 80-7121-194-X (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 9. ročník. Zodp. red. Ľ. Kaliská. Bratislava: Národné osvetové centrum 2001. 56 s. ISBN 80-7121-209-1 (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 10. ročník. Zost. M. Baloghová. Bratislava: Národné osvetové centrum 2002. 60 s. ISBN 80-7121-217-2 (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 11. ročník. Zost. Ľ. Kaliská. Bratislava: Ofprint 2003. 44 s. ISBN 80-89037-06-2 (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 12. ročník. Zost. D. Števčeková. Bratislava: Ofprint 2004. 50 s. ISBN 80-89037-08-9 (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 13. ročník. Zost. D. Števčeková. Bratislava: Ofprint 2005. 44 s. ISBN 80-89037-17-8 (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 14. ročník. Zost. Ľ. Kaliská. Bratislava: K-PRINT 2006. 46 s. ISBN 80-969512-0-3 (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 15. ročník. Zost. Ľ. Kaliská. Bratislava: K-PRINT 2007. 46 s. ISBN 978-80-969512-1-5 (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 16. ročník. Zost. Ľ. Kaliská. Bratislava: K-PRINT 2008. 46 s. ISBN 978-80-969512-2-2 (členka odbornej poroty).
- Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko. 17. ročník. Zost. Ľ. Kaliská. Bratislava: K-PRINT 2009. 44 s. ISBN 978-80-969512-3-9 (členka odbornej poroty).

Prekladateľská činnosť

- Mladá talianska poézia. In: Mladá tvorba, 1963, roč. 8, s. 6 – 7 (v spolupráci s M. Kováčikom).
- Sanguineti, E.: Situácia v poézii. Beztvará poézia. In: Revue svetovej literatúry, 1966, roč. 2, č. 4, s. 137 – 139.
- Sanguineti, E.: Traumdeutung. In: Revue svetovej literatúry, 1966, roč. 2, č. 4, s. 146 – 156.
- Pirandello, L.: Svadobná noc a iné poviedky. Bratislava: Tatran 1967. 338 s.
- Principe, Q.: Naturalizmus s prekážkami. In: Romboid, 1968, roč. 3, č. 1, s. 34 – 43.
- de Holanda, F.: Rozhovory s Michelangelom. Bratislava: Tatran 1976. 176 s.
- Sardinské a friulské uspávankys. In: Revue svetovej literatúry, 1976, roč. 12, č. 6, s. 125 – 131 (v spolupráci s J. Mihalkovičom).
- Talianiske rozprávky. In: Revue svetovej literatúry, 1977, roč. 13, č. 1, s. 152 – 161.
- Vy jasné, sladké vlny. Antológia talianskej lúbstnej poézie. Zost., úvod a poznámky napísal V. Turčány. Bratislava: Smena 1978. 462 s. (spoluprekladatelia V. Turčány, V. Mihálik, Š. Žáry, G. Hupka).
- Múdra Katarína. Sicílske rozprávky. Bratislava: Mladé letá 1982. 184 s.

- Dardano, M.: Dnešná talianska slovná zásoba. In: Kultúra slova, 1990, roč. 24, s. 201 – 214.
- Eco, U.: Meno ruže. Bratislava: Tatran 1991. 528 s.
- Leoncini, F.: Ďalšia „Venecia“. In: Literárny týždenník, 1996, roč. 11, č. 32, s. 11.
- Eco, U.: Meno ruže. 2. vyd. Bratislava: Slovart 2000. 514 s. ISBN 80-7145-459-1.
- Eco, U.: Meno ruže. Bratislava: Petit Press 2004. (1. vyd. v Petit Press). 598 s. ISBN 80-85585-09-X.

Literatúra

- Oravcová, A.: Autorský register časopisu Slovenská reč 1, 1932/1933 – 50, 1985. Bratislava: Veda 1986 (príl. čas. Slovenská reč, 1986, 51), s. 16, 81 (záznam prác A. Ferenčíkovej uverejnených v r. 1967 – 1984 v Slovenskej reči).
- Ferenčíková Adriana. In: Dvonč, L.: Slovenskí jazykovedci. Súborná personálna bibliografia slovenských slovakistov a slavistov (1925 – 1975). Martin: Matica slovenská 1987, s. 197 – 200 (súpis prác A. Ferenčíkovej za roky 1965 – 1975).
- Dvonč, L.: Súpis prác Adriany Ferenčíkovej za roky 1965 – 1988. In: Slovenská reč, 1990, roč. 50, s. 48 – 52.
- Nižnanský, J.: Jubilantke Adriane Ferenčíkovej. In: Kultúra slova, 1990, roč. 24, s. 30 – 31 (k 50. narodeninám).
- Ripka, I.: Jubileum Adriany Ferenčíkovej. In: Slovenská reč, 1990, roč. 55, s. 45 – 47 (k 50. narodeninám).
- Oravcová, A.: Autorský register časopisu Slovenská reč 51, 1986 – 60, 1995. In: Slovenská reč, 1995, roč. 60, s. 351, 368 (záznam prác A. Ferenčíkovej publikovaných v r. 1992 – 1995 v Slovenskej reči).
- Ferenčíková, Adriana. In: Encyklopédia jazykovedy. Sprac. J. Mistrík s kolektívom autorov. Bratislava: Obzor 1993, s. 137 (heslo).
- Adriana Ferenčíková. In: Dvonč, L.: Slovenskí jazykovedci. Súborná personálna bibliografia slovenských slovakistov a slavistov (1976 – 1985). Bratislava: Veda 1997, s. 135 – 136 (súpis prác A. Ferenčíkovej za roky 1976 – 1984).
- Adriana Ferenčíková. In: Dvonč, L.: Slovenskí jazykovedci. Súborná personálna bibliografia slovenských slovakistov a slavistov (1986 – 1995). Bratislav: Veda 1998, s. 145 – 148 (doplnok k bibliografii A. Ferenčíkovej za roky 1965 – 1975 a súpis prác za roky 1986 – 1995).
- Dvonč, L.: Súpis prác Adriany Ferenčíkovej za roky 1989 – 1999. In: Slovenská reč, 2000, roč. 65, s. 45 – 49.
- Považaj, M.: Jubilujúca Adriana Ferenčíková. In: Kultúra slova, 2000, roč. 34, s. 35 – 38 (k 60. narodeninám).
- Ripka, I.: Zdravica Adriane Ferenčíkovej. In: Slovenská reč, 2000, roč. 65, s. 42 – 45 (k 60. narodeninám).
- Adriana Ferenčíková. In: Dvonč, L.: Slovenskí jazykovedci. Súborná personálna bibliografia slovenských slovakistov a slavistov (1996 – 2000). Bratislava: Veda 2003, s. 106 – 107. ISBN 80-224-0719-4 (súpis prác A. Ferenčíkovej za roky 1996 – 2000).
- Ferenčíková, A. In: Prehľad publikácií z jazykovedy, literárnej vedy, etnológie a história za roky 1998 – 2002 (výber). Ed. P. Žeňuch. Bratislava: Slovenský komitét slavistov – Slavistický kabinet SAV 2003, s. 29 – 30. ISBN 80-968971-1-X.

- Ferenčíková, Adriana, prom. fil., CSc. – lingvistka – Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV. In: Kto je kto v Slovenskej akadémii vied. 2004. Zost. M. Macková. Bratislava: Veda 2004, s. 68. ISBN 80-224-0792-5 (heslo).
- Ferenčíková, Adriana. In: Encyclopaedia Beliana. 4. zv. Eh – Gala. Bratislava: Encyklopédický ústav Slovenskej akadémie vied – Veda 2005, s. 364. ISBN 80-224-0847-6 (heslo).
- Adriana Ferenčíková. In: Behýlová, J. – Smetanová, Y.: Slovenskí jazykovedci. Súborná personálna bibliografia slovenských slovakistov a slavistov (2001 – 2005). Bratislava: Veda 2009, s. 97 – 99 (súpis prác A. Ferenčíkovej za roky 2001 – 2005).

J A Z Y K O V E D N É

Š T Ú D I E XXVIII

Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie

Editorka

Mgr. Katarína Balleková, PhD.

Obálka

Jozef Michaláč

Zodpovedná redaktorka vydavateľstva VEDA

Mgr. Ľubica Suballyová, PhD.

Technický redaktor

Mgr. Vladimír Radík

Prvé vydanie
Vydala VEDA,
vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, v Bratislave
v roku 2010
ako svoju 3855. publikáciu
z tlačových podkladov
Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV.
392 strán.
Náklad 300 výtlačkov.

ISBN 978-80-224-1171-4